This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

NABLÎUDATEL'

Missing vol.6, no.3, pp.111-112

Библіотека Собранія

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ПЯТКОВСКАГО.

ЦЪ VI. МАРТЪ. 1887 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр

. Загородная прогулка. Эскизъ **І. І. Ясинскаго.** (**Максима Бѣлинскаго**) 5
. „Разскажи"... Стихотвореніе **Л. И. Пальмина.** 15
. Вольные и невольные слуги московскихъ государей. **В. И. Сергѣевича.** *(Окончаніе).* 17
. Безвозвратно. Разсказъ **Остоя.** 39
. Безсиліе сильнаго. Стихотвореніе **П. В. Быкова** 67
. Дѣдкина жена. (Этюдъ съ натуры). **Б. Махрова.** 69
. Семья богатырей. Романъ **Вас. Ив. Немировича-Данченко.** *(Продолженіе)* 93
. Герои легкой наживы. (Les reins cassés). Романъ **Эрнеста Додэ.** *(Продолженіе)* 126
. Волкъ въ овечьей шкурѣ. Очеркъ. **К. В. Назарьевой.** *(Окончаніе).* 176
. Невѣста Нила. Романъ **Георга Зберса** 200
. Паспортная система въ Россіи. **Л. Ляховецкаго.** *(Окончаніе).* 263
. Письма изъ Флориды. **А. П.** *(Окончаніе).* 282
. Жизнь для другихъ. Романъ **П. Гейзе.** 298
. Свѣтильникъ. Стихотвореніе **К. Фофанова.** 326

(см. на оборотѣ).

Современное Обозрѣніе.

XV. Русская драма на новомъ пути. **Евгенія Гаршина** . . . . . ст

XVI. Очерки иностранной литературы. **В. З.** . . . . . .

Бѣдность новыхъ произведеній въ новомъ году.—Развивается ли творческая фантазія въ смутную эпоху? — Снисходительность французской критики.— Успѣхъ изъ уваженія къ автору.—Новая драма Ренана.—Теорія предсмертной любви.—Альфонсъ Додэ и его „Нума Руместанъ".—Виноватъ ли югъ въ томъ, что мужья обманываютъ своихъ женъ?—Женскій вопросъ въ комедіяхъ Дюма.—Паденіе Жоржа Оне и его драмы.—Послѣдній романъ Гюи-де-Мопассана. — „Андрэ Корнелисъ" и роль Поля Бурже въ современной литературѣ.—Романы Банъера, Сима, Тудуза.—Кто такой Герве, и почему его избрали членомъ академіи?—Максимъ Дюканъ и герцогъ Ноайль.—Воспитаніе женщинъ посредствомъ женщинъ.—Роль англійской женщины въ женскомъ вопросѣ.—Исторія Мери Годвинъ.—Книга американскаго писателя объ умственномъ развитіи человѣчества.—Свобода мысли въ трехъ стадіяхъ ея развитія.—Гуманизмъ, энциклопедизмъ и журнализмъ.

XVII. Политическая хроника 2

Революція въ Болгаріи.—Возстаніе въ Силистріи и Рущукѣ.—Междоусобная война и казнь инсургентовъ.—Европейская печать, прославляющая энергію регентовъ.—Долготерпѣніе Россіи.—Смерть майоровъ Узунова и Попова.— Русская печать о болгарскихъ убійствахъ.—Терроръ въ Болгаріи —Что же будетъ дальше? — Избирательная кампанія Бисмарка.—Запугиваніе войною. — Протестъ Эльзасъ-Лотарингіи.—Сѣятель смутъ въ Европѣ.—Принятіе рейхстагомъ закона о сентенатѣ.—Прочна ли бисмарковская политика?—Двуличная роль Турціи.—Новый патріархъ. — Порта между двухъ огней. — Воинственная Австрія и вѣковая исторія ея предательствъ по отношенію къ Россіи. — Возможенъ ли союзъ между этими державами? — Полемика объ этомъ союзѣ. — Англійскія продѣлки. — Отчего падаетъ нашъ курсъ? — Лига мира, направленная противъ Россіи. — Антирусская, но не національная политика Италіи.—Федерація романскихъ племенъ.—Женскій вопросъ въ Америкѣ.

XVIII. Новыя книги: 1) **Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія.** *Александра Барсукова.* Спб. 1887. 2) **Стихотворенія Константина Фофанова** (1880—1887). Спб. 1887. 3) **Мысли и чувству.** Сборникъ стихотвореній современныхъ русскихъ поэтовъ. Москва. 1887. 4

XIX. Наши внутреннія дѣла 4

Идиллія и ничегонедѣланіе. — Мировые судьи и указъ сената. — Вызванныя имъ откровенія.—Изобиліе надзоровъ и возможность ихъ утилизированія.— Черниговскій циркуляръ.—Въ чемъ „сила власти"?—Финансовые рецепты.— Винная монополія и „мадерные исторіографы".—Что такое наше пьянство и откуда оно взялось?—Идеалисты, „мошенники печати" и попугаи.—Инсинуаціи мадеры на „отвратительную сивуху" и ихъ подкладка. — 1863 годъ и крутой поворотъ въ питейной политикѣ.—Искусственная дороговизна вина.— Стачки монополистовъ и нашъ кабакъ.—Борьба его съ государствомъ.—Какимъ путемъ кабачникъ сдѣлался „честнымъ маклеромъ" и кулакомъ?—Дельбрюкъ и „питье по телеграфу".—Превращеніе кабачника-кулака въ крупнаго воротилу.

XX. Фонографъ (фельетонъ „**Наблюдателя**"). Еврейскія мелодіи **Не-Пушкина.** 7

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ.

Главная контора проситъ *тѣ, подписчиковъ, не выславшихъ* при под*писке полностью* **перваго взноса** (6 р.), не замедлить досылкою недо*стающихъ денегъ*, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, произойдет *задержка въ высылкѣ* имъ *апрѣльской книги* журнала.

ПЕРМСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ПЕРМСКАЯ
Центральная Библио
имени Максима Горьк
№ 255.939.
у. 2 р 25 к. 19
1943

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

№ 3. МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.
1887.

Типографія и хромолитографія А. Траншеля. Стремянная, № 12.

МР74

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1887 ГОДУ (ГОДЪ ШЕСТОЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: *Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, Ф. А. Андреевъ, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Бажинъ, В. П. Безобразовъ, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій.* (Буква), *П. И. Вейнбергъ, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ, (Г*), д-ръ А. С. Виренїусъ, графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, М. Г. Гребенщиковъ, проф. В. П. Даневскій, И. Н. Денисовъ, баронъ А. Г. Жомини, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, А. В. Круловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лытневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, А. И. Орловъ, Л. И. Пальминъ, Я. Л. Паперъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, Н. Флеровскій, Е. В. Чешихинъ, В. В. Чуйко* и др.

„*Наблюдатель*“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25-ти до 30 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		**За полгода.**	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	7 р. 50.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи.	8 р.
Съ пересылкою за границу. . .	16 р.	Съ пересылкою за границу. .	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе **17 р. с.**, получатъ, кромѣ годоваго экземпляра *Наблюдателя*: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**, изд. ред., въ которомъ помѣщены *три* романа: **Баккалавръ**, *Жюля Валлеса*; **Фостэнъ**, *Э. Гонкура*, и **Эгоистъ**, *Вернера*. 2) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Ф. Шпильгагена* и 3) **Сераписъ**, *Г. Эберса*. Всѣ эти романы въ отдѣльной продажѣ стоютъ **4 руб. 50 коп.**

Разсрочка платы допускается: для гг. служащихъ—за поручительствомъ казначеевъ, а для неслужащихъ—по особому соглашенію съ Главною Конторою, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою.	6 р.	5 р.	3 р.
Съ пересылкою за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

STANFORD UNIVERSITY
STACKS
SEP 20 1974

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, № 5). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной *Конторѣ журнала*

250
27

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать пять семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*, при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 20 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами*. Рукописи, принятыя *безъ назначенія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по усмотрѣнію редакціи. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 часовъ пополудни, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ:* **20 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Современное Обозрѣніе.

XV. Русская драма на новомъ пути. **Евгенія Гаршина** 1

XVI. Очерки иностранной литературы. **В. З.** 1

Бѣдность новыхъ произведеній въ новомъ году.—Развивается ли творческая фантазія въ смутную эпоху? — Снисходительность французской критики.— Успѣхъ изъ уваженія къ автору.—Новая драма Ренана.—Теорія предсмертной любви.—Альфонсъ Додэ и его „Нума Руместанъ".—Виноватъ ли югъ въ томъ, что мужья обманываютъ своихъ женъ?—Женскій вопросъ въ комедіяхъ Дюма.—Паденіе Жоржа Оне и его драмы.—Послѣдній романъ Гюи-де-Мопассана. — „Андрэ Корнелисъ" и роль Поля Бурже въ современной литературѣ.—Романы Баньера, Симя, Тудуза.—Кто такой Герве, и почему его избрали членомъ академіи?—Максимъ Дюканъ и герцогъ Ноайль.—Воспитаніе женщинъ посредствомъ женщинъ.—Роль англійской женщины въ женскомъ вопросѣ.—Исторія Мери Годвинъ.—Книга американскаго писателя объ умственномъ развитіи человѣчества.—Свобода мысли въ трехъ стадіяхъ ея развитія.—Гуманизмъ, энциклопедизмъ и журнализмъ.

XVII. Политическая хроника 2

Революція въ Болгаріи.—Возстаніе въ Силистріи и Рущукѣ.—Междоусобная война и казнь инсургентовъ.—Европейская печать, прославляющая энергію регентовъ.—Долготерпѣніе Россіи.—Смерть майоровъ Узунова и Попова.— Русская печать о болгарскихъ убійствахъ.—Терроръ въ Болгаріи —Что же будетъ дальше? — Избирательная кампанія Бисмарка.—Запугиваніе войною. — Протестъ Эльзасъ-Лотарингіи.—Сѣятель смутъ въ Европѣ.—Принятіе рейхстагомъ закона о сентенатѣ.—Прочна ли бисмарковская политика?—Двуличная роль Турціи.—Новый патріархъ. — Порта между двухъ огней. — Воинственная Австрія и вѣковая исторія ея предательствъ по отношенію къ Россіи. — Возможенъ ли союзъ между этими державами? — Полемика объ этомъ союзѣ. — Англійскія продѣлки. — Отчего падаетъ нашъ курсъ? — Лига мира, направленная противъ Россіи. — Антирусская, но не національная политика Италіи.—Федерація романскихъ племенъ.—Женскій вопросъ въ Америкѣ.

XVIII. Новыя книги: 1) **Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія.** *Александра Барсукова.* Спб. 1887. 2) **Стихотворенія Константина Фофанова** (1880—1887). Спб. 1887. 3) **Мысли и чувству.** Сборникъ стихотвореній современныхъ русскихъ поэтовъ. Москва. 1887. 4

XIX. Наши внутреннія дѣла 4

Идиллія и ничегонедѣланіе. — Мировые судьи и указъ сената. — Вызванныя имъ откровенія.—Изобиліе надзоровъ и возможность ихъ утилизированія.— Черниговскій циркуляръ.—Въ чемъ „сила власти"?—Финансовые рецепты.— Винная монополія и „мадерные исторіографы".—Что такое наше пьянство и откуда оно взялось?—Идеалисты, „мошенники печати" и попутав.—Инсинуаціи мадеры на „отвратительную сивуху" и ихъ подкладка. — 1863 годъ и крутой поворотъ въ питейной политикѣ.—Искусственная дороговизна вина.— Стачки монополистовъ и нашъ кабакъ.—Борьба его съ государствомъ.—Какимъ путемъ кабачикъ сдѣлался „честнымъ маклеромъ" и кулакомъ?—Дельбрюкъ и „питье по телеграфу".—Превращеніе кабачика-кулака въ крупнаго воротилу.

XX. Фонографъ (фельетонъ „**Наблюдателя**"). Еврейскія мелодіи **Не-Пушкина.** 7

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ.

Главная контора проситъ *гг. подписчиковъ, не выславшихъ* при подпискѣ *полностью* **перваго взноса** (6 р.), не замедлить досылкою недостающихъ денегъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, произойдетъ *задержка въ высылкѣ имъ апрѣльской книги* журнала.

ПЕРМСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА ПОВРЕМІЯ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ПЕРМСКАЯ
Центральная Библиот
имени Максима Горьк
№ 255-939
у. 2 р 25 к. 19
1943

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

№ 3. МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.
1887.

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ. СТРЕМЯННАЯ, № 12.

ПР74

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1887 ГОДУ (ГОДЪ ШЕСТОЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: *Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, Ф. А. Андреевъ, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Бажинъ, В. П. Безобразовъ, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій.* (Буква), *П. И. Вейнбергъ, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ, (Г*), д-ръ А. С. Виренiусъ, графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, М. Г. Гребенщиковъ, проф. В. П. Даневскій, И. Н. Денисовъ, баронъ А. Г. Жомини, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, А. И. Орловъ, Л. И. Пальминъ, Я. Л. Паперъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, Н. Флеровскій, Е. В. Чешихинъ, В. В. Чуйко* и др.

„*Наблюдатель*“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25-ти до 30 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода.	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	7 р. 50.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу	16 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе **17 р. с.**, получаютъ, кромѣ годоваго экземпляра *Наблюдателя*: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**, изд. ред., въ которомъ помѣщены *три* романа: **Баккалавръ**, *Жюля Валлеса*; **Фостэнъ**, *Э. Гонкура*, и **Эгоистъ**, *Вернера*. 2) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Ф. Шпильгагена* и 3) **Сераписъ**, *Г. Эберса*. Всѣ эти романы въ отдѣльной продажѣ стоютъ **4 руб. 50 коп.**

Разсрочка платы допускается: для гг. служащихъ—за поручительствомъ казначеевъ, а для неслужащихъ—по особому соглашенію съ Главною Конторою, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала

UNIVERSITY
STACKS
FEB 20 1974
AP50

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать пять семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*, при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 20 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами*. Рукописи, принятыя *безъ назначенія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по усмотрѣнію редакціи. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 часовъ пополудни, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ:* **20 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

ВЪ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ:

1) **Баккалавръ**, *Жюля Валлеса.*
2) **Фостэнъ**, *Э. Гонкура.*
3) **Эгоистъ**, *Вернера.*

} въ одномъ томѣ. 2 р.

4) **Гансъ-Филинъ**, *Ф. Шпильгагена.* Одинъ томъ, 1 р. 50 к.
5) **Утѣха жизни**, *Э. Золя.* Одинъ томъ. 1 р.
6) **Сераписъ**, *Георга Эберса.* Одинъ томъ. 1 р.

На пересылку каждой книги прилагается марками 21 к. Для подписчиковъ всѣ эти книги высылаются за *четыре* руб.

Кромѣ поименованныхъ романовъ, въ конторѣ имѣются на складѣ, въ небольшомъ количествѣ, слѣдующія книги, составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость:

1) Сочиненія *Д. В. Веневитинова.* Изд. 3-е, съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.
2) *Князь В. Ѳ. Одоевскій.* Литературно-біографическій очеркъ, съ портретомъ. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

ЗАГОРОДНАЯ ПРОГУЛКА.

Эскизъ.

Въ розовомъ прозрачномъ облакѣ пыли, недвижно стоявшемъ въ просѣкѣ межъ темныхъ дубовъ и пронизанномъ лучами еще высокаго солнца, черной точкой мелькнулъ экипажъ. Точка росла, экипажъ приближался—уже ясно можно было различить, что запряженъ онъ парою вороныхъ коней. Пожилой, тучный священникъ стоялъ на крылечкѣ своего домика, бѣлѣвшагося у самой опушки лѣса, и, держа руку надъ глазами, съ недоумѣніемъ смотрѣлъ вдаль, на дорогу, по которой двигался экипажъ. „Неужели это никольскій архимандритъ?“ думалъ онъ. „Нѣтъ, не можетъ быть. Тотъ всегда утромъ ѣздитъ въ свой монастырь, и ужь, должно быть, проѣхалъ наше Дебрище въ часъ дня. Это кто нибудь изъ городскихъ“.

Экипажъ подъѣзжалъ все ближе. Толстый кучеръ былъ одѣтъ въ парусинный армякъ. Мѣдныя бляхи упряжи сверкали на солнцѣ. Слышался рессорный стукъ красиваго голубаго фаэтона. Огромный мужчина въ сѣромъ костюмѣ и низенькой соломенной шляпѣ курилъ сигару, откинувшись на подушки экипажа. Возлѣ него, вся въ блѣдно-палевой кисеѣ, молоденькая и хорошенькая, сидѣла дѣвушка или очень молодая дама. Въ рукѣ, по локоть въ перчаткѣ, держала она черный вѣеръ и защищалась имъ отъ солнца.

„Гм! Кто же это такіе?“ вопрошалъ себя священникъ, не отрывая глазъ отъ фаэтона.

Экипажъ выѣхалъ изъ лѣсной просѣки, спустился по желтому глинистому откосу, противъ священническаго домика, и священникъ съ тревогой подумалъ: „Да неужели ко мнѣ? Вѣнчаться, можетъ быть? Не романъ ли какой? Вотъ

какъ въ прошломъ году... Мнѣ тогда досталось отъ архіерея. Нѣтъ, ужь теперь ни за что не повѣнчаю безъ документовъ, хоть бы тысячу отсыпали!“

Фаэтонъ проѣхалъ мимо усадьбы священника. Огромный мужчина носилъ рыжую подстриженную бороду; его голубые глаза были „на выкатѣ“. Молоденькая дама — смуглянка съ длинными, какъ смоль, черными рѣсницами и красиво очерченнымъ алымъ ртомъ. Въ фаэтонѣ лежали въ передкѣ кульки. Ноги рыжаго мужчины были вытянуты и, очевидно, имъ было тѣсно въ экипажѣ. Священникъ пристально смотрѣлъ на ѣдущихъ; но они не обратили на него вниманія. „Нѣтъ, не ко мнѣ“, рѣшилъ онъ, и сѣлъ на крылечкѣ, въ тѣнь. Ему подали чай, онъ сталъ прихлебывать изъ стакана, съ разочарованіемъ думая о промелькнувшемъ блестящемъ экипажѣ.

Вдругъ опять послышался стукъ этого экипажа, и заинтригованный священникъ поднялся съ мѣста: фаэтонъ ѣхалъ назадъ. Рыжій мужчина сидѣлъ все въ той же позѣ съ вытянутыми длинными ногами и курилъ сигару съ самодовольной улыбкой на жирномъ, глупомъ лицѣ. Молоденькая дама пытливо смотрѣла на домикъ священника и, увидѣвъ самого священника, обрадовалась. Она сдѣлала въ его сторону движеніе вѣеромъ, сказавши что-то своему спутнику. Тотъ кивнулъ головой. Лошади остановились возлѣ низенькихъ воротъ усадьбы.

Священникъ торопливо направился къ калиткѣ и по дорогѣ услышалъ застѣнчивый женскій голосъ:

— Отецъ Михаилъ?

— Я самый, отвѣчалъ священникъ, показываясь за воротами.—А что вамъ надо?

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Вамъ что же?..

— Намъ... начала дама.

— Ви естъ попъ? спросилъ длинноногій рыжій гигантъ, не вынимая сигары изо рта.

— Да, я здѣшній священникъ, какъ видите.

— У васъ на лобъ не написанъ. Всеки пономаръ естъ дви капли попъ.

Священникъ промолчалъ.

— Намъ, видите ли, нужно... опять начала молодень-

кая дама: — Скажите, пожалуйста, вы можете указать намъ могилку ребенка, который умеръ на прошлой недѣлѣ? Мы вамъ будемъ очень благодарны, если вы... И потомъ, я хотѣла бы панихидку... знаете, это слѣдуетъ... Будьте такъ добры, отецъ Михаилъ!

— Отецъ! Всеки попъ называютъ отецъ. Mein Gott! Какой народъ! проворчалъ нѣмецъ, улыбаясь.

— Какого ребенка? сказалъ священникъ, вѣжливо пожимая плечами:—на прошлой недѣлѣ въ моемъ приходѣ умерло четверо дѣтей...

— Изъ города, отвѣчала молоденькая дама и, опустивъ рѣсницы, покраснѣла густымъ румянцемъ.

— А! Но все таки мнѣ затруднительно вспомнить... Ихъ много, могилокъ... Не я вѣдь копаю могилки. А позвольте узнать, у кого на воспитаніи былъ ребенокъ?

— У солдатки... у Катерины...

— Такъ вотъ лучше всего спросить Катерину. Она можетъ точно указать. Митрій! Поди, покличь Катерину. Скажи, батюшка требуетъ. Живо!

Когда работникъ ушелъ, священникъ пояснилъ:

— Она здѣсь близко живетъ. Напрасно только отдавали ей. У Катерины дѣти мрутъ, какъ мухи. Впрочемъ, она богобоязненная женщина. Вообще, все наше Дебрище промышляетъ этимъ. Случается, что и выживаютъ. Вотъ недавно сиротку одну въ тюрьму посадили. Хорошенькая, породы деликатной. Семнадцать лѣтъ ей ужь было. Пошла въ городъ масло продавать, а тамъ ей кто-то и скажи: вонъ твоя мама въ лавку въ каретѣ пріѣхала. Она сейчасъ къ этой барынѣ, да давай ее ругать, да грязью въ нее. Просто съ ума сошла. Барыня поблѣднѣла, молчитъ. Само собою, тутъ полиція. Составили протоколъ, мировой и присудилъ. Барыня, конечно, отрекается. А все таки срамъ. Не соблаговолите ли выйти, пока что, изъ экипажа?

— Благодарю васъ, мы здѣсь подождемъ, произнесла дама, которая, слушая священника, грызла кружева вѣера маленькими хорошенькими зубками.

— Чайку бы стаканчикъ?

— Нѣтъ, очень благодарны!

ВЪ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ:

1) **Баккалавръ**, *Жюля Валлеса.*
2) **Фостэнъ**, *Э. Гонкура.*
3) **Эгоистъ**, *Вернера.*

} въ одномъ томѣ. 2 р.

4) **Гансъ-Филинъ**, *Ф. Шпильгагена.* Одинъ томъ, 1 р. 50 к.
5) **Утѣха жизни**, *Э. Золя.* Одинъ томъ. 1 р.
6) **Сераписъ**, *Георга Эберса.* Одинъ томъ. 1 р.

На пересылку каждой книги прилагается марками 21 к. Для подписчиковъ всѣ эти книги высылаются за *четыре* руб.

Кромѣ поименованныхъ романовъ, въ конторѣ имѣются на складѣ, въ небольшомъ количествѣ, слѣдующія книги, составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость:

1) Сочиненія *Д. В. Веневитинова.* Изд. 3-е, съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.
2) *Князь В. Ѳ. Одоевскій.* Литературно-біографическій очеркъ, съ портретомъ. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

ЗАГОРОДНАЯ ПРОГУЛКА.

Эскизъ.

Въ розовомъ прозрачномъ облакѣ пыли, недвижно стоявшемъ въ просѣкѣ межъ темныхъ дубовъ и пронизанномъ лучами еще высокаго солнца, черной точкой мелькнулъ экипажъ. Точка росла, экипажъ приближался—уже ясно можно было различить, что запряженъ онъ парою вороныхъ коней. Пожилой, тучный священникъ стоялъ на крылечкѣ своего домика, бѣлѣвшагося у самой опушки лѣса, и, держа руку надъ глазами, съ недоумѣніемъ смотрѣлъ вдаль, на дорогу, по которой двигался экипажъ. „Неужели это никольскій архимандритъ?“ думалъ онъ. „Нѣтъ, не можетъ быть. Тотъ всегда утромъ ѣздитъ въ свой монастырь, и ужь, должно быть, проѣхалъ наше Дебрище въ часъ дня. Это кто нибудь изъ городскихъ“.

Экипажъ подъѣзжалъ все ближе. Толстый кучеръ былъ одѣтъ въ парусинный армякъ. Мѣдныя бляхи упряжи сверкали на солнцѣ. Слышался рессорный стукъ красиваго голубаго фаэтона. Огромный мужчина въ сѣромъ костюмѣ и низенькой соломенной шляпѣ курилъ сигару, откинувшись на подушки экипажа. Возлѣ него, вся въ блѣдно-палевой кисеѣ, молоденькая и хорошенькая, сидѣла дѣвушка или очень молодая дама. Въ рукѣ, по локоть въ перчаткѣ, держала она черный вѣеръ и защищалась имъ отъ солнца.

„Гм! Кто же это такіе?“ вопрошалъ себя священникъ, не отрывая глазъ отъ фаэтона.

Экипажъ выѣхалъ изъ лѣсной просѣки, спустился по желтому глинистому откосу, противъ священническаго домика, и священникъ съ тревогой подумалъ: „Да неужели ко мнѣ? *Вѣнчаться, можетъ* быть? Не романъ ли какой? Вотъ

какъ въ прошломъ году... Мнѣ тогда досталось отъ архіерея. Нѣтъ, ужь теперь ни за что не повѣнчаю безъ документовъ, хоть бы тысячу отсыпали!"

Фаэтонъ проѣхалъ мимо усадьбы священника. Огромный мужчина носилъ рыжую подстриженную бороду; его голубые глаза были „на выкатѣ". Молоденькая дама — смуглянка съ длинными, какъ смоль, черными рѣсницами и красиво очерченнымъ алымъ ртомъ. Въ фаэтонѣ лежали въ передкѣ кульки. Ноги рыжаго мужчины были вытянуты и, очевидно, имъ было тѣсно въ экипажѣ. Священникъ пристально смотрѣлъ на ѣдущихъ; но они не обратили на него вниманія. „Нѣтъ, не ко мнѣ", рѣшилъ онъ, и сѣлъ на крылечкѣ, въ тѣнь. Ему подали чай, онъ сталъ прихлебывать изъ стакана, съ разочарованіемъ думая о промелькнувшемъ блестящемъ экипажѣ.

Вдругъ опять послышался стукъ этого экипажа, и заинтригованный священникъ поднялся съ мѣста: фаэтонъ ѣхалъ назадъ. Рыжій мужчина сидѣлъ все въ той же позѣ съ вытянутыми длинными ногами и курилъ сигару съ самодовольной улыбкой на жирномъ, глупомъ лицѣ. Молоденькая дама пытливо смотрѣла на домикъ священника и, увидѣвъ самого священника, обрадовалась. Она сдѣлала въ его сторону движеніе вѣеромъ, сказавши что-то своему спутнику. Тотъ кивнулъ головой. Лошади остановились возлѣ низенькихъ воротъ усадьбы.

Священникъ торопливо направился къ калиткѣ и по дорогѣ услышалъ застѣнчивый женскій голосъ:

— Отецъ Михаилъ?

— Я самый, отвѣчалъ священникъ, показываясь за воротами.—А что вамъ надо?

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Вамъ что же?..

— Намъ... начала дама.

— Ви есть попъ? спросилъ длинноногій рыжій гигантъ, не вынимая сигары изо рта.

— Да, я здѣшній священникъ, какъ видите.

— У васъ на лобъ не написанъ. Всеки пономаръ есть дви капли попъ.

Священникъ промолчалъ.

— Намъ, видите ли, нужно... опять начала молодень-

кая дама: — Скажите, пожалуйста, вы можете указать намъ могилку ребенка, который умеръ на прошлой недѣлѣ? Мы вамъ будемъ очень благодарны, если вы... И потомъ, я хотѣла бы панихидку... знаете, это слѣдуетъ... Будьте такъ добры, отецъ Михаилъ!

— Отецъ! Всеки попъ называютъ отецъ. Mein Gott! Какой народъ! проворчалъ нѣмецъ, улыбаясь.

— Какого ребенка? сказалъ священникъ, вѣжливо пожимая плечами:—на прошлой недѣлѣ въ моемъ приходѣ умерло четверо дѣтей...

— Изъ города, отвѣчала молоденькая дама и, опустивъ рѣсницы, покраснѣла густымъ румянцемъ.

— А! Но все таки мнѣ затруднительно вспомнить... Ихъ много, могилокъ... Не я вѣдь копаю могилки. А позвольте узнать, у кого на воспитаніи былъ ребенокъ?

— У солдатки... у Катерины...

— Такъ вотъ лучше всего спросить Катерину. Она можетъ точно указать. Митрій! Поди, покличь Катерину. Скажи, батюшка требуетъ. Живо!

Когда работникъ ушелъ, священникъ пояснилъ:

— Она здѣсь близко живетъ. Напрасно только отдавали ей. У Катерины дѣти мрутъ, какъ мухи. Впрочемъ, она богобоязненная женщина. Вообще, все наше Дебрище промышляетъ этимъ. Случается, что и выживаютъ. Вотъ недавно сиротку одну въ тюрьму посадили. Хорошенькая, породы деликатной. Семнадцать лѣтъ ей ужь было. Пошла въ городъ масло продавать, а тамъ ей кто-то и скажи: вонъ твоя мама въ лавку въ каретѣ пріѣхала. Она сейчасъ къ этой барынѣ, да давай ее ругать, да грязью въ нее. Просто съ ума сошла. Барыня поблѣднѣла, молчитъ. Само собою, тутъ полиція. Составили протоколъ, мировой и присудилъ. Барыня, конечно, отрекается. А все таки срамъ. Не соблаговолите ли выйти, пока что, изъ экипажа?

— Благодарю васъ, мы здѣсь подождемъ, произнесла дама, которая, слушая священника, грызла кружева вѣера маленькими хорошенькими зубками.

— Чайку бы стаканчикъ?

— Нѣтъ, очень благодарны!

— Ви ресторанъ держійтъ? освѣдомился рыжій гигантъ, насасывая сигару толстыми румяными губами.

Священникъ опять ничего не отвѣтилъ на новую глупость. Посмотрѣвъ вдоль по улицѣ, онъ сказалъ хорошенькой дамѣ:

— Катерина сейчасъ должна быть. Такъ вамъ угодно панихидку? Хорошо. Я пойду, приготовлюсь.

— Много кушайтъ—отъ этого тольстый, долетѣло до ушей уходящаго священника. Дама засмѣялась звонкимъ, безпечнымъ смѣхомъ—точно ребенокъ.

— Охота вамъ, папа, приглашать, кого попало! сказала вышедшая на крылечко полная дѣвушка въ сарафанѣ и въ золотыхъ очкахъ. Она была курсистка и въ рукѣ держала книгу.

— Много ты знаешь! шопотомъ возразилъ о. Михаилъ.

— Я знаю, что это пивоваръ Миллеръ. Я его дочь учила. Онъ семейный. А это, должно быть, совсѣмъ не его родственница... Этотъ Миллеръ—ужасная дрянь! Вотъ ужь...— она хотѣла придумать какое нибудь болѣе сильное выраженіе, но не могла и повторила:—дрянь!

— Да ну, не кричи! То-то—не важныя, значитъ, птицы. Я самъ, братъ, вижу... А панихидку имъ отслужу—обязанность.

Онъ скрылся за дверью. Курсистка смотрѣла на фаэтонъ, который до половины виднѣлся изъ-за низенькаго плетня, обросшаго хмѣлемъ. Лицу она придала строгое выраженіе. Молоденькая дама почувствовала на себѣ ея взглядъ и покраснѣла. Длинноногій пивоваръ разстегнулъ пиджакъ. Онъ отдувался и произносилъ:

— Фу! невиносимый климатъ!

Черезъ нѣкоторое время онъ сталъ кричать, прыская со смѣху:

— Катерина! Катерина!

Курсистка сдѣлала презрительную гримасу и, спустившись съ крылечка, ушла въ вишневый садикъ, находившійся сейчасъ за домомъ. Тамъ она погрузилась въ книгу, но до ея ушей еще долго долетало:

— Катерина! Катерина!

Наконецъ пришла Катерина—высокая чахоточная женщина *съ растянутыми* блѣдными губами и больнымъ взгля-

домъ блестящихъ глазъ. Она поклонилась; молоденькая дама спросила ее:

— Ты приходила ко мнѣ въ среду?

— Умерла, умерла ваша дѣвочка! съ убѣжденіемъ сказала Катерина.

— Меня не было дома, продолжала дама.

— Да, кому какъ Богъ дастъ! Вонъ у Ковалихи живутъ. Въ кипяткѣ дѣтей варитъ, а ничего. Ну, а я же пуще глаза берегу—Боже ты мой!

Вышелъ священникъ въ шляпѣ и люстриновой рясѣ. Онъ приказалъ Катеринѣ идти на кладбище и по дорогѣ позвать дьячка да мужика, который звонитъ за пономаря. Молоденькая дама уступила ему мѣсто въ фаэтонѣ, а сама хотѣла сѣсть на передней скамейкѣ, и стала отодвигать въ сторону кульки. Пивоваръ посадилъ ее къ себѣ на колѣни. Священникъ искоса посмотрѣлъ на граціозную фигурку сконфуженной дамы, которая улыбалась, и ему стало неловко. „Надо было пѣшкомъ пойти“, подумалъ онъ, не смѣя оглянуться, чтобы не встрѣтить холоднаго блеска золотыхъ очковъ своей строгой дочери.

Фаэтонъ покатилъ.

— Ми себѣ отискали отецъ, сказалъ Миллеръ и захохоталъ.—Ми есть синъ и дочь. Охъ, охъ, охъ! Wie komisch!

Легкій вѣтерокъ дулъ на встрѣчу, и душистая кружевная накидка по временамъ нѣжно била священника по волосатому красному лицу. Онъ видѣлъ смуглое, до половины повернутое къ нему, личико дамы, маленькое, круглое, и черныя косы, короткія, но очень толстыя, съ шолковыми лентами, разметавшіяся по гибкой дѣтской спинкѣ. „Кто она такая? Или кто она была такая?“ спрашивалъ себя о. Михаилъ, заглядываясь невольно на сосѣдку, которая вся была выдвинута впередъ. „Бѣдное дитя какое нибудь? А какъ одѣта! Посмотришь—аристократка. Глаза, какъ звѣзды... Господи, помилуй и прости насъ!“

Фаэтонъ подкатилъ къ церковной оградѣ.

— Надо вставайтъ? Ви будетъ кричайтъ? спросилъ нѣмецъ.

— Помолимся, какъ умѣемъ, сказалъ священникъ, вылѣзая изъ экипажа.

Хорошенькая дама выскочила, какъ перышко. Миллеръ,

флегматично посмѣиваясь, поднялъ свои ноги и тоже вышелъ изъ фаэтона. Онъ стоялъ, слегка раскачиваясь и разминаясь, и смотрѣлъ, съ сигарой въ зубахъ, на церковь.

— Какъ естъ именно мэра високости зданія? серьезно спросилъ онъ.

— Богъ ее знаетъ. Мы не мѣрили. Церковь обыкновенная, деревенская. Высоты въ ней, можно сказать, никакой нѣтъ. Вотъ третьяго года молнія въ куполъ ударила...

— Скажійтъ!

— Хорошо еще, народу не было...

— Фссс... Какой опасность естъ въ религіи!..

Священникъ посмотрѣлъ на пивовара и прекратилъ разговоръ.

— Пойдемте пока въ тѣнь... сказалъ онъ и снисходительно улыбнулся дамѣ.—Вотъ сюда—на погостъ... Липа цвѣтетъ. Чудесный воздухъ. Вамъ понравится.

Кладбище было скромное. Чернѣлись кресты подъ кровельками, безъ надписей; старыя и новыя могилы возвышались волнообразно тамъ и сямъ, да кое-гдѣ бѣлѣли кирпичные памятники съ крестами на золоченыхъ яблокахъ. Деревьевъ было немного. Тутъ четыре березы протянули другъ дружкѣ вѣтки и защищаютъ отъ окончательнаго истребленія едва примѣтный старый-старый бугорочекъ. Тамъ разросся кустъ отцвѣтшей сирени, темнѣетъ шиповникъ, пахнетъ бѣлая акація. Здѣсь молоденькая ёлочка, прелесть какая хорошенькая и свѣженькая, одиноко хмурится на ясный догорающій день. Корова бродитъ межъ могилъ и щиплетъ траву, выросшую на костяхъ какого нибудь землепашца. Давно успокоился вѣчнымъ сномъ бѣдняга, сложилъ на груди свои могучія рабочія руки, и его потомка не тревожитъ, что пасется скотъ на батьковской нехитрой безъименной гробницѣ. Понадобится мѣсто, сравняютъ насыпь, выроютъ яму, и въ ту же самую могилу опустятъ труженика-сына...

— Вотъ сюда, сюда пожалуйте! молвилъ о. Михаилъ, идя впереди всѣхъ и показывая дорогу.—Тутъ и могилки дѣтей, умершихъ на прошлой недѣлѣ, прибавилъ онъ:—коль пожелаете обнести оградой, то можно поставить. Но только *это, по моему,* лишній расходъ.

Двѣ огромныя столѣтнія липы широко разрослись въ кон-

цѣ кладбища. Подъ ними были сдѣланы скамейки и врыты въ землю столики.

— Совсѣмъ карошъ! произнесъ нѣмецъ, глядя на липы и садясь на одну изъ скамеекъ.—Анэтъ! здѣсь для груди ошенъ шистый и здоровый климатъ.

Онъ сталъ усиленно дышать своей богатырской грудью, красный и лоснящійся, какъ только что вычищенный мѣдный котелъ. Голубые выпученные глаза его самодовольно улыбались; онъ закурилъ новую сигару, медленно обрѣзавъ ее золотой гильотинкой.

— Руській попъ нельзя курійтъ? спросилъ онъ, подавая о. Михаилу портсигаръ.

— Отчего же нельзя? Можно. Но я не курю, благодарю васъ.

Молоденькая дама сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону и задумчиво смотрѣла на видъ, разстилавшійся передъ нею. Низменный берегъ плоской равниной лежалъ впереди. Рѣка темно-синей полосой уходила вдаль. Противоположный берегъ былъ лѣсистъ. Плылъ пароходъ, и слышно было, какъ онъ клохчетъ и пѣнитъ воду. Дама потихоньку вздохнула.

— Когда же ви будетъ кричайтъ? весело спросилъ Миллеръ.

— Вонъ идетъ дьячокъ съ Катериной, отвѣчалъ о. Михаилъ.—Сейчасъ приступимъ. Гк!—Онъ откашлялся.—Сударыня! Не имѣю чести знать вашего имени...

Дама обернулась и, подумавши, подошла къ священнику.

— Не нужно вамъ моего имени, проговорила она, силясь улыбнуться.

— Сейчасъ приступимъ къ панихидѣ.

— Хорошо.

— Надо винимайтъ гробъ?

— Можетъ, это дѣлается у лютеранъ, но у насъ, православныхъ, возбраняется поруганіе могилъ... отвѣтилъ о. Михаилъ, нахмуривъ брови.

— Какъ? Ви будетъ кричайтъ на воздухъ? Охъ, охѣ, охъ!

Приблизился дьячокъ. Позади остановилась Катерина и стала украдкой показывать на свѣжую крошечную могилку, бѣлѣвшую подъ кустомъ шиповника, поодаль отъ *другихъ такихъ же могилокъ*. Дьячокъ былъ сѣдой, сморщенный, длин-

ноносый старикъ съ отвислой челюстью и чернымъ беззубымъ ртомъ, подвязанный грязнымъ платочкомъ, закрывавшимъ его уши. На немъ было буро-зеленое пальтишко, колѣни согнуты, точно ноги у него подкосились отъ страха., Онъ слезящимися глазками ласково смотрѣлъ на пріѣзжихъ держа подъ мышкой требникъ и другіе предметы. Когда священникъ подалъ знакъ, дьячокъ сталъ суетиться. Онъ помогъ іерею облечься въ траурную порыжѣлую ризу, па обтрепанной коленкоровой черной подкладкѣ, и принесъ кадильницу, откуда синей струйкой поднимался и крутился въ воздухѣ пахучій дымъ ладона. Между тѣмъ Катерина и пріѣзжая дама ушли къ экипажу и вскорѣ возвратились съ кульками; въ отдаленіи за ними слѣдовалъ толстый кучеръ, тоже нагруженный кульками. Священникъ и дьячокъ искоса посмотрѣли на кульки.

— Ви не будетъ кричайтъ на вѣтеръ! заявилъ нѣмецъ съ торжествомъ.—Охъ, охъ, охъ!

Накрыли могилку салфеткой и положили на нее хлѣбъ. Священникъ приступилъ къ панихидѣ. Горѣли восковыя свѣчи блѣдно-краснымъ дымящимся огнемъ, бряцала кадильница; сталъ пѣть о. Михаилъ сиплымъ, негромкимъ басомъ съ одышкой; дьячокъ заливался дребезжащимъ теноромъ. Печально зазвонили колокола — сначала маленькіе-маленькіе, потомъ большой, словно вздохъ какого-то плачущаго существа, а потомъ снова маленькіе, медленно переливающіе въ воздухѣ свою жалобу. Дама прислушивалась къ этой жалобѣ и плакала.

—„Ахъ, Боже мой, какъ тяжело, какъ горько было жить бѣдненькой дѣточкѣ на этомъ свѣтѣ“, жаловались колокола. „Едва родилась она, крошечная и пригоженькая, съ розовымъ алчущимъ ротикомъ, какъ отдали ее въ чужіе люди, въ крестьянскую избу, гдѣ стали душить ее хлѣбной соской, держать въ грязной колыбелькѣ, можетъ быть, даже били ее, съ досады, что кричитъ она и мѣшаетъ спать своей воспитательницѣ. Ахъ, Боже мой, какъ тяжело, какъ жалко! Быстро поблекли здоровыя румяныя щечки, побѣлѣли сочныя губки; ручки и ножки сдѣлались, какъ ниточки, перестала малютка кричать и ѣсть, только все глядѣла вокругъ себя большими

серьезными глазками, пока не потухли они,—эти милые бѣдные глазки! Боже мой! Боже мой!"

Маленькая дама сквозь слезы смотрѣла на могилку, покрытую салфеткой. Миллеръ съ любопытствомъ слѣдилъ за кадильницей священника и привычной рукой, не глядя, откупоривалъ бутылку. Онъ стоялъ въ шляпѣ. Катерина крестилась и машинально шептала что-то своими тонкими губами, соображая, сколько заплатятъ ей за то, что она пришла сюда и участвуетъ въ этихъ поминкахъ. Солнце бросало косые лучи, и въ ихъ золотѣ медленно плылъ синій дымъ, блестѣлъ серебряный позументъ на черной ризѣ, и лицо священника казалось еще краснѣе.

Дьячокъ сталъ читать: „Не всяка плоть та же плоть, но ина убо плоть человѣкомъ, ина же плоть скотомъ"...

— Я нишево не понимайтъ! съ улыбкой, шопотомъ, тряся головой, произнесъ Миллеръ, встрѣтивъ грозно устремленный на него взглядъ священника.

— Шапку снимите, пояснилъ священникъ.

— А! Карашо!

Миллеръ снялъ шляпу. Онъ подошелъ на цыпочкахъ къ дамѣ и, наклонившись, что-то сказалъ ей, слегка обнявъ ее за талію. Она отошла отъ него на другую сторону. Пивоваръ пожималъ плечами.

— Анэтъ!? Анэтъ!? сталъ онъ звать ее вполголоса и сердито хмурилъ брови.

— Ведите себя приличнѣе! попросилъ священникъ и началъ молиться объ успокоеніи младенца Александры.—Не желаете ли помолиться о душахъ сродственниковъ?

— Родственниковъ? повторила дама, вытирая слезы и стыдясь ихъ.—Нѣтъ, у меня нѣтъ никого.

— Докторъ Карль Ифанычъ! закричалъ Миллеръ.

Священникъ ничего не сказалъ и сталъ кончать панихиду, бряцая кадильницей. Потомъ онъ подалъ крестъ всѣмъ, кромѣ нѣмца, и разоблачился. Дама сунула ему въ руку бумажку и дала мелочи дьячку и Катеринѣ. Миллеръ оживился.

— Будемъ кушійтъ! Будемъ пійтъ! Анэтъ! Я хотѣлъ тебя спрашивайтъ: ми не потеряль сальцесонъ? Игдѣ сальцесонъ? Анэтъ?!

Пригласили *священника* закусить. Онъ долго, колебался.

Наконецъ, отказался наотрѣзъ и торопливо направился къ выходу.

— Вы пренебрегаете мною? сказала задыхающимся голосомъ молоденькая дама, догоняя его. Въ ея глазахъ стояли слезы, она была удивительна хороша, и никогда еще, кажется, такая изящная ручка не дотрогивалась до заношенной рясы священника.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ доброй улыбкой:—не пренебрегаю, но не подобаетъ.

Онъ поклонился, смущенный, и ушелъ.

Былъ чудесный вечеръ. Уже солнце зашло, и въ блѣдномъ небѣ, надъ дремлющимъ лѣсомъ, мигали тамъ и сямъ звѣзды. О. Михаилъ сидѣлъ на крылечкѣ, задумавшись. Богъ знаетъ почему, вспомнилась молодость, когда онъ былъ еще студентомъ семинаріи, и ѣхалъ въ гости къ благочинному, вотъ въ такой же самый вечеръ, знакомиться со своей невѣстой... Какъ это было давно! Успѣлъ онъ съ тѣхъ поръ и жениться, и сдѣлаться отцомъ взрослыхъ дѣтей, и пристроить ихъ, и овдовѣть, и состарѣться... Ахъ, не возвратится молодость! Вдругъ, среди этихъ размышленій, онъ услышалъ знакомый стукъ фаэтона, который ѣхалъ теперь обратно въ городъ. Онъ привсталъ и посмотрѣлъ на улицу. Изъ-за плетня показалась пара лошадиныхъ мордъ, кучеръ и сѣдоки. Миллеръ басомъ напѣвалъ:

Mein lieber Augustin!
Augustin...

Спутница вторила ему. Фаэтонъ повернулъ въ лѣсъ, но долго еще слышался этотъ дуэтъ.

Священникъ сѣлъ и вздохнулъ. „Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!“ прошепталъ онъ, понуривъ голову.

І. Ясинскій. (Максимъ Бѣлинскій).

Разскажи...

Разскажи ты мнѣ сказку и пѣсню ты спой
Не о томъ, что прославлено въ свѣтѣ,
Что несется на крыльяхъ молвы предъ толпой
И подобно ходячей монетѣ...
Разскажи мнѣ о томъ, что сокрыто въ тиши,
Что таится незримо для взора,
Что безъ слова лежитъ въ темномъ лонѣ души,
Будто кладъ подъ охраною бора...
Что невѣдомо людямъ и лишь одному
Только Богу извѣстно, быть можетъ,
Что бѣжитъ отъ людей, словно призракъ, во тьму
И покоя людей не тревожитъ...
Ты повѣдай про слезы горючія тѣ,
Что украдкой, незримыя, льются
И, не стертыя братской рукой, въ темнотѣ
Лишь могилѣ одной достаются.
Современныя пѣсни наскучили мнѣ—
Складъ ихъ пошлый всѣмъ міромъ заученъ,
Раздаются повсюду такъ громко онѣ,
И напѣвъ ихъ обыденно-скученъ.
Спой мнѣ пѣсню, что молкнетъ на робкихъ устахъ,
И подъ игомъ невольнымъ не спѣта...
Разскажи мнѣ—что грезится въ тайныхъ мечтахъ,
Неизвѣстныхъ для цѣлаго свѣта...
Отъ наскучившихъ фразъ гулъ въ ушахъ у меня,
Пусть несется ихъ громъ всепобѣдно,—
Разскажи мнѣ о томъ, что въ волненіи дня
Недосказано, смолкло безслѣдно...
Разскажи о неслышныхъ проклятіяхъ мнѣ,
Заглушенныхъ людской суетою,
О молитвѣ безъ словъ, что звучитъ въ тишинѣ
Вздохомъ сердца и скорбью святою...

Ты повѣдай о томъ, что̀ въ безмолвной тоскѣ
Скрыто въ мірѣ, исхода не зная,
И о чемъ на невѣдомомъ намъ языкѣ
Горько вьюга рыдаетъ ночная...
Разскажи про чудовищъ, сокрытыхъ впотьмахъ,
Пѣсню спой про безвѣстныя муки,—
И къ святымъ небесамъ, покидая нашъ прахъ,
Понесутся гремящіе звуки...

Л. Пальминъ.

Пермская ... ДЛЯ КНИГ ... им. ГОРЬКОГО

ВОЛЬНЫЕ И НЕВОЛЬНЫЕ СЛУГИ МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ.

(*Окончаніе*).

Свобода отъѣзда составляла краеугольный камень боярскихъ вольностей. Она была полезна не однимъ боярамъ, но и всей русской землѣ. Она была постояннымъ факторомъ объединенія нравовъ и юридическихъ обычаевъ, и препятствовала обособленію жизни наслѣдственныхъ территорій. Но свобода перехода непримирима съ твердымъ государственнымъ порядкомъ. Она влечетъ служилыхъ людей туда, гдѣ имъ выгодно. Отечество ихъ тамъ, гдѣ хорошо. При свободѣ отъѣзда, вѣрность долгу и данному слову, стойкое исполненіе принятыхъ на себя обязанностей—все это дѣло второстепенное; существенны однѣ матеріальныя выгоды. Измѣнить разъ принятому на себя обязательству не есть порокъ, отъѣздъ не клеймится позоромъ. Выѣзжіе—всегда желанные гости и принимаются съ честью; но они въ сущности никому не крѣпки, никому не вѣрны и легко переходятъ отъ одного господина къ другому.

Въ 1394 г. Борисъ Константиновичъ, которому удалось захватить Нижній-Новгородъ подъ московскимъ великимъ княземъ, узнавъ о приближеніи Василія Дмитріевича, созвалъ своихъ служилыхъ людей и сказалъ имъ: „Господіе моя и братіе, бояре и други! Попомните господне крестное цѣлованіе, какъ есте ко мнѣ цѣловали, и любовь вашу и усвоеніе къ вамъ!“ Старшій изъ нихъ, Василій Румянецъ, такъ отвѣчалъ князю: „всѣ мы единомысленны къ тебѣ и готовы головы сложить за тебя“.

Василій Дмитріевичъ между тѣмъ приблизился къ городу, и насталъ моментъ боярамъ и слугамъ нижегородскаго князя сложить за него свои головы. Они предпочли болѣе спокойный и выгодный для нихъ выходъ изъ столкновенія князей,—они всѣ гурьбой перешли на службу московскаго князя. Судя по рѣчи, которую произнесъ по этому поводу тотъ же Румянецъ, у нихъ и *мысли не было о томъ*, что они измѣняютъ своимъ обязан-

ностямъ и совершаютъ предосудительный поступокъ. Наоборотъ, рѣчь Румянца проникнута, какъ будто, сознаніемъ права измѣнить: „господине княже, сказалъ онъ, не надѣйся на насъ, уже бо есмы отъ нынѣ не твои и нѣсть съ тобою есмы, но на тя есмы". Нижегородскіе бояре не украдкой перебѣгаютъ къ противнику своего господина; они дѣлаютъ это на глазахъ у всѣхъ и сами торжественно заявляютъ князю о своей измѣнѣ.

Въ 1433 г. Юрій Дмитріевичъ Галицкій напалъ внезапно, по крестномъ цѣлованіи, на племянника своего, вел. князя московскаго, Василія Васильевича. Не имѣя времени собрать своихъ служилыхъ людей, великій князь московскій встрѣтилъ противника съ малыми силами и былъ разбитъ. Служилые люди Василія Васильевича отнеслись къ пораженію своего князя совершенно равнодушно: они не поспѣшили собраться и выступить на его защиту при вѣсти о его пораженіи. Оставленный всѣми, онъ заключилъ съ дядею крайне невыгодный миръ, отказавшись отъ вел. княженія въ пользу Юрія, который оставилъ за племянникомъ одну Коломну. Юрій сѣлъ въ Москвѣ на великомъ княженіи. Слуги Василія, для сохраненія своихъ привилегій, „приказались" на службу новому великому князю.

Но какъ они легко измѣнили Василію, также легко измѣнили и Юрію. Въ томъ же году, „многіе люди, говоритъ лѣтописецъ, начаша отказыватися отъ князя Юрія за вел. князя (т. е. за Василія Васильевича) и поидоша къ Коломни безъ перестани, а ему то видящу" (Лѣт. VIII, 97). Договоръ Юрія съ Василіемъ, по которому Юрій пріобрѣлъ великое княженіе, не сохранился, но въ немъ, конечно, вольнымъ слугамъ была предоставлена воля. Этимъ правомъ они и воспользовались, переходя къ Василію. Они дѣлаютъ это явно на глазахъ Юрія, передъ которымъ отказываются отъ службы ему, т. е. слагаютъ съ себя только что принесенную клятву.

Этотъ мирный переходъ имѣлъ послѣдствіемъ возвращеніе Василію вел. княженія. Никакого княженія нельзя было держать безъ вольныхъ слугъ, а слуги уходятъ отъ Юрія; при немъ осталось всего пять человѣкъ (А. И. I № 40)! Видя, что вел. княженіе ему не прочно, Юрій послалъ за племянникомъ въ Коломну и самъ предложилъ ему возвратиться въ Москву.

Василій удержался на великомъ княженіи благодаря вольнымъ слугамъ, но какъ это было достигнуто? Двукратнымъ отказомъ ъ добровольно принятыхъ на себя обязательствъ и двукратнымъ *рушеніемъ* присяги. Въ матеріальномъ отношеніи, услуга Васи- *ровно ничего* не стоила его вольнымъ слугамъ: они не про-

лили ни одной капли крови и ни на минуту не потеряли ни одной изъ своихъ льготъ. А престолы князей въ это время падали и вновь созидались.

Вольные слуги—люди разсчетливые; они знаютъ цѣну и мѣру служебному своему усердію и достигаютъ своихъ цѣлей съ наименьшими пожертвованіями.

Мы приводимъ не исключительные случаи; это обыкновенный, нормальный порядокъ вещей.

Въ февралѣ 1446 г. тотъ же вел. князь московскій, Василій Васильевичъ, находясь въ мирѣ и крестномъ цѣлованіи со всѣми сосѣдними князьями, предпринялъ поѣздку къ Сергію-Троицѣ „съ малыми зѣло людьми“, не имѣя иныхъ намѣреній, какъ только поклониться Живоначальной Троицѣ и мощамъ преподобнаго Сергія, да „накормити сущую тамо братію великія тоя лавры“. Этимъ воспользовались соперники князя, Дмитрій Шемяка и Иванъ Можайскій. Не смотря на крестное цѣлованіе съ Василіемъ, они врасплохъ захватили Москву, взяли въ плѣнъ великихъ княгинь, Софью и Марью, и бояръ, находившихся въ Москвѣ, и пограбили казну вел. князя и всѣхъ захваченныхъ ими въ плѣнъ. Это случилось 12 февраля. Въ ночь на 13-е Шемяка послалъ Можайскаго князя къ Троицѣ захватить Василія Васильевича. Это измѣнническое предпріятіе хорошо удалось. Поутру 15-го, во время обѣдни, великаго князя предупредилъ о походѣ на него служилый человѣкъ Бунко. Но Василій Васильевичъ не повѣрилъ ему. Да и дѣйствительно Бункѣ трудно было вѣрить. Это была какая-то переметная сума: онъ служилъ прежде Василію, затѣмъ отъѣхалъ къ Шемякѣ и незадолго до описываемыхъ событій опять вернулся къ Василію. „Смущаютъ насъ эти перелетныя птицы“, сказалъ Василій и велѣлъ выбить Бунку изъ монастыря. Вѣсть, принесенная Бункой, оказалось, однако, совершенно справедливой. Вел. князь, не принявшій достаточныхъ мѣръ предосторожности, былъ схваченъ и въ ночь съ 14-го на 15-е привезенъ въ Москву „въ голыхъ саняхъ“ и заключенъ въ домѣ Шемяки. Въ ночь съ 16-го на 17-ое его ослѣпили и выслали на Углече-Поле.

Для низверженія, ослѣпленія и ссылки вел. князя потребовалось цѣлыхъ пять сутокъ. Гдѣ же въ это время были его вѣрные слуги? Бояре, остававшіеся въ Москвѣ, были перехватаны; также были лишены свободы и тѣ немногіе слуги, которые сопровождали князя къ Троицѣ. А остальные? Въ пять дней можно было бы собраться и попытаться спасти Василія. Они этого не сдѣлали ни въ первые *пять дней*, ни сейчасъ же послѣ высылки Василія.

Совершенно наоборотъ, они всѣ поспѣшили перейти на службу къ Дмитрію Шемякѣ.

Вотъ разсказъ лѣтописца: „Слышавше же то, (т. е. плѣненіе, ослѣпленіе и высылку Василія), князь Василій Ярославичъ (серпуховскій удѣльный князь и союзникъ Василія Васильевича) побѣже въ Литву да князь (служилый) Семенъ Ивановичъ Оболенскій съ нимъ. А прочіе дѣти боярскіе и всѣ людіе биша челомъ служити князю Дмитрію, и приведе ихъ къ крестному цѣлованію всѣхъ“ (Лѣт. VIII, 117).

Но нашелся въ Москвѣ и одинъ вѣрный. То былъ Ѳедоръ Басенокъ. Онъ не побѣжалъ, но и служить Дмитрію не захотѣлъ. Счастливый похититель власти не могъ, при всеобщей покорности, потерпѣть такого сопротивленія. Онъ велѣлъ схватить Ѳедора Басенка и заковать въ тяжкія желѣза.

Ѳедору Басенку удалось однако склонить на свою сторону пристава, у котораго онъ сидѣлъ въ заключеніи, и бѣжать. Онъ направилъ путь свой сперва въ Коломну, гдѣ скрывался нѣкоторое время у пріятелей и успѣлъ подговорить въ пользу вел. князя многихъ людей. При ихъ содѣйствіи, онъ пограбилъ Коломенскій уѣздъ и затѣмъ съ новыми своими сторонниками бѣжалъ въ Литву, гдѣ и соединился съ Василіемъ Ярославичемъ Серпуховскимъ. А Василій Ярославичъ тѣмъ временемъ успѣлъ уже получить отъ литовскаго князя Гомель, Стародубъ, Мстиславль и иныя многія мѣста „въ вотчину“. Отъ своего великаго имѣнія Василій Ярославичъ далъ кн. Семену Оболенскому и Ѳедору Басенку Добрянскъ.

За что это, однако, Василій Ярославичъ получилъ такое большое жалованіе въ Литвѣ? Неужели литовскій князь наградилъ его за вѣрность московскому? Конечно, нѣтъ; онъ награжденъ за то, что поступилъ на службу къ литовскому князю; онъ, какъ и всѣ съ нимъ бѣжавшіе, нашли себѣ новаго господина, которому и цѣловали крестъ.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со дня низверженія и ослѣпленія вел. князя московскаго, а всѣ его служилые люди успѣли уже устроиться: большинство у новаго вел. князя на прежнихъ мѣстахъ, немногіе вѣрные—въ Литвѣ. Никто ничего не потерялъ, и смѣна династіи произошла безъ пролитія крови и безъ потрясенія существующаго порядка вещей. Потерялъ одинъ вел. князь московскій; но онъ потерялъ все: власть, имущество, семью, свободу, зрѣніе.

Нельзя, однако, сказать, чтобы служилые люди этого *нестяжаго великаго* князя были совершенно равнодушны къ об-

стоятельствамъ его паденія. Дмитрій Шемяка и Иванъ Можайскій совершили дѣло столь гнусное и возмутительное, что оно не могло не возбудить противъ нихъ населенія Московскаго государства. Лѣтописецъ говоритъ: „всѣ люди негодовали о княженіи его (Дмитрія) и на самого мыслили, желая вел. князя Василія на своемъ государствѣ видѣть". Отъ мысли до дѣла еще далеко, но негодованіе „всѣхъ людей" весьма понятно. Эти люди были осыпаны милостями вел. князя Василія, его дѣда и отца; на сторонѣ Василія было право, неоднократно признанное и отцомъ Дмитрія, Юріемъ, и самимъ Шемякою. Дмитрій Шемяка предательски нарушилъ это право и свои собственныя обязательства. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти недовольные Дмитріемъ присягнули ему. Они хотѣли видѣть Василія на вел. княженіи, но безъ жертвъ и ни минуты не рискуя своимъ собственнымъ положеніемъ.

При этой условной преданности служилыхъ людей, Дмитрій могъ даже и совершенно утвердиться на великомъ княженіи. Ему надо было только дѣйствовать рѣшительно и устранить соперника. Шемяка зналъ, въ чемъ состоитъ опасность его положенія, но въ характерѣ его не было той доли рѣшимости и кровожадности, которая была необходима для завершенія предпринятаго имъ дѣла.

Сыновья Василія Васильевича, Иванъ и Юрій, были на свободѣ. Въ минуту плѣненія вел. князя, они находились при немъ, но не были замѣчены Иваномъ Можайскимъ и его сообщниками. Въ ту же ночь, какъ отецъ ихъ былъ вывезенъ изъ лавры, они бѣжали въ вотчину служилаго князя Ивана Ряполовскаго, въ его село Боярово. Князь Ряполовскій, также оставшійся вѣрнымъ вел. князю, соединился съ братьями, собралъ своихъ людей и бѣжалъ съ дѣтьми Василія въ Муромъ, гдѣ и затворился со многими людьми.

Шемяка понималъ, какой бѣдой грозитъ ему Муромъ, но, слыша о глухомъ неудовольствіи своихъ новыхъ слугъ, не рѣшился дѣйствовать открытой силой. Онъ обратился къ посредничеству рязанскаго епископа Іоны, обѣщая ему митрополичій престолъ. Владыка согласился быть посредникомъ между хищникомъ и его жертвами. Условія посредничества были слѣдующія: владыка долженъ былъ взять „на свой патрахиль" дѣтей вел. князя; а Шемяка обязывался дать свободу ихъ отцу и надѣлить его „отчиной довольной, какъ мочно имъ быти". Итакъ, рязанскій епископъ и будущій митрополитъ московскій скрѣпляетъ своимъ согласіемъ совершившійся переворотъ: Дмитрій остается на великомъ княженіи, а *низвергнутый* вел. князь получаетъ свободу и отчину,

Наконецъ, отказался наотрѣзъ и торопливо направился къ выходу.

— Вы пренебрегаете мною? сказала задыхающимся голосомъ молоденькая дама, догоняя его. Въ ея глазахъ стояли слезы, она была удивительна хороша, и никогда еще, кажется, такая изящная ручка не дотрогивалась до заношенной рясы священника.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ доброй улыбкой:—не пренебрегаю, но не подобаетъ.

Онъ поклонился, смущенный, и ушелъ.

Былъ чудесный вечеръ. Уже солнце зашло, и въ блѣдномъ небѣ, надъ дремлющимъ лѣсомъ, мигали тамъ и сямъ звѣзды. О. Михаилъ сидѣлъ на крылечкѣ, задумавшись. Богъ знаетъ почему, вспомнилась молодость, когда онъ былъ еще студентомъ семинаріи, и ѣхалъ въ гости къ благочинному, вотъ въ такой же самый вечеръ, знакомиться со своей невѣстой... Какъ это было давно! Успѣлъ онъ съ тѣхъ поръ и жениться, и сдѣлаться отцомъ взрослыхъ дѣтей, и пристроить ихъ, и овдовѣть, и состарѣться... Ахъ, не возвратится молодость! Вдругъ, среди этихъ размышленій, онъ услышалъ знакомый стукъ фаэтона, который ѣхалъ теперь обратно въ городъ. Онъ привсталъ и посмотрѣлъ на улицу. Изъ-за плетня показалась пара лошадиныхъ мордъ, кучеръ и сѣдоки. Миллеръ басомъ напѣвалъ:

Mein lieber Augustin!
Augustin...

Спутница вторила ему. Фаэтонъ повернулъ въ лѣсъ, но долго еще слышался этотъ дуэтъ.

Священникъ сѣлъ и вздохнулъ. „Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!“ прошепталъ онъ, понуривъ голову.

І. Ясинскій. (Максимъ Бѣлинскій).

Разскажи...

Разскажи ты мнѣ сказку и пѣсню ты спой
Не о томъ, что̀ прославлено въ свѣтѣ,
Что̀ несется на крыльяхъ молвы предъ толпой
И подобно ходячей монетѣ...
Разскажи мнѣ о томъ, что̀ сокрыто въ тиши,
Что̀ таится незримо для взора,
Что̀ безъ слова лежитъ въ темномъ лонѣ души,
Будто кладъ подъ охраною бора...
Что̀ невѣдомо людямъ и лишь одному
Только Богу извѣстно, быть можетъ,
Что̀ бѣжитъ отъ людей, словно призракъ, во тьму
И покоя людей не тревожитъ...
Ты повѣдай про слезы горючія тѣ,
Что̀ украдкой, незримыя, льются
И, не стертыя братской рукой, въ темнотѣ
Лишь могилѣ одной достаются.
Современныя пѣсни наскучили мнѣ—
Складъ ихъ пошлый всѣмъ міромъ заученъ,
Раздаются повсюду такъ громко онѣ,
И напѣвъ ихъ обыденно-скученъ.
Спой мнѣ пѣсню, что̀ молкнетъ на робкихъ устахъ,
И подъ игомъ невольнымъ не спѣта...
Разскажи мнѣ—что̀ грезится въ тайныхъ мечтахъ,
Неизвѣстныхъ для цѣлаго свѣта...
Отъ наскучившихъ фразъ гулъ въ ушахъ у меня,
Пусть несется ихъ громъ всепобѣдно,—
Разскажи мнѣ о томъ, что̀ въ волненіи дня
Недосказано, смолкло безслѣдно...
Разскажи о неслышныхъ проклятіяхъ мнѣ,
Заглушенныхъ людской суетою,
О молитвѣ безъ словъ, что̀ звучитъ въ тишинѣ
Вздохомъ сердца и скорбью святою...

Ты повѣдай о томъ, что̀ въ безмолвной тоскѣ
Скрыто въ мірѣ, исхода не зная,
И о чемъ на невѣдомомъ намъ языкѣ
Горько вьюга рыдаетъ ночная...
Разскажи про чудовищъ, сокрытыхъ впотьмахъ,
Пѣсню спой про безвѣстныя муки,—
И къ святымъ небесамъ, покидая нашъ прахъ,
Понесутся гремящіе звуки...

Л. Пальминъ.

Омская ... ДЛЯ КНИ ... им. ГОРЬКОГО

ВОЛЬНЫЕ И НЕВОЛЬНЫЕ СЛУГИ МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ.

(*Окончаніе*).

Свобода отъѣзда составляла краеугольный камень боярскихъ вольностей. Она была полезна не однимъ боярамъ, но и всей русской землѣ. Она была постояннымъ факторомъ объединенія нравовъ и юридическихъ обычаевъ, и препятствовала обособленію жизни наслѣдственныхъ территорій. Но свобода перехода непримирима съ твердымъ государственнымъ порядкомъ. Она влечетъ служилыхъ людей туда, гдѣ имъ выгодно. Отечество ихъ тамъ, гдѣ хорошо. При свободѣ отъѣзда, вѣрность долгу и данному слову, стойкое исполненіе принятыхъ на себя обязанностей—все это дѣло второстепенное; существенны однѣ матеріальныя выгоды. Измѣнить разъ принятому на себя обязательству не есть порокъ, отъѣздъ не клеймится позоромъ. Выѣзжіе—всегда желанные гости и принимаются съ честью; но они въ сущности никому не крѣпки, никому не вѣрны и легко переходятъ отъ одного господина къ другому.

Въ 1394 г. Борисъ Константиновичъ, которому удалось захватить Нижній-Новгородъ подъ московскимъ великимъ княземъ, узнавъ о приближеніи Василія Дмитріевича, созвалъ своихъ служилыхъ людей и сказалъ имъ: „Господіе моя и братіе, бояре и други! Попомните господне крестное цѣлованіе, какъ есте ко мнѣ цѣловали, и любовь вашу и усвоеніе къ вамъ!“ Старшій изъ нихъ, Василій Румянецъ, такъ отвѣчалъ князю: „всѣ мы единомысленны къ тебѣ и готовы головы сложить за тебя“.

Василій Дмитріевичъ между тѣмъ приблизился къ городу, и насталъ моментъ боярамъ и слугамъ нижегородскаго князя сложить за него свои головы. Они предпочли болѣе спокойный и выгодный для нихъ выходъ изъ столкновенія князей,—они всѣ гурьбой перешли на службу московскаго князя. Судя по рѣчи, которую произнесъ по этому поводу тотъ же Румянецъ, у нихъ и *мысли не было о томъ*, что они измѣняютъ своимъ обязан-

ностямъ и совершаютъ предосудительный поступокъ. Наоборотъ, рѣчь Румянца проникнута, какъ будто, сознаніемъ права измѣнить: „господине княже, сказалъ онъ, не надѣйся на насъ, уже бо есмы отъ нынѣ не твои и нѣсть съ тобою есмы, но на тя есмы". Нижегородскіе бояре не украдкой перебѣгаютъ къ противнику своего господина; они дѣлаютъ это на глазахъ у всѣхъ и сами торжественно заявляютъ князю о своей измѣнѣ.

Въ 1433 г. Юрій Дмитріевичъ Галицкій напалъ внезапно, по крестномъ цѣлованіи, на племянника своего, вел. князя московскаго, Василія Васильевича. Не имѣя времени собрать своихъ служилыхъ людей, великій князь московскій встрѣтилъ противника съ малыми силами и былъ разбитъ. Служилые люди Василія Васильевича отнеслись къ пораженію своего князя совершенно равнодушно: они не поспѣшили собраться и выступить на его защиту при вѣсти о его пораженіи. Оставленный всѣми, онъ заключилъ съ дядею крайне невыгодный миръ, отказавшись отъ вел. княженія въ пользу Юрія, который оставилъ за племянникомъ одну Коломну. Юрій сѣлъ въ Москвѣ на великомъ княженіи. Слуги Василія, для сохраненія своихъ привилегій, „приказались" на службу новому великому князю.

Но какъ они легко измѣнили Василію, также легко измѣнили и Юрію. Въ томъ же году, „многіе люди, говоритъ лѣтописецъ, начаша отказыватися отъ князя Юрія за вел. князя (т. е. за Василія Васильевича) и поидоша къ Коломни безъ перестани, а ему то видящу" (Лѣт. VIII, 97). Договоръ Юрія съ Василіемъ, по которому Юрій пріобрѣлъ великое княженіе, не сохранился, но въ немъ, конечно, вольнымъ слугамъ была предоставлена воля. Этимъ правомъ они и воспользовались, переходя къ Василію. Они дѣлаютъ это явно на глазахъ Юрія, передъ которымъ отказываются отъ службы ему, т. е. слагаютъ съ себя только что принесенную клятву.

Этотъ мирный переходъ имѣлъ послѣдствіемъ возвращеніе Василію вел. княженія. Никакого княженія нельзя было держать безъ вольныхъ слугъ, а слуги уходятъ отъ Юрія; при немъ осталось всего пять человѣкъ (А. И. I № 40)! Видя, что вел. княженіе ему не прочно, Юрій послалъ за племянникомъ въ Коломну и самъ предложилъ ему возвратиться въ Москву.

Василій удержался на великомъ княженіи благодаря вольнымъ слугамъ, но какъ это было достигнуто? Двукратнымъ отказомъ отъ добровольно принятыхъ на себя обязательствъ и двукратнымъ *нарушеніемъ* присяги. Въ матеріальномъ отношеніи, услуга Васи-

ровно ничего не стоила его вольнымъ слугамъ: они не про-

лили ни одной капли крови и ни на минуту не потеряли ни одной изъ своихъ льготъ. А престолы князей въ это время падали и вновь созидались.

Вольные слуги—люди разсчетливые; они знаютъ цѣну и мѣру служебному своему усердію и достигаютъ своихъ цѣлей съ наименьшими пожертвованіями.

Мы приводимъ не исключительные случаи; это обыкновенный, нормальный порядокъ вещей.

Въ февралѣ 1446 г. тотъ же вел. князь московскій, Василій Васильевичъ, находясь въ мирѣ и крестномъ цѣлованіи со всѣми сосѣдними князьями, предпринялъ поѣздку къ Сергію-Троицѣ „съ малыми зѣло людьми“, не имѣя иныхъ намѣреній, какъ только поклониться Живоначальной Троицѣ и мощамъ преподобнаго Сергія, да „накормити сущую тамо братію великія тоя лавры“. Этимъ воспользовались соперники князя, Дмитрій Шемяка и Иванъ Можайскій. Не смотря на крестное цѣлованіе съ Василіемъ, они врасплохъ захватили Москву, взяли въ плѣнъ великихъ княгинь, Софью и Марью, и бояръ, находившихся въ Москвѣ, и ограбили казну вел. князя и всѣхъ захваченныхъ ими въ плѣнъ. Это случилось 12 февраля. Въ ночь на 13-е Шемяка послалъ Можайскаго князя къ Троицѣ захватить Василія Васильевича. Это измѣнническое предпріятіе хорошо удалось. Поутру 15-го, во время обѣдни, великаго князя предупредилъ о походѣ на него служилый человѣкъ Бунко. Но Василій Васильевичъ не повѣрилъ ему. Да и дѣйствительно Бункѣ трудно было вѣрить. Это была какая-то переметная сума: онъ служилъ прежде Василію, затѣмъ отъѣхалъ къ Шемякѣ и незадолго до описываемыхъ событій опять вернулся къ Василію. „Смущаютъ насъ эти перелетныя птицы“, сказалъ Василій и велѣлъ выбить Бунку изъ монастыря. Вѣсть, принесенная Бункой, оказалось, однако, совершенно справедливой. Вел. князь, не принявшій достаточныхъ мѣръ предосторожности, былъ схваченъ и въ ночь съ 14-го на 15-е привезенъ въ Москву „въ голыхъ саняхъ“ и заключенъ въ домѣ Шемяки. Въ ночь съ 16-го на 17-ое его ослѣпили и выслали на Углече-Поле.

Для низверженія, ослѣпленія и ссылки вел. князя потребовалось цѣлыхъ пять сутокъ. Гдѣ же въ это время были его вѣрные слуги? Бояре, остававшіеся въ Москвѣ, были перехватаны; также были лишены свободы и тѣ немногіе слуги, которые сопровождали князя къ Троицѣ. А остальные? Въ пять дней можно было бы собраться и попытаться спасти Василія. Они этого не сдѣлали ни въ первые *пять дней*, ни сейчасъ же послѣ высылки Василія.

Совершенно наоборотъ, они всѣ поспѣшили перейти на службу къ Дмитрію Шемякѣ.

Вотъ разсказъ лѣтописца: „Слышавше же то, (т. е. плѣненіе, ослѣпленіе и высылку Василія), князь Василій Ярославичъ (серпуховскій удѣльный князь и союзникъ Василія Васильевича) побѣже въ Литву да князь (служилый) Семенъ Ивановичъ Оболенскій съ нимъ. А прочіе дѣти боярскіе и всѣ людіе биша челомъ служити князю Дмитрію, и приведе ихъ къ крестному цѣлованію всѣхъ“ (Лѣт. VIII, 117).

Но нашелся въ Москвѣ и одинъ вѣрный. То былъ Ѳедоръ Басенокъ. Онъ не побѣжалъ, но и служить Дмитрію не захотѣлъ. Счастливый похититель власти не могъ, при всеобщей покорности, потерпѣть такого сопротивленія. Онъ велѣлъ схватить Ѳедора Басенка и заковать въ тяжкія желѣза.

Ѳедору Басенку удалось однако склонить на свою сторону пристава, у котораго онъ сидѣлъ въ заключеніи, и бѣжать. Онъ направилъ путь свой сперва въ Коломну, гдѣ скрывался нѣкоторое время у пріятелей и успѣлъ подговорить въ пользу вел. князя многихъ людей. При ихъ содѣйствіи, онъ пограбилъ Коломенскій уѣздъ и затѣмъ съ новыми своими сторонниками бѣжалъ въ Литву, гдѣ и соединился съ Василіемъ Ярославичемъ Серпуховскимъ. А Василій Ярославичъ тѣмъ временемъ успѣлъ уже получить отъ литовскаго князя Гомель, Стародубъ, Мстиславль и иныя многія мѣста „въ вотчину“. Отъ своего великаго имѣнія Василій Ярославичъ далъ кн. Семену Оболенскому и Ѳедору Басенку Добрянскъ.

За что это, однако, Василій Ярославичъ получилъ такое большое жалованіе въ Литвѣ? Неужели литовскій князь наградилъ его за вѣрность московскому? Конечно, нѣтъ; онъ награжденъ за то, что поступилъ на службу къ литовскому князю; онъ, какъ и всѣ съ нимъ бѣжавшіе, нашли себѣ новаго господина, которому и цѣловали крестъ.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со дня низверженія и ослѣпленія вел. князя московскаго, а всѣ его служилые люди успѣли уже устроиться: большинство у новаго вел. князя на прежнихъ мѣстахъ, немногіе вѣрные—въ Литвѣ. Никто ничего не потерялъ, и смѣна династіи произошла безъ пролитія крови и безъ потрясенія существующаго порядка вещей. Потерялъ одинъ вел. князь московскій; но онъ потерялъ все: власть, имущество, семью, свободу, зрѣніе.

Нельзя, однако, сказать, чтобы служилые люди этого *несчастнаго великаго* князя были совершенно равнодушны къ об-

стоятельствамъ его паденія. Дмитрій Шемяка и Иванъ Можайскій совершили дѣло столь гнусное и возмутительное, что оно не могло не возбудить противъ нихъ населенія Московскаго государства. Лѣтописецъ говоритъ: „всѣ люди негодовали о княженіи его (Дмитрія) и на самого мыслили, желая вел. князя Василія на своемъ государствѣ видѣть". Отъ мысли до дѣла еще далеко, но негодованіе „всѣхъ людей" весьма понятно. Эти люди были осыпаны милостями вел. князя Василія, его дѣда и отца; на сторонѣ Василія было право, неоднократно признанное и отцомъ Дмитрія, Юріемъ, и самимъ Шемякою. Дмитрій Шемяка предательски нарушилъ это право и свои собственныя обязательства. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти недовольные Дмитріемъ присягнули ему. Они хотѣли видѣть Василія на вел. княженіи, но безъ жертвъ и ни минуты не рискуя своимъ собственнымъ положеніемъ.

При этой условной преданности служилыхъ людей, Дмитрій могъ даже и совершенно утвердиться на великомъ княженіи. Ему надо было только дѣйствовать рѣшительно и устранить соперника. Шемяка зналъ, въ чемъ состоитъ опасность его положенія, но въ характерѣ его не было той доли рѣшимости и кровожадности, которая была необходима для завершенія предпринятаго имъ дѣла.

Сыновья Василія Васильевича, Иванъ и Юрій, были на свободѣ. Въ минуту плѣненія вел. князя, они находились при немъ, но не были замѣчены Иваномъ Можайскимъ и его сообщниками. Въ ту же ночь, какъ отецъ ихъ былъ вывезенъ изъ лавры, они бѣжали въ вотчину служилаго князя Ивана Ряполовскаго, въ его село Боярово. Князь Ряполовскій, также оставшійся вѣрнымъ вел. князю, соединился съ братьями, собралъ своихъ людей и бѣжалъ съ дѣтьми Василія въ Муромъ, гдѣ и затворился со многими людьми.

Шемяка понималъ, какой бѣдой грозитъ ему Муромъ, но, слыша о глухомъ неудовольствіи своихъ новыхъ слугъ, не рѣшился дѣйствовать открытой силой. Онъ обратился къ посредничеству рязанскаго епископа Іоны, обѣщая ему митрополичій престолъ. Владыка согласился быть посредникомъ между хищникомъ и его жертвами. Условія посредничества были слѣдующія: владыка долженъ былъ взять „на свой патрахиль" дѣтей вел. князя; а Шемяка обязывался дать свободу ихъ отцу и надѣлить его „отчиной довольной, какъ мочно имъ быти". Итакъ, рязанскій епископъ и будущій митрополитъ московскій скрѣпляетъ своимъ согласіемъ совершившійся переворотъ: Дмитрій остается на великомъ княженіи, а *низвергнутый* вел. князь получаетъ свободу и отчину,

какую ему заблагоразсудить дать похититель. На этихъ условіяхъ владыка взялся вести переговоры съ людьми, которые еще оставались вѣрны своему долгу. Онъ обѣщалъ склонить ихъ на сторону Шемяки.

Князья Ряполовскіе и другіе, бывшіе съ ними, выслушавъ епископа, рѣшили ѣхать съ дѣтьми вел. князя къ Дмитрію, т. е. принять его условія. Что имъ оставалось дѣлать? Стоять твердо за интересы вел. князя? Но тогда, разсуждали они, придется выдержать бой съ Дмитріемъ, которому всѣ уже цѣловали крестъ. Онъ возьметъ городъ, захватитъ дѣтей вел. князя и сдѣлаетъ, что захочетъ, какъ съ вел. княземъ, такъ и со всѣми ими. „Во что будетъ крѣпость наша, восклицали они, если не послушаемъ рѣчей святителя?“

Они разсуждали, какъ люди, которымъ дорогъ былъ ихъ личный покой и которые не хотѣли приносить большихъ жертвъ для дѣла Василія. Пріѣздъ къ Дмитрію гарантировалъ имъ ихъ вотчины и всѣ привилегіи и, кромѣ того, обѣщалъ еще новыя милости.

Но Дмитрій обманывалъ всѣхъ. Онъ не исполнилъ своего обѣщанія и съ тѣмъ же Іоною отправилъ дѣтей вел. князя къ отцу ихъ въ заточеніе. Люди, которые могли успокоивать свою шаткую совѣсть тѣмъ, что хотя они и измѣнили своему долгу, но выговорили вел. князю свободу и удѣлъ,—увидали теперь, что они обмануты и что въ этомъ обманѣ принималъ участіе епископъ. Положеніе Іоны крайне обострилось, его прямо упрекали во лжи. Съ князьями Ряполовскими Дмитрій также не успѣлъ поладить. Онъ пригласилъ ихъ на обѣдъ и одарилъ, но, должно быть, не такъ, какъ они разсчитывали. Лѣтописецъ говоритъ, что онъ „мало“ почтилъ ихъ.

Заточеніе дѣтей вел. князя дало новый толчокъ неудовольствію. Іона продолжалъ настаивать на исполненіи данныхъ Дмитріемъ обѣщаній. Нерѣшительный Дмитрій не устоялъ; онъ освободилъ узниковъ и далъ великому князю Вологду въ удѣлъ. Это примиреніе было ознаменовано великимъ пиромъ, устроеннымъ Шемякою въ честь Василія, его жены и дѣтей. На пиру были всѣ епископы русской земли, многіе бояре и дѣти боярскія. Своимъ присутствіемъ на торжествѣ примиренія всѣ эти епископы, бояре и дѣти боярскія одобрили низложеніе вел. князя. Миръ, конечно, былъ скрѣпленъ грамотой съ обычнымъ условіемъ: „а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля“. Освобожденіе вел. князя и назначеніе ему удѣла погубили дѣло Шемяки: онъ, никогда не *затруднявшійся* нарушать свои клятвы, имѣлъ простодушіе повѣ-

рить клятвамъ великаго князя, котораго самъ же изменнически лишилъ престола! Характерное явленіе: никто не соблюдалъ своихъ клятвъ, но всѣ вѣрили въ силу креста. Вѣрилъ и Шемяка.

По заключеніи міра, старымъ слугамъ Василія Васильевича нетрудно было снова увидать его на великомъ княженіи. Великій князь недолго оставался вѣренъ своимъ клятвамъ. Это было не въ духѣ времени. Скоро по прибытіи въ Вологду, онъ отправился „со всѣми людьми“ въ Кириловъ монастырь. Этому походу своему князь придавалъ такой видъ, какъ будто бы онъ не имѣлъ другихъ намѣреній, какъ только „сущую тамо братію накормити и милостыню дати“; но въ дѣйствительности намѣреніе тутъ было иное,—иначе незачѣмъ было брать всѣхъ людей. „Слышавши же то, говоритъ лѣтописецъ, бояре князя великаго и дѣти боярскіе и люди мнози *побѣгоша* отъ князя Дмитрія и отъ князя Ивана къ вел. князю“. Чѣмъ далѣе шелъ великій князь, тѣмъ болѣе приходило къ нему „бояръ со многими людьми“. Думаемъ, что лѣтописецъ не случайно употребилъ слово „побѣгоша“. Этимъ обозначаетъ онъ ту поспѣшность, съ которою старые (а по московскимъ понятіямъ, можетъ быть, даже и вѣрные) слуги шли на встрѣчу къ своему князю. Они, по всей вѣроятности, не соблюли даже формальности отказа. Въ это же время двинулся изъ Литвы и Василій Ярославичъ. Онъ еще ничего не зналъ о происшедшемъ въ Москвѣ и шелъ поискать, какъ бы „вынуть“ вел. князя изъ Углича.

Участь Дмитрія была рѣшена, но не столько преданностью служилыхъ людей старшей линіи московскаго дома, сколько его собственной нерѣшительностью и неспособностью довести до конца начатое дѣло.

Описанныя событія бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на ту темную среду, въ которой могло выработаться это удивительное право—отказа отъ своего слова. Этою средой была политика княжескихъ хищеній. Злѣйшими врагами каждаго владѣтельнаго князя были его сосѣди, такіе же владѣтельные князья, какъ и онъ самъ. Въ ихъ отношеніяхъ ничего не было святаго. Мирные договоры о единеніи и братствѣ заключались послѣ каждой ссоры, и вслѣдъ затѣмъ снова предательски нарушались. Нарушеніе слова, даннаго владѣтельнымъ княземъ, обыкновенно освящалось духовенствомъ. Съ благословенія всѣхъ русскихъ митрополитовъ, начиная съ Алексѣя, удѣльные князья цѣлуютъ вел. князю московскому крестъ на томъ, что они сложатъ съ себя всѣ прежнія крестныя цѣлованія. Русскіе іерархи впередъ даютъ свое пастырское благословеніе на всѣ *такія клятвопреступленія*. Какъ было требовать, при

этихъ условіяхъ, вѣрности слову отъ служилыхъ людей? Отдадимъ справедливость старымъ князьямъ: они мѣрили одною мѣрою себя и слугъ своихъ и не требовали отъ нихъ того, чего сами не могли дать.

Право отказа если и не составляетъ естественнаго послѣдствія постоянной борьбы владѣтельныхъ князей, то въ значительной мѣрѣ ею поддерживается. Въ немъ можно видѣть даже нѣкоторый коррективъ политикѣ княжескихъ захватовъ. Съ уничтоженіемъ удѣловъ, должно было исчезнуть и это право. Такъ дѣйствительно и случилось. Но послѣдніе отголоски его слышатся даже въ объединенной Москвѣ.

Живучестью этого права въ памяти бояръ объясняется рядъ сценъ у постели умирающаго царя Ивана, 11-го марта 1553 года.

Царь хотѣлъ, чтобы бояре присягнули его новорожденному сыну Дмитрію, которому едва исполнилось 5 мѣсяцевъ. Въ государствѣ, съ опредѣленнымъ порядкомъ преемства престола отъ отца къ сыну, такое требованіе не могло бы возбудить ни малѣйшаго возраженія. Но у постели Ивана оно вызвало сопротивленіе. Нашлись бояре, которые не хотѣли цѣловать креста сыну царя. Нѣкоторые высказались въ пользу его двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича. Они вспомнили свое старое право „приказываться на службу“ и, понятно, предпочитали приказаться совершеннолѣтнему, а не младенцу, именемъ котораго управляли бы другіе и, конечно, въ интересѣ своихъ близкихъ. Это и высказалъ больному царю Ѳедоръ Адашевъ: „мы готовы повиноваться тебѣ, государь, и сыну твоему, но не Захарьинымъ-Юрьевымъ“. Знаменательны слова, сказанныя по тому же поводу старѣйшимъ бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ Шуйскимъ: онъ не цѣловалъ креста сыну Ивана, потому что не видалъ государя „передъ собою“. Въ старину, когда государю приказывались, то видѣли его передъ собой, говорили съ нимъ, обѣщали ему вѣрность и получали отъ него милости. Въ свободномъ признаніи того или другаго князя своимъ государемъ исчезалъ вопросъ о наслѣдственности княжеской власти. Слова Шуйскаго звучатъ ѣдкой ироніей. Онъ требуетъ, чтобы передъ нимъ поставили государя, а государь въ пеленкахъ!

Напрасно иногда думаютъ, что у постели умирающаго царя Ивана непокорные бояре хотѣли захватить въ свои руки власть. Вопросъ шелъ не о перемѣщеніи центра власти. Непокорные волѣ царя бояре хотѣли имѣть совершеннолѣтняго государя, а не младенца. Вопросъ шелъ только о лицѣ государя, а не о *принципѣ власти. Царская* форма правленія не подвергалась колеба-

нію ни въ малолѣтство Ивана, ни теперь. Но для царя Ивана—въ личномъ вопросѣ было все. Это чисто личное столкновеніе не осталось безъ вліянія на его позднѣйшія отношенія къ боярству, также исключительно личныя.

Надо ли говорить, что переѣзды служилыхъ людей въ смутное время изъ Москвы въ Тушино и обратно—не новое явленіе, порожденное смутой, а ожившая память стараго права?

Официальные памятники и лѣтописцы того времени, которымъ слѣдуютъ и нѣкоторые новые историки, смотрятъ на измѣну служилыхъ людей Шуйскому и на постоянныя колебанія ихъ между Москвой и Тушинымъ, какъ на малодушіе, которымъ запятнали себя русскіе люди начала XVII в. Бѣдствія Россіи временъ смуты являются въ ихъ глазахъ заслуженной карой людямъ „измалодушившимся". Малодушіе людей XVII в. нисколько не больше малодушія ихъ въ XIV и послѣдующихъ вѣкахъ. Не оно новость. Никакого „измалодушничанья" русскихъ людей въ началѣ XVII в. не произошло. Новость—громкое осужденіе этого малодушія.

Служилые люди Бориса Константиновича Нижегородскаго и Василія Темнаго—двоедушничали не меньше служилыхъ людей Василія Шуйскаго и самозванцевъ. Но въ XIV и XV в. въ этомъ не видали еще порока. Тогда митрополиты благословляли на клятвопреступленія. По мѣрѣ же того, какъ стали прекращаться междоусобныя войны владѣтельныхъ князей, вѣрность слову сдѣлалась добродѣтелью, а двоедушіе начали клеймить позоромъ. Къ началу XVII в. получается, такимъ образомъ, нѣкоторый успѣхъ политической нравственности, и этотъ успѣхъ произошелъ потому, что исчезли причины, вызывавшія политическую безнравственность.

Измѣна слову была въ старину правомъ. Хотя князья въ своихъ договорахъ подтверждали и охраняли это право, но не могли же они однако не чувствовать его неудобствъ и не смотрѣть косо на людей, которые, какъ Бунко, очень широко имъ пользовались. Право отъѣзда должно было питать въ князьяхъ чувство постояннаго недовѣрія къ ихъ слугамъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ князьяхъ, которые на дѣлѣ испытали всю условность обѣщанія служилыхъ людей—„сложить за нихъ свои головы".

Въ нашей ученой литературѣ давно уже было обращено вниманіе на то, что среди старинныхъ дворянскихъ фамилій встрѣчается у насъ очень много иностранныхъ выходцевъ. Валуевъ считаетъ 15 выходцевъ на одного русскаго. Не беремъ на себя провѣрять этотъ *выводъ*. *Очень* можетъ быть, что многіе роды, выводящіе

своихъ предковъ изъ нѣмецкой земли или изъ татаръ, были русскаго происхожденія. Но самый фактъ обилія выходцевъ и ласковаго ихъ пріема князьями не подлежитъ никакому сомнѣнію. Это фактъ не случайный: его должно привести въ связь съ шаткостью отношеній между князьями и мѣстными служилыми людьми. Охотно принимая бездомныхъ выходцевъ и богато одаряя ихъ кормленіями и всякими пожалованіями, князья хотѣли, конечно, образовать около себя группу людей, не имѣющихъ тѣсной связи съ окружающею средой и исключительно имъ однимъ обязанныхъ выгодами своего положенія [1]). Но и любовь къ иностранцамъ не спасала князей отъ шаткости настроенія служилыхъ лю-

---

[1]) Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Про Андрея Боголюбскаго, который не любилъ ростовскихъ и суздальскихъ бояръ, лѣтописцы разсказываютъ, что онъ приблизилъ къ себѣ какого-то Анбала, неизвѣстнаго выходца, едва ли не еврея, и далъ ему власть надо всѣмъ. Объ Иванѣ Калитѣ въ Арх. Рост. лѣтописи есть извѣстіе, что онъ поставилъ надо всѣми кіевскаго выходца, Родіона Несторовича, который привелъ съ собою до 1700 человѣкъ послужильцевъ (Кар. IV, пр. 324). Въ 1406 г. выѣхалъ изъ Литвы на службу къ Василію Дмитріевичу кн. Свидригайло Ольгердовичъ со многими людьми. Его сопровождали: Звенигородскіе князья, Патрикей и Александръ, Минскій кн. Урустай, Перемышльскій кн. Семенъ, изъ Путивля кн. Ѳедоръ Александровичъ, кн. Михайло Хотѣтовскій, а съ ними бояре черниговскіе, брянскіе, стародубскіе, любутскіе и рославльскіе. Всѣхъ этихъ искателей счастія надо было устроить. Вел. князь Василій Дмитріевичъ не поскупился. Онъ далъ имъ „городъ Володиміръ со всѣми волостьми и пошлинами, и съ селы и съ хлѣбомъ, такъ же и Переяславль, потому же и Юрьевъ Польскій и Волокъ-Ламскій, и Ржевъ и половину Коломны“. Самъ Свидригайло недолго служилъ вел. князю. Въ 1410 г. онъ уже отъѣхалъ обратно въ Литву. Изъ словъ лѣтописца: „а по дорогѣ взялъ градъ Серпуховъ“ надо заключить, что онъ и отъѣхалъ не одинъ. Въ 1447 г., когда Василій Ярославичъ шелъ „вынимать“ вел. князя изъ плѣна, онъ встрѣтился въ степи съ татарами. Сначала между русскими и татарами завязалась перестрѣлка, но скоро выяснилось, что татары идутъ изъ Черкасъ съ двумя царевичами, Касимомъ да Егупомъ; а идутъ они за тѣмъ, что слышали про вел. князя, что братія его надъ нимъ изряду учинили, и пошли они искать вел. князя за прежнее его добро и за его хлѣбъ. Они ѣхали тоже со многими людьми. Касимъ получилъ за выѣздъ Звенигородъ, а Егупъ—Кострому (Лѣт. VIII, 82, 120, 122, 125). Ласковый пріемъ иностранцевъ привлекалъ на службу московскихъ государей цѣлыя артели иноземной вольницы. На службѣ царя Ивана состояли выѣзжіе московскіе люди, соединившіеся подъ начальствомъ двухъ „рохмистровъ“ Тимоѳея Севрюгскаго и Мотьяна Мщина. Съ первымъ былъ 91 товарищъ да 47 служебниковъ (то же, что послужильцы), со вторымъ—79 товарищей и 28 служебниковъ. Всѣ они получали денежное жалованье. Но вольница эта не вся состояла изъ иноземцевъ. Въ числѣ служебниковъ были и русскіе люди; этимъ русскимъ людямъ въ 1582 г. Иванъ Грозный *не велѣлъ давать* денегъ на кормъ. Еще задолго до XVIII в. иностранцы *предпочитались у насъ своимъ* (Р. Ист. сбор., II, 802).

дей. Пріѣзжіе были не лучше дисциплинированны, чѣмъ свои; они весьма скоро сливались съ туземцами и проникались ихъ воззрѣніями.

Вольные слуги, по общему правилу, суть землевладѣльцы съ правами вотчиннаго суда и полиціи. Не смотря на это, между ними и территоріей княженія, въ предѣлахъ котораго лежали ихъ владѣнія, не было прочной связи. Благодаря праву отъѣзда, имъ не было надобности употреблять всѣ свои силы во благо того территоріальнаго цѣлаго, въ составѣ котораго они входили. Если они замѣчали, что это цѣлое переживаетъ тяжелую минуту испытанія, нечего было тратить силы на его поддержку; надо было снѣшить переѣхать на службу того князя, дѣла котораго шли лучше. Они теряли при этомъ права вотчиннаго суда и льготы, но этотъ убытокъ могъ быть сторицею возмѣщенъ пожалованіемъ кормленій и земель со стороны новаго господина. Надо было только имѣть вѣрное чутье для распознаванія: положеніе какого князя идетъ въ гору?

Въ договорахъ князья постоянно принимаютъ мѣры къ огражденію своихъ суверенныхъ правъ на территорію своего княженія. Чтобы земля изъ службы не выходила, этими договорами всегда воспрещается князьямъ-союзникамъ и ихъ слугамъ покупать земли въ союзномъ удѣлѣ. Но правомъ отъѣзда, предоставляемымъ тѣми же договорами, совершенно парализуется это запрещеніе: земля выходитъ изъ службы мѣстнаго князя и солидарность интересовъ служилыхъ людей съ мѣстностью постоянно обрывается.

Въ концѣ XV в. эти отношенія службы и владѣнія до крайности перепутываются. Иванъ Васильевичъ уступалъ иногда своимъ братьямъ и племянникамъ такія части своихъ владѣній, въ которыхъ онъ роздалъ уже жалованныя грамоты своимъ слугамъ. Естественно, онъ не хотѣлъ, чтобы слуги его теряли, и онъ былъ достаточно силенъ, чтобы оградить ихъ отъ такихъ потерь. Въ концѣ XV в. существовали, такимъ образомъ, удѣлы, въ которыхъ имѣли силу жалованныя грамоты не мѣстныхъ князей, а вел. князя московскаго (Р. С. I. № 106, 129). Всѣ интересы такихъ землевладѣльцевъ были притянуты къ Москвѣ; для нихъ почти или даже и вовсе не существовала та политическая территорія, въ предѣлахъ которой находились ихъ владѣнія.

Не имѣя твердой связи съ интересами мѣстности, бояре и вольные слуги не были связаны и другъ съ другомъ. Между ними полнѣйшій антагонизмъ и ни малѣйшей солидарности интересовъ. Переходя отъ князя къ князю, они всякій разъ вступаютъ въ новую для нихъ среду, у членовъ которой вырываютъ кусокъ хлѣба изъ рукъ. Насколько *пріѣздъ* новыхъ слугъ желателенъ для

князя, настолько же онъ ненавистенъ для людей, окружающихъ его. Все это — соперники по соисканію княжескихъ милостей. Каждый изъ нихъ, отдѣльно взятый, работаетъ только для себя, а всѣ вмѣстѣ работаютъ на пользу князя и во вредъ себѣ.

Нѣкоторые изслѣдователи говорятъ о земскихъ боярахъ и противополагаютъ ихъ княжескимъ. Это противоположеніе ни съ какой точки зрѣнія не можетъ быть принято. Были бояре, которые служили не князьямъ, а княгинямъ, митрополиту и пр.; но если они могутъ быть названы земскими, то въ томъ же смыслѣ, какъ и княжескіе, т. е. какъ землевладѣльцы. Могли быть и такіе, которые никому не служили, но это рѣдкое исключеніе; если оно и встрѣчалось, то временно: служба была такъ выгодна и такъ мало налагала обязанностей, что не приказывался на службу развѣ только слѣпой, глухой да безногій. Эти исключенія не могли составить особаго разряда земскихъ бояръ. Противоположеніе земскихъ бояръ княжескимъ заставляетъ предполагать у первыхъ какую-то особую организацію, независимую отъ служебнаго положенія ихъ при князѣ. Такой особой организаціи никакіе бояре не имѣли. Всѣ бояре, разсматриваемые, какъ земская сила, независимо отъ службы, представляются разрозненными единицами, болѣе или менѣе состоятельными, и только. Всякія права получаютъ они отъ щедротъ князя, но только за службу князю, а не въ качествѣ какихъ-то земцевъ.

Мы описали первоначальный порядокъ вещей.

Вольными слугами создалось Московское государство, они же создали и власть московскихъ государей.

Не отъ вотчины пошло образованіе Московскаго государства, какъ нерѣдко думаютъ. Слово ввело здѣсь въ заблужденіе нашихъ изслѣдователей. Московское государство называется вотчиной великихъ государей, а они его—отчичами и дѣдичами. Нѣкоторые изслѣдователи поняли слово „вотчина“ въ современномъ его смыслѣ и въ частной собственности московскихъ князей увидѣли зерно, посѣянное потомками Владиміра Мономаха въ Сѣверо-Восточной Руси, изъ котораго и выросло Московское государство. При этомъ не замѣтили, что и Новгородъ-Великій называетъ себя отчиной великихъ государей. Отчина въ этомъ смыслѣ не собственность. Называя себя отчиной московскихъ государей, новгородцы далеки отъ мысли признавать этимъ права собственности московскихъ государей на новгородскую территорію. Они обозначаютъ понятіемъ „отчина“ лишь длинный рядъ князей *московскаго дома*, послѣдовательно занимавшихъ новгородскій

столъ, чѣмъ заявляютъ о свой близости съ московскимъ домомъ —и только.

Изъ вышеизложеннаго видно, что и въ предѣлахъ великаго княженія государственное право на территорію и частное на собственность—не одно и то же. На всю территорію князьямъ принадлежатъ только права государственной власти. Права ихъ частной поземельной собственности далеко не совпадаютъ съ границами ихъ владѣній, какъ князей. У первыхъ московскихъ князей число собственныхъ селъ и деревень было такъ невелико, что они не затруднялись перечислять ихъ всѣ въ своихъ духовныхъ грамотахъ. Рядомъ съ князьями-собственниками, въ каждомъ княженіи была масса частныхъ собственниковъ, которые держали свои владѣнія не отъ князей, а на основаніи наслѣдственнаго права, купли и другихъ актовъ пріобрѣтенія. Къ этому разряду собственниковъ принадлежатъ не только бояре, въ смыслѣ близкихъ князю людей, но и всякіе вольные слуги.

Съ увеличеніемъ владѣній московскихъ князей и съ возрастаніемъ ихъ власти должно было измѣниться и отношеніе ихъ къ вольнымъ слугамъ. По мѣрѣ объединенія Россіи подъ властью московскихъ вел. князей, фактически сокращается область отъѣздовъ. Но на этомъ фактическомъ ограниченіи московское правительство не могло остановиться: ему надобно было уничтожить самое право отъѣзда и установить обязательную службу.

Оно этого, дѣйствительно, и достигаетъ, хотя чрезвычайно медленно и даже какъ-то робко.

Мы указали уже на то, что право отъѣзда съ вотчинами выводитъ вотчины отъѣхавшихъ изъ службы мѣстнаго князя и, дѣйствительно, противно его интересамъ. Любопытно, что борьбу съ этимъ противогосударственнымъ правомъ служилыхъ людей начали не князья, а Новгородская республика. Изъ новгородскихъ договоровъ XIV в. видно уже, что республика не допускаетъ, чтобы люди, выѣхавшіе изъ Новгорода, оставались собственниками въ новгородской территоріи; села ихъ и деревни отходятъ къ Новгороду (Р. С. I. № 11, 28, 18). Боярское правленіе смѣлѣе относится къ своему брату боярину, чѣмъ княжеское. Москва многому должна была учиться у Новгорода.

Не смотря на тѣ жестокія испытанія, которыя причиняло вел. князю Василію Васильевичу право отъѣзда, въ его договорахъ съ русскими князьями мы не находимъ еще ограниченій этого права. Впервые появляются они въ его договорахъ съ Литвой, которыми предоставляется свобода отъѣзда русскимъ служилымъ людямъ *въ Литву, а литовскимъ*—въ Москву, но безъ сохраненія

права на вотчины. Кому принадлежитъ иниціатива этого ограниченія, Литвѣ или Москвѣ, не можемъ сказать (Спб. Имп. Рус. Ист. общ. XXXV, 48).

Нѣтъ ограниченій и въ договорахъ сына его Ивана Васильевича съ русскими князьями. Но этотъ вел. князь находитъ уже нужнымъ и возможнымъ начать борьбу съ правомъ отъѣзда. Онъ приступаетъ къ этому очень осторожно и со своей обычной находчивостью. Иванъ Васильевичъ не установляетъ общихъ правилъ, но проводитъ свою волю въ отдѣльныхъ случаяхъ. Не отмѣняя права отъѣзда, онъ ставитъ лицъ, желающихъ отъѣхать, въ такія условія, что они сами отказываются отъ своего права отъѣзда и обязываются служить ему и его дѣтямъ до своей смерти; въ случаѣ же невѣрности данному слову, они предоставляютъ ему право наказывать ихъ по усмотрѣнію. Это достигается весьма просто. Служилый человѣкъ, подозрѣваемый въ желаніи отъѣхать, берется подъ стражу. Лишенный свободы, онъ готовъ дать всякія обѣщанія, лишь бы возстановить прежнія хорошія отношенія къ князю. Таково происхожденіе записей о не-отъѣздѣ. Въ 1474 г. такую запись далъ на себя кн. Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій. Онъ называетъ себя слугой вел. князья (въ позднѣйшихъ записяхъ, вмѣсто слуги, стали писать „холопъ"), обязывается служить ему и дѣтямъ его „до живота", и въ заключеніе говоритъ: „вел. кн. Иванъ Васильевичъ и его дѣти по моей винѣ въ казни вольны".

Но личными обѣщаніями строптиваго слуги Иванъ Васильевичъ не довольствовался; онъ требовалъ, чтобы за него поручились другіе и обезпечили свою поруку обязательствомъ уплатить извѣстную сумму денегъ въ случаѣ его отъѣзда. Такъ было поступлено и съ княземъ Даніиломъ Дмитріевичемъ Холмскимъ. За него поручились 8 служилыхъ людей, всего на сумму въ 2000 р.; Иванъ Никитичъ Воронцовъ поручился въ томъ числѣ въ 250 р. Въ его поручной сказано, что если Данило Холмскій отъѣдетъ, то вел. князь беретъ себѣ всѣ животы и села и статки его (Р. С. I № 103, 104). Такимъ образомъ, путемъ вынужденныхъ записей и поручныхъ, проводится въ среду служилыхъ людей мысль объ обязанности ихъ служить вел. князю до живота и о правѣ вел. князя конфисковать имущество отъѣхавшихъ и наказывать ихъ всякими иными казнями.

Дѣло, начатое Иваномъ Васильевичемъ, продолжается сыномъ его Василіемъ и внукомъ Иваномъ. При малѣйшемъ подозрѣніи объ отъѣздѣ, служилый человѣкъ берется подъ стражу, а затѣмъ даетъ запись и представляетъ за себя поручителей. Отъ времени

этихъ князей сохранились указанія на то, что поручители, въ свою очередь, должны были представить за себя поручителей. Эти вторые поручители носятъ наименованіе „подручниковъ". Въ не-отъѣздѣ того или другаго служилаго человѣка оказываются, такимъ образомъ, заинтересованными сотни служилыхъ людей.

Въ 1562 г. за кн. Ивана Дмитріевича Бѣльскаго поручилось 29 бояръ. Шесть изъ нихъ представили за себя 105 подручниковъ. Подручныя грамоты другихъ поручителей до насъ не дошли; предполагая, что они представили подручниковъ въ томъ же размѣрѣ, какъ эти шесть, получимъ болѣе 500 подручниковъ на 29 поручителей за одного Бѣльскаго.

Замыслившіе отъѣздъ берутся подъ стражу. Но это не значитъ, что отъѣздъ отмѣненъ. Лишеніе свободы по подозрѣнію въ отъѣздѣ есть нарушеніе права служилыхъ людей, которое позволяютъ себѣ сильные московскіе князья. Существованіе же права отъѣзда доказывается договорами, въ которыхъ оно признаётся еще въ тридцатыхъ годахъ XVI в.

Вел. князю Ивану Васильевичу принадлежитъ починъ и другаго ограниченія. Въ его духовной грамотѣ читаемъ: „а бояромъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына Василія не отъѣхати ни кому, ни куда; а кто отъѣдетъ, земли ихъ сыну моему". Это то же ограниченіе, которое еще въ XIV в. существовало въ Новгородѣ, а въ XV появляется въ договорахъ съ Литвой: служилые люди могутъ отъѣхать, но безъ вотчинъ. Почему въ данномъ случаѣ примѣнено оно къ ярославскимъ служилымъ людямъ, этого мы не знаемъ.

Боярскому правленію въ малолѣтство Грознаго принадлежитъ новый шагъ въ дѣлѣ ограниченія отъѣздовъ. Въ 1537 г. взяли бояре (введеные) клятвенную запись съ удѣльнаго князя Андрея Ивановича, въ которой онъ обязался не принимать къ себѣ служилыхъ людей вел. князя, князей, бояръ и дьяковъ, и извѣщать правительство о такихъ охотникахъ до переѣздовъ „на лихо вел. князя". Этому примѣру слѣдуетъ и Иванъ Грозный (Р. С. I. № 163 и 167).

У правительства установился уже взглядъ, что отъѣздъ есть дѣло противогосударственное; тѣмъ не менѣе, можно сомнѣваться, что былъ изданъ когда либо указъ, формально отмѣнившій право отъѣзда. Въ договорѣ вел. князя Василія Ивановича и сына его Ивана съ удѣльнымъ княземъ Юріемъ Ивановичемъ это право признаётся еще въ 1531 г. Князь Курбскій въ своей полемикѣ съ Грознымъ не говоритъ, что былъ указъ, отмѣнившій право отъѣзда, *а жалуется только* на крестоцѣловальныя записи, кото-

рыя берутся силою. Это совершенно правильная точка зрѣнія: не указъ (ибо московскіе государи хорошо чувствовали, что указомъ нельзя ни создать, ни отмѣнить права) а сила сломила свободу отъѣзда. Но для этой реформы потребовалось безъ малаго сто лѣтъ.

Въ половинѣ XVI в., въ правительственныхъ сферахъ отъѣздъ разсматривается уже, какъ измѣна. Это нисколько не мѣшаетъ служилымъ людямъ по прежнему смотрѣть на него, какъ на свое право. Этимъ правомъ и воспользовался кн. Андрей Михайловичъ Курбскій, который не давалъ записи о не-отъѣздѣ; имъ пользовались и многіе служилые люди въ смутное время. Даже сами государи признаютъ иногда это право, но только въ видѣ исключенія. Въ духовной грамотѣ царя Ивана право отъѣзда признано за татарскимъ царевичемъ Муртазалеемъ, въ крещеніи Михаиломъ Кайбулинымъ; онъ могъ отъѣхать, но лишался въ такомъ случаѣ Звенигорода, который былъ данъ ему во владѣніе, вѣроятно, съ селами и деревнями.

Воспрещеніе права отъѣзда путемъ противодѣйствія отдѣльнымъ отъѣздчикамъ не возбуждало протеста въ массѣ вольныхъ слугъ; довольные своимъ привилегированнымъ положеніемъ, они не думали объ осуществленіи своего права отказа отъ службы и потому смотрѣли равнодушно на воспрещеніе отъѣзда тому или другому высокопоставленному лицу. Отсутствіе солидарности между служилыми людьми немало содѣйствовало ихъ ослѣпленію, мѣшавшему имъ видѣть, что послѣдствія записей о не-отъѣздѣ по необходимости должны распространиться и на нихъ и лишить ихъ единственной гарантіи ихъ правъ и вольностей.

Прекращеніе права отъѣзда существенно измѣнило положеніе служилыхъ людей. Изъ вольныхъ слугъ они сдѣлались невольными. Въ офиціальныхъ памятникахъ половины XVI в. проводится уже мысль, что служилые люди обязаны служить и съ дѣтьми. Своею свободою могутъ располагать только тѣ, которые государемъ отъ службы отставлены; эти могутъ поступать и въ частную службу, въ холопство (Цар. Суд. 81). Вмѣстѣ съ этимъ, выходитъ изъ употребленія и старое право „приказываться на службу“ (нѣтъ „отказа“, нѣтъ и „приказа“). Служилые люди ex officio заносятся въ списки.

Едва служба стала обязательной, потребовалось опредѣлить мѣру этой службы. Это сдѣлано Иваномъ Грознымъ въ 1556 г. Онъ учинилъ *уложенную* службу съ вотчинъ и помѣстій: „со 100 *четвертей* доброй земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ, а *въ дальній походъ* о дву конь“. Съ точки зрѣнія службы, для

государства было все равно, владѣетъ служилый человѣкъ вотчиной или помѣстьемъ, а потому царь Иванъ и установилъ одинакую мѣру службы какъ для вотчинниковъ, такъ и для помѣщиковъ.

Установленіе обязательной службы не лишило однако служилыхъ людей ни одной изъ тѣхъ милостей, которыми они пользовались прежде. Они продолжаютъ получать льготы, кормленія, земли и пользоваться исключительной подсудностью. Но все это зависитъ единственно отъ доброй воли московскихъ государей, протестовать противъ которой нельзя уже.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣтно даже расширеніе прежнихъ привилегій. Требуя обязательной службы отъ служилыхъ людей и дѣтей ихъ, московское правительство беретъ на себя, тѣмъ самымъ, обязанность устроить служилыхъ людей такъ, чтобы они дѣйствительно могли служить. Это совершенно послѣдовательно. Древнѣйшій актъ, въ которомъ видна эта заботливость московскаго правительства, относится къ 1550 году. Мы знаемъ, что вольные служилые люди живутъ въ своихъ отчинахъ, иногда весьма удаленныхъ отъ Москвы. А служба требуетъ нерѣдко посылокъ внезапныхъ, для которыхъ не всегда бываетъ возможно вызвать служилыхъ людей изъ ихъ отдаленныхъ вотчинъ. Для того, чтобы согласить требованія службы съ возможностью, царь Иванъ приказалъ дать „боярамъ и другимъ слугамъ, которымъ быти готовымъ въ посылки", помѣстья въ московскомъ уѣздѣ, кромѣ тѣхъ, у которыхъ есть уже вотчины близъ Москвы и которые, слѣдовательно, и безъ того могутъ быть готовы во всякія посылки. Такихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и помѣщено было тогда около Москвы тысяча человѣкъ. Они, по всей вѣроятности, и составили зерно особаго, весьма потомъ извѣстнаго, московскаго списка служилыхъ людей.

Эта мысль объ обязанности государства надѣлять служилыхъ людей землями, само собою разумѣется, весьма понравилась обязанныимъ слугамъ; она нашла себѣ полное выраженіе въ челобитьѣ ратныхъ людей, стоявшихъ станомъ подъ Москвой въ 1611 году, и поданномъ ими воеводамъ ополченія, кн. Трубецкому, Заруцкому и Ляпунову. Первымъ двумъ челобитье не полюбилось, но Ляпуновъ принялъ сторону челобитчиковъ и настоялъ на приговорѣ въ смыслѣ челобитья (Р. Л. VIII, 166). Въ этомъ приговорѣ съ большою послѣдовательностью проводится мысль о надѣленіи помѣстьями тѣхъ служилыхъ людей, у которыхъ нѣтъ помѣстій, или у кого *помѣстья* разорены отъ литовскихъ людей. *Для надѣленія этихъ безпомѣстныхъ*, малопомѣстныхъ и разорен-

ныхъ слугъ грамота требуетъ отобрать лишки у тѣхъ, кто завладѣлъ новыми помѣстьями вдобавокъ къ старымъ, или кому новыя помѣстья были приданы къ старымъ именемъ королевича Владислава. Вдовы и дѣти убитыхъ литовцами должны сохранить помѣстья мужей и отцовъ своихъ. Для исполненія этого приговора, въ Помѣстный приказъ надо было посадить лицъ по выбору всей земли. Они должны прежде всего „испомѣстити слугъ бѣдныхъ, разореныхъ, безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ“ (Кар. XII, пр. 793). Такимъ образомъ, всѣ должны быть надѣлены, а вдовы и дѣти обезпечены, и все это на счетъ государства. А такъ какъ въ помѣстья даются не только дворцовыя, но и черныя земли, то вся земля Московскаго государства разсматривается служилыми людьми, какъ предназначенная имъ въ раздачу. Она, дѣйствительно, и раздается щедрою рукой. Служилые люди недаромъ утратили свои вольности: они продали ихъ за льготы и земли. Въ ихъ же интересѣ совершилось и прикрѣпленіе крестьянъ. Купивъ свободу служилыхъ людей, правительство охотно уступило имъ свободу рабочаго населенія. Оно еще разъ подѣлилось съ ними властью.

Старая вольность была принесена въ жертву экономической обезпеченности на счетъ государства; но эта обезпеченность достигнута всѣми лицами служилаго класса и съ нисходящимъ ихъ потомствомъ изъ роду въ родъ.

Отмѣна вольности подкрадывалась такъ медленно и незамѣтно, она такъ обильно подслащалась пожалованіями, что служилые люди долго не сознавали всего значенія происходившихъ перемѣнъ. Въ ихъ поведеніи нерѣдко встрѣчаются черты, свидѣтельствующія о глубокомъ ихъ заблужденіи относительно окружающаго порядка вещей. Служба стала для нихъ обязательной, только на этомъ условіи могутъ они пользоваться милостями московскихъ государей. Въ старое время служебная ревность, какъ мы видѣли, не составляла ихъ добродѣтели. Тогда вел. князьямъ приходилось мириться съ этимъ. Но эти привычки вольности остались у служилыхъ людей и въ XVI в. Они также не спѣшатъ на службу, какъ и въ XIV-мъ, и многіе оказываются въ „нѣтяхъ“. Но теперь это уже не терпится. Дѣтей боярскихъ, не являющихся на службу или съѣзжающихъ ранѣе срока, приказываютъ бить батогами и кнутомъ, а затѣмъ сажать въ тюрьму и держать тамъ до тѣхъ поръ, пока они не представятъ за себя порукъ въ томъ, что имъ впредь со службы не бѣгать (Р. Ист. Сб. II, 197). Усердные слуги московскихъ государей ревностно исполняли эту экзе-

куцію надъ нерадивыми. По Уложенію, кнутъ за самовольный уходъ со службы составляетъ уже общее правило (VII, 8).

Среди новыхъ насажденій, дѣлаемыхъ рукою московскихъ государей, вездѣ еще видны остатки старины. И эта старина находитъ себѣ пріютъ не въ сознаніи только подданныхъ, которые выражаютъ такимъ образомъ свой протестъ новымъ порядкамъ; ее можно наблюдать въ государевыхъ указахъ. Старое отмѣняется только постольку, поскольку оно противно интересамъ власти московскихъ государей. Если же оно не имѣетъ никакого отношенія къ этимъ интересамъ, оно оставляется, хотя бы при новыхъ условіяхъ быта это старое и не имѣло никакого смысла. Въ 1562 г., января 5-го, царь и великій князь приговорилъ вотчины въ Твери, Торжкѣ, въ Ярославлѣ, въ Рязани, на Бѣлѣозерѣ и на Романовѣ покупать, продавать, давать въ приданое и мѣнять такъ, какъ это было изстари. А изстари въ этихъ городахъ *иногородцы* отчинъ не покупали. Поэтому приказано у всѣхъ иногородцевъ, купившихъ въ Твери и пр. отчины лѣтъ за 15 и за 20, отобрать эти покупки на государя безденежно; а кто купилъ лѣтъ за 5 или за 6, о тѣхъ доложить государю. За новыми пріобрѣтателями было дозволено оставить отчины только въ томъ случаѣ, если они имѣютъ на покупку царскія грамоты (Лазар. и Ут., стр. 307).

Это, конечно, старина, но что за безсмыслица и какая вопіющая несправедливость оживлять ее въ XVI в.! Запрещенія покупать иногородцамъ въ XV в. и ранѣе имѣли смыслъ, потому что Тверь, Торжокъ, Рязань и пр. были тогда особыми государствами, и такія покупки выводили землю изъ службы мѣстному правительству; вотъ почему онѣ допускались только въ томъ случаѣ, если мѣстное правительство ихъ дозволяло. Въ XVI же вѣкѣ Тверь, Рязань и проч. составляютъ одно государство, и нѣтъ разумной причины запрещать покупки иногородцамъ. А онѣ не только впредь запрещаются, но безжалостно обираются въ пользу государя всѣ пріобрѣтатели за 15 и за 20 лѣтъ. Таковы московскіе порядки. Что это—правительственная ложь въ видахъ обогащенія казны? Нѣтъ, это наивная преданность старинѣ, живой смыслъ которой болѣе никому непонятенъ. Запрещенія иногородцамъ сохраняются въ царскихъ указахъ еще въ XVII в. Удивительный ходъ исторіи и, конечно, не нашей только. Событія совершаются какъ бы въ глубокихъ потемкахъ. Ни правительственный классъ, ни сами государи не видятъ ясно, куда они идутъ и что ими уже сдѣлано,—и не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что *изъ стараго должно умереть* и что можетъ жить.

Въ старое время подсудность служилыхъ людей самому государю или близкому къ нему боярину составляла важную ихъ привилегію. Это была особая милость князей, и дѣйствительно она обезпечивала права бояръ и дѣтей боярскихъ. Князья нуждались въ служилыхъ людяхъ и должны были судить ихъ по правдѣ, иначе рисковали потерять своихъ вольныхъ слугъ. И теперь, при царѣ Иванѣ, самъ государь судитъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Но что обратилась эта привилегія съ уничтоженіемъ права отъѣзда? Въ оружіе самоуправства и въ легкій способъ отдѣлаться отъ людей подозрительныхъ или просто неудобныхъ.

Вотъ какъ описываютъ русскіе лѣтописцы судъ Ивана Васильевича надъ новгородцами, подозрѣваемыми имъ въ измѣнѣ, состоявшей будто бы въ томъ, что они хотѣли передаться Литвѣ. Судъ этотъ происходилъ въ январѣ 1570 г. на Городищѣ. „Царь и великій князь съ сыномъ своимъ сѣдъ на судище и повелѣ приводити изъ Великаго Новагорода владычныхъ бояръ и служилыхъ дѣтей боярскихъ, и гостей и всякихъ городскихъ и приказныхъ людей, и жены и дѣти, и повелѣ предъ собою люте мучити и по многихъ неисповѣдимыхъ мукахъ тѣлеса ихъ нѣкоею составною мудростію огненною поджигати, иже именуется поджаръ. И повелѣваетъ государь своимъ дѣтямъ боярскимъ тѣхъ мучимыхъ и поджареныхъ за руки и за ноги и за головы вязати различно тонкими ужи, по человѣку къ санемъ, и быстро за саньми влещи на Великій Волховской мостъ и повелѣ ихъ съ мосту метати въ рѣку (младенцевъ къ матерямъ привязывали и также бросали въ Волховъ)... И бысть убо таковаго неисповѣдимаго пролитія крови, грѣхъ ради нашихъ, неукротимыя ярости царевы по вся дни безпрестани яко до пяти седмицъ и больши; и на всякъ убо день ввергнутъ и потопятъ человѣкъ яко до тысящи, а иногда и по полуторы тысящи; а тотъ день убо облегченъ и благодаренъ, иже ввергнутъ въ воду до 500 и до 800 человѣкъ". Въ другомъ источникѣ перечислены изобрѣтенныя царемъ Иваномъ средства правосудія: „сковрады, пещи, бичеванія жестокая, ногти острыя, клещи разженныя, терзанія ради тѣлесъ человѣческихъ, иголъ за ногти вонзенія, рѣзанія по составомъ, претренія вервми на полы, не токмо мужей, но и женъ благородныхъ и иные безчисленные и неслыханные виды мукъ на невинные, умышленные отъ него",

Допустимъ, что всѣ дни царскаго суда для новгородцевъ были легкіе и счастливые, и получимъ для 35 дней 17,500 *человѣческихъ жертвъ*, варварски лишенныхъ жизни.

6-го января царь прибылъ на Городище, а съ 8-го началась

описанная лѣтописцемъ расправа. Когда же было производить судъ и розыскъ о 17,500 казненныхъ? Царь и не производилъ розыска. Вотъ какъ, по описанію лѣтописи, провелъ онъ день 8-го января: поутру въѣхалъ онъ въ Новгородъ, и на мосту былъ торжественно встрѣченъ архіепископомъ Пименомъ; затѣмъ слушалъ литургію, а по ея окончаніи отправился въ палату архіепископа, гдѣ сѣлъ за обѣденный столъ съ боярами, и вдругъ завопилъ страшнымъ голосомъ. Архіепископъ и бояре его были схвачены, имущество ихъ пограблено, а немедленно затѣмъ открылся судъ на Городищѣ. Варварскія жестокости обрушились на голову новгородцевъ совершенно неожиданно, если не считать убійствъ и грабежей, произведенныхъ царемъ по дорогѣ въ Новгородъ, въ Клину, Городкѣ, Твери, Торжкѣ, Вышнемъ-Волочкѣ и др. мѣстахъ, достаточнымъ предувѣдомленіемъ.

А розыскъ по поводу измѣннаго новгородскаго дѣла дѣйствительно былъ произведенъ [2]), только послѣ казни новогородцевъ! Что же такое судъ царя и вел. князя на Городищѣ и другія его неистовства? Это бурный, все истребляющій разливъ власти, не находившей себѣ болѣе никакихъ границъ. Никакія формы суда и сыска не были нужны для этой власти, все потопившей. Царь подозрѣваетъ—и этого довольно, чтобы отнять жизнь у тысячи людей.

Только переживъ царствованіе Грознаго, при которомъ ничто не было обезпечено: ни собственность, ни жизнь, ни честь, московскіе служилые люди разглядѣли ту пропасть, къ которой привела ихъ предшествующая исторія. Только послѣ Грознаго настало для нихъ время подумать о новомъ обезпеченіи своихъ правъ. Первая попытка въ этомъ родѣ относится, по всей вѣроятности, ко вступленію на престолъ Бориса, но ей не было суждено вылиться въ опредѣленныя формы. Вторая, относящаяся къ воцаренію Шуйскаго, получила точное выраженіе и сохранилась въ памятникахъ. Царь обязывался: „не осудя истиннымъ судомъ

---

[2]) Къ дѣлу объ измѣнѣ новгородцевъ (Кар. IX, пр. 299) привлечены были и близкіе царю люди: бояринъ Алексѣй Басмановъ и сынъ его, крайчій Ѳедоръ, оружничій кн. Аѳанасій Вяземскій и другіе. Розыскъ этотъ начался и кончился послѣ „суда“ на Городищѣ. Думаемъ такъ на томъ основаніи, что нѣкоторые изъ поименованныхъ чиновныхъ людей во время новгородскаго избіенія находились еще при своихъ должностяхъ; такъ, Ѳедоръ Басмановъ отмѣченъ въ боярскихъ книгахъ выбывшимъ изъ должности крайчаго послѣ 1-го сентября 1570 г., а кн. Аѳ. Вяземскій—отставленнымъ отъ должности оружничаго послѣ 1 сентября 1571 *года (Новиковъ, XX, 51 и сл.).*

съ бояры своими, смерти не предати, и вотчинъ и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ, и у женъ и у дѣтей не отнимати, буде которые съ ними въ мысли не были, да и доводовъ ложныхъ не слушать, а сыскивати всякими сыски на крѣпко, чтобы въ томъ православное христіанство безвинно не гибло" (А. Э. II, № 44). Какая умѣренность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой укоръ Грозному, неистовства котораго продиктовали выписанную статью.

В. Сергѣевичъ.

ПЕРМСКАГО БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ БИБЛІОТЕКА

БЕЗВОЗВРАТНО.

Разсказъ **Остоя.**

I.

Первый разъ, со времени существованія Виленскаго отеля, 43-й номеръ въ третьемъ этажѣ былъ занятъ уже цѣлую недѣлю. Обыкновенно здѣсь жили только мыши и мокрицы, безчисленное количество мухъ и другихъ насѣкомыхъ. Номеръ этотъ никогда не прибирали: въ углахъ и надъ печкой паутина; обои, когда-то желтые съ красными полосами, совсѣмъ потемнѣли отъ пыли, зеленая софа и кресла давно выцвѣли. Зимой печь дымила; лѣтомъ цѣлый день сквозь окно, прикрытое только тюлевой занавѣской, лучъ солнца ложился яркой полосой на пыльномъ полу и освѣщалъ всю комнату съ ея душнымъ воздухомъ. Номеръ какъ бы служилъ продолженіемъ людской комнаты, отъ которой онъ отдѣлялся только деревянной перегородкой. Черезъ щели двери шелъ запахъ табаку, керосину и ваксы; ночью раздавался храпъ лакеевъ, спящихъ за перегородкой, а такъ какъ сосѣдній номеръ былъ рѣдко занятъ, то они часто спали въ немъ на постели съ жидкимъ матрацемъ и на софѣ, въ которой когда-то были пружины. Они имѣли здѣсь свои коптробандные склады за печкой, въ видѣ бутылокъ съ пивомъ, хлѣба и другихъ запасовъ, добытыхъ у пріѣзжихъ или изъ буфета. Въ каждомъ отелѣ есть такой номеръ; на доходъ съ него хозяинъ разсчитываетъ только во время большихъ съѣздовъ; обыкновенно онъ остается въ запасѣ для самыхъ нетребовательныхъ пріѣзжихъ, не имѣющихъ возможности пользоваться такими удобствами, какъ ночная тишина и свѣжій воздухъ. Прислуга съ пренебреженіемъ относится къ такимъ пріѣзжимъ: постоялецъ третьяго этажа—„это не важная персона"; за нимъ нужно смотрѣть еще, чтобы не стащилъ чего нибудь, особенно, когда у него мало багажа.

Дама, жившая въ этомъ номерѣ уже недѣлю, имѣла съ собой *только полотняный* чемоданчикъ да кожаный сакъ-вояжъ; но, не

смотря на скудость ея имущества, видъ ея былъ благороденъ и привлекателенъ; лакеи, встрѣчая ее въ коридорѣ, оглядывались на нее и часто останавливались посмотрѣть, какъ она спускалась по лѣстницѣ. Даже старый Михаилъ, служившій уже четырнадцать лѣтъ старшимъ лакеемъ въ отелѣ, знавшій толкъ въ людяхъ и въ напиткахъ, и тотъ обманулся. Когда она пріѣхала, онъ самъ взялъ ея дорожный багажъ и хотѣлъ проводить ее въ барскіе номера. Она была очень красива: высокая, стройная, съ черными волосами и съ необыкновеннымъ бѣлымъ лицомъ; какъ она одѣта—онъ не могъ разсмотрѣть, такъ какъ она пріѣхала вечеромъ; разсмотрѣлъ онъ только бѣлую вуалетку и шведскія перчатки, отъ которыхъ пахло духами. Въ одну минуту онъ сообразилъ, что ее слѣдуетъ помѣстить въ первомъ этажѣ, въ комнатѣ съ двумя окнами, съ балкономъ и бархатной мебелью, гдѣ когда-то стояла генеральша, а за часъ передъ ея пріѣздомъ изъ этого номера выѣхалъ старикъ, который все кашлялъ,—какъ видно, большой баринъ, давшій ему три рубля на чай; правда, послѣ его отъѣзда, тамъ еще не все убрано: на балконѣ остался столикъ съ пустыми бутылками отъ зельтерской воды, въ комнатѣ много окурковъ папиросъ, — но что же дѣлать! Всѣ парадные номера заняты, а Михаилъ не посмѣлъ проводить такую элегантную даму этажемъ выше. Съ багажемъ въ рукахъ, шелъ онъ впереди, дѣлая маленькіе шаги, какъ ходятъ коты или услужливые лакеи. Въ первомъ этажѣ остановился и только хотѣлъ указать ей номеръ, какъ она сама приказала нести багажъ въ третій этажъ—въ номеръ самый дешевый. Удивленный, онъ положилъ чемоданъ и сказалъ:

— Самый дешевый? Есть и дешевый! Нужно было только сказать объ этомъ внизу! Сейчасъ... я скажу, чтобы вамъ показали! Эй, Петръ, иди сюда!

Не дождавшись Петра, онъ сбѣжалъ съ лѣстницы внизъ, такъ какъ замѣтилъ вновь пріѣзжаго, который сразу напомнилъ ему 3 руб., полученные отъ старика; вновь прибывшій имѣлъ видъ строго-приличный, онъ не молодъ, худъ, высокъ; на головѣ шляпа изъ рисовой соломы съ черной лентой и золотыя очки; черезъ плечо висѣла кожаная сумка, въ рукахъ онъ держалъ изящный дорожный мѣшокъ. Три лакея уже устремились къ нему, но Михаилъ предупредилъ ихъ, потому что зналъ толкъ въ людяхъ. Покинутая женщина равнодушно пожала плечами: небрежность лакея ее не возмутила; она сама забрала багажъ, не дождавшись Петра, *и хотѣла идти дальше*, но вдругъ, оглянувшись, увидала вновь *прибывшаго постояльца*.

— Чортъ его принесъ! пробормотала она сквозь зубы.

Эти рѣзкія слова какъ-то не гармонировали съ ея красивымъ лицомъ и изящными манерами. Въ первую минуту трудно было сказать, что̀ на нее такъ непріятно подѣйствовало,—назойливость-ли прибывшаго, который, видимо слѣдя за ней, пріѣхалъ въ тотъ же отель, или то, что она не могла болѣе разъигрывать изъ себя роль богатой дамы. Полъ-дня ѣхали они вмѣстѣ во II-мъ классѣ и имѣли въ своемъ распоряженіи цѣлое купе, но онъ все безпокоился, что ей несовсѣмъ удобно ѣхать. Сначала ее смѣшили эти барскія претензіи, и она даже хотѣла признаться, что первый разъ въ жизни ѣдетъ такъ удобно; но когда онъ сталъ окружать ее отеческими попеченіями, она приняла видъ избалованной дамы, и была очень довольна оказаннымъ ей вниманіемъ. Каждая женщина всегда благодарна въ душѣ тому, кто увѣритъ ее, что она создана для золотой рамки. Она вспомнила, что разъ встрѣтила его въ богатомъ домѣ на вечерѣ, гдѣ она играла, какъ таперша; но онъ ея не узналъ, чѣмъ она была очень довольна. Она могла разъигрывать теперь роль большой барыни, пользовалась его услугами и пріятнымъ обществомъ; онъ старался занимать ее разговоромъ, съ напряженнымъ вниманіемъ выслушивалъ каждое ея мнѣніе, соединяя въ себѣ авторитетъ опекуна и любезность свѣтскаго человѣка. Иногда онъ смѣшилъ ее; не смотря на сильный жаръ, онъ цѣлый день не снималъ шляпы, потому что былъ лысъ; нѣсколько оставшихся волосъ съ просѣдью прилипли отъ жару на вспотѣвшихъ вискахъ и за ухомъ. Ему было лѣтъ пятьдесятъ, ноги онъ ставилъ не твердо, покашливалъ; онъ ѣхалъ за границу—вѣрно, лѣчиться отъ болѣзни спиннаго мозга или отъ чахотки, хотя разсказывалъ, что ѣдетъ только для своего удовольствія и развлеченія; при этомъ онъ улыбался, сладко жмурилъ глаза, какъ бы имѣя въ перпекстивѣ болѣе пріятные проэкты. Говорилъ онъ пріятно, мягко, какъ говорятъ въ салонахъ и будуарахъ; даже кашлялъ изящно и при этомъ взглядывалъ на свою даму, какъ бы извиняясь. У него былъ дорогой пледъ и пружинная подушка, курилъ онъ дорогія сигары; въ каждомъ жестѣ, въ каждомъ его словѣ виденъ былъ сибаритъ, путешествующій всю свою жизнь съ комфортомъ и не ниже втораго класса.

Она не хотѣла спасовать передъ такимъ знакомствомъ и налгала ему о себѣ очень много. Повѣрилъ ли онъ—трудно сказать. Онъ много видѣлъ и зналъ людей; врядъ ли бѣлая вуалетка и новыя перчатки, *при довольно потертомъ платьѣ, могли* обмануть *его; впрочемъ, онъ сдѣлался* еще любезнѣе; купилъ ей большую

коробку конфектъ; она взяла только одну; но когда онъ отошелъ въ другой конецъ вагона, она скорѣе схватила нѣсколько самыхъ большихъ конфектъ, потому что была голодна, а денегъ на обѣдъ не было. Все это было бы ничего, но она главнымъ образомъ попалась, благодаря своей беззастѣнчивой лжи, въ то время, когда они подъѣзжали къ городу.

Былъ теплый іюньскій вечеръ; на платформѣ собралось много публики; въ одномъ важномъ господинѣ съ палкой, съ золотымъ набалдашникомъ, она узнала своего любимаго дядю, который пришелъ ее встрѣтить, послала даже ему изъ окошка воздушный поцѣлуй. Какъ она была счастлива, что чрезъ минуту обниметъ его! Она смѣялась, показывая при этомъ свои жемчужные зубки. Этотъ дядюшка—такой оригиналъ! Она разсказала бы объ немъ тысячу анекдотовъ; жаль, нѣтъ времени.

Радушно попрощавшись со своимъ спутникомъ, она выразила надежду, что они еще встрѣтятся въ городѣ, и вдругъ послѣ этого увидѣла его чрезъ четверть часа въ отелѣ, когда взбиралась съ багажемъ въ третій этажъ, разъискивая дешевый номеръ. Она была увѣрена, что онъ усмѣхнулся злорадно; его узкія губы были созданы для подобныхъ усмѣшекъ, и она замѣтила, какъ онъ подмигнулъ ей какъ-то значительно. Вѣрно онъ всю дорогу наблюдалъ ее только какъ искусную актрису.

— Ну, да чортъ его побери! повторила она еще разъ.—Что мнѣ до этого шута!

Она была зла на себя за эту проклятую ложь, сама себя подвергла стыду и униженію. Случалось ей прежде не разъ прилгнуть, когда приходилось бывать въ кругу богатыхъ дамъ, а ей нужно было скрыть свою бѣдность. Въ послѣдніе же годы мытарства и нужды она сильно перемѣнилась, и ей казалось, что она давно махнула рукой на все и не обращаетъ вниманія на людей; надъ глупыми же претензіями и привилегіями еще сама подсмѣивалась. И вдругъ какой-то разслабленный шутъ вызвалъ въ ней сразу всѣ давно забытыя привычки; она разъигрывала предъ нимъ большую барыню, лгала, не думая, что онъ въ душѣ подсмѣивается надъ нею.

— Пусть чортъ проглотитъ того, кто меня хоть разъ еще увидитъ въ этой глупой роли! Довольно ужъ! Теперь я могу быть сама собой... Ахъ, какое это счастіе!.. Она была увѣрена, что въ ней нѣтъ уже больше тщеславія; но однако, когда вошелъ лакей *и спросилъ паспортъ* и фамилію, чтобы написать на таблицѣ *подъ № 43, она* отвѣтила съ нѣкоторою гордостью: Анна Лип-

ская, вдова доктора изъ Варшавы, хотя собственно о званіи ее никто не спрашивалъ.

Въ отелѣ она думала прожить два дня; ее сильно безпокоилъ скудный запасъ денегъ: все ея богатство состояло изъ четырехъ рублей и мелкаго серебра; заплатить за номеръ хватитъ, съ ѣдой нужно быть экономной, а голодъ ее сильно мучилъ: въ дорогѣ она только пила чай съ печеньемъ. Конечно, за эти деньги она могла бы съѣсть кусокъ мяса съ хлѣбомъ; она бы это и сдѣлала, еслибы ѣхала одна; но въ присутствіи своего богатаго спутника, который ѣлъ дичь, она не хотѣла показаться ни скупой, ни бѣдной, но притворялась, что въ дорогѣ никогда не ѣстъ, потому что у нея нѣтъ апетита за недостаткомъ движенія. Зато теперь она потребовала себѣ порцію котлетъ; это возвысило ее въ мнѣніи лакеевъ, такъ какъ обыкновенно постояльцы 43-го номера обѣдали въ городѣ, а въ отелѣ иногда пили чай. Потому лакей былъ къ ней предупредительнѣе, чѣмъ къ другимъ; онъ принесъ графинъ воды и освѣдомился, нужно ли ей приготовить постель. Пріѣзжіе купцы и бѣдная шляхта, которые останавливались въ этомъ номерѣ отъ времени до времени, спали обыкновенно не раздѣваясь, подложивъ подъ голову пальто или шубу; только городская пѣвица, жившая здѣсь нѣсколько дней, потребовала себѣ простыню, подушки и одѣяло. Лакей вывелъ заключеніе, что и докторша должна быть чѣмъ нибудь въ родѣ пѣвицы, потому что также потребовала постель; онъ не имѣлъ предубѣжденія противъ артистовъ: пѣвица, уѣзжая, дала ему два злотыхъ на чай, угощала нѣсколько разъ виномъ и пивомъ, а послѣ ея отъѣзда онъ нашелъ въ номерѣ полъ-бутылки коньяку и кусокъ швейцарскаго сыру. Мало кто изъ пріѣзжихъ оставлялъ послѣ себя такія вкусныя вещи. Правда, эта будетъ помоложе и покрасивѣе; водки, вѣрно, еще не пьетъ, можетъ быть, даже и не актриса, но во всякомъ случаѣ навѣрно ничего важнаго. Церемониться съ ней особенно нечего; графинъ воды долженъ хватить на все время ея пребыванія въ отелѣ; посмотримъ, знаетъ ли она правила приличія, съѣстъ ли она всю котлету, или нѣтъ. Не съѣла! Этимъ она снискала уваженіе лакея. Каждый разъ, встрѣчая ее на лѣстницѣ, онъ уступалъ ей дорогу; вытянувшись, ждалъ, пока она пройдетъ; видѣлъ, какъ она каждый день возвращалась изъ города съ букетомъ розъ и жасминовъ; цвѣты дешевы въ это время; котлетъ однако больше не требовала—это глупо!.. Должно быть, ѣстъ въ городѣ.

Въ дѣйствительности же она питалась молокомъ и чаемъ. Противъ ожиданія, *она должна была* прожить въ отелѣ больше, чѣмъ

предполагала раньше; съ тревогой въ душѣ мѣняла рубль за рублемъ, и въ одно прекрасное утро въ портмонэ она нашла только нѣсколько злотыхъ; въ это же утро почтальонъ подалъ ей письмо.

„Съ удовольствіемъ узналъ, что вы находитесь въ городѣ; слуга передалъ, что вы нѣсколько разъ освѣдомлялись о времени моего возвращенія; сердечно благодаренъ вамъ за память обо мнѣ: какъ старый другъ, я ее заслужилъ. Буду васъ ждать между семью и восьмью часами. Извините, что лично не зашелъ къ вамъ, но только что вернулся съ дороги—старымъ костямъ нуженъ отдыхъ". На другой сторонѣ записки напечатано готическими буквами: „Янъ Голевичъ—адвокатъ". Она вздохнула съ облегченіемъ. Возвратился наконецъ! Теперь должны кончиться ея заточеніе въ душномъ номерѣ, голодъ и всѣ мытарства.

Она прочитала записку еще разъ.

— Съ удовольствіемъ узналъ... Какъ будто не зналъ, что я пріѣду. Я увѣрена, что старый плутъ думаетъ меня какъ нибудь провести. Напрасно! я не прежняя кукла, которая ничего не понимала въ дѣлахъ. Пусть себѣ точитъ зубы! Впрочемъ, Богъ съ нимъ. Нужно стараго пріятеля подмазать, чтобы скорѣе кончить дѣло.

II.

Дѣло было простое: она должна была получить въ наслѣдство домъ съ садомъ, послѣ смерти дяди. Въ этомъ домѣ Голевичъ жилъ около десяти лѣтъ; онъ берегъ его, какъ свою собственность. Весною онъ выкрасилъ его въ сѣрый цвѣтъ, а окна и двери въ бѣлый; крышу покрылъ листовымъ желѣзомъ. Когда Липская увидѣла въ первый разъ этотъ домикъ, она почувствовала сильную радость: домикъ былъ небольшой, но чистый, изящный, какъ новый; тогда же ей пришло на мысль, что Голевичъ будетъ уговаривать продать его, но она скорѣе продала бы собственную душу. Столько лѣтъ мечтала она имѣть свой спокойный уголъ. Принудить ее онъ не въ силахъ—хотя кто знаетъ?.. Голевичъ—извѣстный плутъ; она его не любила еще въ то время, какъ онъ служилъ копіистомъ въ бюро ея отца, ластился къ ней, какъ дрессированная собака, цѣловалъ ея ручки, называлъ панной хотя она была совсѣмъ маленькая и даже прислуга ее называла прямо Аней; онъ снималъ ей всегда калоши, когда она возвращалась съ прогулки, и готовъ былъ оказать всевозможныя услуги.

— *Вы созданы* быть лакеемъ, сказала она ему какъ-то разъ въ

присутствіи отца. Онъ засмѣялся, схватилъ ея руку и горячо поцѣловалъ.

— Панна Анна такой милый, разумный, живой ребенокъ; иногда просто своимъ ушамъ не вѣришь, слушая ея болтовню.—И снова хотѣлъ поцѣловать ея руку.

— Отчего вы носъ не вытрете! вскричала она, пряча руки за спиной.—Прошу никогда не цѣловать, я брезглива!

— Что̀ это за ангельчикъ! шепталъ онъ въ восторгѣ, посматривая то на начальника, то на маленькое чудо, которое наговорило ему столько пріятнаго.

Отецъ замѣтилъ, что не слѣдуетъ каждому говорить въ глаза всего, что̀ думаешь.

— Это ничего не значитъ, что барышня позабавится немного на мой счетъ. Это особая честь для меня.—При этомъ онъ почесывалъ у себя за ухомъ съ глупой и лукавой улыбкой. Иногда онъ приносилъ ей апельсиновъ и красныя бонбоньерки съ конфектами; но это нисколько не смягчило ея, и она навсегда осталась его непріятельницей. Въ послѣдующіе года она встрѣчала его нѣсколько разъ: онъ запустилъ бороду, носилъ золотыя очки, одѣвался въ платье изъ англійскаго сукна, говорилъ медленно и отчетливо; когда сидѣлъ, то забрасывалъ съ граціей ногу за ногу и любилъ разговаривать чрезъ плечо; его называли: „господинъ адвокатъ“, „многоуважаемый совѣтникъ“. Въ гостинныхъ онъ всегда занималъ видное мѣсто; женщины находили, что онъ интеллигентенъ, очень приличенъ, даже въ его небрежной осанкѣ видѣли особую прелесть. Въ ея же глазахъ онъ всегда оставался писаремъ съ красными руками, въ широкихъ панталонахъ, въ поношенномъ сюртукѣ и коленкоровой не крахмальной рубашкѣ. Ей казалось, что вотъ только войдетъ какой нибудь „начальникъ“—и этотъ степенный, уважаемый господинъ, который такъ небрежно цѣдитъ слова, вскочитъ вдругъ, вытянется въ струнку и станетъ говорить, какъ прежде: „это честь для меня... самая большая честь“ и т. д. Но этого ужь больше не пришлось ей слышать. Голевичъ, благодаря своей канцелярской опытности, сдѣлался главнымъ уполномоченнымъ одного изъ магнатовъ, проводилъ разныя дѣла, и теперь не сталъ бы выслушивать грубостей безъ крайней необходимости. При встрѣчахъ, онъ оказывалъ ей прежнее расположеніе, но при этомъ позволялъ себѣ бо̀льшую фамильярность, чѣмъ прежде; она чувствовала однако, что онъ не долюбливаетъ ея, прежнее подчиненное положеніе въ домѣ ея родителей было для него непріятнымъ воспоминаніемъ. Съ ея *дядей онъ жилъ въ большой* дружбѣ; кто знаетъ—можетъ быть,

онъ выманилъ у стараго чудака какую нибудь запись... Нѣтъ, этого не случилось. Еще мѣсяцъ тому назадъ, она получила письмо отъ старика, въ которомъ онъ просилъ ее купить немного сѣмянъ, два садовыхъ ножа, пилу; сообщалъ, что обновилъ свою хату, поправилъ печи, въ саду посадилъ нѣсколько молодыхъ деревьевъ, и все это для нея, чтобы она имѣла свой собственный уютный уголокъ подъ старость. Дядя ея когда-то былъ лѣсничимъ, потомъ управляющимъ, и при помощи ея родителей купилъ домикъ съ землей; жилъ въ одной комнаткѣ, ходилъ въ сермяжномъ кафтанѣ, самъ работалъ съ утра до ночи. Любилъ онъ ее искренно и всегда помнилъ, что ея родители помогли ему въ тяжелую минуту жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ она овдовѣла, онъ присылалъ ей ежемѣсячно нѣсколько рублей, совѣтуя беречь деньги, потому что мотовство ни къ чему хорошему не ведетъ. Онъ любилъ свой садикъ и домикъ, и усердно ухаживалъ за ними. Она часто думала объ этомъ домикѣ, и надежда на наслѣдство услаждала ея тяжелую жизнь. Четыре года она была женою человѣка, котораго любила, хотя невполнѣ понимала; жили они въ нуждѣ, питая надежды, каждый на свой ладъ: онъ трудился, думая со временемъ усовершенствоваться и пополнить свое университетское образованіе; она мечтала, что мужъ ея, трудолюбивый ученый, станетъ со временемъ знаменитымъ докторомъ, будетъ много получать; они наймутъ большую квартиру, будетъ у нихъ лѣстница, устланная ковромъ, и лакеи, гостинная съ изящной мебелью, попугай въ золоченой клѣткѣ и золотыя рыбки въ акваріумѣ. Она привыкла къ роскоши и блеску въ домѣ родителей, когда отецъ ея былъ предсѣдателемъ въ акціонерномъ обществѣ. Выйдя замужъ за бѣднаго врача, она повторяла за нимъ, что роскошь—глупость, въ душѣ же рада была жить по старому. Жили они во флигелѣ стараго каменнаго дома; около самыхъ дверей протекала канавка, чрезъ которую положено было нѣсколько старыхъ досокъ, въ видѣ мостика, и стояла бочка для собиранія воды; лѣстница, по которой они ходили, была темна и грязна, и всегда на ней стояла вонь отъ селедки и разной рыбы. На дверяхъ красовалась визитная карточка: „Іосифъ Липскій — врачъ“. Они занимали двѣ комнаты съ переднею, раздѣленной перегородкою, за которой спала служанка — плохая кухарка, портившая каждый день обѣдъ, наполнявшая квартиру чадомъ; поэтому Липская только въ ненастье сидѣла дома, поглядывая въ окошко; въ хорошую же погоду уходила въ *городъ на цѣлое* утро. Ей было дано богатое приданое; она *перешивала и передѣлывала* сама платья по послѣдней модѣ; для

ы у нея была красивая бархатная шубка, для весны и осени—
грантныя накидки. Когда она шла по улицѣ, на нее всѣ за-
глядывались, осматривая съ ногъ до головы; это ее тѣшило:
хоть на улицѣ она могла показать себя людямъ, такъ какъ она
нигдѣ больше не бывала—ихъ скромныя средства не позволяли
имъ заводить знакомства. Среди обитательницъ стараго дома, она
была единственною представительницей изящества и граціи: ре-
месленницы, жидовки, жены бѣдныхъ чиновниковъ смотрѣли на
нее съ завистью, когда она, въ бархатной шубкѣ и въ красивой
шляпкѣ, въ сапожкахъ на высокихъ каблукахъ, проходила черезъ
дворъ, спотыкаясь по неровной мостовой и зажимая носъ плат-
комъ, когда проходила мимо канавы. Всѣ удивлялись, что такая
красивая женщина выбрала себѣ такого болѣзненнаго, некраси-
ваго мужа. Липскій дѣйствительно не отличался интересной внѣ-
шностью: сгорбленный и худой, онъ ходилъ большими шагами,
руки всегда держалъ въ карманахъ, за неимѣніемъ перчатокъ;
не было у него и теплаго платья: осенью и зимой онъ носилъ
пальто коричневаго сукна съ бархатнымъ воротникомъ; въ холод-
ные дни надѣвалъ двѣ рубашки и шерстяную фуфайку, свя-
занную ему еще матерью при отъѣздѣ въ университетъ. Часто
онъ возвращался сильно озябшій и, потирая руки, ходилъ быстро
по комнатѣ; постоянно кашлялъ, но съ этимъ недостаткомъ онъ
явился на свѣтъ. Жена заботилась, чтобы его всегда ждалъ го-
рячій чай, который она подавала ему въ красивой чашкѣ съ зо-
лотыми краями—остатокъ роскоши ея родителей. Придя домой,
онъ садился въ креслѣ, грѣлся и прихлебывалъ чай. Жена при-
носила изъ другой комнаты мягкую шаль, набрасывала ему на
плечи, обертывала шею. Онъ слушалъ ея щебетанье, закрывъ
глаза, потомъ вдругъ поднималъ голову и смотрѣлъ ей въ
лицо съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ искренной любви и
досады на свой эгоизмъ, который далъ ему смѣлость связать
свою жизнь съ этой изящной куколкой. Онъ женился на ней,
когда она осталась сиротой, не обманывалъ ея никогда ложными
надеждами; онъ былъ увѣренъ въ ея привязанности; но, не смотря
на это, ему часто приходило на мысль, что она когда нибудь и
пожалѣетъ своей жизни, проходившей въ бѣдности и уединеніи.
О себѣ онъ вовсе не думалъ, но для нея радъ былъ создать луч-
шую обстановку. Это были однако мечты будущаго; въ настоящее
время онъ былъ сильно занятъ работой: онъ служилъ въ госпи-
талѣ за ничтожную плату, работалъ по цѣлымъ днямъ безъ от-
дыха; вернувшись домой, ѣлъ, что ему давали, мало обращая вни-
манія *на свою обстановку*. Только когда у него не было ни ко-

пѣйки, и жена напоминала о какой нибудь необходимой покупкѣ, онъ глубоко задумывался и говорилъ: „Ну, что-жъ, уѣдемъ-ка въ провинцію, въ какое нибудь захолустье. Тамъ, можетъ, немного поправлюсь, а черезъ нѣсколько лѣтъ заведу шубу. Какъ ты объ этомъ думаешь?“ Объ отъѣздѣ она не хотѣла и слышать: всѣ ея мечты о будущемъ были тѣсно связаны съ жизнью въ столицѣ. Она была увѣрена, что вскорѣ ихъ дѣла поправятся; не можетъ быть, чтобы наконецъ не оцѣнили ея мужа. Она только иногда просматривала его книжки и журналы и почерпнула изъ нихъ такія свѣдѣнія, о которыхъ ей прежде и во снѣ не снилось. Какой онъ рѣдкій ученый, если проводитъ за книжками цѣлые вечера и ночи! Она считала своего мужа самымъ умнымъ изъ людей; ей лестно было, что она—другъ и спутница жизни такого человѣка, который когда нибудь сдѣлается извѣстнымъ. Когда они вмѣстѣ выходили на улицу, то, опираясь на его руку, она чувствовала гордость, забывала о своемъ туалетѣ, раздражалась, когда на нее засматривались. Обыкновенно она почти насильно увлекала его на прогулку и старалась для него исключительно; зачѣмъ же эти шелопаи своими взглядами преслѣдуютъ ее, какъ первую попавшуюся кокотку? Она нѣжно прижималась къ нему, а онъ, какъ бы угадывая ея мысли, цѣловалъ ея руку, какъ только они сворачивали въ пустую улицу. Она часто теперь жалѣла, что ее воспитали бѣлоручкой, хотѣла бы имѣть больше ума и образованія. Онъ часто съ ней говорилъ о своей диссертаціи, которую писалъ на степень доктора; она слушала его внимательно, смотря на него своими прекрасными глазами, какъ бы стараясь понять и запомнить то, что онъ ей говорилъ; онъ, видя все это, думалъ, что въ ней пробуждается умственная жизнь, что она мирится съ своимъ положеніемъ и вполнѣ его понимаетъ. Это была лучшая пора его жизни. Между тѣмъ онъ все худѣлъ, кашлялъ, по вечерамъ у него горѣли руки и щеки; всякій трудъ сталъ для него тяжелъ; онъ не разрѣзывалъ журналовъ, не раскрывалъ книгъ вовсе; тѣмъ не менѣе, какъ будто занимаясь, сидѣлъ надъ диссертаціей; но если жена въ это время приближалась къ его конторкѣ, онъ встрѣчалъ ее какимъ-то стекляннымъ, недомѣвающимъ взглядомъ. На немъ были пальто на пуху, сѣрый фуляръ и теплые сапоги; жена сшила ему рубашку изъ бѣлой фланели, берегла его, наблюдая, чтобы онъ надѣвалъ ее каждый день; она безпокоилась его болѣзнью, но о смерти не думала. Самъ же онъ часто задумывался, чувствовалъ какую-то пустоту въ легкихъ, *харкалъ кровью*, а по спинѣ пробѣгалъ ознобъ, потрясая весь *его организмъ*. Липскій оставилъ бы этотъ міръ безъ сожалѣнія:

нѣсколько лѣтъ борьбы съ нищетой сдѣлали его равнодушнымъ ко всякимъ перемѣнамъ, и въ его неприглядной сѣрой жизни была только одна мысль.

— Когда я умру..... она погибнетъ!

Эта мысль жгла ему голову и сердце; онъ пробовалъ обманывать себя надеждой, но напрасно; прежде онъ никогда не смотрѣлся въ зеркало, теперь часто всматривался съ большимъ вниманіемъ; перемѣна была рѣзкая: виски впали, глаза лежали въ глубокихъ ямахъ, носъ вытянулся и обострился. До госпиталя онъ тащился теперь около часа, а еще два мѣсяца тому назадъ эту же дорогу онъ дѣлалъ въ четверть часа. Трудно обманывать себя надеждой!.. Онъ смотрѣлъ прямо въ глаза смерти. Иногда, ходя по комнатѣ, онъ останавливался въ темномъ углу, осматривался украдкой направо и налѣво и, убѣдившись, что жена не обращаетъ на него вниманія, смотрѣлъ на нее съ нѣжностью и чувствовалъ, какъ глаза его становились влажны, хотя слезъ онъ никогда не зналъ, какъ не зналъ и дѣтства. Онъ родился бѣднякомъ, на слабость и хныканье у него времени не было; когда же приходилось очень тяжело, то онъ стискивалъ зубы и бился головой объ стѣну. У него было два шкафа ясеневаго дерева, въ которыхъ хранились медицинскіе инструменты и нѣсколько десятковъ цѣнныхъ книгъ; продавъ ихъ, онъ могъ получить рублей двѣсти; съ этой цѣлью онъ очистилъ одинъ изъ ящиковъ въ конторкѣ, вытеръ старательно пыль,—здѣсь должно было лежать будущее наслѣдство его жены. Онъ досталъ первыя двѣ книжки для продажи; все это онъ дѣлалъ съ большою осмотрительностью: рано утромъ, отправляясь въ госпиталь, взялъ ихъ осторожно изъ шкафа и положилъ на диванъ, прикрывъ пальто; когда же убѣдился, что жена занята въ другой комнатѣ, онъ незамѣтно проскользнулъ въ переднюю. Ему казалось, что если она увидитъ книги, то обо всемъ догадается. Онъ впадалъ просто въ ребячество отъ страданія и упадка силъ. Когда онъ возвратился домой, и увидѣлъ въ шкафу пустое мѣсто на полкѣ, гдѣ прежде стояли книги, онъ закрылъ лицо руками. Это была какъ бы первая горсть земли, упавшая на крышку его гроба: сердце его болѣзненно сжалось... въ этотъ день онъ спряталъ въ ящикъ первые восемнадцать рублей; съ этого времени ящикъ сталъ мало по малу наполняться, по мѣрѣ того, какъ пустѣли полки въ шкафу. Онъ пробовалъ уговорить жену заняться акушерствомъ; этотъ проэктъ придалъ ему энергіи; онъ нѣсколько дней чувствовалъ себя бодрѣе, повеселѣлъ и не кашлялъ. Она могла бы работать теперь подъ его руководствомъ; онъ облегчилъ бы ей занятія.

Ц...нтральн...

онъ радъ бы былъ поработать для нея. Еслибы онъ могъ часть своего знанія передать онъ умеръ бы спокойно. Но она только смѣялась надъ этимъ проэктомъ. Развѣ у нея нѣтъ занятій въ домѣ? Да и къ чему ей это можетъ послужить?—„А когда меня не станетъ?“ сказалъ онъ нехотя и отвернулся, какъ бы ища чего-то на конторкѣ. Она не любила такихъ непріятныхъ разговоровъ. Въ этотъ же вечеръ она уговорила его отправиться въ гости къ товарищу, который женился богато, жилъ роскошно, держалъ лошадей и принималъ каждый четвергъ добрыхъ пріятелей съ женами. Липская надѣла черное шолковое платье со шлейфомъ, кружевной воротничокъ и сѣрыя перчатки; отъ нея пахло духами. Весело улыбаясь, поправляла она галстукъ мужа, а онъ стоялъ, какъ приговоренный къ смерти; руки висѣли, какъ плети, глаза полузакрыты, весь желто-зеленый... онъ хоронилъ сегодня послѣднюю свѣтлую надежду.

Спустя два мѣсяца, на дворѣ стояла уже весна; апрѣльское солнце весело заглядывало въ окна. Квартира въ первомъ этажѣ была уже вывѣтрена, оклеена новыми обоями; открытыя окна, покрытыя свѣжей краской, блестѣли издали. Новый жилецъ обновилъ квартиру на свой счетъ; онъ слышалъ, что здѣсь кто-то умеръ мѣсяцъ тому назадъ отъ чахотки, и боялся заразы. Сосѣди уже забыли о молодомъ врачѣ; только вечеромъ въ открытыя окна была видна пустота нежилыхъ комнатъ. Липская осталась одна, у нея не было ни друзей, ни знакомыхъ. Правда, въ послѣдній годъ, бывая съ мужемъ у его пріятеля, она встрѣчала много женщинъ, старыхъ и молодыхъ, съ которыми за чаемъ разговаривала о погодѣ и прислугѣ; съ нѣкоторыми она даже настолько сблизилась, что при прощаніи пожимала руку и цѣловала въ обѣ щеки; теперь же всѣ эти барыни были для нея, какъ тѣни съ того свѣта; онѣ всѣ занимали опредѣленное положеніе, она же принадлежала къ массѣ людей безъ завтрашняго дня. Сильное горе скоро проходитъ, силы исчерпываются; наступаетъ оцѣпенѣніе, потомъ успокоеніе и трезвое отношеніе къ дѣлу. У плаксивыхъ дѣтей и нервныхъ женщинъ отъ слезъ до смѣху одинъ шагъ; у тѣхъ и другихъ остаются на нѣкоторое время порывистые вздохи, прерываемые всхлипываніями. Липская прошла всѣ эти фазисы; не обошлось и безъ катарра; чрезъ нѣсколько дней у нея начался ознобъ, лихорадка. Она думала, что это пристала къ ней чахотка. Въ первую минуту эта мысль заняла ее. Она нарисовала въ воображеніи цѣлую картину: вотъ она, слабая, съ ярко-горячими щеками на похудѣвшемъ лицѣ, съ трудомъ *передвигается по комнатѣ*, или сидитъ въ мягкомъ креслѣ у отво-

реннаго окна, положивъ ноги на мягкую скамейку; кругомъ все цвѣтетъ, зеленѣетъ; вѣтерокъ доноситъ изъ отдаленныхъ садовъ ароматъ черемухи и тополя, птицы щебечутъ, а она умираетъ. Вотъ она видитъ уже себя въ гробу, всю въ цвѣтахъ, въ бѣломъ платьѣ. Она приготовила уже свое вѣнчальное платье и повѣсила его на виду въ шкафу; конечно, она желала быть похороненной въ бѣломъ платьѣ. Народу соберется много на похороны молодой женщины... будутъ говорить навѣрно, что печаль убила ее. Придутъ и тѣ барыни, ея знакомыя, увидятъ, какъ она жила въ двухъ комнаткахъ съ оборванными обоями; увидятъ и грязную мебель, обитую полинялымъ репсомъ. А, можетъ, еще не придутъ?.. Эти грустныя мысли отвлекали ее нѣсколько отъ дѣйствительности и убаюкивали сердце, убитое горемъ. Одинъ изъ знакомыхъ нанялъ ей комнату у своихъ родственниковъ, перенесъ мебель, какая была получше, остальную продалъ и, устроивъ комнату какъ можно удобнѣе, перевезъ Липскую, уже выздоровѣвшую отъ чахотки съ помощью липоваго цвѣта. Нѣсколько лѣтъ жизни съ человѣкомъ умнымъ и стойкимъ не могли пройти даромъ для ея умственнаго развитія: она часто слышала разговоръ о человѣческомъ достоинствѣ, о честномъ трудѣ, слышала и еще многое другое; оставшись теперь одна, она рѣшилась приняться за трудъ —другаго выхода не было. Въ воображеніи бродило много блестящихъ проэктовъ, въ концѣ каждаго ждали ее или слава, или богатство; вновь выйти замужъ она не думала,—старая любовь осталась въ сердцѣ, кристаллизовалась въ ея груди. Умъ могъ заблуждаться, болѣзненная фантазія могла вышивать узоры на сѣромъ фонѣ дѣйствительности, но сердце не могло забыть сразу прошлаго. Оно замолкло только подъ наплывомъ новыхъ мыслей.

III.

Она должна была изобрѣсти себѣ занятіе, которое обезпечивало бы ей скромную самостоятельную жизнь. Обыкновенно женщины въ ея положеніи хватаются за первую попавшуюся работу, чтобы имѣть кусокъ хлѣба. Она знала это, но считала себя исключеніемъ изъ общаго правила. Молодость она провела въ богатствѣ, была женой недюжиннаго человѣка, а потому и ожидала для себя исключительнаго положенія. Она съ жадностью читала про женщинъ, прославившихся въ мірѣ литературномъ и артистическомъ; расточаемыя имъ похвалы приводили ее въ восторгъ. Липская *чувствовала себя удовлетворенной* уже тѣмъ, что были жен-

щины, достигавшія цѣли, къ которой она тоже думала стремиться, и этотъ очевидный примѣръ освѣщалъ ей путь и дѣлалъ его болѣе легкимъ. Нужно было что нибудь начинать; запасъ денегъ уменьшался съ каждымъ днемъ; къ педагогикѣ она чувствовала отвращеніе, серьезной наукой не могла заниматься; какой нибудь заработокъ ей былъ необходимъ для начала. Проходя по улицѣ, она останавливалась у всѣхъ книжныхъ магазиновъ, ожидая вдохновенія; наконецъ купила новую французскую повѣсть и рѣшила ее перевести. Блестящая мысль или дѣйствительно вдохновеніе! Дорога отъ книжнаго магазина казалась ей безконечной; купленная книжка жгла ее. Какъ это не пришло ей на умъ раньше! Вѣдь еще при жизни мужа она могла бы этимъ заняться, увеличила бы домашній доходъ, имѣла бы постоянный заработокъ и славу. Дорогой она волновалась отъ нетерпѣнія, жалѣла о каждой даромъ потраченной минутѣ; придя домой, она едва успѣла снять шляпу и перчатки, какъ принялась разрѣзывать книгу; читать не могла, въ головѣ бродило много блестящихъ проэктовъ. Вотъ переводъ уже готовъ! О, нѣтъ! уже не одинъ, а нѣсколько повѣстей, брошюръ, даже серьезныхъ сочиненій, перевела она съ разныхъ языковъ, хотя знала только два, и то посредственно; вотъ она засыпана предложеніями со всѣхъ сторонъ, не можетъ поспѣть исполнить ихъ... голова кружится, ее бросаетъ въ жаръ. Цѣлый часъ бѣгала она по комнатѣ и фантазировала на эту тему, а книжка спокойно лежала на столѣ; иногда она брала ее и, машинально перелистовавъ, бросала опять на столъ и снова принималась ходить; иногда она что-то шептала про себя, улыбалась или качала головой. О, еслибы она могла исполнить это въ одинъ день, въ недѣлю! Она волновалась цѣлый вечеръ; ночью не могла спать отъ волненія; утромъ ея проэктъ представился уже не въ такомъ розовомъ цвѣтѣ; въ книжномъ магазинѣ она узнала, что повѣсть уже переведена въ двухъ журналахъ; вспомнила о безчисленномъ множествѣ переводчиковъ и переводчицъ. Какъ трудно помѣстить переводъ, она, конечно, знала это и вчера, но старалась забыть. Ей нужно было потѣшить себя блестящей картиной; теперь она сама себѣ удивлялась, что могла такъ увлекаться трудомъ, который, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не могъ бы прокормить ее. Черезъ нѣсколько дней она совсѣмъ успокоилась; стала перекладывать бѣлье, считала серебро: у нея еще былъ большой запасъ платья; это ее ободрило нѣсколько,—она могла ждать, не боясь нищеты. Мѣтки ея на полотенцахъ, салфеткахъ и простыняхъ, украшенныя короной, *остатки ея фамильнаго* серебра пробудили въ ней родовую

гордость; она вспомнила о своихъ родственникахъ и рѣшилась возобновить съ ними сношенія. На этомъ основаніи она написала нѣсколько писемъ наудачу, потому что однихъ родственниковъ знала лишь по фамиліи, другихъ знавала только въ дѣтствѣ. Тѣмъ временемъ она занималась перешиваніемъ стараго платья, мыла кружева и читала о знаменитыхъ женщинахъ. Но отвѣты на письма не приходили; наконецъ она убѣдилась, что осталась одна на свѣтѣ; только и есть у нея одинъ близкій человѣкъ—дядя въ армякѣ и съ садовой пилой за поясомъ. Но она не упала духомъ; въ то время у нея явился новый проэктъ, поглотившій все ея существо: у нея большой талантъ—она пѣвица! Она вспомнила, что разъ даже пѣла при публикѣ съ благотворительной цѣлью; слушатели были въ восторгѣ: ей поднесли великолѣпный букетъ, а старый предсѣдатель, большой знатокъ женской красоты, сводя ее съ эстрады, шепталъ ей на ухо:

— Да, у васъ талантъ... да! большой талантъ. Вы насъ совсѣмъ очаровали! Вы восхитительны.

Въ то время отецъ ея занималъ блестящее положеніе; она слыла за дѣвушку съ приданымъ; поэтому ей много льстили, но... теперь она рѣшилась отрыть этотъ кладъ, который лежалъ въ пренебреженіи столько лѣтъ. Въ нервую минуту не обошлось безъ бреда фантазіи. Она сразу увидѣла себя на высотѣ славы, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, пресыщенную вниманіемъ, восторгомъ толпы, засыпанную цвѣтами... Эти цвѣты внушили ей новую мысль: къ чему тратить столько денегъ на такую непроизводительную вещь, какъ цвѣты? Она это измѣнитъ—не позволитъ себѣ такого мотовства. Хотя, съ другой стороны, можно ли запретить толпѣ выражать свое поклоненіе таланту? Что дѣлать, придется помириться съ вѣнками и букетами.

Она стала брать уроки; голосъ у нея былъ сильный, но не обработанный; въ хорѣ она еще могла пѣть, но въ соло страшно фальшивила, потому что у нея не было слуха. Она не вѣрила, когда ей это говорили, и продолжала учиться. Черезъ годъ учитель предложилъ помѣстить ее въ хористки. Запасъ денегъ истощался, она продала бѣлье и шубу; нужно было поступить въ хоръ... Конечно, только на время; вскорѣ ей дадутъ дебютъ, а потомъ...

Она утѣшала себя, какъ могла; главное—теперь ей нуженъ былъ заработокъ. Ставили новую оперу; нужны были новыя силы; нѣсколько прежнихъ хористокъ было забраковано; поступили новыя, и въ числѣ ихъ Липская. Она купила себѣ красивую папку для нотъ, одѣвалась съ большимъ стараніемъ, и своимъ костюмомъ рѣзко отличалась отъ старыхъ хористокъ, одѣтыхъ въ гряз-

ныя юбки, въ башмакахъ со стоптанными каблуками. Она избѣгала знакомства подругъ, но причиной была не ея гордость,—избави Боже! Этотъ поющій сбродъ вблизи былъ для нея противенъ, всѣ онѣ набѣленныя и нарумяненныя, съ желтыми шеями и худыми руками; молодыя хихикаютъ, старыя — точно куклы съ безсмысленнымъ стекляннымъ взглядомъ. Липская видѣла не разъ, какъ онѣ выходили въ компаніи мужчинъ; прежде она, можетъ быть, подумала бы, что это ихъ братья или мужья, теперь же она ограничивалась только равнодушнымъ пожиманіемъ плечъ. Не все ли ей равно, вѣдь она только на время между ними!

Наступилъ наконецъ вечеръ, который долженъ былъ рѣшить ея артистическую карьеру. Передъ выходомъ изъ дому, она велѣла затопить печь; въ тепломъ уголкѣ поставила кресло и столикъ съ чайнымъ приборомъ и съ зеленой лампой; хотѣла, вернувшись, найти все на мѣстѣ, какъ бы приготовленное чьей-то заботливой рукой. Комната чистенькая, свѣтлая, теплая производила пріятное впечатлѣніе. Съ удовольствіемъ мечтала она о томъ, какъ вернется изъ театра, утомленная, бросится на диванъ, немного отдохнетъ, потомъ надѣнетъ фланелевый капотъ и сядетъ пить чай. Новое занятіе давало ей опредѣленное положеніе, и она была довольна. Когда она сѣла на дрожки, сердце ея билось спокойно; она представляла себя въ греческомъ костюмѣ; красная драпировка, обшитая галуномъ, была схвачена аграфомъ на обнаженномъ плечѣ; этотъ костюмъ она надѣвала вчера на репетиціи; съ тѣхъ поръ она все чувствовала какой-то невѣдомый холодъ въ рукахъ, на шеѣ и на груди, точно у нея ледъ подъ кожей, и ничѣмъ она не можетъ согрѣть себя; вся кровь отъ обнаженныхъ плечъ прилила къ щекамъ. Она прикладывала къ нимъ руки и съ возрастающимъ безпокойствомъ смотрѣла вокругъ. Театральная атмосфера успокоила ее: въ головѣ шумѣло, освѣщеніе и декораціи вертѣлись въ глазахъ. Она не слышала музыки, не чувствовала даже, поетъ она или просто стоитъ съ открытымъ ртомъ, съ обнаженными плечами, въ греческомъ костюмѣ. Она пѣла лучше, чѣмъ всегда, и была очень хороша въ этомъ костюмѣ. Режиссеръ поставилъ ее на видномъ мѣстѣ, такъ что свѣтъ лампъ падалъ прямо на нее, освѣщалъ ее, позволяя зрителямъ замѣтить каждую жилку на ея шеѣ и плечахъ. Она стояла, какъ въ огнѣ; ей казалось, что всѣ бинокли, направленные на сцену, обратились въ огненное пламя, которое жжетъ ей лицо, плечи, грудь. Она судорожно сжала руки *и, кажется, еще минута*—убѣжала бы со сцены или по крайней

мѣрѣ, закрыла лицо руками. Съ какимъ-то негодованіемъ, съ какой-то яростью сорвала она съ себя въ уборной этотъ проклятый костюмъ, и не замѣтила, какъ очутилась на улицѣ. Она вздохнула полною грудью. Смрадный воздухъ улицы показался ей свѣжимъ, живительнымъ, въ сравненіи съ адомъ, изъ котораго она только что вышла. Какъ она хотѣла быть теперь же дома, замкнуть двери на ключъ и искренно поплакать! Длинный рядъ дрожекъ занималъ всю улицу и не давалъ ей возможности перейти ее; наконецъ ей какъ-то удалось перескочить на ту сторону; она почти бѣжала, точно отъ погони. Въ это время дѣйствительно кто-то за ней гнался, были слышны приближающіеся шаги.

— Не слѣдуетъ такъ бѣжать отъ хорошихъ знакомыхъ, раздался чей-то голосъ надъ самымъ ея ухомъ.—Ха, ха, ха! что за дикія созданія эти хористки... pardon! пѣвицы! Я чуть было васъ не потерялъ въ этой толпѣ, и тогда вы бы лишились изысканнаго ужина въ веселой компаніи! Насъ ждутъ, пройдемте здѣсь, ближе будетъ; дайте мнѣ вашу ручку.

Она отскочила, пораженная. Онъ только что хотѣлъ взять ее за руку, какъ она уже была посреди улицы.

— Et ça fait encore des aires! воскликнулъ онъ съ удивленіемъ, увидѣвъ, какъ она вскочила на дрожки и уѣхала, даже не оглянувшись.

Часто потомъ вспоминала она этотъ вечеръ: сначала была довольна собой, потомъ пожалѣла даже, что такъ скоро оставила свою артистическую карьеру. Кто знаетъ, что ожидало ее на этомъ пути! Уроки она должна была прекратить, за неимѣніемъ средствъ; у нея едва хватило, чѣмъ заплатить за квартиру. Въ голосѣ своемъ она ни минуты не сомнѣвалась. Каждый разъ, какъ ея хозяйка, вдова чиновника, уходя изъ дому, оставляла ей ключъ отъ квартиры, она пользовалась случаемъ, садилась за ея разбитое фортепіано и повторяла гаммы, даже импровизировала немного, но никогда не пѣла аріи изъ оперы, въ которой участвовала въ послѣдній разъ. Ей пришло въ голову давать уроки пѣнія, и она стала искать ученицъ. Съ этою цѣлью она перешила послѣднее оставшееся у нея платье, сдѣлала изъ длиннаго—короткое, чтобы въ немъ можно было ходить на уроки; у нея осталась траурная шляпка, накидка и перчатки. Все это вмѣстѣ составляло довольно приличный костюмъ, въ которомъ она могла явиться въ любой домъ,—въ аристократическій она и не разсчитывала попасть. Самое большее, что она можетъ сдѣлать—это достать уроковъ у жидовъ... Что же дѣлать, лишь бы хорошо платили! На дверяхъ она прибила

— Сначала подумай, а потомъ сдѣлай...

— Вотъ поди-жъ ты! А у меня какъ разъ навыворотъ...

— Логика требуетъ....

— Да вотъ-те и требуетъ, а коли у меня характеръ такой! Я спервоначалу ударю, потомъ ужь и подумаю: вотъ оно какъ случилось!.. И во всемъ такъ...

— Нравственность и разумность—краеугольные камни человѣческаго счастія; на нихъ зиждется...

— Постой, не мели! хочешь, я тебѣ истинную правду скажу, вотъ какъ передъ Богомъ?.....

— Ну?

— Я счастлива!.. Наплевать!...

II.

Однажды,—то было на масляной, два года назадъ,—дѣдкина жена, начавъ съ обычнымъ увлеченіемъ свой импровизированный танецъ, вдругъ остановилась, схватилась рукою пониже груди, дрогнула и, пошатываясь, удалилась съ подмостковъ, не окончивъ представленія. Испуганная, дрожащая, она присѣла на скамейку внутри каруселей и, опустивши голову, блуждающимъ, неосмысленнымъ взглядомъ озиралась исподлобья по сторонамъ.

— Чего ты? освѣдомился дѣдъ.

Она молчала.

— Нога, что-ль, подвернулась, али такъ... голова закружилась?

Она ничего не отвѣчала. Дѣдъ заглянулъ ей въ лицо и даже крякнулъ отъ удивленія: на губахъ у нея застыла постоянная, беззаботная улыбка, полная удали и нахальства, а глаза выражали одинъ безотчетный ужасъ.

— Аль мертвецъ почудился? Съ чего вдругъ?

Она пристально посмотрѣла на него и, наклонившись, зашептала что-то на ухо. Онъ такъ и покатился съ первыхъ же словъ.

— Вотъ такъ дѣло!.. Ахъ ты, чортова кукла!.. А я вѣдь думалъ... ха... ха... ха!..... Дѣдъ схватилъ ее за руку и вытащилъ на балкончикъ.

— Эй, господа честные! Свершились дѣла чудныя!.. Моя, дѣдкина жена, мнѣ душой и тѣломъ предана, сейчасъ мнѣ донесла, что въ скорости у меня, у дѣда, наслѣдникъ будетъ!.. Ей-ей же не виноватъ!.. Кто меня въ этомъ можетъ осуждать?!..

Неистовый хохотъ покрылъ экспромтъ любимца. Кто-то въ *толпѣ отъ восторга* подавился коврижкой.... А дѣдкина жена *стояла съ поникшей* головой и тѣмъ же испуганнымъ взглядомъ ози-

ралась вокругъ. Потомъ она вдругъ съ силою рванула свою руку изъ руки дѣда и, молча, не оборачиваясь, пошла съ балкончика. Публика, принимавшая все это за условленную „комедь", новымъ взрывомъ поощрила уходъ артистки, стоявшей теперь за размалеваннымъ косякомъ и дрожавшей всѣми членами.

„Гогочутъ!.. лѣшіе!" бормотала она:—„радуются!.. Нарочно, думаютъ... А коли бы знали, что не нарочно, что взаправду, и даже... Что̀-бъ тогда?.."

И какой-то внутренній голосъ подсказалъ ей отвѣтъ: тогда-бы... толпа эта лопнула отъ смѣха!.. У нея, у дѣдкиной жены, будетъ ребенокъ?.. она будетъ матерью?..

— Это—я-то, я-то?..... почти съ крикомъ задала себѣ вопросъ плясунья и вдругъ... сама размѣялась...

И черезъ пять минутъ, она, какъ ни въ чемъ не бывало, по прежнему веселая, улыбающаяся, отплясывала на балкончикѣ; къ вечеру была, по обыкновенію, пьяна, а ночью напилась и еще основательнѣй.

„Чего-жъ лучше?" думала она на другой день, стоя на перилахъ и болтая ногою въ воздухѣ:—„а вчерась-то какъ спужалась,—духъ даже сперло!.. Вотъ ужь, вправду, шальная... Малоль что̀ кольнетъ, анъ и нѣтъ ничего такого, и все чепуха, и...."

И вдругъ опять кольнуло. Дѣдкина жена зашаталась и чуть не упала съ перилъ.

— Убѣгнетъ, сичасъ убѣгнетъ! оралъ во всю глотку, покрывая отдѣльные голоса, какой-то паренекъ, видѣвшій уже вчера внѣпрограммную „комедь".

— Вишь, ускочила, вишь!.. А вотъ ее дѣдка сграбастаетъ и...

На балкончикъ дѣйствительно вылетѣлъ дѣдъ, таща за воротъ плясунью. Передъ восхищенными зрителями повторилось все то же, что̀ и за день передъ этимъ. Только теперь дѣдкина жена не вырвалась изъ рукъ своего названнаго супруга (онъ держалъ ее, какъ въ клещахъ), а, перевѣсившись за перила, разразилась надъ толпой градомъ такихъ отборныхъ ругательствъ, что даже знатоки по этой части не нашлись, что̀ отвѣтить.

— Это еще новое... не было вчерась!.. надсаживался, весь посинѣвшій отъ крика, паренекъ:—вишь, какъ ругается... Ахъ ты, Господи!.. Это ужь... сдѣлайте милость!..

Истощивъ весь запасъ и окончательно осипнувъ, дѣдкина жена послала въ толпу прощальный плевокъ и, безпорядочно отдернувъ платье, скрылась съ балкончика.

Теперь она уже больше не сомнѣвалась въ справедливости вчерашняго *предположенія, но* теперь она и не ужасалась его такъ

безотчетно, какъ вчера. Испугъ уступилъ мѣсто другому чувству: чувству злобы, негодованія, ненависти—и къ этой гогочущей толпѣ, и къ тому существу, которое забилось у нея подъ сердцемъ. О, какъ страстно ненавидитъ она это, ни въ чемъ неповинное, зарождающееся существо, отца котораго не знаетъ сама мать! Быть можетъ, онъ тамъ же, въ этой веселой, полупьяной толпѣ; быть можетъ, и онъ смѣется теперь, не подозрѣвая даже, что дѣдкина жена дѣйствительно готовится стать матерью, и что онъ именно, а никто другой, отецъ ея будущаго ребенка. И злоба душитъ дѣдкину жену, и внутри ея все скребетъ, ноетъ, клокочетъ этою злобою.

По окончаніи сезона, дѣдъ за вечерней попойкой въ кабакѣ, потрясая полштофомъ, предложилъ тостъ „за ожидаемаго младенца жены своей!“

— Будь онъ проклятъ, щенокъ! отозвалась она, скрежеща зубами и неистово колотя себя въ животъ.

— Смотри: убьешь ни за грошъ!.. съострилъ кто-то.

— Туда ему и дорога! Сдохнетъ,—свѣчку Николѣ поставлю!..

Пирующіе артисты, по иниціативѣ дѣда, поднялись со своихъ мѣстъ и пьяными, хриплыми голосами затянули: „вѣчная память“... Будущая мать съ одушевленіемъ подтягивала имъ....

Переночевавши, по обыкновенію, въ участкѣ, она, почему-то, вовсе не опохмѣлялась, съ 30 рублями въ карманѣ, прошлялась весь слѣдующій день по улицамъ, занимаясь совсѣмъ необычайнымъ дѣломъ. Дѣдкина жена думала:

„Что нибудь одно: либо самой съ голоду околѣвать, либо какъ ни есть, а паскудника теперь же уничтожить!“—въ такой безвыходной дилеммѣ представлялось ей будущее. Но „околѣвать“ не хотѣлось; напротивъ,—теперь-то больше, чѣмъ когда нибудь, хотѣлось жить, и жить также шумно, весело, „счастливо“, какъ жилось до сихъ поръ: не задумываясь, не заглядывая впередъ, не оборачиваясь назадъ. Очевидно, оставалось одно: — „уничтожить“. На этомъ и порѣшила она, въ тотъ же вечеръ всесторонне трактуя вопросъ съ одной изъ бывшихъ своихъ товарокъ, нынѣ оставшейся не у дѣлъ, „вслѣдствіе глупости“, какъ она сама поясняла, на самомъ же дѣлѣ благодаря потерѣ обонятельнаго снаряда. Почтенная особа сія занималась приготовленіемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ лѣкарствъ изъ спорыньи, донскаго можжевельника, камфары и еще чего-то и, вполнѣ одобривъ рѣшеніе дѣдкиной жены, снабдила ее за рубль названной спеціей, увѣряя, что „все какъ рукой снимаетъ!“

— *Вѣрно говоришь?*

— Ну, вотъ еще! Не въ первой. — И она дополнила свои совѣты еще нѣкоторыми другими, не менѣе раціональными.

— Это можно!.. Это наплевать! отзывалась паціентка.

Но прошло нѣсколько недѣль, и возможное оказалось невозможнымъ. Микстура не дѣйствовала.

Дѣдкина жена балагурила, дебоширила и пьянствовала пуще прежняго, но порой нахальный, веселый хохотъ ея вдругъ будто обрывался; она умолкала, схватывалась за грудь и съ помутившимся взоромъ оставляла пораженныхъ гостей. Подруги пытались было дознаться, въ чемъ дѣло, но она на всѣ вопросы или ничего не отвѣчала, или неопредѣленное: „наплевать!“

Второй визитъ къ почтенной особѣ безъ носа принесъ ей нѣкоторое успокоеніе, но ненадолго. Не смотря на скаканіе со столовъ и подоконниковъ, не смотря даже на скатываніе животомъ внизъ съ довольно высокой каменной лѣстницы,—результатъ былъ все тотъ же, т. е., точнѣе говоря, его-то именно и не было. А дѣло между тѣмъ становилось все очевиднѣй да очевиднѣй: хозяйка уже косо посматривала на дѣдкину жену, товарки пересмѣивались, а поклонники говорили: „ахъ ты!“ и отходили прочь. Тогда она круто измѣнила свою тактику: бросила всѣ химическія и механическія средства и рѣшила: „видно ужь отъ бѣды не уйдешь! Надо прикопить только, чтобы, хоть какъ нибудь, продержаться въ послѣдніе мѣсяцы, а потомъ—опять то же, та же безшабашная жизнь! Да и что̀ измѣнится въ ея положеніи? Ничего,—только еще „занятпѣй“ будетъ! Все равно: живаго не родитъ (въ этомъ она была увѣрена), а если на грѣхъ и окажется живымъ, такъ вѣдь всегда есть возможность „освободиться“. Ближайшимъ слѣдствіемъ всѣхъ этихъ разсужденій былъ цѣлый рядъ мелкихъ кражъ у пьяныхъ завсегдатаевъ и у подругъ. Дѣдкина жена, по обыкновенію, ото всего отпиралась. Наконецъ „знакомая дама“, которую одинъ изъ потерпѣвшихъ припугнулъ судомъ, категорически предложила „убраться къ чорту на кулички“.

— „Завтра уйду!“ спокойно отозвалась дѣдкина жена на это предложеніе. Но она солгала: ушла въ ту же ночь захвативъ съ собой 16 рублей съ копѣйками, оказавшіеся въ комодѣ у патронессы. За 5 рублей наняла она комнату у какого-то совсѣмъ незнакомаго сапожника въ другой части города и, не видясь ни съ кѣмъ изъ своихъ прежнихъ подругъ, не имѣя фактической возможности продолжать прежнюю жизнь, пьянствовала рѣже да рѣже, задумывалась все чаще и чаще. Но во всѣхъ этихъ думахъ не было и тѣни раскаянія. Она находилась въ какомъ-то тревожномъ *выжидательномъ состояніи*, не забывая ни на минуту, что

— Сначала подумай, а потомъ сдѣлай...

— Вотъ поди-жъ ты! А у меня какъ разъ навыворотъ...

— Логика требуетъ....

— Да вотъ-те и требуетъ, а коли у меня характеръ такой! Я спервоначалу ударю, потомъ ужь и подумаю: вотъ оно какъ случилось!.. И во всемъ такъ...

— Нравственность и разумность—краеугольные камни человѣческаго счастія; на нихъ зиждется...

— Постой, не мели! хочешь, я тебѣ истинную правду скажу, вотъ какъ передъ Богомъ?.....

— Ну?

— Я счастлива!.. Наплевать!...

II.

Однажды,—то было на масляной, два года назадъ,—дѣдкина жена, начавъ съ обычнымъ увлеченіемъ свой импровизированный танецъ, вдругъ остановилась, схватилась рукою пониже груди, дрогнула и, пошатываясь, удалилась съ подмостковъ, не окончивъ представленія. Испуганная, дрожащая, она присѣла на скамейку внутри каруселей и, опустивши голову, блуждающимъ, неосмысленнымъ взглядомъ озиралась исподлобья по сторонамъ.

— Чего ты? освѣдомился дѣдъ.

Она молчала.

— Нога, что-ль, подвернулась, али такъ... голова закружилась?

Она ничего не отвѣчала. Дѣдъ заглянулъ ей въ лицо и даже крякнулъ отъ удивленія: на губахъ у нея застыла постоянная, беззаботная улыбка, полная удали и нахальства, а глаза выражали одинъ безотчетный ужасъ.

— Аль мертвецъ почудился? Съ чего вдругъ?

Она пристально посмотрѣла на него и, наклонившись, зашептала что-то на ухо. Онъ такъ и покатился съ первыхъ же словъ.

— Вотъ такъ дѣло!.. Ахъ ты, чортова кукла!.. А я вѣдь думалъ... ха... ха... ха!..... Дѣдъ схватилъ ее за руку и вытащилъ на балкончикъ.

— Эй, господа честные! Свершились дѣла чудныя!.. Моя, дѣдкина жена, мнѣ душой и тѣломъ предана, сейчасъ мнѣ донесла, что въ скорости у меня, у дѣда, наслѣдникъ будетъ!.. Ей-ей же не виноватъ!.. Кто меня въ этомъ можетъ осуждать?!..

Неистовый хохотъ покрылъ экспромтъ любимца. Кто-то въ *толпѣ отъ восторга* подавился коврижкой.... А дѣдкина жена *стояла съ поникшей* головой и тѣмъ же испуганнымъ взглядомъ ози-

ралась вокругъ. Потомъ она вдругъ съ силою рванула свою руку изъ руки дѣда и, молча, не оборачиваясь, пошла съ балкончика. Публика, принимавшая все это за условленную „комедь", новымъ взрывомъ поощрила уходъ артистки, стоявшей теперь за размаленнымъ косякомъ и дрожавшей всѣми членами.

„Гогочутъ!.. лѣшіе!" бормотала она:—„радуются!.. Нарочно, думаютъ... А коли бы знали, что не нарочно, что взаправду, и даже... Что-бъ тогда?.."

И какой-то внутренній голосъ подсказалъ ей отвѣтъ: тогда-бы... толпа эта лопнула отъ смѣха!.. У нея, у дѣдкиной жены, будетъ ребенокъ?.. она будетъ матерью?..

— Это—я-то, я-то?..... почти съ крикомъ задала себѣ вопросъ плясунья и вдругъ... сама размѣялась...

И черезъ пять минутъ, она, какъ ни въ чемъ не бывало, по прежнему веселая, улыбающаяся, отплясывала на балкончикѣ; къ вечеру была, по обыкновенію, пьяна, а ночью напилась и еще основательнѣй.

„Чего-жъ лучше?" думала она на другой день, стоя на перилахъ и болтая ногою въ воздухѣ:—„а вчерась-то какъ спужалась,—духъ даже сперло!.. Вотъ ужь, вправду, шальная... Малоль что кольнетъ, анъ и нѣтъ ничего такого, и все чепуха, и...."

И вдругъ опять кольнуло. Дѣдкина жена зашаталась и чуть не упала съ перилъ.

— Убѣгнетъ, сичасъ убѣгнетъ! оралъ во всю глотку, покрывая отдѣльные голоса, какой-то паренекъ, видѣвшій уже вчера внѣпрограммную „комедь".

— Вишь, ускочила, вишь!.. А вотъ ее дѣдка сграбастаетъ и...

На балкончикъ дѣйствительно вылетѣлъ дѣдъ, таща за воротъ плясунью. Передъ восхищенными зрителями повторилось все то же, что и за день передъ этимъ. Только теперь дѣдкина жена не вырвалась изъ рукъ своего названнаго супруга (онъ держалъ ее, какъ въ клещахъ), а, перевѣсившись за перила, разразилась надъ толпой градомъ такихъ отборныхъ ругательствъ, что даже знатоки по этой части не нашлись, что отвѣтить.

— Это еще новое... не было вчерась!.. надсаживался, весь посинѣвшій отъ крика, паренекъ:—вишь, какъ ругается... Ахъ ты, Господи!.. Это ужь... сдѣлайте милость!..

Истощивъ весь запасъ и окончательно осипнувъ, дѣдкина жена послала въ толпу прощальный плевокъ и, безпорядочно отдернувъ платье, скрылась съ балкончика.

Теперь она уже больше не сомнѣвалась въ справедливости вчерашняго *предположенія, но* теперь она и не ужасалась его такъ

безотчетно, какъ вчера. Испугъ уступилъ мѣсто другому чувству: чувству злобы, негодованія, ненависти—и къ этой гогочущей толпѣ, и къ тому существу, которое забилось у нея подъ сердцемъ. О, какъ страстно ненавидитъ она это, ни въ чемъ неповинное, зарождающееся существо, отца котораго не знаетъ сама мать! Быть можетъ, онъ тамъ же, въ этой веселой, полупьяной толпѣ; быть можетъ, и онъ смѣется теперь, не подозрѣвая даже, что дѣдкина жена дѣйствительно готовится стать матерью, и что онъ именно, а никто другой, отецъ ея будущаго ребенка. И злоба душитъ дѣдкину жену, и внутри ея все скребетъ, ноетъ, клокочетъ этою злобою.

По окончаніи сезона, дѣдъ за вечерней попойкой въ кабакѣ, потрясая полштофомъ, предложилъ тостъ „за ожидаемаго младенца жены своей!“

— Будь онъ проклятъ, щенокъ! отозвалась она, скрежеща зубами и неистово колотя себя въ животъ.

— Смотри: убьешь ни за грошъ!.. съострилъ кто-то.

— Туда ему и дорога! Сдохнетъ,—свѣчку Николѣ поставлю!..

Пирующіе артисты, по иниціативѣ дѣда, поднялись со своихъ мѣстъ и пьяными, хриплыми голосами затянули: „вѣчная память“... Будущая мать съ одушевленіемъ подтягивала имъ....

Переночевавши, по обыкновенію, въ участкѣ, она, почему-то, вовсе не опохмѣлялась, съ 30 рублями въ карманѣ, прошлялась весь слѣдующій день по улицамъ, занимаясь совсѣмъ необычайнымъ дѣломъ. Дѣдкина жена думала:

„Что нибудь одно: либо самой съ голоду околѣвать, либо какъ ни есть, а паскудника теперь же уничтожить!“—въ такой безвыходной дилеммѣ представлялось ей будущее. Но „околѣвать“ не хотѣлось; напротивъ,—теперь-то больше, чѣмъ когда нибудь, хотѣлось жить, и жить также шумно, весело, „счастливо“, какъ жилось до сихъ поръ: не задумываясь, не заглядывая впередъ, не оборачиваясь назадъ. Очевидно, оставалось одно: — „уничтожить“. На этомъ и порѣшила она, въ тотъ же вечеръ всесторонне трактуя вопросъ съ одной изъ бывшихъ своихъ товарокъ, нынѣ оставшейся не у дѣлъ, „вслѣдствіе глупости“, какъ она сама поясняла, на самомъ же дѣлѣ благодаря потерѣ обонятельнаго снаряда. Почтенная особа сія занималась приготовленіемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ лѣкарствъ изъ спорыньи, донскаго можжевельника, камфары и еще чего-то и, вполнѣ одобривъ рѣшеніе дѣдкиной жены, снабдила ее за рубль названной спеціей, увѣряя, что „все какъ рукой *снима*етъ!“

— *Вѣрно говоришь?*

— Ну, вотъ еще! Не въ первой. — И она дополнила свои совѣты еще нѣкоторыми другими, не менѣе раціональными.

— Это можно!.. Это наплевать! отзывалась паціентка.

Но прошло нѣсколько недѣль, и возможное оказалось невозможнымъ. Микстура не дѣйствовала.

Дѣдкина жена балагурила, дебоширила и пьянствовала пуще прежняго, но порой нахальный, веселый хохотъ ея вдругъ будто обрывался; она умолкала, схватывалась за грудь и съ помутившимся взоромъ оставляла пораженныхъ гостей. Подруги пытались было дознаться, въ чемъ дѣло, но она на всѣ вопросы или ничего не отвѣчала, или неопредѣленное: „наплевать!“

Второй визитъ къ почтенной особѣ безъ носа принесъ ей нѣкоторое успокоеніе, но ненадолго. Не смотря на скаканіе со столовъ и подоконниковъ, не смотря даже на скатываніе животомъ внизъ съ довольно высокой каменной лѣстницы,—результатъ былъ все тотъ же, т. е., точнѣе говоря, его-то именно и не было. А дѣло между тѣмъ становилось все очевиднѣй да очевиднѣй: хозяйка уже косо посматривала на дѣдкину жену, товарки пересмѣивались, а поклонники говорили: „ахъ ты!“ и отходили прочь. Тогда она круто измѣнила свою тактику: бросила всѣ химическія и механическія средства и рѣшила: „видно ужь отъ бѣды не уйдешь! Надо прикопить только, чтобы, хоть какъ нибудь, продержаться въ послѣдніе мѣсяцы, а потомъ—опять то же, та же безшабашная жизнь! Да и что̀ измѣнится въ ея положеніи? Ничего,—только еще „занятнѣй“ будетъ! Все равно: живаго не родитъ (въ этомъ она была увѣрена), а если на грѣхъ и окажется живымъ, такъ вѣдь всегда есть возможность „освободиться“. Ближайшимъ слѣдствіемъ всѣхъ этихъ разсужденій былъ цѣлый рядъ мелкихъ кражъ у пьяныхъ завсегдатаевъ и у подругъ. Дѣдкина жена, по обыкновенію, ото всего отпиралась. Наконецъ „знакомая дама“, которую одинъ изъ потерпѣвшихъ припугнулъ судомъ, категорически предложила „убраться къ чорту на кулички“.

— „Завтра уйду!“ спокойно отозвалась дѣдкина жена на это предложеніе. Но она солгала: ушла въ ту же ночь захвативъ съ собой 16 рублей съ копѣйками, оказавшіеся въ комодѣ у патронессы. За 5 рублей наняла она комнату у какого-то совсѣмъ незнакомаго сапожника въ другой части города и, не видясь ни съ кѣмъ изъ своихъ прежнихъ подругъ, не имѣя фактической возможности продолжать прежнюю жизнь, пьянствовала рѣже да рѣже, задумывалась все чаще и чаще. Но во всѣхъ этихъ думахъ не было и тѣни раскаянія. Она находилась въ какомъ-то тревожномъ *выжидательномъ состояніи*, не забывая ни на минуту, что

„все это“ стряслось надъ нею временно, что пройдетъ мѣсяцъ-два,—и она опять заживетъ по прежнему.... Не взирая на мудрую экономію касательно выпивки, ей уже къ началу втораго мѣсяца пришлось перебраться изъ комнаты въ уголъ, а еще недѣли черезъ три, возражая на требованіе платы „за помѣщеніе“, она кричала: „Что-жъ мнѣ, убивать, что-ль, идти? Нѣтъ ни гроша,—вотъ вамъ и сказъ весь!..“

— Эка фря! Да ты выдь, походи,—можетъ, и подастъ кто!..

— Милостыню просить?.. Да скорѣй у тебя волосы на языкѣ выростутъ, чѣмъ я христарадничать пойду!.. На, дависъ... Обирай кофту!.. вотъ-те и платокъ въ придачу... На, на...

И въ тотъ же день, въ одномъ платьѣ, простоволосая, трясясь всѣмъ тѣломъ, ругаясь и колотя себя въ грудь, дѣдкина жена явилась въ полицейскій участокъ и громогласно заявила:

„Жить не на что! Дѣлайте со мной, что знаете! забирайте меня куда ни на есть, а то утоплюсь, иль еще хуже что надѣлаю... Подожгу, убью!.. Мнѣ наплевать!..“

Ее помѣстили въ одно изъ родовспомогательныхъ заведеній.

III.

Два дня и двѣ ночи продолжались мученія дѣдкиной жены. То были страшныя муки, и для дѣдкиной жены онѣ были еще невыносимѣе:—она не привыкла болѣть. Правда, случалось и прежде, что ее „какъ быдто захватитъ“, но тогда она самоувѣренно рѣшала: „наплевать!“ —и боль проходила какъ-то сама собой. И теперь она боролась до послѣдней возможности, подавляя въ себѣ всякій стонъ, стараясь вызвать на искаженномъ отъ боли лицѣ веселую, беззаботную улыбку; но въ то же время она начинала понимать, что бываютъ въ человѣческой жизни такія страшныя минуты, когда даже отчаянное „наплевать“ не доставляетъ облегченія,—когда упрямство человѣка вступаетъ въ борьбу съ упрямствомъ природы... И къ ночи страшный крикъ огласилъ больничную палату. Въ этомъ первомъ крикѣ можно было бы уловить и рѣзкую ноту мучительной боли, прорвавшейся наружу, не смотря на все упорство человѣка, и сознаніе позорнаго безсилія человѣка, признававшаго себя отнынѣ побѣжденнымъ безнадежно... Съ дикими воплями металась она по кровати, и чудилось ей, что смерть стоитъ уже въ ея изголовьѣ, и улыбается, глядя на нее, и грозитъ *ей, и насмѣшливо* шепчетъ: „что?.. наплевать?!..“

— *Скоты вы* этакіе!.. Помогите мнѣ!.. Спасите меня... Ахъ,

ахъ!.. Господи! такъ кричала она, разрывая зубами наволочку подушки, и страшно ей было умирать, и не хотѣла она умирать... Къ утру слѣдующаго дня страхъ этотъ совершенно исчезаетъ... Теперь она вопитъ: „скорѣй!.. скорѣй!“ и каждая минута съ дикою радостью привѣтствуется ею, какъ послѣдняя. Этой минуты, кажется ей, она уже не можетъ пережить,—сильнѣе боли нельзя себѣ уже и представить! А между тѣмъ за минутою тянется минута, за часомъ часъ, за утромъ вечеръ и ночь,—она все еще жива, а боль еще ужаснѣе, еще невыносимѣе, и больная уже не проситъ, а *требуетъ* смерти, требуетъ ея, какъ справедливаго возмездія за каждое изъ пережитыхъ мгновеній, требуетъ по праву человѣческаго существа, заслужившаго смерть своими мученіями, если не какъ дара, не какъ воздаянія за нихъ, то просто, какъ конца имъ, какъ чего-то такого, въ чемъ *не смѣетъ* отказать человѣку природа!.. Но смерть нейдетъ къ ней; самая надежда дождаться ея мало по малу исчезаетъ; кажется, что мученіямъ этимъ нѣтъ конца и никогда, никогда не будетъ; кажется, что сама смерть ничего уже не можетъ сдѣлать съ ними, не можетъ прекратить ихъ... Даже мысль о всемогуществѣ смерти начинаетъ представляться какой-то несообразной, дерзкой безсмыслицей,—и теперь больная не стонетъ, не кричитъ, не мечется... Она лежитъ безъ движенія широко раскрывъ помутившіеся глаза, и ни одинъ мускулъ не дрогнетъ на ея лицѣ и не отразитъ того, что̀ дѣлается внутри ея...

„Хлороформъ, хлороформъ!“ слышится ей откуда-то издалека, и все вдругъ начинаетъ заволакиваться грязновато-сѣрымъ туманомъ. Рѣсницы сами собою спадаютъ на глаза больной, но ей чудится, что она смотритъ и даже видитъ этотъ сгущающійся мракъ. „Наконецъ-то!“ мелькаетъ въ ея умѣ, и вслѣдъ за этой мыслью мозгъ перестаетъ работать, связь съ внѣшнимъ міромъ разрывается. Часы бѣгутъ за часами, минуетъ ночь, наступаетъ утро. Больная лежитъ все въ томъ же положеніи, съ застывшимъ выраженіемъ не то муки, не то недоумѣнія на лицѣ; она ничего не помнитъ и ничего не знаетъ о протекшемъ времени: долго ли продолжалось оно, случилось ли что нибудь въ теченіе его,—она находится внѣ времени...

Но вотъ мало по малу сознаніе начинаетъ возвращаться... Въ безпросвѣтномъ мракѣ больная начинаетъ уже различать какія-то быстрыя блестящія полосы: точно лучъ свѣта на мгновеніе прорѣжетъ зигзагомъ окружающую тьму, и одновременно съ нимъ въ усыпленномъ мозгу промелькнетъ вдругъ мысль... Но не успѣваетъ *больная всмотрѣться* въ эту свѣтлую полосу, не успѣва-

етъ схватить оторванную мысль, какъ уже новыя полосы пронизываютъ мракъ, и новыя мысли разрозненно проносятся въ умѣ. Она не можетъ понять, что̀ съ нею, гдѣ она, что̀ было раньше, что̀ теперь?... Ей почему-то чудится, что все испытываемое ею она уже переиспытала когда-то, или, если не переиспытала, то думала уже объ этомъ, или, быть можетъ, видѣла во снѣ, или слышала отъ кого-то, или...

И вдругъ новая полоса свѣта!...

„Жива!...“ мелькаетъ въ головѣ больной,—и долго не дававшаяся мысль пробуждаетъ заснувшій въ бездѣятельности мозгъ.

Вмѣстѣ съ этою мыслью она вдругъ, разомъ припоминаетъ все: и только что миновавшія муки, и все, что̀ предшествовало имъ... Но, не смотря на ясность прошедшаго, настоящее не возникаетъ передъ нею въ должной опредѣленности: въ немъ чудится ей что-то новое, и оно, это новое, путаетъ, сбиваетъ ее... И невольно возвращается она къ своей первой мысли: „жива!“— и ей хочется подтвердить ею, что новаго ничего нѣтъ, что, разъ она дѣйствительно *жива,* ничего измѣниться не можетъ, ничего измѣниться не должно...

Странный, плачевный писк̀ъ доносится вдругъ до слуха дѣдкиной жены...

Невольно, будто подъ вліяніемъ какой-то силы, она подымаетъ рѣсницы...

Передъ нею знакомая сидѣлка, на рукахъ которой бьется крошечное красное существо, дрыгаетъ ножонками, машетъ ручками, кричитъ и таращитъ глазенки на нее, на дѣдкину жену... А яркій блестящій свѣтъ теплаго весенняго дня льется и разсыпается лучами надъ этою крохотною новою жизнью, и грѣетъ саму дѣдкину жену,—и все существо ея трепещетъ и млѣетъ подъ этими живительными, чудными лучами...

— Ну, полно, полно капризничать! говоритъ сидѣлка, склоняя ребенка надъ изголовьемъ роженицы:—это вѣдь твоя мама!... Поцѣлуй маму!...

— Солнышко мое!... Я—мама, мама твоя! повторяетъ дѣдкина жена, и съ восторгомъ, полная новаго, незнакомаго чувства, ловитъ пересохшими губами голенькія ручонки и ножки...

Такъ вотъ, вотъ оно, то *новое,* чего не было *тамъ,*—думается ей,—то, для чего она страдала и мучилась! И теперь страшныя муки ея кажутся вполнѣ понятными: она купила ими это чудное солнышко, заблиставшее надъ нею, и ей даже думается, что̀ *купила* она дешево, что нечеловѣческія страданія ея ничтожно-*малы* въ сравненіи съ тѣмъ неизмѣримо-дорогимъ суще-

ствомъ, жизнь котораго дана какъ бы взамѣнъ ихъ... Ей вдругъ живо припоминается раскатистый смѣхъ праздничной, полупьяной толпы,—смѣхъ, которымъ толпа эта встрѣтила вѣсть о младенцѣ, забившемся подъ сердцемъ дѣдкиной жены... О, какъ хотѣла бы она, чтобы та же толпа увидѣла теперь это маленькое существо, бьющееся въ ея объятіяхъ! Неужели и теперь *они* бы стали смѣяться? Неужели... Нѣтъ! теперь они не посмѣли бы сдѣлать этого: она не позволила бы смѣяться надъ своимъ „солнышкомъ“, потому что это—*ея* ребенокъ, потому что она—*мать* его!... Мать?... А развѣ, когда-то, сама она не проклинала его еще въ утробѣ своей?... И страшно становится ей за саму себя, за все свое прошлое, полное дикаго смѣха и необузданнаго веселья!... Неужели она не понимала и даже не догадывалась, что радости ея безсмысленны, что есть на свѣтѣ другія, лучшія? Нѣтъ, она не знала и не думала объ этомъ... Она не понимала, что нуженъ свѣтъ, чтобы увидѣть себя во тьмѣ,—что нужны порой мучительныя тѣлесныя страданія, чтобы почувствовать и оцѣнить тихія душевныя радости... Она не понимала и только теперь начинаетъ смутно догадываться объ этомъ. Но мысль, пробужденная отъ долгаго—казалось, даже безнадежнаго—сна, работаетъ все сильнѣй и сильнѣй; глубже и глубже уходитъ дѣдкина жена въ саму себя, и, по мѣрѣ этого, прошедшее представляется ей все ужаснѣе и мрачнѣе, настоящее—все свѣтлѣе и отраднѣе, а будущее... Будущее не рисуется передъ нею въ опредѣленныхъ чертахъ, но она чувствуетъ только, что оно не должно походить на прошедшее, что надъ нею будетъ то же солнышко, что̀ взошло теперь, только будетъ оно еще ярче, еще радостнѣе настоящаго!...

Вечеромъ того же дня. главный докторъ, въ сопровожденіи молодаго врача, обходилъ палаты роженицъ. Онъ остановился передъ кроватью дѣдкиной жены въ ту минуту, когда она, полулежа, поддерживаемая сидѣлкой, кормила своего ребенка и, полная неиспытаннаго, сладкаго чувства, казалось, не замѣчала ничего окружающаго.

— Ну? какъ?.. № 168?..

Больная подняла глаза и застыдилась. Торопливо укутываясь въ одѣяло, она передала ребенка сидѣлкѣ и, поперемѣнно взглядывая то на него, то на стоявшаго передъ нею старика, улыбалась тихой, но гордой улыбкой матери.

Главный докторъ былъ „врагъ всякихъ фамильярностей съ больными“, какъ онъ самъ выражался, и улыбка эта ему не понравилась.

— Ну, такъ какъ же ваше здоровье?.. повторилъ онъ полу-небрежно, полу-строго, и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ, мотнувъ головою въ сторону молодаго врача:

— Мнѣ передавали, что вы очень мучились?..

— Нѣтъ... что-жъ... ничего-съ!..

— Вы, вѣроятно, употребляли какія нибудь средства, плодогонныя лѣкарства... а?..

Больная хотѣла сказать: „нѣтъ!“ но ей стало какъ-то тяжело солгать, и она едва слышно отвѣтила: „да!..“

— Зачѣмъ же это?.. Развѣ...

Старикъ обернулся къ молодому и спросилъ: „кто такая?“ Тотъ отвѣтилъ ему что-то на ухо.

— А-а-а!.. протянулъ онъ и посмотрѣлъ на роженицу съ нескрываемой гадливостью:—значитъ, что посѣешь, то и пожнешь!

Онъ сдѣлалъ было шагъ въ сторону, но остановился и спросилъ:

— А развѣ вамъ позволено кормить? Я полагалъ бы... Впрочемъ потрудитесь освидѣтельствовать...

Врачъ приблизился къ кровати и, молча, началъ осмотръ. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, съ едва пробивавшейся рыжей бородкой, съ робкимъ, стыдливымъ взглядомъ карихъ глазъ, съ невиннымъ, почти дѣтскимъ выраженіемъ лица. Больная видѣла его уже нѣсколько разъ у своей постели и порой невольно любовалась имъ, но теперь онъ ей показался еще красивѣе, еще моложе, еще добрѣе. Робѣя передъ старикомъ, она взглядомъ искала поддержки и сочувствія у молодаго...

„Отчего же я не могу кормить?“ думалось ей:—„зачѣмъ они хотятъ лишить меня этой радости? Вѣдь это же—мой ребенокъ, я—мать его!..“

И на всѣ вопросы она отвѣчала одно и то же:—„нѣтъ, нѣтъ, не больно!.. здѣсь не больно!..“

Она забыла о себѣ самой и испуганными глазами слѣдила за движеніями стараго доктора, въ рукахъ котораго пищалъ и бился ея ребенокъ.

— Не уроните! не уроните!...

Старикъ засмѣялся.

— А сами-то что надъ нимъ продѣлывали? обѣ ноги искалѣчены, спинной хребетъ согнутъ!..

Больная затрепетала всѣмъ тѣломъ: страшная мысль мелькнула у нея въ умѣ.

„Господи! вѣдь это же я, я все надѣлала: настойки пила, съ

окомъ прыгала, съ лѣстницы скатывалась.... Что-жъ это такое было со мной?.."

И опять ужасъ объялъ ее за саму себя, за всю прошлую жизнь свою.

— Сумашедшая я была!—вырвалось у нея.

Старикъ насмѣшливо повелъ бровями и обратился къ молодому:

— Вы полагаете, можно кормить родильницѣ?..

Она затаила дыханіе, не спуская съ него умоляющихъ глазъ.

— Я... мнѣ кажется, началъ тотъ, но потомъ какъ будто смутился чего-то и досказалъ свою фразу шопотомъ, на ухо. Старикъ пожалъ плечами и, смѣривъ еще разъ жалостливо-насмѣшливымъ взглядомъ и ребенка, и родильницу, отошелъ прочь отъ ея кровати. За нимъ удалился и молодой врачъ.

— Что же?.. можно кормить?.. съ недоумѣвающимъ видомъ обратилась больная къ сидѣлкѣ.

— Не знаю...

— Какъ же... вѣдь вотъ онъ опять плачетъ... вѣдь нельзя же... вѣдь они же сами говорили, что онъ... слабенькій... и ножки, и спинка... какъ же?..

— Сами виноваты!..

— Ахъ, знаю, знаю, только теперь-то...

И она разрыдалась. То были слезы искренняго, горячаго раскаянія. Долго и безутѣшно плакала она. Суровый докторъ, врагъ фамильярностей, кончилъ свою визитацію и направился домой къ вечернему чаю; молодой collega его гораздо развязнѣе и самоувѣреннѣе возвращался черезъ палаты къ своему дежурному кабинету.

— Г. докторъ! окликнула его сидѣлка:—родильница спрашиваетъ, можно ли ей кормить, или нѣтъ?

Больная перестала вдругъ плакать, закуталась опять по самое горло въ одѣяло и съ надеждой устремила свой взглядъ на подошедшаго молодаго человѣка...

— Пусть кормитъ... пока... а тамъ—видитъ будетъ... (онъ былъ нѣмецъ, aus Dorpat, и говорилъ по русски съ сильнымъ акцентомъ, коверкая слова).

— Благодарствуйте, г. докторъ, оживилась больная:—я знаю, вы просили за меня и *у нихъ*!.. *Они* сердитые такіе, а вы... Мерси-съ!..

— Да вотъ еще я хотѣль сказать... это... г. главній докторъ приказаль, чтобы поскорѣй... это... крестить младенецъ... завтра несутъ въ *церковь и... Какъ* хотите называть?

— Зачѣмъ же завтра ужь и крестить? обезпокоилась мать:— я сама, какъ оправлюсь маленько, такъ и схожу съ нимъ... Мнѣ ужь и теперь... лучше... совсѣмъ почти здорова... Зачѣмъ же крестить?

Молодой человѣкъ, слегка прищуривъ глаза, бросилъ боковой взглядъ на ребенка и сказалъ:—Нѣтъ!.. это... надо!.. крестить завтра надо!..

— Развѣ... развѣ онъ ужь такой слабенькій?...

— Да, онъ... слабій... онъ уже раньше... поврежденъ...

— Господи! прости ты меня, безпутную! съ новыми рыданіями залепетала больная:—сжалься надо мной!.. Пошли мнѣ новыя мученія,—я перенесу, я все перенесу, только не отнимай отъ меня моего солнышка!.. Мнѣ хорошо съ нимъ!.. Я поняла, я все поняла... Господи, сжалься надо мной, сжалься!..

— Ну, полноте... это вредно!.. это... ничего еще нельзя сказать... Ребенокъ слабъ и... его слѣдуетъ крестить, но онъ еще... можетъ жить и... я надѣюсь... и... Спокойтесь!..

— Да, да, это правда! Пусть окрестятъ! Это лучше. Богъ ему здоровьица пошлетъ... Онъ не отыметъ его!.. Онъ проститъ безпутную... Сумашедшая, сумашедшая я была!..

— Какъ же вы хотите называть?

— Солнышко! вырвалось у ней.

И докторъ, и сидѣлка засмѣялись.

— Развѣ есть такое имя?

— Нѣтъ, это я такъ... обмолвилась... („А отчего бы и небыть такому имени?“—мелькнуло у нея въ умѣ). Я ужь и не знаю какъ...

— А отецъ ребенка какъ зовутъ?

— Не знаю...—Но вдругъ спохватилась и поправилась:—Иванъ! Иванъ...

— Ну, вотъ... Иванъ, Ванюшка!.. Ничего, ничего!.. Молитесь Богу... Онъ можетъ это... все сдѣлать и... Ну, ну, ты молодецъ! (Онъ погладилъ ребенка по головкѣ). Покормите его... Какъ вы его называетъ?.. Солнышко?.. Ха-ха-ха!.. Ну, не пищай, солнишко!..

Чувство горячей материнской признательности охватило больную. Она хотѣла поцѣловать руку молодаго человѣка, но онъ стремительно отдернулъ ее и, видимо сконфузившись, не говоря ни слова, зашагалъ по палатѣ. А мать, уткнувъ лицо въ подушку, шептала слова молитвы и любви. Она чувствовала себя совсѣмъ слабой: силы оставили ея исхудавшее тѣло, но въ груди кипѣло и рвалось наружу что-то сильное, могучее!

И какіе чудные сны грезились ей въ эту ночь! Въ нихъ не

было ничего, что̀ бы напоминало прежнюю жизнь,—все въ нихъ было ново, ясно, привѣтливо! Крѣпко и сладко спала она, но самый тихій крикъ дитяти тотчасъ же пробуждалъ ее...

... Ребенка окрестили Иваномъ, но мать не могла привыкнуть къ этому случайному имени и въ думахъ, сама съ собой, продолжала его звать „солнышкомъ“. Съ каждымъ днемъ привязывалась она къ нему все сильнѣй и сильнѣй. Мысль о крохотномъ дорогомъ существѣ не покидала ея ни на минуту: съ этою мыслью она просыпалась; убаюканная ею, засыпала; ее же, въ о̀бразахъ, видѣла и во снѣ. Только порой, какъ бы противъ воли, на нее набѣгала другая мысль, но такая же тихая и радостная, и тогда со стыдливою робостью разспрашивала она сидѣлку про „добраго молодаго доктора...“ А онъ съ каждымъ разомъ становился внимательнѣе: нерѣдко шутилъ съ родильницей и даже разъ ободрительно-ласково потрепалъ ее по плечу... Такъ прошло девять дней... Больная настолько оправилась, что могла уже гулять по больничному саду, а старшій докторъ заявилъ при послѣдней визитаціи, что черезъ два дня она можетъ „выписаться“, ибо „здѣсь не богадѣльня и не Магдалинскій пріютъ“. Родильница не поняла послѣдняго довода, но глубоко задумалась. Вопросъ о будущемъ предсталъ теперь передъ нею во всей своей неопредѣленности.

Ей жутко было оставить больницу: здѣсь она страдала, здѣсь она мученіями своими купила „солнышко“, здѣсь же былъ и молодой докторъ съ добрыми глазами... Вернуться къ прежней жизни она не могла: самая мысль о возвратѣ казалась ей чудовищной... Старая жизнь окончена безповоротно,—надо начинать новую, но какую и какъ?

„Служить пойду!“ рѣшила было она:—„въ прачки, въ горничныя, въ мамки, что ли...“

„Но кто-жъ возьметъ меня?“ думалось ей, немного погодя:—„спросятъ: гдѣ жила? да и развѣ я умѣю что̀?.. да еще съ ребеночкомъ!..“

На минуту возникла было мысль: „не отдать ли *солнышко* въ воспитательный?“ но она тотчасъ же отвергла ее и даже испугалась чего-то.

Итакъ, на мѣсто нельзя, больницу оставить жалко... Что̀ же дѣлать? Думала она, думала, и наконецъ,—какъ ей показалось,—додумалась. Беззавѣтно отдавшись мечтамъ о своемъ будущемъ, она подъ обаяніемъ ихъ провела два лучшихъ дня своей жизни... Льготный срокъ подходилъ къ концу. Къ вечеру надо было или оставить *больницу, или...*

„Господи! помоги!..“ молилась она. И чѣмъ дольше молилась, тѣмъ чувствовала въ себѣ бо́льшую силу: мечты и надежды превращались уже въ увѣренность! Покормивъ ребенка, она дождалась, пока онъ уснетъ, потомъ уложила его въ люльку, поцѣловала въ лобикъ, прислушалась на минутку къ его торопливому дыханію и, перекрестивъ и его, и себя, быстро пошла ко входной двери въ садъ. Она знала, что молодой докторъ проходитъ ежедневно около этого времени черезъ садъ къ себѣ на квартиру въ одномъ изъ больничныхъ флигелей. Тутъ, въ ожиданіи его, усѣлась она на скамейку и въ послѣдній разъ торопливо перебирала въ умѣ слова, которыя скажетъ ему... День былъ свѣтлый, жаркій. Деревья, колеблемыя легкимъ вѣтеркомъ, шуршали своими свѣжими листьями и распространяли вокругъ здоровый запахъ молодой зелени. Воробьи и ласточки прыгали по дорожкѣ, усыпанной желтымъ пескомъ, и веселымъ чириканьемъ прерывали царившую въ природѣ тишину...

Также тихо и свѣтло было и на душѣ родильницы. Припомнилось вдругъ ей, что и прежде бывали такіе дни, но она какъ-то не замѣчала ихъ, не умѣла замѣтить... А теперь... теперь она любовалась и синимъ небомъ, съ пробѣгавшими по немъ молочными разорванными облачками; упивалась чарующимъ лѣтнимъ воздухомъ, пропитаннымъ ароматомъ распустившихся березъ и кудрявыхъ дубковъ... А надъ нею и надо всѣмъ вокругъ свѣтитъ, блеститъ и разсыпается лучами благодатное солнышко, золотя куполъ дальней церкви...

„Господи, какъ хорошо!“ вырвалось у нея, и, не спуская глазъ съ позлащеннаго креста, она стала на колѣни съ новой, горячей молитвой къ Тому, кто всѣхъ и вся простилъ...

Послышались торопливые шаги. На поворотѣ аллеи показался молодой докторъ. Онъ шелъ быстро, обмахиваясь широкой соломенной шляпой, щурясь отъ солнца и насвистывая какой-то веселый мотивъ.

Она вскочила съ колѣнъ и бросилась къ нему на встрѣчу.

— Что ви?.. зачѣмъ ви бѣгаетъ?..

— Г. докторъ... я... извините...

Она стояла передъ нимъ, опустивъ глаза и тяжело дыша. Всѣ тѣ слова, которыя она еще за нѣсколько минутъ повторяла себѣ, чтобы сказать ему,—всѣ они вдругъ смѣшались, спутались, и она опять не знала: съ чего начать и какъ начать? Молча сдѣлали они нѣсколько шаговъ и поравнялись со скамейкой. Онъ сѣлъ, *она продолжала стоять.*

— Я хотѣла, г. докторъ... поговорить... попросить васъ, чтобы...

— Ну, ну! что̀ такой?

Онъ сталъ закуривать сигару, она пристально вглядывалась въ сверкавшій вдали крестъ. Потомъ нервно повела плечами, опустила голову и тихо, но довольно твердо начала:

— Я прежде была, г. докторъ... вы вѣдь знаете, кто я была!.. Я другой жизни не знала и... не понимала ничего... Я веселая была, довольная...

Молодой человѣкъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Теперь я не могу... такъ жить... Я поняла, я... я хочу работать для моего *солнышка*, много, много работать и... Но меня никуда не возьмутъ... и съ ребеночкомъ... и я прошу у васъ, г. докторъ... вы добрый, вы...

Она въ изнеможеніи опустилась на скамейку и заплакала. Онъ всталъ.

— Но что̀ же ви хочетъ просить?..

— А именно, если я могу, конечно... Я хочу... здѣсь остаться сидѣлкой... Я присмотрѣлась къ ихней работѣ и буду все дѣлать... Жалованья мнѣ и не надо!.. хоть такъ, только не разлучали бы съ ребеночкомъ, а ужь я буду...

— Это не отъ меня зависитъ! Это—главній докторъ!.. Но онъ не возьметъ: у насъ... это... комплектъ...

— Если вы замолвите имъ словечко за меня, такъ вѣдь, можетъ быть, они...

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ не беретъ, и я не желаю просить объ этомъ и... онъ знаетъ... это... кто ви такой...

Ей стало страшно. Она вздрогнула и осмотрѣлась: по небу пробѣгали тяжелыя тучи, и веселый день темнѣлъ и сѣрѣлъ. Она упала на колѣни и, схвативъ руку молодаго человѣка, посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Спасите, спасите меня! шептали ея губы:—Господь заплатитъ вамъ за это!.. Пожалѣйте меня!... Я хочу трудиться для моего ребеночка... Я не могу уйти отсюда, потому что вы здѣсь, потому что... Голубчикъ вы мой, дорогой мой!.. Никого я не любила, а теперь... только и есть у меня: солнышко да вы... И мнѣ ничего не надо, не гоните только, а я буду... только смотрѣть и... работать и... молиться... Я люблю!.. люблю!..

Докторъ отдернулъ руку. Дѣтски-невинные глазки его заблистали негодованіемъ, губы скривились презрительной усмѣшкой.

— Ви—дура! произнесъ онъ:—мнѣ ваша любовь не надо,—а настолько *имѣю свой* нравственный чувство!—а если вамъ надо

мой рубль, вотъ онъ! (Онъ бросилъ ей въ лицо скомканную бумажку). И какъ ти смѣль подумать, что я... das ist eine Geschichte!.. Пошель прочь, и чтобы сей минута ти ушель изъ больница... Мерзкій!.. Фай!..

И, гадливо обтирая платкомъ ту руку, которую она только что держала въ своей, онъ быстро пошелъ по аллеѣ. А она, стоя на колѣняхъ, широко раскрытыми, не то испуганными, не то удивленными глазами, смотрѣла на валявшуюся ассигнацію, потомъ вдругъ схватила ее и бросилась вонъ изъ сада.

Она опомнилась только у своей кровати.

— Солнышко!.. солнышко!.. шептала она, наклоняясь надъ люлькой:—ты одинъ теперь у меня!.. И не надо мнѣ никого, кромѣ тебя!.. Съ тобой я не пропаду!.. Пойдемъ, пойдемъ отсюда!.. Богъ съ ними... Солнышко!..

Она вдругъ выпрямилась. Слезы мгновенно обсохли на ея глазахъ. Холодная дрожь пронизала ее отъ затылка до пятъ. „Солнышко!“ забормотала она безумнымъ голосомъ и затормошила ребенка: „солнышко“... Крикъ, полный ужаса и отчаянія, огласилъ комнату.

— Ребеночекъ мой!.. дитятко... проснись!.. Нѣтъ солнышка... закатилось мое солнышко!..

Паническій страхъ овладѣлъ ею: она кинула на кровать маленькое бездыханное существо и опрометью бросилась прочь. Не замѣчая ничего вокругъ, какъ была, въ одномъ платьѣ, съ непокрытой головой, бѣжала она по саду. Въ калиткѣ она столкнулась съ молодымъ докторомъ, сдѣлала было шагъ назадъ, но тотчасъ же опять рванулась впередъ и обхватила голову его руками...

— Оставьте съ вашими поцѣлуями! защищался онъ:—я никогда не цѣлуюсь такъ... Ай!..

Крикъ подтвердилъ только справедливость его аргумента: онъ никогда не цѣловался *такъ*... Когда дѣдкина жена съ силой оттолкнула его въ сторону, кровь въ нѣсколько ручейковъ бѣжала по его щекѣ, отмѣченной двойнымъ рядомъ глубоко впившихся зубовъ... Она громко разсмѣялась и проскочила въ калитку... Спотыкаясь и наскакивая на панельныя тумбы, задѣвая подоломъ за фонарные столбы, безсмысленно размахивая руками и смотря все время въ даль, въ одну точку,—такъ бѣжала она безъ оглядки, сама не зная куда. Какъ-то совсѣмъ нечаянно и неожиданно для себя самой, очутилась она вдругъ за прилавкомъ *кабака и, неистово* стуча, потребовала: „наливай!“

— Чего наливай? отозвался кабачикъ, зорко оглядывая ее съ головы до ногъ:—деньги-то есть ли?

— Деньги?..

Она было задумалась на минуту, но потомъ какъ будто вспомнила что-то и, торжественно вытянувъ лѣвую руку, разжала судорожно сведенный кулакъ. На стойку упала скомканная рублевая ассигнація. Кабачикъ налилъ, она залпомъ выпила и закричала: „еще...“ Сколько разъ повторилось это „еще“—она и припомнить никогда не могла, но, вѣроятно, немало, ибо вокругъ нея у прилавка собралась кучка оборванныхъ завсегдатаевъ, которые въ началѣ не безъ энтузіазма поощряли ее вслѣдъ за каждымъ шкаликомъ, а въ концѣ сами даже усомнились: „не довольно ли?..“

— Мало! еще!..

— Вотъ такъ жретъ! восхищенно передавали другъ другу добровольные эксперты:—ахъ, чортъ ее заѣшь!.. И съ чего это она накатывается?

— Поминки справляю! отозвалась дѣдкина жена:—наливай еще!

— Поминки!.. Ха... ха... ха... Ловко!.. Веселая баба!..

— А то нѣтъ, что-ль? у меня веселья-то на всѣхъ хватитъ, потому самой весело!.. Эй, разступись! Ходи рука, ходи нога!.. Пляши, дѣдкина жена!

Но вдругъ она пошатнулась. Ей почудилось, что она сорвалась откуда-то съ высоты и стремглавъ летитъ внизъ. Голова у нея закружилась, въ глазахъ потемнѣло...

— Прощай, солнышко! вырвалось у нея и, съ дикимъ воплемъ, она замертво рухнула на полъ.

IV.

Минуло два года. Прошлой масляницей, прогуливаясь у балагановъ, вы, можетъ быть, видѣли дѣдкину жену? Она значительно пополнѣла и обрюзгла, но поклонники увѣряютъ, что „это къ лучшему!“

— Меня это послѣ родильной горячки разнесло! поясняетъ она сама:—говорятъ, послѣ ея всегда толстѣютъ!

И она по прежнему весела, по прежнему хохочетъ и безстыдничаетъ. Прошлое представляется ей не то сномъ, не то болѣзнью.

„Выздоровѣла,—поправилась!“ говоритъ она и порой, даже не безъ иронiи, разсказываетъ „жалостливыя исторiи“ о своемъ пребываніи въ *больницѣ...*

И пляшетъ, и поетъ все то же. Только теперь, къ двумъ уже извѣстнымъ строкамъ, она прибавляетъ еще новыя:

„Кто знаетъ, что съ нами
Будетъ впереди?“

такъ что самая пѣсня кажется законченнѣе и производитъ еще бо́льшій фуроръ...

Только изрѣдка она вдругъ остановится посреди пляски, какъ будто задумается и пристально вглядывается въ золотистый солнечный лучъ, играющій на позументѣ ея рукава. Хорошая, тихая улыбка появляется тогда на губахъ ея, и сердце начинаетъ биться такъ сильно, такъ часто...

— Солнышко!.. солнышко! шепчетъ она, и стоитъ такъ секунду-двѣ, а потомъ вдругъ гаркнетъ:—„Э! наплевать!..“ махнетъ рукой, разсмѣется и опять примется за свои антраша съ такимъ отчаяннымъ одушевленіемъ, что „дѣду“ приходится выпроваживать ее съ балкончика. Но публика кричитъ, требуетъ свою любимицу, и вотъ онъ вытаскиваетъ ее за руку, подводитъ къ самымъ периламъ и, развернувъ передъ зрителями листъ размалеванной углемъ бумаги, потрясаетъ имъ въ воздухѣ вровень съ ея лицомъ, и кричитъ раздѣльно и зычно:

„Вотъ она,
Дѣдкина жена—
По всей формѣ сатана!
Прошу любоваться,
Только чуръ—не влюбляться.
Тутъ же и ея патретъ:
Чортъ не чортъ, а и чело-
вѣчьяго ничего нѣтъ“!..

Толпа хохочетъ. Дѣдкина жена тоже.

Б. Махровъ.

СЕМЬЯ БОГАТЫРЕЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XVII. За кулисами.

Софья Васильевна взбѣжала на верхъ по довольно грязной лѣстницѣ, которая, позади театра, вела въ уборную для артистовъ.

— Вамъ чего? грубо спросилъ сумрачный малый, словно церберъ, стерегшій двери.

— Какъ чего, болванъ!... И невѣдомо откуда показавшійся Верстаковъ далъ ему здоровую затрещину.—Какъ чего, оселъ?! Ты артистокъ долженъ чутьемъ узнавать. Пожалуйте, пожалуйте, Софья Васильевна... Я вамъ приказалъ самую большую уборную отвести.

Сегодня онъ былъ въ какой-то, необыкновеннаго покроя, рубашкѣ съ откидными рукавами, а на головѣ у него торчала точно сейчасъ же готовая улетѣть маленькая голубая мягкая шляпа. Сотни брелоковъ на груди звенѣли, точно сбруя.

— Эй, вы, подлецы, заоралъ онъ на сцену.—Кто тутъ есть?

Одинъ изъ „подлецовъ“, въ черномъ армякѣ и сапогахъ, которые скрыпѣли за версту, появился на зовъ.

— Зажги газъ въ правой уборной... Да спроси, топили ли, какъ я приказалъ... Живо, одна нога здѣсь—другая тамъ. Хотите пока сцену нашу посмотрѣть?

Софья Васильевна съ наслажденіемъ дышала затхлымъ воздухомъ кулисъ, пропитаннымъ пылью, испареніями теплаго тѣла, запахомъ краски. Она точно другимъ человѣкомъ почувствовала себя, вступивъ на сцену, гдѣ лежавшіе на брюхѣ два какихъ-то кудлатыхъ молодца *въ блузахъ* расписывали картонное дерево.

— Что вы, черти.... Ахъ, виноватъ—господа художники. Это вы.... Пора бы и кончить, черезъ полтора часа спектакль.

— Мы сейчасъ, Матвѣй Степановичъ.

— То-то же... Вотъ нашъ храмъ сатиры и морали! Вотъ отсюда-съ мы поучаемъ ту сволочь, что въ креслахъ сидитъ....

— Хороша сатира и мораль! выскочилъ невѣдомо откуда молодой человѣкъ въ старомъ пиджакѣ и кавалерійскихъ брюкахъ.

— А то какъ же по твоему-то?

— По моему—тру-ля-ля и ничего больше.

— Ну, и дуракъ. Рекомендую — въ кабакѣ нашелъ.... За философію на сцену взялъ. Изъ него будетъ толкъ впослѣдствіи. Ну, въ ручку скорѣе, коли Софья Васильевна тебѣ ее протягиваетъ.

— Мы васъ знаемъ!..

— Вона!

— Я въ гродненскихъ гусарахъ былъ вѣдь. Вы пріѣзжали играть къ намъ. Какія мы овацiи вамъ устраивали—страсть!

Софья Васильевна подошла къ рампѣ.

Прямо передъ нею была неосвѣщенная зала театра. Задніе ряды креселъ и двойный рядъ ложъ въ глубинѣ терялись во мракѣ, откуда, при тускломъ свѣтѣ газа на сценѣ, выступала порою только позолота перилъ и орнаментовъ... Нѣжина попробовала голосъ, сдѣлала какую-то гамму—театръ оказался хорошимъ въ акустическомъ отношеніи. Она повторила и закончила каденціей, послѣднія верхнія ноты которой замерли подъ самымъ потолкомъ...

— Вотъ это голосъ... Они эдакую Клеретту здѣсь еще не слышали.

— Потому что у твоихъ артистокъ, вступился бывшій гусаръ:— вмѣсто голоса—жаба въ горлѣ.

— Ну, ужь ты!..

— Развѣ онѣ поютъ у тебя! Хорошо пѣніе... Вчера Свиридова вздумала на сценѣ трель сдѣлать... Ну, говорю я вамъ правду, обратился онъ къ Нѣжиной:—точно водою горло прополоскала и подавилась даже подъ конецъ.

— А публика все таки аплодировала.

— Чего же не аплодировать, когда юбка выше колѣнъ и ляжки въ тѣлеснаго цвѣта трико! Еще бы такой „сатирѣ и морали“ не аплодировать. Съ ума сошли—послѣ спектакля пять троекъ ждали ее, чуть не разорвали въ клочки.

— Жаль, не зналъ я этого! вспыхнулъ Верстаковъ.

— Что-жъ бы ты сдѣлалъ?

— У меня сцена—не публичный домъ. Я бы такъ турнулъ....

— *Какъ же* ты запретишь тройкамъ на улицѣ стоять... Ты

знаешь эту тушу безсмысленную, милліонера Сапогова—ну, онъ по первому абцугу ей на двадцать пять тысячъ брилліантовъ. Потомъ сталъ просить, чтобы она при немъ трико надѣла.

— Ну?

— Она и надѣла. Что ей... Вѣдь за одинъ показъ только! Цѣна—слава-те Господи—хорошая!..

Верстаковъ, со злостью, всей пятерней сталъ драть себя за волосы и неистово заворошилъ чубъ.

— А то сатира и мораль! негодовалъ гусаръ; но Софья Васильевна его не слушала. Пріѣхавшая съ нею горничная, все уже разложившая въ уборной—вышла за нею.

— Все готово?

— Да.

— Ну, господа, прощайте. Не подеритесь только, пожалуйста...

Она пошла къ себѣ.

Очевидно, изъ ея уборной Верстаковъ постарался сдѣлать нѣчто попорядочнѣе. Стѣны были обиты палевымъ ситцемъ—большая и покойная кушетка въ глубинѣ комнаты оказалась мягкой и покрытой простеганною шолковой матеріей, тоже палевой съ голубыми цвѣтами; полъ былъ застланъ пушистымъ ковромъ,—а подъ туалетнымъ столикомъ и кресломъ около него лежалъ медвѣжій мѣхъ. Большое кресло-качалка у ширмъ, и столики, на которыхъ благоухали свѣжіе букеты, бросились ей въ глаза, когда она оглядѣлась. На стѣнѣ уже были развѣшаны костюмы; на нихъ, очевидно, тоже не пожалѣли денегъ. Громадное зеркало въ видѣ складня стояло на большомъ туалетѣ, другое, еще больше, было позади. У передней стѣны роскошное трюмо въ эту минуту отражало Софью Васильевну, лѣниво потягивавшуюся передъ нимъ. Она только что сбросила свою шубку на руки Жанеты и почувствовала приливъ той счастливой и спокойной нѣги, которая охватываетъ всегда послѣ холода и утомленія въ атмосферѣ, хорошо нагрѣтой и переполненной араматомъ духовъ и цвѣтовъ. Нѣжина прошлась по комнатѣ, продолжая слегка зѣвать...

— Такъ бы и заснула, лѣниво проговорила она, полуложась на кушетку.

— А одѣваться?

— Успѣю еще! И она полузакрыла глаза. Но, спустя минуту, поднялась и подошла къ туалету.—Ахъ, какъ все это скучно!

— До первыхъ аплодисментовъ, улыбнулась Жанета.

— Разумѣется!.. Что-то теперь подѣлываетъ Сергѣй Николаевичъ?

— А вы думаете, ему будетъ пріятно узнать о томъ, что вы опять на сценѣ?

— Меня это мало интересуетъ!

— Ну, Софья Васильевна!..

— Ей Богу!

— Зачѣмъ вы мнѣ говорите неправду, вѣдь я же знаю.

— А знаешь, такъ молчи. Еще бы—и онъ тоже хорошъ—ни слуху, ни духу... Двѣ недѣли прошло—хоть бы строчку написалъ.

Она еще лѣнивѣе, чѣмъ прежде, усѣлась передъ туалетомъ и откинула голову на спинку кресла.

— Ну, что же это будетъ? Вѣдь опять опоздаете.

— Подождутъ.

— Билетовъ-то со вчерашняго дня не было, какъ узнали, что вы поете.

— Да!

— А барышники какъ радуются! Они теперь второй рядъ меньше двадцати пяти рублей не отдаютъ, а ложу—за сто да за двѣсти! Что твоя Патти, говорятъ!

— Ну, давай пеньюаръ.

Софья Васильевна живо раздѣлась и въ одной рубашкѣ подошла къ зеркалу...

— У кого онъ найдетъ такія плечи и руки? А грудь?...

— Ну, полно вамъ, пора.

— Молчи!.. Она медленно надѣла пеньюаръ, сейчасъ же упавшій вокругъ ея тѣла мелкими бѣлыми складками. Жанета распустила ей волосы, которые волнистою массой легли внизъ, за спинку кресла, и смѣшались на полу—съ мѣхомъ медвѣжьей шкуры, разостланной тамъ...

— Потише чеши только, не сдѣлай мнѣ больно. Сначала щеткой ихъ расправь, а потомъ гребнемъ.

— Нигдѣ и волосъ такихъ нѣтъ.

— Тяжело головѣ отъ нихъ только... Вотъ я ихъ выкрашу въ рыжій цвѣтъ скоро, или обрѣжу.

Пока Жанета возилась съ ея волосами—Софья Васильевна вылила бѣлила на форфоровое блюдечко и, спустивъ съ плечъ пеньюаръ, начала бѣлить шею, грудь и руки...

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите, крикнула она. Въ уборной Нѣжина не стѣснялась и безъ церемоніи совершала свой туалетъ при другихъ.

Въ уборную влетѣлъ худощавый господинъ цыганскаго типа...

— Опять вмѣстѣ служить пришлось, радостнымъ тономъ *заговорилъ онъ*, цѣлуя ее въ спину позади шеи, гдѣ она еще не

была покрыта бѣлилами. Она мазнула его кисточкой по носу и спокойно продолжала свое.

— Послушай, Сонечка...

— Когда мы на ты пили? улыбаясь, спросила она его.—Все по прежнему, Карапетка, шелопаемъ остались!

— Ну,—по товарищески... Правда, что ты замужъ выходишь?...

— Можетъ быть.

— За какого-то генерала, разсказывали въ Петербургѣ.

— За „какого-то“ не выйду... А за того, кто стоитъ—непремѣнно. Ужь разъ я что намѣтила—мое будетъ.

— Значитъ, ваше превосходительство? Я къ тебѣ въ шафера.

— Благодарю покорно! Этакую фамилію въ церковныхъ книгахъ записать: Теръ-Панталоновъ? Нечего сказать, пріятно!

— Чѣмъ не фамилія?.. Господи, какая красавица!..

Софья Васильевна, въ это время, безъ церемоніи надѣвала ажурные чулки...

— Хороша нога?

— Ослѣпну... Спрячь ее поскорѣй. Смотри, вѣдь живьемъ съѣмъ.

— Ладно, зубовъ нѣтъ такихъ еще. Оставь, оставь... Ну, теперь—пошелъ вонъ.

— Вотъ тебѣ и на... А помнишь, Сонечка...

— Ничего не помню и помнить не хочу.

— И Харьковъ забыла... Помнишь, послѣ твоего бенефиса...

— Я не злопамятна... Убирайся! Жанета—запри двери... И больше не пускай никого. Я еще должна распѣться... Ты мнѣ мѣшаешь.

Теръ-Панталоновъ, потоптавшись, убрался. Рядомъ въ уборную тоже вошли... Глухой говоръ послышался тамъ. Софья Васильевна начала пѣть съ закрытымъ ртомъ, точно для того, чтобы лучше себя слышать.

— Дай мнѣ партитуру.

Жанета принесла.

— Кажется, недавно пѣла, а слова позабыла... Кто тамъ? Ей Богу, очнуться не дадутъ.

— Зачѣмъ вы заперлись? послышался голосъ Верстакова.

— Именно затѣмъ, чтобы вы не лѣзли и не мѣшали мнѣ.

— Флигиревъ цѣлый возъ цвѣтовъ прислалъ. Проситъ позволенія прійти къ вамъ; что съ нимъ дѣлать?

— Цвѣты возьмите—пусть послѣ всѣхъ моихъ номеровъ поднесутъ мнѣ. Я надѣюсь, съ лентами...

— Еще бы! Ну, а съ Флигиревымъ что дѣлать?

— А его гоните въ шею.

— Это я могу... Готовы вы?

— Да, почти... Не одѣта только... Пошлите ко мнѣ портниху. Лифъ немного широкъ, надо его ушить.

Сюда, за кулисы, уже доносились визгливые звуки настраиваемыхъ скрипокъ, глухой ревъ трубъ и густые контральтовые тоны віолончелей. Вотъ какая-то флейта свиснула, загудѣлъ барабанъ. Очевидно, музыканты уже собирались и пробовали свои инструменты...

— Уборная по другую сторону тонкой стѣнкой отдѣлена отъ нашей! шопотомъ замѣтила Жанета.

— А что?

— Слышите?

Софья Васильевна прислушалась: тамъ дѣйствительно говорили.

— Ты видалъ ее, эту Нѣжину, когда нибудь? доносился чей-то голосъ.

— Слышалъ только.

— Вотъ это артистка! Безъ репетиціи—выходитъ пѣть, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Говорятъ, хорошенькая.

— Говорятъ! Божество, понимаешь. Такой еще и не бывало. Вотъ бы этакую заполучить,—да куда!—носъ деретъ.

— И все вамъ наврали, господа! крикнула имъ Софья Васильевна:—и не хорошенькая, и уродъ, и притомъ бездарность... И она расхохоталась.

— Это вы и есть, Софья Васильевна? смѣялись и тамъ.

— Она самая.

— Отлично, мы сейчасъ въ стѣнѣ провертимъ дырки.

— Не совѣтую.

— Почему.

— У меня есть длинныя шпильки.... Сейчасъ вамъ глаза выколю.

— Вы, говорятъ, недотрога?

— А вы не вѣрьте. Мало ли что говорятъ. Вотъ про васъ мнѣ разсказывали, что вы шутъ гороховый, а вѣдь я же не вѣрю этому...

Публика, очевидно, уже наполняла залу. Оттуда доносился глухой шорохъ сотенъ ногъ, отголоски говора, отзвучія криковъ на верху, гдѣ народъ попроще и побезцеремоннѣе, стукъ креселъ и весь этотъ, возбуждающій артиста, шумъ. Кровь горячей *волной прилила* къ лицу Нѣжиной. Она уже теперь нетерпѣливо

хотѣла поскорѣе изъ-за этой картонной кулисы выйти на встрѣчу тысячамъ жадно устремленныхъ на нее глазъ. Портниха возилась вокругъ меня, ушивая ей лифъ.

— Слишкомъ юбка длинна, проговорила Софья Васильевна. Къ завтрашнему спектаклю сдѣлайте ее короче. Мнѣ нечего своихъ ногъ прятать. И плечи откройте больше. Вырѣзъ на спинѣ нужно сдѣлать ниже.

— Хорошаго скрывать нечего, послышалось все изъ той же уборной рядомъ.

— Держите языкъ за зубами.

— Это не то, что̀ Миловидова. У той ноги, что̀ твои колеса, потому и въ контрактѣ она всегда выговариваетъ: не пѣть ролей съ короткими юбками.

— Госпожа Нѣжина, готовы ли вы?—постучался въ двери режисеръ.

— А вы слышали: chi va piano va sano?

— А конецъ вы знаете: ma non lontano!..—И режисеръ, смѣясь, побѣжалъ стучаться въ другія двери.

XVIII. Почему Верстаковъ хотѣлъ повѣситься?

По окончаніи третьяго акта — публика бѣсновалась такъ, что Верстаковъ боялся, какъ бы восторженные меломаны не взяли штурмомъ сцену. Нѣжина выходила-выходила на вызовы, наконецъ это ей надоѣло, она заперлась въ уборной и заявила, что больше не покажется. Тѣмъ не менѣе, какіе-то юноши до того усердствовали, что Матвѣй Степановичъ долженъ былъ самъ выйти и заявить, что г-жа Нѣжина не можетъ выйти, потому что переодѣвается къ четвертому дѣйствію. Тѣмъ не менѣе, вышедшіе изъ себя энтузіасты не унялись и у самаго оркестра долго орали:

— Нѣжину... Браво, Нѣжину...

— Бысь! кричалъ какой-то хохолъ, вмѣсто bis.

— Нѣжину!...

Но Верстаковъ зналъ свою публику.

— Что же, мнѣ вамъ ее голую на блюдѣ подать? По человѣчески говорю—переодѣвается.

— Браво, Верстаковъ, браво.

Верстаковъ затеребилъ свой чубъ, поклонился направо, поклонился *налѣво, поклонился* впередъ и, выйдя за кулисы, выругался *такъ, что бушевавшіе* юноши его услышали.

мой рубль, вотъ онъ! (Онъ бросилъ ей въ лицо скомканную бумажку). И какъ ти смѣль подумать, что я... das ist eine Geschichte!.. Пошель прочь, и чтобы сей минута ти ушель изъ больница... Мерзкій!.. Фай!..

И, гадливо обтирая платкомъ ту руку, которую она только что держала въ своей, онъ быстро пошелъ по аллеѣ. А она, стоя на колѣняхъ, широко раскрытыми, не то испуганными, не то удивленными глазами, смотрѣла на валявшуюся ассигнацію, потомъ вдругъ схватила ее и бросилась вонъ изъ сада.

Она опомнилась только у своей кровати.

— Солнышко!.. солнышко!.. шептала она, наклоняясь надъ люлькой:—ты одинъ теперь у меня!.. И не надо мнѣ никого, кромѣ тебя!.. Съ тобой я не пропаду!.. Пойдемъ, пойдемъ отсюда!.. Богъ съ ними... Солнышко!..

Она вдругъ выпрямилась. Слезы мгновенно обсохли на ея глазахъ. Холодная дрожь пронизала ее отъ затылка до пятъ. „Солнышко!“ забормотала она безумнымъ голосомъ и затормошила ребенка: „солнышко“... Крикъ, полный ужаса и отчаянія, огласилъ комнату.

— Ребеночекъ мой!.. дитятко... проснись!.. Нѣтъ солнышка... закатилось мое солнышко!..

Паническій страхъ овладѣлъ ею: она кинула на кровать маленькое бездыханное существо и опрометью бросилась прочь. Не замѣчая ничего вокругъ, какъ была, въ одномъ платьѣ, съ непокрытой головой, бѣжала она по саду. Въ калиткѣ она столкнулась съ молодымъ докторомъ, сдѣлала было шагъ назадъ, но тотчасъ же опять рванулась впередъ и обхватила голову его руками...

— Оставьте съ вашими поцѣлюями! защищался онъ:—я никогда не цѣлююсь такъ... Ай!..

Крикъ подтвердилъ только справедливость его аргумента: онъ никогда не цѣловался *такъ*... Когда дѣдкина жена съ силой оттолкнула его въ сторону, кровь въ нѣсколько ручейковъ бѣжала по его щекѣ, отмѣченной двойнымъ рядомъ глубоко впившихся зубовъ... Она громко разсмѣялась и проскочила въ калитку... Спотыкаясь и наскакивая на панельныя тумбы, задѣвая подоломъ за фонарные столбы, безсмысленно размахивая руками и смотря все время въ даль, въ одну точку,—такъ бѣжала она безъ оглядки, сама не зная куда. Какъ-то совсѣмъ нечаянно и *неожиданно для* себя самой, очутилась она вдругъ за прилавкомъ *кабака и, неистово* стуча, потребовала: „наливай!“

— Чего наливай? отозвался кабачикъ, зорко оглядывая ее съ головы до ногъ:—деньги-то есть ли?

— Деньги?..

Она было задумалась на минуту, но потомъ какъ будто вспомнила что-то и, торжественно вытянувъ лѣвую руку, разжала судорожно сведенный кулакъ. На стойку упала скомканная рублевая ассигнація. Кабачикъ налилъ, она залпомъ выпила и закричала: „еще...“ Сколько разъ повторилось это „еще“—она и припомнить никогда не могла, но, вѣроятно, немало, ибо вокругъ нея у прилавка собралась кучка оборванныхъ завсегдатаевъ, которые въ началѣ не безъ энтузіазма поощряли ее вслѣдъ за каждымъ шкаликомъ, а въ концѣ сами даже усомнились: „не довольно ли?..“

— Мало! еще!..

— Вотъ такъ жретъ! восхищенно передавали другъ другу добровольные эксперты:—ахъ, чортъ ее заѣшь!.. И съ чего это она накатывается?

— Поминки справляю! отозвалась дѣдкина жена:—наливай еще!

— Поминки!.. Ха... ха... ха... Ловко!.. Веселая баба!..

— А то нѣтъ, что-ль? у меня веселья-то на всѣхъ хватитъ, потому самой весело!.. Эй, разступись! Ходи рука, ходи нога!.. Пляши, дѣдкина жена!

Но вдругъ она пошатнулась. Ей почудилось, что она сорвалась откуда-то съ высоты и стремглавъ летитъ внизъ. Голова у нея закружилась, въ глазахъ потемнѣло...

— Прощай, солнышко! вырвалось у нея и, съ дикимъ воплемъ, она замертво рухнула на полъ.

IV.

Минуло два года. Прошлой масляницей, прогуливаясь у балагановъ, вы, можетъ быть, видѣли дѣдкину жену? Она значительно пополнѣла и обрюзгла, но поклонники увѣряютъ, что „это къ лучшему!“

— Меня это послѣ родильной горячки разнесло! поясняетъ она сама:—говорятъ, послѣ ея всегда толстѣютъ!

И она по прежнему весела, по прежнему хохочетъ и безстыдничаетъ. Прошлое представляется ей не то сномъ, не то болѣзнью.

„Выздоровѣла,—поправилась!“ говоритъ она и порой, даже не безъ ироніи, разсказываетъ „жалостливыя исторіи“ о своемъ пребываніи въ *больницѣ...*

И пляшетъ, и поетъ все то же. Только теперь, къ двумъ уже извѣстнымъ строкамъ, она прибавляетъ еще новыя:

„Кто знаетъ, что съ нами
Будетъ впереди?“

такъ что самая пѣсня кажется законченнѣе и производитъ еще бо́льшій фуроръ...

Только изрѣдка она вдругъ остановится посреди пляски, какъ будто задумается и пристально вглядывается въ золотистый солнечный лучъ, играющій на позументѣ ея рукава. Хорошая, тихая улыбка появляется тогда на губахъ ея, и сердце начинаетъ биться такъ сильно, такъ часто...

— Солнышко!.. солнышко! шепчетъ она, и стоитъ такъ секунду-двѣ, а потомъ вдругъ гаркнетъ:—„Э! наплевать!..“ махнетъ рукой, разсмѣется и опять примется за свои антраша съ такимъ отчаяннымъ одушевленіемъ, что „дѣду“ приходится выпроваживать ее съ балкончика. Но публика кричитъ, требуетъ свою любимицу, и вотъ онъ вытаскиваетъ ее за руку, подводитъ къ самымъ периламъ и, развернувъ передъ зрителями листъ размалеванной углемъ бумаги, потрясаетъ имъ въ воздухѣ вровень съ ея лицомъ, и кричитъ раздѣльно и зычно:

„Вотъ она,
Дѣдкина жена—
По всей формѣ сатана!
Прошу любоваться,
Только чуръ—не влюбляться.
Тутъ же и ея патретъ:
Чортъ не чортъ, а и человѣчьяго ничего нѣтъ“!..

Толпа хохочетъ. Дѣдкина жена тоже.

Б. Махровъ.

СЕМЬЯ БОГАТЫРЕЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XVII. За кулисами.

Софья Васильевна взбѣжала на верхъ по довольно грязной лѣстницѣ, которая, позади театра, вела въ уборную для артистовъ.

— Вамъ чего? грубо спросилъ сумрачный малый, словно церберъ, стерегшій двери.

— Какъ чего, болванъ!... И невѣдомо откуда показавшійся Верстаковъ далъ ему здоровую затрещину.—Какъ чего, оселъ?! Ты артистокъ долженъ чутьемъ узнавать. Пожалуйте, пожалуйте, Софья Васильевна... Я вамъ приказалъ самую большую уборную отвести.

Сегодня онъ былъ въ какой-то, необыкновеннаго покроя, рубашкѣ съ откидными рукавами, а на головѣ у него торчала точно сейчасъ же готовая улетѣть маленькая голубая мягкая шляпа. Сотни брелоковъ на груди звенѣли, точно сбруя.

— Эй, вы, подлецы, заоралъ онъ на сцену.—Кто тутъ есть?

Одинъ изъ „подлецовъ“, въ черномъ армякѣ и сапогахъ, которые скрыпѣли за версту, появился на зовъ.

— Зажги газъ въ правой уборной... Да спроси, топили ли, какъ я приказалъ... Живо, одна нога здѣсь—другая тамъ. Хотите пока сцену нашу посмотрѣть?

Софья Васильевна съ наслажденіемъ дышала затхлымъ воздухомъ кулисъ, пропитаннымъ пылью, испареніями теплаго тѣла, запахомъ краски. Она точно другимъ человѣкомъ почувствовала себя, вступивъ на сцену, гдѣ лежавшіе на брюхѣ два какихъ-то кудлатыхъ молодца *въ блузахъ* расписывали картонное дерево.

— Что̀ вы, черти.... Ахъ, виноватъ—господа художники. Это вы.... Пора бы и кончить, черезъ полтора часа спектакль.

— Мы сейчасъ, Матвѣй Степановичъ.

— То-то же... Вотъ нашъ храмъ сатиры и морали! Вотъ отсюда-съ мы поучаемъ ту сволочь, что̀ въ креслахъ сидитъ....

— Хороша сатира и мораль! выскочилъ невѣдомо откуда молодой человѣкъ въ старомъ пиджакѣ и кавалерійскихъ брюкахъ.

— А то какъ же по твоему-то?

— По моему—тру-ля-ля и ничего больше.

— Ну, и дуракъ. Рекомендую — въ кабакѣ нашелъ.... За философію на сцену взялъ. Изъ него будетъ толкъ впослѣдствіи. Ну, въ ручку скорѣе, коли Софья Васильевна тебѣ ее протягиваетъ.

— Мы васъ знаемъ!..

— Вона!

— Я въ гродненскихъ гусарахъ былъ вѣдь. Вы пріѣзжали играть къ намъ. Какія мы овацiи вамъ устраивали—страсть!

Софья Васильевна подошла къ рампѣ.

Прямо передъ нею была неосвѣщенная зала театра. Задніе ряды креселъ и двойный рядъ ложъ въ глубинѣ терялись во мракѣ, откуда, при тускломъ свѣтѣ газа на сценѣ, выступала порою только позолота перилъ и орнаментовъ... Нѣжина попробовала голосъ, сдѣлала какую-то гамму—театръ оказался хорошимъ въ акустическомъ отношеніи. Она повторила и закончила каденціей, послѣднія верхнія ноты которой замерли подъ самымъ потолкомъ...

— Вотъ это голосъ... Они эдакую Клеретту здѣсь еще не слышали.

— Потому что у твоихъ артистокъ, вступился бывшій гусаръ:— вмѣсто голоса—жаба въ горлѣ.

— Ну, ужь ты!..

— Развѣ онѣ поютъ у тебя! Хорошо пѣніе... Вчера Свиридова вздумала на сценѣ трель сдѣлать... Ну, говорю я вамъ правду, обратился онъ къ Нѣжиной:—точно водою горло прополоскала и подавилась даже подъ конецъ.

— А публика все таки аплодировала.

— Чего же не аплодировать, когда юбка выше колѣнъ и ляжки въ тѣлеснаго цвѣта трико! Еще бы такой „сатирѣ и морали“ не аплодировать. Съ ума сошли—послѣ спектакля пять троекъ ждали ее, чуть не разорвали въ клочки.

— Жаль, не зналъ я этого! вспыхнулъ Верстаковъ.

— Что-жъ бы ты сдѣлалъ?

— У меня сцена—не публичный домъ. Я бы такъ турнулъ....

— *Какъ же* ты запретишь тройкамъ на улицѣ стоять... Ты

знаешь эту тушу безсмысленную, милліонера Сапогова—ну, онъ по первому абцугу ей на двадцать пять тысячъ брилліантовъ. Потомъ сталъ просить, чтобы она при немъ трико надѣла.

— Ну?

— Она и надѣла. Что ей... Вѣдь за одинъ показъ только! Цѣна—слава-те Господи—хорошая!..

Верстаковъ, со злостью, всей пятерней сталъ драть себя за волосы и неистово заворошилъ чубъ.

— А то сатира и мораль! негодовалъ гусаръ; но Софья Васильевна его не слушала. Пріѣхавшая съ нею горничная, все уже разложившая въ уборной—вышла за нею.

— Все готово?

— Да.

— Ну, господа, прощайте. Не подеритесь только, пожалуйста...

Она пошла къ себѣ.

Очевидно, изъ ея уборной Верстаковъ постарался сдѣлать нѣчто попорядочнѣе. Стѣны были обиты палевымъ ситцемъ—большая и покойная кушетка въ глубинѣ комнаты оказалась мягкой и покрытой простеганною шолковой матеріей, тоже палевой съ голубыми цвѣтами; полъ былъ застланъ пушистымъ ковромъ,—а подъ туалетнымъ столикомъ и кресломъ около него лежалъ медвѣжій мѣхъ. Большое кресло-качалка у ширмъ, и столики, на которыхъ благоухали свѣжіе букеты, бросились ей въ глаза, когда она оглядѣлась. На стѣнѣ уже были развѣшаны костюмы; на нихъ, очевидно, тоже не пожалѣли денегъ. Громадное зеркало въ видѣ складня стояло на большомъ туалетѣ, другое, еще больше, было позади. У передней стѣны роскошное трюмо въ эту минуту отражало Софью Васильевну, лѣниво потягивавшуюся передъ нимъ. Она только что сбросила свою шубку на руки Жанеты и почувствовала приливъ той счастливой и спокойной нѣги, которая охватываетъ всегда послѣ холода и утомленія въ атмосферѣ, хорошо нагрѣтой и переполненной араматомъ духовъ и цвѣтовъ. Нѣжина прошлась по комнатѣ, продолжая слегка зѣвать...

— Такъ бы и заснула, лѣниво проговорила она, полуложась на кушетку.

— А одѣваться?

— Успѣю еще! И она полузакрыла глаза. Но, спустя минуту, поднялась и подошла къ туалету.—Ахъ, какъ все это скучно!

— До первыхъ аплодисментовъ, улыбнулась Жанета.

— Разумѣется!.. Что-то теперь подѣлываетъ Сергѣй Николаевичъ?

— А вы думаете, ему будетъ пріятно узнать о томъ, что вы опять на сценѣ?

— Меня это мало интересуетъ!

— Ну, Софья Васильевна!..

— Ей Богу!

— Зачѣмъ вы мнѣ говорите неправду, вѣдь я же знаю.

— А знаешь, такъ молчи. Еще бы—и онъ тоже хорошъ—ни слуху, ни духу... Двѣ недѣли прошло—хоть бы строчку написалъ.

Она еще лѣнивѣе, чѣмъ прежде, усѣлась передъ туалетомъ и откинула голову на спинку кресла.

— Ну, что же это будетъ? Вѣдь опять опоздаете.

— Подождутъ.

— Билетовъ-то со вчерашняго дня не было, какъ узнали, что вы поете.

— Да!

— А барышники какъ радуются! Они теперь второй рядъ меньше двадцати пяти рублей не отдаютъ, а ложу—за сто да за двѣсти! Что твоя Патти, говорятъ!

— Ну, давай пеньюаръ.

Софья Васильевна живо раздѣлась и въ одной рубашкѣ подошла къ зеркалу...

— У кого онъ найдетъ такія плечи и руки? А грудь?...

— Ну, полно вамъ, пора.

— Молчи!.. Она медленно надѣла пеньюаръ, сейчасъ же упавшій вокругъ ея тѣла мелкими бѣлыми складками. Жанета распустила ей волосы, которые волнистою массой легли внизъ, за спинку кресла, и смѣшались на полу—съ мѣхомъ медвѣжьей шкуры, разостланной тамъ...

— Потише чеши только, не сдѣлай мнѣ больно. Сначала щеткой ихъ расправь, а потомъ гребнемъ.

— Нигдѣ и волосъ такихъ нѣтъ.

— Тяжело головѣ отъ нихъ только... Вотъ я ихъ выкрашу въ рыжій цвѣтъ скоро, или обрѣжу.

Пока Жанета возилась съ ея волосами—Софья Васильевна вылила бѣлила на форфоровое блюдечко и, спустивъ съ плечъ пеньюаръ, начала бѣлить шею, грудь и руки...

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите, крикнула она. Въ уборной Нѣжина не стѣснялась и безъ церемоніи совершала свой туалетъ при другихъ.

Въ уборную влетѣлъ худощавый господинъ цыганскаго типа...

— *Опять* вмѣстѣ служить пришлось, радостнымъ тономъ *заговорилъ онъ*, цѣлуя ее въ спину позади шеи, гдѣ она еще не

была покрыта бѣлилами. Она мазнула его кисточкой по носу и спокойно продолжала свое.

— Послушай, Сонечка...

— Когда мы на ты пили? улыбаясь, спросила она его.—Все по прежнему, Карапетка, шелопаемъ остались!

— Ну,—по товарищески... Правда, что ты замужъ выходишь?...

— Можетъ быть.

— За какого-то генерала, разсказывали въ Петербургѣ.

— За „какого-то“ не выйду... А за того, кто стоитъ—непремѣнно. Ужь разъ я что намѣтила—мое будетъ.

— Значитъ, ваше превосходительство? Я къ тебѣ въ шафера.

— Благодарю покорно! Этакую фамилію въ церковныхъ книгахъ записать: Теръ-Панталоновъ? Нечего сказать, пріятно!

— Чѣмъ не фамилія?.. Господи, какая красавица!..

Софья Васильевна, въ это время, безъ церемоніи надѣвала ажурные чулки...

— Хороша нога?

— Ослѣпну... Спрячь ее поскорѣй. Смотри, вѣдь живьемъ съѣмъ.

— Ладно, зубовъ нѣтъ такихъ еще. Оставь, оставь... Ну, теперь—пошелъ вонъ.

— Вотъ тебѣ и на... А помнишь, Сонечка...

— Ничего не помню и помнить не хочу.

— И Харьковъ забыла... Помнишь, послѣ твоего бенефиса...

— Я не злопамятна... Убирайся! Жанета—запри двери... И больше не пускай никого. Я еще должна распѣться... Ты мнѣ мѣшаешь.

Теръ-Панталоновъ, потоптавшись, убрался. Рядомъ въ уборную тоже вошли... Глухой говоръ послышался тамъ. Софья Васильевна начала пѣть съ закрытымъ ртомъ, точно для того, чтобы лучше себя слышать.

— Дай мнѣ партитуру.

Жанета принесла.

— Кажется, недавно пѣла, а слова позабыла... Кто тамъ? Ей Богу, очнуться не дадутъ.

— Зачѣмъ вы заперлись? послышался голосъ Верстакова.

— Именно затѣмъ, чтобы вы не лѣзли и не мѣшали мнѣ.

— Флигиревъ цѣлый возъ цвѣтовъ прислалъ. Проситъ позволенія прійти къ вамъ; что съ нимъ дѣлать?

— Цвѣты возьмите—пусть послѣ всѣхъ моихъ номеровъ подносятъ мнѣ. Я надѣюсь, съ лентами...

— Еще бы! Ну, а съ Флигиревымъ что дѣлать?

— Ну, такъ какъ же ваше здоровье?.. повторилъ онъ полунебрежно, полу-строго, и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ, мотнувъ головою въ сторону молодаго врача:

— Мнѣ передавали, что вы очень мучились?..

— Нѣтъ... что-жъ... ничего-съ!..

— Вы, вѣроятно, употребляли какія нибудь средства, плодогонныя лѣкарства... а?..

Больная хотѣла сказать: „нѣтъ!“ но ей стало какъ-то тяжело солгать, и она едва слышно отвѣтила: „да!..“

— Зачѣмъ же это?.. Развѣ...

Старикъ обернулся къ молодому и спросилъ: „кто такая?“ Тотъ отвѣтилъ ему что-то на ухо.

— А-а-а!.. протянулъ онъ и посмотрѣлъ на роженицу съ нескрываемой гадливостью:—значитъ, что посѣешь, то и пожнешь!

Онъ сдѣлалъ было шагъ въ сторону, но остановился и спросилъ:

— А развѣ вамъ позволено кормить? Я полагалъ бы... Впрочемъ потрудитесь освидѣтельствовать...

Врачъ приблизился къ кровати и, молча, началъ осмотръ. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, съ едва пробивавшейся рыжей бородкой, съ робкимъ, стыдливымъ взглядомъ карихъ глазъ, съ невиннымъ, почти дѣтскимъ выраженіемъ лица. Больная видѣла его уже нѣсколько разъ у своей постели и порой невольно любовалась имъ, но теперь онъ ей показался еще красивѣе, еще моложе, еще добрѣе. Робѣя передъ старикомъ, она взглядомъ искала поддержки и сочувствія у молодаго...

„Отчего же я не могу кормить?“ думалось ей:—„зачѣмъ они хотятъ лишить меня этой радости? Вѣдь это же—мой ребенокъ, я—мать его!..“

И на всѣ вопросы она отвѣчала одно и то же:—„нѣтъ, нѣтъ, не больно!.. здѣсь не больно!..“

Она забыла о себѣ самой и испуганными глазами слѣдила за движеніями стараго доктора, въ рукахъ котораго пищалъ и бился ея ребенокъ.

— Не уроните! не уроните!...

Старикъ засмѣялся.

— А сами-то что надъ нимъ продѣлывали? обѣ ноги искалѣчены, спинной хребетъ согнутъ!..

Больная затрепетала всѣмъ тѣломъ: страшная мысль мелькнула у нея въ умѣ.

„Господи! вѣдь это же я, я все надѣлала; настойки пила, съ

хотѣла поскорѣе изъ-за этой картонной кулисы выйти на встрѣчу тысячамъ жадно устремленныхъ на нее глазъ. Портниха возилась вокругъ нея, ушивая ей лифъ.

— Слишкомъ юбка длинна, проговорила Софья Васильевна. На завтрашнему спектаклю сдѣлайте ее короче. Мнѣ нечего своихъ ногъ прятать. И плечи откройте больше. Вырѣзъ на спинѣ нужно сдѣлать ниже.

— Хорошаго скрывать нечего, послышалось все изъ той же уборной рядомъ.

— Держите языкъ за зубами.

— Это не то, что̀ Миловидова. У той ноги, что̀ твои колеса, потому и въ контрактѣ она всегда выговариваетъ: не пѣть ролей съ короткими юбками.

— Госпожа Нѣжина, готовы ли вы?—постучался въ двери режисеръ.

— А вы слышали: chi va piano va sano?

— А конецъ вы знаете: ma non lontano!..—И режисеръ, смѣясь, побѣжалъ стучаться въ другія двери.

XVIII. Почему Верстаковъ хотѣлъ повѣситься?

По окончаніи третьяго акта — публика бѣсновалась такъ, что Верстаковъ боялся, какъ бы восторженные меломаны не взяли штурмомъ сцену. Нѣжина выходила-выходила на вызовы, наконецъ это ей надоѣло, она заперлась въ уборной и заявила, что больше не покажется. Тѣмъ не менѣе, какіе-то юноши до того усердствовали, что Матвѣй Степановичъ долженъ былъ самъ выйти и заявить, что г-жа Нѣжина не можетъ выйти, потому что переодѣвается къ четвертому дѣйствію. Тѣмъ не менѣе, вышедшіе изъ себя энтузіасты не унялись и у самаго оркестра долго орали:

— Нѣжину... Браво, Нѣжину...

— Бысь! кричалъ какой-то хохолъ, вмѣсто bis.

— Нѣжину!...

Но Верстаковъ зналъ свою публику.

— Что же, мнѣ вамъ ее голую на блюдѣ подать? По человѣчески говорю—переодѣвается.

— Браво, Верстаковъ, браво.

Верстаковъ затеребилъ свой чубъ, поклонился направо, поклонился *налѣво, поклонился* впередъ и, выйдя за кулисы, выругался *такъ, что бушевавшіе* юноши его услышали.

— Верстаковъ ругается! съ удовольствіемъ говорили они:—молодецъ онъ, этотъ Верстаковъ.

— Вы знаете, какъ онъ Флигирева сегодня отдѣлалъ?

— Ну? заинтересовался молодой купецъ съ такимъ розовымъ лицомъ, что его могли бы преслѣдовать за контрофакцію поросята московскаго трактира.

— Послѣ перваго акта, тотъ было вздумалъ на сцену лѣзть. Верстаковъ сначала не пускалъ, а потомъ разозлился, схватилъ его за шиворотъ, наклонилъ, зажалъ голову между своими колѣнями и отшлепалъ.

— Купца первой гильдіи! Вѣдь это все одно, что̀ высѣчь.

— Не все ему равно!.. Не по лицу вѣдь, да и въ платьѣ...

— Ну, а тотъ что̀?

— Купецъ? Всталъ потомъ, да и говоритъ: „Ну, и молодецъ ты, Верстаковъ, умѣешь нашего брата учить въ лучшемъ видѣ“.

— Чудной народъ!

— Чего ужь чуднѣе. Москва!... Поди-ка, съ Флигиревымъ разговаривай. Развѣ онъ слова понимаетъ? Съ нимъ только жестами и можно. А у Верстакова такая манера. Это онъ Флигерева по знакомству пожалѣлъ, а то онъ лупитъ во что ни попало и чѣмъ ни попало. Его знаютъ. Потому у него и скандаловъ меньше—боятся. Убьетъ!

Нѣжина отдыхала. Ее утомили эти сумашедшіе крики, эти вызовы. Вся ея комната была уже полна цвѣтами. Поданные ей букеты наполняли воздухъ такимъ густымъ ароматомъ, что Жанета задыхалась. Софья Васильевна была крѣпче... Она только крикнула своей дѣвушкѣ:

— Швырни, пожалуйста, прочь это сѣно.

— Какъ можно, мы съ собой домой отвеземъ ихъ.

— Ну, такъ отвори форточку...

Притокъ холоднаго свѣжаго воздуха оживилъ ее... Она только что принялась раздѣваться, какъ къ ней опять постучали.

— Кто тамъ еще?

— Депеша вамъ. Былъ въ гостинницѣ у васъ—приказали сюда нести.

— Не отъ Анисимова ли? вспыхнула Нѣжина. — Жанета, возьмите, пожалуйста.

Жанета полуотворила двери и приняла телеграмму.

— Отъ него, такъ и есть: „Москва, Славянскій базаръ, Нѣжиной. Если хотите видѣть меня, выѣзжайте сейчасъ же изъ Москвы—послѣ завтра я отправляюсь далеко. Съ пятичасовымъ поѣздомъ изъ Орла вы попадете на Анисимовскую станцію—гдѣ васъ

будетъ ждать нашъ вагонъ... Тамъ узнàете, гдѣ я... Спѣшите. Анисимовъ".

— Жанета, когда отходитъ поѣздъ? Ты на дняхъ ѣздила справляться.

— Въ полночь ровно.

— Значитъ, остается только полтора часа... Нѣтъ, и того меньше, всего часъ. Вотъ что̀, голубушка—брось это все—поѣзжай домой, разсчитайся съ гостинницей и укладывайся. Утромъ съ первымъ поѣздомъ выѣзжай за мною. Слышишь?

— А вы?

— Я ѣду сейчасъ.

— Какъ сейчасъ?

— Такъ, сію минуту. Къ чорту эти пестрыя тряпки, давай одѣваться... живѣе... Гдѣ мой бумажникъ?

— Помилуйте, что̀ вы дѣлаете!—а театръ, а публика... Вѣдь тутъ такой скандалъ будетъ:—зала полна, что̀ скажутъ?

— Очень мнѣ надо! Ну ее къ чорту, твою публику... Не зли меня, Жанета... Живѣе, ради Бога!..

Она торопилась, какъ могла, надѣть на себя шубу.

— Позовите мнѣ господина Верстакова. Только скорѣе, пожалуйста—скажите, не могу ждать ни минуты.

Режисеръ, увидѣвши ее готовою выйти, ополоумѣлъ совсѣмъ.

— Что̀ вы задумали, Софья Васильевна?

— Не ваше дѣло! вспыхнула она.—Зовите Матвѣя Степановича скорѣе. А то я уѣду и безъ него.

Но Верстаковъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ.

— Что̀ такое, что̀ случилось? Зачѣмъ маскарадъ этотъ—вамъ одѣваться надо... Сейчасъ начинаемъ.

— Начнете безъ меня. Вотъ вамъ вашъ задатокъ.

Верстаковъ съ недоумѣніемъ взялъ пачку денегъ въ руки.

— И прощайте...

— Что, куда?..

— Некогда объяснять, получила важную телеграмму, не могу терять поѣзда, ѣду... Прощайте!

— Вы съ ума сошли... Матушка... Софья Васильевна!

Но она уже бѣжала къ выходу. Актеры повыскакали изъ уборныхъ—полуразмалеванные, полуодѣтые.

— Софья Васильевна! Пощадите. Не пущу.—И онъ заслонилъ двери руками.

— Уйдите прочь! топнула она на него.—Слышите, не хочу...

— Погибъ!.. Онъ упалъ на колѣни.—Что̀ вы дѣлаете со мной? Вы убиваете *насъ. Всѣ мы* разорены теперь.

— Что̀ мнѣ за дѣло до васъ! У меня свое на душѣ побольше вашего.

— Карраулъ! заоралъ Верстаковъ—но Софья Васильевна уже летѣла внизъ по лѣстницѣ.

— Полицію... Зарѣзали... Господи Боже мой! бѣсновался Верстаковъ и ни съ того, ни съ сего, схвативъ у проходившаго мимо Пиппо палку, началъ бить ею газовые рожки и лампы.—Эй, кто здѣсь... Догоните эту сумашедшую... А еще говорятъ: Богъ есть —нѣтъ Бога!.. Скачите за ней, верните... Скажите, что я бумажки въ клочки рву!

И онъ дѣйствительно изорвалъ пачку сторублевыхъ и расшвырялъ ее по сценѣ. Въ полуотворенную дверь уборной, гдѣ одѣвалась Нѣжина, онъ замѣтилъ ея горничную и налетѣлъ на нее.

— Гдѣ она, гдѣ... ты должна знать? Гдѣ эта убійца, эта змѣя...

— Уѣхала... Она прямо на желѣзную дорогу поскакала.

— А, поскакала, поскакала! и Верстаковъ схватилъ бѣдную Жанету за руку.—Иди ты, пой тогда за нее, иди, пой!.. Я умываю руки... Слышите. Режисеръ, Леонтьевъ, пусть она поетъ, она.

Тѣмъ не менѣе, время однако шло, и надо было на что нибудь рѣшиться.

Публика уже волновалась. Слышался топотъ и гулъ. Верхи уже начали орать.

— Матвѣй Степановичъ... Надо объявить... Нельзя же такъ.

— Что̀ я объявлю, что̀... Адъ!.. Тысячу чертей вамъ въ зубы! Что̀ я объявлю?.. съ пѣной на губахъ накидывался онъ на режисера.

— Ужь я не знаю, что̀ вы объявите.

— Да... Хорошо, коли такъ... Эй, пропусти... Газъ! Я имъ объявлю...

Верстаковъ выскочилъ на сцену, весь встрепанный и взъерошенный. Молчаніе воцарилось разомъ.

— Ничего больше не будетъ сегодня! крикнулъ онъ во все горло.

— Какъ не будетъ?—это обманъ... Чего не будетъ?.. Полицію, протоколъ! зашумѣла публика.

— Почему не будетъ? догадались спросить изъ переднихъ рядовъ.

— *Потому*... и Верстаковъ затеребилъ свой чубъ:—потому что *госпожа Нѣжина* сбѣжала!

Эффектъ вышелъ неизобразимый. Въ залѣ поднялся какой-то трескъ, но Верстаковъ уже не слушалъ.

— Туши газъ! приказывалъ онъ.—Веревку, дай мнѣ веревку, да покрѣпче.

Какой-то плотникъ летѣлъ къ нему съ веревкою.

— Гдѣ тутъ крюкъ, да понадежнѣе? Вотъ этотъ выдержитъ. Сдѣлай петлю, дьяволъ, прикрѣпи... Да живо.

Плотникъ, получившій для поощренія въ шею—старался во всю...

— Ну, теперь повѣсь меня... Живо.

— Что вы, Матвѣй Степанычъ... оторопѣлъ плотникъ.—Христіанскую душу губите.

— Тебѣ говорятъ. Я тебѣ за это жалованье плачу. Емельяновъ, оштрафовать его на пять рублей. Ну, вѣшай, тебѣ говорятъ.

— Верстаковъ, полно! останавливалъ его Теръ-Панталоновъ.

— А ты чего суешься, армянская рожа? Не умѣли удержать ее, а теперь—полно! На зло всѣмъ повѣшусь. Сейчасъ же!.. Ну, тебѣ говорятъ, вѣшай меня! опять налетѣлъ онъ на плотника.—Вѣшай! не твоя шея—моя,я отвѣчаю.

И, не вмѣшайся другіе, Верстаковъ навѣрное заставилъ бы себя повѣсить.

XIX. На мирномъ дѣлѣ.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ Сергѣй Николаевичъ почувствовалъ, что онъ никогда не будетъ своимъ человѣкомъ на этихъ заводахъ.

— Ты знаешь, мое дѣло никогда не займетъ тебя такъ, какъ бы тебѣ самому этого хотѣлось, сказалъ ему какъ-то Анисимовъ старшій.—Я вижу, что ты скучаешь здѣсь неимовѣрно. Тебя тоска душитъ. Да и требовать отъ тебя нельзя ничего иного. На этомъ дѣлѣ нужно или вырости самому, или создать его, чтобы оно стало для тебя близкимъ, кровнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сильная натура Сергѣя Николаевича была изъ тѣхъ, которымъ нужна борьба, опасности. Онъ жилъ ощущеніями, и сравнительно спокойное заводское дѣло не утомляло, а скорѣе усыпляло его. Онъ слонялся по мастерскимъ — встрѣчалъ порою брата, который со сверкающими глазами, весь охваченный кипѣньемъ труда и заботы, энергически отдавалъ приказанія, объяснялъ то или другое своимъ подручнымъ, уходилъ весь съ головою въ нечаянно создававшіяся вокругъ затрудненія, вслушиваясь и всматриваясь въ нихъ. Сергѣй Анисимовъ

могъ только завидовать этой цѣльной натурѣ. Онъ представлялъ заводское царство брата исполненнымъ опасностей и потрясеній. Издали оно плѣняло его своею грандіозностью — вблизи же онъ никакъ не могъ войти въ ровныя и однообразныя условія механическаго труда, какъ ни старался объ этомъ. Онъ рѣшительно не видѣлъ, къ чему бы здѣсь могъ приложить свои силы. И часто, измученный и недовольный самимъ собою, онъ приказывалъ осѣдлать лошадь и старался уходить себя на сумашедшей гоньбѣ, уносился за десятки верстъ невѣдомо куда, чтобы въ концѣ концовъ изъ величаваго стараго лѣса выѣхать опять къ какому нибудь заводу, гдѣ также правильно и ровно вертѣлись маховыя колеса, пыхтѣлъ паровикъ, и сотни людей внимательно и молчаливо дѣлали свое утомительное дѣло.

— Я, кажется, вообще никуда не гожусь, съ унылою улыбкой сообщалъ онъ какъ-то брату.

— Что такъ?

— За что ни принимался—ничего не выходитъ.

— Да, мнѣ вчера говорилъ Кочневъ изъ Славянки, что ты было надѣлъ, какъ и другіе рабочіе, желѣзный фартукъ и вздумалъ вытаскивать чугунныя балясины изъ печей подъ молотъ....

— Нужно было какъ нибудь уходить себя.

— Ну, что же. Чуть-чуть у меня не испортилъ молотъ?.. Сказалъ бы тебѣ спасибо заводъ!.. Человѣкъ сто остались бы безъ дѣла.

— Я самъ это вижу.

— Не по тебѣ это. Я, какъ и старшій братъ нашъ, теперь отецъ Никодимъ, привыкъ идти ровно, не тратя энергіи на вспышки, а такъ, знаешь,—экономизируя ее день за днемъ, часъ за часомъ. Мы, душа моя,—строители. Я здѣсь, какъ видишь, создалъ цѣлое рабочее царство, а онъ посреди моря на голыхъ скалахъ какой-то фаланстеръ поставилъ. Поэтому я и повторяю, что мы—созидатели, строители. А ты тоже изъ Анисимовыхъ—натура сильная и могучая, только — скорѣе разрушитель. Ты не во время родился, скажу я тебѣ. При Иванѣ Грозномъ—ты, какъ Ермакъ, поклонился бы московскому царю Сибирью; нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, ты въ Испаніи былъ бы почище Кортеца и Пизарро. Ну, а теперь...

— Теперь, значитъ, я долженъ сидѣть, сложа руки?

— Зачѣмъ же. Вѣдь вотъ толкуютъ же всѣ о войнѣ. Затишье, наступившее послѣ сербской войны, не окончится кишиневскимъ *сидѣніемъ*. Увидишь—заговорятъ пушки, понадобишься и ты. Это

твое настоящее дѣло. Міръ, по недоразумѣнію, еще нуждается въ разрушительныхъ силахъ...

— Необходимое зло!

— Не лицемѣрь. Ты вѣдь, я вижу, душою любишь это дѣло. Сердцемъ приросъ къ нему. Скажешь — неправда? Вѣдь надъ нимъ ты сидишь иной разъ цѣлый день. Просматривалъ я твои записки—критическій очеркъ Ватерлоосскаго боя, разборъ дѣйствій австрійской арміи подъ Кёниггрецомъ. А послѣдняя—при какихъ условіяхъ французы могли бы въ кампанію 1870 года разбить пруссаковъ—такъ и положительно талантлива. Съ увлеченіемъ, съ огнемъ написано. Изъ тебя можетъ выйти великій полководецъ; только...

— Только что?—И Анисимовъ младшій нервно прошелся на комнатѣ.

— А то, что не дадутъ тебѣ, душа моя, ходу... Слишкомъ ты талантливъ и слишкомъ прямо ко всему приступаешь. У насъ ты до сѣдыхъ волосъ долженъ исполнять чужія глупости, а потомъ уже получишь право приводить въ исполненіе собственныя свои мысли... У насъ не хотятъ понять одного, что Наполеоны, какъ подчинённые, никуда не годятся. Имъ надо давать просторъ и отвѣтственность. Примѣръ Ермолова развѣ тебѣ ничего не говоритъ?.. Нѣтъ, душа моя, у насъ даже право быть славнымъ нужно взять съ бою. Все будетъ противъ тебя!... Ну, а теперь прощай—я и то много съ тобою болтаю, у меня сегодня въ Анкудиновкѣ эмальировку чугунной посуды начинаютъ. Надо быть на первыхъ опытахъ самому.

— Завидую я тебѣ отъ души.

— Скажу тебѣ одно. Самъ ты не виноватъ. Отъ природы дано тебѣ было много. Но съ одною природой далеко не уѣдешь. Наше питерское воспитаніе привило тебѣ много недостатковъ, очень много. Столько, что ты пропадешь когда нибудь съ ними. Хорошо, Ѳедосья моя ухитрилась Анну Егоровну, или, по твоему, Беллиніевскую мадонну, скорѣе спровадить въ Стомысковскій заводъ. А то въ тебѣ уже просыпался звѣрь...

— Она мнѣ нравится.

— Нравится, значитъ—зубами за горло сейчасъ... Вѣдь чѣмъ кончится дѣло? Бросишь ее, какъ ты бросалъ всѣхъ. А потомъ... Въ безсонныя-то ночи не вспоминаешь когда нибудь?

— Я не сантименталенъ, братъ.

Петръ Николаевичъ покачалъ головою. Онъ хотѣлъ было серьезно поговорить съ Анисимовымъ младшимъ, но эмальировка, совершавшаяся *сегодня по новому*, придуманному имъ самимъ, спо-

собу, слишкомъ занимала его мысли. Онъ скоро совсѣмъ ушелъ въ свои обыденныя заботы.

— Ты вотъ посмотри на моемъ дѣлѣ. Развѣ это не великая отвѣтственность? Вѣдь болѣе полутораста тысячъ народу зависитъ отъ моихъ заводовъ. Ну, вотъ запусти я эти заводы, не извернись во время... Что изъ этого будетъ? Вѣдь врагъ-то стоитъ у дверей. Зазѣваешься—онъ ужь и здѣсь... Ну, прощай!.. Я иду.

Сергѣй Николаевичъ прошелся по всѣмъ комнатамъ, еще разъ полюбовался старыми картинами, посмотрѣлъ въ окна на голыя вершины березъ и липъ, спускавшихся внизъ къ рѣкѣ, на дымъ, клубившійся вдали изъ фабричныхъ трубъ, и обрадовался живому человѣку, увидѣвъ вдали Ѳеню.

— Спасибо вамъ! улыбаясь, подошелъ онъ къ ней.

— За что это? съ удовольствіемъ смотрѣла она на его красивое нервное лицо.

— Спасеніемъ душъ христіанскихъ занимаетесь?

— Что такое? Невдомекъ мнѣ.

— Зачѣмъ это вы поторопили Анну Егоровну ѣхать отсюда?

Ѳеня покраснѣла.

— Извѣстно зачѣмъ! До добра у васъ не дошло бы. Знаю я.

— Это прекрасный поступокъ. Только почему бы не дошло?

— Ужь это вѣрно. Потому что вы тутъ скучаете, а со скуки мало ли что въ голову придетъ.

„И эта тоже толкуетъ о скукѣ!“.. думалъ онъ, отходя отъ нея.— „Да, разумѣется, мнѣ надо самую кипень дѣла. Я привыкъ къ тревогамъ и опасностямъ. А тутъ не борьба нужна, а вниманіе. Слишкомъ поторопился выѣхать изъ Петербурга. Да все равно, впрочемъ. Лучше ужь быть съ арміей въ Кишиневѣ, чѣмъ здѣсь пробавляться... „На хлѣбахъ изъ милости!“ вспомнилъ она названіе недавно видѣнной имъ пьесы и расхохотался.—„Именно на хлѣбахъ изъ милости!“

Онъ, по обыкновенію, приказалъ осѣдлать лошадь.

— Только, какъ вамъ угодно, а Бѣлоножку я вамъ не дамъ! отрѣзалъ необыкновенно мрачный конюхъ Филипъ, завѣдывавшій всѣмъ департаментомъ коннозаводства въ Анисимовскомъ царствѣ.

— Почему это?

— Вчера шпорами всѣ бока ей ободрали. Этакъ у насъ ѣздить не полагается. Нашъ конь привыкъ къ хорошему обращенію.

— Ну, ладно, давай какую нибудь.

— *Только* ужь вы, Сергѣй Николаевичъ, будьте добры, сни*мите шпоры. Тоже* вѣдь животная. Хоть и не говоритъ, а чув-

ствуетъ. Вчера это пришелъ я въ конюшню—Бѣлоножка положила мнѣ на плечо голову и таково ли грустно стала смотрѣть.

— Хорошо, хорошо. Тихо буду ѣздить.

— Сегодня я вамъ воронаго дамъ. Конь славный.

— Ну... только поскорѣе.

Черезъ нѣсколько минутъ, Анисимовъ уже несся по первой попавшейся ему тропинкѣ. Крупные комья снѣга летѣли во всѣ стороны изъ-подъ копытъ лошади, вѣтеръ свисталъ мимо ушей его—и ему было любо дышать свѣжимъ холоднымъ воздухомъ. Стоявшая нѣсколько дней оттепель со вчерашняго дня смѣнилась морозами. Задувшій сиверко точно напугалъ уже подходившую близко весну. Синія пятна на льду исчезли, снѣгъ на полянахъ окрѣпъ, и дымъ, клубившійся изъ трубъ, казался лиловымъ, когда солнце подымалось надъ горизонтомъ. Вѣтви деревьевъ опушило бѣлыми хлопьями снѣга.

Часа черезъ два такой быстрой ѣзды, Анисимовъ добрался до завода, помѣщавшагося въ старомъ, очевидно, снаружи не подновляемомъ домѣ.

— Что̀ тутъ такое? остановилъ онъ коня передъ сумрачнымъ старикомъ, вышедшимъ изъ чернаго завода.

— А ты отколь будешь?

— Изъ Чемезова.

— Хозяиновъ братъ, что ли?

— Онъ самый.

— Слышали! вздумчиво и медленно проговорилъ старикъ.— Дай Богъ здоровья твоему брату—народъ вотъ какъ кормитъ, въ лучшемъ видѣ. Это будетъ чугунный заводъ. Чугунъ льемъ—вотъ что̀. Домна у насъ тутъ есть.

Анисимовъ бросилъ ему поводья своего коня и вошелъ.

Со свѣту—да еще на первыхъ порахъ—онъ и не понялъ ничего, точно въ какую-то пещеру черную попалъ... Тускло, сквозь пробитыя на верху окна, свѣтился день. Стекла этихъ оконъ были давно уже закопчены дымомъ и покрыты слоями пыли. Во тьмѣ чувствовалось и слышалось движеніе. Анисимовъ сталъ осматриваться. Вотъ изъ сумрака выступили бревна, поддерживавшія крышу. Въ одномъ мѣстѣ она разступалась, давая мѣсто большому желѣзному зонту, устроенному надъ самымъ отверстіемъ доменной печи, изъ которой розовымъ заревомъ свѣтился варившійся въ ней металлъ. Потомъ Сергѣй Николаевичъ разсмотрѣлъ громаду самой домны съ толпившимися около ея устья людьми. Свистъ воздуха, врывавшагося въ раскаленное нутро печи сквозь продѣланныя въ ея массѣ трубы, заглушалъ всѣ остальные звуки. Только прислушав-

— Что̀ мнѣ за дѣло до васъ! У меня свое на душѣ побольше вашего.

— Карраулъ! заоралъ Верстаковъ—но Софья Васильевна уже летѣла внизъ по лѣстницѣ.

— Полицію... Зарѣзали... Господи Боже мой! бѣсновался Верстаковъ и ни съ того, ни съ сего, схвативъ у проходившаго мимо Пиппо палку, началъ бить ею газовые рожки и лампы.—Эй, кто здѣсь... Догоните эту сумашедшую... А еще говорятъ: Богъ есть —нѣтъ Бога!.. Скачите за ней, верните... Скажите, что я бумажки въ клочки рву!

И онъ дѣйствительно изорвалъ пачку сторублевыхъ и расшвырялъ ее по сценѣ. Въ полуотворенную дверь уборной, гдѣ одѣвалась Нѣжина, онъ замѣтилъ ея горничную и налетѣлъ на нее.

— Гдѣ она, гдѣ... ты должна знать? Гдѣ эта убійца, эта змѣя...

— Уѣхала... Она прямо на желѣзную дорогу поскакала.

— А, поскакала, поскакала! и Верстаковъ схватилъ бѣдную Жанету за руку.—Иди ты, пой тогда за нее, иди, пой!.. Я умываю руки... Слышите. Режисеръ, Леонтьевъ, пусть она поетъ, она.

Тѣмъ не менѣе, время однако шло, и надо было на что нибудь рѣшиться.

Публика уже волновалась. Слышался топотъ и гулъ. Верхи уже начали орать.

— Матвѣй Степановичъ... Надо объявить... Нельзя же такъ.

— Что̀ я объявлю, что̀... Адъ!.. Тысячу чертей вамъ въ зубы! Что̀ я объявлю?.. съ пѣной на губахъ накидывался онъ на режисера.

— Ужь я не знаю, что̀ вы объявите.

— Да... Хорошо, коли такъ... Эй, пропусти... Газъ! Я имъ объявлю...

Верстаковъ выскочилъ на сцену, весь встрепанный и взъерошенный. Молчаніе воцарилось разомъ.

— Ничего больше не будетъ сегодня! крикнулъ онъ во все горло.

— Какъ не будетъ?—это обманъ... Чего не будетъ?.. Полицію, протоколъ! зашумѣла публика.

— Почему не будетъ? догадались спросить изъ переднихъ рядовъ.

— *Потому*... и Верстаковъ затеребилъ свой чубъ:—потому что *госпожа Нѣжина* сбѣжала!

Эффектъ вышелъ неизобразимый. Въ залѣ поднялся какой-то трескъ, но Верстаковъ уже не слушалъ.

— Туши газъ! приказывалъ онъ.—Веревку, дай мнѣ веревку, да покрѣпче.

Какой-то плотникъ летѣлъ къ нему съ веревкою.

— Гдѣ тутъ крюкъ, да понадежнѣе? Вотъ этотъ выдержитъ. Сдѣлай петлю, дьяволъ, прикрѣпи... Да живо.

Плотникъ, получившій для поощренія въ шею—старался во всю...

— Ну, теперь повѣсь меня... Живо.

— Что вы, Матвѣй Степанычъ... оторопѣлъ плотникъ.—Христіанскую душу губите.

— Тебѣ говорятъ. Я тебѣ за это жалованье плачу. Емельяновъ, оштрафовать его на пять рублей. Ну, вѣшай, тебѣ говорятъ.

— Верстаковъ, полно! останавливалъ его Теръ-Панталоновъ.

— А ты чего суешься, армянская рожа? Не умѣли удержать ее, а теперь—полно! На зло всѣмъ повѣшусь. Сейчасъ же!.. Ну, тебѣ говорятъ, вѣшай меня! опять налетѣлъ онъ на плотника.—Вѣшай! не твоя шея—моя,я отвѣчаю.

И, не вмѣшайся другіе, Верстаковъ навѣрное заставилъ бы себя повѣсить.

XIX. На мирномъ дѣлѣ.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ Сергѣй Николаевичъ почувствовалъ, что онъ никогда не будетъ своимъ человѣкомъ на этихъ заводахъ.

— Ты знаешь, мое дѣло никогда не займетъ тебя такъ, какъ бы тебѣ самому этого хотѣлось, сказалъ ему какъ-то Анисимовъ старшій.—Я вижу, что ты скучаешь здѣсь неимовѣрно. Тебя тоска душитъ. Да и требовать отъ тебя нельзя ничего иного. На этомъ дѣлѣ нужно или вырости самому, или создать его, чтобы оно стало для тебя близкимъ, кровнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сильная натура Сергѣя Николаевича была изъ тѣхъ, которымъ нужна борьба, опасности. Онъ жилъ ощущеніями, и сравнительно спокойное заводское дѣло не утомляло, а скорѣе усыпляло его. Онъ слонялся по мастерскимъ — встрѣчалъ порою брата, который со сверкающими глазами, весь охваченный кипѣньемъ труда и заботы, энергически отдавалъ приказанія, объяснялъ то или другое своимъ подручнымъ, уходилъ весь съ головою въ нечаянно создававшіяся вокругъ затрудненія, вслушиваясь и всматриваясь въ нихъ. Сергѣй Анисимов

могъ только завидовать этой цѣльной натурѣ. Онъ представлялъ заводское царство брата исполненнымъ опасностей и потрясеній. Издали оно плѣняло его своею грандіозностью — вблизи же онъ никакъ не могъ войти въ ровныя и однообразныя условія механическаго труда, какъ ни старался объ этомъ. Онъ рѣшительно не видѣлъ, къ чему бы здѣсь могъ приложить свои силы. И часто, измученный и недовольный самимъ собою, онъ приказывалъ осѣдлать лошадь и старался уходить себя на сумашедшей гоньбѣ, уносился за десятки верстъ невѣдомо куда, чтобы въ концѣ концовъ изъ величаваго стараго лѣса выѣхать опять къ какому нибудь заводу, гдѣ также правильно и ровно вертѣлись маховыя колеса, пыхтѣлъ паровикъ, и сотни людей внимательно и молчаливо дѣлали свое утомительное дѣло.

— Я, кажется, вообще никуда не гожусь, съ унылою улыбкой сообщалъ онъ какъ-то брату.

— Что такъ?

— За что ни принимался—ничего не выходитъ.

— Да, мнѣ вчера говорилъ Кочневъ изъ Славянки, что ты было надѣлъ, какъ и другіе рабочіе, желѣзный фартукъ и вздумалъ вытаскивать чугунныя балясины изъ печей подъ молотъ....

— Нужно было какъ нибудь уходить себя.

— Ну, что же. Чуть-чуть у меня не испортилъ молотъ?.. Сказалъ бы тебѣ спасибо заводъ!... Человѣкъ сто остались бы безъ дѣла.

— Я самъ это вижу.

— Не по тебѣ это. Я, какъ и старшій братъ нашъ, теперь отецъ Никодимъ, привыкъ идти ровно, не тратя энергіи на вспышки, а такъ, знаешь,—экономизируя ее день за днемъ, часъ за часомъ. Мы, душа моя,—строители. Я здѣсь, какъ видишь, создалъ цѣлое рабочее царство, а онъ посреди моря на голыхъ скалахъ какой-то фаланстеръ поставилъ. Поэтому я и повторяю, что мы—созидатели, строители. А ты тоже изъ Анисимовыхъ—натура сильная и могучая, только — скорѣе разрушитель. Ты не во время родился, скажу я тебѣ. При Иванѣ Грозномъ—ты, какъ Ермакъ, поклонился бы московскому царю Сибирью; нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, ты въ Испаніи былъ бы почище Кортеца и Пизарро. Ну, а теперь...

— Теперь, значитъ, я долженъ сидѣть, сложа руки?

— Зачѣмъ же. Вѣдь вотъ толкуютъ же всѣ о войнѣ. Затишье, наступившее послѣ сербской войны, не окончится кишиневскимъ *сидѣніемъ*. *Увидишь*—заговорятъ пушки, понадобишься и ты. Это

твое настоящее дѣло. Міръ, по недоразумѣнію, еще нуждается въ разрушительныхъ силахъ...

— Необходимое зло!

— Не лицемѣрь. Ты вѣдь, я вижу, душою любишь это дѣло. Сердцемъ приросъ къ нему. Скажешь — неправда? Вѣдь надъ нимъ ты сидишь иной разъ цѣлый день. Просматривалъ я твои записки—критическій очеркъ Ватерлоосскаго боя, разборъ дѣйствій австрійской арміи подъ Кёниггрецомъ. А послѣдняя—при какихъ условіяхъ французы могли бы въ кампанію 1870 года разбить пруссаковъ—такъ и положительно талантлива. Съ увлеченіемъ, съ огнемъ написано. Изъ тебя можетъ выйти великій полководецъ; только...

— Толькъ что?—И Анисимовъ младшій нервно прошелся на комнатѣ.

— А то, что не дадутъ тебѣ, душа моя, ходу... Слишкомъ ты талантливъ и слишкомъ прямо ко всему приступаешь. У насъ ты до сѣдыхъ волосъ долженъ исполнять чужія глупости, а потомъ уже получишь право приводить въ исполненіе собственныя свои мысли... У насъ не хотятъ понять одного, что Наполеоны, какъ подчинённые, никуда не годятся. Имъ надо давать просторъ и отвѣтственность. Примѣръ Ермолова развѣ тебѣ ничего не говоритъ?.. Нѣтъ, душа моя, у насъ даже право быть славнымъ нужно взять съ бою. Все будетъ противъ тебя!... Ну, а теперь прощай—я и то много съ тобою болтаю, у меня сегодня въ Анкудиновкѣ эмальировку чугунной посуды начинаютъ. Надо быть на первыхъ опытахъ самому.

— Завидую я тебѣ отъ души.

— Скажу тебѣ одно. Самъ ты не виноватъ. Отъ природы дано тебѣ было много. Но съ одною природой далеко не уѣдешь. Наше питерское воспитаніе привило тебѣ много недостатковъ, очень много. Столько, что ты пропадешь когда нибудь съ ними. Хорошо, Ѳедосья моя ухитрилась Анну Егоровну, или, по твоему, Беллиніевскую мадонну, скорѣе спровадить въ Стомысковскій заводъ. А то въ тебѣ уже просыпался звѣрь...

— Она мнѣ нравится.

— Нравится, значитъ—зубами за горло сейчасъ... Вѣдь чѣмъ кончится дѣло? Бросишь ее, какъ ты бросалъ всѣхъ. А потомъ... Въ безсонныя-то ночи не вспоминаешь когда нибудь?

— Я не сантименталенъ, братъ.

Петръ Николаевичъ покачалъ головою. Онъ хотѣлъ было серьезно поговорить съ Анисимовымъ младшимъ, но эмальировка, совершавшаяся *сегодня по новому*, придуманному имъ самимъ, спо-

собу, слишкомъ занимала его мысли. Онъ скоро совсѣмъ ушелъ въ свои обыденныя заботы.

— Ты вотъ посмотри на моемъ дѣлѣ. Развѣ это не великая отвѣтственность? Вѣдь болѣе полутораста тысячъ народу зависитъ отъ моихъ заводовъ. Ну, вотъ запусти я эти заводы, не извернись во время... Что изъ этого будетъ? Вѣдь врагъ-то стоитъ у дверей. Зазѣваешься—онъ ужь и здѣсь... Ну, прощай!.. Я иду.

Сергѣй Николаевичъ прошелся по всѣмъ комнатамъ, еще разъ полюбовался старыми картинами, посмотрѣлъ въ окна на голыя вершины березъ и липъ, спускавшихся внизъ къ рѣкѣ, на дымъ, клубившійся вдали изъ фабричныхъ трубъ, и обрадовался живому человѣку, увидѣвъ вдали Ѳеню.

— Спасибо вамъ! улыбаясь, подошелъ онъ къ ней.

— За что это? съ удовольствіемъ смотрѣла она на его красивое нервное лицо.

— Спасеніемъ душъ христіанскихъ занимаетесь?

— Что такое? Невдомекъ мнѣ.

— Зачѣмъ это вы поторопили Анну Егоровну ѣхать отсюда?

Ѳеня покраснѣла.

— Извѣстно зачѣмъ! До добра у васъ не дошло бы. Знаю я.

— Это прекрасный поступокъ. Только почему бы не дошло?

— Ужь это вѣрно. Потому что вы тутъ скучаете, а со скуки мало ли что въ голову придетъ.

„И эта тоже толкуетъ о скукѣ!“.. думалъ онъ, отходя отъ нея.— „Да, разумѣется, мнѣ надо самую кипень дѣла. Я привыкъ къ тревогамъ и опасностямъ. А тутъ не борьба нужна, а вниманіе. Слишкомъ поторопился выѣхать изъ Петербурга. Да все равно, впрочемъ. Лучше ужь быть съ арміей въ Кишиневѣ, чѣмъ здѣсь пробавляться... „На хлѣбахъ изъ милости!“ вспомнилъ она названіе недавно видѣнной имъ пьесы и расхохотался.—„Именно на хлѣбахъ изъ милости!“

Онъ, по обыкновенію, приказалъ осѣдлать лошадь.

— Только, какъ вамъ угодно, а Бѣлоножку я вамъ не дамъ! отрѣзалъ необыкновенно мрачный конюхъ Филипъ, завѣдывавшій всѣмъ департаментомъ коннозаводства въ Анисимовскомъ царствѣ.

— Почему это?

— Вчера шпорами всѣ бока ей ободрали. Этакъ у насъ ѣздить не полагается. Нашъ конь привыкъ къ хорошему обращенію.

— Ну, ладно, давай какую нибудь.

— Только ужь вы, Сергѣй Николаевичъ, будьте добры, сними*те шпоры. Тоже* вѣдь животная. Хоть и не говоритъ, а чув-

ствуетъ. Вчера это пришелъ я въ конюшню—Бѣлоножка положила мнѣ на плечо голову и таково ли грустно стала смотрѣть.

— Хорошо, хорошо. Тихо буду ѣздить.

— Сегодня я вамъ воронаго дамъ. Конь славный.

— Ну... только поскорѣе.

Черезъ нѣсколько минутъ, Анисимовъ уже несся по первой попавшейся ему тропинкѣ. Крупные комья снѣга летѣли во всѣ стороны изъ-подъ копытъ лошади, вѣтеръ свисталъ мимо ушей его—и ему было любо дышать свѣжимъ холоднымъ воздухомъ. Стоявшая нѣсколько дней оттепель со вчерашняго дня смѣнилась морозами. Задувшій сиверко точно напугалъ уже подходившую близко весну. Синія пятна на льду исчезли, снѣгъ на полянахъ окрѣпъ, и дымъ, клубившійся изъ трубъ, казался лиловымъ, когда солнце подымалось надъ горизонтомъ. Вѣтви деревьевъ опушило бѣлыми хлопьями снѣга.

Часа черезъ два такой быстрой ѣзды, Анисимовъ добрался до завода, помѣщавшагося въ старомъ, очевидно, снаружи не подновляемомъ домѣ.

— Что̀ тутъ такое? остановилъ онъ коня передъ сумрачнымъ старикомъ, вышедшимъ изъ чернаго завода.

— А ты отколь будешь?

— Изъ Чемезова.

— Хозяиновъ братъ, что ли?

— Онъ самый.

— Слышали! вздумчиво и медленно проговорилъ старикъ.— Дай Богъ здоровья твоему брату—народъ вотъ какъ кормитъ, въ лучшемъ видѣ. Это будетъ чугунный заводъ. Чугунъ льемъ—вотъ что̀. Домна у насъ тутъ есть.

Анисимовъ бросилъ ему поводья своего коня и вошелъ.

Со свѣту—да еще на первыхъ порахъ—онъ и не понялъ ничего, точно въ какую-то пещеру черную попалъ... Тускло, сквозь пробитыя на верху окна, свѣтился день. Стекла этихъ оконъ были давно уже закопчены дымомъ и покрыты слоями пыли. Во тьмѣ чувствовалось и слышалось движеніе. Анисимовъ сталъ осматриваться. Вотъ изъ сумрака выступили бревна, поддерживавшія крышу. Въ одномъ мѣстѣ она разступалась, давая мѣсто большому желѣзному зонту, устроенному надъ самымъ отверстіемъ доменной печи, изъ которой розовымъ заревомъ свѣтился варившійся въ ней металлъ. Потомъ Сергѣй Николаевичъ разсмотрѣлъ громаду самой домны съ толпившимися около ея устья людьми. Свистъ воздуха, врывавшагося въ раскаленное нутро печи сквозь продѣланныя въ ея массѣ трубы, заглушалъ всѣ остальные звуки. Только прислушав-

шись къ нимъ, можно было отличить мѣрный шорохъ маховаго колеса гдѣ-то рядомъ и хриплое дыханіе могучаго паровика. Анисимовъ подошелъ къ маховому колесу, которое точно изъ какой-то черной пропасти подымало цѣлыя струи разсыпавшейся воды. Было что-то чудовищное въ работѣ его среди вѣчной тьмы. Только на дрожавшемъ отъ его размаховъ мостикѣ безмолвно и неподвижно стоялъ молчаливый крестьянинъ. Анисимовъ заговорилъ было съ нимъ, но тотъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на него и тотчасъ же опять ушелъ въ однообразное и неотходное вниманіе. Надо было слѣдить за колесомъ—двадцать лѣтъ онъ молча простоялъ около—и еще двадцать лѣтъ простоитъ, пока не опустятъ въ могилу, такую же молчаливую и такую же темную, какъ та пропасть, гдѣ бурлитъ прорвавшаяся изъ рѣки къ пруду вода и куда опускаются, сдѣлавъ свой кругъ, спицы и зубцы этого колеса...

— Да, не борьба тутъ нужна, а вниманіе... Великое, утомительное, однообразное!

И Сергѣй Николаевичъ вернулся въ заводъ.

Толпившіеся у устья домны люди—закопошились.

— Что у васъ, братцы? спросилъ онъ, подходя.

— Да вотъ молочко наше поспѣло... Ну-ка, Иванъ, постарайся.

Молодой малый схватилъ громадный желѣзный ломъ и поставилъ его остріемъ въ устье, гдѣ застыла кора темнаго сплава. Другой началъ бить по верхушкѣ лома громаднымъ молотомъ. Кругомъ стояли уже другіе рабочіе съ желѣзными ковшами въ рукахъ, въ ожиданіи „молочка“.

— Наше молочко скусное... обратился одинъ изъ нихъ къ Анисимову.

— Только пить нельзя—ожжешься!

Въ эту минуту, сильнымъ ударомъ молота кора была пробита, и въ отверстіе, откуда молодой малый живо выхватилъ ломъ, блеснуло яркое нутро домны. Тотчасъ же оттуда полилась огневая струя чугуннаго молока, разбрасывавшаго вокругъ, вмѣсто брызгъ, яркія золотыя звѣзды... Вся внутренность завода разомъ освѣтилась. Выступили и молчаливые рабочіе, отдыхавшіе по угламъ, и черныя закопченныя стѣны, и груды заранѣе приготовленной чугунной посуды, стоявшія у стѣнъ. Находившіеся у самаго устья домны рабочіе—были охвачены багровымъ отсвѣтомъ. Молочная струя жидкаго металла лилась въ подставляемые ими ковши со звономъ и бульканьемъ, разбрасывая кругомъ все тѣ же звѣзды... Одинъ *ковшъ смѣнялся* другимъ. Люди съ полными ковшами бѣжали

въ разные углы, гдѣ у нихъ были уже готовы формы для отливки... Точно десятки солнцъ—разлетались во всѣ стороны...

— Трудная ваша работа! сочувственно проговорилъ Анисимовъ.

— Не трудная, а устанная!

— Дурманитъ она, вотъ что!..

— „Именно дурманитъ"... думалъ про себя, уѣзжая отсюда, Анисимовъ.

XX. Въ дудкѣ.

Скука все больше и больше охватывала Анисимова.

Онъ нѣсколько разъ хотѣлъ пересилить себя, заставить во что бы то ни стало интересоваться дѣломъ своего брата, одиночество котораго онъ зналъ и которому ранѣе обѣщалъ свою помощь; но съ каждымъ днемъ все больше и больше онъ понималъ, что раскидывавшееся вокругъ царство неустаннаго труда чуждо ему, чуждо вполнѣ. Все, что творилось кругомъ—казалось ему слишкомъ сухо; слишкомъ много было механическаго, правильнаго. Онъ добросовѣстно всматривался во все, прислушивался ко всему, чтобы окончательно и безповоротно рѣшить, что какъ бы онъ себя ни ломалъ — а ничего инаго не добьется! Наконецъ, видѣвшій его борьбу братъ прямо сказалъ Сергѣю Николаевичу:

— Знаешь—орлу въ курятникѣ не усидѣть! Лучше ищи себѣ дѣла по душѣ, иначе ты только измучишься и тогда не простишь мнѣ впослѣдствіи, что я столько отнялъ у тебя и силъ, и времени!

Анисимовъ вспомнилъ, что въ Кишиневѣ, въ арміи — у него были вліятельные друзья. Одному изъ нихъ, на силу и искренность котораго онъ могъ разсчитывать, онъ и написалъ слѣдующее посланіе:

„Старый другъ! Во времена оны,—когда мы съ тобою были еще совсѣмъ зелены и добросовѣстно старались заполучить въ собственное благородное чело каждую пролетавшую пулю, на одномъ изъ штурмовъ глиняныхъ среднеазіатскихъ крѣпостей—мы поклялись: другъ другу не измѣнять и, при случаѣ, даже взаимно жертвовать собою. Воображаю, какъ отъ этого торжественнаго вступленія у тебя вытягивается лицо. Но не безпокойся — я не думаю ни отнять у тебя даму твоего сердца, если таковая состоитъ налицо по спискамъ, ни просить денегъ. Такимъ образомъ, ни твоему сердцу, ни твоему карману не грозитъ никакая *опасность. Впрочемъ, если* ты остался такимъ же, какъ и прежде, *то сердце твое* всегда открыто для друзей, а карманъ и за-

крывать нечего, потому что въ немъ никогда и ничего не было. Но, оставивъ шутки—я нуждаюсь въ одной услугѣ, очень для меня важной. Ты знаешь, что за послѣднее время я попалъ не только въ завоеватели, но и въ устроители завоеваннаго. Въ двадцать восемь лѣтъ я ужь имѣю генеральскіе эполеты и имя. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ,—я пріобрѣлъ и враговъ. Тебѣ нечего говорить, что совѣсть моя спокойна. Я послужилъ Россіи всѣмъ, чѣмъ могъ, и если уцѣлѣлъ въ нашей жизни, полной опасностей и тревогъ, то не моя въ томъ вина. Приняли меня въ Петербургѣ,—куда вызвали нарочно, — такъ, что на первыхъ порахъ я хотѣлъ подавать въ отставку и пріѣхалъ сюда, къ брату, очнуться. Мнѣ было сказано прямо, что я жертвовалъ всѣмъ личному своему честолюбію и что я долженъ заслужить свои „георгіи"—на шеѣ и на груди, полученные, какъ тебѣ извѣстно тоже, не за бутылкою шампанскаго и не за прекрасныя манеры. Но логика русская и логика петербургская—вещи совсѣмъ разныя, и тамъ насъ считаютъ шарлатанами, честолюбцами, шуллерами военнаго дѣла, фокусниками. Милые молодые люди, которыхъ къ намъ посылали на окраины,—эти великіе ловцы орденовъ и чиновъ предъ Господомъ,—мною остались недовольны, потому что я не давалъ имъ никакого преимущества передъ бѣдными моими армейцами, умѣвшими честно служить и честно умирать. Эти милые молодые люди поразсказали здѣсь такихъ ужасовъ о насъ, что всѣ попечительныя маменьки, при одномъ видѣ твоего покорнѣйшаго слуги, ужь растопыриваютъ крылья, чтобы спрятать подъ ними своихъ золотушныхъ дочекъ. Въ „высшихъ" сферахъ—милымъ молодымъ людямъ дали тоже полную вѣру. Дошло до того, что нашу храбрость даже подвергаютъ сомнѣнію. Все, что нельзя оспорить—мы сдѣлали-де въ пьяномъ видѣ, остальное выдумали и записали въ реляціи. Это очень тяжело и обидно! Я тебѣ писалъ, что собирался сгоряча подать въ отставку, но сдѣлать это, въ виду возможной войны, было бы несовсѣмъ честно. Да вѣдь ужь если на то пошло, такъ мы во всякомъ случаѣ для боеваго дѣла побольше пригодны, чѣмъ штатскіе генералы парадовъ и петербургскихъ гостинныхъ. Недаромъ же мы учились и готовились къ этому, не для блестящаго же мундира и не для купчихи съ милліоннымъ приданымъ мы избрали себѣ свою профессію! Я обращаюсь къ тебѣ вотъ зачѣмъ: здѣсь, у брата, я окончательно и безповоротно убѣдился въ томъ, что ни на какое иное дѣло, кромѣ военнаго, я *не гожусь. Потомъ*, при свиданіи, разскажу тебѣ всѣ мои попытки въ этомъ родѣ, теперь же прямо обращаюсь къ твоей дружбѣ.

Ему стало жутко, такъ жутко, что онъ готовъ былъ крикнуть. Стòитъ только сдвинуться этой, горбинами выпятившейся впередъ, породѣ, выпасть вкрапленному въ нее по верху камню, чтобы онъ былъ заживо похороненъ въ черной норѣ. Засыплетъ разомъ, и задохнешься въ ней. Ему вспомнилось, какъ работники на верху предупреждали его:—„смотри, баринъ, не крикни тамъ, потому бываетъ, что отъ голосу дудка валится вся. Захочешь выйти—за канатъ дерни, а мы ужь и поймемъ". И ему вдругъ разомъ захотѣлось выйти отсюда сейчасъ, сію минуту... Эта могила уже душила его. Онъ чувствовалъ, какъ что-то холодное, пронизывающее, словно дыханіе смерти, проникаетъ въ его грудь. Какіе-то звуки доносились къ нему сюда... Кто-то точно плакалъ и жаловался въ глубинѣ земли. Запертый ли это въ вѣчную неволю ключъ, или такъ почудилось? Онъ широко раскрывалъ глаза свои, но въ этой тяжелой тьмѣ не видѣлъ ничего... Ничего, кромѣ какихъ-то свѣтлыхъ пятенъ, зигзаговъ и огненныхъ спиралей, очевидно, рождавшихся и умиравшихъ въ его собственномъ зрачкѣ... Онъ сталъ ползти назадъ изъ этой щели, какъ червякъ ползетъ изъ имъ же самимъ выточенной жилы, и, почувствовавъ, что онъ выползъ въ дудку, нервно и сильно дернулъ канатъ...

На верху заскрипѣлъ воротъ. Теперь скрипъ этого ворота, тянувшаго его вверхъ, казался ему гармоничнѣе соловьиной пѣсни. Съ каждымъ его оборотомъ, Анисимовъ подымался все выше и выше... узкія стѣнки дудки расширились. Отверстіе замерещилось тусклымъ пятномъ; вотъ, наконецъ, Сергѣй Николаевичъ различаетъ стѣнки дудки, бурыя съ кремнистыми изломами, съ торчащими наружу круглыми камнями. Когда голова его поднялась надъ устьемъ—радостное чувство жизни охватило его давно уже не испытывавшимся имъ оживленіемъ.

— Слава Богу! не выдержалъ и проговорилъ онъ, ступая на землю.

— Что, баринъ? Какова наша работа?

— Избави Господи! Тяжелая.

— А по нашему—чудесная. Все шесть гривенъ въ день наберешь.

И ему вдругъ стали и милы, и дороги эти сумрачныя лица, казавшіяся сначала такими непривѣтливыми. Онъ, съ ощущеніемъ какого-то безконечнаго счастія, смотрѣлъ и на это солнце, уходившее за облака, и на эти снѣгомъ засыпанныя поля, окружавшія небольшое пространство, занятое бурою рудою и кучками. *Дома, когда онъ вернулся назадъ, его ждала другая у-*

дость. На его имя была получена телеграмма—отъ стараго друга, которому онъ послалъ свое письмо:

„Будь готовъ тотчасъ же выѣхать, какъ получишь отъ меня слѣдующую депешу. Дѣло идетъ на ладъ".

XXI. Въ гостяхъ у мадонны.

Сергѣй Николаевичъ совсѣмъ ожилъ, получивъ телеграмму отъ своего пріятеля. Онъ сообщилъ объ этомъ брату, тотъ обнялъ его.

— Не пришлось намъ поработать вмѣстѣ. Я, впрочемъ, и не думалъ, чтобы наше дѣло пришлось тебѣ по душѣ. Ну, да что толковать объ этомъ.

Почему-то Анисимову ужасно захотѣлось увидать Софью Васильевну. Онъ чуть не собрался къ ней въ Москву, но потомъ передумалъ. Гораздо лучшимъ казалось вызвать ее сюда и вмѣстѣ съ нею добраться до Кишинева. Тамъ они разстанутся, и прошлое канетъ въ вѣчность. Онъ рѣшилъ послать ей на другой день телеграмму, что и исполнилъ. Онъ никакъ не ожидалъ, какихъ бѣдъ Верстакову и его театру надѣлаетъ эта вѣсточка. Анисимовъ вовсе не зналъ, что Нѣжина опять играетъ на сценѣ. Адресъ ея извѣстенъ былъ ему изъ писемъ, на которыя онъ, по своему обыкновенію, не отвѣчалъ... Онъ думалъ, что она выѣдетъ не раньше, какъ черезъ день послѣ его депеши, и дастъ ему знать изъ ближайшаго города, куда онъ и отправится свидѣться съ нею. Пока онъ рѣшилъ поѣхать и проститься съ Анной Егоровной. Беллиніевская мадонна положительно манила его къ себѣ своей идиллической нѣжностью. Онъ уже зналъ, что на Стомысковскомъ заводѣ ею были довольны. Даже мрачный мужчина Доримедонтовъ, завѣдывавшій всей экономіей Стомысковскаго села, и тотъ выражался о ней кратко, но справедливо:

— Хотя и изъ столицы—но дѣвица добротная!

Анисимовъ радовался тому, что Ѳеня отослала Торацкую поскорѣе отсюда. Ему самому казалось теперь невозможнымъ сближеніе съ чистой дѣвушкой, тихіе глаза которой съ такой довѣрчивостью и любовью останавливались на немъ.

— Она безобидная вѣдь! Только за нее большой отвѣтъ надо дать Богу въ случаѣ, чего не дай Господи! своеобразно выражалась о ней Ѳеня.

— Вы-то безъ меня ее поберегите.

— *Не безпокойтесь*, въ обиду никому не дамъ—пока замужъ *выйдетъ*.

— Этого-то мнѣ бы и не хотѣлось.

— Мало ли что досадно. Экіе вы какіе завидущіе. Н же ей въ учительшахъ трепаться.

— Тамъ будетъ видно.

— Ужь мы здѣсь ее устроимъ—не бойтесь.

И Анисимову вдругъ становилось больно и жутко при мысли о томъ, что чьи нибудь руки будутъ обнимать эту милую дѣвушку, что чьи нибудь губы коснутся ея губъ, такъ наивно и довѣрчиво улыбавшихся ему въ послѣдній разъ.

Ему удалось выѣхать только вечеромъ. Онъ разсчитывалъ провести часа два съ Анной Егоровной и затѣмъ вернуться къ ночи домой.... Анисимовская чугунка доходила до самаго Стомысковскаго завода, мрачное зданіе котораго скоро обрисовалось вдали въ синихъ тонахъ ужь подступавшей ночи. Изъ трубъ его выкидывало дымъ—здѣсь работа шла, никогда не прекращаясь. Самое село было позади, и, выйдя со станціи, Анисимовъ подозвалъ всегда дежурившія здѣсь сани и поѣхалъ въ Стомысково.

— Куда пристать-то?.. обернулся къ нему извощикъ.

— Къ школѣ...

— Ладно... Новая учительша у насъ,—съ удовольствіемъ сообщилъ онъ барину, котораго еще не зналъ.

— Ну, что-жъ, хорошая?

— Обходительная. Все тебѣ разскажетъ. Наши мальцы повадились къ ней бѣгать... Книжки она имъ читаетъ. Кому письмо написать нужно—напишетъ. Бабъ нашихъ тоже не оставляетъ. Что твой лѣкарь. Отъ всякой болѣсти знаетъ средствіе... А ты, ваше благородіе, ея знакомый, что ли?

— Да.

— Ну, вотъ. Такъ ей и скажи, что мы ее хвалимъ. Не гордая. Во всякую нужду входитъ.

Школа помѣщалась въ новенькомъ домикѣ. Двѣ большія комнаты внизу — одна для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ—были обставлены очень просто, но опрятно. Беллиніевскую мадонну Анисимовъ засталъ въ одной изъ этихъ комнатъ. Она сидѣла, окруженная дѣтьми, и разсказывала имъ что-то. Вѣроятно, увлеченные разсказомъ, ни она, ни мальчуганы не слышали, какъ подъѣхали сани. Сергѣй Николаевичъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько минутъ стоялъ у дверей, раскрытыхъ въ сѣни, слушая ея бесѣду.

— Значитъ, это неправда, что всякая звѣзда душу обозначаетъ? спрашивалъ ее крошечный бутузъ, сидя передъ нею.

— Разумѣется, неправда...

И она просто объясняла имъ, что такое звѣзды и солнце...

днò!.. слышалось кругомъ...

дость. Цей Николаевичъ хотѣлъ взойти тихо, чтобы не помѣшать которо̀му, при первыхъ же шагахъ его, дѣтвора̀, точно рой птицъ нивѣ, всполошилась.

— Къ тебѣ, Анна Егоровна!.. Баринъ въ гости пріѣхалъ...

— Сергѣй Николаевичъ!.. Какъ я рада... вотъ не ожидала!...

И она, вся покраснѣвъ отъ удовольствія и улыбаясь, протягивала ему обѣ свои маленькія ручки.

— А я вамъ помѣшалъ, кажется? За дѣломъ засталъ?

— Нѣтъ, дѣло мы давно кончили. Это они такъ поболтать ко мнѣ приходятъ. Ну, дѣти, до понедѣльника, прощайте... Завтра въ церкви увидимся... Смотрите, книжки, какія я вамъ дала, съ толкомъ читайте, я потомъ обо всемъ у васъ выспрошу, ка̀къ и что̀... Чтобы каждый съумѣлъ разсказать мнѣ.

— Повидимому, вы совсѣмъ довольны своимъ положеніемъ? спросилъ ее Анисимовъ.

— Да еще бы... Еслибы вы знали, какой это славный народъ? Цѣлая семья у меня.

— Не скучаете?

— О, нѣтъ, некогда. И какіе есть способные между ними. Какъ пріятно учить ихъ.

— Никто васъ не обижаетъ здѣсь?

— Нѣтъ, пока все хорошо.

— Не ухаживаютъ за вами?... И Анисимовъ засмѣялся.

Засмѣялась и покраснѣвшая дѣвушка.

— Есть этотъ грѣхъ. Какъ я пріѣхала, такъ молодые конторщики стали красные и зеленые галстуки носить, а въ праздникъ подъ моими окнами разсядутся—и давай на гитарѣ играть!...

— Испанцы!

— Смѣшные ужасно... Одинъ даже стихи мнѣ написалъ. Другой гораздо практичнѣе—ходитъ на охоту и съ охоты мнѣ пропасть дичи носитъ. Зайцевъ... Разъ даже чью-то домашнюю утку пристрѣлилъ—и прислалъ мнѣ.

— Ну, я очень радъ за васъ...

— Да... И всѣмъ этимъ я вамъ обязана! Что̀ же я держу васъ здѣсь—пойдемте на верхъ ко мнѣ. Чѣмъ прикажете угощать?

— Дайте мнѣ чаю, если васъ это не стѣснитъ.

— Сейчасъ.... Марья... Марья!

Изъ какой-то боковушки выползла толстая дѣвка съ ужасно глупымъ и удивленнымъ лицомъ, похожимъ на то, еслибы на *пятакѣ нарисовлть* глаза, носъ и ротъ.

— Поставь самоваръ, да поскорѣе.

— Чай будете пить, что ли?..

— Разумѣется... И подай ко мнѣ на верхъ.

Комнаты Анны Егоровны—у нея ихъ было три на верху, — отличались удивительною чистотою. Нѣсколько книгъ лежало на столахъ, цвѣты на окнахъ съ красными занавѣсками...

— Что вы улыбаетесь, глядя на эти занавѣски? Это Доримедонтовъ навѣсилъ. Дѣвицѣ, говоритъ, надо красное. Даже какихъ-то картинъ для стѣнъ принести хотѣлъ. Самъ, говоритъ, вырѣзалъ изъ „Нивы", но я убѣдила его не хлопотать...

Анисимова очень удивляла перемѣна, совершившаяся съ его Беллиніевскою мадонной. Она теперь была совсѣмъ не тою робкою и молчаливою дѣвушкою, какую онъ видѣлъ еще нѣсколько недѣль назадъ. Теперь это былъ человѣкъ, стоящій на своихъ ногахъ и уже не краснѣющій отъ каждаго взгляда. Выраженіе какой-то дѣловитости лежало на ея красивомъ лицѣ, даже пріучилась она озабоченно сдвигать брови.

— Я вѣдь съ вами проститься пріѣхалъ!..

— Какъ проститься? вздрогнула она.—Въ Петербургъ ѣдете опять?.. Она попробовала улыбнуться, но улыбка ей не удалась.

— Дальше!

— Куда же?.. Не скоро увидимся, вѣрно, теперь?.. спросила она упавшимъ голосомъ.

— Въ Кишиневъ поѣду, въ армію.

— Это на войну?

— Да...

Она вся поблѣднѣла. Невольно глаза ея, съ выраженіемъ безконечной печали, остановились на его лицѣ. Она даже на ногахъ не устояла—и сѣла возлѣ, на стулъ.

— Дай вамъ Богъ—вернуться цѣлымъ... И крупныя слезы показались на ея глазахъ. Она хотѣла скрыть ихъ, и отвернулась.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я вамъ благодаренъ за эти слезы!..

— Такъ это я... Глупая!..—Она отошла къ окну.

Анисимовъ взялъ ея руку въ свои. Рука дрожала. Горячая волна искренняго чувства точно хлынула ему къ самому сердцу. Онъ потянулъ ее за руку къ себѣ, но въ эту минуту послышался глухой и тягучій ударъ колокола... Еще и еще... Голоса какіе-то... Очевидно, народъ бѣжалъ куда-то...

— Въ набатъ ударили? Что такое?..

Словно, чтобы скрыть то, что дѣлалось съ нею, она торопливо откинула *занавѣску и отшатнулась.*

— Пожаръ.

Анисимовъ взглянулъ. Прямо передъ школою была церковь. Ея темный силуэтъ рѣзко вырисовывался на огромномъ заревѣ, разомъ охватившемъ горизонтъ. Тонкая колокольня казалась совсѣмъ черною. Только вверху, гдѣ одно противъ другаго были пробиты въ ней окна—свѣтилось багровое пламя.

— Пожалуйста, сидите тутъ... Не выходите. Очевидно, пожаръ далеко, и до васъ не дойдетъ. Я пойду и узнаю обо всемъ.

Анисимовъ накинулъ на себя дорожный полушубокъ — и, не простясь, отправился туда, куда стремглавъ, перегоняя его, бѣжали рабочіе и бабы: первые—молчаливо и сумрачно взглядывая на него мимоходомъ, вторыя—съ криками и причитаніями...

— Ваше превосходительство! нагналъ его Доримедонтовъ.

— Что у васъ тамъ творится?

— Бѣда. Заовражье наше горитъ. Стомысково-то наше раздѣляется на два села собственно — на Стомысково здѣсь и на Заовражье тамъ... Недавно только и построилось Заовражье это!.. И какъ вспыхнуло?—съ разныхъ сторонъ. Никакъ иначе, что поджогъ былъ. Шалятъ у насъ. Надо правду сказать. Это рабочіе съ чужихъ заводовъ. Тутъ Ивашовскіе заводы около. Пьянство у нихъ безпросыпное — а мы вотъ платись.

XXII. Пожаръ.

Анисимовъ, вмѣстѣ съ другими, сбѣжалъ въ засыпанный снѣгомъ оврагъ и живо поднялся на ту его сторону, гдѣ огонь уже бушевалъ во всю. Чернѣя въ его багровомъ заревѣ, стояли переднія избы. Красные языки пламени, окутанные клубами дыма, уже лизали ихъ стѣны. Какіе-то огненные хлопья срывались съ пожарища и неслись на кровли этихъ домовъ, курившіяся отъ нихъ. Трескъ и шумъ стояли позади. Здѣсь пока еще была тишина, но тишина зловѣщая... Коробился тесъ, щелкали и трещали лопавшіяся на жарѣ доски. Вотъ изъ одной крыши ни съ того, ни съ сего выкинуло, точно золотое знамя, громадное полымя. Выкинуло и опять спрятало, только дымъ заклубился оттуда... Вонъ въ дыму этомъ уже бѣгутъ и завиваются золотыя змѣи... Сцѣпляются, сливаются и уже однимъ большимъ огнемъ охватываютъ кровлю... Анисимову бросилось въ глаза, что никто и ничего здѣсь не дѣлаетъ. Беременная баба съ образомъ на рукахъ стоитъ у своего дома, точно заслоняя отъ другихъ горѣвшихъ около—а заборъ его уже занимается, и по его верхушкамъ зло

вѣщій дымъ начинаетъ куриться, подползая все ближе и ближе къ избѣ.

— Разбирай заборъ, братцы, да живо!.. крикнулъ Анисимовъ.

Народъ было кинулся и назадъ отпрянулъ.

— Куда вы... Ироды, оглашенные!.. махнула на нихъ иконою баба.

— Что же вы, ребята?..

— Позволю я рушить мое добро!..

Но Анисимовъ началъ; вмѣстѣ съ нимъ принялись за дѣло и другіе. Въ черныхъ массахъ дыма, возносившихся къ темному небу, въ которомъ, точно отсвѣтъ пожара, стояло розовое зарево, неслись порою точно огненные платки, неслись и пропадали. Порою слышался, сквозь свистъ пламени, грохотъ разваливающейся избы, и къ верху поднимались снопы яркихъ искръ. Пламя иногда вырывалось къ верху длиннымъ и прямымъ столбомъ.

— Чью либо душу уноситъ! толковала толпа, глядя на это.

Сбитыя съ толку, растерявшіяся бабы волокли всякую мелочь, никуда не нужную... И тутъ же, валя это на землю, принимались кричать: „охъ, моченьки нѣту... Гдѣ Митенька... Митенька! Митеньку то оставила тамъ...“ И опять бѣжала къ пожарищу, хотя тотъ-же Митенька торопился за нею, хватаясь за ея поняву слабѣющими съ испугу ручонками. Анисимовъ уже не смотрѣлъ больше. Онъ работалъ на самомъ пожарищѣ—вмѣстѣ съ нѣсколькими парнями, совсѣмъ забывшими опасность, грозившую имъ отовсюду. Двѣ или три трубы напрасно боролись съ пламенемъ. Отъ струй воды, выбрасываемыхъ ими, огонь не унимался вовсе. Онѣ даже не достигали его, обращаясь въ паръ, и сизыми облаками подымались все къ тому же темному, равнодушному небу. По ту сторону неба, вся розовая, стояла церковь, вырисовываясь изъ темныхъ рядовъ молчаливыхъ избъ.

— Ваше превосходительство! наткнулся среди пожарища на Анисимова какой-то знавшій его конторщикъ.—Пожалуйте отсюда.. Васъ задавитъ.

Дѣйствительно, сверху то и дѣло валились громадныя бревна, казавшіяся золотыми отъ охватившаго ихъ пламени. Но Анисимову хотѣлось отстоять крайніе дома, и ему съ нѣсколькими помощниками удалось сдѣлать кое-что. Доримедонтовъ организовалъ цѣлую артель другихъ, которые помогали Анисимову, и дѣло шло на ладъ. Только Сергѣй Николаевичъ чувствовалъ, что дышать становится почти невозможно. Крымскій барашекъ его полушубка курился уже, смрадная вонь тлѣвшаго мѣха била ему въ носъ, и онъ по неволѣ задыхался. И не разъ горящіе уголья па-

крывать нечего, потому что въ немъ никогда и ничего не было. Но, оставивъ шутки—я нуждаюсь въ одной услугѣ, очень для меня важной. Ты знаешь, что за послѣднее время я попалъ не только въ завоеватели, но и въ устроители завоеваннаго. Въ двадцать восемь лѣтъ я ужь имѣю генеральскіе эполеты и имя. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ,—я пріобрѣлъ и враговъ. Тебѣ нечего говорить, что совѣсть моя спокойна. Я послужилъ Россіи всѣмъ, чѣмъ могъ, и если уцѣлѣлъ въ нашей жизни, полной опасностей и тревогъ, то не моя въ томъ вина. Приняли меня въ Петербургѣ,—куда вызвали нарочно, — такъ, что на первыхъ порахъ я хотѣлъ подавать въ отставку и пріѣхалъ сюда, къ брату, очнуться. Мнѣ было сказано прямо, что я жертвовалъ всѣмъ личному своему честолюбію и что я долженъ заслужить свои „георгіи"—на шеѣ и на груди, полученные, какъ тебѣ извѣстно тоже, не за бутылкою шампанскаго и не за прекрасныя манеры. Но логика русская и логика петербургская—вещи совсѣмъ разныя, и тамъ насъ считаютъ шарлатанами, честолюбцами, шуллерами военнаго дѣла, фокусниками. Милые молодые люди, которыхъ къ намъ посылали на окраины,—эти великіе ловцы орденовъ и чиновъ предъ Господомъ,—мною остались недовольны, потому что я не давалъ имъ никакого преимущества передъ бѣдными моими армейцами, умѣвшими честно служить и честно умирать. Эти милые молодые люди поразсказали здѣсь такихъ ужасовъ о насъ, что всѣ попечительныя маменьки, при одномъ видѣ твоего покорнѣйшаго слуги, ужь растопыриваютъ крылья, чтобы спрятать подъ ними своихъ золотушныхъ дочекъ. Въ „высшихъ" сферахъ—милымъ молодымъ людямъ дали тоже полную вѣру. Дошло до того, что нашу храбрость даже подвергаютъ сомнѣнію. Все, что нельзя оспорить—мы сдѣлали-де въ пьяномъ видѣ, остальное выдумали и записали въ реляціи. Это очень тяжело и обидно! Я тебѣ писалъ, что собирался сгоряча подать въ отставку, но сдѣлать это, въ виду возможной войны, было бы несовсѣмъ честно. Да вѣдь ужь если на то пошло, такъ мы во всякомъ случаѣ для боеваго дѣла побольше пригодны, чѣмъ штатскіе генералы парадовъ и петербургскихъ гостинныхъ. Недаромъ же мы учились и готовились къ этому, не для блестящаго же мундира и не для купчихи съ милліоннымъ приданымъ мы избрали себѣ свою профессію! Я обращаюсь къ тебѣ вотъ зачѣмъ: здѣсь, у брата, я окончательно и безповоротно убѣдился въ томъ, что ни на какое иное дѣло, кромѣ военнаго, я *не гожусь. Потомъ, при* свиданіи, разскажу тебѣ всѣ мои попытки *въ этомъ родѣ, теперь* же прямо обращаюсь къ твоей дружбѣ.

Ему стало жутко, такъ жутко, что онъ готовъ былъ крикнуть. Стоитъ только сдвинуться этой, горбинами выпятившейся впередъ, породѣ, выпасть вкрапленному въ нее по верху камню, чтобы онъ былъ заживо похороненъ въ черной норѣ. Засыплетъ разомъ, и задохнешься въ ней. Ему вспомнилось, какъ работники на верху предупреждали его:—„смотри, баринъ, не крикни тамъ, потому бываетъ, что отъ голосу дудка валится вся. Захочешь выйти—за канатъ дерни, а мы ужь и поймемъ". И ему вдругъ разомъ захотѣлось выйти отсюда сейчасъ, сію минуту... Эта могила уже душила его. Онъ чувствовалъ, какъ что-то холодное, пронизывающее, словно дыханіе смерти, проникаетъ въ его грудь. Какіе-то звуки доносились къ нему сюда... Кто-то точно плакалъ и жаловался въ глубинѣ земли. Запертый ли это въ вѣчную неволю ключъ, или такъ почудилось? Онъ широко раскрывалъ глаза свои, но въ этой тяжелой тьмѣ не видѣлъ ничего... Ничего, кромѣ какихъ-то свѣтлыхъ пятенъ, зигзаговъ и огненныхъ спиралей, очевидно, рождавшихся и умиравшихъ въ его собственномъ зрачкѣ... Онъ сталъ ползти назадъ изъ этой щели, какъ червякъ ползетъ изъ имъ же самимъ выточенной жилы, и, почувствовавъ, что онъ выползъ въ дудку, нервно и сильно дернулъ канатъ...

На верху заскрипѣлъ воротъ. Теперь скрипъ этого ворота, тянувшаго его вверхъ, казался ему гармоничнѣе соловьиной пѣсни. Съ каждымъ его оборотомъ, Анисимовъ подымался все выше и выше... узкія стѣнки дудки расширились. Отверстіе замерещилось тусклымъ пятномъ; вотъ, наконецъ, Сергѣй Николаевичъ различаетъ стѣнки дудки, бурыя съ кремнистыми изломами, съ торчащими наружу круглыми камнями. Когда голова его поднялась надъ устьемъ—радостное чувство жизни охватило его давно уже не испытывавшимся имъ оживленіемъ.

— Слава Богу! не выдержалъ и проговорилъ онъ, ступая на землю.

— Что, баринъ? Какова наша работа?

— Избави Господи! Тяжелая.

— А по нашему—чудесная. Все шесть гривенъ въ день наберешь.

И ему вдругъ стали и милы, и дороги эти сумрачныя лица, казавшіяся сначала такими непривѣтливыми. Онъ, съ ощущеніемъ какого-то безконечнаго счастія, смотрѣлъ и на это солнце, уходившее за облака, и на эти снѣгомъ засыпанныя поля, окружавшія небольшое пространство, занятое бурою рудою и дудками. *Дома, когда онъ* вернулся назадъ, его ждала другая у-

крывать нечего, потому что въ немъ никогда и ничего
Но, оставивъ шутки—я нуждаюсь въ одной услугѣ, о
меня важной. Ты знаешь, что за послѣднее время я п
только въ завоеватели, но и въ устроители завоеваннаго.
цать восемь лѣтъ я ужь имѣю генеральскіе эполеты и
вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ,—я пріобрѣлъ и враговъ. Те
говорить, что совѣсть моя спокойна. Я послужилъ Росс
чѣмъ могъ, и если уцѣлѣлъ въ нашей жизни, полной опа
тревогъ, то не моя въ томъ вина. Приняли меня въ Пете
куда вызвали нарочно, — такъ, что на первыхъ пора
тѣлъ подавать въ отставку и пріѣхалъ сюда, къ брату,
Мнѣ было сказано прямо, что я жертвовалъ всѣмъ лич
ему честолюбію и что я долженъ заслужить свои „гео
шеѣ и на груди, полученные, какъ тебѣ извѣстно
за бутылкою шампанскаго и не за прекрасныя манеры.
гика русская и логика петербургская—вещи совсѣмъ
тамъ насъ считаютъ шарлатанами, честолюбцами, і
военнаго дѣла, фокусниками. Милые молодые люди, кот
намъ посылали на окраины,—эти великіе ловцы орденовъ
предъ Господомъ,—мною остались недовольны, потому
давалъ имъ никакого преимущества передъ бѣдными
мейцами, умѣвшими честно служить и честно умирать.
лые молодые люди поразсказали здѣсь такихъ ужасов
что всѣ попечительныя маменьки, при одномъ видѣ т
корнѣйшаго слуги, ужь растопыриваютъ крылья, чтобъ
подъ ними своихъ золотушныхъ дочекъ. Въ „высшихъ"
милымъ молодымъ людямъ дали тоже полную вѣру.
того, что нашу храбрость даже подвергаютъ сомнѣнію.
нельзя оспорить—мы сдѣлали-де въ пьяномъ видѣ,
выдумали и записали въ реляціи. Это очень тяжело
Я тебѣ писалъ, что собирался сгоряча подать въ отс
сдѣлать это, въ виду возможной войны, было бы несовсѣ
но. Да вѣдь ужь если на то пошло, такъ мы во
случаѣ для боеваго дѣла побольше пригодны, чѣмъ шта
пералы парадовъ и петербургскихъ гостинныхъ. Неда
мы учились и готовились къ этому, не для блестя
мундира и не для купчихи съ милліоннымъ придан
избрали себѣ свою профессію! Я обращаюсь къ тебѣ
чѣмъ: здѣсь, у брата, я окончательно и безповоротно
въ томъ, что ни на какое иное дѣло, кромѣ вое
не гожусь. Потомъ, при свиданіи, разскажу тебѣ всѣ мо
ки въ этомъ родѣ, теперь же прямо обращаюсь къ твое

...такъ жутко, что онъ готовъ былъ крикнуть.
...нуться этой, горбинами выпятившейся впередъ,
...вкрапленному въ нее по верху камню, чтобы
...похороненъ въ черной норѣ. Засыплетъ разомъ,
...ъ ней. Ему вспомнилось, какъ работники на верху
...—„смотри, баринъ, не крикни тамъ, потому бы-
...голосу дудка валится вся. Захочешь выйти—за
...мы ужь и поймемъ". И ему вдругъ разомъ захотѣ-
...да сейчасъ, сію минуту... Эта могила уже ду-
...чувствовалъ, какъ что-то холодное, пронизываю-
...ханіе смерти, проникаетъ въ его грудь. Какіе-то
...ь къ нему сюда... Кто-то точно плакалъ и жа-
...инѣ земли. Запертый ли это въ вѣчную неволю
...къ почудилось? Онъ широко раскрывалъ глаза
...тяжелой тьмѣ не видѣлъ ничего... Ничего, кромѣ
...ыхъ пятенъ, зигзаговъ и огненныхъ спиралей,
...шихся и умиравшихъ въ его собственномъ зрачкѣ...
...ти назадъ изъ этой щели, какъ червякъ ползетъ
...имъ выточенной жилы, и, почувствовавъ, что онъ
...у, нервно и сильно дернулъ канатъ...
...крипѣлъ воротъ. Теперь скрипъ этого ворота, тя-
...рхъ, казался ему гармоничнѣе соловьиной пѣсни.
...оборотомъ, Анисимовъ подымался все выше и
...тѣнки дудки расширились. Отверстіе замерещи-
...тномъ; вотъ, наконецъ, Сергѣй Николаевичъ раз-
...дудки, бурыя съ кремнистыми изломами, съ
...жу круглыми камнями. Когда голова его подня-
...мъ—радостное чувство жизни охватило его давно
...авшимся имъ оживленіемъ.
...у! не выдержалъ и проговорилъ онъ, ступая на

...нъ? Какова наша работа?
...осподи! Тяжелая.
...ему—чудесная. Все шесть ... въ день на-

...ь стали и милы, и дороги ... чныя лица,
...ала такими непривѣтли... съ ощу-
...-то безконечнаго счастія, ...
...е за облака, и на ...
...льшое пространство, ...
...а онъ вернулся ...

днò!.. слышалось кругомъ...

дость. Сѣй Николаевичъ хотѣлъ взойти тихо, чтобы не помѣшать которо̀, при первыхъ же шагахъ его, дѣтвора̀, точно рой птицъ нивѣ, всполошилась.

— Къ тебѣ, Анна Егоровна!.. Баринъ въ гости пріѣхалъ...

— Сергѣй Николаевичъ!.. Какъ я рада... вотъ не ожидала!...

И она, вся покраснѣвъ отъ удовольствія и улыбаясь, протягивала ему обѣ свои маленькія ручки.

— А я вамъ помѣшалъ, кажется? За дѣломъ засталъ?

— Нѣтъ, дѣло мы давно кончили. Это они такъ поболтать ко мнѣ приходятъ. Ну, дѣти, до понедѣльника, прощайте... Завтра въ церкви увидимся... Смотрите, книжки, какія я вамъ дала, съ толкомъ читайте, я потомъ обо всемъ у васъ выспрошу, ка̀къ и что̀... Чтобы каждый съумѣлъ разсказать мнѣ.

— Повидимому, вы совсѣмъ довольны своимъ положеніемъ? спросилъ ее Анисимовъ.

— Да еще бы... Еслибы вы знали, какой это славный народъ? Цѣлая семья у меня.

— Не скучаете?

— О, нѣтъ, некогда. И какіе есть способные между ними. Какъ пріятно учить ихъ.

— Никто васъ не обижаетъ здѣсь?

— Нѣтъ, пока все хорошо.

— Не ухаживаютъ за вами?... И Анисимовъ засмѣялся.

Засмѣялась и покраснѣвшая дѣвушка.

— Есть этотъ грѣхъ. Какъ я пріѣхала, такъ молодые конторщики стали красные и зеленые галстуки носить, а въ праздникъ подъ моими окнами разсядутся—и давай на гитарѣ играть!...

— Испанцы!

— Смѣшные ужасно... Одинъ даже стихи мнѣ написалъ. Другой гораздо практичнѣе—ходитъ на охоту и съ охоты мнѣ пропасть дичи носитъ. Зайцевъ... Разъ даже чью-то домашнюю утку пристрѣлилъ—и прислалъ мнѣ.

— Ну, я очень радъ за васъ...

— Да... И всѣмъ этимъ я вамъ обязана! Что̀ же я держу васъ здѣсь—пойдемте на верхъ ко мнѣ. Чѣмъ прикажете угощать?

— Дайте мнѣ чаю, если васъ это не стѣснитъ.

— Сейчасъ.... Марья... Марья!

Изъ какой-то боковушки выползла толстая дѣвка съ ужасно глупымъ и удивленнымъ лицомъ, похожимъ на то, еслибы на *пяткѣ нарисовлть* глаза, носъ и ротъ.

— Поставь самоваръ, да поскорѣе.

— Чай будете пить, что ли?..

— Разумѣется... И подай ко мнѣ на верхъ.

Комнаты Анны Егоровны—у нея ихъ было три на верху, — отличались удивительною чистотою. Нѣсколько книгъ лежало на столахъ, цвѣты на окнахъ съ красными занавѣсками...

— Что вы улыбаетесь, глядя на эти занавѣски? Это Доримедонтовъ навѣсилъ. Дѣвицѣ, говоритъ, надо красное. Даже какихъ-то картинъ для стѣнъ принести хотѣлъ. Самъ, говоритъ, вырѣзалъ изъ „Нивы", но я убѣдила его не хлопотать...

Анисимова очень удивляла перемѣна, совершившаяся съ его Беллиніевскою мадонной. Она теперь была совсѣмъ не тою робкою и молчаливою дѣвушкою, какую онъ видѣлъ еще нѣсколько недѣль назадъ. Теперь это былъ человѣкъ, стоящій на своихъ ногахъ и уже не краснѣющій отъ каждаго взгляда. Выраженіе какой-то дѣловитости лежало на ея красивомъ лицѣ, даже пріучилась она озабоченно сдвигать брови.

— Я вѣдь съ вами проститься пріѣхалъ!..

— Какъ проститься? вздрогнула она.—Въ Петербургъ ѣдете опять?.. Она попробовала улыбнуться, но улыбка ей не удалась.

— Дальше!

— Куда же?.. Не скоро увидимся, вѣрно, теперь?.. спросила она упавшимъ голосомъ.

— Въ Кишиневъ поѣду, въ армію.

— Это на войну?

— Да...

Она вся поблѣднѣла. Невольно глаза ея, съ выраженіемъ безконечной печали, остановились на его лицѣ. Она даже на ногахъ не устояла—и сѣла возлѣ, на стулъ.

— Дай вамъ Богъ—вернуться цѣлымъ... И крупныя слезы показались на ея глазахъ. Она хотѣла скрыть ихъ, и отвернулась.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я вамъ благодаренъ за эти слезы!..

— Такъ это я... Глупая!..—Она отошла къ окну.

Анисимовъ взялъ ея руку въ свои. Рука дрожала. Горячая волна искренняго чувства точно хлынула ему къ самому сердцу. Онъ потянулъ ее за руку къ себѣ, но въ эту минуту послышался глухой и тягучій ударъ колокола... Еще и еще... Голоса какіе-то... Очевидно, народъ бѣжалъ куда-то...

— Въ набатъ ударили? Что такое?..

Словно, *чтобы скрыть то*, что дѣлалось съ нею, она торопливо *отдернула занавѣску и отшатнулась.*

крывать нечего, потому что въ немъ никогда и ничего не было. Но, оставивъ шутки—я нуждаюсь въ одной услугѣ, очень для меня важной. Ты знаешь, что за послѣднее время я попалъ не только въ завоеватели, но и въ устроители завоеваннаго. Въ двадцать восемь лѣтъ я ужь имѣю генеральскіе эполеты и имя. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ,—я пріобрѣлъ и враговъ. Тебѣ нечего говорить, что совѣсть моя спокойна. Я послужилъ Россіи всѣмъ, чѣмъ могъ, и если уцѣлѣлъ въ нашей жизни, полной опасностей и тревогъ, то не моя въ томъ вина. Приняли меня въ Петербургѣ,—куда вызвали нарочно, — такъ, что на первыхъ порахъ я хотѣлъ подавать въ отставку и пріѣхалъ сюда, къ брату, очнуться. Мнѣ было сказано прямо, что я жертвовалъ всѣмъ личному своему честолюбію и что я долженъ заслужить свои „георгіи"—на шеѣ и на груди, полученные, какъ тебѣ извѣстно тоже, не за бутылкою шампанскаго и не за прекрасныя манеры. Но логика русская и логика петербургская—вещи совсѣмъ разныя, и тамъ насъ считаютъ шарлатанами, честолюбцами, шуллерами военнаго дѣла, фокусниками. Милые молодые люди, которыхъ къ намъ посылали на окраины,—эти великіе ловцы орденовъ и чиновъ предъ Господомъ,—мною остались недовольны, потому что я не давалъ имъ никакого преимущества передъ бѣдными моими армейцами, умѣвшими честно служить и честно умирать. Эти милые молодые люди поразсказали здѣсь такихъ ужасовъ о насъ, что всѣ попечительныя маменьки, при одномъ видѣ твоего покорнѣйшаго слуги, ужь растопыриваютъ крылья, чтобы спрятать подъ ними своихъ золотушныхъ дочекъ. Въ „высшихъ" сферахъ—милымъ молодымъ людямъ дали тоже полную вѣру. Дошло до того, что нашу храбрость даже подвергаютъ сомнѣнію. Все, что̀ нельзя оспорить—мы сдѣлали-де въ пьяномъ видѣ, остальное выдумали и записали въ реляціи. Это очень тяжело и обидно! Я тебѣ писалъ, что собирался сгоряча подать въ отставку, но сдѣлать это, въ виду возможной войны, было бы несовсѣмъ честно. Да вѣдь ужь если на то пошло, такъ мы во всякомъ случаѣ для боеваго дѣла побольше пригодны, чѣмъ штатскіе генералы парадовъ и петербургскихъ гостинныхъ. Недаромъ же мы учились и готовились къ этому, не для блестящаго же мундира и не для купчихи съ милліоннымъ приданымъ мы избрали себѣ свою профессію! Я обращаюсь къ тебѣ вотъ зачѣмъ: здѣсь, у брата, я окончательно и безповоротно убѣдился въ томъ, что ни на какое иное дѣло, кромѣ военнаго, я *не гожусь. Потомъ*, при свиданіи, разскажу тебѣ всѣ мои попытки *въ этомъ родѣ*, теперь же прямо обращаюсь къ твоей дружбѣ.

Ему стало жутко, такъ жутко, что онъ готовъ былъ крикнуть. Стòитъ только сдвинуться этой, горбинами выпятившейся впередъ, породѣ, выпасть вкрапленному въ нее по верху камню, чтобы онъ былъ заживо похороненъ въ черной норѣ. Засыплетъ разомъ, и задохнешься въ ней. Ему вспомнилось, какъ работники на верху предупреждали его:—„смотри, баринъ, не крикни тамъ, потому бываетъ, что отъ голосу дудка валится вся. Захочешь выйти—за канатъ дерни, а мы ужь и поймемъ". И ему вдругъ разомъ захотѣлось выйти отсюда сейчасъ, сію минуту... Эта могила уже душила его. Онъ чувствовалъ, какъ что-то холодное, пронизывающее, словно дыханіе смерти, проникаетъ въ его грудь. Какіе-то звуки доносились къ нему сюда... Кто-то точно плакалъ и жаловался въ глубинѣ земли. Запертый ли это въ вѣчную неволю ключъ, или такъ почудилось? Онъ широко раскрывалъ глаза свои, но въ этой тяжелой тьмѣ не видѣлъ ничего... Ничего, кромѣ какихъ-то свѣтлыхъ пятенъ, зигзаговъ и огненныхъ спиралей, очевидно, рождавшихся и умиравшихъ въ его собственномъ зрачкѣ... Онъ сталъ ползти назадъ изъ этой щели, какъ червякъ ползетъ изъ имъ же самимъ выточенной жилы, и, почувствовавъ, что онъ выползъ въ дудку, нервно и сильно дернулъ канатъ...

На верху заскрипѣлъ воротъ. Теперь скрипъ этого ворота, тянувшаго его вверхъ, казался ему гармоничнѣе соловьиной пѣсни. Съ каждымъ его оборотомъ, Анисимовъ подымался все выше и выше... узкія стѣнки дудки расширились. Отверстіе замерещилось тусклымъ пятномъ; вотъ, наконецъ, Сергѣй Николаевичъ различаетъ стѣнки дудки, бурыя съ кремнистыми изломами, съ торчащими наружу круглыми камнями. Когда голова его поднялась надъ устьемъ—радостное чувство жизни охватило его давно уже не испытывавшимся имъ оживленіемъ.

— Слава Богу! не выдержалъ и проговорилъ онъ, ступая на землю.

— Что, баринъ? Какова наша работа?

— Избави Господи! Тяжелая.

— А по нашему—чудесная. Все шесть гривенъ въ день наберешь.

И ему вдругъ стали и милы, и дороги эти сумрачныя лица, казавшіяся сначала такими непривѣтливыми. Онъ, съ ощущеніемъ какого-то безконечнаго счастія, смотрѣлъ и на это солнце, уходившее за облака, и на эти снѣгомъ засыпанныя поля, окружавшія небольшое пространство, занятое бурою рудою и дудками. *Дома, когда* онъ вернулся назадъ, его ждала другая у-

дость. На его имя была получена телеграмма—отъ стараго друга, которому онъ послалъ свое письмо:

„Будь готовъ тотчасъ же выѣхать, какъ получишь отъ меня слѣдующую депешу. Дѣло идетъ на ладъ".

XXI. Въ гостяхъ у мадонны.

Сергѣй Николаевичъ совсѣмъ ожилъ, получивъ телеграмму отъ своего пріятеля. Онъ сообщилъ объ этомъ брату, тотъ обнялъ его.

— Не пришлось намъ поработать вмѣстѣ. Я, впрочемъ, и не думалъ, чтобы наше дѣло пришлось тебѣ по душѣ. Ну, да что толковать объ этомъ.

Почему-то Анисимову ужасно захотѣлось увидать Софью Васильевну. Онъ чуть не собрался къ ней въ Москву, но потомъ передумалъ. Гораздо лучшимъ казалось вызвать ее сюда и вмѣстѣ съ нею добраться до Кишинева. Тамъ они разстанутся, и прошлое канетъ въ вѣчность. Онъ рѣшилъ послать ей на другой день телеграмму, что и исполнилъ. Онъ никакъ не ожидалъ, какихъ бѣдъ Верстакову и его театру надѣлаетъ эта вѣсточка. Анисимовъ вовсе не зналъ, что Нѣжина опять играетъ на сценѣ. Адресъ ея извѣстенъ былъ ему изъ писемъ, на которыя онъ, по своему обыкновенію, не отвѣчалъ... Онъ думалъ, что она выѣдетъ не раньше, какъ черезъ день послѣ его депеши, и дастъ ему знать изъ ближайшаго города, куда онъ и отправится свидѣться съ нею. Пока онъ рѣшилъ поѣхать и проститься съ Анной Егоровной. Беллиніевская мадонна положительно манила его къ себѣ своей идиллической нѣжностью. Онъ уже зналъ, что на Стомысковскомъ заводѣ ею были довольны. Даже мрачный мужчина Доримедонтовъ, завѣдывавшій всей экономіей Стомысковскаго села, и тотъ выражался о ней кратко, но справедливо:

— Хотя и изъ столицы—но дѣвица добротная!

Анисимовъ радовался тому, что Ѳеня отослала Торацкую поскорѣе отсюда. Ему самому казалось теперь невозможнымъ сближеніе съ чистой дѣвушкой, тихіе глаза которой съ такой довѣрчивостью и любовью останавливались на немъ.

— Она безобидная вѣдь! Только за нее большой отвѣтъ надо дать Богу въ случаѣ, чего не дай Господи! своеобразно выражалась о ней Ѳеня.

— Вы-то безъ меня ее поберегите.

— *Не безпокойтесь*, въ обиду никому не дамъ—пока замужъ *выйдетъ*.

— Этого-то мнѣ бы и не хотѣлось.

— Мало ли что досадно. Экіе вы какіе завидущіе. И, же ей въ учительшахъ трепаться.

— Тамъ будетъ видно.

— Ужь мы здѣсь ее устроимъ—не бойтесь.

И Анисимову вдругъ становилось больно и жутко при мысли о томъ, что чьи нибудь руки будутъ обнимать эту милую дѣвушку, что чьи нибудь губы коснутся ея губъ, такъ наивно и довѣрчиво улыбавшихся ему въ послѣдній разъ.

Ему удалось выѣхать только вечеромъ. Онъ разсчитывалъ провести часа два съ Анной Егоровной и затѣмъ вернуться къ ночи домой.... Анисимовская чугунка доходила до самаго Стомысковскаго завода, мрачное зданіе котораго скоро обрисовалось вдали въ синихъ тонахъ ужь подступавшей ночи. Изъ трубъ его выкидывало дымъ—здѣсь работа шла, никогда не прекращаясь. Самое село было позади, и, выйдя со станціи, Анисимовъ подозвалъ всегда дежурившія здѣсь сани и поѣхалъ въ Стомысково.

— Куда пристать-то?.. обернулся къ нему извощикъ.

— Къ школѣ...

— Ладно... Новая учительша у насъ,—съ удовольствіемъ сообщилъ онъ барину, котораго еще не зналъ.

— Ну, что-жъ, хорошая?

— Обходительная. Все тебѣ разскажетъ. Наши мальцы повадились къ ней бѣгать... Книжки она имъ читаетъ. Кому письмо написать нужно—напишетъ. Бабъ нашихъ тоже не оставляетъ. Что твой лѣкарь. Отъ всякой болѣсти знаетъ средствіе... А ты, ваше благородіе, ея знакомый, что ли?

— Да.

— Ну, вотъ. Такъ ей и скажи, что мы ее хвалимъ. Не гордая. Во всякую нужду входитъ.

Школа помѣщалась въ новенькомъ домикѣ. Двѣ большія комнаты внизу — одна для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ—были обставлены очень просто, но опрятно. Беллиніевскую мадонну Анисимовъ засталъ въ одной изъ этихъ комнатъ. Она сидѣла, окруженная дѣтьми, и разсказывала имъ что-то. Вѣроятно, увлеченные разсказомъ, ни она, ни мальчуганы не слышали, какъ подъѣхали сани. Сергѣй Николаевичъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько минутъ стоялъ у дверей, раскрытыхъ въ сѣни, слушая ея бесѣду.

— Значитъ, это неправда, что всякая звѣзда душу обозначаетъ? спрашивалъ ее крошечный бутузъ, сидя передъ нею.

— Разумѣется, неправда...

И она просто объясняла имъ, что такое звѣзды и солнце...

дно!.. слышалось кругомъ...

дость. Нѣй Николаевичъ хотѣлъ взойти тихо, чтобы не помѣшать которо-но, при первыхъ же шагахъ его, дѣтвора, точно рой птицъ нивѣ, всполошилась.

— Къ тебѣ, Анна Егоровна!.. Баринъ въ гости пріѣхалъ...

— Сергѣй Николаевичъ!.. Какъ я рада... вотъ не ожидала!...

И она, вся покраснѣвъ отъ удовольствія и улыбаясь, протягивала ему обѣ свои маленькія ручки.

— А я вамъ помѣшалъ, кажется? За дѣломъ засталъ?

— Нѣтъ, дѣло мы давно кончили. Это они такъ поболтать ко мнѣ приходятъ. Ну, дѣти, до понедѣльника, прощайте... Завтра въ церкви увидимся... Смотрите, книжки, какія я вамъ дала, съ толкомъ читайте, я потомъ обо всемъ у васъ выспрошу, какъ и что... Чтобы каждый съумѣлъ разсказать мнѣ.

— Повидимому, вы совсѣмъ довольны своимъ положеніемъ? спросилъ ее Анисимовъ.

— Да еще бы... Еслибы вы знали, какой это славный народъ? Цѣлая семья у меня.

— Не скучаете?

— О, нѣтъ, некогда. И какіе есть способные между ними. Какъ пріятно учить ихъ.

— Никто васъ не обижаетъ здѣсь?

— Нѣтъ, пока все хорошо.

— Не ухаживаютъ за вами?... И Анисимовъ засмѣялся.

Засмѣялась и покраснѣвшая дѣвушка.

— Есть этотъ грѣхъ. Какъ я пріѣхала, такъ молодые конторщики стали красные и зеленые галстуки носить, а въ праздникъ подъ моими окнами разсядутся—и давай на гитарѣ играть!...

— Испанцы!

— Смѣшные ужасно... Одинъ даже стихи мнѣ написалъ. Другой гораздо практичнѣе—ходитъ на охоту и съ охоты мнѣ пропасть дичи носитъ. Зайцевъ... Разъ даже чью-то домашнюю утку пристрѣлилъ—и прислалъ мнѣ.

— Ну, я очень радъ за васъ...

— Да... И всѣмъ этимъ я вамъ обязана! Что же я держу васъ здѣсь—пойдемте на верхъ ко мнѣ. Чѣмъ прикажете угощать?

— Дайте мнѣ чаю, если васъ это не стѣснитъ.

— Сейчасъ.... Марья... Марья!

Изъ какой-то боковушки выползла толстая дѣвка съ ужасно глупымъ и удивленнымъ лицомъ, похожимъ на то, еслибы на *пятакѣ нарисовлть* глаза, носъ и ротъ.

— Поставь самоваръ, да поскорѣе.

— Чай будете пить, что ли?..

— Разумѣется... И подай ко мнѣ на верхъ.

Комнаты Анны Егоровны—у нея ихъ было три на верху, — отличались удивительною чистотою. Нѣсколько книгъ лежало на столахъ, цвѣты на окнахъ съ красными занавѣсками...

— Что вы улыбаетесь, глядя на эти занавѣски? Это Доримедонтовъ навѣсилъ. Дѣвицѣ, говоритъ, надо красное. Даже какихъ-то картинъ для стѣнъ принести хотѣлъ. Самъ, говоритъ, вырѣзалъ изъ „Нивы", но я убѣдила его не хлопотать...

Анисимова очень удивляла перемѣна, совершившаяся съ его Беллиніевскою мадонной. Она теперь была совсѣмъ не тою робкою и молчаливою дѣвушкою, какую онъ видѣлъ еще нѣсколько недѣль назадъ. Теперь это былъ человѣкъ, стоящій на своихъ ногахъ и уже не краснѣющій отъ каждаго взгляда. Выраженіе какой-то дѣловитости лежало на ея красивомъ лицѣ, даже пріучилась она озабоченно сдвигать брови.

— Я вѣдь съ вами проститься пріѣхалъ!..

— Какъ проститься? вздрогнула она.—Въ Петербургъ ѣдете опять?.. Она попробовала улыбнуться, но улыбка ей не удалась.

— Дальше!

— Куда же?.. Не скоро увидимся, вѣрно, теперь?.. спросила она упавшимъ голосомъ.

— Въ Кишиневъ поѣду, въ армію.

— Это на войну?

— Да...

Она вся поблѣднѣла. Невольно глаза ея, съ выраженіемъ безконечной печали, остановились на его лицѣ. Она даже на ногахъ не устояла—и сѣла возлѣ, на стулъ.

— Дай вамъ Богъ—вернуться цѣлымъ... И крупныя слезы показались на ея глазахъ. Она хотѣла скрыть ихъ, и отвернулась.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я вамъ благодаренъ за эти слезы!..

— Такъ это я... Глупая!..—Она отошла къ окну.

Анисимовъ взялъ ея руку въ свои. Рука дрожала. Горячая волна искренняго чувства точно хлынула ему къ самому сердцу. Онъ потянулъ ее за руку къ себѣ, но въ эту минуту послышался глухой и тягучій ударъ колокола... Еще и еще... Голоса какіе-то... Очевидно, народъ бѣжалъ куда-то...

— Въ набатъ ударили? Что такое?..

Словно, чтобы скрыть то, что дѣлалось съ нею, она торопливо откинула *занавѣску и отшатнулась.*

— Пожаръ.

Анисимовъ взглянулъ. Прямо передъ школою была церковь. Ея темный силуэтъ рѣзко вырисовывался на огромномъ заревѣ, разомъ охватившемъ горизонтъ. Тонкая колокольня казалась совсѣмъ черною. Только вверху, гдѣ одно противъ другаго были пробиты въ ней окна—свѣтилось багровое пламя.

— Пожалуйста, сидите тутъ... Не выходите. Очевидно, пожаръ далеко, и до васъ не дойдетъ. Я пойду и узнаю обо всемъ.

Анисимовъ накинулъ на себя дорожный полушубокъ — и, не простясь, отправился туда, куда стремглавъ, перегоняя его, бѣжали рабочіе и бабы: первые—молчаливо и сумрачно взглядывая на него мимоходомъ, вторыя—съ криками и причитаніями...

— Ваше превосходительство! нагналъ его Доримедонтовъ.

— Что у васъ тамъ творится?

— Бѣда. Заовражье наше горитъ. Стомысково-то наше раздѣляется на два села собственно — на Стомысково здѣсь и на Заовражье тамъ... Недавно только и построилось Заовражье это!.. И какъ вспыхнуло?—съ разныхъ сторонъ. Никакъ иначе, что поджогъ былъ. Шалятъ у насъ. Надо правду сказать. Это рабочіе съ чужихъ заводовъ. Тутъ Ивашовскіе заводы около. Пьянство у нихъ безпросыпное — а мы вотъ платись.

XXII. Пожаръ.

Анисимовъ, вмѣстѣ съ другими, сбѣжалъ въ засыпанный снѣгомъ оврагъ и живо поднялся на ту его сторону, гдѣ огонь уже бушевалъ во всю. Чернѣя въ его багровомъ заревѣ, стояли переднія избы. Красные языки пламени, окутанные клубами дыма, уже лизали ихъ стѣны. Какіе-то огненные хлопья срывались съ пожарища и неслись на кровли этихъ домовъ, курившіяся отъ нихъ. Трескъ и шумъ стояли позади. Здѣсь пока еще была тишина, но тишина зловѣщая... Коробился тесъ, щелкали и трещали лопавшіяся на жарѣ доски. Вотъ изъ одной крыши ни съ того, ни съ сего выкинуло, точно золотое знамя, громадное полымя. Выкинуло и опять спрятало, только дымъ заклубился оттуда... Вонъ въ дыму этомъ уже бѣгутъ и завиваются золотыя змѣи... Сцѣпляются, сливаются и уже однимъ большимъ огнемъ охватываютъ кровлю... Анисимову бросилось въ глаза, что никто и ничего здѣсь не дѣлаетъ. Беременная баба съ образомъ на рукахъ стоитъ у своего дома, точно заслоняя отъ другихъ горѣвшихъ около—а заборъ его уже занимается, и по его верхушкамъ зло

вѣщій дымъ начинаетъ куриться, подползая все ближе и ближе къ избѣ.

— Разбирай заборъ, братцы, да живо!.. крикнулъ Анисимовъ.

Народъ было кинулся и назадъ отпрянулъ.

— Куда вы... Ироды, оглашенные!.. махнула на нихъ иконою баба.

— Что же вы, ребята?..

— Позволю я рушить мое добро!..

Но Анисимовъ началъ; вмѣстѣ съ нимъ принялись за дѣло и другіе. Въ черныхъ массахъ дыма, возносившихся къ темному небу, въ которомъ, точно отсвѣтъ пожара, стояло розовое зарево, неслись порою точно огненные платки, неслись и пропадали. Порою слышался, сквозь свистъ пламени, грохотъ разваливающейся избы, и къ верху поднимались снопы яркихъ искръ. Пламя иногда вырывалось къ верху длиннымъ и прямымъ столбомъ.

— Чью либо душу уноситъ! толковала толпа, глядя на это.

Сбитыя съ толку, растерявшіяся бабы волокли всякую мелочь, никуда не нужную... И тутъ же, валя это на землю, принимались кричать: „охъ, моченьки нѣту... Гдѣ Митенька... Митенька! Митеньку то оставила тамъ...“ И опять бѣжала къ пожарищу, хотя тотъ-же Митенька торопился за нею, хватаясь за ея поняву слабѣющими съ испугу ручонками. Анисимовъ уже не смотрѣлъ больше. Онъ работалъ на самомъ пожарищѣ—вмѣстѣ съ нѣсколькими парнями, совсѣмъ забывшими опасность, грозившую имъ отовсюду. Двѣ или три трубы напрасно боролись съ пламенемъ. Отъ струй воды, выбрасываемыхъ ими, огонь не унимался вовсе. Онѣ даже не достигали его, обращаясь въ паръ, и сизыми облаками подымались все къ тому же темному, равнодушному небу. По ту сторону неба, вся розовая, стояла церковь, вырисовываясь изъ темныхъ рядовъ молчаливыхъ избъ.

— Ваше превосходительство! наткнулся среди пожарища на Анисимова какой-то знавшій его конторщикъ.—Пожалуйте отсюда.. Васъ задавитъ.

Дѣйствительно, сверху то и дѣло валились громадныя бревна, казавшіяся золотыми отъ охватившаго ихъ пламени. Но Анисимову хотѣлось отстоять крайніе дома, и ему съ нѣсколькими помощниками удалось сдѣлать кое-что. Доримедонтовъ организовалъ цѣлую артель другихъ, которые помогали Анисимову, и дѣло шло на ладъ. Только Сергѣй Николаевичъ чувствовалъ, что дышать становится почти невозможно. Крымскій барашекъ его полушубка курился уже, смрадная вонь тлѣвшаго мѣха била ему въ носъ, и онъ по неволѣ задыхался. И не разъ горящіе уголья па-

дали на него, на шапку, на платье, но ему было не до этихъ мелочей. Онъ стойко боролся; мигомъ понимая, куда направлялась главная сила врага, онъ и самъ бросался туда со своими. Нѣсколько разъ онъ подходилъ къ трубамъ, чтобы онѣ его облили водою, но въ огнѣ высыхалъ тотчасъ же. Часто, въ наиболѣе опасномъ мѣстѣ, приходилось бросаться, зажмурясь, потому что иначе искры могли бы ослѣпить его. Его спокойствіе и отвага мало по малу одушевили и остальныхъ. Вся громадная толпа начала работать. Много горѣвшихъ избъ было уже рушено внизъ, и онѣ лежали колоссальными грудами угля, развѣвавшаго надъ собою точно красныя хоругви жаднаго пламени... Анисимовъ не чувствовалъ устали. Точно какая-то нечеловѣческая сила одушевляла его. Онъ бросался въ простѣнки между двумя занявшимися избами, чтобы вытащить оттуда какую нибудь глупую бабу, растерявшуюся до оцѣпенѣнія; разбиралъ коровникъ, откуда слышалось мычаніе коровъ, и заборъ, за которымъ ржали лошади; выводилъ дѣтей, запутавшихся между головнями и уже начинавшихъ безсмысленно кружиться, прежде чѣмъ упасть въ огонь; взбирался на кровлю и рубилъ тамъ устои, разматывая ихъ солому, обнажая ребра черныхъ балокъ и жердей, и вновь спускался внизъ, замѣчая сверху, что лукавое и злобное пламя, побѣжденное въ одномъ мѣстѣ, бросается въ другое, облизывая новыя стѣны, коробя тесъ еще уцѣлѣвшихъ домовъ и осыпая искрами ихъ сухія кровли... Такъ продолжалось часа три... Въ минуты, рѣдкія минуты устали, Анисимовъ только пилъ воду, которую подносили ему, и сейчасъ же уходилъ опять на дѣло.

Еще черезъ часъ—пожертвовавъ одною изъ ближайшихъ, уже занявшейся отовсюду, избою,—Анисимовъ увидѣлъ, что остальныя спасены, и только что хотѣлъ ѣхать домой—какъ прямо на него кинулась ошалѣлая баба.

— Батюшка-баринъ, Ванюшку-то моего, Ванюшку-то...

— Гдѣ твой Ванюшка?

— Кричитъ... Ишь кричитъ.

Прислушался Анисимовъ: дѣйствительно, со стороны слышался хриплый крикъ ребенка...

— Это тамъ, съ задворковъ, оторопѣло пояснили ему.

Онъ бросился туда и увидѣлъ въ одной избенкѣ, кровля которой уже горѣла—въ боковушкѣ, сквозь крошечное окно—мальчугана лѣтъ четырехъ, въ одной рубахѣ, бѣгавшаго безсмысленно вокругъ. Ужь дымъ наполнялъ крошечную свѣтелку—дверь ея вела въ охваченную огнемъ половину дома; окно было слишкомъ *мало, чтобы туда* можно было влѣзть.

— Топоровъ!.. Скорѣй—давай топоровъ...

Не смотря на то, что съ крыши сыпались искры и горѣвшіе уголья, что свистъ пламени, торжествующій и свирѣпый, уже разносился кругомъ, точно оно праздновало свою жестокую побѣду надъ этими, неутомимо боровшимися съ нимъ, людьми—топоры застучали быстро, торопливо... Скоро уже окно было увеличено настолько, что ребенокъ могъ пролѣзть туда.

— Ванюшка, ступай сюда живо! кричали ему.

Но ребенокъ, по прежнему, только безсмысленно кружился по комнатѣ.

— Ванюшка! Тебѣ говорятъ!...

— Боюсь, дяденька... боюсь! повторялъ онъ, не подходя къ окну.

Еще нѣсколькими сильными ударами топора Анисимовъ увеличилъ отверстіе, едва влѣзъ въ него—схватилъ барахтавшагося ребенка на руки и подалъ его ждавшимъ людямъ...

— Батюшка-баринъ, занылъ все тотъ же глупый бабій голосъ.—Въ углу-то, въ углу сарафанъ виситъ новый.

Но тутъ вдругъ вся толпа отшатнулась съ ужасомъ.

Подъ тяжестью кровли, надвинувшейся на нее, такъ какъ капитальныя стѣны избы уже сгорѣли по ту сторону, боковушка рухнула внизъ. Анисимова окурило дымомъ, пришибло какою-то тяжестью; руки его безсильно опустились, ноги невольно подогнулись...

— Выручай, ребята!.. крикнулъ какой-то молодой голосъ.

Толпа, на мгновеніе оцѣпенѣвшая, бросилась, какъ одинъ человѣкъ.

Мигомъ разобрали кровлю. Къ счастію, она упала угломъ и только чуть-чуть задѣла Анисимова.

Когда его вытащили снизу и привели въ себя—онъ попросилъ пить...

— Не тронуло ли васъ? заботливо освѣдомлялся Доримедонтовъ.

— Не знаю... Ничего не знаю... Воды, ради Бога.

Опираясь на плечо его, онъ пошелъ внизъ...

— Кажется, цѣлъ... Помяло только немножко, и страшно усталъ... Гдѣ бы мнѣ переночевать тутъ?

— Я бы къ себѣ васъ—да живу далеко... Версты за четыре, и лошадей теперь не найти... Къ попу нашему—у него тѣсно: свояченица съ мужемъ пріѣхали, да жена родила только что... Одно что къ учительшѣ.

— Ее обезпокоишь.

— Нѣтъ. У нихъ три комнаты на верху...

Все также опираясь на плечо Доримедонтова, Сергѣй Николаевичъ прошелъ мимо розовой, подъ огнемъ пожара, церкви... По улицѣ бродила какая-то женщина. Она бросилась къ нимъ.

— Это вы, Сергѣй Николаевичъ?

— Я... Усталъ ужасно. Позвольте отдохнуть у васъ, Анна Егоровна.

— Васъ ушибло или обожгло?..

— Нѣтъ, усталъ только. Смертельно усталъ.

— Я хотѣла пройти туда—не пустили... И, поддерживая его съ другой стороны своими нѣжными руками, она помогла Доримедонтову ввести Сергѣя Николаевича на лѣстницу...

— Я ужь къ вамъ на постель положу его...

— Пожалуйста—я лягу въ другой комнатѣ на диванъ.

— Не нужно ли чего? спрашивалъ Доримедонтовъ раздѣтаго имъ Анисимова—но тотъ, укрытый и согрѣтый, уже спалъ!

XXIII. Нежданно-негаданно.

Не смотря на усталость, Анисимовъ проснулся рано. Ночь еще царила кругомъ. Только на востокѣ мерещились блѣдные тоны тяжело рождавшагося зимняго дня. Сергѣй Николаевичъ не чувствовалъ себя ни разбитымъ, ни больнымъ. Очевидно, вчерашній случай не причинилъ ему никакого зла. Вмѣстѣ съ отдыхомъ, къ нему явились утраченныя силы, и онъ долгое время, не открывая глазъ, лежалъ въ постели и прислушиваясь къ дыханію дѣвушки по ту сторону деревянной перегородки, отдѣлявшей одну комнату отъ другой. Онъ зажегъ спичку и посмотрѣлъ на часы. Было половина шестаго. Въ это время, у его брата уже вставали, и Ѳеня обыкновенно приносила къ нему чай. Онъ опять прилегъ—но ему уже не спалось. Онъ сталъ думать о дѣятельности, ожидавшей его далеко отсюда, объ этомъ мирномъ краѣ вѣчнаго труда, краѣ, который едва ли ему придется видѣть еще разъ, и опять началъ прислушиваться къ ровному дыханію дѣвушки за стѣною.... И ея ему не придется видѣть—ея, которая все время такъ незамѣтно и, въ то же время, такъ постоянно влекла его къ себѣ. Не смотря на его увлеченіе Нѣжиной—эта кроткая и чистая дѣвушка постоянно становилась между Софьей Васильевной и имъ, заслоняя первую. Онъ вспомнилъ, какъ, цѣлуя Нѣжину, въ темнотѣ тѣсного *купэ*,—онъ представлялъ себѣ Анну Егоровну съ ея тихо и *робко опущенными* рѣсницами, изъ-подъ которыхъ ему свѣтили

такіе ясные глаза... Она пошевелилась въ постели. Онъ услышалъ это. Она повернулась—дыханіе ея сдѣлалось громче... Что-то такое она проговорила во снѣ.

Анисимову стало жарко.

Онъ сбросилъ съ себя одѣяло. Сѣрый и тусклый разсвѣтъ уже смотрѣлъ въ его окно. Вотъ она, эта перегородка, за которой спитъ теперь его Беллиніевскій оригиналъ... Его потянуло туда, къ ней. Но онъ разомъ совладалъ съ собою. Какая глупость! Именно теперь—наканунѣ отъѣзда? Что будетъ съ нею... Э,—да развѣ онъ не можетъ устроить ее, какъ можно лучше. Ему стоило большаго труда успокоиться. Кровь стучала въ виски, голову кружило. Онъ задыхался, точно въ комнатѣ было мало воздуха... Ему хотѣлось облиться холодной водой. Онъ одѣлся и сошелъ внизъ, но боковушка, гдѣ спала Марья, была заперта—нигдѣ не оказывалось ни души. Онъ поднялся къ себѣ опять. Онъ боялся шумѣть и ходилъ на цыпочкахъ, чтобы не разбудить Анну Егоровну. Ему и больно, и сладко было думать, что она вотъ тутъ, около него; онъ приложилъ щеку къ самой перегородкѣ и слышалъ шорохъ ея локтя... Каждое легкое движеніе ловило его чуткое ухо... Онъ тихо подошелъ къ двери — она оказалась безъ замка. Эта была простая отворка, которую безъ всякихъ ручекъ устраиваютъ въ мезонинахъ деревенскихъ домовъ. Вѣроятно, по ту сторону былъ прибитъ къ ней гвоздочками шнурокъ. Стоило толкнуть ее, чтобы она отворилась. Анисимовъ еще разъ отошелъ назадъ—но это чистое личико со свѣтлыми и довѣрчивыми глазами, съ такою любовью останавливавшимися на немъ, дразнило его неотступно, безотвязно. Онъ приложилъ горячій лобъ свой къ стеклу окна и сталъ смотрѣть передъ собой. Бѣлый силуэтъ церкви, пустыя улицы... За оврагомъ черныя полуобгорѣвшія избы. Дымъ отъ нихъ, сажа курится... Отчего народъ не просыпается?.. Онъ вспомнилъ, что его часы шли на полчаса впередъ... Вѣроятно, сейчасъ ударятъ къ заутренѣ... И опять это дразнящее, всѣ нервы его подымающее дыханіе за стѣною...

„Люблю ли я ее?“ думалъ онъ, не отрываясь отъ окна и ничего ужь не видя передъ собою.—„Люблю ли я ее?... Не знаю, только меня тянетъ къ ней, тянетъ такъ, какъ ни къ кому и никогда... Что же, лучше, если она достанется кому нибудь изъ этихъ невѣроятныхъ конторщиковъ съ зелеными галстуками?.. Фу, какая гадость... Я знаю, что и она меня любитъ... Разумѣется“...

Онъ опять тихо подошелъ къ двери и слегка толкнулъ ее. Она отворилась безъ шума. Онъ заглянулъ въ ту комнату и увидалъ у самой деревянной перегородки—широкій диванъ. На ди-

ванѣ, очевидно, наскоро была устроена постель. Дѣвушка лежала, едва прикрывшись своимъ пальто. Пальто было коротко. Анисимовъ увидалъ ея ногу, высунувшуюся изъ-подъполы. Плечи Анны Егоровны едва отдѣлялись отъ подушки, споря съ ея наволочкой своей удивительной бѣлизной... Головка была обернута къ стѣнѣ. Онъ видѣлъ отсюда только затылокъ съ бѣлокурыми косами и мелкими завитками волосъ на шеѣ... Разрѣзъ рубашки былъ разстегнутъ, и молодая грудь, мѣрно вздымавшаяся и опускавшаяся, была полуоткрыта.

— Какъ хороша!.. Онъ почувствовалъ, что полъ точно колышется подъ его ногами... Онъ тихо подошелъ къ дивану. Рука дѣвушки откинулась... Красивыя очертанія ея кидались въ глаза... Рѣсницы, длинныя и темныя, точно бросали тѣнь на личико Торацкой.

— Анна Егоровна... Аня!... милая!...

Она, точно испуганная птичка, разомъ поднялась, широко открывая глаза... инстинктивнымъ движеніемъ руки схатила рубашку и сжала ее у горла... Но было уже поздно... Анисимовъ сѣлъ на диванъ и, охвативъ ея станъ, еще трепетавшій и теплый, привлекъ къ себѣ.

— Сергѣй Николаевичъ... Что вы дѣлаете... Господи... Уйдите... едва лепетала она, вся залитая румянцемъ и отводя отъ него свои глаза...

Но, не выпуская ея стана, другою рукою онъ взялъ ея голову за затылокъ и привлекъ къ себѣ. Она зажмурила крѣпко свои глаза. Анисимовъ видѣлъ, какъ сквозь ихъ рѣсницы проступили слезы. Полуоткрытый ротъ ея вздрагивалъ, когда онъ коснулся его своими губами. Онъ слегка ослабилъ свою руку, опустилъ ея голову на подушку и самъ наклонился за нею. На второй поцѣлуй, онъ почувствовалъ, что и ея губы отвѣтили ему тѣмъ же, и когда онъ хотѣлъ подняться—она потянулась за нимъ...

— Аня, милая, любишь, да?

Не раскрывая глазъ, она обвила его шею своей рукой и прижалась къ нему.

Было десять часовъ, когда онъ проснулся.

Въ двери къ нему давно стучали.

— Это вы со вчерашней устали-то заспали! привѣтливо говорила Марья, внося самоваръ въ комнату...

— Я вовсе не усталъ вчера.

— Ужь управляющій съ докторомъ пріѣзжали. Да докторъ *сказалъ—пущай спитъ*, и будить не надо. Сномъ все пройдетъ.

— Умный человѣкъ твой докторъ, вотъ что!...

— Еще бы не умный. Сколько ученъ-то!.. Поди, бою-то одного сколько перенесъ.

Когда Марья ушла—Анна Егоровна не выходила изъ своей комнаты...

Сергѣй Николаевичъ самъ пошелъ туда и засталъ ее сидящей неподвижно у стола.

— Что съ тобой?..

Она вспыхнула и потупилась.

Анисимовъ взялъ ее за руки и притянулъ къ себѣ... Сѣлъ, посадилъ ее къ себѣ на колѣни и началъ гладить ея русую головку.

Она наконецъ улыбнулась, поднявъ на него свои кроткіе глаза...

— Такъ лучше, милая, хорошая!..

Какія-то сани, подъѣхали, скрипя по окрѣпшему за ночь снѣгу.

— Вѣрно, за мной... Надо ѣхать... Завтра я пріѣду къ тебѣ, и мы переговоримъ, какъ намъ устроиться...

Онъ взялъ ее за голову и сталъ цѣловать, медленно, страстно, ничего не видя, кромѣ ея счастливыхъ глазъ, ничего не слыша, кромѣ ея порывистаго дыханія и робкаго шопота...

— Вотъ и я... Не ждалъ? громко и весело послышалось въ дверяхъ.

Анисимовъ и Анна Егоровна вскочили—но было уже поздно.

Въ комнатѣ, совсѣмъ оцѣпенѣвшая при видѣ ихъ, стояла Софья Васильевна Нѣжина.

Василій Немировичъ-Данченко.

Конецъ первой части.

ГЕРОИ ЛЕГКОЙ НАЖИВЫ.

(Les reins cassés).

Романъ Эрнеста Додэ.

XI.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, Регина не могла стряхнуть овладѣвшей ею жестокой апатіи. Она заперлась у себя и не хотѣла никого принимать. Скрывая отъ мужа настоящую причину своей печали и жажды уединенія, молодая женщина увѣряла, будто бы хлопоты по устройству ихъ новой жизни въ Парижѣ дурно отозвались на ея здоровьѣ. Телэнжъ, вмѣстѣ съ другими, не имѣлъ доступа къ г-жѣ Рокруа. Онъ неохотно мирился съ этой участью, приходилъ каждый день и старался подкупить Шамарету, въ надеждѣ, что та допуститъ его къ своей госпожѣ. Но горничная, принимая подарки, не уступала просьбамъ банкира и отдѣлывалась только словами сочувствія или добрыми совѣтами. Она выслушивала его жалобы и нѣжныя изліянія въ прихожей, гдѣ влюбленный финансистъ открывалъ свое сердце передъ служанкой, разсчитывая, что его слова будутъ переданы Регинѣ. Потомъ онъ рѣзко прервалъ свои посѣщенія, замѣнивъ ихъ присылкой цвѣтовъ и писемъ, наполненныхъ страстными мольбами. Цвѣты благосклонно принимали, но письма оставались безъ отвѣта.

Молчаніе Регины еще сильнѣе разжигало страсть Телэнжа. Иногда онъ перетолковывалъ ея поступки въ свою пользу, иногда совершенно падалъ духомъ. Сначала на него подѣйствовала только привлекательная внѣшность г-жи Рокруа; однако, недѣлю спустя, банкиръ былъ не на шутку влюбленъ. Его письма, становившіяся все нѣжнѣе, служили яснымъ доказательствомъ чувствъ, волновавшихъ эту пылкую натуру. Онъ заклиналъ Регину сжалиться надъ нимъ и дать ему возможность высказаться. Телэнжъ называлъ себя ея рабомъ, рисовалъ яркую картину ожидавшаго *ихъ счастія, если* она не отвергнетъ его любви, и ни за что не

хотѣлъ отказаться отъ своихъ надеждъ, не подозрѣвая того, что молодая женщина даже не читала этихъ пламенныхъ признаній.

Баре также приходилъ каждый день. Но, конечно, бывшій журналистъ не обнаруживалъ ни малѣйшей назойливости. Спросивъ о здоровьѣ г-жи Рокруа, онъ оставлялъ лакею свою карточку и уходилъ. Бѣднякъ, забитый нуждою, любилъ Регину, не ожидая отъ нея взаимности и не надѣясь ни на что; онъ былъ счастливъ своей идеальной любовью, которая нежданно пустила глубокіе корни въ его сердцѣ, не знавшемъ увлеченій молодости. Это позднее чувство выражалось только потребностью самопожертвованія и беззавѣтной преданности.

Андрэ сначала прикидывался, что его огорчаетъ нездоровье жены, но потомъ снова сталъ неограниченно пользоваться своей свободой. Занятія въ банкѣ, развлеченія и визиты къ Маргаритѣ Шардэнъ поглощали все его время. Еще до своего переселенія въ Парижъ, онъ состоялъ членомъ одного клуба, но бывалъ тамъ только изрѣдка, когда ему приходилось случайно пріѣзжать изъ провинціи; теперь же Рокруа посѣщалъ собраніе каждый вечеръ, просиживая за картами до поздней ночи. Онъ могъ оставаться тамъ хоть до утра, такъ какъ жена никогда не безпокоила его больше никакими разспросами и не интересовалась узнать, гдѣ онъ проводитъ время. Когда мужъ возвращался домой, Регина обыкновенно уже спала; утромъ, постоянно торопясь по дѣламъ, онъ едва успѣвалъ зайти къ ней, чтобы проститься на цѣлый день.

Такимъ образомъ, взаимное отчужденіе между супругами, начавшееся уже давно, мало по малу возрастало. Теперь у нихъ больше не было ничего общаго. Г-жа Рокруа даже не знала, доволенъ ли Андрэ своей должностью въ банкѣ, и не старалась узнать объ этомъ, оставаясь равнодушной ко всему. Молодая женщина была совершенно поглощена своей печалью. Она оплакивала Люсьена и проводила цѣлые дни, запершись въ своей комнатѣ, гдѣ постоянно лежала на кушеткѣ. Воспоминанія прошлаго неотразимо влекли ее къ себѣ, и Регина мысленно переживала ихъ одно за другимъ, возвращаясь къ тяжелому настоящему только для того, чтобы спросить себя, что съ нею будетъ дальше, откажется ли она отъ свѣта и будетъ вести монотонную одинокую жизнь, или, напротивъ, станетъ искать развлеченія въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій. Съ Фаргомъ они больше не встрѣчались послѣ несчастнаго вечера, разбившаго всѣ мечты г-жи Рокруа. Однако Люсьенъ навѣщалъ по временамъ ея мужа, и самъ Андрэ нерѣдко заходилъ въ палату повидаться съ пріятелемъ.

Такимъ образомъ, слухи о немъ доходили до Регины только черезъ Рокруа. Она ежедневно ожидала извѣстія о свадьбѣ молодаго депутата и заранѣе вооружалась твердостью передъ грозившимъ роковымъ ударомъ. Между тѣмъ, эта отсрочка женитьбы Люсьена поддерживала въ бѣдной женщинѣ слабый лучъ надежды. Пока онъ былъ еще свободенъ, г-жа Рокруа не считала его навсегда потеряннымъ для себя.

Шамарета легко поняла причину неутѣшнаго горя своей госпожи, но всѣ ея старанія заставить Регину ободриться оставались безуспѣшными. Г-жа Рокруа какъ будто упивалась своей печалью и находила отраду въ слезахъ.

— Вамъ не слѣдуетъ такъ убиваться, твердила ей каждый день Шамарета.—Стоитъ только стряхнуть съ себя тоску и все какъ рукой сниметъ. Въ ваши годы и болѣзнь, и горе проходятъ скоро. Когда вы станете выѣзжать, то сами удивитесь, какъ скоро выздоровѣете. Между тѣмъ больной никогда не поправится, если не захочетъ самъ.

Однако совѣты благоразумной дѣвушки долго не дѣйствовали на Регину. Молодая женщина оставалась безучастной ко всему; она не интересовалась ни Телэнжемъ, ни Баре, о которыхъ Шамарета напоминала ей каждое утро, передавая письма и цвѣты отъ одного вмѣстѣ съ визитной карточкой отъ другаго. Прогулки въ Булонскомъ лѣсу, балы и театры потеряли для г-жи Рокруа всякую прелесть. Она, повидимому, утратила даже свое кокетство, и ни разсказы о блестящихъ празднествахъ, ни чтеніе модныхъ журналовъ не могли возбудить въ ней прежней ненасытной страсти къ нарядамъ.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день все перемѣнилось. Супруги Вердье вздумали праздновать пятилѣтіе своей свадьбы и послали Рокруа приглашеніе на балъ съ письмомъ къ Регинѣ отъ г-жи Вердье. Жена адвоката умоляла свою бывшую пансіонскую подругу украсить ея праздникъ своимъ присутствіемъ, дружески упрекая г-жу Рокруа въ томъ, что она не хотѣла принять ее во время своей болѣзни. Задушевный тонъ письма подѣйствовалъ на Регину, однако она все таки колебалась принять приглашеніе. Тогда Андрэ, по совѣту горничной, принялся уговаривать жену. Хотя мнимая болѣзнь г-жи Рокруа освобождала его отъ докучливой обязанности сопровождать ее въ свѣтъ, но ему надоѣло уныніе, царствовавшее въ домѣ. Онъ любилъ видѣть вокругъ себя веселыя лица, и потому желалъ извлечь Регину изъ ея апатіи. *Просьбы* мужа сначала встрѣтили отпоръ, и тогда онъ принялся *настаивать*. Вердье былъ повѣреннымъ по дѣламъ Большаго Кре-

дита и другихъ акціонерныхъ обществъ, основанныхъ Телэнжемъ, такъ что зналъ многія тайны администраціи. Такимъ человѣкомъ не слѣдовало пренебрегать ужь изъ одной осторожности. Этотъ доводъ убѣдилъ наконецъ Регину, и она рѣшилась принять приглашеніе. Отправившись заказывать бальное платье къ знаменитой портнихѣ въ улицѣ Мира, молодая женщина совершенно преобразилась. Въ тотъ же вечеръ Андрэ, стараясь угодить женѣ, передъ которой онъ былъ такъ сильно виноватъ, принесъ ей дорогой брилліантовый уборъ. Подарокъ понравился Регинѣ. Шамарета уговаривала свою госпожу немедленно причесаться по модѣ и примѣрить брилліанты, что̀ и было исполнено къ удовольствію Андрэ.

На другой день Регина согласилась поѣхать въ театръ, въ ложу аванъ-сцены, присланную министромъ внутреннихъ дѣлъ. Рокруа пригласилъ съ собою Телэнжа и супруговъ Вердье. Послѣ спектакля, вся компанія отправилась ужинать въ Англійскій кафе по приглашенію банкира, который не помнилъ себя отъ восторга, опьяненный присутствіемъ любимой женщины, хотя ему и не удалось поговорить съ ней съ глазу на глазъ. Ужинъ прошелъ очень весело, и, по возвращеніи домой, Регина не узнавала самой себя. Ей не вѣрилось, чтобы она могла хотя на время забыться отъ своего горя. Веселые сборы на предстоящій балъ еще ускорили ея выздоровленіе.

Вердье занимали хорошенькую квартиру на бульварѣ Маделэнъ. У нихъ было много знакомыхъ въ судебномъ мірѣ. Судьи и адвокаты съѣхались въ большомъ числѣ на ихъ праздникъ. Въ этой новой для нея сферѣ Регина встрѣтила такой же пріемъ, какъ и въ Елисейскомъ дворцѣ. Г-жа Вердье представила ей нѣсколькихъ мужчинъ, которые въ свою очередь познакомили г-жу Рокруа съ другими. Скоро ея записная книжечка изъ слоновой кости покрылась сплошь именами лицъ, желавшихъ съ ней танцовать. У нея не было отбою отъ кавалеровъ, и молодая женщина веселилась до упаду, давъ себѣ слово заглушить свою тоску.

Телэнжъ присутствовалъ на этомъ балу. Онъ не танцовалъ, но, оставивъ жену въ гостинной, перешелъ въ танцовальную залу и все время держался возлѣ Регины. Возвращаясь послѣ каждаго танца на мѣсто, она находила банкира возлѣ своего стула, котораго онъ не уступалъ никому. Телэнжъ услуживалъ молодой женщ нѣ съ кроткой и серьезной миной, очевидно, наслаждаясь ролью ея покровителя. Развеселившаяся Регина была снисходительна *къ своему поклоннику*. Ея не оскорбляли ни это исклю-

чительное вниманіе, ни страстныя рѣчи, которыя онъ нашептывалъ ей въ свободныя минуты. Банкиръ увѣрялъ, что она сводитъ его съ ума своей красотой.—„Неужели вы обрекли меня на вѣчное страданіе? Чего вы хотите отъ меня? Чѣмъ мнѣ доказать вамъ свою любовь?“ говорилъ онъ.

Регина слушала съ улыбкой, разсѣянно посматривая по сторонамъ и останавливая Телэнжа только тогда, когда онъ заходилъ слишкомъ далеко въ своихъ пламенныхъ мольбахъ и увѣреніяхъ. Новый кавалеръ, приглашавшій ее на танцы, нерѣдко выручалъ г-жу Рокруа-въ критическія минуты, когда разговоръ принималъ слишкомъ опасный оборотъ. Молодая женщина вставала съ мѣста и, пускаясь танцовать, бросала Телэнжу неопредѣленный взглядъ, который онъ могъ истолковать, какъ угодно. Но, тѣмъ не менѣе, банкиръ замѣчалъ, что его поклоненіе льстило Регинѣ.

Наконецъ онъ пожаловался на суровость, съ какою она въ продолженіе трехъ недѣль отказывалась принимать его, и заговорилъ о своихъ письмахъ, гдѣ, по его словамъ, было столько искренняго чувства.

— Я ихъ даже не читала! возразила г-жа Рокруа, разсмѣявшись.—Мною было распечатано только первое письмо. Познакомившись съ его содержаніемъ, я поняла, что и остальныя были въ томъ же родѣ. Если вы будете у меня, я покажу вамъ ихъ всѣ; они собраны въ кучу и лежатъ невскрытыми.

— О, это очень нехорошо съ вашей стороны! замѣтилъ со вздохомъ сконфуженный банкиръ.

— Но съ вашей стороны еще хуже обращаться съ порядочной женщиной, какъ съ личностью, способной отдаться безъ любви, отвѣчала Регина тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ.

— Но какъ же мнѣ сказать, не оскорбляя вашего самолюбія, что я васъ обожаю?

— Не нужно совсѣмъ мнѣ этого говорить, потому что я не могу выслушивать подобныхъ вещей.

— Вотъ какъ! Но почему же это? Конечно, не изъ опасенія нарушить супружескую вѣрность, потому что вы еще раньше измѣняли мужу, прибавилъ Телэнжъ жосткимъ и вызывающимъ тономъ.

Легкая краска покрыла лицо Регины. Ударъ былъ направленъ метко и попалъ въ цѣль, но ему не удалось поколебать рѣшимости г-жи Рокруа не ссориться съ банкиромъ и прощать ему многое.

— *Я любила* того, о комъ вы говорите, милостивый государь, *отвѣтила она съ* достоинствомъ:—а къ вамъ я не питаю никакого

чувства. Поэтому не старайтесь отыскать иной причины моей суровости.

— Но что же будетъ со мною, если мнѣ не удастся растрогать васъ своей любовью?

Телэнжъ произнесъ эти слова тономъ горькаго отчаянія.

— Если хотите, оставайтесь моимъ другомъ, какъ обѣщали раньше. Вы должны отдать мнѣ справедливость, что я не подавала вамъ ложныхъ надеждъ и ни однимъ жестомъ не обнаруживала инаго чувства, кромѣ дружескаго расположенія. Примиритесь же съ неизбѣжнымъ, и довольствуйтесь тѣмъ, что я вамъ предлагала. Вспомните, что ваша супруга оказала мнѣ радушный пріемъ, что она подружилась со мною. Я рѣшительно не въ силахъ обманывать такую добрѣйшую женщину.

Съ этими словами Регина встала и сдѣлала шагъ на встрѣчу подходившему къ ней кавалеру. Онъ обхватилъ рукой ея талію, и вскорѣ они закружились въ вихрѣ вальса. Телэнжъ остался на мѣстѣ, притворяясь огорченнымъ, но на самомъ дѣлѣ хладнокровно взвѣшивая всѣ шансы успѣха.

Говоря о своей любви, онъ лгалъ. Г-жа Рокруа нравилась ему не больше другихъ женщинъ, которыми банкиръ увлекался до нея. Здѣсь было затронуто его тщеславіе, а не сердце. Его мнимое отчаяніе скрывало только досаду, потому что явная неудача, которую онъ потерпѣлъ у Регины, оскорбляла лишь гордость избалованнаго человѣка, не привыкшаго къ отказамъ. Поэтому онъ не думалъ отступать, а старался изобрѣсти новый планъ нападенія.

Прежде всего, надо было успокоить молодую женщину, напуганную его настойчивостью, и снова внушить ей утраченное довѣріе къ его честности. Когда она вернулась на свое мѣсто, Телэнжъ прошепталъ ей тономъ кротости:

— Простите мое безуміе! Я оскорбилъ васъ, потому что сердечная мука отуманила мнѣ разсудокъ. Я требую отъ вашей дружбы много доброты и снисхожденія. Я такъ несчастливъ!

Регина повѣрила его искренности; въ ней шевельнулось сожалѣніе; она сама такъ много выстрадала, когда Люсьенъ отвергъ ея любовь! Банкиръ не захотѣлъ остаться до конца бала, и молодая женщина была съ нимъ привѣтлива до его ухода. Когда онъ уѣхалъ, дружески простившись съ нею, г-жа Рокруа подумала, что онъ образумился. Однако она сильно ошибалась, не зная лукавства и безграничнаго высокомѣрія своего поклонника. Если-бы онъ дѣйствительно пересталъ надѣяться, то не простилъ бы ей отказа. Между тѣмъ Телэнжъ только и думалъ о томъ, какъ

бы искуснѣе завлечь Регину въ свои сѣти. Когда онъ уѣхалъ съ бала, г-жа Рокруа вздохнула съ облегченіемъ, какъ будто освободившись отъ кошмара. Она была довольна, что ей удалось откровенно объясниться съ банкиромъ и положить конецъ щекотливому недоразумѣнію. Теперь Регина хотѣла отвести душу, предаваясь беззаботной веселости.

Около двухъ часовъ утра, праздникъ былъ въ самомъ разгарѣ. Паркетъ дрожалъ подъ ногами танцоровъ. Тонкая пыль, поднимаясь къ верху, затемняла блескъ люстръ. Супруги Вердье были крайне любезны и упрашивали всѣхъ гостей остаться ужинать.

Вдругъ среди всеобщаго движенія явилось двое новыхъ лицъ: Делоренъ съ дочерью. Они пріѣхали поздно, потому что ихъ задержали на другомъ балу, а судебный слѣдователь не хотѣлъ нарушить слова, даннаго Вердье, котораго онъ считалъ однимъ изъ наиболѣе способныхъ адвокатовъ парижскаго суда. Г-жа Рокруа замѣтила Ноэми во время тура вальса; мадмуазель Делоренъ была очень мила, не смотря на дѣвическую простоту своего туалета. Регина вздрогнула при видѣ своей счастливой соперницы; кромѣ того, ее пугала мысль, что Люсьенъ Фаргъ пріѣдетъ на балъ за своей невѣстой.

Волненіе г-жи Рокруа было до того сильно, что подъ нею подкашивались ноги и она тяжело оперлась на руку своего кавалера. Однако молодая женщина скоро овладѣла собою и, не желая обнаружить волновавшихъ ее чувствъ, окинула Ноэми надменнымъ взглядомъ. Между тѣмъ мадмуазель Делоренъ не догадывалась ни о чемъ и, узнавъ Регину, привѣтливо улыбнулась ей издали. Тогда г-жѣ Рокруа стало совѣстно за свою непріязнь. Ноэми ни въ какомъ случаѣ не могла знать объ ея отношеніяхъ къ Люсьену и, слѣдовательно, была только невольной причиной ея горя. При этой мысли, Регина смягчилась и въ свою очередь любезно раскланялась съ молодою дѣвушкой.

Въ этотъ вечеръ, имъ не пришлось разговаривать между собою. Г-жа Рокруа танцовала безъ устали; кавалеры приглашали ее наперерывъ. Когда, наконецъ, на разсвѣтѣ танцы были прерваны ужиномъ, мадмуазель Делоренъ уѣхала уже домой. Однако эта мимолетная встрѣча произвела на Регину умиротворяющее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грустное впечатлѣніе. Если она не могла простить Люсьена, то не обвиняла больше Ноэми.

Съ тѣхъ поръ, г-жа Рокруа старалась забыться въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій. Изящество и красота дѣлали ее повсюду *желанной гостьей*. Она появлялась почти на всѣхъ первыхъ *представленіяхъ, на официальныхъ* вечерахъ, на всевозможныхъ празд-

никахъ, число которыхъ еще болѣе увеличилось въ разгарѣ зимняго сезона; на артистическихъ выставкахъ, въ циркѣ, однимъ словомъ—вездѣ, гдѣ составляются репутаціи парижанъ. Газеты повторяли имя Регины, описывали ея туалеты; просили ея содѣйствія на благотворительныхъ празднествахъ, недавно вошедшихъ въ моду. Утромъ молодая женщина каталась верхомъ въ Булонскомъ лѣсу, возвращаясь туда послѣ полудня въ экипажѣ. Остальное время уходило у нея на посѣщеніе портнихъ и модистокъ. Такимъ образомъ, дни пролетали незамѣтно, и Регинѣ даже некогда было опомниться.

Одинъ разъ въ недѣлю она принимала днемъ, другой разъ вечеромъ. Блестящій и шумный кругъ ея знакомыхъ быстро расширялся. То были праздные, равнодушные люди, которые привѣтствовали восходящую звѣзду г-жи Рокруа, ея роскошь, ея веселый образъ жизни. Но между этими поклонниками успѣха не было истинныхъ друзей, кромѣ неизмѣнно преданнаго, неизмѣнно почтительнаго Баре. Телэнжъ, по прежнему, старался опутать Регину своими сѣтями. Ея равнодушіе только еще сильнѣе подстрекало настойчивость банкира.

Тотъ и другой создали для молодой женщины иллюзію страстной привязанности. Но тогда какъ у Телэнжа эти чувства выражались подъ видомъ навязчивой фамильярности и безцеремоннаго ухаживанія, Баре оставался смиреннымъ поклонникомъ, не смѣвшимъ мечтать о взаимности.

Регина постоянно обращалась къ банкиру, пользуясь его неисчерпаемой любезностью. Хотѣлось ли ей устроить обѣдъ въ загородномъ ресторанѣ, отправиться въ театръ, купить бездѣлушку, выставленную въ окнѣ магазина и приглянувшуюся мимоходомъ, молодая женщина тотчасъ высказывала свое желаніе Телэнжу, и тотъ немедленно исполнялъ всѣ ея прихоти. Регина вознаграждала его за это пустыми любезностями; они часто завтракали вдвоемъ или прогуливались въ отдаленной аллеѣ Булонскаго лѣса. Кромѣ того, г-жа Рокруа принимала финансиста въ тѣ часы, когда у нея не было другихъ посѣтителей, и тогда она снисходительно выслушивала его нѣжности, кокетничала съ нимъ, ревновала его шутя къ другимъ женщинамъ. Эти маленькія хитрости достигали цѣли. Онѣ льстили тщеславію Телэнжа, и если онъ не удовлетворялся ролью друга, то, во всякомъ случаѣ, терпѣливо ждалъ осуществленія своихъ надеждъ.

Съ Баре г-жа Рокруа держала себя совершенно иначе, вполнѣ увѣренная въ его непоколебимой преданности. Онъ обѣщалъ сдѣлаться *ея рабомъ* и дѣйствительно безпрекословно исполнялъ волю

Регины, не требуя никакихъ объясненій; когда она оставалась довольна его услугами, журналистъ былъ совершенно счастливъ. Онъ никогда не говорилъ о себѣ. Каждый день, около шести часовъ, по пути изъ банка, Баре заходилъ въ Альмскую аллею. Въ это время г-жа Рокруа почти всегда была дома и принимала его. Даже приготовляясь къ вечернему выѣзду, во время одѣванья, Регина находила возможнымъ удѣлить ему одну минуту, доказывая этой ничтожной любезностью, насколько она цѣнитъ его расположеніе, за которое однако молодая женщина никогда не благодарила своего безкорыстнаго друга. При такихъ короткихъ визитахъ, Баре и г-жа Рокруа обмѣнивались нѣсколькими словами и торопливымъ рукопожатіемъ. Но этого было довольно, чтобы сдѣлать журналиста счастливымъ. Онъ удалялся отъ Регины, упоенный, обновившись духомъ и еще болѣе очарованный ея прелестью. Въ другой разъ, журналистъ находилъ любимую женщину въ толпѣ поклонниковъ. Тогда онъ усаживался въ сторонку и молчалъ, ловя каждое слово Регины, любуясь ея лучезарной красотой, поработившей его сердце. Иногда г-жа Рокруа оставляла Баре обѣдать, въ особенности, когда была одна. Въ эти дни бѣднякъ не помнилъ себя отъ радости и, наслаждаясь бесѣдой съ глазу на глазъ съ предметомъ своего обожанія, старался занимать Регину, разговаривая съ нею объ искусствѣ, исторіи, литературѣ; онъ обладалъ обширными познаніями, благодаря своей уединенной и замкнутой жизни.

Это почтительное вниманіе мало по малу заслужило благодарность Регины; она дорожила имъ больше, чѣмъ ухаживаньемъ влюбленнаго Телэнжа. Присутствіе банкира смущало молодую женщину, такъ какъ ей приходилось быть съ нимъ постоянно настороже, вѣчно уклоняясь отъ его преслѣдованій и по неволѣ играя передъ нимъ безконечную комедію. Между тѣмъ, въ обществѣ журналиста г-жа Рокруа могла оставаться сама собою и говорить отъ души, потому что она была искренна, не смотря на свои недостатки. Регина угадывала въ своемъ скромномъ обожателѣ неизмѣннаго друга, на котораго можно положиться; мало по малу она привыкала къ нему, и онъ сталъ для нея необходимъ, какъ человѣкъ, готовый на всякія жертвы безъ малѣйшаго корыстнаго разсчета.

Такимъ образомъ проходило время. Андрэ, занятый дѣлами и развлеченіями, такъ рѣдко бывалъ дома, что подробности домашней жизни ускользали отъ него. Онъ не догадывался ни о любви *Баре, ни о* цѣляхъ Телэнжа. Но еслибы Рокруа даже замѣтилъ *къ исключительное* вниманіе къ своей женѣ,—вмѣсто того, чтобы

сердиться, онъ поощрялъ бы ухаживанье того и другаго, вполнѣ убѣжденный въ порядочности Регины. Это, по крайней мѣрѣ, давало ему возможность посвящать больше времени Маргаритѣ Шардэнъ. Но онъ не видѣлъ ровно ничего. Его связь съ молодой актрисой оказывалась довольно тяжелымъ бременемъ; между ними часто происходили ссоры и разъигрывались бурныя сцены ревности со стороны Андрэ; кромѣ того, у него явилось много заботъ инаго рода: со времени переѣзда въ Парижъ, расходы Рокруа значительно превышали его доходы.

Жить на два дома было очень трудно. Маргарита отличалась расточительностью, и Андрэ не смѣлъ ей отказывать, опасаясь какой нибудь безумной выходки со стороны своенравной дѣвушки. Регина также тратила много; сознавая свою вину, мужъ безпрекословно исполнялъ и ея прихоти. Такимъ образомъ, крупные куши, получаемые Рокруа отъ „Товарищества золотоносныхъ залежей въ Новой Зеландіи", проматывались обѣими женщинами самымъ непроизводительнымъ образомъ.

Чтобы выпутаться изъ затрудненія, Андрэ принялся играть на биржѣ. Благодаря кредиту предпріятія, которымъ онъ управлялъ, ему удалось найти маклера, тайно производившаго операціи на его счетъ. Къ несчастію, и на биржѣ, какъ въ клубѣ, азартная игра шла не всегда удачно. Нѣкоторыя спекуляціи не удавались, принося съ собою долги. Тогда Рокруа обращался къ Телэнжу, и банкиръ съ большимъ учетомъ выдавалъ ему впередъ будущіе доходы. Онъ никогда не отказывалъ въ деньгахъ, но прибѣгалъ къ обезпеченіямъ, не считая того, что во всѣхъ операціяхъ сомнительнаго свойства Телэнжъ требовалъ подписи Андрэ. Довѣрившись ему, Рокруа подписывалъ, не читая; въ противномъ же случаѣ нѣсколько билетовъ по тысячѣ франковъ разсѣивали колебанія неопытнаго новичка.

Но денегъ все таки оказывалось мало, и Андрэ пустился во всевозможныя недобросовѣстныя предпріятія, окружилъ себя темными личностями, прикрывалъ своимъ именемъ противозаконныя аферы и спускался все ниже и ниже, окончательно ставъ въ ряды финансистовъ, утратившихъ довѣріе порядочныхъ людей, не смотря на случайныя удачи своихъ спекуляцій. Раньше онъ мечталъ сдѣлаться администраторомъ Французскаго банка, Поземельнаго кредита, акціонерныхъ обществъ, основанныхъ на правильныхъ началахъ, и большихъ желѣзнодорожныхъ компаній. Теперь эта мечта разлетѣлась прахомъ, отошла въ область воспоминаній.

Если нужно много времени, добросовѣстности и терпѣнія, чтобы создать *что нибудь* прочное, то довольно одного неосторожнаг

шага, чтобы испортить всякое дѣло или, по крайней мѣрѣ, затормозить его. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, Андрэ погубилъ свою карьеру. Хотя, по внѣшности, его положеніе было по прежнему блестяще, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ человѣкомъ погибшимъ. Когда Рокруа серьезно оглядывался на себя, ему становилось страшно, однако остановиться на полдорогѣ оказывалось немыслимымъ. Кончилось тѣмъ, что онъ, съ отчаянія, бросился въ еще болѣе рискованныя предпріятія, цѣпляясь за непрочную надежду и спѣша забыться.

Около этого времени Баре предостерегъ его противъ продѣлокъ Телэнжа. Большой Кредитъ готовился къ выпуску акцій „Товарищества золотоносныхъ залежей въ Новой Зеландіи". Соблазнивъ публику заманчивой преміей, банкиръ имѣлъ въ виду сбыть эти бумаги, подписанныя при основаніи Общества имъ самимъ и его друзьями, привыкшими потворствовать во всемъ своему вліятельному патрону.

Съ цѣлью удалить всякія подозрѣнія, нужно было доказать, что цѣна акцій равна ихъ дѣйствительной стоимости. Поэтому Баре, въ качествѣ директора конторы финансовыхъ дѣлъ, было поручено составить объявленія.

Онъ получилъ особыя инструкціи отъ Телэнжа и различные документы, между прочимъ, донесенія инженера, посланнаго въ Новую Зеландію для оцѣнки золотоносныхъ залежей; эти донесенія сильно противорѣчили тому, что говорилъ Телэнжъ о богатствѣ рудниковъ. Въ нихъ, напротивъ, подтверждалась скудость пріисковъ и дороговизна разработки. Основываясь на свидѣтельствѣ спеціалиста, Барэ, помимо приказаній банкира, составилъ планъ объявленія. Прочитавъ его, Телэнжъ вскочилъ со стула, какъ ужаленный.

— Да вы съ ума сошли! воскликнулъ онъ:—я требую отъ васъ похвалы моему предпріятію, а вы его критикуете. Вамъ, вѣрно, хочется, чтобы никто не покупалъ нашихъ акцій? Конечно, прочитавъ такое объявленіе, на нихъ не подпишется ни одинъ здравомыслящій человѣкъ.

— Я высказалъ правду, съ гордостью отвѣчалъ Баре.

— А между тѣмъ ее надо было скрыть.

— Моя совѣсть запрещаетъ мнѣ лгать и обманывать публику.

— Ваша совѣсть! При чемъ она здѣсь? Я не спрашивалъ вашего мнѣнія, а просилъ васъ выразить мое; вотъ и все. Подъ *объявленіемъ* подпишетесь не вы, и не на васъ падетъ отвѣтственность *за его содержаніе*.

— Тѣмъ не менѣе, мое перо не будетъ служить безчестнымъ цѣлямъ.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы здѣсь?

— Чтобы отказаться отъ своей должности, милостивый государь; честь имѣю кланяться.

И журналистъ рѣшительно вышелъ изъ комнаты, пока Телэнжъ, въ порывѣ бѣшенства, рвалъ въ клочки представленную имъ черновую бумагу. Въ тотъ же вечеръ, Баре разсказалъ Регинѣ о случившемся. Эта новость поразила ее. Г-жа Рокруа не рѣшалась ни одобрить, ни осудить поведенія своего друга, смутно предчувствуя опасности, грозившія ея мужу.

— Но за что же вы приметесь теперь? спросила она съ участіемъ.

— Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ мнѣ удалось отложить кое-что на черный день. Эта маленькая сумма избавитъ меня отъ нужды, пока....

— Пока вы не пріищете другихъ занятій. Г-нъ Рокруа не откажетъ вамъ въ своемъ содѣйствіи. Вы можете всегда разсчитывать на насъ.

— У меня другіе планы, сударыня, возразилъ Баре.—Я не хочу больше заниматься финансовыми операціями, потому что здѣсь происходитъ масса злоупотребленій. Честнымъ людямъ слѣдуетъ держаться подальше отъ спекуляторовъ. Уговорите г-на Рокруа выйти изъ банка, а въ особенности раздѣлаться съ Телэнжемъ. Тутъ поставлена на карту его честь и ваше спокойствіе.... Что же касается меня, то ваша дружба воскресила мое честолюбіе.... Я хочу подняться выше, стать достойнымъ васъ.

Журналистъ былъ блѣденъ и слегка дрожалъ, произнося эти слова.

— Достойнымъ меня! повторила тронутая Регина.

— Чтобы сдѣлать вамъ честь, сударыня. Меня увѣдомили, что въ Арьежѣ назначены выборы новаго депутата, такъ какъ прежній назначенъ сенаторомъ. Я имѣю возможность попасть въ кандидаты радикальнаго комитета.

— Вы хотите вернуться къ политикѣ?

— Да, чтобы доказать вамъ, чего я могу достигнуть.

Регина передала мужу свой разговоръ съ журналистомъ.

— Баре совершенно напрасно подалъ въ отставку, съ неудовольствіемъ замѣтилъ Андрэ.—Его поведеніе глупо, а совѣты безсмысленны. Вообще эти радикалы народъ неисправимый, настоящіе пуритане..... Между тѣмъ они, въ свою очередь, считаютъ насъ *чуть не мошенниками*, потому что мы не раздѣляемъ ихъ взглядовъ.

Рокруа иронически улыбнулся, стараясь успокоить жену. Однако въ глубинѣ души онъ соглашался съ поступкомъ Баре, сожалѣя, что не могъ послѣдовать его примѣру и былъ принужденъ подписать объявленіе, составленное совершенно въ иномъ смыслѣ. Его озабоченность ускользнула отъ Регины. Она тревожилась цѣлую ночь и слѣдующій день, но потомъ это происшествіе мало по малу изгладилось изъ ея памяти, какъ и многое другое.

XII.

Около пяти часовъ вечера, судебный слѣдователь Делоренъ съ полковникомъ Фремино спускались подъ руку съ лѣстницы парижскаго суда. Потомъ, повернувъ направо, они миновали зданія Консьержери и, перейдя Новый мостъ, направились вдоль набережной къ себѣ домой.

Приближался мартъ мѣсяцъ. Холода значительно уменьшились; солнце сіяло ярче, дни стали длиннѣе; зима подходила къ концу. Старикъ Фремино, не смотря на свои семьдесятъ лѣтъ, былъ отличнымъ ходокомъ; онъ преспокойно пришелъ изъ Пасси пѣшкомъ, какъ молодой человѣкъ, и возвращался обратно такимъ же способомъ, не столько изъ желанія продлить свою прогулку, сколько ради Делорена, которому былъ необходимъ моціонъ. Кабинетныя занятія замѣтно пошатнули здоровье судебнаго слѣдователя за послѣднее время. Оторвавъ его насильно отъ письменнаго стола, Фремино уводилъ своего друга домой съ торжествующимъ видомъ врача, одержавшаго побѣду надъ упрямымъ паціентомъ.

Ясное небо и мягкій воздухъ придавали удивительную прелесть прогулкѣ. Солнце близилось къ закату. Его поблѣднѣвшіе лучи золотили Сену, въ которой замѣчалась прибыль воды послѣ перваго таянья снѣговъ; краски вечера тускнѣли въ поднимавшемся туманѣ. Но небо по прежнему оставалось лучезарнымъ; воздухъ свѣжѣлъ, и легкій вѣтерокъ, шелестя обнаженными вѣтками, заставлялъ трещать ихъ кору съ едва уловимымъ шумомъ, предвѣстникомъ пробужденія жизни въ растительномъ царствѣ.

Друзья шли молча. Делоренъ цѣлый день изучалъ важный уголовный процессъ, причемъ ему пришлось допросить троихъ обвиняемыхъ и болѣе двадцати свидѣтелей. Озабоченность или утомленіе дѣлали его неразговорчивымъ; полковникъ не прерывалъ молчанія слѣдователя. Дружба между развитыми людьми исключаетъ принужденіе. Они могутъ проводить вмѣстѣ цѣлые часы безо всякихъ разговоровъ, и молчаливость одного не оскорбитъ при этомъ дру-

таго. Въ такія минуты друзья какъ будто заодно наслаждаются отдыхомъ, что̀ соединяетъ ихъ еще ближе.

Итакъ, старый полковникъ ничего не говорилъ; погруженный, повидимому, въ насвистыванье солдатской пѣсни, онъ безсознательно приравнивалъ къ ней свои шаги. Но между тѣмъ его глаза не разъ обращались съ участіемъ на Делорена, и постороннему наблюдателю было легко догадаться, что Фремино горитъ нетерпѣніемъ заговорить со своимъ спутникомъ. Наконецъ онъ дѣйствительно не выдержалъ.

— Вы опять измучились сегодня работой, другъ Делоренъ?

Судебный слѣдователь, очевидно, былъ занятъ своими думами:—онъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на полковника, точно не разслышавъ вопроса.

Фремино повторилъ свои слова.

— Сегодня мнѣ пришлось заниматься не больше обыкновеннаго, отвѣтилъ Делоренъ.

— Ну, это, во всякомъ случаѣ, неутѣшительно; не слѣдуетъ до такой степени предаваться службѣ, чтобы вредить своему здоровью.

— Дѣло не въ самой службѣ, а въ лежащей на мнѣ отвѣтственности. По временамъ, она совершенно подавляетъ меня. Я ни разу въ жизни не разбиралъ такого запутаннаго процесса, какъ теперь. Въ немъ трое обвиняемыхъ, и разсудокъ говоритъ мнѣ, что только одинъ изъ нихъ виноватъ, хотя противъ всѣхъ троихъ существуютъ одинаковыя улики. Но какимъ образомъ открыть настоящаго виновника? Долженъ ли я подвести подъ уголовную отвѣтственность двоихъ невиновныхъ, чтобы онъ не избѣгнулъ кары закона? Или, ради ихъ спасенія, лучше оправдать дѣйствительнаго преступника?

— Нужно, прежде всего поберечь ваше здоровье, отвѣчалъ Фремино.—У васъ есть дочь; вы единственный защитникъ молодой дѣвушки и должны позаботиться о ней.

— Неужели вы полагаете, что я не думаю о Ноэми? Ея судьба, напротивъ, сильно тревожитъ меня, и вотъ одна изъ причинъ постоянной озабоченности, которую вы ставите мнѣ въ вину.

— Я не обвиняю васъ рѣшительно ни въ чемъ, а только сожалѣю. Кромѣ того, если вы заняты будущностью вашей дочери, то это дѣлаетъ вамъ честь и нисколько не удивляетъ меня.

— Ну, такъ знайте, что дѣло идетъ о Ноэми.

— Но почему она заставляетъ васъ тревожиться о ней сильнѣе прежняго въ послѣдніе два мѣсяца?

— *Потому что за это время* дѣвочка сильно перемѣнилась.

Она потеряла свою веселость, сдѣлалась апатична, поблѣднѣла. Развѣ вы не замѣтили въ ней ничего?

— Можетъ быть, я мало къ ней присматривался, но, во всякомъ случаѣ, такую перемѣну слѣдуетъ приписать вполнѣ естественнымъ причинамъ.

— Какимъ? съ живостью спросилъ Делоренъ.

— Ей девятнадцать лѣтъ; у нея чуткое сердце и впечатлительное воображеніе, какъ у отца... Юношеская любовь нашла здѣсь благодарную почву и пустила корни.

— Любовь! Что̀ вы такое говорите?

— Истинную правду, господинъ судья, со смѣхомъ отвѣчалъ Фремино:—вы просмотрѣли важное событіе. Но здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго: для васъ гораздо легче доводить до сознанія преступниковъ, чѣмъ открывать тайны дѣвическаго сердца.

Веселость старика сообщилась Делорену.

— А развѣ сами вы знатокъ въ этихъ дѣлахъ? Неужели холостая жизнь и командованіе драгунскимъ полкомъ помогли вамъ пріобрѣсти такую опытность? Какъ странно! Съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя бѣдная жена, я никогда не разставался съ дочерью, слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, окружалъ ее заботливостью, ревниво оберегалъ счастіе Ноэми, и вдругъ не зналъ, что̀ съ нею происходитъ, между тѣмъ какъ вы...

— Я оказался проницательнѣе васъ. Ничего не можетъ быть проще: молодежь находила лишнимъ притворяться въ присутствіи старика, вотъ и все. Итакъ, повторяю: ваша дочь влюблена.

— Влюблена! Но въ кого же?

— Конечно, въ Люсьена Фарга.

— Не можетъ быть!

— Почему? Для Ноэми какъ разъ настала пора любви.

— Но она не говорила мнѣ объ этомъ ни слова!

— Очень понятно. Вѣдь вы и сами не спрашивали ея?

— Люсьенъ Фаргъ! повторялъ озадаченный Делоренъ.

— Вамъ нечего пугаться такого открытія, потому что отношенія молодыхъ людей обѣщаютъ прійти къ самой логической и благополучной развязкѣ.

— Къ какой же это, позвольте узнать?

— Разумѣется, къ свадьбѣ.

— Но вѣдь у Ноэми нѣтъ состоянія, а Люсьенъ Фаргъ богатъ.

— Тѣмъ лучше! по крайней мѣрѣ, вамъ не надо хлопотать *о приданомъ.*

— Однако молодой человѣкъ, пожалуй, вовсе не любитъ моей дочери!

— Дѣйствительно, не любитъ: онъ ее обожаетъ.

— Развѣ Фаргъ признавался вамъ въ этомъ?

— Онъ не говорилъ мнѣ ни слова, я самъ понялъ все.

И Фремино сталъ перечислять всѣ мелкія случайности, на которыхъ основывались его предположенія. Уже давно онъ замѣтилъ особенное вниманіе арьежскаго депутата къ мадмуазель Делоренъ. Оно сдѣлалось особенно замѣтнымъ съ ихъ встрѣчи въ Елисейскомъ дворцѣ. Съ этого дня Люсьенъ Фаргъ часто посѣщалъ Ноэми. Онъ являлся то вечеромъ, то послѣ полудня, и, встрѣчая радушный пріемъ, проводилъ въ домѣ слѣдователя цѣлые часы, очевидно, чувствуя себя здѣсь желаннымъ гостемъ. Ноэми всегда радовалась его приходу. Они подолгу разговаривали между собою и кончили тѣмъ, что ихъ дружеское расположеніе перешло въ любовь.

— И, при всей привязанности къ дочери, я не догадывался ни о чемъ, сказалъ со вздохомъ Делоренъ.

— Вы были такъ далеки отъ истины!

— Но что же дѣлать теперь, Боже мой, что дѣлать?

— Женить ихъ—очень просто!

— Но желаетъ ли этого Фаргъ?

— Желаетъ ли онъ! Но вѣдь я говорилъ, что онъ боготворитъ вашу дочь.

Делоренъ не могъ прійти въ себя; доводы Фремино казались ему недостаточно основательными. Старику понадобилось много времени и настойчивости, чтобы убѣдить отца Ноэми.

— Но будетъ ли она счастлива съ Фаргомъ? спрашивалъ Делоренъ.

— Прежде всего, нужно ихъ поженить. Что касается меня, то я вѣрю въ честность молодаго человѣка. Правда, онъ принадлежитъ къ политической школѣ, которую я недолюбливаю, да и вы тоже, любезный другъ. Кромѣ того, Люсьенъ честолюбивъ и отличается скептическимъ складомъ ума. Государственные принципы, дорогіе намъ, для него совершенно чужды. Но все таки Фаргъ—человѣкъ неподкупный и прямой.

— Самое главное то, что онъ добръ, сказалъ Делоренъ, противъ воли соглашаясь съ полковникомъ и начиная поддакивать.— У меня было много случаевъ убѣдиться въ его добротѣ.

— Слѣдовательно, вамъ нечего раздумывать, если молодой человѣкъ и ваша дочь взаимно любятъ другъ друга.

— Однако Люсьенъ еще не просилъ ея руки!

— Будьте покойны, за этимъ дѣло не станетъ... а тогда, мой милый, вы увидите, какъ преобразится Ноэми. Счастливая любовь обыкновенно очень быстро возвращаетъ утраченную веселость дѣвушкамъ ея лѣтъ.

Разговаривая такимъ образомъ, Делоренъ и Фремино прошли бо̀льшую часть дороги. Теперь они поднимались по отлогимъ скатамъ Пасси между зеленыхъ лужаекъ Трокадеро. Солнце скрылось за горизонтомъ; наступали сумерки.

— Вы отобѣдаете съ нами? спросилъ судебный слѣдователь.

— Очень охотно, отвѣчалъ полковникъ, не заставляя себя просить.

Они повернули на главную улицу. Направо, вдоль высокой стѣны, были наклеены афиши яркихъ цвѣтовъ и всевозможныхъ форматовъ.

Одна изъ нихъ привлекла вниманіе Фремино не только своими гигантскими размѣрами и величиною буквъ на желтомъ фонѣ, но также и надписью во всю ширину бумаги: „подписка принимается въ конторѣ Большаго Кредита“.

— „Большой Кредитъ!“ воскликнулъ старикъ:—что̀ бы это значило?

Полковникъ остановился вмѣстѣ съ Делореномъ, и они въ полусвѣтѣ сумерекъ прочитали, каждый про себя, объявленіе о выпускѣ акцій „Товарищества новозеландскихъ золотыхъ пріисковъ“— пятидесяти тысячъ акцій, обезпеченныхъ основнымъ капиталомъ, по пятисотъ франковъ каждая, съ надбавкой преміи въ сто двадцать пять франковъ, что̀ составитъ по шестисотъ двадцати пяти франковъ на акцію.

— Однако эти мошенники воспользуются громадной преміей, замѣтилъ полковникъ:—явный грабежъ!

Онъ называлъ мошенниками основателей и членовъ правленія новаго банка, имена которыхъ были напечатаны на той же афишѣ, подъ перечнемъ доходовъ съ предпріятія. Эта продѣлка имѣла цѣлью убѣдить публику, что акціи, назначенныя къ выпуску, имѣли дѣйствительную цѣнность, значительно превосходившую ту цифру, за которую онѣ продавались.

Вдругъ Фремино измѣнился въ лицѣ. „Онъ подтвердилъ своей подписью безсовѣстную ложь!“ прошепталъ старикъ негодующимъ тономъ. Въ его словахъ звучало отчаяніе.

Въ спискѣ „мошенниковъ“ онъ увидѣлъ имя Андрэ Рокруа.

— Теперь моему племяннику не миновать исправительной *полиціи.* Несчастный малый! Если когда нибудь онъ попадетъ въ *ваши руки,* будьте снисходительны къ нему, другъ Делоренъ!

— Я долженъ прежде всего быть справедливъ, какъ того требуетъ судейская должность.

Наступило молчаніе. Двое друзей пошли дальше въ грустномъ раздумьѣ, не замѣтивъ подъ большой желтой афишей другую, гораздо меньше. Она была краснаго цвѣта и возвѣщала о публичной сходкѣ, назначенной черезъ день въ залѣ Граффора, гдѣ „гражданинъ Баре будетъ обсуждать вопросъ о налогахъ".

Пріятная прогулка закончилась печально. Тяжелая забота закралась въ душу старика Фремино. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, ему удалось разсѣять мрачныя опасенія Делорена, а теперь онъ самъ нуждался въ нравственной поддержкѣ.

— Полноте, старый пріятель, замѣтилъ отецъ Ноэми:—гоните прочь невеселыя думы. Не надо отчаиваться раньше времени.

— Да, вы правы. Можетъ быть, не все еще потеряно. Кромѣ того, я не хочу смущать вашей радости, потому что откровенное признаніе Ноэми должно сильно обрадовать васъ. Будемъ же думать въ настоящую минуту только о ея счастіи!

Они вмѣстѣ вошли въ ворота, и Фремино, не заходя въ свой навильонъ, прошелъ прямо въ квартиру Делорена во второмъ этажѣ главнаго корпуса. Это былъ хорошенькій уголокъ, гдѣ не было роскоши, но зато во всѣхъ мелочахъ сказывался изящный вкусъ молодой дѣвушки. Каждая вещь смотрѣла здѣсь граціозно и весело. Окна выходили въ садъ старика Фремино. За крышей его домика виднѣлись берега Сены, а дальше, подъ пурпурнымъ небомъ, у подножія холмовъ, исчезавшихъ уже въ ночной тишинѣ, туманный уголокъ Парижа, съ нагроможденными фасадами домовъ, надъ которыми возвышались колокольни и куполы.

— Фремино обѣдаетъ съ нами, сказалъ Делоренъ своей дочери; Ноэми услыхала шаги отца и вышла къ нему на встрѣчу.

— А васъ дожидается г. Фаргъ, милый папа, отвѣчала она.

Слѣдователь нѣжно поцѣловалъ ее два раза въ лобъ. Имя Фарга привело его въ сильное волненіе, но онъ крѣпился.

— Очень радъ видѣть васъ у себя, милѣйшій депутатъ, сказалъ хозяинъ, входя въ гостинную.

Люсьенъ ожидалъ его стоя и сдѣлалъ шагъ къ нему.

— Я позволилъ себѣ остаться здѣсь до вашего прихода, потому что мнѣ нужно съ вами переговорить.

Делоренъ украдкой переглянулся съ Фремино, который шелъ за нимъ слѣдомъ. Этотъ взглядъ какъ будто говорилъ: „Вотъ вамъ и развязка!"

— Можетъ быть, я здѣсь лишній? спросилъ старикъ.

— *О, нѣтъ, полковникъ*, отвѣчалъ Фаргъ. Я всегда радъ васъ

Регины, не требуя никакихъ объясненій; когда она оставалась довольна его услугами, журналистъ былъ совершенно счастливъ. Онъ никогда не говорилъ о себѣ. Каждый день, около шести часовъ, по пути изъ банка, Баре заходилъ въ Альмскую аллею. Въ это время г-жа Рокруа почти всегда была дома и принимала его. Даже приготовляясь къ вечернему выѣзду, во время одѣванья, Регина находила возможнымъ удѣлить ему одну минуту, доказывая этой ничтожной любезностью, насколько она цѣнитъ его расположеніе, за которое однако молодая женщина никогда не благодарила своего безкорыстнаго друга. При такихъ короткихъ визитахъ, Баре и г-жа Рокруа обмѣнивались нѣсколькими словами и торопливымъ рукопожатіемъ. Но этого было довольно, чтобы сдѣлать журналиста счастливымъ. Онъ удалялся отъ Регины, упоенный, обновившись духомъ и еще болѣе очарованный ея прелестью. Въ другой разъ, журналистъ находилъ любимую женщину въ толпѣ поклонниковъ. Тогда онъ усаживался въ сторонку и молчалъ, ловя каждое слово Регины, любуясь ея лучезарной красотой, поработившей его сердце. Иногда г-жа Рокруа оставляла Баре обѣдать, въ особенности, когда была одна. Въ эти дни бѣднякъ не помнилъ себя отъ радости и, наслаждаясь бесѣдой съ глазу на глазъ съ предметомъ своего обожанія, старался занимать Регину, разговаривая съ нею объ искусствѣ, исторіи, литературѣ; онъ обладалъ обширными познаніями, благодаря своей уединенной и замкнутой жизни.

Это почтительное вниманіе мало по малу заслужило благодарность Регины; она дорожила имъ больше, чѣмъ ухаживаньемъ влюбленнаго Телэнжа. Присутствіе банкира смущало молодую женщину, такъ какъ ей приходилось быть съ нимъ постоянно насторожѣ, вѣчно уклоняясь отъ его преслѣдованій и по неволѣ играя передъ нимъ безконечную комедію. Между тѣмъ, въ обществѣ журналиста г-жа Рокруа могла оставаться сама собою и говорить отъ души, потому что она была искренна, не смотря на свои недостатки. Регина угадывала въ своемъ скромномъ обожателѣ неизмѣннаго друга, на котораго можно положиться; мало по малу она привыкала къ нему, и онъ сталъ для нея необходимъ, какъ человѣкъ, готовый на всякія жертвы безъ малѣйшаго корыстнаго разсчета.

Такимъ образомъ проходило время. Андрэ, занятый дѣлами и развлеченіями, такъ рѣдко бывалъ дома, что подробности домашней жизни ускользали отъ него. Онъ не догадывался ни о любви Баре, ни о цѣляхъ Телэнжа. Но еслибы Рокруа даже замѣтилъ *ихъ исключительное* вниманіе къ своей женѣ,—вмѣсто того, чтобы

сердиться, онъ поощрялъ бы ухаживанье того и другаго, вполнѣ убѣжденный въ порядочности Регины. Это, по крайней мѣрѣ, давало ему возможность посвящать больше времени Маргаритѣ Шардэнъ. Но онъ не видѣлъ ровно ничего. Его связь съ молодой актрисой оказывалась довольно тяжелымъ бременемъ; между ними часто происходили ссоры и разъигрывались бурныя сцены ревности со стороны Андрэ; кромѣ того, у него явилось много заботъ иного рода: со времени переѣзда въ Парижъ, расходы Рокруа значительно превышали его доходы.

Жить на два дома было очень трудно. Маргарита отличалась расточительностью, и Андрэ не смѣлъ ей отказывать, опасаясь какой нибудь безумной выходки со стороны своенравной дѣвушки. Регина также тратила много; сознавая свою вину, мужъ безпрекословно исполнялъ и ея прихоти. Такимъ образомъ, крупные куши, получаемые Рокруа отъ „Товарищества золотоносныхъ залежей въ Новой Зеландіи", проматывались обѣими женщинами самымъ непроизводительнымъ образомъ.

Чтобы выпутаться изъ затрудненія, Андрэ принялся играть на биржѣ. Благодаря кредиту предпріятія, которымъ онъ управлялъ, ему удалось найти маклера, тайно производившаго операціи на его счетъ. Къ несчастію, и на биржѣ, какъ въ клубѣ, азартная игра шла не всегда удачно. Нѣкоторыя спекуляціи не удавались, принося съ собою долги. Тогда Рокруа обращался къ Телэнжу, и банкиръ съ большимъ учетомъ выдавалъ ему впередъ будущіе доходы. Онъ никогда не отказывалъ въ деньгахъ, но прибѣгалъ къ обезпеченіямъ, не считая того, что во всѣхъ операціяхъ сомнительнаго свойства Телэнжъ требовалъ подписи Андрэ. Довѣрившись ему, Рокруа подписывалъ, не читая; въ противномъ же случаѣ нѣсколько билетовъ по тысячѣ франковъ разсѣивали колебанія неопытнаго новичка.

Но денегъ все таки оказывалось мало, и Андрэ пустился во всевозможныя недобросовѣстныя предпріятія, окружилъ себя темными личностями, прикрывалъ своимъ именемъ противозакопныя аферы и спускался все ниже и ниже, окончательно ставъ въ ряды финансистовъ, утратившихъ довѣріе порядочныхъ людей, не смотря на случайныя удачи своихъ спекуляцій. Раньше онъ мечталъ сдѣлаться администраторомъ Французскаго банка, Поземельнаго кредита, акціонерныхъ обществъ, основанныхъ на правильныхъ началахъ, и большихъ желѣзнодорожныхъ компаній. Теперь эта мечта разлетѣлась прахомъ, отошла въ область воспоминаній.

Если нужно много времени, добросовѣстности и терпѣнія, чтобы создать что *нибудь* прочное, то довольно одного неосторожнаго

шага, чтобы испортить всякое дѣло или, по крайней мѣрѣ, затормозить его. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, Андрэ погубилъ свою карьеру. Хотя, по внѣшности, его положеніе было по прежнему блестяще, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ человѣкомъ погибшимъ. Когда Рокруа серьезно оглядывался на себя, ему становилось страшно, однако остановиться на полдорогѣ оказывалось немыслимымъ. Кончилось тѣмъ, что онъ, съ отчаянія, бросился въ еще болѣе рискованныя предпріятія, цѣпляясь за непрочную надежду и спѣша забыться.

Около этого времени Баре предостерегъ его противъ продѣлокъ Телэнжа. Большой Кредитъ готовился къ выпуску акцій „Товарищества золотоносныхъ залежей въ Новой Зеландіи". Соблазнивъ публику заманчивой преміей, банкиръ имѣлъ въ виду сбыть эти бумаги, подписанныя при основаніи Общества имъ самимъ и его друзьями, привыкшими потворствовать во всемъ своему вліятельному патрону.

Съ цѣлью удалить всякія подозрѣнія, нужно было доказать, что цѣна акцій равна ихъ дѣйствительной стоимости. Поэтому Баре, въ качествѣ директора конторы финансовыхъ дѣлъ, было поручено составить объявленія.

Онъ получилъ особыя инструкціи отъ Телэнжа и различные документы, между прочимъ, донесенія инженера, посланнаго въ Новую Зеландію для оцѣнки золотоносныхъ залежей; эти донесенія сильно противорѣчили тому, что говорилъ Телэнжъ о богатствѣ рудниковъ. Въ нихъ, напротивъ, подтверждалась скудость пріисковъ и дороговизна разработки. Основываясь на свидѣтельствѣ спеціалиста, Барэ, помимо приказаній банкира, составилъ планъ объявленія. Прочитавъ его, Телэнжъ вскочилъ со стула, какъ ужаленный.

— Да вы съ ума сошли! воскликнулъ онъ:—я требую отъ васъ похвалы моему предпріятію, а вы его критикуете. Вамъ, вѣрно, хочется, чтобы никто не покупалъ нашихъ акцій? Конечно, прочитавъ такое объявленіе, на нихъ не подпишется ни одинъ здравомыслящій человѣкъ.

— Я высказалъ правду, съ гордостью отвѣчалъ Баре.

— А между тѣмъ ее надо было скрыть.

— Моя совѣсть запрещаетъ мнѣ лгать и обманывать публику.

— Ваша совѣсть! При чемъ она здѣсь? Я не спрашивалъ вашего мнѣнія, а просилъ васъ выразить мое; вотъ и все. Подъ *объявленіемъ* подпишетесь не вы, и не на васъ падетъ отвѣтственность *за его содержаніе*.

— Тѣмъ не менѣе, мое перо не будетъ служить безчестнымъ цѣлямъ.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы здѣсь?

— Чтобы отказаться отъ своей должности, милостивый государь; честь имѣю кланяться.

И журналистъ рѣшительно вышелъ изъ комнаты, пока Телэнжъ, въ порывѣ бѣшенства, рвалъ въ клочки представленную имъ черновую бумагу. Въ тотъ же вечеръ, Баре разсказалъ Регинѣ о случившемся. Эта новость поразила ее. Г-жа Рокруа не рѣшалась ни одобрить, ни осудить поведенія своего друга, смутно предчувствуя опасности, грозившія ея мужу.

— Но за что же вы приметесь теперь? спросила она съ участіемъ.

— Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ мнѣ удалось отложить кое-что на черный день. Эта маленькая сумма избавитъ меня отъ нужды, пока....

— Пока вы не пріищете другихъ занятій. Г-нъ Рокруа не откажетъ вамъ въ своемъ содѣйствіи. Вы можете всегда разсчитывать на насъ.

— У меня другіе планы, сударыня, возразилъ Баре.—Я не хочу больше заниматься финансовыми операціями, потому что здѣсь происходитъ масса злоупотребленій. Честнымъ людямъ слѣдуетъ держаться подальше отъ спекуляторовъ. Уговорите г-на Рокруа выйти изъ банка, а въ особенности раздѣлаться съ Телэнжемъ. Тутъ поставлена на карту его честь и ваше спокойствіе.... Что же касается меня, то ваша дружба воскресила мое честолюбіе.... Я хочу подняться выше, стать достойнымъ васъ.

Журналистъ былъ блѣденъ и слегка дрожалъ, произнося эти слова.

— Достойнымъ меня! повторила тронутая Регина.

— Чтобы сдѣлать вамъ честь, сударыня. Меня увѣдомили, что въ Арьежѣ назначены выборы новаго депутата, такъ какъ прежній назначенъ сенаторомъ. Я имѣю возможность попасть въ кандидаты радикальнаго комитета.

— Вы хотите вернуться къ политикѣ?

— Да, чтобы доказать вамъ, чего я могу достигнуть.

Регина передала мужу свой разговоръ съ журналистомъ.

— Баре совершенно напрасно подалъ въ отставку, съ неудовольствіемъ замѣтилъ Андрэ.—Его поведеніе глупо, а совѣты безсмысленны. Вообще эти радикалы народъ неисправимый, настоящіе пуритане..... Между тѣмъ они, въ свою очередь, считаютъ насъ *чуть не мошенниками*, потому что мы не раздѣляемъ ихъ взглядовъ.

Рокруа иронически улыбнулся, стараясь успокоить жену. Однако въ глубинѣ души онъ соглашался съ поступкомъ Баре, сожалѣя, что не могъ послѣдовать его примѣру и былъ принужденъ подписать объявленіе, составленное совершенно въ иномъ смыслѣ. Его озабоченность ускользнула отъ Регины. Она тревожилась цѣлую ночь и слѣдующій день, но потомъ это происшествіе мало помалу изгладилось изъ ея памяти, какъ и многое другое.

XII.

Около пяти часовъ вечера, судебный слѣдователь Делоренъ съ полковникомъ Фремино спускались подъ руку съ лѣстницы парижскаго суда. Потомъ, повернувъ направо, они миновали зданія Консьержери и, перейдя Новый мостъ, направились вдоль набережной къ себѣ домой.

Приближался мартъ мѣсяцъ. Холода значительно уменьшились; солнце сіяло ярче, дни стали длиннѣе; зима подходила къ концу. Старикъ Фремино, не смотря на свои семьдесятъ лѣтъ, былъ отличнымъ ходокомъ; онъ преспокойно пришелъ изъ Пасси пѣшкомъ, какъ молодой человѣкъ, и возвращался обратно такимъ же способомъ, не столько изъ желанія продлить свою прогулку, сколько ради Делорена, которому былъ необходимъ моціонъ. Кабинетныя занятія замѣтно пошатнули здоровье судебнаго слѣдователя за послѣднее время. Оторвавъ его насильно отъ письменнаго стола, Фремино уводилъ своего друга домой съ торжествующимъ видомъ врача, одержавшаго побѣду надъ упрямымъ пацiентомъ.

Ясное небо и мягкій воздухъ придавали удивительную прелесть прогулкѣ. Солнце близилось къ закату. Его поблѣднѣвшіе лучи золотили Сену, въ которой замѣчалась прибыль воды послѣ перваго таянья снѣговъ; краски вечера тускнѣли въ поднимавшемся туманѣ. Но небо по прежнему оставалось лучезарнымъ; воздухъ свѣжѣлъ, и легкій вѣтерокъ, шелестя обнаженными вѣтками, заставлялъ трещать ихъ кору съ едва уловимымъ шумомъ, предвѣстникомъ пробужденія жизни въ растительномъ царствѣ.

Друзья шли молча. Делоренъ цѣлый день изучалъ важный уголовный процессъ, причемъ ему пришлось допросить троихъ обвиняемыхъ и болѣе двадцати свидѣтелей. Озабоченность или утомленіе дѣлали его неразговорчивымъ; полковникъ не прерывалъ молчанія слѣдователя. Дружба между развитыми людьми исключаетъ принужденіе. Они могутъ проводить вмѣстѣ цѣлые часы безо всякихъ разговоровъ, и молчаливость одного не оскорбитъ при этомъ дру-

гаго. Въ такія минуты друзья какъ будто заодно наслаждаются отдыхомъ, что̀ соединяетъ ихъ еще ближе.

Итакъ, старый полковникъ ничего не говорилъ; погруженный, повидимому, въ насвистываньe солдатской пѣсни, онъ безсознательно приравнивалъ къ ней свои шаги. Но между тѣмъ его глаза не разъ обращались съ участіемъ на Делорена, и постороннему наблюдателю было легко догадаться, что Фремино горитъ нетерпѣніемъ заговорить со своимъ спутникомъ. Наконецъ онъ дѣйствительно не выдержалъ.

— Вы опять измучились сегодня работой, другъ Делоренъ?

Судебный слѣдователь, очевидно. былъ занятъ своими думами:—онъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на полковника, точно не разслышавъ вопроса.

Фремино повторилъ свои слова.

— Сегодня мнѣ пришлось заниматься не больше обыкновеннаго, отвѣтилъ Делоренъ.

— Ну, это, во всякомъ случаѣ, неутѣшительно; не слѣдуетъ до такой степени предаваться службѣ, чтобы вредить своему здоровью.

— Дѣло не въ самой службѣ, а въ лежащей на мнѣ отвѣтственности. По временамъ, она совершенно подавляетъ меня. Я ни разу въ жизни не разбиралъ такого запутаннаго процесса, какъ теперь. Въ немъ трое обвиняемыхъ, и разсудокъ говоритъ мнѣ, что только одинъ изъ нихъ виноватъ, хотя противъ всѣхъ троихъ существуютъ одинаковыя улики. Но какимъ образомъ открыть настоящаго виновника? Долженъ ли я подвести подъ уголовную отвѣтственность двоихъ невиновныхъ, чтобы онъ не избѣгнулъ кары закона? Или, ради ихъ спасенія, лучше оправдать дѣйствительнаго преступника?

— Нужно, прежде всего поберечь ваше здоровье, отвѣчалъ Фремино.—У васъ есть дочь; вы единственный защитникъ молодой дѣвушки и должны позаботиться о ней.

— Неужели вы полагаете, что я не думаю о Ноэми? Ея судьба, напротивъ, сильно тревожитъ меня, и вотъ одна изъ причинъ постоянной озабоченности, которую вы ставите мнѣ въ вину.

— Я не обвиняю васъ рѣшительно ни въ чемъ, а только сожалѣю. Кромѣ того, если вы заняты будущностью вашей дочери, то это дѣлаетъ вамъ честь и нисколько не удивляетъ меня.

— Ну, такъ знайте, что дѣло идетъ о Ноэми.

— Но почему она заставляетъ васъ тревожиться о ней сильнѣе прежняго въ послѣдніе два мѣсяца?

— Потому что за это время дѣвочка сильно перемѣнилась.

Она потеряла свою веселость, сдѣлалась апатична, поблѣднѣла. Развѣ вы не замѣтили въ ней ничего?

— Можетъ быть, я мало къ ней присматривался, но, во всякомъ случаѣ, такую перемѣну слѣдуетъ приписать вполнѣ естественнымъ причинамъ.

— Какимъ? съ живостью спросилъ Делоренъ.

— Ей девятнадцать лѣтъ; у нея чуткое сердце и впечатлительное воображеніе, какъ у отца... Юношеская любовь нашла здѣсь благодарную почву и пустила корни.

— Любовь! Что̀ вы такое говорите?

— Истинную правду, господинъ судья, со смѣхомъ отвѣчалъ Фремино:—вы просмотрѣли важное событіе. Но здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго: для васъ гораздо легче доводить до сознанія преступниковъ, чѣмъ открывать тайны дѣвическаго сердца.

Веселость старика сообщилась Делорену.

— А развѣ сами вы знатокъ въ этихъ дѣлахъ? Неужели холостая жизнь и командованіе драгунскимъ полкомъ помогли вамъ пріобрѣсти такую опытность? Какъ странно! Съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя бѣдная жена, я никогда не разставался съ дочерью, слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, окружалъ ее заботливостью, ревниво оберегалъ счастіе Ноэми, и вдругъ не зналъ, что̀ съ нею происходитъ, между тѣмъ какъ вы...

— Я оказался проницательнѣе васъ. Ничего не можетъ быть проще: молодежь находила лишнимъ притворяться въ присутствіи старика, вотъ и все. Итакъ, повторяю: ваша дочь влюблена.

— Влюблена! Но въ кого же?

— Конечно, въ Люсьена Фарга.

— Не можетъ быть!

— Почему? Для Ноэми какъ разъ настала пора любви.

— Но она не говорила мнѣ объ этомъ ни слова!

— Очень понятно. Вѣдь вы и сами не спрашивали ея?

— Люсьенъ Фаргъ! повторялъ озадаченный Делоренъ.

— Вамъ нечего пугаться такого открытія, потому что отношенія молодыхъ людей обѣщаютъ прійти къ самой логической и благополучной развязкѣ.

— Къ какой же это, позвольте узнать?

— Разумѣется, къ свадьбѣ.

— Но вѣдь у Ноэми нѣтъ состоянія, а Люсьенъ Фаргъ богатъ.

— Тѣмъ лучше! по крайней мѣрѣ, вамъ не надо хлопотать *о приданомъ.*

— Однако молодой человѣкъ, пожалуй, вовсе не любитъ моей дочери!

— Дѣйствительно, не любитъ: онъ ее обожаетъ.

— Развѣ Фаргъ признавался вамъ въ этомъ?

— Онъ не говорилъ мнѣ ни слова, я самъ понялъ все.

И Фремино сталъ перечислять всѣ мелкія случайности, на которыхъ основывались его предположенія. Уже давно онъ замѣтилъ особенное вниманіе арьежскаго депутата къ мадмуазель Делоренъ. Оно сдѣлалось особенно замѣтнымъ съ ихъ встрѣчи въ Елисейскомъ дворцѣ. Съ этого дня Люсьенъ Фаргъ часто посѣщалъ Ноэми. Онъ являлся то вечеромъ, то послѣ полудня, и, встрѣчая радушный пріемъ, проводилъ въ домѣ слѣдователя цѣлые часы, очевидно, чувствуя себя здѣсь желаннымъ гостемъ. Ноэми всегда радовалась его приходу. Они подолгу разговаривали между собою и кончили тѣмъ, что ихъ дружеское расположеніе перешло въ любовь.

— И, при всей привязанности къ дочери, я не догадывался ни о чемъ, сказалъ со вздохомъ Делоренъ.

— Вы были такъ далеки отъ истины!

— Но что же дѣлать теперь, Боже мой, что дѣлать?

— Женить ихъ—очень просто!

— Но желаетъ ли этого Фаргъ?

— Желаетъ ли онъ! Но вѣдь я говорилъ, что онъ боготворитъ вашу дочь.

Делоренъ не могъ прійти въ себя; доводы Фремино казались ему недостаточно основательными. Старику понадобилось много времени и настойчивости, чтобы убѣдить отца Ноэми.

— Но будетъ ли она счастлива съ Фаргомъ? спрашивалъ Делоренъ.

— Прежде всего, нужно ихъ поженить. Что касается меня, то я вѣрю въ честность молодаго человѣка. Правда, онъ принадлежитъ къ политической школѣ, которую я недолюбливаю, да и вы тоже, любезный другъ. Кромѣ того, Люсьенъ честолюбивъ и отличается скептическимъ складомъ ума. Государственные принципы, дорогіе намъ, для него совершенно чужды. Но все таки Фаргъ—человѣкъ неподкупный и прямой.

— Самое главное то, что онъ добръ, сказалъ Делоренъ, противъ воли соглашаясь съ полковникомъ и начиная поддакивать.— У меня было много случаевъ убѣдиться въ его добротѣ.

— Слѣдовательно, вамъ нечего раздумывать, если молодой человѣкъ и ваша дочь взаимно любятъ другъ друга.

— Однако Люсьенъ еще не просилъ ея руки!

— Будьте покойны, за этимъ дѣло не станетъ... а тогда, мой милый, вы увидите, какъ преобразится Ноэми. Счастливая любовь обыкновенно очень быстро возвращаетъ утраченную веселость дѣвушкамъ ея лѣтъ.

Разговаривая такимъ образомъ, Делоренъ и Фремино прошли бо̀льшую часть дороги. Теперь они поднимались по отлогимъ скатамъ Пасси между зеленыхъ лужаекъ Трокадеро. Солнце скрылось за горизонтомъ; наступали сумерки.

— Вы отобѣдаете съ нами? спросилъ судебный слѣдователь.

— Очень охотно, отвѣчалъ полковникъ, не заставляя себя просить.

Они повернули на главную улицу. Направо, вдоль высокой стѣны, были наклеены афиши яркихъ цвѣтовъ и всевозможныхъ форматовъ.

Одна изъ нихъ привлекла вниманіе Фремино не только своими гигантскими размѣрами и величиною буквъ на желтомъ фонѣ, но также и надписью во всю ширину бумаги: „подписка принимается въ конторѣ Большаго Кредита“.

— „Большой Кредитъ!“ воскликнулъ старикъ:—что̀ бы это значило?

Полковникъ остановился вмѣстѣ съ Делореномъ, и они въ полусвѣтѣ сумерекъ прочитали, каждый про себя, объявленіе о выпускѣ акцій „Товарищества новозеландскихъ золотыхъ пріисковъ“— пятидесяти тысячъ акцій, обезпеченныхъ основнымъ капиталомъ, по пятисотъ франковъ каждая, съ надбавкой преміи въ сто двадцать пять франковъ, что̀ составитъ по шестисотъ двадцати пяти франковъ на акцію.

— Однако эти мошенники воспользуются громадной преміей, замѣтилъ полковникъ:—явный грабежъ!

Онъ называлъ мошенниками основателей и членовъ правленія новаго банка, имена которыхъ были напечатаны на той же афишѣ, подъ перечнемъ доходовъ съ предпріятія. Эта продѣлка имѣла цѣлью убѣдить публику, что акціи, назначенныя къ выпуску, имѣли дѣйствительную цѣнность, значительно превосходившую ту цифру, за которую онѣ продавались.

Вдругъ Фремино измѣнился въ лицѣ. „Онъ подтвердилъ своей подписью безсовѣстную ложь!“ прошепталъ старикъ негодующимъ тономъ. Въ его словахъ звучало отчаяніе.

Въ спискѣ „мошенниковъ“ онъ увидѣлъ имя Андрэ Рокруа.

— Теперь моему племяннику не миновать исправительной полиціи. Несчастный малый! Если когда нибудь онъ попадетъ въ *ваши руки, будьте* снисходительны къ нему, другъ Делоренъ!

— Я долженъ прежде всего быть справедливъ, какъ того требуетъ судейская должность.

Наступило молчаніе. Двое друзей пошли дальше въ грустномъ раздумьѣ, не замѣтивъ подъ большой желтой афишей другую, гораздо меньше. Она была краснаго цвѣта и возвѣщала о публичной сходкѣ, назначенной черезъ день въ залѣ Граффора, гдѣ „гражданинъ Баре будетъ обсуждать вопросъ о налогахъ".

Пріятная прогулка закончилась печально. Тяжелая забота закралась въ душу старика Фремино. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, ему удалось разсѣять мрачныя опасенія Делорена, а теперь онъ самъ нуждался въ нравственной поддержкѣ.

— Полноте, старый пріятель, замѣтилъ отецъ Ноэми:—гоните прочь невеселыя думы. Не надо отчаиваться раньше времени.

— Да, вы правы. Можетъ быть, не все еще потеряно. Кромѣ того, я не хочу смущать вашей радости, потому что откровенное признаніе Ноэми должно сильно обрадовать васъ. Будемъ же думать въ настоящую минуту только о ея счастіи!

Они вмѣстѣ вошли въ ворота, и Фремино, не заходя въ свой навильонъ, прошелъ прямо въ квартиру Делорена во второмъ этажѣ главнаго корпуса. Это былъ хорошенькій уголокъ, гдѣ не было роскоши, но зато во всѣхъ мелочахъ сказывался изящный вкусъ молодой дѣвушки. Каждая вещь смотрѣла здѣсь граціозно и весело. Окна выходили въ садъ старика Фремино. За крышей его домика виднѣлись берега Сены, а дальше, подъ пурпурнымъ небомъ, у подножія холмовъ, исчезавшихъ уже въ ночной тишинѣ, туманный уголокъ Парижа, съ нагроможденными фасадами домовъ, надъ которыми возвышались колокольни и куполы.

— Фремино обѣдаетъ съ нами, сказалъ Делоренъ своей дочери; Ноэми услыхала шаги отца и вышла къ нему на встрѣчу.

— А васъ дожидается г. Фаргъ, милый папа, отвѣчала она.

Слѣдователь нѣжно поцѣловалъ ее два раза въ лобъ. Имя Фарга привело его въ сильное волненіе, но онъ крѣпился.

— Очень радъ видѣть васъ у себя, милѣйшій депутатъ, сказалъ хозяинъ, входя въ гостинную.

Люсьенъ ожидалъ его стоя и сдѣлалъ шагъ къ нему.

— Я позволилъ себѣ остаться здѣсь до вашего прихода, потому что мнѣ нужно съ вами переговорить.

Делоренъ украдкой переглянулся съ Фремино, который шелъ за нимъ слѣдомъ. Этотъ взглядъ какъ будто говорилъ: „Вотъ вамъ и развязка!"

— Можетъ быть, я здѣсь лишній? спросилъ старикъ.

— *О, нѣтъ, полковникъ*, отвѣчалъ Фаргъ. Я всегда радъ васъ

видѣть, а сегодня ваше присутствіе мнѣ особенно пріятно.—И, обратясь къ Делорену, онъ прибавилъ:—Милостивый государь, я люблю мадмуазель Ноэми и потому имѣю честь просить у васъ ея руки.

Лицо Фремино просіяло.

— Чортъ возьми, мой юный другъ, сказалъ онъ:—вы какъ разъ подтвердили то, что̀ я сію минуту говорилъ Делорену.

— А что̀ вы ему сказали, полковникъ?

— Что вы въ скоромъ времени попросите руки его дочери.

— Отъ кого вы узнали объ этомъ?...

— Ни отъ кого. Я догадался самъ. Теперь ваша очередь отвѣчать, Делоренъ.

Слѣдователь былъ сильно взволнованъ; его блѣдныя тонкія губы дрожали, глаза наполнились слезами.

— Я очень тронутъ, милѣйшій депутатъ, очень тронутъ; ваше предложеніе дѣлаетъ намъ большую честь. Но прежде, чѣмъ отвѣтить, я, во-первыхъ спрошу, мнѣнія дочери, а во-вторыхъ—потолкую съ вами о нашихъ средствахъ. У меня нѣтъ приданаго для Ноэми; маленькой суммы, оставшейся ей послѣ смерти матери, едва достаточно на ея туалетъ. Я же самъ рѣшительно ничего не имѣю; моя служба оплачивается до того скудно, что я не могъ отложить на черный день ни единаго франка.

— Эти подробности мнѣ давно извѣстны, милостивый государь. Но, къ счастію, я настолько богатъ, что могу обезпечить свою жену.

— Кромѣ того, вы должны знать, что по своему воспитанію, по своему прошлому, по убѣжденіямъ и симпатіямъ, я принадлежу къ побѣжденной партіи. Между побѣдителями у меня много враговъ, которыхъ не могла обезоружить моя терпимость; еслибы я не состоялъ на безсмѣнной должности, то меня давно удалили бы отъ службы; сдѣлавшись мужемъ моей дочери, вы рискуете повредить своей карьерѣ. Совѣтую вамъ серьезно подумать объ этомъ, такъ какъ вы человѣкъ честолюбивый.

— Въ тотъ день, когда мои политическіе друзья осудятъ меня за женитьбу по влеченію сердца, я дезертирую изъ ихъ рядовъ.

Это было сказано съ полной искренностью: Люсьенъ, очевидно, приготовился ко всѣмъ возраженіямъ и заранѣе взвѣсилъ послѣдствія своего рѣшительнаго шага.

— Я вижу: у васъ на все готовъ отвѣтъ. Въ такомъ случаѣ, дорогая Ноэми, что̀ скажешь ты на предложеніе г. Фарга?

Молодая дѣвушка, прятавшаяся до тѣхъ поръ за спиной отца, *выступила впередъ* и, не колеблясь, отвѣчала:

— Передъ твоимъ приходомъ, папа, г. Фаргъ откровенно объяснился со мною. Онъ обѣщалъ посвятить мнѣ всю свою жизнь и быть для меня хорошимъ мужемъ; я обѣщала ему въ свою очередь, если ты будешь согласенъ на это, выйти за него и быть ему преданной женой....

— Вотъ видите, мой другъ, молодые люди безъ нашего вѣдома прекрасно устроили свои дѣлишки! воскликнулъ окончательно повеселѣвшій Фремино.—Ну, что, развѣ я былъ неправъ?

Ноэми бросилась въ объятія Делорена, осыпая его поцѣлуями, какъ будто для того, чтобы отецъ скорѣе далъ свое согласіе.

— Я люблю его, папа, и никогда не выйду замужъ за другаго, шептала дѣвушка.

— Въ такомъ случаѣ, нечего и колебаться, громко отвѣтилъ Делоренъ. Онъ подвелъ дочь къ Люсьену.—Вручаю вамъ счастіе моей Ноэми, дитя мое, сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ.

— Ея счастіе будетъ первой заботой моей жизни, милостивый государь.

— Я воспиталъ мою дочь въ принципахъ, которые теперь не въ модѣ. Надѣюсь, что вы будете уважать ея убѣжденія?

— Само собою разумѣется. Это первое обязательство, принятое мною по отношенію къ мадмуазель Ноэми послѣ клятвы любить ее до гроба. Успокойтесь и вѣрьте моему слову, батюшка.

У Делорена выступили слезы, когда Фаргъ назвалъ его этимъ именемъ. Волненіе отца сообщилось остальнымъ.

— А когда же свадьба? весело спросилъ Фремино.

— Въ концѣ пасхальныхъ каникулъ, когда папа съ Люсьеномъ будутъ свободны. Мы вмѣстѣ отправимся въ Арьежъ, гдѣ насъ обвѣнчаютъ. Поѣдемте съ нами, полковникъ; вы не откажетесь, конечно, быть моимъ шаферомъ?

— У васъ, должно быть, все условлено заранѣе? съ улыбкой замѣтилъ Делоренъ.

— Сначала я хотѣлъ заручиться согласіемъ мадмуазель Ноэми, а потомъ уже переговорить съ вами, оправдывался Фаргъ.

Старикъ Фремино принялся хохотать.

— Э, да у васъ составленъ настоящій заговоръ!

Онъ искренно радовался счастію своихъ друзей и, въ то же время, гордился своей проницательностью.

XIII.

При посредствѣ Большаго Кредита, „Товарищество золотоносныхъ *залежей* въ *Новой* Зеландіи“ распространяло свои акціи.

Номинальная цѣна: шестьсотъ двадцать пять франковъ. Сборъ въ пользу синдиката: по сту франковъ съ акціи, и по двадцати пяти франковъ въ пользу Большаго Кредита; слѣдовательно, акціонерамъ предстояло заплатить по двѣсти пятидесяти франковъ за каждую акцію. Такъ какъ общественный капиталъ состоялъ изъ пятидесяти тысячъ акцій, то синдикатъ съ одной стороны, а Большой Кредитъ—съ другой должны были получить колоссальные барыши изъ кармановъ легкомысленной публики, которой предлагали заплатить очень дорого за листъ бумаги нѣжно-розоваго цвѣта, украшенный хорошенькими гравированными виньетками, заглавными буквами причудливой формы и не менѣе красивымъ мелкимъ штрифтомъ, явно бьющимъ на эффектъ. Въ такомъ положеніи были дѣла новаго предпріятія.

Что же касается вопроса о выгодахъ эксплуатаціи, то почтенный Телэнжъ заботился объ этомъ очень мало. „Я простой торговецъ бумагой“, сказалъ онъ о себѣ Андрэ Рокруа. Тайна его успѣха заключалась въ томъ, что банкиръ отлично зналъ свое время. Ему было хорошо извѣстно, что и сама публика не безпокоится о капитальной сторонѣ дѣла. Внося свои деньги въ контору Большаго Кредита, подписчикъ прежде всего интересовался узнать, обѣщаютъ ли повыситься въ цѣнѣ бумаги, которыя онъ пріобрѣталъ за шестьсотъ двадцать пять франковъ, дѣлая первый взносъ въ размѣрѣ двухсотъ пятидесяти франковъ, включая сюда и премію. Слѣдовательно, Телэнжу съ его сообщниками было выгодно убѣдить простоватыхъ и сговорчивыхъ акціонеровъ въ томъ, что цѣна акцій непремѣнно должна возрасти, и что въ скоромъ времени ихъ можно перепродать, вмѣсто шестисотъ двадцати пяти франковъ, за семьсотъ и даже восемьсотъ.

Съ этою цѣлью, нужно было представить самую соблазнительную картину предпріятія, указать на отдаленные новозеландскіе пріиски, какъ на благодатный источникъ обогащенія счастливыхъ акціонеровъ, проникнуть въ глубину рудниковъ, измѣрить заключавшуюся въ нихъ золотоносную жилу, въ то же время благоразумно умолчавъ о трудности разработки. Кромѣ того, требовалось выставить на видъ высокую честность, способности, бывшія заслуги и положеніе администраторовъ.

Надъ этой задачей, отъ которой отступился добросовѣстный Баре, Телэнжъ работалъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ съ помощью Рокруа. Банкиръ былъ мастеромъ въ искусствѣ надувать публику. Въ настоящемъ случаѣ, онъ принялся за то же, что было имъ *сдѣлано для* „Общества рѣчныхъ страхованій“, для „Мукомольныхъ *мельницъ въ Вандеѣ*“, для „Кассы французскаго судоходства“,

для „Ливанскихъ керосиновыхъ источниковъ“ и для „Мраморныхъ ломокъ въ Каледоніи“. Все это были дѣтища Большаго Кредита, мало по малу поставленныя имъ на ноги.

Сначала въ еженедѣльной газетѣ, органѣ общества, появилась статья о минеральной промышленности вообще, о необходимости извлекать изъ земли скрытыя въ ней богатства и увеличить такимъ образомъ металлическое производство. Это была прекрасная статья, ученая, краснорѣчивая, гдѣ трактовалось о предметѣ съ общей точки зрѣнія, безъ малѣйшаго намека на „Товарищество золотоносныхъ залежей въ Новой Зеландіи“; затѣмъ въ другихъ газетахъ, имѣвшихъ неосторожность стать въ зависимыя отношенія къ Большому-Кредиту, стали изрѣдка печататься скромныя замѣтки; одна изъ нихъ превозносила достоинства Андрэ Рокруа, бывшаго префекта, удостоеннаго ордена почетнаго легіона; въ другой издали заводилась рѣчь о новозеландскихъ золотыхъ пріискахъ, принятыхъ Большимъ Кредитомъ подъ свое могущественное покровительство; въ другихъ статьяхъ дѣлались остроумныя сравненія между тѣмъ, чего можно было ожидать, основываясь на неоспоримыхъ данныхъ, отъ новооткрытыхъ рудниковъ, и тѣмъ, что было уже добыто изъ самыхъ знаменитыхъ золотыхъ пріисковъ.

Даже иллюстрированная пресса служила тѣмъ же цѣлямъ. По рисункамъ, „доставленнымъ правленіемъ товарищества“, она печатала портретъ Рокруа, виды Новой Зеландіи, планы мѣстности, гдѣ добывалось золото; все это было, къ тому же, обставлено заманчивыми легендами.

Такая подготовительная работа, имѣвшая въ виду раззадорить публику, основывалась на донесеніяхъ очевидцевъ; лица, посланныя для изслѣдованія рудниковъ, не скрывали трудностей предпріятія. Однако ихъ рапорты были урѣзаны и искажены до неузнаваемости.

Назначивъ день выпуска акцій, общество разослало цѣлыми тысячами свои объявленія въ Парижѣ, въ провинціи и за границей, по заимствованнымъ изъ справочнаго календаря адресамъ агентовъ страховыхъ обществъ, нотаріусовъ, банкировъ; этимъ лицамъ выплачивался опредѣленный процентъ за распространеніе акцій между ихъ кліентами. Кромѣ того, появились объявленія на четвертой страницѣ всѣхъ газетъ, даже тѣхъ, которыя не желали рекламировать предпріятій Большаго Кредита. Газетныя объявленія сопровождались самыми благопріятными биржевыми бюллетенями или даже спеціальными статьями. Наконецъ, по всей Франціи, не *исключая* самыхъ отдаленныхъ захолустій, были расклее-

ны широковѣщательныя афиши, увѣнчавшія ловкую продѣлку Телэнжа.

Такая широкая огласка привела къ блестящимъ результатамъ. Въ совѣтъ товарищества стали обращаться за справками; потомъ въ бюро посылались чеки, талоны, банковые билеты со стороны лицъ, соблазнившихся заманчивыми обѣщаніями; они подписывались на акціи, даже не заботясь хорошенько разузнать о дѣлѣ. На биржѣ, гдѣ новыя бумаги должны были появиться тотчасъ послѣ выпуска, о нихъ шли громкіе толки. Распространился слухъ, что новымъ акціямъ предстоитъ неслыханное повышеніе, что число подписчиковъ превзойдетъ число бумагъ; прежде чѣмъ Большой Кредитъ открылъ офиціальную продажу, начались сдѣлки и спекуляціи бумагами, которыхъ пока не существовало; жажда наживы заговорила въ спекуляторахъ, и они заочно покупали и перепродавали акціи, не имѣя еще ихъ въ рукахъ.

Если въ этомъ рьяномъ концертѣ, раздававшемся вокругъ Большаго Кредита, слышалась несоотвѣтствующая нота, если какой нибудь независимый голосъ выражалъ сомнѣніе въ выгодахъ предпріятія, если газеты, не сдававшіяся на подкупъ Телэнжа, старались предостеречь публику отъ соблазна,—эти предостереженія заглушались продажными листками, программами и афишами. Когда же какая нибудь газета, привычная къ шантажу, была недовольна щедростью банкира и угрожала перейти на сторону враговъ, ее заставляли пѣть въ унисонъ съ доброжелателями Телэнжа, удовлетворивъ требованія издателя.

Телэнжъ, оставаясь въ тиши своего кабинета, руководилъ кампаніей, какъ искусный полководецъ, но отвѣтственнымъ лицомъ, въ качествѣ уполномоченнаго администратора, являлся одинъ Рокруа. Всякій имѣлъ дѣло съ нимъ и обращался къ нему лично. Онъ составлялъ и отсылалъ сообщенія въ редакціи газетъ, возбуждая къ болѣе дѣятельной пропагандѣ нѣсколько сдержанныхъ сообщниковъ, еще сильнѣе разжигая болѣе рьяныхъ и стараясь устранить всякій неблагопріятный отзывъ въ печати. Андрэ ежедневно принималъ журналистовъ, тѣснившихся у входа въ его контору съ девяти часовъ утра. Все это были очень приличные господа, вступавшіе поочередно въ кабинетъ директора общества и выходившіе оттуда съ важнымъ и таинственнымъ видомъ, улыбаясь про себя и застегивая на ходу сюртукъ, гдѣ хранились только что ввѣренные имъ секретные документы. Лица, дожидавшіяся пока своей очереди, провожали счастливцевъ до дверей *завистливымъ* взглядомъ. Наконецъ Рокруа подписывалъ отвѣты *на просьбы о справкахъ*, письма банкирамъ или директорамъ от-

дѣленій Большаго Кредита, однимъ словомъ, цѣлую массу документовъ, которые Андрэ не успѣвалъ прочитывать, такъ какъ Телэнжъ посылалъ ихъ ему каждый день къ концу занятій въ банкѣ, предварительно просмотрѣвъ эти бумаги и назначивъ ихъ къ подписи уполномоченнаго администратора.

Въ этой опасной формѣ обманъ быстро распространялся во всѣ стороны. Содержаніе программъ дутаго предпріятія, содержаніе объявленій о немъ, афишъ, биржевыхъ бюллетеней и финансоваго обзора,—все это было наглою ложью, какъ и письма, развозившіяся каждый вечеръ экстренными поѣздами на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Вотъ какимъ образомъ Рокруа сталъ безсознательнымъ сообщникомъ Телэнжа, началъ служить его цѣлямъ и способствовать плутовству, съ помощью другихъ, еще болѣе безсознательныхъ сообщниковъ: прессы, желѣзныхъ дорогъ, типографіи, почты и телеграфа. Но послѣдніе, помогая Телэнжу обманывать публику, по крайней мѣрѣ, не подвергались никакой опасности.

Наконецъ знаменательный день насталъ. Это было въ концѣ февраля. Въ то утро Андрэ вышелъ изъ дому въ восемь часовъ, чтобы пораньше поспѣть въ общество Большаго Кредита. Полученная съ почты корреспонденція была принесена къ нему въ кабинетъ. Въ продолженіе двухъ сутокъ уже опредѣлилось, что выпускъ акцій имѣлъ громадный успѣхъ. Рокруа не могъ сомнѣваться въ этомъ при видѣ множества пакетовъ, разложенныхъ передъ нимъ на столѣ рукою конторщика. Провинція осаждала банкъ массою требованій, между тѣмъ какъ на улицѣ, у дверей Большаго Кредита, съ каждой минутой увеличивалась шумная толпа народа. Парижъ, очевидно, спѣшилъ поживиться барышами отъ новозеландскихъ рудниковъ. Въ банкѣ пришлось нанять еще нѣсколько человѣкъ на подмогу постояннымъ служащимъ, которые сбились съ ногъ отъ непосильной работы. Въ ожиданіи выпуска дѣйствительныхъ бумагъ, подписчикамъ выдавали контрмарки, гдѣ было обозначено число покупаемыхъ акцій вмѣстѣ съ суммой внесенныхъ денегъ.

Большинство подписчиковъ принадлежало къ бѣдному люду. Подойдя къ форточкѣ кассы, они робко протягивали свои жалкіе гроши, поглядывая съ умоляющимъ видомъ на кассира, какъ будто боялись встрѣтить отказъ. Но когда ихъ экю, хранившіеся долгое время гдѣ нибудь въ шерстяномъ чулкѣ, высыпались со звономъ на металлическую доску выручки, простоватые бѣдняки блаженно улыбались. Передъ ними носились заманчивыя картины будущаго

довольства, тогда какъ на самомъ дѣлѣ имъ предстояло одно разореніе.

Къ концу дня кассиръ почтительно представилъ президенту списокъ суммъ, полученныхъ отъ публики; директоры семи отдѣленій банка въ Парижѣ объявили, въ свою очередь, итогъ собранныхъ ими денегъ; прибавивъ эти цифры къ тѣмъ, которыя были доставлены провинціальными агентствами и банкирскими конторами, Телэнжъ убѣдился, что подписка не только вполнѣ окупилась, но и принесла значительный доходъ.

Вечеромъ, вернувшись къ себѣ, Андрэ сказалъ Регинѣ:

— Все устроилось прекрасно. Съ этихъ поръ „Товарищество золотоносныхъ залежей“ утвердилось на крѣпкой основѣ. Мы выручили нашъ капиталъ.

Въ другое время такой успѣхъ вскружилъ бы голову г-жѣ Рокруа, но теперь она отнеслась къ нему совершенно равнодушно, такъ какъ денежный вопросъ занималъ ее очень мало. Молодая женщина не испытывала матеріальныхъ недостатковъ. Мужъ давалъ ей денегъ безъ счету, повинуясь ея капризамъ и спѣша исполнить всякую прихоть. Регина не подозрѣвала о денежныхъ затрудненіяхъ Андрэ, не допуская мысли, чтобы ихъ средства могли неожиданно истощиться. Она настойчиво искала забвенія въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, не задумываясь надъ прозаической стороной существованія.

На другой день послѣ выпуска акцій, происходило собраніе совѣта. Торжествующій Телэнжъ сообщилъ результаты удачной операціи членамъ правленія и сказалъ:

— Теперь, милостивые государи, у насъ все въ исправности.

Эти слова ободрили администраторовъ, разсѣявъ ихъ тревожныя опасенія. Затѣмъ послѣдовало собраніе членовъ синдиката, съ помощью котораго основалось общество. Дѣло шло о дѣлежѣ доходовъ. Засѣданіе было самое веселое. Каждый синдикъ получилъ на свою долю по сту франковъ за акцію. Андрэ не могъ удержаться отъ волненія, когда Телэнжъ сказалъ, что ему слѣдуетъ получить пятьдесятъ тысячъ франковъ, и что эта сумма съ настоящей минуты состоитъ въ его распоряженіи. Однако президентъ не нашелъ нужнымъ сообщить, сколько барышей приходится въ его собственную пользу. Никто не посмѣлъ—а, пожалуй, и не догадался предложить ему этотъ щекотливый вопросъ. Всѣ были довольны и не думали заявлять претензій.

Между тѣмъ, даже такой солидный кушъ не могъ значительно *поправить дѣлъ* Андрэ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ онъ забиралъ *деньги впередъ*. Сумма авансовъ, взятыхъ имъ изъ Боль-

шаго Кредита, превышала пятьдесятъ тысячъ франковъ, и Рокруа не получилъ бы ничего изъ дивиденда, еслибы Телэнжъ потребовалъ немедленной уплаты его долговъ. Но банкиръ былъ великодушенъ, какъ прилично человѣку, наживающему по два милліона за разъ. Андрэ было позволено воспользоваться доходомъ съ продажи акцій и разсчитаться съ Большимъ Кредитомъ впослѣдствіи, изъ будущихъ доходовъ.

Эта любезность патрона окончательно губила Рокруа. Во-первыхъ, теперь онъ былъ совершенно во власти Телэнжа, а, во-вторыхъ, такая неожиданная удача поддерживала въ немъ опасныя иллюзіи о баснословномъ богатствѣ въ недалекомъ будущемъ. Дорогой подарокъ Маргаритѣ Шарденъ, другой—Регинѣ, уплата по счетамъ, накопившимся въ огромномъ количествѣ на письменномъ столѣ злополучнаго Андрэ, поглотили бо́льшую часть полученныхъ имъ пятидесяти тысячъ франковъ. Необходимость заплатить биржевые дефициты, чтобы поддержать свой кредитъ у маклера, который велъ операціи Рокруа, поглотила остальныя деньги. Двѣ недѣли спустя, несчастный остался опять безъ наличныхъ средствъ и былъ принужденъ обратиться къ разорительнымъ займамъ.

Между тѣмъ Телэнжъ вынулъ изъ кассъ Большаго-Кредита два милліона франковъ, составлявшіе его долю барышей. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ не оставлялъ больше денегъ въ основанныхъ имъ предпріятіяхъ. Всякій полученный имъ доходъ немедленно вынимался; эти суммы или переводились на заграничные банки, или выдавались по востребованію, обращаясь потомъ въ недвижимую собственность, купленную на имя г-жи Телэнжъ. Осторожность ловкаго дѣльца доходила до того, что, основавъ новое акціонерное общество, онъ удерживалъ у себя только необходимое количество акцій, дававшее ему право состоять членомъ административнаго совѣта. Огласка такихъ операцій неминуемо возбудила бы недовѣріе акціонеровъ, но маневры Телэнжа остались незамѣченными при сложной дѣятельности Большаго Кредита. О продѣлкахъ патрона знали только счетчики, обязанные хранить молчаніе, или администраторы, которымъ было невыгодно выдавать Телэнжа, потому что и сами они поступали точно также.

Мѣсяцъ спустя послѣ выпуска акцій, занятія въ банкѣ вошли въ обычную колею. Президентъ сообщилъ своимъ друзьямъ, что онъ изучаетъ новое дѣло: проэктъ канала черезъ всю Францію отъ Средиземнаго моря до океана. Онъ говорилъ объ этомъ таинственнымъ тономъ, полусловами, какъ о вѣрномъ и выгодномъ предпріятіи, *но которое*, тѣмъ не менѣе, требовало развѣдокъ и

большой осмотрительности, такъ какъ другія акціонерныя общества хотѣли предпринять то же самое. Такимъ образомъ, патронъ искусно поддерживалъ надежды и довѣріе своихъ сотоварищей.

Что касается Рокруа, то, кромѣ заботъ о личныхъ дѣлахъ, онъ былъ поглощенъ интересами товарищества. Періодъ финансовыхъ мѣропріятій окончился, и теперь стояла на очереди подготовка къ эксплуатаціи рудниковъ. Различные агенты готовились къ отплытію въ Новую Зеландію для руководства рудокопными работами. Были заказаны машины для отправки за океанъ. Все это вело за собою массу хлопотъ: приходилось заключать контракты съ фабрикантами, отдавать приказанія, справляться объ одномъ, рѣшать насчетъ другаго, писать письма и подписывать документы.

Рокруа посвящалъ одни утренніе часы этимъ занятіямъ, которыхъ было бы достаточно на цѣлый день, еслибъ онъ относился къ нимъ болѣе добросовѣстно. Къ несчастію, Андрэ создалъ себѣ такое множество потребностей, что его жалованья и другихъ второстепенныхъ доходовъ оказывалось слишкомъ недостаточно для покрытія всѣхъ издержекъ. Поэтому Рокруа пустился въ другія аферы. Онъ состоялъ членомъ четырехъ или пяти административныхъ совѣтовъ, гдѣ ему также приходилось исполнять различныя обязанности и нести извѣстную отвѣтственность, что влекло за собой новыя заботы.

Занимаясь въ то же время биржевыми спекуляціями, Андрэ по неволѣ слѣдилъ за движеніемъ курсовъ, за финансовыми инцидентами и даже политическими событіями по причинѣ ихъ вліянія на цѣнность акцій. Постоянная игра въ клубѣ, продолжавшаяся нерѣдко до поздней ночи, и ухаживаніе за Маргаритой Шардэнъ наполняли его свободное время. Рокруа видѣлся съ женой только за обѣдомъ, когда они были приглашены куда нибудь въ гости, но супруги давно уже не обѣдали дома вдвоемъ.

При такой лихорадочной дѣятельности, дни летѣли незамѣтно, и каждый вечеръ Андрэ сознавался самому себѣ, что ему не удалось исполнить всего задуманнаго поутру. Онъ даже не имѣлъ времени зрѣло обдумать безчисленныя комбинаціи, съ помощью которыхъ старался увеличить свои доходы, вынужденный къ тому крайней необходимостью. Менѣе, чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ, Рокруа дошелъ до того, что каждая предстоящая прибыль истрачивалась имъ раньше получки. Всѣ наличныя деньги немедленно уходили на уплату экстренныхъ долговъ. Теперь онъ могъ разсчитать, что его ежегодный заработокъ будетъ болѣе ста тысячъ франковъ. Но сумма долговъ далеко превосходила эту цифру и

быстро увеличивалась. Расходы Регины, содержаніе требовательной мадмуазель Шардэнъ и расточительность самого Андрэ поглощали массу денегъ.

Къ довершенію всего, Рокруа не смѣлъ никому признаться въ своихъ затрудненіяхъ. Телэнжъ тысячу разъ выручалъ его, но съ нимъ онъ не могъ быть откровеннымъ изъ самолюбія. Банкиръ былъ человѣкъ не изъ сердобольныхъ и скоро отступался отъ тѣхъ, кому не везло. Андрэ боялся сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ или обидныхъ сожалѣній со стороны банкира, боялся поколебать откровеннымъ признаніемъ свой кредитъ и лишиться мѣста. Передъ женою ему также приходилось скрывать свое критическое положеніе. Во-первыхъ, она ничѣмъ не могла отвратить грозившаго несчастія. Довѣріе между ними было давно разрушено; кромѣ того, Регина была такъ жестоко оскорблена своимъ мужемъ, что Андрэ не могъ ожидать отъ нея участія. Оставалась Маргарита Шардэнъ. Но, еслибы онъ имѣлъ неосторожность заикнуться ей о своей несостоятельности, эта бездушная эгоистка тотчасъ выгнала бы отъ себя разорившагося любовника. А между тѣмъ Рокруа чувствовалъ себя не въ силахъ разстаться съ нею, по привязанности или по привычкѣ.

Такимъ образомъ, онъ одиноко боролся съ обстоятельствами, изнемогая подъ бременемъ заботъ, которыя тяготили его ежеминутно, даже въ часы веселья и сна. Андрэ влачилъ ненавистные кандалы, мечтая каждое утро отъ нихъ избавиться; но каждый вечеръ приходилъ къ сознанію, что тяжесть цѣпей только возрастала. Ему захотѣлось насладиться жизнью въ Парижѣ, и эти мечты осуществились, на его погибель. Въ лихорадочной дѣятельности громаднаго города Рокруа нашелъ очень мало радостей. Его положеніе становилось все болѣе критическимъ, угрожая сдѣлаться вполнѣ безвыходнымъ. Къ концу этой бурно проведенной зимы, Андрэ и Регинѣ приходилось особенно плохо: предсказанія дяди Фремино сбывались; неумолимая житейская волна грозила захлеснуть ихъ окончательно, увлекая въ темную пучину, откуда нѣтъ возврата.

Телэнжъ по прежнему не отставалъ отъ г-жи Рокруа съ меланхолическимъ видомъ безнадежно влюбленнаго человѣка. Теперь онъ игралъ въ платоническую любовь, разсчитывая усыпить недовѣріе молодой женщины, чтобы тѣмъ легче овладѣть ею. Онъ видѣлся съ Региной каждый день, окружалъ ее вниманіемъ, постоянно напоминая о своей безкорыстной преданности. Его самоотреченіе доходило до того, что банкиръ ни однимъ словомъ не намекалъ на свои прежнія мечты о близости съ г-жей Рокруа.

Номинальная цѣна: шестьсотъ двадцать пять франковъ. Сборъ въ пользу синдиката: по сту франковъ съ акціи, и по двадцати пяти франковъ въ пользу Большаго Кредита; слѣдовательно, акціонерамъ предстояло заплатить по двѣсти пятидесяти франковъ за каждую акцію. Такъ какъ общественный капиталъ состоялъ изъ пятидесяти тысячъ акцій, то синдикатъ съ одной стороны, а Большой Кредитъ—съ другой должны были получить колоссальные барыши изъ кармановъ легкомысленной публики, которой предлагали заплатить очень дорого за листъ бумаги нѣжно-розоваго цвѣта, украшенный хорошенькими гравированными виньетками, заглавными буквами причудливой формы и не менѣе красивымъ мелкимъ штрифтомъ, явно бьющимъ на эффектъ. Въ такомъ положеніи были дѣла новаго предпріятія.

Что же касается вопроса о выгодахъ эксплуатаціи, то почтенный Телэнжъ заботился объ этомъ очень мало. „Я простой торговецъ бумагой“, сказалъ онъ о себѣ Андрэ Рокруа. Тайна его успѣха заключалась въ томъ, что банкиръ отлично зналъ свое время. Ему было хорошо извѣстно, что и сама публика не безпокоится о капитальной сторонѣ дѣла. Внося свои деньги въ контору Большаго Кредита, подписчикъ прежде всего интересовался узнать, обѣщаютъ ли повыситься въ цѣнѣ бумаги, которыя онъ пріобрѣталъ за шестьсотъ двадцать пять франковъ, дѣлая первый взносъ въ размѣрѣ двухсотъ пятидесяти франковъ, включая сюда и премію. Слѣдовательно, Телэнжу съ его сообщниками было выгодно убѣдить простоватыхъ и сговорчивыхъ акціонеровъ въ томъ, что цѣна акцій непремѣнно должна возрасти, и что въ скоромъ времени ихъ можно перепродать, вмѣсто шестисотъ двадцати пяти франковъ, за семьсотъ и даже восемьсотъ.

Съ этою цѣлью, нужно было представить самую соблазнительную картину предпріятія, указать на отдаленные новозеландскіе пріиски, какъ на благодатный источникъ обогащенія счастливыхъ акціонеровъ, проникнуть въ глубину рудниковъ, измѣрить заключавшуюся въ нихъ золотоносную жилу, въ то же время благоразумно умолчавъ о трудности разработки. Кромѣ того, требовалось выставить на видъ высокую честность, способности, бывшія заслуги и положеніе администраторовъ.

Надъ этой задачей, отъ которой отступился добросовѣстный Баре, Телэнжъ работалъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ съ помощью Рокруа. Банкиръ былъ мастеромъ въ искусствѣ надувать публику. Въ настоящемъ случаѣ, онъ принялся за то же, что было имъ *сдѣлано для* „Общества рѣчныхъ страхованій“, для „Мукомольныхъ *мельницъ въ Вандеѣ*“, для „Кассы французскаго судоходства“,

для „Ливанскихъ керосиновыхъ источниковъ“ и для „Мраморныхъ ломокъ въ Каледоніи“. Все это были дѣтища Большаго Кредита, мало по малу поставленныя имъ на ноги.

Сначала въ еженедѣльной газетѣ, органѣ общества, появилась статья о минеральной промышленности вообще, о необходимости извлекать изъ земли скрытыя въ ней богатства и увеличить такимъ образомъ металлическое производство. Это была прекрасная статья, ученая, краснорѣчивая, гдѣ трактовалось о предметѣ съ общей точки зрѣнія, безъ малѣйшаго намека на „Товарищество золотоносныхъ залежей въ Новой Зеландіи“; затѣмъ въ другихъ газетахъ, имѣвшихъ неосторожность стать въ зависимыя отношенія къ Большому-Кредиту, стали изрѣдка печататься скромныя замѣтки; одна изъ нихъ превозносила достоинства Андрэ Рокруа, бывшаго префекта, удостоеннаго ордена почетнаго легіона; въ другой издали заводилась рѣчь о новозеландскихъ золотыхъ пріискахъ, принятыхъ Большимъ Кредитомъ подъ свое могущественное покровительство; въ другихъ статьяхъ дѣлались остроумныя сравненія между тѣмъ, чего можно было ожидать, основываясь на неоспоримыхъ данныхъ, отъ новооткрытыхъ рудниковъ, и тѣмъ, что было уже добыто изъ самыхъ знаменитыхъ золотыхъ пріисковъ.

Даже иллюстрированная пресса служила тѣмъ же цѣлямъ. По рисункамъ, „доставленнымъ правленіемъ товарищества“, она печатала портретъ Рокруа, виды Новой Зеландіи, планы мѣстности, гдѣ добывалось золото; все это было, къ тому же, обставлено заманчивыми легендами.

Такая подготовительная работа, имѣвшая въ виду раззадорить публику, основывалась на донесеніяхъ очевидцевъ; лица, посланныя для изслѣдованія рудниковъ, не скрывали трудностей предпріятія. Однако ихъ рапорты были урѣзаны и искажены до неузнаваемости.

Назначивъ день выпуска акцій, общество разослало цѣлыми тысячами свои объявленія въ Парижѣ, въ провинціи и за границей, по заимствованнымъ изъ справочнаго календаря адресамъ агентовъ страховыхъ обществъ, нотаріусовъ, банкировъ; этимъ лицамъ выплачивался опредѣленный процентъ за распространеніе акцій между ихъ кліентами. Кромѣ того, появились объявленія на четвертой страницѣ всѣхъ газетъ, даже тѣхъ, которыя не желали рекламировать предпріятій Большаго Кредита. Газетныя объявленія сопровождались самыми благопріятными биржевыми бюллетенями или даже спеціальными статьями. Наконецъ, по всей Франціи, не *исключая самыхъ* отдаленныхъ захолустій, были расклее-

ны широковѣщательныя афиши, увѣнчавшія ловкую продѣлку Телэнжа.

Такая широкая огласка привела къ блестящимъ результатамъ. Въ совѣтъ товарищества стали обращаться за справками; потомъ въ бюро посылались чеки, талоны, банковые билеты со стороны лицъ, соблазнившихся заманчивыми обѣщаніями; они подписывались на акціи, даже не заботясь хорошенько разузнать о дѣлѣ. На биржѣ, гдѣ новыя бумаги должны были появиться тотчасъ послѣ выпуска, о нихъ шли громкіе толки. Распространился слухъ, что новымъ акціямъ предстоитъ неслыханное повышеніе, что число подписчиковъ превзойдетъ число бумагъ; прежде чѣмъ Большой Кредитъ открылъ официальную продажу, начались сдѣлки и спекуляціи бумагами, которыхъ пока не существовало; жажда наживы заговорила въ спекуляторахъ, и они заочно покупали и перепродавали акціи, не имѣя еще ихъ въ рукахъ.

Если въ этомъ рьяномъ концертѣ, раздававшемся вокругъ Большаго Кредита, слышалась несоотвѣтствующая нота, если какой нибудь независимый голосъ выражалъ сомнѣніе въ выгодахъ предпріятія, если газеты, не сдававшіяся на подкупъ Телэнжа, старались предостеречь публику отъ соблазна,—эти предостереженія заглушались продажными листками, программами и афишами. Когда же какая нибудь газета, привычная къ шантажу, была недовольна щедростью банкира и угрожала перейти на сторону враговъ, ее заставляли пѣть въ унисонъ съ доброжелателями Телэнжа, удовлетворивъ требованія издателя.

Телэнжъ, оставаясь въ тиши своего кабинета, руководилъ кампаніей, какъ искусный полководецъ, но отвѣтственнымъ лицомъ, въ качествѣ уполномоченнаго администратора, являлся одинъ Рокруа. Всякій имѣлъ дѣло съ нимъ и обращался къ нему лично. Онъ составлялъ и отсылалъ сообщенія въ редакціи газетъ, возбуждая къ болѣе дѣятельной пропагандѣ нѣсколько сдержанныхъ сообщниковъ, еще сильнѣе разжигая болѣе рьяныхъ и стараясь устранить всякій неблагопріятный отзывъ въ печати. Андрэ ежедневно принималъ журналистовъ, тѣснившихся у входа въ его контору съ девяти часовъ утра. Все это были очень приличные господа, вступавшіе поочередно въ кабинетъ директора общества и выходившіе оттуда съ важнымъ и таинственнымъ видомъ, улыбаясь про себя и застегивая на ходу сюртукъ, гдѣ хранились только что ввѣренные имъ секретные документы. Лица, дожидавшіяся пока своей очереди, провожали счастливцевъ до дверей *завистливымъ* взглядомъ. Наконецъ Рокруа подписывалъ отвѣты *на просьбы о справкахъ*, письма банкирамъ или директорамъ от-

дѣленій Большаго Кредита, однимъ словомъ, цѣлую массу документовъ, которые Андрэ не успѣвалъ прочитывать, такъ какъ Телэнжъ посылалъ ихъ ему каждый день къ концу занятій въ банкѣ, предварительно просмотрѣвъ эти бумаги и назначивъ ихъ къ подписи уполномоченнаго администратора.

Въ этой опасной формѣ обманъ быстро распространялся во всѣ стороны. Содержаніе программъ дутаго предпріятія, содержаніе объявленій о немъ, афишъ, биржевыхъ бюллетеней и финансоваго обзора,—все это было наглою ложью, какъ и письма, развозившіяся каждый вечеръ экстренными поѣздами на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Вотъ какимъ образомъ Рокруа сталъ безсознательнымъ сообщникомъ Телэнжа, началъ служить его цѣлямъ и способствовать плутовству, съ помощью другихъ, еще болѣе безсознательныхъ сообщниковъ: прессы, желѣзныхъ дорогъ, типографіи, почты и телеграфа. Но послѣдніе, помогая Телэнжу обманывать публику, по крайней мѣрѣ, не подвергались никакой опасности.

Наконецъ знаменательный день насталъ. Это было въ концѣ февраля. Въ то утро Андрэ вышелъ изъ дому въ восемь часовъ, чтобы пораньше поспѣть въ общество Большаго Кредита. Полученная съ почты корреспонденція была принесена къ нему въ кабинетъ. Въ продолженіе двухъ сутокъ уже опредѣлилось, что выпускъ акцій имѣлъ громадный успѣхъ. Рокруа не могъ сомнѣваться въ этомъ при видѣ множества пакетовъ, разложенныхъ передъ нимъ на столѣ рукою конторщика. Провинція осаждала банкъ массою требованій, между тѣмъ какъ на улицѣ, у дверей Большаго Кредита, съ каждой минутой увеличивалась шумная толпа народа. Парижъ, очевидно, спѣшилъ поживиться барышами отъ новозеландскихъ рудниковъ. Въ банкѣ пришлось нанять еще нѣсколько человѣкъ на подмогу постояннымъ служащимъ, которые сбились съ ногъ отъ непосильной работы. Въ ожиданіи выпуска дѣйствительныхъ бумагъ, подписчикамъ выдавали контрмарки, гдѣ было обозначено число покупаемыхъ акцій вмѣстѣ съ суммой внесенныхъ денегъ.

Большинство подписчиковъ принадлежало къ бѣдному люду. Подойдя къ форточкѣ кассы, они робко протягивали свои жалкіе гроши, поглядывая съ умоляющимъ видомъ на кассира, какъ будто боялись встрѣтить отказъ. Но когда ихъ экю, хранившіеся долгое время гдѣ нибудь въ шерстяномъ чулкѣ, высыпались со звономъ на металлическую доску выручки, простоватые бѣдняки блаженно улыбались. Передъ ними носились заманчивыя картины будущаго

довольства, тогда какъ на самомъ дѣлѣ имъ предстояло одно разореніе.

Къ концу дня кассиръ почтительно представилъ президенту списокъ суммъ, полученныхъ отъ публики; директоры семи отдѣленій банка въ Парижѣ объявили, въ свою очередь, итогъ собранныхъ ими денегъ; прибавивъ эти цифры къ тѣмъ, которыя были доставлены провинціальными агентствами и банкирскими конторами, Телэнжъ убѣдился, что подписка не только вполнѣ окупилась, но и принесла значительный доходъ.

Вечеромъ, вернувшись къ себѣ, Андрэ сказалъ Регинѣ:

— Все устроилось прекрасно. Съ этихъ поръ „Товарищество золотоносныхъ залежей“ утвердилось на крѣпкой основѣ. Мы выручили нашъ капиталъ.

Въ другое время такой успѣхъ вскружилъ бы голову г-жѣ Рокруа, но теперь она отнеслась къ нему совершенно равнодушно, такъ какъ денежный вопросъ занималъ ее очень мало. Молодая женщина не испытывала матеріальныхъ недостатковъ. Мужъ давалъ ей денегъ безъ счету, повинуясь ея капризамъ и спѣша исполнить всякую прихоть. Регина не подозрѣвала о денежныхъ затрудненіяхъ Андрэ, не допуская мысли, чтобы ихъ средства могли неожиданно истощиться. Она настойчиво искала забвенія въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, не задумываясь надъ прозаической стороной существованія.

На другой день послѣ выпуска акцій, происходило собраніе совѣта. Торжествующій Телэнжъ сообщилъ результаты удачной операціи членамъ правленія и сказалъ:

— Теперь, милостивые государи, у насъ все въ исправности.

Эти слова ободрили администраторовъ, разсѣявъ ихъ тревожныя опасенія. Затѣмъ послѣдовало собраніе членовъ синдиката, съ помощью котораго основалось общество. Дѣло шло о дѣлежѣ доходовъ. Засѣданіе было самое веселое. Каждый синдикъ получилъ на свою долю по сту франковъ за акцію. Андрэ не могъ удержаться отъ волненія, когда Телэнжъ сказалъ, что ему слѣдуетъ получить пятьдесятъ тысячъ франковъ, и что эта сумма съ настоящей минуты состоитъ въ его распоряженіи. Однако президентъ не нашелъ нужнымъ сообщить, сколько барышей приходится въ его собственную пользу. Никто не посмѣлъ—а, пожалуй, и не догадался предложить ему этотъ щекотливый вопросъ. Всѣ были довольны и не думали заявлять претензій.

Между тѣмъ, даже такой солидный кушъ не могъ значительно *поправить* дѣлъ Андрэ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ онъ *забиралъ деньги впередъ*. Сумма авансовъ, взятыхъ имъ изъ Боль-

шаго Кредита, превышала пятьдесятъ тысячъ франковъ, и Рокруа не получилъ бы ничего изъ дивиденда, еслибы Телэнжъ потребовалъ немедленной уплаты его долговъ. Но банкиръ былъ великодушенъ, какъ прилично человѣку, наживающему по два милліона за разъ. Андрэ было позволено воспользоваться доходомъ съ продажи акцій и разсчитаться съ Большимъ Кредитомъ впослѣдствіи, изъ будущихъ доходовъ.

Эта любезность патрона окончательно губила Рокруа. Во-первыхъ, теперь онъ былъ совершенно во власти Телэнжа, а, во-вторыхъ, такая неожиданная удача поддерживала въ немъ опасныя иллюзіи о баснословномъ богатствѣ въ недалекомъ будущемъ. Дорогой подарокъ Маргаритѣ Шарденъ, другой—Регинѣ, уплата по счетамъ, накопившимся въ огромномъ количествѣ на письменномъ столѣ злополучнаго Андрэ, поглотили большую часть полученныхъ имъ пятидесяти тысячъ франковъ. Необходимость заплатить биржевые дефициты, чтобы поддержать свой кредитъ у маклера, который велъ операціи Рокруа, поглотила остальныя деньги. Двѣ недѣли спустя, несчастный остался опять безъ наличныхъ средствъ и былъ принужденъ обратиться къ разорительнымъ займамъ.

Между тѣмъ Телэнжъ вынулъ изъ кассъ Большаго-Кредита два милліона франковъ, составлявшіе его долю барышей. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ не оставлялъ больше денегъ въ основанныхъ имъ предпріятіяхъ. Всякій полученный имъ доходъ немедленно вынимался; эти суммы или переводились на заграничные банки, или выдавались по востребованію, обращаясь потомъ въ недвижимую собственность, купленную на имя г-жи Телэнжъ. Осторожность ловкаго дѣльца доходила до того, что, основавъ новое акціонерное общество, онъ удерживалъ у себя только необходимое количество акцій, дававшее ему право состоять членомъ административнаго совѣта. Огласка такихъ операцій неминуемо возбудила бы недовѣріе акціонеровъ, но маневры Телэнжа остались незамѣченными при сложной дѣятельности Большаго Кредита. О продѣлкахъ патрона знали только счетчики, обязанные хранить молчаніе, или администраторы, которымъ было невыгодно выдавать Телэнжа, потому что и сами они поступали точно также.

Мѣсяцъ спустя послѣ выпуска акцій, занятія въ банкѣ вошли въ обычную колею. Президентъ сообщилъ своимъ друзьямъ, что онъ изучаетъ новое дѣло: проэктъ канала черезъ всю Францію отъ Средиземнаго моря до океана. Онъ говорилъ объ этомъ таинственнымъ тономъ, полусловами, какъ о вѣрномъ и выгодномъ предпріятіи, но которое, тѣмъ не менѣе, требовало развѣдокъ и

большой осмотрительности, такъ какъ другія акціонерныя общества хотѣли предпринять то же самое. Такимъ образомъ, патронъ искусно поддерживалъ надежды и довѣріе своихъ сотоварищей.

Что касается Рокруа, то, кромѣ заботъ о личныхъ дѣлахъ, онъ былъ поглощенъ интересами товарищества. Періодъ финансовыхъ мѣропріятій окончился, и теперь стояла на очереди подготовка къ эксплуатаціи рудниковъ. Различные агенты готовились къ отплытію въ Новую Зеландію для руководства рудокопными работами. Были заказаны машины для отправки за океанъ. Все это вело за собою массу хлопотъ: приходилось заключать контракты съ фабрикантами, отдавать приказанія, справляться объ одномъ, рѣшать насчетъ другаго, писать письма и подписывать документы.

Рокруа посвящалъ одни утренніе часы этимъ занятіямъ, которыхъ было бы достаточно на цѣлый день, еслибъ онъ относился къ нимъ болѣе добросовѣстно. Къ несчастію, Андрэ создалъ себѣ такое множество потребностей, что его жалованья и другихъ второстепенныхъ доходовъ оказывалось слишкомъ недостаточно для покрытія всѣхъ издержекъ. Поэтому Рокруа пустился въ другія аферы. Онъ состоялъ членомъ четырехъ или пяти административныхъ совѣтовъ, гдѣ ему также приходилось исполнять различныя обязанности и нести извѣстную отвѣтственность, что влекло за собой новыя заботы.

Занимаясь въ то же время биржевыми спекуляціями, Андрэ по неволѣ слѣдилъ за движеніемъ курсовъ, за финансовыми инцидентами и даже политическими событіями по причинѣ ихъ вліянія на цѣнность акцій. Постоянная игра въ клубѣ, продолжавшаяся нерѣдко до поздней ночи, и ухаживаніе за Маргаритой Шардэнъ наполняли его свободное время. Рокруа видѣлся съ женой только за обѣдомъ, когда они были приглашены куда нибудь въ гости, но супруги давно уже не обѣдали дома вдвоемъ.

При такой лихорадочной дѣятельности, дни летѣли незамѣтно, и каждый вечеръ Андрэ сознавался самому себѣ, что ему не удалось исполнить всего задуманнаго поутру. Онъ даже не имѣлъ времени зрѣло обдумать безчисленныя комбинаціи, съ помощью которыхъ старался увеличить свои доходы, вынужденный къ тому крайней необходимостью. Менѣе, чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ, Рокруа дошелъ до того, что каждая предстоящая прибыль истрачивалась имъ раньше получки. Всѣ наличныя деньги немедленно уходили на уплату экстренныхъ долговъ. Теперь онъ могъ разсчитать, что его ежегодный заработокъ будетъ болѣе ста тысячъ франковъ. Но сумма долговъ далеко превосходила эту цифру и

быстро увеличивалась. Расходы Регины, содержаніе требовательной мадмуазель Шардэнъ и расточительность самого Андрэ поглощали массу денегъ.

Къ довершенію всего, Рокруа не смѣлъ никому признаться въ своихъ затрудненіяхъ. Телэнжъ тысячу разъ выручалъ его, но съ нимъ онъ не могъ быть откровеннымъ изъ самолюбія. Банкиръ былъ человѣкъ не изъ сердобольныхъ и скоро отступался отъ тѣхъ, кому не везло. Андрэ боялся сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ или обидныхъ сожалѣній со стороны банкира, боялся поколебать откровеннымъ признаніемъ свой кредитъ и лишиться мѣста. Передъ женою ему также приходилось скрывать свое критическое положеніе. Во-первыхъ, она ничѣмъ не могла отвратить грозившаго несчастія. Довѣріе между ними было давно разрушено; кромѣ того, Регина была такъ жестоко оскорблена своимъ мужемъ, что Андрэ не могъ ожидать отъ нея участія. Оставалась Маргарита Шардэнъ. Но, еслибы онъ имѣлъ неосторожность заикнуться ей о своей несостоятельности, эта бездушная эгоистка тотчасъ выгнала бы отъ себя разорившагося любовника. А между тѣмъ Рокруа чувствовалъ себя не въ силахъ разстаться съ нею, по привязанности или по привычкѣ.

Такимъ образомъ, онъ одиноко боролся съ обстоятельствами, изнемогая подъ бременемъ заботъ, которыя тяготили его ежеминутно, даже въ часы веселья и сна. Андрэ влачилъ ненавистные кандалы, мечтая каждое утро отъ нихъ избавиться; но каждый вечеръ приходилъ къ сознанію, что тяжесть цѣпей только возрастала. Ему захотѣлось насладиться жизнью въ Парижѣ, и эти мечты осуществились, на его погибель. Въ лихорадочной дѣятельности громаднаго города Рокруа нашелъ очень мало радостей. Его положеніе становилось все болѣе критическимъ, угрожая сдѣлаться вполнѣ безвыходнымъ. Къ концу этой бурно проведенной зимы, Андрэ и Регинѣ приходилось особенно плохо: предсказанія дяди Фремино сбывались; неумолимая житейская волна грозила захлеснуть ихъ окончательно, увлекая въ темную пучину, откуда нѣтъ возврата.

Телэнжъ по прежнему не отставалъ отъ г-жи Рокруа съ меланхолическимъ видомъ безнадежно влюбленнаго человѣка. Теперь онъ игралъ въ платоническую любовь, разсчитывая усыпить недовѣріе молодой женщины, чтобы тѣмъ легче овладѣть ею. Онъ видѣлся съ Региной каждый день, окружалъ ее вниманіемъ, постоянно напоминая о своей безкорыстной преданности. Его самоотреченіе доходило до того, что банкиръ ни однимъ словомъ не намекалъ *на свои прежнія* мечты о близости съ г-жей Рокруа.

Конечно, онъ не думалъ отъ нихъ отказываться. Его лукавая, грубая натура была неспособна къ самопожертвованію, свойственному только истинной любви. Телэнжъ былъ олицетвореніемъ разсудочности и разсчета даже въ порывахъ страсти. Онъ взвѣшивалъ все вполнѣ хладнокровно, и когда Регина очаровала его своею прелестью, когда имъ овладѣло неукротимое желаніе обладать ею, банкиръ безошибочно разсчиталъ всѣ шансы на успѣхъ и сталъ оказывать услуги мужу, чтобы тѣмъ успѣшнѣе опутать жену.

Инстинктъ стараго волокиты, заслужившаго репутацію ловкаго обольстителя, подсказалъ ему, что супруги Рокруа въ скоромъ времени обратятся къ нему за помощью, какъ къ единственному другу, когда ихъ средства будутъ въ конецъ истощены расточительнымъ образомъ жизни. Его щедрость и мнимое участіе къ ихъ положенію достаточно ручались за такой исходъ, который неминуемо долженъ былъ привести Регину въ его объятія.

Хотя Андрэ тщательно скрывалъ свои затрудненія, но Телэнжъ отлично зналъ обо всемъ. Онъ видѣлъ пропасть подъ ногами Рокруа, но вмѣсто того, чтобы предостеречь его, еще болѣе запутывалъ дѣла опрометчиваго товарища, продолжая давать ему взаймы и увѣряя въ своей неизмѣнной готовности выручить изъ бѣды. Андрэ попался на удочку, въ надеждѣ поправить свои дѣла предстоящими барышами. Онъ, конечно, не подозрѣвалъ, какой гнусный разсчетъ скрывался подъ мнимымъ благодушіемъ патрона.

Дружба между Региной и г-жей Телэнжъ способствовала планамъ банкира; она давала ему возможность, не компрометируя г-жи Рокруа, видѣться съ нею ежедневно то у себя, то у нея. Банкиръ ежеминутно повторялъ, что ему пріятно оставаться въ роли друга, и доказывалъ это при малѣйшей возможности постояннымъ вниманіемъ, льстившимъ Регинѣ. Онъ привозилъ ей цвѣты, ложи въ театръ, устраивалъ для нея обѣды и пикники, однимъ словомъ—доставлялъ все, что̀ можно предложить порядочной женщинѣ, не оскорбляя ея. Но болѣе всего Телэнжъ старался угодить г-жѣ Рокруа, доставляя ея мужу случай заработать побольше денегъ.

Мало по малу она повѣрила искусному притворству своего поклонника. Онъ пересталъ говорить о своей любви, но ставилъ себѣ въ заслугу такую сдержанность, указывалъ на нее, какъ на актъ самоотреченія, который давалъ ему особыя права на привязанность Регины и ея исключительное вниманіе. Убѣжденная въ искренности Телэнжа, молодая женщина уступила ему въ этомъ. *Она обращалась* съ нимъ бережно, какъ съ больнымъ другомъ,

требовавшимъ заботливости и ласки. Увлекаясь иногда кокетствомъ, или желая испытать надъ нимъ свою власть, Регина возбуждала ревность влюбленнаго, что̀ однако длилось недолго. Послѣ дружескаго спора они мирились и Телэнжъ успокоивался, дѣлаясь еще послушнѣе.

Г-жа Рокруа говорила правду, что она не можетъ больше никого любить. Ея разочарованіе въ Люсьенѣ было слишкомъ жестоко. Отжившія иллюзіи не воскресаютъ. Кто могъ понравиться ей теперь, возвратить ей прежнюю вѣру въ людей, юность сердца, разбитаго измѣной? Она не хотѣла еще разъ переживать подобныхъ бурь. Регина была теперь неспособна къ пылкому чувству, которое заставляетъ умолкнуть и разсудокъ, и совѣсть, но, къ несчастію, влечетъ за собой слишкомъ горькія сожалѣнія. Его можно испытать только однажды. Хотя г-жа Рокруа не раскаивалась въ своей прошлой пламенной любви, но чувствовала себя не въ силахъ вернуться къ прежнимъ увлеченіямъ.

XIV.

Былъ роскошный лѣтній день.

Межъ полей, залитыхъ солнечнымъ свѣтомъ, мчался на всѣхъ парахъ экстренный поѣздъ Сѣверной желѣзной дороги, унося въ Компьенъ Телэнжа, въ обществѣ Регины Рокруа, ея мужа, супруговъ Вердье, Баре и еще нѣсколькихъ знакомыхъ, приглашенныхъ банкиромъ погостить въ теченіе мѣсяца въ замкѣ Луазельеръ.

Не смотря на то, что въ Арьежѣ рѣшалась судьба его кандидатуры, Баре не поѣхалъ туда, по совѣту радикальнаго комитета департамента, желавшаго заочно предложить бывшаго журналиста его избирателямъ. „Предоставьте намъ дѣйствовать, писали ему:—не пріѣзжайте въ Фуа: съ насъ довольно вашихъ прежнихъ заслугъ“. И Баре остался, вполнѣ полагаясь на своихъ сторонниковъ. Въ ожиданіи результата выборовъ, онъ принялъ настоятельное приглашеніе Телэнжа, который явно заискивалъ теперь въ своемъ бывшемъ подчиненномъ, угадывая въ немъ виднаго политическаго дѣятеля. Журналистъ презиралъ банкира, но перспектива находиться возлѣ Регины соблазнила его, и онъ поѣхалъ въ Компьенъ вмѣстѣ съ другими.

Г-жа Рокруа давно уже обѣщала Телэнжу пріѣхать къ нему въ замокъ; однако передъ отъѣздомъ она попросила хозяина пригласить г-жу Вердье, чтобы не оставаться единственной гостьей въ *Луазельерѣ. Обѣихъ дамъ* сопровождали ихъ мужья. Андра

долженъ былъ вернуться черезъ двое сутокъ въ Парижъ. Было рѣшено, что, во время пребыванія Регины въ замкѣ, Рокруа будетъ пріѣзжать туда только по субботамъ и оставаться до понедѣльника. Необходимость проводить бо́льшую часть времени въ столицѣ радовала его, благопріятствуя веселымъ загороднымъ прогулкамъ въ обществѣ Маргариты Шардэнъ. Такимъ образомъ, приглашеніе Телэнжа приходилось всѣмъ по душѣ.

Въ вагонѣ-гостинной, который былъ взятъ банкиромъ для своихъ приглашенныхъ, раздавался громкій смѣхъ и веселыя шутки; Телэнжъ, по обыкновенію, сильно возвышалъ голосъ. Онъ былъ счастливъ, сіялъ гордостью и самодовольствомъ. Клубы чернаго дыма, вырываясь изъ трубы локомотива, вились надъ поѣздомъ, заслоняя порой ясное небо и окутывая дымкой окрестности. Передъ окнами купэ ежеминутно мелькали то деревья, то синеватая поверхность озера, то кокетливыя дачи, лѣпившіяся по холмамъ. Послѣ глубокаго зимняго сна, всюду пробуждалась жизнь и кипѣло движеніе. Подъ монотонный стукъ колесъ о рельсы пріятно было любоваться живописными видами, которые развертывались передъ глазами путешественниковъ и снова исчезали съ поразительной быстротою. Между тѣмъ гости Телэнжа не замѣчали этихъ красивыхъ картинъ: ихъ вниманіе было поглощено разсказомъ банкира о томъ, какъ, три года назадъ, ему удалось пріобрѣсти за безцѣнокъ имѣніе, куда они ѣхали.

— Это самая великолѣпная изъ моихъ аферъ, съ тѣхъ поръ какъ я занимаюсь финансовыми предпріятіями, замѣтилъ Телэнжъ.

Въ его тонѣ слышалось гордое сознаніе своего превосходства и презрительное сожалѣніе къ тѣмъ, кто игралъ здѣсь страдательную роль.

— Я знаю эту исторію, вмѣшался повѣренный Вердье:—она очень интересна. Разскажите ее дамамъ, милѣйшій Телэнжъ.

Президентъ Большаго-Кредита приступилъ къ разсказу, не спрашивая желанія присутствующихъ.

— Надо вамъ сказать, началъ онъ:—что замокъ Луазельеръ нѣкогда принадлежалъ знатной фамиліи, послѣдній потомокъ которой былъ отправленъ во время террора на эшафотъ. Послѣ того, правительство, конечно, конфисковало помѣстье въ пользу націи. Замокъ, какъ вы увидите, представляетъ великолѣпное зданіе, построенное на возвышенности посреди парка, окруженнаго въ свою очередь лѣсами. При первой имперіи, бывшій поставщикъ *всѣхъ армій* купилъ это роскошное имѣніе за бездѣлицу, такъ *какъ, въ сущности*, оно не принадлежало никому, и всякій могъ

имъ воспользоваться. Новый владѣлецъ съумѣлъ украсить и отстроить зàмокъ. Я пріобрѣлъ Луазельеръ уже отъ его внука.

— Ужасный повѣса—этотъ внукъ, замѣтилъ повѣренный:—я его хорошо зналъ, онъ былъ знаменитъ между веселящейся молодежью Парижа и промотался въ конецъ. хотя вѣчно скучалъ.

— До того промотался, продолжалъ Телэнжъ:—что когда ему окончательно негдѣ было взять денегъ, а долговъ стало больше, чѣмъ волосъ на головѣ, этотъ чудакъ пришелъ ко мнѣ занять двѣсти тысячъ франковъ. Я далъ ему требуемую сумму безо всякой гарантіи, кромѣ его подписи на векселѣ срокомъ на полгода...

— Но онъ, конечно, не заплатилъ? прервалъ Андрэ.

— Разумѣется. Получивъ обратно протестованный векселъ, я сердился и грозилъ преслѣдованіемъ. „Стоитъ ли меня преслѣдовать? написалъ мнѣ въ одно утро молодой помѣщикъ.—Лучше пріѣзжайте завтракать въ Луазельеръ. За десертомъ мы потолкуемъ и навѣрно придемъ къ мирному соглашенію“. Очевидно, я имѣлъ дѣло съ умнымъ человѣкомъ. Его любезное приглашеніе было принято мною. Въ Компьенѣ меня встрѣтили съ распростертыми объятіями и усадили за столъ. Послѣ превосходнаго завтрака, за чашкой кофе, мой должникъ сказалъ безъ всякихъ предисловій:—„чтобы расплатиться съ вами и удовлетворить другихъ кредиторовъ, я долженъ продать свое имѣніе. Вы богаты—купите его у меня. Я уступлю вамъ Луазельеръ за умѣренную цѣну; такимъ образомъ, вмѣстѣ съ выгодной покупкой, вы получите обратно данныя мнѣ двѣсти тысячъ“.—„Прежде чѣмъ дать положительный отвѣтъ. нужно осмотрѣть ваши владѣнія“, замѣтилъ я.—„О. за этимъ дѣло не станетъ! Осмотрите ихъ, когда вамъ будетъ угодно“. — „Идемте сейчасъ.“ —Мы встали изъ-за стола и отправились. Я сдѣлалъ мысленную оцѣнку имѣнія даже послѣ самаго бѣглаго и поверхностнаго осмотра и тутъ же предложилъ за него владѣльцу милліонъ двѣсти тысячъ, но съ условіемъ. что онъ не возьметъ оттуда ничего, кромѣ своихъ пожитковъ, и выѣдетъ изъ замка на другой же день. Помѣщикъ сначала не соглашался. Замокъ дѣйствительно стоилъ несравненно дороже. Кромѣ парка, занимающаго площадь въ восемдесятъ гектаровъ, сюда принадлежитъ семьсотъ гектаровъ земли и лѣса, а также пять фермъ.—„Воля ваша, сказалъ я своему должнику:—хотите, уступайте; хотите—нѣтъ. Если же вы соглашаетесь на мое предложеніе,то мы сейчасъ напишемъ предварительное условіе; вы дадите мнѣ письменное обязательство, а отъ меня получите чекъ въ милліонъ франковъ и завтра же отправитесь отсюда навсегда“.—Какъ видите, я повернулъ довольно круто, продолжалъ *Телэнжъ:—но* замокъ все таки остался за мною: пте-

нецъ принялъ всѣ мои условія. И то сказать: милліонъ франковъ—почтенная цифра.

При этихъ словахъ, банкиръ громко захохоталъ.

— Конецъ исторіи еще забавнѣе, замѣтилъ Вердье.

— Разскажите! разскажите! просилъ Рокруа.

—Слушайте. Послѣ отъѣзда хозяина, я узналъ, что аренда фермъ, возобновленная въ недавнее время, давала шестьдесятъ пять тысячъ ежегоднаго дохода. Шестьдесятъ пять тысячъ!—Понимаете? Слѣдовательно, пріобрѣтя имѣніе, я помѣстилъ свой капиталъ за пять съ половиною процентовъ. Не правда ли, недурно?

— Великолѣпно, прошепталъ Андрэ.

— Это еще не все. Лѣсъ оказался настолько хорошъ, что его можно было немедленно продать на срубъ. Въ конюшняхъ стояло девять лошадей; въ сараяхъ—шесть экипажей; большіе запасы бѣлья и продуктовъ: вина, зерноваго хлѣба, корма для скота; меблировка изумительной роскоши; дорогіе ковры, портьеры; картины лучшихъ мастеровъ; старинныя матеріи, старинное серебро; кружева, золотыя украшенія,—однимъсловомъ, масса рѣдкостей, которыя ничего мнѣ не стоили, потому что были получены въ придачу.—Телэнжъ наклонился къ Регинѣ и прибавилъ шопотомъ:—часть этихъ сокровищъ вы видѣли у г-жи Даверни.

Потомъ, поднявъ голову, онъ обвелъ гостей торжествующимъ взглядомъ.

Среди подобныхъ разговоровъ время летѣло незамѣтно. Когда поѣздъ прибылъ на Компьенскую станцію, спутники Телэнжа не хотѣли вѣрить, что они уже пріѣхали. Большой „брэкъ", запряженный четверкой лошадей, съ почтальономъ на козлахъ, ожидалъ банкира и его друзей; господа сѣли въ экипажъ, предоставивъ прислугѣ, въ числѣ которой была и Шамарета, пріемъ и доставку багажа. Породистые кони быстро помчались по Ньерфондской дорогѣ къ замку, куда все общество прибыло часъ спустя.

Обнесенный высокими стѣнами, повитыми почти на всемъ протяженіи густымъ плющемъ и обросшими желтоватымъ мохомъ съ блѣдными цвѣточками, Луазельерскій паркъ занимаетъ большую площадь въ лѣсахъ, окружающихъ Компьенъ. Со стороны шоссе замокъ прячется за столѣтними деревьями. Только послѣ долгихъ поворотовъ по тѣнистымъ аллеямъ, идущимъ въ гору, на возвышенности надъ долиной, открывается видъ на величественное зданіе съ кирпичными стѣнами, выложенными по краямъ бѣлымъ *камнемъ*, и съ четырьмя угловыми башенками, крытыми шиферной черепицей.

Передъ однимъ изъ фасадовъ разстилается большое озеро, посрединѣ котораго выступаетъ изъ тростника кіоскъ съ соломенной крышей, увитой роскошной растительностью; передъ другимъ фасадомъ развертывается зеленая лужайка, за которою видны службы, позади липовой аллеи. Затѣмъ, со всѣхъ сторонъ, въ океанѣ зелени передъ глазами пестрѣютъ въ живописномъ смѣшеніи цвѣточныя клумбы и цвѣтущіе кустарники, выдѣляясь веселымъ разнообразіемъ красокъ на темной зелени парка.

— Какая прелесть! воскликнула Регина, когда экипажъ изъ полумрака тѣнистыхъ аллей неожиданно выѣхалъ къ озеру.

Поверхность воды, крыши зданія, деревья, оконныя стекла сіяли на солнцѣ, которое отражалось въ нихъ мріадами сверкающихъ блестокъ. Величественные лебеди медленно бороздили озеро, оставляя позади себя дорожку бѣлыхъ перьевъ. На подъѣздѣ красовался неподвижный павлинъ въ ореолѣ своего раскинутаго вѣеромъ хвоста. Окружающая тишина нарушалась только голосами животныхъ, и надъ этой мирной картиной носился, легкой колеблющейся дымкой, золотистый паръ.

— Вотъ мои владѣнія! хвастливо воскликнулъ Телэнжъ.

Ему никто не отвѣчалъ. Гости были очарованы красотой мѣстоположенія, при яркомъ блескѣ лѣтняго дня, и грандіознымъ видомъ замка. Все это дышало довольствомъ и было такъ волшебно-прекрасно, что наводило на многія размышленія.

— Вы молчите, господа? спросилъ банкиръ.

— Какая счастливица г-жа Телэнжъ, что можетъ жить въ такомъ очаровательномъ уголку! произнесла со вздохомъ г-жа Вердье.

— Женщина счастлива вездѣ, если она любима, возразила Регина:—но, дѣйствительно, такая восхитительная обстановка должна прекрасно гармонировать съ любовью.

Это замѣчаніе разсмѣшило Рокруа.

— Моя жена удивительно романична! воскликнулъ онъ.— Обѣщаю вамъ, моя дорогая, поселить васъ въ такомъ же красивомъ замкѣ, когда буду богатъ.

Повѣренный Вердье, постоянно невоздержный на языкъ, выбралъ эту минуту, чтобы вставить словечко.

— А мнѣ хотѣлось бы знать, сказалъ онъ насмѣшливымъ тономъ:—во, что обошлось это помѣстье акціонерамъ Большаго Кредита?

— Замолчите, шутъ вы этакій! возразилъ Телэнжъ, стараясь вывернуться изъ непріятнаго положенія.—Мой замокъ ничего имъ не *стоитъ; я разбогатѣлъ*, это правда, но не на ихъ счетъ.

Наступило молчаніе. Колкость Вердье попала въ цѣль. Всѣ были немного сконфужены, а ироническая улыбка повѣреннаго ясно выражала полное недовѣріе къ словамъ Телэнжа.

— Господинъ Баре безмолвствуетъ, началъ банкиръ, желая разсѣять неблагопріятное настроеніе гостей.

Баре выпрямился и довольно рѣзко отвѣтилъ:

— Я думаю, милостивый государь, о томъ, что не стоило основывать республику, если всѣ усилія демократіи привели только къ тому, что денежная аристократія заняла мѣсто родовой. Прежніе аристократы были все таки лучше.

— Каждый имѣетъ свой взглядъ на вещи, пробормоталъ смущенный Телэнжъ.

Къ счастію, „брэкъ" остановился у подъѣзда какъ разъ въ ту минуту, когда разговоръ могъ принять непріятный оборотъ. Путешественники вышли изъ экипажа и были встрѣчены г-жею Телэнжъ, невозмутимою Толли. Она была прекраснѣе и величественнѣе, чѣмъ когда либо,—настоящая владѣлица замка, съ головы до ногъ; странная женщина не говорила ни слова, привѣтствуя гостей одной безмолвной улыбкой.

Въ ожиданіи прислуги и багажа, общество собралось въ гостинной, куда былъ поданъ чай. Телэнжъ суетился, отдавая приказанія, объясняя пріѣзжимъ расположеніе дома и прохаживаясь съ Андрэ Рокруа и Вердье по комнатамъ нижняго этажа.

Дамы разговаривали въ это время между собою. Регина освѣдомилась о дѣтяхъ Телэнжа и была удивлена, узнавъ отъ ихъ мачихи, что они оба остались въ Парижѣ: мальчикъ—въ лицеѣ Людовика Великаго, дѣвочка—въ монастырѣ, откуда ихъ возьмутъ въ Луазельеръ не раньше каникулъ. Г-жа Вердье завистливо разсматривала обстановку комнатъ, дѣлая мысленную оцѣнку этой роскоши, о которой она не имѣла до сихъ поръ ни малѣйшаго понятія. Толли отвѣчала на вопросы легкимъ наклоненіемъ головы или короткими фразами, отъискивая глазами мужа, встревоженная тѣмъ, что ее принуждали сказать: да или нѣтъ, безъ разрѣшенія Телэнжа.

Наконецъ банкиръ вернулся къ дамамъ.

— Прошу моихъ гостей не стѣсняться у меня въ домѣ, гдѣ имъ предоставлена полная свобода, сказалъ онъ.—Завтракъ подается въ половинѣ двѣнадцатаго, обѣдъ—въ семь. Въ остальное время каждый можетъ дѣлать, что ему угодно: оставаться у себя въ комнатѣ, гулять, читать, заниматься музыкой. На конюшнѣ есть лошади, въ каретникахъ—экипажи и цѣлый штатъ прислуги для

исполненія приказаній. Жизнь вмѣстѣ пріятна только при отсутствіи стѣсненія.

Радушное гостепріимство хозяина не могло идти дальше этого, и гости поспѣшили поблагодарить его за такую любезность. Въ шесть часовъ всѣ стали устраиваться по своимъ комнатамъ. Красавица Толли повела съ собою супруговъ Вердье. Что касается Регины, то банкиръ хотѣлъ имѣть честь проводить ее въ назначенное помѣщеніе въ первомъ этажѣ. То были самыя удобныя и роскошныя комнаты во всемъ зàмкѣ; ихъ было три, съ маленькимъ кабинетомъ для горничной г-жи Рокруа.

— Надѣюсь, что вамъ будетъ здѣсь хорошо, сказалъ Телэнжъ молодой женщинѣ.—Чѣмъ дольше вы у насъ прогостите, тѣмъ будетъ для меня пріятнѣе. Прошу не забывать, что вы здѣсь у себя дома, и что вашъ другъ всегда готовъ безпрекословно исполнять ваши малѣйшія желанія.

Онъ позволялъ себѣ обнаруживать свои чувства въ этой почтительной формѣ, стараясь выставить на показъ мнимую честность своихъ намѣреній, чтобы искуснѣе замаскировать грязныя цѣли. Телэнжъ былъ постоянно на-сторожѣ, опасаясь встревожить Регину слишкомъ бурными проявленіями своей необузданной страсти. Андрэ помѣстили на противоположномъ концѣ зàмка, въ сосѣдствѣ съ Баре. Онъ нисколько не былъ въ претензіи, что его разлучили съ женой.

Регина нашла у себя Шамарету, которая открывала чемоданы, переносила оттуда бѣлье въ комоды, развѣшивала платья въ шкафы и раскладывала на постели вечерній туалетъ своей госпо-
ки. Хозяинъ ушелъ. Г-жа Рокруа стала переодѣваться къ обѣду.
Шамарета суетилась возлѣ нея, вставляя по временамъ свои за-
мѣчанія съ развязностью избалованной горничной.

— Какой громадный здѣсь зàмокъ, тараторила она:—я навѣрно
заблуди... бы въ коридорахъ, еслибы г-нъ Ларригъ не указалъ
мнѣ доро... Онъ такой услужливый!

И дѣву... принялась расхваливать наружность метрдотеля,
его неистощ...
— Мнѣ кà... любезность и умъ.
кой Регина. ..., что вы имъ увлекаетесь, замѣтила съ улыб-
Шамарета пок...
— Увлекаюсь? ...
чувствовать благодар...ѣтъ! отвѣчала она.—Но я не могу не
его вниманіе. ...ъ такому интересному человѣку за
— Однако вамъ не с...
зательства относительно д... ради Ларрига, забывать свои обя-

— Вы намекаете, сударыня, на Жактона? Не безпокойтесь! Жактонъ почти мой мужъ; между мной и имъ все свято и нерушимо, о чемъ я никогда не могу позабыть.

Въ эту минуту зазвонили въ колоколъ. До обѣда оставалось всего четверть часа. Регина окончила одѣванье и вышла изъ комнаты, чтобы спуститься въ гостинную. Хозяева были уже тамъ. Другіе гости явились одинъ за другимъ. Все общество было въ сборѣ, когда раздался второй ударъ колокола. Почти въ ту же минуту Ларригъ, со своей внушительной осанкой, распахнулъ обѣ половинки дверей и громко произнесъ: „кушать подано!“ Разговоры смолкли. Телэнжъ подалъ руку Регинѣ, а на долю Баре выпала честь вести къ столу хозяйку.

Обѣдъ былъ достоинъ роскошной столовой, гдѣ его подавали, и дорогой посуды, разставленной на столѣ; тутъ красовался и китайскій фарфоръ, и богемскій хрусталь, и старинное серебро, цѣлая выставка замѣчательныхъ рѣдкостей. Все шло прекрасно. Телэнжъ овладѣлъ бесѣдой за супомъ и продолжалъ ее до десерта, говоря о себѣ, о своихъ дѣлахъ, о своемъ богатствѣ, о своихъ проэктахъ, какъ будто ему хотѣлось ослѣпить г-жу Рокруа высокими качествами своего ума. Мало по малу банкиръ воодушевился и началъ подробно описывать нѣкоторыя спекуляціи, обогатившія его; онъ дѣлалъ это, забывая всякую осторожность и цинично хвастаясь далеко не благовидными поступками, которые казались ему однако не только извинительными, но даже законными, потому что принесли крупные барыши. Гости слушали, скрывая свою скуку; между тѣмъ Телэнжъ увлекся до того, что не замѣчалъ, какъ онъ имъ надоѣлъ.

Его трескучая рѣчь продолжалась и по окончаніи обѣда, когда общество перешло въ гостинную. Нѣкоторымъ изъ гостей удалось однако незамѣтно уйти. Регина послѣдовала ихъ примѣру. Баре увелъ ее въ большую комнату, выходившую на терраси. Послѣ яснаго заката, на окрестности спускались сумерки, и среди торжественной тишины. Г-жа Рокруа и ея собесѣдникъ наслаждались вечерней прохладой. Козлищами отпущенія явились Андрэ и Вердье. Телэнжъ не отпускалъ ихъ и, говорилъ онъ:—а

— Я всегда поступаю не такъ, какъ Судите сами, я сейвсе оттого, что у меня нѣтъ предразс кругу, и мнѣ можно часъ приведу вамъ примѣръ; мы въ рдотеля, Ларрига? Краговорить откровенно. Вы видѣли держанъ... Но извѣстно ли сивый малый, не такъ ли? и отъ ъ, какъ поступить въ мой вамъ, откуда онъ вышелъ, г о никто не могъ слышать изъ домъ?—И, понизивъ голос

посторонних, банкиръ прибавилъ:—это секретъ, который нельзя разглашать: Ларригъ вышелъ изъ тюрьмы, гдѣ просидѣлъ два года за кражу.

— Отличная рекомендація, иронически замѣтилъ Вердье.

— Именно, задорно подхватилъ Телэнжъ:—отличная рекомендація, и даже лучше того: превосходная гарантія. Послѣ такого тяжелаго испытанія, малый, во-первыхъ, не вздумаетъ больше красть, а, во-вторыхъ, будетъ дорожить мѣстомъ, такъ какъ его не возьмутъ въ другой домъ, узнавъ его темное прошлое. Безъ меня Ларригъ умеръ бы съ голоду или сталъ рецидивистомъ; взявъ его къ себѣ, я спасъ человѣка отъ гибели и пріобрѣлъ право на его признательность. Онъ будетъ служить мнѣ добросовѣстно, ради своей собственной пользы.

— Это очень остроумно, замѣтилъ Андрэ.

— Остроумно и нравственно. Вотъ я каковъ! у меня есть управитель въ Англіи, которому поручены мои тамошнія помѣстья. Я пріобрѣлъ въ немъ преданнаго человѣка почти тѣмъ же способомъ. Онъ мнѣ старый товарищъ, другъ дѣтства. Однажды этотъ несчастный приходитъ ко мнѣ и говоритъ:—„меня объявятъ банкротомъ, если ты не выручишь изъ бѣды. Мнѣ нужно сто тысячъ франковъ“.—„Сто тысячъ франковъ—большія деньги, отвѣчаю я:—это тебя, пожалуй, не спасетъ, да и какая выгода давать наживаться своимъ кредиторамъ? Пускай тебя объявятъ банкротомъ; ты все равно не пойдешь по міру; я дамъ тебѣ пристанище“. Пріятель послушалъ моего совѣта и теперь живетъ у меня, вполнѣ довольный своимъ положеніемъ.

— Выпущеный арестантъ и банкротъ! Нечего сказать, отличный персоналъ служащихъ! со смѣхомъ сказалъ Вердье.

— Смѣйтесь, сколько угодно, возразилъ Телэнжъ:—а все таки оба эти человѣка, я увѣренъ, не измѣнятъ мнѣ до конца жизни, потому что я спасъ ихъ отъ нищеты. Кромѣ того, тюремное заключеніе и банкротство такія случайности, которыя могутъ постигнуть каждаго изъ насъ; какъ видите, отъ нихъ не умираютъ.

Банкиръ беззастѣнчиво щеголялъ своимъ цинизмомъ. Окончивъ интересный разсказъ, онъ быстро всталъ и удалился отъ своихъ собесѣдниковъ. Ему захотѣлось узнать, гдѣ Регина. Увидѣвъ ее на порогѣ террасы рядомъ съ Баре, Телэнжъ поспѣшилъ присоединиться къ нимъ обоимъ.

Наступала ночь, погашая послѣднія краски вечерней зари. Легкія облачка, окаймленныя пурпуромъ, плыли надъ темной массой деревьевъ. На небѣ тамъ и сямъ зажигались звѣзды, отражаясь въ спокойной поверхности озера. Все вокругъ затихало, какъ

будто замирая въ сонной нѣгѣ. Въ этотъ благодатный часъ Регина почувствовала невыразимую отраду. Теперь она могла спокойнѣе оглянуться на прошлое, потому что настоящее было такъ хорошо. Преданный Баре съумѣлъ наконецъ разсѣять ея мрачныя думы, и теперь молодая женщина весело разговаривала съ нимъ о разныхъ предметахъ, стряхнувъ съ себя прежнюю апатію.

XV.

Г-жа Рокруа мало по малу утѣшалась въ потерѣ Люсьена, благодаря развлеченіямъ въ концѣ зимы, а также своей цвѣтущей молодости. Двѣ недѣли, проведенныя въ замкѣ Луазельеръ, въ деревенской тиши, окончательно возстановили ея здоровье. Но больше всего принесла ей пользы дружба такого преданнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, интеллигентнаго человѣка, какъ Баре.

Это былъ не прежній озлобленный Баре, котораго знали жители Фуа, мстившій за свою суровую долю рѣзкими нападками на законы и общество. Вмѣстѣ съ надеждой на болѣе счастливую жизнь, на бо́льшую степень матеріальнаго довольства, а въ особенности—подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ Регины, журналистъ совершенно преобразился. Все, что́ было у него въ сердцѣ дурнаго:—эгоизмъ, зависть, запальчивость,—теперь исчезло. Онъ сталъ инымъ человѣкомъ, нравственно сильнымъ, великодушнымъ и чуткимъ. Забывая мало по малу прежнюю нищету, пользуясь кое-какими благами жизни, которыя прежде оставались для него вполнѣ недоступными, Баре началъ болѣе здраво смотрѣть на вещи. Онъ сдѣлался сниходительнѣе къ людямъ, меньше винилъ ихъ въ неравенствѣ между классами общества, въ своихъ собственныхъ тяжелыхъ испытаніяхъ и, хотя по прежнему имѣлъ въ виду улучшеніе быта пролетаріевъ, но сталъ терпимѣе, сдержаннѣе, сознавая теперь, что всякій прочный и здравый прогрессъ достигается обществомъ постепенно. Еслибы радикальный комитетъ въ Фуа зналъ теперешняго Баре, такъ сильно измѣнившагося въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то онъ, пожалуй, не предложилъ бы его арьежскимъ избирателямъ и не сталъ бы поддерживать его кандидатуры. Но вожаки избирательной борьбы помнили прежняго Баре, которому они поклонялись. Бывшій редакторъ „Фуайскаго Радикала“ прислалъ изъ Парижа пылкія воззванія, гдѣ ярко отразились его принципы, и сторонники журналиста были убѣждены, что онъ по прежнему готовъ потворствовать страстямъ и вожделѣніямъ партіи недовольныхъ. Въ началѣ своего знакомства съ Реги-

ной, Баре встрѣтилъ въ ней поддержку и участіе; теперь ихъ роли перемѣнились, и онъ поддерживалъ ее, въ свою очередь, всей силой нѣжной, безусловно безкорыстной привязанности.

Телэнжъ, подъ видомъ дружбы, преслѣдовалъ только грязныя цѣли, мечтая объ однихъ матеріальныхъ наслажденіяхъ и не заботясь о добромъ имени Регины, между тѣмъ какъ бѣдный журналистъ любилъ молодую женщину идеальной любовью, не пользуясь правами, которыя могло дать ему это чувство, и думая только объ обязанностяхъ, налагаемыхъ искренней дружбой.

Онъ не хотѣлъ вводить г-жу Рокруа ни въ малѣйшее заблужденіе. Каждое слово, каждый поступокъ этого человѣка дышали правдивостью. Если по вечерамъ, простившись съ Региной, Баре украдкой поднималъ съ полу цвѣтокъ, упавшій съ ея корсажа, и берегъ его на груди даже во время сна, то ароматъ цвѣтка и связанныя съ нимъ воспоминанія о любимой женщинѣ только укрѣпляли стараго идеалиста въ намѣреніи пожертвовать собою ради той, которой онъ былъ обязанъ своимъ возрожденіемъ.

Жизнь въ замкѣ Луазельеръ не отличалась особеннымъ разнообразіемъ. Въ ожиданіи начала охоты, привлекавшей сюда болѣе многочисленное общество, Телэнжъ могъ предложить своимъ гостямъ только прогулки въ лѣсъ и экскурсіи въ окрестностяхъ. Остальное время проходило очень тихо, къ удовольствію Регины. Послѣ завтрака, дамы шли въ паркъ посидѣть подъ липами, окаймлявшими лужайку, и занимались вышиваньемъ. Мужчины, если не играли на бильярдѣ или въ карты, присоединялись къ нимъ. Самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ былъ Баре. Онъ обладалъ обширными свѣдѣніями и умѣлъ говорить интересно о всякомъ предметѣ. Можно было подумать, что присутствіе Регины и желаніе ей угодить дѣлали его еще болѣе находчивымъ. Она любила слушать журналиста, что̀ мало по малу сближало ихъ между собою. Вечеромъ общество ѣздило кататься; послѣ обѣда каждый развлекался по своему, до отхода ко сну.

Такая жизнь представляла для Регины безконечную прелесть, такъ что она терпѣливо переносила даже назойливую любезность Телэнжа, которая нерѣдко ставила ее въ неловкое положеніе. Но изъ всѣхъ невинныхъ удовольствій въ Луазельерѣ г-жа Рокруа больше всего любила свои бесѣды съ Баре по утрамъ. Каждый день, около девяти часовъ, они оба спускались въ садъ и медленно прогуливались по берегу озера или вокругъ лужайки, а потомъ поворачивали въ тѣнистыя аллеи парка, увлекаясь задушевнымъ разговоромъ.

Эти прогулки *особенно* сблизили между собою Регину и Баре,

молодая женщина съ благодарностью принимала горячее участіе журналиста. Теперь она откровенно говорила съ нимъ о своемъ прошломъ, о любви къ Фаргу, которая явилась слѣдствіемъ тоски одиночества, когда Андрэ измѣнилъ ей ради Маргариты Шардэнъ. Кромѣ того, г-жа Рокруа нерѣдко высказывала опасенія, что ея пустая свѣтская жизнь, пожалуй, приведетъ къ печальнымъ результатамъ. Мало по малу она призналась Баре въ томъ, какъ ее тревожили преслѣдованія Телэнжа, тѣмъ болѣе, что ей было невозможно оттолкнуть его, не испортивъ карьеры мужа. Баре совѣтовалъ Регинѣ начать новую жизнь.

— Ваше прошлое было печально, говорилъ онъ,—поэтому лучше забыть его и думать только о будущемъ, которое принесетъ вамъ душевный миръ.

— Душевный миръ—можетъ быть, но о личномъ счастьѣ нечего и думать! воскликнула Регина.

— Почему же нѣтъ? Вашъ мужъ со временемъ вернется къ вамъ; если вы не можете по прежнему любить другъ друга, то между вами все таки явится довѣріе. Не отчаивайтесь въ примиреніи съ нимъ: вы оба еще такъ молоды. Но Боже васъ сохрани искать счастья въ новыхъ увлеченіяхъ, въ преступной любви, скрытой отъ людей.

Баре постоянно развивалъ эти идеи, никогда не напоминая о себѣ, умалчивая о своемъ пылкомъ чувствѣ, какъ будто оно было преступленіемъ. Потомъ онъ предостерегалъ Регину отъ Телэнжа, обличая испорченность и лицемѣріе этого человѣка, искусно замаскированныя напускнымъ великодушіемъ.

Регинѣ плохо вѣрилось въ примиреніе съ мужемъ: она чувствовала, какая глубокая пропасть отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга, но, по крайней мѣрѣ, слова Баре убѣждали ее въ томъ, что душевный миръ можно пріобрѣсти только строгимъ исполненіемъ долга. Съ этихъ поръ бѣдная женщина стала задумываться серьезнѣе о своихъ супружескихъ обязанностяхъ, которыми она такъ долго пренебрегала. Проживъ двѣ недѣли въ замкѣ Луазельеръ, въ постоянномъ общеніи съ преданнымъ другомъ, г-жа Рокруа во многомъ измѣнила свой взглядъ на вещи. Теперь она нерѣдко спрашивала себя, не слѣдуетъ ли постепенно отвлечь Андрэ отъ его любовницы и постараться устроить разумную жизнь вдвоемъ, водворивъ у своего домашняго очага если не любовь, то хотя утраченный миръ и согласіе.

Телэнжъ не догадывался о такой метаморфозѣ. Регина по прежнему относилась къ нему снисходительно и благосклонно, *такъ что онъ не* терялъ надежды со временемъ достичь своей

цѣли. Банкиръ считалъ капризомъ сопротивленіе молодой женщины и повторялъ себѣ, что довольно одного благопріятнаго момента, чтобы сломить упорство г-жи Рокруа. Онъ не разъ старался оставаться съ нею наединѣ и, пожалуй, имѣлъ въ виду ускорить развязку. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, еслибы не случилось крупнаго событія, отвлекшаго вниманіе Телэнжа совершенно въ иную сторону.

Однажды утромъ хозяинъ дома не вышелъ къ завтраку. Удивленная Регина освѣдомилась о немъ у жены.

— Мой мужъ былъ вызванъ сегодня въ Парижъ письмомъ г-на Рокруа, отвѣчала Толли.

Этотъ фактъ, самъ по себѣ незначительный, непріятно подѣйствовалъ на Регину, тѣмъ болѣе, что Телэнжъ не вернулся въ Луазельеръ ни вечеромъ, ни на слѣдующій день. Онъ пріѣхалъ только черезъ два дня, именно въ субботу, и не одинъ, а вмѣстѣ съ Андрэ Рокруа. Лицо банкира по прежнему улыбалось, онъ по обыкновенію былъ словоохотливъ и шутливъ, смѣялся изъ-за всякой бездѣлицы и уснащалъ свою рѣчь тяжеловѣсными, но довольно меткими остротами. Однако въ его веселости было что-то натянутое, и по временамъ черты финансиста противъ воли омрачались тѣнью заботы. Что касается Рокруа, то онъ былъ очень не въ духѣ. Однако эти мелочи не ускользнули только отъ одного Баре. Между тѣмъ Регина, подъ вліяніемъ совѣтовъ журналиста, оказала мужу ласковый пріемъ, отъ котораго онъ давно отвыкъ. Въ другое время привѣтливость жены поразила бы его. Но на этотъ разъ онъ не замѣтилъ ея вниманія, что̀ глубоко оскорбило молодую женщину, и она приписала его равнодушіе къ себѣ вліянію Маргариты Шардэнъ. Г-жа Рокруа не скрыла отъ Баре своего огорченія.

— Нельзя ожидать удачи съ перваго шага, отвѣчалъ тотъ:— и потому вамъ не слѣдуетъ отчаиваться.

Въ теченіе двухъ дней, проведенныхъ имъ въ замкѣ, Рокруа оставался непроницаемъ. Въ понедѣльникъ поутру, онъ только пришелъ проститься съ женой передъ отъѣздомъ. Регина лежала въ постели; мужъ наклонился поцѣловать ее. Она взяла его руку и сказала, заглядывая ему въ лицо:

— Послушай, Андрэ! мы ведемъ жизнь, недостойную насъ обоихъ. Съ нашей стороны было очень безразсудно порвать соединявшія насъ узы. Постараемся поправить дѣло и создадимъ себѣ лучшее будущее изъ обломковъ разбитаго нами счастія?

Эти слова удивили Рокруа: онъ хотѣлъ отвѣчать, но пробормоталъ *лишь нѣсколько* несвязныхъ фразъ.

Съ чего Регина взяла, что ихъ счастіе разбито? Только дѣла, проклятыя дѣла портили имъ жизнь, вѣчно становясь между ними; онъ сознавалъ, что такое существованіе не представляло ничего пріятнаго, но его было трудно измѣнить. Андрэ увѣнчалъ свою попытку оправдаться, прибавивъ:

— Простите, дорогая, что я долженъ уйти. Телэнжъ ждетъ меня. Мы уѣзжаемъ вмѣстѣ. Онъ разсчитываетъ остаться нѣсколько дней въ Парижѣ и беретъ съ собой своего камердинера, Ларрига.

Рокруа еще разъ холодно поцѣловалъ жену и ушелъ.

— Нечего дѣлать! подумала Регина:—моя соперница пока сильнѣе меня! надо подождать болѣе благопріятнаго времени.

Часъ спустя, вернувшись въ замокъ послѣ прогулки въ паркѣ, она увидала г-жу Телэнжъ и была поражена ея разстроеннымъ видомъ. Въ первый разъ эта безстрастная физіономія обнаруживала внутреннее волненіе. Мертвенная блѣдность покрывала черты хозяйки, глаза были заплаканы. Г-жа Рокруа стала спрашивать, что̀ съ нею, но не добилась ничего отъ скрытной англичанки. Если Телэнжъ, противъ обыкновенія, сообщилъ женѣ о какой нибудь непріятности, то, очевидно, приказалъ ей молчать объ этомъ, а бѣдная Толли не смѣла ослушаться.

Въ тотъ же день Баре уѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Парижъ, откуда вернулся на слѣдующій вечеръ. Тотчасъ послѣ пріѣзда, онъ послалъ Шамарету къ г-жѣ Рокруа съ просьбой удѣлить ему нѣсколько минутъ. Регина позвала его къ себѣ въ комнату. Когда журналистъ вошелъ, серьезный и нѣсколько взволнованный, сердце молодой женщины сжалось тяжелымъ предчувствіемъ, и она въ испугѣ взглянула на него.

— Я слишкомъ преданъ вамъ, чтобы скрывать отъ васъ истину, сударыня. Телэнжу и его предпріятіямъ грозитъ острый кризисъ. Вслѣдствіе статьи, появившейся въ одной англійской газетѣ и перепечатанной многими французскими изданіями, акціи обществъ, связанныхъ съ Большимъ Кредитомъ, страшно упали въ цѣнѣ.

— Но что̀ же сказано въ этой статьѣ? спросила Регина.

— То, что основатели „Товарищества золотоносныхъ залежей въ Новой Зеландіи“ завѣдомо обманули публику, такъ какъ на самомъ дѣлѣ эти рудники не стоютъ разработки.

— Это неправда; мой мужъ честный человѣкъ и никого не обманывалъ!

— Г-нъ Рокруа не принадлежитъ къ числу основателей об-

ва, сударыня; онъ поступилъ директоромъ правленія, когда

предпріятіе было уже основано. Онъ виноватъ только въ своей слѣпой довѣрчивости къ Телэнжу.

Регина закрыла дрожащими руками лобъ и прошептала:

— Дядя Фремино былъ правъ. Зачѣмъ мы не повѣрили его предостереженіямъ!

Баре пытался ее успокоить.

— Погодите отчаиваться, сказалъ онъ:—я былъ обязанъ сообщить вамъ неблагопріятные слухи, но, можетъ быть, они окажутся ложными.

— Вы говорили о громадномъ пониженіи....

— Совершенно такъ. Спачала упали въ цѣнѣ акціи новозеландскихъ рудниковъ; а потомъ бумаги и другихъ обществъ, основанныхъ Телэнжемъ, подверглись той же участи, не исключая даже Большаго Кредита. Еще вчера онѣ понизлись на пятьдесятъ франковъ. Но хуже всего то, что публика испугалась и бросилась въ кассы, требуя своихъ вкладовъ.... Когда я уѣзжалъ изъ Парижа, тамъ поговаривали о прекращеніи платежей....

— Но тогда, слѣдовательно банкъ, лопнулъ!

— Я надѣюсь еще, что Телэнжу удастся предупредить катастрофу. Онъ очень умный и ловкій финансистъ. Кромѣ того, у него нѣтъ недостатка въ деньгахъ. Банкиръ навѣрно пожертвуетъ частью своего состоянія, чтобы спасти свое доброе имя.

— А имя другаго?

— О, я отвѣчаю за г-на Рокруа! съ жаромъ вскричалъ Баре.— Его могли обмануть, но онъ, какъ вы сами сказали сію минуту, не обманывалъ никого.

Регина поднялась съ рѣшительнымъ видомъ:

— Я сейчасъ ѣду; мое мѣсто—возлѣ мужа.

— Нѣтъ, не дѣлайте этого: вамъ лучше обождать. Ваше присутствіе не поможетъ въ бѣдѣ, а, пожалуй, еще хуже разстроитъ г-на Рокруа въ такую минуту, когда ему нужна вся его энергія и все хладнокровіе. Кромѣ того, меня сейчасъ извѣстятъ, если случится что нибудь серьезное, а тогда я самъ посовѣтую вамъ немедленно уѣхать отсюда.

Регина согласилась съ доводами журналиста, рѣшаясь обождать въ Луазельерѣ дальнѣйшихъ событій. Но молодая женщина была такъ сильно разстроена роковою вѣстью, что не имѣла мужества встрѣчаться съ гостями, оставшимися въ замкѣ. Поэтому она поручила Баре передать хозяйкѣ дома, что не выйдетъ въ этотъ день изъ своей комнаты по случаю нездоровья. Толли немедленно прибѣжала къ г-жѣ Рокруа. Тутъ обѣ женщины не выдер-

жали и высказались одна другой подъ вліяніемъ мучительной тревоги.

— Я узнала о томъ, что̀ вы отъ меня скрывали, начала Регина.

— Однако я ничего не говорила вамъ, съ испугомъ возразила Толли.

— Вы не сказали ничего, зато г. Баре объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Въ такомъ случаѣ, и я не обязана молчать. Кажется, мы попали впросакъ, прибавила г-жа Телэнжъ, наивно повторяя вульгарныя выраженія мужа.

— Г. Баре полагаетъ, что вашъ мужъ можетъ спасти все дѣло. Пожертвовавъ частью своихъ барышей, полученныхъ имъ отъ акціонеровъ, онъ поддержитъ упавшій кредитъ банка.

Толли молча потупилась.

— Не правда ли, что г. Телэнжъ намѣренъ поступить такимъ образомъ? спросила Регина.

— Къ сожалѣнію, я ничего не знаю, отвѣчала Толли.—Г. Телэнжъ никогда не говоритъ о своихъ планахъ и никогда не совѣтуется со мною; онъ только отдаетъ приказанія. Вчера, оставляя замокъ, мой мужъ велѣлъ мнѣ быть готовой къ отъѣзду съ дѣтьми по первому знаку. Онъ не хочетъ оставлять насъ въ Парижѣ и даже на дачѣ, если дѣла примутъ дурной оборотъ.

— Что-то будетъ съ нами? произнесла со вздохомъ Регина.

Толли отвѣчала такимъ же вздохомъ, но не прибавила ни слова. Кто-то постучался въ дверь. Въ комнату вошла г-жа Вердье, въ шляпѣ и съ дорожнымъ мѣшечкомъ въ рукѣ.

— Я пришла къ тебѣ проститься, холодно сказала она г-жѣ Рокруа тономъ, въ которомъ звучало уже недовѣріе.

— Ты насъ покидаешь?

— Да, г-жа Вердье пожелала уѣхать, вмѣшалась хозяйка:—я забыла сказать вамъ объ этомъ.

— Мой мужъ зоветъ меня обратно, продолжала г-жа Вердье. И потомъ, помолчавъ немного, замѣтила:—Ты, конечно, знаешь о томъ, что̀ случилось?

— Откуда вамъ это извѣстно? вскричала Толли.

— О, сударыня, о предстоящемъ крахѣ толкуетъ весь Парижъ! Еще бы—такой скандалъ!

Г-жа Вердье говорила съ женой банкира далеко не прежнимъ тономъ, обнаруживая нетерпѣніе поскорѣе уѣхать изъ дома, гдѣ произошло несчастіе. Она какъ будто боялась, что полиція *застанетъ ее здѣсь.*

Болѣе проницательная, чѣмъ г-жа Телэнжъ, Регина отгадала это отчужденіе подъ церемоннымъ и чопорнымъ видомъ своей подруги, которая не дальше, какъ вчера, осыпала ее клятвами въ неизмѣнной дружбѣ.

— Въ такомъ случаѣ—прощай, сказала г-жа Рокруа женѣ адвоката.

Онѣ холодно поцѣловались, и г-жа Вердье ушла, не скрывая своей радости.

Наступилъ вечеръ; Регинѣ стало еще грустнѣе. Она узнала отъ Шамареты, что большинство гостей Телэнжа уѣхало изъ замка вслѣдъ за г-жей Вердье.

— Не уѣхать ли и намъ, сударыня? спросила горничная.

— Мы отправимся, вѣроятно, завтра.

— Тѣмъ лучше! вскричала Шамарета; послѣ отъѣзда г-на Ларрига, въ людской стало ужасно скучно; только онъ одинъ и развлекалъ всю компанію.... А вы намѣрены оставить меня у себя? неожиданно прибавила дѣвушка.

— Съ чего вы это спрашиваете?

— Но вѣдь говорятъ, что баринъ разорился.

— А еслибы и такъ, неужели вы поспѣшите насъ оставить?

— Конечно, нѣтъ. Я слишкомъ привязана къ вамъ, сударыня. Но мнѣ предлагаютъ другое мѣсто. Ларригъ обѣщалъ пристроить меня къ г-ну Телэнжу. Жаль упускать такой прекрасный случай.

— Ну, и пользуйтесь имъ, сухо замѣтила г-жа Рокруа.—Но, повидимому, Ларригъ упустилъ изъ виду, что если насъ постигнетъ разореніе, то же самое будетъ и съ его господами.

Шамарета многозначительно улыбнулась.

— Сейчасъ видно, что вы мало знаете г-на Телэнжа, сударыня. Онъ уже давно принялъ свои мѣры. У него отосланы деньги въ Германію и Англію; вездѣ куплены помѣстья. Банкиръ никогда не разорится. Я слышала это отъ Ларрига, и вамъ самимъ не мѣшаетъ знать, въ какомъ положеніи находятся дѣла президента. Г. Телэнжъ человѣкъ очень ловкій. Хорошо, что вы не вооружили его противъ себя. Онъ богатъ, какъ Крезъ, а богатство никогда не мѣшаетъ...

Горничная хотѣла продолжать на ту же тэму, но Регина остановила ее гнѣвнымъ взглядомъ. Шамарета сконфузилась и, спросивъ о дальнѣйшихъ приказаніяхъ своей госпожи, вышла изъ комнаты.

Молодая женщина не спала цѣлую ночь. Тяжелыя предчувствія, а—главное—неизвѣстность заставляли ее жестоко страдать. Она вспоминала *предостереженія* дяди Фремино, спрашивая себя,

не грозитъ ли Андрэ, вмѣстѣ съ потерей состоянія, и несмываемый позоръ. Регина сожалѣла о мирныхъ дняхъ въ Арьежѣ, когда она довольствовалась немногимъ и не мечтала о столичной жизни. Она обвиняла себя въ томъ, что мужъ, по ея настоянію, искалъ мѣста въ Парижѣ и оставилъ государственную службу. Она думала также и о Люсьенѣ, но теперь имя этого человѣка будило въ ея сердцѣ одни упреки совѣсти и позднія сожалѣнія.

На слѣдующее утро г-жа Рокруа встала, не дожидаясь прихода Шамареты, и торопливо одѣлась, съ твердымъ намѣреніемъ немедленно уѣхать изъ Луазельера; потомъ она вышла въ паркъ освѣжиться послѣ мучительной безсонницы. Надъ деревьями, окутанными туманомъ, поднималось яркое солнце. Поверхность озера искрилась въ блескѣ его лучей. Въ густой листвѣ, которая отливала уже золотомъ и пурпуромъ, напоминая о приближеніи осени, распѣвали птицы. Статные лебеди бороздили тихія воды. Звуки пробуждавшагося дня сливались въ чудную гармонію, какъ будто природа звала людей къ мирному наслажденію ея благами. Регина въ продолженіе мѣсяца испытывала на себѣ благотворное дѣйствіе деревенской тишины, но теперь, встревоженная предстоящей катастрофой, она оставалась равнодушной къ окружающему. Мрачныя мысли осаждали ея голову, и она повернулась въ тѣнистую аллею, чтобы остаться наединѣ съ собою.

Вдругъ позади молодой женщины раздались шаги. Она оглянулась, услышавъ, что ее звали по имени, и увидала Баре, спѣшившаго къ ней съ конвертомъ въ рукахъ. Регина остановилась, поджидая его.

— Я отъискивалъ васъ, сударыня, сказалъ журналистъ:—мнѣ хотѣлось сообщить вамъ первой.... Дѣло въ томъ, что я выбранъ арьежскимъ депутатомъ громаднымъ большинствомъ голосовъ. Всѣ партіи, враждебныя министерству, подали голосъ за меня. Это было настоящимъ пораженіемъ и поучительнымъ урокомъ правительству.

Баре, внѣ себя отъ радости, побѣдоносно размахивалъ въ воздухѣ депешей, какъ мечемъ, точно угрожая своимъ противникамъ, обращеннымъ въ бѣгство.

— Я очень счастлива за васъ, искреннимъ тономъ сказала Регина.

— Наконецъ-то, продолжалъ журналистъ:—врагамъ демократіи придется по неволѣ выслушать меня и держать мнѣ отвѣтъ... Законныя требованія, которыя я заявлю съ трибуны, никто не посмѣетъ уже назвать пустыми бреднями. Теперь я сдѣлался защитникомъ народа, уполномоченнымъ бороться за его интересы. Я

давно заслужилъ такой награды. Я столько перенесъ, столько выстрадалъ за свои идеи....

Баре прервалъ свою рѣчь, посмотрѣлъ на Регину и продолжалъ смягченнымъ тономъ:—Вѣрьте однако, что личное счастіе не заставило меня забыть о вашемъ горѣ. Я давно предвидѣлъ надвигавшуюся грозу и жилъ надеждой поддержать васъ въ критическую минуту. Если я радуюсь своему избранію, то опять таки въ виду вашихъ собственныхъ интересовъ: вліятельному депутату будетъ легче дѣйствовать въ вашу пользу.

— Господинъ Баре, мой дорогой другъ! прошептала Регина.

Она чувствовала, что привязанность журналиста, проявившаяся въ первый разъ такимъ страстнымъ порывомъ, не измѣнитъ ей никогда.

— Позвольте высказать вамъ сегодня то, чего я не осмѣлюсь больше повторить. Я люблю васъ, питаю къ вамъ безграничное уваженіе, поклоняюсь вамъ! Что бы ни случилось, вы можете вполнѣ разсчитывать на меня, вездѣ и при всякихъ обстоятельствахъ; позвольте мнѣ быть опорой вашей жизни; все, что я имѣю, принадлежитъ вамъ, даже мой трудовой хлѣбъ, если онъ вамъ понадобится.

Лицо Баре сіяло, вся его любовь сосредоточилась въ глазахъ, наполненныхъ радостными слезами. Онъ опустился на колѣни, взялъ руки Регины и порывисто прижимался къ нимъ своими трепещущими губами, какъ будто стараясь вознаградить себя въ это короткое мгновеніе за долгія усилія затаить свою цѣломудренную любовь. Но вдругъ Баре измѣнился въ лицѣ и быстро всталъ. Удивленная Регина посмотрѣла по направленію его взгляда и увидала Телэнжа, подходившаго къ нимъ съ нехорошей усмѣшкой.

— Вы слѣдили за мной, милостивый государь? спросилъ журналистъ, опомнившись отъ смущенія.

— Я только что пріѣхалъ изъ Парижа, отвѣчалъ банкиръ:—и хотѣлъ переговорить съ г-жей Рокруа, но не нашелъ ея въ замкѣ и отправился на поиски. Мнѣ очень жаль, что я помѣшалъ вашей бесѣдѣ.

— Я могу повторить вслухъ то, что говорилъ сію минуту.

— Вполнѣ увѣренъ; я подожду, пока вы кончите, такъ какъ желаю съ своей стороны сказать г-жѣ Рокруа нѣсколько словъ наединѣ.

— Я кончилъ, отвѣчалъ Баре:—и уступаю вамъ мѣсто, если г-жа Рокруа не прикажетъ мнѣ остаться.

— Оставьте насъ, мой другъ, сказала Регина:—подождите меня въ замкѣ; *я сейчасъ вернусь.*

молодая женщина съ благодарностью принимала горячее участіе журналиста. Теперь она откровенно говорила съ нимъ о своемъ прошломъ, о любви къ Фаргу, которая явилась слѣдствіемъ тоски одиночества, когда Андрэ измѣнилъ ей ради Маргариты Шардэнъ. Кромѣ того, г-жа Рокруа нерѣдко высказывала опасенія, что ея пустая свѣтская жизнь, пожалуй, приведетъ къ печальнымъ результатамъ. Мало по малу она призналась Баре въ томъ, какъ ее тревожили преслѣдованія Телэнжа, тѣмъ болѣе, что ей было невозможно оттолкнуть его, не испортивъ карьеры мужа. Баре совѣтовалъ Регинѣ начать новую жизнь.

— Ваше прошлое было печально, говорилъ онъ,—поэтому лучше забыть его и думать только о будущемъ, которое принесетъ вамъ душевный миръ.

— Душевный миръ—можетъ быть, но о личномъ счастьѣ нечего и думать! воскликнула Регина.

— Почему же нѣтъ? Вашъ мужъ со временемъ вернется къ вамъ; если вы не можете по прежнему любить другъ друга, то между вами все таки явится довѣріе. Не отчаивайтесь въ примиреніи съ нимъ: вы оба еще такъ молоды. Но Боже васъ сохрани искать счастья въ новыхъ увлеченіяхъ, въ преступной любви, скрытой отъ людей.

Баре постоянно развивалъ эти идеи, никогда не напоминая о себѣ, умалчивая о своемъ пылкомъ чувствѣ, какъ будто оно было преступленіемъ. Потомъ онъ предостерегалъ Регину отъ Телэнжа, обличая испорченность и лицемѣріе этого человѣка, искусно замаскированныя напускнымъ великодушіемъ.

Регинѣ плохо вѣрилось въ примиреніе съ мужемъ: она чувствовала, какая глубокая пропасть отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга, но, по крайней мѣрѣ, слова Баре убѣждали ее въ томъ, что душевный миръ можно пріобрѣсти только строгимъ исполненіемъ долга. Съ этихъ поръ бѣдная женщина стала задумываться серьезнѣе о своихъ супружескихъ обязанностяхъ, которыми она такъ долго пренебрегала. Проживъ двѣ недѣли въ замкѣ Луазельеръ, въ постоянномъ общеніи съ преданнымъ другомъ, г-жа Рокруа во многомъ измѣнила свой взглядъ на вещи. Теперь она нерѣдко спрашивала себя, не слѣдуетъ ли постепенно отвлечь Андрэ отъ его любовницы и постараться устроить разумную жизнь вдвоемъ, водворивъ у своего домашняго очага если не любовь, то хотя утраченный миръ и согласіе.

Телэнжъ не догадывался о такой метаморфозѣ. Регина по прежнему относилась къ нему снисходительно и благосклонно, *такъ что онъ не* терялъ надежды со временемъ достичь своей

цѣли. Банкиръ считалъ капризомъ сопротивленіе молодой женщины и повторялъ себѣ, что довольно одного благопріятнаго момента, чтобы сломить упорство г-жи Рокруа. Онъ не разъ старался оставаться съ нею наединѣ и, пожалуй, имѣлъ въ виду ускорить развязку. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, еслибы не случилось крупнаго событія, отвлекшаго вниманіе Телэнжа совершенно въ иную сторону.

Однажды утромъ хозяинъ дома не вышелъ къ завтраку. Удивленная Регина освѣдомилась о немъ у жены.

— Мой мужъ былъ вызванъ сегодня въ Парижъ письмомъ г-на Рокруа, отвѣчала Толли.

Этотъ фактъ, самъ по себѣ незначительный, непріятно подѣйствовалъ на Регину, тѣмъ болѣе, что Телэнжъ не вернулся въ Луазельеръ ни вечеромъ, ни на слѣдующій день. Онъ пріѣхалъ только черезъ два дня, именно въ субботу, и не одинъ, а вмѣстѣ съ Андрэ Рокруа. Лицо банкира по прежнему улыбалось, онъ по обыкновенію былъ словоохотливъ и шутливъ, смѣялся изъ-за всякой бездѣлицы и уснащалъ свою рѣчь тяжеловѣсными, но довольно меткими остротами. Однако въ его веселости было что-то натянутое, и по временамъ черты финансиста противъ воли омрачались тѣнью заботы. Что касается Рокруа, то онъ былъ очень не въ духѣ. Однако эти мелочи не ускользнули только отъ одного Баре. Между тѣмъ Регина, подъ вліяніемъ совѣтовъ журналиста, оказала мужу ласковый пріемъ, отъ котораго онъ давно отвыкъ. Въ другое время привѣтливость жены поразила бы его. Но на этотъ разъ онъ не замѣтилъ ея вниманія, что̀ глубоко оскорбило молодую женщину, и она приписала его равнодушіе къ себѣ вліянію Маргариты Шардэнъ. Г-жа Рокруа не скрыла отъ Баре своего огорченія.

— Нельзя ожидать удачи съ перваго шага, отвѣчалъ тотъ:— и потому вамъ не слѣдуетъ отчаиваться.

Въ теченіе двухъ дней, проведенныхъ имъ въ замкѣ, Рокруа оставался непроницаемъ. Въ понедѣльникъ поутру, онъ только пришелъ проститься съ женой передъ отъѣздомъ. Регина лежала въ постели; мужъ наклонился поцѣловать ее. Она взяла его руку и сказала, заглядывая ему въ лицо:

— Послушай, Андрэ! мы ведемъ жизнь, недостойную насъ обоихъ. Съ нашей стороны было очень безразсудно порвать соединявшія насъ узы. Постараемся поправить дѣло и создадимъ себѣ лучшее будущее изъ обломковъ разбитаго нами счастія?

Эти слова удивили Рокруа: онъ хотѣлъ отвѣчать, но пробормоталъ лишь нѣсколько несвязныхъ фразъ.

ВОЛКЪ ВЪ ОВЕЧЬЕЙ ШКУРѢ.

Очеркъ.

IV.

— Настасья Агѣевна, газеты принесли?

— Помилуйте, Геннадій Семеновичъ, еще только восемь часовъ. Такую-то рань.....

— Нѣтъ еще?! Ну, самоваръ давайте! Вотъ я жалобу въ почтамтъ напишу..... что это, никогда до службы газеты прочесть не успѣешь..... Приноситъ чуть не въ одиннадцать..,.. Я его проберу!.... А ванна готова?

Въ пестромъ ватномъ халатѣ и стоптанныхъ туфляхъ, Прокоповъ стоялъ на порогѣ спальни и черезъ дверь велъ разговоръ съ Настасьей Агѣевной, убиравшей сосѣднюю комнату.

— Готова, Геннадій Семеновичъ, пожалуйте.

Энергично заботясь о своемъ здоровьѣ, Прокоповъ ежедневно бралъ холодную ванну, около получаса растирался мохнатымъ полотенцемъ и затѣмъ нещадно сѣкъ себя резиновыми палками. Окончивъ эти операціи, онъ одѣвался и садился пить чай, чувствуя себя бодрымъ, свѣжимъ и довольнымъ, какъ человѣкъ, исполнившій свой долгъ.

Такъ было и сегодня.

Выпивъ первый стаканъ въ накладку, а второй—въ прикуску, Геннадій Семеновичъ только что развернулъ свѣжій листъ газеты и, закуривъ папиросу, собирался предаться чтенію, какъ въ передней раздался звонокъ.

— Геннадій Семеновичъ, госпожа Ковригина желаютъ васъ видѣть, нараспѣвъ доложила Настасья Агѣевна, появляясь въ дверяхъ.

Прокоповъ засуетился. Ковригина—это та самая особа, о которой просилъ Иванъ Осиповичъ, для которой необходимо сдѣлать все нужное, такъ какъ...

— *Просите,* просите... Я сейчасъ...

Старикъ на мгновеніе скрылся въ спальню, поправилъ прическу, галстухъ, сдулъ пылинку, сидѣвшую на рукавѣ, и возвратился въ гостинную, когда Ковригина, дама лѣтъ тридцати пяти, недурненькая и нарядная, сидѣла возлѣ стола, разсматривая альбомы, въ строгомъ порядкѣ лежавшіе вокругъ лампы.

Посѣтительница и хозяинъ представились другъ другу и одновременно упомянули Ивана Осиповича. Наступило мгновеніе неловкости. Начинать разговоры о погодѣ — казалось неудобнымъ, прямо обратиться къ дѣлу—щекотливымъ, и Ковригина, бросая недоумѣвающій взглядъ на Прокопова, вымолвила:

— Вы часто... видитесь... Иванъ Осиповичъ...

— Послѣдній разъ мы видѣлись дня два тому назадъ, дѣловито возразилъ старикъ:—и онъ очень интересовался вашимъ положеніемъ.

— Ахъ, еще бы не интересоваться! воскликнула Ковригина.— Вѣдь, помилуйте, невѣроятное, невозможное положеніе! Меня обобрали, ограбили, да, кромѣ того, оскорбляютъ... Жоховъ говоритъ, что я...

Начался сбивчивый, непонятный разсказъ о различныхъ злоключеніяхъ, испытанныхъ Ковригиной, такъ какъ она, въ качествѣ неопытной и безтолковой особы, довѣрялась разнымъ проходимцамъ, дѣлала на каждомъ шагу всевозможныя глупости и затѣмъ упрекала порядочныхъ людей, что тѣ или не предупредили ея, или не исправили ея ошибокъ, хотя она постоянно просила совѣтовъ, но никогда не внимала имъ.

— А кто же этотъ Жоховъ? спросилъ Геннадій Семеновичъ, тщетно стараясь уяснить себѣ сущность дѣла.

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь это онъ... онъ... мои дачи отнялъ, заставивъ меня подписать какую-то бумагу. Я думала—довѣренность, а оказалась купчая. Это наглое мошенничество! Разбой! Я ему вполнѣ довѣряла...

Послѣ цѣлаго ряда наводящихъ вопросовъ, Прокопову удалось узнать, въ чемъ дѣло. Ковригина и Жоховъ находились въ интимныхъ отношеніяхъ, но молодая вдова не желала закрѣплять ихъ бракомъ, такъ какъ ей пришлось бы потерять пенсію. Ревность и досада за временное охлажденіе возбудили рядъ ссоръ; начались унизительные счеты, упреки, укоры, и Ковригина, желая отмстить измѣннику, бросилась къ своимъ родственникамъ, которые давно уже враждовали съ Жоховымъ. Само собою разумѣется, что тѣ, пользуясь удобнымъ случаемъ, подлили масла въ огонь, и интимная исторія грозила перейти на страницы газетъ, послѣ скандалёзнаго *процесса* съ различными разоблаченіями.

Иванъ Осиповичъ горячо интересовался судьбою вдовушки, благодаря дружескимъ отношеніямъ къ ея покойному отцу, и, когда Ковригина начала одолѣвать его признаніями, требованіями совѣта и т. д., „сплавилъ“ ее къ Прокопову, любезно сообщивъ:

— Геннадій Семеновичъ прекрасный, добрѣйшей души человѣкъ и, я увѣренъ, онъ все сдѣлаетъ. Только будьте съ нимъ откровенны и вообще... понимаете... все такое... Вѣдь тутъ ему придется поработать, похлопотать немало...

Анѳиса Сергѣевна Ковригина поняла. Отправляясь къ Прокопову, она предупредительно взяла съ собою денегъ, но рѣшительно недоумѣвала: какъ можно дать такому человѣку, и даже мысленно порицала Ивана Осиповича за его грязное отношеніе къ людямъ.

— Мнѣ кажется, Анѳиса Сергѣевна, серьезно началъ старикъ:— что вы совершенно напрасно хотите начинать процессъ. Это орудіе обоюдоострое. Даже выигравъ, вы можете проиграть. Воображаю, чего-чего только не наговоритъ защитникъ подсудимаго. Слово сказано, вылетѣло, извольте потомъ отписываться въ газетахъ...

— Такъ что же, по вашему, оставить такъ?.. Позволять смѣяться надъ собою?! Я—человѣка облагодѣтельствовала: я его на ноги поставила... Онъ бы теперь писарькомъ гдѣ нибудь былъ... Все я, я... Мнѣ онъ обязанъ...

Эти циничныя напоминанія коробили Прокопова, но онъ обѣщалъ Ивану Осиповичу „устроить“ дѣло къ общему благополучію. Откашлявшись, прикрывая ротъ ладонью, Геннадій Семеновичъ сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Вамъ бы лучше помириться, Анѳиса Сергѣевна...

Подобное предложеніе, послѣ обстоятельнаго разсказа Ковригиной, ея жалобъ, проклятій и злобы, звучавшей въ каждомъ словѣ—могло бы, казалось, вызвать взрывъ негодованія, но Прокоповъ недаромъ прожилъ полвѣка... Оставаясь идеалистомъ на словахъ, онъ былъ закаленнымъ практикомъ, и въ гнѣвныхъ рѣчахъ посѣтительницы уловилъ истинный смыслъ и дѣйствительную подкладку.

— Да, именно помириться, продолжалъ старикъ, пока Ковригина съ недоумѣніемъ смотрѣла на него, не понимая: шутитъ онъ или въ самомъ дѣлѣ предлагаетъ то, о чемъ она не рѣшалась заикнуться.—Вѣдь я, такъ сказать, угадываю вашу душу. Вотъ и Иванъ Осиповичъ тоже говорилъ... Вы — добрѣйшая особа... Вы все рады сдѣлать для человѣка! Нашлись злые люди, настроили васъ, возбудили... и вотъ вы готовы процессъ начать. А доведись *въ дѣйствительности*—вѣдь измучитесь. Я такъ это хорошо по-

нимаю! Нѣтъ, вамъ нужно помириться и добромъ получить обратно свою собственность. Самое лучшее...

— Мнѣ и самой не хотѣлось бы процесса, робко замѣтила Ковригина, еще не рѣшивъ вопроса: слѣдуетъ ли ей быть вполнѣ откровенной, или придерживаться.

— Въ томъ-то и дѣло! воскликнулъ онъ.—Положимъ, процессъ окончится въ вашу пользу, но вѣдь тутъ уголовщина... Человѣка въ Сибирь закатаютъ...

— Ну!.. Вѣдь я же могу простить его, когда захочу!..

— Никоимъ образомъ...

Ковригина начала оспаривать. Какъ большинство малознающихъ, она во что бы то ни стало желала показать свою опытность и высказывала абсурдъ за абсурдомъ, съ тѣмъ выраженіемъ непогрѣшимости, которое способно доводить до бѣшенства человѣка дѣйствительно свѣдущаго. Но Прокоповъ обладалъ умѣньемъ владѣть собою. Онъ спокойно и серьезно объяснилъ возможныя послѣдствія ея жалобы прокурору и доказалъ, какъ дважды два, что никакой практической выгоды она не получитъ, а стремленіе скомпрометировать Жохова—рикошетомъ коснется ея самой.

Аѳиса Сергѣевна молчала. Вымолвить признаніе, сказать о своемъ желаніи примириться—было нелегко. Она бы хотѣла, чтобы это совершилось помимо ея стараній, само собою, и Геннадій Семеновичъ угадалъ желаніе собесѣдницы.

— Если вамъ угодно, Аѳиса Сергѣевна, я могу... Ну, повидаться съ господиномъ Жоховымъ, переговорить... посовѣтовать ему.

— Ахъ, какъ я вамъ буду благодарна! воскликнула Ковригина, протягивая руку.—Такъ благодарна, такъ...

Дѣловая бесѣда между Прокоповымъ и Аѳисой Сергѣевной продолжалась около часа. Ковригина ушла совершенно очарованная милымъ, умнымъ и любезнымъ старикомъ, а Геннадій Семеновичъ, проводивъ посѣтительницу, вошелъ въ свою спальню, и, приблизившись къ старинному бюро, остановился въ раздумьѣ.

Его густыя брови были нахмурены, глаза тускло свѣтились, и какая-то досадная, скорбная дума выражались въ нихъ. Прокоповъ точно жалѣлъ чего-то, точно раскаивался въ чемъ-то... Ощущая властное вѣяніе вѣка, онъ любовно вспоминалъ минувшее, рвался къ нему душой, но на практикѣ... являлся покорнымъ сыномъ времени.

Глубоко вздохнувъ, старикъ вынулъ изъ жилетнаго кармана помятую радужную, бережно расправилъ ее, разгладилъ, положилъ на ладонь лѣвой руки и спряталъ въ секретное отдѣленіе

праваго ящика, въ конвертъ, на которомъ старческимъ почеркомъ значилось: „случайные доходы".

Черезъ мгновеніе Геннадій Семеновичъ уже возвратился въ столовую, гдѣ, за кофейнымъ приборомъ и холодною закускою, предупредительно приготовленными Настасьей Агѣевною, сидѣлъ Викторъ съ газетою въ рукѣ и, прожевывая кусокъ булки, пилъ черный кофе.

Лицо старика приняло обычное выраженіе, когда онъ поздоровался съ сыномъ и сѣлъ въ свое кресло.

— Что же ты безъ сливокъ пьешь? заботливо спросилъ онъ, кивая головой на стаканъ.

— Настасьѣ Агѣевнѣ лѣнь сходить на ферму, и она буквально гадость какую-то приноситъ,—выпячивая нижнюю губу, возразилъ Викторъ. — Не имѣю желанія отравляться.

Прокоповъ промолчалъ. Онъ только мысленно удивлялся неделикатности сына. Живетъ на всемъ готовомъ, ни копѣйки не вноситъ въ бюджетъ, хотя имѣетъ стипендію и уроки, да еще постоянно фыркаетъ..... Нѣтъ, въ наше время лучше было!

— Скажи, пожалуйста, папа, что это у тебя за салопница сидѣла? съ презрительной усмѣшкой спросилъ Викторъ. — Я книгу въ гостинной забылъ, хотѣлъ зайти, слышу—бабій голосъ... Чего ей надо?

Викторъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Онъ былъ въ туфляхъ и сѣромъ лѣтнемъ пальто изъ легкой матеріи, изъ-подъ котораго виднѣлась ситцевая русская рубашка. Непричесанные волосы торчали въ разныя стороны, и лицо казалось блѣднымъ, измятымъ.

— Хорошо, еслибы ты въ такомъ видѣ появился... съ улыбкою замѣтилъ отецъ.

— Да это когда нибудь и случится... Почемъ я знаю, что тамъ сидитъ кто нибудь... Странная манера приходить въ гости въ такую рань...

— Вовсе не въ гости, а по дѣлу.

— По дѣлу? протянулъ Викторъ.—Да развѣ ты нынче просителей *на дому* принимаешь?

— Это не такое дѣло совсѣмъ... Частное!

— Частное?

Викторъ прищурилъ глаза и, поднявъ брови, вопросительно смотрѣлъ на отца. Старикъ смутился. Инстинктъ самоохраны подсказалъ ему возможность опасности: сплетни и болтовня такъ развиты въ настоящее время; Виктору могли сообщить какую нибудь глупость, а онъ и повѣритъ... начнетъ Богъ знаетъ что думать...

— *Да, конечно*, частное,—пожимая плечами, небрежно загово-

рилъ Прокоповъ.—Несчастная женщина! Попалась въ лапы негодяя, который воспользовался ея неопытностью и, буквально, ограбилъ, по міру пустилъ... Ну, времячко! Прежде, я помню, ничего подобнаго не слыхивалъ. Помилуй, вмѣсто довѣренности на управленіе, оказывается купчая за безцѣнокъ...

Геннадій Семеновичъ, въ краткихъ словахъ и съ нѣкоторыми измѣненіями, передалъ сущность дѣла. Викторъ засмѣялся.

— Вольно же ей было подписывать бумагу, не читая. На то и щука въ морѣ... знаешь пословицу. Да еще, можетъ быть, тутъ и другія пружины существуютъ. Я бы и вмѣшиваться не сталъ.

Прокоповъ разсердился.

— Какое у васъ, у молодежи, безсердечное отношеніе ко всѣмъ и ко всему, горячо замѣтилъ онъ.—Удивительно! Одинокая женщина, слабое существо... ограблена. . оскорблена... Каждый, кто можетъ,—долженъ, обязанъ защитить... Это... это...

— Все это фразы, холодно перебилъ Викторъ.—А въ дѣйствительности меня интересуетъ: что же ты тутъ можешь сдѣлать, и зачѣмъ она лѣзетъ къ тебѣ?! Кажется, есть адвокаты...

— Подобное дѣло на судъ? Да это—громадный скандалъ! Репутація женщины должна быть неприкосновенна. Честное имя. .

— Эхъ, папа! хмурясь, какъ истинный артистъ, отъ фальшивой ноты, прервалъ молодой человѣкъ.—Ну, скажи на милость, что же ты сдѣлаешь? измѣняя тонъ, спросилъ онъ.

— Мало ли что! Да, первымъ дѣломъ, поѣду къ этому господину, объяснюсь съ нимъ, представлю въ надлежащемъ свѣтѣ его поступокъ. Онъ пойметъ, что ему грозитъ обвиненіе...

Викторъ громко расхохотался.

— Значитъ, ты будешь угрожать ему тѣмъ, чего въ сущности эта особа не желаетъ, чему ты самъ не сочувствуешь! Потѣха! Какъ же это согласить съ идеальною правдивостью? Нѣтъ, папа, брось... ну, куда тебѣ съ чужими дѣлами возиться! Ты—неисправимый идеалистъ...

Послѣдняя фраза примирила Прокопова съ сыномъ и значительно ослабила напряженное состояніе старика. Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ; и, поболтавъ о злобахъ дня, Геннадій Семеновичъ и Викторъ разстались.

Старикъ отправился на службу, а молодой человѣкъ, надѣвъ мундиръ, пошелъ къ одному изъ товарищей, у котораго они сговорились встрѣтиться съ Вихоревымъ..

V.

Съ невеселыми ощущеніями проснулся Буканъ въ это утро. Вчерашнее разочарованіе потеряло ѣдкую остроту, но юношѣ было такъ тяжело и жутко, точно онъ схоронилъ близкое дорогое существо и сознаётъ свою оторванность отъ всего, что̀ еще недавно было такъ мило, а съ далекой чужбины казалось даже прекраснымъ.

— Что̀ же это, я измѣнился или они? спрашивалъ онъ себя, шагая по тѣсной комнатѣ.—Можетъ, ни то, ни другое, а просто опытъ жизни сдѣлалъ меня прозорливѣе. Какъ они всѣ практичны стали, какъ цинично высчитываютъ доходы, когда дипломъ дастъ имъ возможность развернуться во всю, когда ихъ апетиты будутъ удовлетворяться на законномъ основаніи. Да, правъ старикъ; прежде было лучше: молода была молодежь, и только старики стары! А теперь-то?! Всюду и вездѣ царитъ поклоненіе рублю. Оно забралось и въ науку, и въ литературу и въ міръ артистовъ, и въ студентскія корпораціи. Количествомъ гонорара, суммою годоваго дохода, цѣною поспектакльной платы и обиліемъ уроковъ измѣряется нравственное достоинство человѣка, а до сущности никому дѣла нѣтъ... Карты... Не за игру обидно, а за то, что интересы молодежи на нее направлены *что хочется* имъ играть, а не читать, не развиваться.

Буканъ тяжело вздохнулъ и, вспоминая вчерашній вечеръ, съ любовью остановился на нравственномъ обликѣ старика. „Только чего же это онъ меня-то струсилъ?“ всталъ вопросъ. Молодой человѣкъ добродушно улыбнулся, какъ улыбаются старшіе надъ неосновательнымъ страхомъ любимаго ребенка, и сейчасъ же рѣшилъ, что его обязанность—объясниться съ Прокоповымъ, сказать правду, такъ какъ услужливые товарищи, по обычаю, сдѣлали слона изъ мухи.

Существуетъ масса людей, стремящихся, ради дешеваго либерализма, раздувать каждый пустякъ и придавать ему подходящую къ случаю окраску. Не во-время [illegible]тѣянная пирушка обратила на Букана вниманіе администра[illegible], а не въ мѣру пылкій протестъ усилилъ невыгодное впечатлѣніе, и юношу попросили избрать мѣсто жительства за исключеніемъ обѣихъ столицъ... Буканъ выразилъ желаніе уѣхать въ Кіевъ и, ни съ кѣмъ не прощаясь, отправился на югъ. Такое быстрое исчезновеніе юноши возбудило много толковъ и, какъ жалкій комъ снѣга, разростаясь въ рукахъ дѣтей, это извѣстіе получило нелѣпый, дикій, *извращенный смыслъ*. Когда Букану говорили объ этомъ—онъ смѣялся,

увѣренный, что серьезные люди не дадутъ вѣры ничему подобному. Онъ принципіально былъ противъ анти-научныхъ увлеченій и не скрывалъ ни передъ кѣмъ своихъ убѣжденій, смѣло высказывая, что поступилъ въ университетъ ради науки и ей отдаетъ свои помыслы и силы, желая со временемъ вѣрою и правдою послужить родинѣ.

Довѣрчивость старика по отношенію къ нелѣпой молвѣ и подозрительность лично къ нему—оскорбительно повліяли на юношу.

— Да, да, рѣшилъ онъ:—я долженъ объясниться! Терять такого добраго знакомаго, честнаго и милаго человѣка изъ-за глупой басни—очень обидно, особенно теперь, когда такъ мало людей....

Соображая, что около пяти часовъ Прокоповъ возвращается со службы, Буканъ вышелъ изъ дому пораньше, намѣреваясь по дорогѣ въ Бассейную, гдѣ жилъ старикъ, зайти къ товарищу на Владимірскую.

Погода стояла жаркая, и солнце жгло немилосердно. Ни малѣйшаго колебанія вѣтерка; ни одной тучки на безоблачно-голубомъ небѣ. Накаленная мостовая, плиты панелей и громадные дома, казалось, еще увеличивали жару, и дыханіе стѣснялось въ груди.

Буканъ переѣхалъ Неву на яликѣ и завернулъ въ Лѣтній садъ, прельщенный тѣнью вѣковыхъ липъ и отсутствіемъ публики.

Направляясь по главной аллеѣ, Буканъ съ любопытствомъ смотрѣлъ по сторонамъ, отмѣчая странную черту. Онъ родился и выросъ въ столицѣ, а между тѣмъ только теперь, вернувшись изъ провинціи, началъ понимать и чувствовать красоту роднаго города. Вчера, идя по Невскому, освѣщенному электричествомъ, переполненному суетливо двигающеюся въ разныхъ направленіяхъ толпою, онъ случайно обратилъ вниманіе на его красоту и... не могъ оторвать восхищеннаго взора.

Сегодня, сейчасъ, онъ испыталъ такое же чувство по отношенію къ Лѣтнему саду и, опустившись на скамью, закурилъ папиросу.

Прошло нѣсколько мгновеній. Мягкое примиряющее состояніе снизошло на его душу. Вспоминалось хорошее изъ минувшаго, оживали вѣра, надежда, и просыпалось любовное, ласковое влеченіе ко всѣмъ людямъ, со всѣми ихъ недостатками, пороками, ненавистью и глупостью. Обаяніе природы, даже въ тѣсной рамѣ громаднаго города, могущественно сказалось въ молодой душѣ.

— Буканъ! Батюшки! Кого я вижу?! Вотъ не ждалъ-то!

— Никола! я къ тебѣ какъ разъ и шелъ!

Красивый молодой человѣкъ съ длинными волосами, небрежно

зачесанными назадъ, съ маленькой курчавой бородой и добрыми сѣрыми глазами, радостно пожималъ руку Букану. Все лицо его, интеллигентное и симпатичное, засвѣтилось удовольствіемъ по поводу встрѣчи и, какъ это часто бываетъ, товарищи молча, но усиленно трясли другъ другу руки, не зная, съ чего начать разговоръ, о чемъ спросить.

— Давно-ль вернулся? наконецъ спросилъ Николай и, не выждавъ отвѣта, добавилъ:—А въ тебѣ что-то новое есть... Не пойму, что̀ именно, а есть. Возмужалъ, выросъ, что ли!

Обмѣнявшись новостями личнаго характера, пріятели рѣшились посидѣть вмѣстѣ въ саду.

— Хорошо здѣсь, вымолвилъ Буканъ.

— Еще бы, чудесно! Единственное прибѣжище для насъ, которымъ пришлось протрубить лѣто въ Питерѣ. Но что̀ меня удивляетъ, эта наша публика. Помнишь, чай, какія стенанія раздавались, когда здѣсь царилъ Балашовъ? Вняли. Выселили. И что̀ же? Вмѣстѣ съ „кабакомъ"—какъ его называли тогда—выселилась и публика.... Вѣдь теперь здѣсь хоть шаромъ покати... Да, братъ, времячко! Безъ „кабака"—невозможно!

— Ты куда шелъ, Никола? спросилъ Буканъ, когда товарищъ, взглянувъ на часы, замѣтилъ, что ему пора.—Можетъ, намъ по дорогѣ? Мнѣ на Бассейную.

— Ну, что же, пойдемъ вмѣстѣ. Мнѣ тутъ одного барина повидать нужно... Дѣльце есть.

Буканъ находилъ неудобнымъ разспрашивать, но когда они пошли по саду, Мякининъ (такъ звали товарища) самъ заговорилъ.

— То есть такіе теперь жестокіе нравы, что ума помраченіе, шутливо началъ Мякининъ.—Кто разсказалъ бы—брехунцемъ назову! „Невѣроятно—а фактъ", какъ говаривалъ блаженныя памяти Качъ.

— А что̀ такое?

— Ты, кажется, знаешь Василенко? Да, да, у меня встрѣчался. Ну, такъ онъ имѣлъ неосторожность запутаться въ когтяхъ ростовщика. И, замѣть, прескверно запутался. Долгъ-то порядочный, но не въ немъ суть, а главное... бланкъ не изъ порядочныхъ. Разсчитывалъ онъ, что какая-то тамъ тетушка къ праотцамъ отправится, а она, на зло наукѣ и племяннику, взяла да и выздоровѣла. Совсѣмъ капутъ, понимаешь! Векселю срокъ; денегъ нѣтъ, и жидъ ни на какія сдѣлки... Василенко ко мнѣ: выручай... спасай!

— Но что̀ же ты можешь сдѣлать? Денегъ у тебя нѣтъ, а

тутъ, кромѣ наличныхъ, все безсильно. По крайней мѣрѣ, я такъ понимаю.

— Ну, положимъ, средства есть... Несовсѣмъ того, конечно, а все таки... Можно послать заявленіе кому слѣдуетъ, и господина ростовщика такъ прижмутъ, что онъ и отъ векселя отречется. Василенко—несовершеннолѣтній.

— Деньги-то бралъ, однако! рѣзко замѣтилъ Буканъ.

— Э, братъ, ты совсѣмъ изъ другой оперы! смѣясь, возразилъ Мякининъ.—„Бралъ"! Понятно, возьмешь, когда нужно, вѣдь не всѣ способны жить по твоему, питаясь акридами... Накопецъ, эти ростовщики—настоящіе мазурики, и проучить ихъ не мѣшаетъ.

— Лучше всего не имѣть съ ними дѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, Буканъ, оставимъ этотъ вопросъ. У тебя, извини пожалуйста, какого-то винтика не хватаетъ... Положительно такъ! Человѣкъ ты хорошій, образованный, и потолковать съ тобою пріятно, но только не о вопросахъ морали... Недаромъ, братъ, тебя чудакомъ прозвали. Ты имѣешь обыкновеніе залетать за облака, а мы, раки и щуки, мы больше насчетъ земли.

Буканъ хотѣлъ сказать что-то, но Мякининъ, горячась и размахивая руками, продолжалъ:

— Вѣдь знаю, знаю... По твоему, нечестно, некрасиво прижать ростовщика, хотя онъ угнетаетъ сотни людей; по твоему, и обвинять никого не слѣдуетъ, и наказывать нельзя... Словомъ, послушать тебя, такъ голова кругомъ пойдетъ, и себя мерзавцемъ начнешь считать.

— Николай, теперь я скажу: оставимъ этотъ вопросъ, спокойно возразилъ юноша:—есть вещи, о которыхъ можно говорить только *серьезно*. Ты нѣсколько перенначиваешь мои слова, и выходитъ нѣчто курьезное.

— Да, оставимъ, если хочешь, мнѣ все равно,—согласился Мякининъ, хотя въ душѣ его кипѣло желаніе уколоть этого идеалиста, являвшагося живымъ укоромъ, и не только словомъ, но и дѣломъ стоявшаго выше товарищей.

Нѣсколько мгновеній пріятели шли молча. Между ними точно легло что-то, смутившее радость свиданія. Помимо воли вспоминались разныя мелочи, когда, въ спорѣ или на фактѣ, неожиданно вырисовывался нравственный обликъ, когда человѣкъ, на котораго привыкли смотрѣть въ профиль, являлся en face и возбуждалъ недоумѣніе, восторгъ и, чаще всего, разочарованіе. Буканъ снова подумалъ о вліяніи разлуки, стушевавшей всѣ шероховатости и усилившей нѣжное влеченіе. Ему стало жаль былыхъ мечтаній о встрѣчѣ съ товарищемъ; обидно, что все это

выливается въ иную форму, чѣмъ онъ представлялъ себѣ; и, стремясь снова установить пріятельское общеніе, юноша спросилъ:

— Такъ вы что же надумали съ Василенко? Заемъ, вѣроятно?

— Ни-ни! Вотъ еще баловать негодяя! Подождетъ! Тутъ очень ловкая штучка выходитъ...

Мякининъ весело разсмѣялся. Буканъ шелъ молча, опустивъ голову. „Штучка“ его почти не интересовала, но Мякинину, очевидно, хотѣлось похвастаться счастливой идеей, благодаря которой можно выручить пріятеля.

— Ты, конечно, не поймешь всей тонкости, началъ онъ черезъ мгновеніе:—но это ничего... Надо, братъ, изучать жизнь! Не всегда будешь стоять за китайскою стѣною. Рано или поздно она упадетъ. Ты вотъ теперь чуть не каждому „подлеца“ говоришь...

— Николай!

— Положимъ, не говоришь... я это такъ, но понимать приходится!.. Ты почти ни съ кѣмъ не соглашаешься, всегда при особомъ мнѣніи... Чортъ тебя знаетъ, какой ты чудной... Мы всѣ убѣждены, что ты человѣкъ абсолютно-правдивый, иначе, право, подумали бы: нарочно идеальную чистоту изображаешь...

Буканъ пожалъ плечами. Ему совѣстно и неловко было соглашаться или подтверждать эту фразу, брошенную небрежно, но неспокойно и обличавшую существованіе затаенной зависти.

— Я лгать не могу и не хочу. Говорю, что думаю и какъ понимаю. Ошибаюсь—докажите; обманываю—уличите!..

— Ну, полно ты, Буканъ, полно! торопливо возразилъ Мякининъ, чувствуя, что хватилъ черезъ край, и желая загладить неловкость.—Съ тобою совсѣмъ шутить нельзя. Каждое лыко въ строку принимаешь. Вѣдь это я къ слову...

Черезъ нѣсколько секундъ, когда улеглось впечатлѣніе отъ этой странной вспышки, Мякининъ по прежнему смѣялся и, чтобы окончательно уничтожить оставшуюся неловкость, началъ оживленно разсказывать свои планы относительно Василенко.

— Есть тутъ, видишь ли, одинъ баринъ, который можетъ выручить, но опять таки не деньгами. Связи у него хорошія, а у ростовщика дѣльцо по подряду... Понимаешь?

Буканъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ въ смѣющіеся лукавые глаза Мякинина; онъ видѣлъ, какъ тотъ выразительно подмигиваетъ ему, и, стыдясь выказать свое непониманіе, все таки прошепталъ:

— Извини, не понимаю!

— Эхъ, ты... Какъ не понимать?! Удивляюсь я, право: живете на свѣтѣ, дѣятелями быть желаете, а сами... неопытнѣе младенца!

— Подобныя заботы къ моей дѣятельности относиться не могутъ.

— Однако! Ты, Буканъ, всегда былъ хорошимъ товарищемъ, и неужели бы ты отказался помочь пріятелю только изъ-за того, что прижать себя не охота? Понятно, не весело идти къ „крокодилу“, да что подѣлаешь...

— Къ какому „крокодилу“?

— Вотъ, братъ, наиинтереснѣйшій субъектъ! со смѣхомъ воскликнулъ Мякининъ, крайне довольный возможностью измѣнить направленіе разговора.—Представь себѣ господина довольно образованнаго и весьма симпатичнаго, совсѣмъ въ твоемъ духѣ. Онъ величаетъ свою персону „человѣкомъ шестидесятыхъ годовъ“, но всѣ, кому довелось его узнать поближе и съѣсть, что называется, куль соли, окрестили „крокодиломъ“. И подходитъ кличка, надо отдать справедливость! Вотъ ужь по Сенькѣ шапка...

— Кто же онъ такой?

— Въ этомъ-то и суть вся! На словахъ—либералъ, безупречно-чистый человѣкъ, идеалистъ, наивная и страстная душа, на дѣлѣ... кулакъ архиестественный, дѣлецъ и сребролюбъ. Потѣха просто, какъ онъ иногда современную молодежь отчитывать начнетъ. Только держись! И практична-то она, и идеаловъ не имѣетъ, и литературы не знаетъ, а въ наше, молъ, время и то, и другое; мы-де—соль земли; мы свѣточи... И, знаешь, льнетъ къ нему молодежь! Любитъ, почитаетъ, главное—вѣритъ безусловно. Сынъ у него есть, въ студентахъ состоитъ. Такъ себѣ, паренекъ неахтительный, конечно, но одно хорошо: правдивъ. Какую бы гадость ни замыслилъ, сейчасъ все разскажетъ, не стѣсняясь, точно похваляется: вотъ какой я, молъ, смѣлый. Со старикомъ у нихъ здоровеннѣйшія перепалки бываютъ. „Крокодила“ возмущаетъ цинизмъ. Ему чтобы все по благородному, тихо, смирно.

— Какъ его фамилія? спрашивалъ Буканъ, ощущая смутную тревогу.

— И понимаешь ты, продолжалъ Мякининъ, не слыша вопроса:—этою самою простотою и благородствомъ онъ та-акія дѣла обдѣлываетъ, та-акія, что ахнешь только. Что бы тамъ ни говорили зоилы, а у насъ еще есть честные люди, и подобныхъ оригиналовъ нашъ „крокодилъ“ блистательно улавливаетъ на удочку либерализма, чистоты и т. д. Вѣдь что ты полагаешь, подрядецъ будетъ устроенъ и скорешенько... Да-съ! Ростовщикъ за это за самое дѣло обѣщаетъ пять радужныхъ и вексель по боку, чувствуешь?

Буканъ нервно вздрогнулъ. Отвращеніе овладѣвало имъ все силь-

нѣе и сильнѣе, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и молча внималъ разсказу Мякинина, поражаясь тою легкостью, съ которою тотъ разсуждалъ о грязныхъ вещахъ, не понимая или не желая понимать, какую некрасивую роль играетъ онъ въ этой исторіи.

Но Мякининъ угадалъ настроеніе товарища. Досадное чувство за его нравственное превосходство проявилось въ формѣ ироніи.

— Нехорошо, по твоему, а? насмѣшливо сказалъ онъ.—Знаю, братъ, и самъ не хуже твоего, а только жизнь дилемму ставитъ: направо пойдешь—товарищъ погибнетъ; налѣво пойдешь—товарища спасешь, но самъ немножечко запачкаешься. Что̀ лучше? По моему—послѣднее. Я такъ и дѣлаю. А если ты насчетъ радужной, такъ, братъ, тутъ обязательно забыться, да такъ, чтобы голова трещала, чтобы забылъ все и вся. Ты, можетъ, полагаешь, что пьянство спроста такъ развивается въ наше время, а?! Нѣтъ, другъ, дѣло серьезное. Не станешь пить, такъ жилетъ прострѣлишь послѣ общенія съ такими Прокоповыми...

— Какъ Прокоповыми? Какой Прокоповъ?

— Чортъ его знаетъ какой! „Крокодилъ“ онъ, по моему, и кончено. А если тебя интересуетъ, то могу сообщить имя и отчество. Мудреное такое..... У меня гдѣ-то карточка была...

Мякининъ началъ шарить по карманамъ и съ озабоченнымъ видомъ твердилъ:

— Вотъ штука, если потерялъ!.. Новый адресъ у него!.. Экая бѣда!.. Нашелъ! Чудесно! На, читай: Геннадій Семеновичъ Прокоповъ... Бассейная, № 00.

Буканъ вспыхнулъ. Его глаза сверкнули, и онъ съ непривычною суровостью сказалъ, обращаясь къ Мякинину:

— Тутъ какое нибудь недоразумѣніе, Николай. Положительно недоразумѣніе. Я хорошо знаю Геннадія Семеновича... Я... я бываю у него. Это—честный, порядочный человѣкъ...

— Да, честный... взяточникъ, не спорю. Ужь если взялъ и обѣщалъ—дѣло будетъ сдѣлано; можно спать спокойно.

— Пустяки, глупости! Никогда не повѣрю!

Мякининъ выразительно пожалъ плечами.

— Вѣдь я его знаю... хорошо знаю, настойчиво повторялъ Буканъ.

— Знаешь! То есть, по просту, болталъ съ нимъ, слушалъ крокодиловы слезы, да вѣрилъ всему, что̀ онъ самъ про себя сказываетъ. Хорошо знатье! Нѣтъ, ты поспрошай тѣхъ, кто съ нимъ дѣла велъ... Это, братъ, такая дока, такой гусь лапчатый... И все тайкомъ, даже отъ сына по секрету... Годъ или полтора назадъ, онъ тутъ на поруки одного юношу взялъ... Матери родной

не довѣрили, а ему, благодаря положенію и знакомству, помирволили.

— Ну, что же тутъ дурнаго?! вскричалъ Буканъ.— Я знаю это дѣло... Мать Порожняго была въ отчаяніи... бѣдная женщина... одинъ сынъ... Геннадій Семеновичъ самъ вызвался хлопотать и помогъ ей. Не понимаю, что тутъ можно найти?....

— Эхъ, братъ! Вотъ такіе-то люди, какъ ты, и воспитываютъ подобныхъ дѣльцовъ. „Что можно найти!?“ Да вѣдь онъ, крокодилъто, за эту услугу тысячу рублей взялъ, векселями обезпечился, и бѣдная женщина должна была послѣдняго угла лишиться. За безцѣнокъ домъ въ Калугѣ продала... Сына бы ей и такъ на поруки отдали: пустяковое дѣло оказалось, а онъ съумѣлъ во-время подъѣхать. Выказалъ участіе въ такую минуту, когда мать послѣднюю рубашку готова была отдать, не то что...

— Позволь, Мякининъ, это обвиненіе слишкомъ серьезно. Прокоповъ мнѣ *самъ* говорилъ, что хлопочетъ безвозмездно... Я живо помню, какъ сынъ его, Викторъ, иронизировалъ еще, говорилъ, что отецъ кусокъ хлѣба у адвокатовъ отнимаетъ, а старикъ горячо напалъ на безсердечіе молодежи, толковалъ о долгѣ, о наслажденіи оказать помощь. . Нѣтъ, ты, вѣроятно, ошибаешься, Мякининъ... Тутъ что нибудь не такъ...

Мякининъ разсмѣялся.

— Могу доказать фактически. Вся переписка шла черезъ мои руки. Хочешь, зайдемъ ко мнѣ: представлю документы...

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу... торопливо воскликнулъ Буканъ.

Подъ вліяніемъ полученнаго толчка, онъ начиналъ иначе относиться къ старику, и если еще не рѣшался назвать его „крокодиломъ“ и сразу измѣнить мнѣніе, то, во всякомъ случаѣ, вѣра въ Прокопова погибла. Слишкомъ памятенъ былъ ему тотъ вечеръ, когда Геннадій Семеновичъ съ юношескимъ увлеченіемъ говорилъ о своей услугѣ бѣдной, убитой горемъ женщинѣ и, укоряя въ сынѣ равнодушіе и цинизмъ, высказывалъ свой идеалъ любви къ человѣчеству, говорилъ, что безкорыстная помощь—высшее счастіе для того, кто оказываетъ ее.

Буканъ возносилъ старика на пьедесталъ, увлекался имъ, благоговѣлъ передъ нимъ, а оказывалось..... Вынудивъ щедрую плату золотомъ, онъ неправильно взыскивалъ другую, высшую и лучшую: право на уваженіе.

— Что же это такое! какъ стонъ, сорвалось съ губъ Букана.— Зачѣмъ же эта ложь? Ложь всюду, куда ни взглянешь! Ложь во всѣхъ видахъ, во всякомъ нарядѣ, торжествующая и побѣждающая.. Вѣдь это... *дышать нельзя.*

— Мы не лжемъ; но зато вы насъ циниками зовете! спокойно возразилъ Мякининъ.—Не знаю, что̀ лучше.

— Да, да, дѣйствительно, что̀ лучше?! Это вопросъ...

VI.

Буканъ отказался зайти вмѣстѣ съ Мякининымъ къ старику. У него не хватало мужества присутствовать при ихъ объясненіи, и казалось, что Прокоповъ будетъ слишкомъ потрясенъ разоблаченіемъ своей тайны. Но Мякининъ и не настаивалъ. Ему было гораздо удобнѣе съ глазу на глазъ окончить дѣло, такъ какъ иначе старикъ началъ бы, по привычкѣ, душить либерализмомъ и волей-неволей пришлось бы выслушивать его іереміады.

Молодые люди условились сойтись черезъ полчаса въ одной изъ кондитерскихъ, и Буканъ, спросивъ чашку кофе и газету, усѣлся возлѣ окна, стараясь заставить себя интересоваться внѣшними и внутренними дѣлами родины. Усилія оказывались безполезными. Въ головѣ стоялъ тотъ же досадный, навязчивый вопросъ:— Что̀ же лучше? и являлось горькое чувство поруганной вѣры.

— Устроилъ! весело объявилъ Мякининъ, садясь возлѣ Букана и стуча ложечкой по подносу.—Ты что̀, кофе пилъ? Ну, и мнѣ того же пойла!.. Только, милый человѣкъ, принеси мнѣ стаканъ, а не чашечку, и плюшечку изобрази, добавилъ онъ, обращаясь къ лакею.

Слуга лѣниво повернулся и отошелъ, передавая полученный заказъ подручному, мальчику-подростку. Самому безпокоиться ради студентовъ, по его мнѣнію, не стоило...

— И такъ сегодня быстро устроилъ, продолжалъ Мякининъ, широко улыбаясь:—просто чудо. Онъ не ломался нынче. Я объясняю это тѣмъ, что сынъ былъ дома: боялся старикъ, не вошелъ бы Викторъ. Вотъ бы комедія...

— Онъ, значитъ... согласился... содѣйствовать подряду?.. За... деньги? хмуро спросилъ Буканъ.

— И задатокъ получилъ, и расписочку далъ.

— Покажи.

Мякининъ вынулъ изъ кармана пальто записочку и молча подалъ ее пріятелю. Буканъ долго, не то съ недовѣріемъ, не то съ любопытствомъ, читалъ содержаніе расписки и всматривался въ очертаніе буквъ, въ подпись, желая подмѣтить слѣды волненія или борьбы въ неровности почерка, въ росчеркѣ фамиліи... Ничего подобнаго! Всѣ буквы были ровны, четки, выписаны спокойно *и твердо.*

— Какъ онъ рѣшается давать расписку, замѣтилъ Буканъ.— Вѣдь это—улика. Такому Тартюфу неосторожность—непростительна!

— Не безпокойся, пожалуйста, онъ гарантированъ! Пока ничего еще не сдѣлано—никто не станетъ разоблачать его: кто себѣ врагъ?! А потомъ, вмѣстѣ съ гонораромъ, возвращается и самый документъ. Да и наконецъ... У него такая заслуженная прочная репутація, что ея не поколеблешь... особенно нашъ-то братъ. Не повѣрятъ,... Клеветой назовутъ... Кромѣ того, не резонъ и разоблачать. Такіе люди нужны. Сократится Прокоповъ—явится какой нибудь Перекоповъ... Ясно? Эготъ все же знакомый и не очень ужь деретъ. Милостиво! Мнѣ вотъ мѣсто въ земствѣ обѣщаетъ, и недорого. Мѣсячное жалованье и...

— Нѣтъ, нѣтъ, довольно, Никола! перебилъ Буканъ съ выраженіемъ гадливости и тоски.—Будетъ! Теперь я все понимаю! Вѣдь на моихъ глазахъ являлись къ нему чающіе мѣста, и я восторгался его добротою къ молодежи, его отзывчивостью... Развѣ зналъ я истинную подкладку?.. Развѣ могъ предполагать?..

Буканъ расплатился и вышелъ, наскоро пожавъ руку пріятеля. Ему хотѣлось остаться одному.

Прозрачный сумракъ теплаго августовскаго вечера спускался надъ городомъ, когда Буканъ, безъ цѣли бродившій по улицамъ, остановился на Бассейной. Онъ очутился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, гдѣ жилъ Прокоповъ, и почувствовалъ страстное желаніе зайти къ нему, потолковать, объясниться, снять съ души тяжесть или окончательно поставить крестъ надъ прошлымъ.

Геннадій Семеновичъ самъ отворилъ дверь посѣтителю и отступилъ назадъ, раздраженный и недовольный. Онъ никакъ не полагалъ, что Буканъ навѣститъ его такъ скоро, и отпустилъ Настасью Агѣевну со двора. Желая на чемъ нибудь сорвать свой гнѣвъ и объяснить недовольство, онъ началъ ворчать на отсутствующую:

— Ахъ, эта прислуга!.. Удивительный народъ!.. Въ будни... со двора... Изволь тутъ самъ... Самоваръ Вихореву надо...

— Обо мнѣ не безпокойтесь, Геннадій Семеновичъ... Я на минутку зашелъ.

— Милости просимъ... Очень радъ!.. Вы-то—я знаю, а вотъ Вихоревъ поселился—и сейчасъ требованія... Прислуга ушла, а онъ—самоваръ. Никакой деликатности...

Жалобы старика, которымъ Буканъ еще недавно сочувствовалъ, корицая въ Викторѣ и его товарищахъ недостатокъ деликатности—теперь *раздражали* юношу. Къ каждому слову Прокопова

онъ относился недовѣрчиво, даже подозрительно, и пылалъ желаніемъ откровенно и прямо поговорить съ нимъ.

Геннадій Семеновичъ и Буканъ вошли въ гостинную. Старикъ предупредительно подвинулъ стулъ и, положивъ на столъ коробочку спичекъ, сказалъ:

— Пожалуйста... курить не хотите ли?

— Благодарю васъ. Накурился.

Хозяинъ и гость молчали. Обоимъ было неловко и, какъ это часто бываетъ, каждый мысленно порицалъ другаго.

„Зачѣмъ онъ сегодня опять пришелъ? Очень нужно! Еще попадешься тутъ изъ-за глупости", печалился Прокоповъ.

„Какое у него смущенное лицо... точно виноватое!.." размышлялъ Буканъ, и вопросъ, который онъ обдумывалъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, замиралъ на губахъ.

— Жарко, кажется, сегодня? спросилъ старикъ, чувствуя необходимость завести разговоръ.

— Очень жарко.

Снова воцарилось молчаніе, и съ каждымъ мгновеньемъ возрастала обоюдная неловкость.

— Успѣли повидать товарищей?—знакомыхъ?

— Нѣтъ, я нигдѣ не былъ.

Положеніе Прокопова становилось невыносимымъ. Онъ ясно сознавалъ невозможность втянуть Букана въ какую нибудь бесѣду и недоумѣвалъ: зачѣмъ онъ пришелъ сюда, что̀ ему надо?

— Я полагаю, теперь не худо бы самоварчикъ, произнесъ старикъ и всталъ, чтобы отправиться въ кухню. Буканъ стремительно поднялся и остановилъ его.

— Геннадій Семеновичъ, прерывающимся голосомъ заговорилъ онъ:—пожалуйста... Я васъ прошу... Важно мнѣ... очень... Я долженъ понять...

— Что̀ такое, Буканъ? Чего вы?

— Я.. я... видѣлся съ Мякининымъ.. Онъ мнѣ пріятель..... Разговорились... Откровенно... Пустая случайность навела... Это не предательство, даю слово...

Старикъ съ изумленіемъ глядѣлъ на юношу. Фактъ его знакомства съ Мякининымъ—являлся новостью, но, конечно, не въ ней была суть. Важно узнать, *что* говорилъ тотъ, и *какъ*, въ какомъ смыслѣ? Настигала опасность, противъ которой онъ боролся столько лѣтъ, всегда и вездѣ уготовляя лазейки. Чуть ли не въ первый разъ оплошалъ—и вотъ пронюхали... Въ глазахъ Прокопова *сверкнулъ злобный*, лукавый огонекъ. Какъ травленый волкъ,

прежде чѣмъ сдаться, онъ намѣревался потѣшиться, потомить врага.

— Это вы насчетъ чего, Буканъ? спокойно спросилъ онъ.

— Ахъ, вы знаете, Геннадій Семеновичъ! Вы сами понимаете, что̀ меня интересуетъ... Что̀ мнѣ важно...

— Простите, не угадываю... Ума не приложу!

— Ну, я скажу.... Василенко.. Вексель.. Ростовщикъ.. Подрядъ... Четыре радужныя! съ отчаяніемъ вырвались послѣднія слова, и Буканъ точно замеръ, ожидая взрыва негодованія.

Прокоповъ тихо засмѣялся и пожалъ плечами.

— Ахъ, юность, юность... Э, да и зеленый же вы народъ, какъ я посмотрю. То-то сидитъ, словно въ воду опущенный, а я догадаться не могу. Такъ значитъ вы, Буканъ и Мякининъ, рѣшили: Геннадій Семеновичъ—взяточникъ... мерзавецъ... Вѣрно?!

Буканъ молчалъ. Кровь съ силой прилила ему къ лицу, и онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе.

— Ну, молодой человѣкъ, въ наше время не такъ было, нѣтъ, не такъ. Если вѣрили кому, уважали, то не ходили собирать сплетни, а всякое сомнѣніе разрѣшали прямо, честно... Спрашивали... да-съ, спрашивали....

— Я съ тѣмъ и пришелъ, Геннадій Семеновичъ. То, что̀ я узналъ, показалось невѣроятнымъ, и хотя я видѣлъ документъ... вашу расписку.....

Прокоповъ вспылилъ, вышелъ изъ себя. Совершенно забывая свою обычную льстиво-вкрадчивую манеру, онъ началъ почти кричать.

Съ чего это взяли, что онъ, всѣми признанный и уважаемый дѣятель „золотаго вѣка“, станетъ оправдываться, объяснять? Онъ плюетъ на мнѣніе мальчишекъ; для него важно собственное уваженіе и оцѣнка общества... Когда онъ служилъ судьей, ему не въ примѣръ другимъ назначили больше жалованья; у него есть письма графа Михальчикова, гдѣ тотъ прямо называетъ его „идеальнымъ дѣятелемъ“; даже въ департаментѣ его отличаютъ, цѣнятъ... и вдругъ...

Геннадій Семеновичъ положительно задыхался. Его лобъ и щеки покрылись красными пятнами, грудь высоко вздымалась. Вынувъ платокъ, онъ обтеръ лобъ и, желая освѣжиться, началъ махать тонкимъ надушеннымъ батистомъ, нервно комкая его въ рукѣ.

— Я только одно и хотѣлъ знать, тихо вымолвилъ Буканъ.— Взялись вы за дѣло Василенко?

Молодой человѣкъ стоялъ, держась за спинку кресла, и пристально, пытливо смотрѣлъ въ глаза собесѣдника.

— Взялъ! рѣзко и нахально отрѣзалъ Прокоповъ.

Буканъ слегка поклонился и, не оборачиваясь, пошелъ къ двери.

Геннадій Семеновичъ во время опомнился.

Для него лично мнѣніе Букана теперь не играло никакой роли, но онъ зналъ, что честность и правдивость юноши стоитъ внѣ сомнѣній, что ему будутъ вѣрить на-слово, и испугался неровной борьбы, ея послѣдствій и, главное, потери того ореола, которымъ наградила его увлекающаяся и неопытная юность, вѣрующая тому, во что хочется вѣрить.

— Постойте, Буканъ! Вы... вы... хорошій человѣкъ, но, какъ бы это сказать, непростительно...

— Глупъ въ смыслѣ практической жизни? Совершенно справедливо, я это знаю. Мое почтеніе.

— Да останьтесь же, вамъ говорятъ! нетерпѣливо повторилъ старикъ.—Я ни передъ кѣмъ не сталъ бы оправдываться, но вы— я васъ привыкъ уважать. Садитесь. Я вамъ скажу все.

Буканъ подумалъ одно мгновеніе и остался. Его сужденіе было составлено, и если онъ рѣшился выслушать объясненіе до конца, то съ исключительною цѣлью—опредѣлить нравственную натуру старика, являвшагося передъ нимъ въ новомъ свѣтѣ.

— Да, я взялъ, т. е. возьму извѣстную сумму съ мерзавца-ростовщика, возьму!!! Я считаю это вполнѣ нравственнымъ: человѣкъ всѣхъ и каждаго грабитъ, и вдругъ ему... даромъ... Ни за что на свѣтѣ! Вы полагаете, мнѣ это пріятно? Я долженъ ѣздить изъ-за него, просить, кланятся, *себя прижимать*. Понятно, всякій трудъ долженъ оплачиваться, но я копѣйкой не воспользуюсь, понимаете: *одной копѣйки не возьму себѣ*!.. Взяточникомъ меня ославляете?! Гадиной?! Нѣтъ, надо сначала узнать, а потомъ говорить. Вамъ сообщилъ ли Мякининъ, чего ради я согласился? Вашего же друга спасти нужно. Да-съ, нельзя не признать: нынче молодежь на такіе фокусы пускается, что только руками разведешь. Слышали, надѣюсь, *что* Василенко-то устроилъ?

— Да, да, знаю...

— То-то и есть, а меня позволяете себѣ осуждать. Положимъ, я... Но не въ этомъ дѣло. Я желаю объяснить вамъ...

— Не безпокойтесь, Геннадій Семеновичъ, мнѣ, право, не...

— Нѣтъ, вы должны меня выслушать, Буканъ, я этого требую, гнѣвно и торопливо крикнулъ старикъ. — Осуждать легко; еще легче, ничего не узнавъ хорошенько, не понявъ, въ чемъ суть, кричать... злословить...

— Но позвольте, я ровно ничего не говорилъ...

— Да, пока,—но станете!.. станете! Я въ этомъ убѣжденъ, обнаруживая свои опасенія, говорилъ Прокоповъ.—Васъ хлѣбомъ не корми, дай только опозорить человѣка шестидесятыхъ годовъ, человѣка, являющагося для васъ живымъ укоромъ....

Геннадій Семеновичъ захлебывался отъ негодованія и, переходя отъ иронiи къ жалкимъ словамъ, отъ оправданія къ нападенію, говорилъ быстро и горячо... Онъ точно боялся оставить какое нибудь подозрѣніе не разъясненнымъ и попадалъ впросакъ, упоминая о такихъ фактахъ, которые были неизвѣстны Букану.

— Да, я принимаю благодарности, съ мужествомъ героя заявилъ онъ:—но никогда, слышите, никогда не взялъ бы взятку! Странное дѣло! Богатому человѣку нужна моя помощь, я ему оказываю содѣйствіе, услугу дѣлаю,—и вполнѣ естественно, что онъ заплатитъ. Вы бы лучше спросили, куда я дѣваю эти деньги? Прокучиваю ихъ, проигрываю, комфортомъ себя балую? Нѣтъ, молодой человѣкъ, прежде чѣмъ осуждать—надо подумать. Каждый грошъ, заработанный мною такимъ путемъ, идетъ на благотвореніе... Но я твердо держусь завѣта хранить втайнѣ доброе дѣло, а не оскорблять бѣдняка, протягивающаго руку, не говорить о тѣхъ студенткахъ и студентахъ, которые были бы исключены за невзносъ платы, еслибы не я...

Букану становилось невыносимо. Обличенный, выведенный на чистую воду, Прокоповъ могъ бы возбуждать глубокое сожалѣніе въ душѣ молодаго человѣка, еслибы онъ оставался правдивымъ... Буканъ самъ нашелъ бы извиняющіе мотивы и въ отсутствіи выдержки, и въ заражающемъ вліяніи современности; но теперь Геннадій Семеновичъ возбуждалъ его отвращеніе. Фактически униженный, онъ драпировался въ тогу благодѣтеля; онъ доказывалъ нравственность своего поступка; онъ цинично смѣялся надъ довѣрчивостью молодежи.

— Если сосчитать всѣхъ, кому я помогалъ безкорыстно... надсаживался старикъ.—Понятно, богатые должны платить за бѣдныхъ. Какой нибудь ростовщикъ...

— Полноте, Геннадій Семеновичъ, глухимъ тономъ остановилъ Буканъ.—Вѣдь знаю я... Дѣло Порожняго... помните?.. Безкорыстная услуга... Виктора за равнодушіе упрекали... Тысяча рублей! Домъ принуждена была продать, чтобы вамъ по векселямъ уплатить, бѣдная женщина!

Прокоповъ былъ ошеломленъ. Онъ не допускалъ даже мысли, что этотъ фактъ можетъ быть извѣстенъ Букану, и со злобой, съ презрѣніемъ отнесся къ Мякинину:

„Негодяй—мальчишка! Выболталъ таки! А вѣдь честное слово далъ"...

— Прощайте, Геннадій Семеновичъ, упавшимъ голосомъ замѣтилъ Буканъ и торопливо пошелъ къ дверямъ.

Онъ опасался, что старикъ снова начнетъ удерживать его, заставитъ внимать своимъ оправданіямъ, станетъ издѣваться надъ нимъ—и вздохнулъ полною грудью, очутившись на улицѣ.

VII.

Прошло около недѣли.

Букану предстояло немало хлопотъ по поводу зачисленія въ университетъ, и онъ каждое утро странствовалъ по разнымъ канцеляріямъ, подавая прошенія, заявленія etc.

Ни съ кѣмъ изъ кружка Прокоповыхъ онъ не видѣлся за это время: не тянуло его къ людямъ вообще, а къ тѣмъ, которые обязательно напоминали бы тягостный инцидентъ,—и подавно. Какъ человѣкъ, сдѣлавшій или допустившій грубую ошибку, Буканъ мучился позднимъ раскаяніемъ и теперь, болѣе спокойно вглядываясь въ прошлое, удивлялся, какъ могъ онъ не замѣчать того или другаго факта, той или этой несообразности въ характерѣ Прокопова, какъ не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что у Геннадія Семеновича совсѣмъ не существовало старинныхъ знакомыхъ, добрыхъ, старыхъ друзей. Какъ ловкая кокетка, онъ постоянно привлекалъ къ себѣ новыхъ поклонниковъ, плѣнялъ ихъ яркимъ блескомъ чужихъ мыслей и фантастическихъ подвиговъ, а затѣмъ, понятый и оцѣненный по достоинству, оставался одинокимъ, порицая тѣхъ, кто бѣжалъ отъ него, и продолжая считать себя свѣточемъ.

Горько и обидно было на душѣ Букана, и онъ въ тысячный разъ проклиналъ свою довѣрчивость, постоянно наталкивающую его на ошибки и разочарованія. Жизненный опытъ не умудрялъ его, не дѣлалъ болѣе жестокимъ и практичнымъ, хотя разумъ шепталъ, что не слѣдуетъ растрачивать силъ души, не слѣдуетъ молиться огню, когда въ сердцѣ живетъ Богъ правды.

По вечерамъ, когда на улицахъ зажигались фонари, Буканъ любилъ бродить по набережной или, опершись на парапетъ, долго простаивалъ на одномъ мѣстѣ. Онъ любовался отраженіемъ огней, узкой и блестящей полоской преломлявшихся на волнующейся поверхности Невы. Онъ, какъ очарованный, восхищался цѣпью свѣтящихся точекъ, окаймлявшихъ гордую рѣку и, *казалось,* соединявшихся въ одно цѣлое; онъ слѣдилъ задумчивымъ,

мечтательнымъ взоромъ за мелькающими на яликахъ огоньками, здѣсь и тамъ сверкающими въ темной зыби; онъ внималъ глубокому всплеску волнъ, мѣрно ударявшихся о гранитныя оковы, и шепталъ отрывки поэмъ и лирическихъ произведеній, выражавшихъ его душевное состояніе.

Здѣсь, наединѣ съ собою, подъ синимъ небомъ, усыпаннымъ міріадами яркихъ звѣздъ, надъ красавицей-рѣкой, далекій и чуждый шумному городу, Буканъ не стыдился предаваться мечтательности, и бывали мгновенія, когда на глазахъ его навертывались слезы умиленія. Онъ готовъ былъ обнять весь міръ, онъ стремился отдать свою жизнь, энергію, силы, все дорогое, только бы засіяла снова лучезарная правда, только бы сгибла вѣковая ложь, щеголяющая во всякомъ нарядѣ.

— А, Буканъ! Наше вамъ! раздалось сзади молодаго человѣка.—Представьте, я былъ убѣжденъ, что встрѣчу васъ здѣсь. Обязательно! Такъ и ему сказалъ...

Буканъ обернулся. Передъ нимъ стояли Викторъ Прокоповъ и Вихоревъ.

Пожавъ руки молодыхъ людей, Буканъ пошелъ съ ними рядомъ по направленію къ Литейной. Его душевное настроеніе исчезло, и онъ спокойно отвѣчалъ на разспросы собесѣдниковъ.

— Ну, что, какъ дѣлишки? вмѣшался Вихоревъ.

— Да ничего! Бумаги приняты. Мое прошеніе, такъ сказать, признано.

— И вы увѣрены: больше ни-пи?

— Эхъ, Вихоревъ, вы вѣдь сами знаете, что, кромѣ той глупой вечеринки, у меня никакой вины нѣтъ за душой! За что же?

— Такъ, конечно.

— Кстати, Буканъ, вы вѣрно повздорили съ моимъ старче. А?.... Онъ противъ васъ и рветъ, и мечетъ.. Сегодня до чортиковъ договорился! И ренегатъ вы, и клеветникъ.. Потѣха! Впрочемъ, у него это быстро! то въ божницу радъ поставить, то помоями обольетъ.

Буканъ постарался измѣнить разговоръ и, скоро почувствовавъ, что никакой интересъ не роднитъ ихъ сегодня, а игривое настроеніе Виктора даже раздражаетъ, простился съ нимъ и пошелъ домой. Пожимая руку Букана, Вихоревъ дружелюбно сказалъ:

— Хоть бы зашли ко мнѣ когда....

— Спасибо, но теперь наврядъ ли. Надо усерднѣе засѣсть за работу; да и, признаться, хочется самому. Тянетъ.... Взглянулъ сегодня на университетъ—какъ-то хорошо и свѣтло на душѣ стало.

Эти *слова нечаянно* сорвались у Букана, и ему сейчасъ же

пришлось раскаяться. Викторъ протяжно свиснулъ, махнулъ рукой и насмѣшливо процѣдилъ сквозь зубы:

— Эвона что̀ выдумалъ: „тянетъ“.. Нѣтъ, меня *изъ* академіи тянетъ, только, понятно, съ дипломомъ.. Отзвонилъ, да и съ колокольни долой! Тоже не сахаръ науку эту самую вкушать....

Вихоревъ и Буканъ молча переглянулись и, прощаясь, крѣпче, чѣмъ обыкновенно, пожали другъ другу руки.

Странное ощущеніе не то грусти, не то предчувствія овладѣло Буканомъ, когда онъ возвращался домой, на Петербургскую сторону, и онъ то замедлялъ шаги, то шелъ, быстро шагая и размахивая рукой.

Стоялъ тихій, теплый вечеръ. Легкія облачки превратились въ темныя тучи и со всѣхъ сторонъ обложили небо. Чуялось приближеніе грозы, и дыханіе тѣснилось въ груди.

На крѣпостныхъ часахъ пробило двѣнадцать. Медленно и гулко прокатились удары, и раздалась знакомая мелодія церковнаго гимна. Буканъ, слегка подпѣвая, вбѣжалъ по темной лѣстницѣ. и едва только хотѣлъ взяться за колокольчикъ, какъ дверь отворилась.

На порогѣ, со свѣчей въ рукахъ, стояла Анна Дмитріевна, квартирная хозяйка, прекраснѣйшая женщина, любившая своихъ жильцовъ-студентовъ, какъ родныхъ; точно заботливая мать, она входила въ ихъ дѣла, чинила „тряпочки“—такъ называла она ихъ бѣлье—и дѣлилась скудными средствами, если кто изъ студентовъ нуждался.

Анна Дмитріевна была блѣдна и взволнована.

— Вы? Слава Богу! прошептала она.—А я ужь такъ боялась, что и домой-то не придете..

— Что̀ съ вами, Анна Дмитріевна? Здоровы ли?

— Я-то здорова, родной... голубчикъ мой. А вы-то, вы!... Бѣдняга вы мой!... Только что пріѣхалъ... радовался... Опять, дескать, въ Питерѣ! Извольте получать.. И за что, подумаешь... Ужь это навѣрное доносъ, навѣрное!...

— Про что вы, Анна Дмитріевна? Не понять!... недовольнымъ тономъ произнесъ Буканъ, смотря на старушку...

— Чего: не понять?! извѣстно, все тоже... Нѣтъ вамъ разрѣшенія жить здѣсь, и конецъ.

Буканъ былъ пораженъ. Анна Дмитріевна, между тѣмъ, несвязно и торопливо сообщала о посѣщеніи околодочнаго, „по знакомству“ сообщившаго ей сущность бумаги, для прочтенія которой Букана приглашали въ участокъ.

Цѣлую ночь не ложился молодой человѣкъ и безъ устали про-

ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Онъ примирился съ необходимостью покинуть Петербургъ и утѣшалъ себя мыслью, что учиться можно и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ, и даже въ медвѣжьемъ углу, если туда заброситъ судьба. Труднѣе или легче—въ этомъ весь вопросъ. Одиночество не страшило Букана. За эти дни онъ испыталъ худшія муки: онъ былъ на людяхъ, общался съ ними, слушалъ, говорилъ и все таки не видѣлъ... человѣка!

Его занималъ другой вопросъ, казавшійся существеннымъ и важнымъ,—вопросъ, за разрѣшеніе котораго онъ не пожалѣлъ бы года жизни.

Букану хотѣлось знать, какіе мотивы лишили его права жить въ столицѣ, кто повліялъ на это рѣшеніе, кто шепнулъ лживое, коварное и совершенно нелѣпое словечко.

— Кто же? кто?! съ горечью и тоскою спрашивалъ себя молодой человѣкъ; но когда съ назойливымъ упорствомъ на память приходило одно и то же имя, онъ рѣшительно махалъ рукой и съ горячностью шепталъ:

— Невозможно! Нѣтъ, невозможно! Допустить не могу...

VIII.

Когда Геннадію Семеновичу сообщили о неожиданномъ отъѣздѣ Букана, старикъ незамѣтно усмѣхнулся и замѣтилъ:—Я былъ увѣренъ, что это такъ окончится. Допрыгался! Доболтался! Изъ подобныхъ людей ничего путнаго выйти не можетъ.

Прокоповъ по прежнему привлекаетъ къ себѣ сердца довѣрчивой молодежи и, подъ сурдинку, обдѣлываетъ свои дѣлишки. Пакетъ „случайныхъ доходовъ“ растетъ и толстѣетъ, а Геннадій Семеновичъ, въ качествѣ стараго воина, по прежнему искусно носитъ маску ягненка и исподтишка глумится надъ своими поклонниками, повторяя излюбленное изреченіе:

— Прежде лучше было... Какъ можно сравнить!

Да и въ самомъ дѣлѣ: прежде честные люди рѣзко отличались отъ взяточниковъ, порядочныя женщины—отъ кокотокъ, умные—отъ глупыхъ; а теперь все такъ слилось и смѣшалось въ одно цѣлое, что нельзя сказать, гдѣ кончается одно и начинается другое...

К. Назарьева.

онъ относился недовѣрчиво, даже подозрительно, и пылалъ желаніемъ откровенно и прямо поговорить съ нимъ.

Геннадій Семеновичъ и Буканъ вошли въ гостинную. Старикъ предупредительно подвинулъ стулъ и, положивъ на столъ коробочку спичекъ, сказалъ:

— Пожалуйста... курить не хотите ли?

— Благодарю васъ. Накурился.

Хозяинъ и гость молчали. Обоимъ было неловко и, какъ это часто бываетъ, каждый мысленно порицалъ другаго.

„Зачѣмъ онъ сегодня опять пришелъ? Очень нужно! Еще попадешься тутъ изъ-за глупости", печалился Прокоповъ.

„Какое у него смущенное лицо... точно виноватое!.." размышлялъ Буканъ, и вопросъ, который онъ обдумывалъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, замиралъ на губахъ.

— Жарко, кажется, сегодня? спросилъ старикъ, чувствуя необходимость завести разговоръ.

— Очень жарко.

Снова воцарилось молчаніе, и съ каждымъ мгновеньемъ возрастала обоюдная неловкость.

— Успѣли повидать товарищей?—знакомыхъ?

— Нѣтъ, я нигдѣ не былъ.

Положеніе Прокопова становилось невыносимымъ. Онъ ясно сознавалъ невозможность втянуть Букана въ какую нибудь бесѣду и недоумѣвалъ: зачѣмъ онъ пришелъ сюда, что̀ ему надо?

— Я полагаю, теперь не худо бы самоварчикъ, произнесъ старикъ и всталъ, чтобы отправиться въ кухню. Буканъ стремительно поднялся и остановилъ его.

— Геннадій Семеновичъ, прерывающимся голосомъ заговорилъ онъ:—пожалуйста... Я васъ прошу... Важно мнѣ... очень... Я долженъ понять...

— Что̀ такое, Буканъ? Чего вы?

— Я.. я... видѣлся съ Мякининымъ.. Онъ мнѣ пріятель..... Разговорились... Откровенно... Пустая случайность навела... Это не предательство, даю слово...

Старикъ съ изумленіемъ глядѣлъ на юношу. Фактъ его знакомства съ Мякининымъ—являлся новостью, но, конечно, не въ ней была суть. Важно узнать, *что* говорилъ тотъ, и *какъ*, въ какомъ смыслѣ? Настигала опасность, противъ которой онъ боролся столько лѣтъ, всегда и вездѣ уготовляя лазейки. Чуть ли не въ первый разъ оплошалъ—и вотъ пронюхали... Въ глазахъ Прокопова *сверкнулъ злобный*, лукавый огонекъ. Какъ травленый волкъ,

прежде чѣмъ сдаться, онъ намѣревался потѣшиться, потомить врага.

— Это вы насчетъ чего, Буканъ? спокойно спросилъ онъ.

— Ахъ, вы знаете, Геннадій Семеновичъ! Вы сами понимаете, что̀ меня интересуетъ... Что̀ мнѣ важно...

— Простите, не угадываю... Ума не приложу!

— Ну, я скажу.... Василенко.. Вексель.. Ростовщикъ.. Подрядъ... Четыре радужныя! съ отчаяніемъ вырвались послѣднія слова, и Буканъ точно замеръ, ожидая взрыва негодованія.

Прокоповъ тихо засмѣялся и пожалъ плечами.

— Ахъ, юность, юность... Э, да и зеленый же вы народъ, какъ я посмотрю. То-то сидитъ, словно въ воду опущенный, а я догадаться не могу. Такъ значитъ вы, Буканъ и Мякининъ, рѣшили: Геннадій Семеновичъ—взяточникъ... мерзавецъ... Вѣрно?!

Буканъ молчалъ. Кровь съ силой прилила ему къ лицу, и онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе.

— Ну, молодой человѣкъ, въ наше время не такъ было, нѣтъ, не такъ. Если вѣрили кому, уважали, то не ходили собирать сплетни, а всякое сомнѣніе разрѣшали прямо, честно... Спрашивали... да-съ, спрашивали....

— Я съ тѣмъ и пришелъ, Геннадій Семеновичъ. То, что̀ я узналъ, показалось невѣроятнымъ, и хотя я видѣлъ документъ... вашу расписку.....

Прокоповъ вспылилъ, вышелъ изъ себя. Совершенно забывая свою обычную льстиво-вкрадчивую манеру, онъ началъ почти кричать.

Съ чего это взяли, что онъ, всѣми признанный и уважаемый дѣятель „золотаго вѣка“, станетъ оправдываться, объяснять? Онъ плюетъ на мнѣніе мальчишекъ; для него важно собственное уваженіе и оцѣнка общества... Когда онъ служилъ судьей, ему не въ примѣръ другимъ назначили больше жалованья; у него есть письма графа Михальчикова, гдѣ тотъ прямо называетъ его „идеальнымъ дѣятелемъ“; даже въ департаментѣ его отличаютъ, цѣнятъ... и вдругъ...

Геннадій Семеновичъ положительно задыхался. Его лобъ и щеки покрылись красными пятнами, грудь высоко вздымалась. Вынувъ платокъ, онъ обтеръ лобъ и, желая освѣжиться, началъ махать тонкимъ надушеннымъ батистомъ, нервно комкая его въ рукѣ.

— Я только одно и хотѣлъ знать, тихо вымолвилъ Буканъ. Взялись *вы за дѣло* Василенко?

Молодой человѣкъ стоялъ, держась за спинку кресла, и пристально, пытливо смотрѣлъ въ глаза собесѣдника.

— Взялъ! рѣзко и нахально отрѣзалъ Прокоповъ.

Буканъ слегка поклонился и, не оборачиваясь, пошелъ къ двери.

Геннадій Семеновичъ во время опомнился.

Для него лично мнѣніе Букана теперь не играло никакой роли, но онъ зналъ, что честность и правдивость юноши стоитъ внѣ сомнѣній, что ему будутъ вѣрить на-слово, и испугался неровной борьбы, ея послѣдствій и, главное, потери того ореола, которымъ наградила его увлекающаяся и неопытная юность, вѣрующая тому, во что хочется вѣрить.

— Постойте, Буканъ! Вы... вы... хорошій человѣкъ, но, какъ бы это сказать, непростительно...

— Глупъ въ смыслѣ практической жизни? Совершенно справедливо, я это знаю. Мое почтеніе.

— Да останьтесь же, вамъ говорятъ! нетерпѣливо повторилъ старикъ.—Я ни передъ кѣмъ не сталъ бы оправдываться, но вы—я васъ привыкъ уважать. Садитесь. Я вамъ скажу все.

Буканъ подумалъ одно мгновеніе и остался. Его сужденіе было составлено, и если онъ рѣшился выслушать объясненіе до конца, то съ исключительною цѣлью—опредѣлить нравственную натуру старика, являвшагося передъ нимъ въ новомъ свѣтѣ.

— Да, я взялъ, т. е. возьму извѣстную сумму съ мерзавца-ростовщика, возьму!!! Я считаю это вполнѣ нравственнымъ: человѣкъ всѣхъ и каждаго грабитъ, и вдругъ ему... даромъ... Ни за что на свѣтѣ! Вы полагаете, мнѣ это пріятно? Я долженъ ѣздить изъ-за него, просить, кланятся, *себя прижимать*. Понятно, всякій трудъ долженъ оплачиваться, но я копѣйкой не воспользуюсь, понимаете: *одной копѣйки не возьму себѣ*!.. Взяточникомъ меня ославляете?! Гадиной?! Нѣтъ, надо сначала узнать, а потомъ говорить. Вамъ сообщилъ ли Мякининъ, чего ради я согласился? Вашего же друга спасти нужно. Да-съ, нельзя не признать: нынче молодежь на такіе фокусы пускается, что только руками разведешь. Слышали, надѣюсь, *что* Василенко-то устроилъ?

— Да, да, знаю...

— То-то и есть, а меня позволяете себѣ осуждать. Положимъ, я... Но не въ этомъ дѣло. Я желаю объяснить вамъ...

— Не безпокойтесь, Геннадій Семеновичъ, мнѣ, право, не...

— Нѣтъ, вы должны меня выслушать, Буканъ, я этого требую, гнѣвно и торопливо крикнулъ старикъ. — Осуждать легко; еще легче, ничего не узнавъ хорошенько, не понявъ, въ чемъ суть, кричать... злословить...

— Но позвольте, я ровно ничего не говорилъ...

— Да, пока,—но станете!.. станете! Я въ этомъ убѣжденъ, обнаруживая свои опасенія, говорилъ Прокоповъ.—Васъ хлѣбомъ не корми, дай только опозорить человѣка шестидесятыхъ годовъ, человѣка, являющагося для васъ живымъ укоромъ....

Геннадій Семеновичъ захлебывался отъ негодованія и, переходя отъ ироніи къ жалкимъ словамъ, отъ оправданія къ нападенію, говорилъ быстро и горячо... Онъ точно боялся оставить какое нибудь подозрѣніе не разъясненнымъ и попадалъ впросакъ, упоминая о такихъ фактахъ, которые были неизвѣстны Букану.

— Да, я принимаю благодарности, съ мужествомъ героя заявилъ онъ:—но никогда, слышите, никогда не взялъ бы взятку! Странное дѣло! Богатому человѣку нужна моя помощь, я ему оказываю содѣйствіе, услугу дѣлаю,—и вполнѣ естественно, что онъ заплатитъ. Вы бы лучше спросили, куда я дѣваю эти деньги? Прокучиваю ихъ, проигрываю, комфортомъ себя балую? Нѣтъ, молодой человѣкъ, прежде чѣмъ осуждать—надо подумать. Каждый грошъ, заработанный мною такимъ путемъ, идетъ на благотвореніе... Но я твердо держусь завѣта хранить втайнѣ доброе дѣло, а не оскорблять бѣдняка, протягивающаго руку, не говорить о тѣхъ студенткахъ и студентахъ, которые были бы исключены за невзносъ платы, еслибы не я...

Букану становилось невыносимо. Обличенный, выведенный на чистую воду, Прокоповъ могъ бы возбуждать глубокое сожалѣніе въ душѣ молодаго человѣка, еслибы онъ оставался правдивымъ... Буканъ самъ нашелъ бы извиняющіе мотивы и въ отсутствіи выдержки, и въ заражающемъ вліяніи современности; но теперь Геннадій Семеновичъ возбуждалъ его отвращеніе. Фактически униженный, онъ драпировался въ тогу благодѣтеля; онъ доказывалъ нравственность своего поступка; онъ цинично смѣялся надъ довѣрчивостью молодежи.

— Если сосчитать всѣхъ, кому я помогалъ безкорыстно... надсаживался старикъ.—Понятно, богатые должны платить за бѣдныхъ. Какой нибудь ростовщикъ...

— Полноте, Геннадій Семеновичъ, глухимъ тономъ остановилъ Буканъ.—Вѣдь знаю я... Дѣло Порожняго... помните?.. Безкорыстная услуга... Виктора за равнодушіе упрекали... Тысяча рублей! Домъ принуждена была продать, чтобы вамъ по векселямъ уплатить, бѣдная женщина!

Прокоповъ былъ ошеломленъ. Онъ не допускалъ даже мысли, что этотъ фактъ можетъ быть извѣстенъ Букану, и со злобой, съ *презрѣніемъ отнесся* къ Мякинину:

„Негодяй—мальчишка! Выболталъ таки! А вѣдь честное слово далъ"...

— Прощайте, Геннадій Семеновичъ, упавшимъ голосомъ замѣтилъ Буканъ и торопливо пошелъ къ дверямъ.

Онъ опасался, что старикъ снова начнетъ удерживать его, заставитъ внимать своимъ оправданіямъ, станетъ издѣваться надъ нимъ—и вздохнулъ полною грудью, очутившись на улицѣ.

VII.

Прошло около недѣли.

Букану предстояло немало хлопотъ по поводу зачисленія въ университетъ, и онъ каждое утро странствовалъ по разнымъ канцеляріямъ, подавая прошенія, заявленія etc.

Ни съ кѣмъ изъ кружка Прокоповыхъ онъ не видѣлся за это время: не тянуло его къ людямъ вообще, а къ тѣмъ, которые обязательно напоминали бы тягостный инцидентъ,—и подавно. Какъ человѣкъ, сдѣлавшій или допустившій грубую ошибку, Буканъ мучился позднимъ раскаяніемъ и теперь, болѣе спокойно вглядываясь въ прошлое, удивлялся, какъ могъ онъ не замѣчать того или другаго факта, той или этой несообразности въ характерѣ Прокопова, какъ не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что у Геннадія Семеновича совсѣмъ не существовало старинныхъ знакомыхъ, добрыхъ, старыхъ друзей. Какъ ловкая кокетка, онъ постоянно привлекалъ къ себѣ новыхъ поклонниковъ, плѣнялъ ихъ яркимъ блескомъ чужихъ мыслей и фантастическихъ подвиговъ, а затѣмъ, понятый и оцѣненный по достоинству, оставался одинокимъ, порицая тѣхъ, кто бѣжалъ отъ него, и продолжая считать себя свѣточемъ.

Горько и обидно было на душѣ Букана, и онъ въ тысячный разъ проклиналъ свою довѣрчивость, постоянно наталкивающую его на ошибки и разочарованія. Жизненный опытъ не умудрялъ его, не дѣлалъ болѣе жестокимъ и практичнымъ, хотя разумъ шепталъ, что не слѣдуетъ растрачивать силъ души, не слѣдуетъ молиться огню, когда въ сердцѣ живетъ Богъ правды.

По вечерамъ, когда на улицахъ зажигались фонари, Буканъ любилъ бродить по набережной или, опершись на парапетъ, долго простаивалъ на одномъ мѣстѣ. Онъ любовался отраженіемъ огней, узкой и блестящей полоской преломлявшихся на волнующейся поверхности Невы. Онъ, какъ очарованный, восхищался цѣпью свѣтящихся точекъ, окаймлявшихъ гордую рѣку и, *казалось, соединявшихся* въ одно цѣлое; онъ слѣдилъ задумчивымъ,

мечтательнымъ взоромъ за мелькающими на яликахъ огоньками, здѣсь и тамъ сверкающими въ темной зыби; онъ внималъ глубокому всплеску волнъ, мѣрно ударявшихся о гранитныя оковы, и шепталъ отрывки поэмъ и лирическихъ произведеній, выражавшихъ его душевное состояніе.

Здѣсь, наединѣ съ собою, подъ синимъ небомъ, усыпаннымъ міріадами яркихъ звѣздъ, надъ красавицей-рѣкой, далекій и чуждый шумному городу, Буканъ не стыдился предаваться мечтательности, и бывали мгновенія, когда на глазахъ его навертывались слезы умиленія. Онъ готовъ былъ обнять весь міръ, онъ стремился отдать свою жизнь, энергію, силы, все дорогое, только бы засіяла снова лучезарная правда, только бы сгибла вѣковая ложь, щеголяющая во всякомъ нарядѣ.

— А, Буканъ! Наше вамъ! раздалось сзади молодаго человѣка.—Представьте, я былъ убѣжденъ, что встрѣчу васъ здѣсь. Обязательно! Такъ и ему сказалъ...

Буканъ обернулся. Передъ нимъ стояли Викторъ Прокоповъ и Вихоревъ.

Пожавъ руки молодыхъ людей, Буканъ пошелъ съ ними рядомъ по направленію къ Литейной. Его душевное настроеніе исчезло, и онъ спокойно отвѣчалъ на разспросы собесѣдниковъ.

— Ну, что, какъ дѣлишки? вмѣшался Вихоревъ.

— Да ничего! Бумаги приняты. Мое прошеніе, такъ сказать, признано.

— И вы увѣрены: больше ни-ни?

— Эхъ, Вихоревъ, вы вѣдь сами знаете, что, кромѣ той глупой вечеринки, у меня никакой вины нѣтъ за душой! За что же?

— Такъ, конечно.

— Кстати, Буканъ, вы вѣрно повздорили съ моимъ старче. А?.... Онъ противъ васъ и рветъ, и мечетъ.. Сегодня до чортиковъ договорился! И ренегатъ вы, и клеветникъ.. Потѣха! Впрочемъ, у него это быстро! то въ божницу радъ поставить, то помоями обольетъ.

Буканъ постарался измѣнить разговоръ и, скоро почувствовавъ, что никакой интересъ не роднитъ ихъ сегодня, а игривое настроеніе Виктора даже раздражаетъ, простился съ нимъ и пошелъ домой. Пожимая руку Букана, Вихоревъ дружелюбно сказалъ:

— Хоть бы зашли ко мнѣ когда....

— Спасибо, но теперь наврядъ ли. Надо усерднѣе засѣсть за работу; да и, признаться, хочется самому. Тянетъ.... Взглянулъ сегодня на университетъ—какъ-то хорошо и свѣтло на душѣ стало

Эти слова нечаянно сорвались у Букана, и ему сейчасъ

пришлось раскаяться. Викторъ протяжно свиснулъ, махнулъ рукой и насмѣшливо процѣдилъ сквозь зубы:

— Эвона что̀ выдумалъ: „тянетъ“.. Нѣтъ, меня *изъ* академіи тянетъ, только, понятно, съ дипломомъ.. Отзвонилъ, да и съ колокольни долой! Тоже не сахаръ науку эту самую вкушать....

Вихоревъ и Буканъ молча переглянулись и, прощаясь, крѣпче, чѣмъ обыкновенно, пожали другъ другу руки.

Странное ощущеніе не то грусти, не то предчувствія овладѣло Буканомъ, когда онъ возвращался домой, на Петербургскую сторону, и онъ то замедлялъ шаги, то шелъ, быстро шагая и размахивая рукой.

Стоялъ тихій, теплый вечеръ. Легкія облачки превратились въ темныя тучи и со всѣхъ сторонъ обложили небо. Чуялось приближеніе грозы, и дыханіе тѣснилось въ груди.

На крѣпостныхъ часахъ пробило двѣнадцать. Медленно и гулко прокатились удары, и раздалась знакомая мелодія церковнаго гимна. Буканъ, слегка подпѣвая, вбѣжалъ по темной лѣстницѣ и едва только хотѣлъ взяться за колокольчикъ, какъ дверь отворилась.

На порогѣ, со свѣчей въ рукахъ, стояла Анна Дмитріевна, квартирная хозяйка, прекраснѣйшая женщина, любившая своихъ жильцовъ-студентовъ, какъ родныхъ; точно заботливая мать, она входила въ ихъ дѣла, чинила „тряпочки“—такъ называла она ихъ бѣлье—и дѣлилась скудными средствами, если кто изъ студентовъ нуждался.

Анна Дмитріевна была блѣдна и взволнована.

— Вы? Слава Богу! прошептала она.—А я ужь такъ боялась, что и домой-то не придете..

— Что̀ съ вами, Анна Дмитріевна? Здоровы ли?

— Я-то здорова, родной... голубчикъ мой. А вы-то, вы!... Бѣдняга вы мой!... Только что пріѣхалъ... радовался... Опять, дескать, въ Питерѣ! Извольте получать.. И за что, подумаешь... Ужь это навѣрное доносъ, навѣрное!...

— Про что вы, Анна Дмитріевна? Не понять!... недовольнымъ тономъ произнесъ Буканъ, смотря на старушку...

— Чего: не понять?! извѣстно, все тоже... Нѣтъ вамъ разрѣшенія жить здѣсь, и конецъ.

Буканъ былъ пораженъ. Анна Дмитріевна, между тѣмъ, несвязно и торопливо сообщала о посѣщеніи околодочнаго, „по знакомству“ сообщившаго ей сущность бумаги, для прочтенія которой *Букана приглашали* въ участокъ.

Цѣлую ночь не ложился молодой человѣкъ и безъ устали про-

ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Онъ примирился съ необходимостью покинуть Петербургъ, и утѣшалъ себя мыслью, что учиться можно и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ, и даже въ медвѣжьемъ углу, если туда заброситъ судьба. Труднѣе или легче—въ этомъ весь вопросъ. Одиночество не страшило Букана. За эти дни онъ испыталъ худшія муки: онъ былъ на людяхъ, общался съ ними, слушалъ, говорилъ и все таки не видѣлъ... человѣка!

Его занималъ другой вопросъ, казавшійся существеннымъ и важнымъ,—вопросъ, за разрѣшеніе котораго онъ не пожалѣлъ бы года жизни.

Букану хотѣлось знать, какіе мотивы лишили его права жить въ столицѣ, кто повліялъ на это рѣшеніе, кто шепнулъ лживое, коварное и совершенно нелѣпое словечко.

— Кто же? кто?! съ горечью и тоскою спрашивалъ себя молодой человѣкъ; но когда съ назойливымъ упорствомъ на память приходило одно и то же имя, онъ рѣшительно махалъ рукой и съ горячностью шепталъ:

— Невозможно! Нѣтъ, невозможно! Допустить не могу...

VIII.

Когда Геннадію Семеновичу сообщили о неожиданномъ отъѣздѣ Букана, старикъ незамѣтно усмѣхнулся и замѣтилъ:—Я былъ увѣренъ, что это такъ окончится. Допрыгался! Доболтался! Изъ подобныхъ людей ничего путнаго выйти не можетъ.

Прокоповъ по прежнему привлекаетъ къ себѣ сердца довѣрчивой молодежи и, подъ сурдинку, обдѣлываетъ свои дѣлишки. Пакетъ „случайныхъ доходовъ“ растетъ и толстѣетъ, а Геннадій Семеновичъ, въ качествѣ стараго воина, по прежнему искусно носитъ маску ягненка и исподтишка глумится надъ своими поклонниками, повторяя излюбленное изреченіе:

— Прежде лучше было... Какъ можно сравнить!

Да и въ самомъ дѣлѣ: прежде честные люди рѣзко отличались отъ взяточниковъ, порядочныя женщины—отъ кокотокъ, умные—отъ глупыхъ; а теперь все такъ слилось и смѣшалось въ одно цѣлое, что нельзя сказать, гдѣ кончается одно и начинается другое...

К. Назарьева.

БИБЛІОТЕКА СОБРАНІЯ

НЕВѢСТА НИЛА.

Романъ **Георга Эберса.**

I.

Прошло уже болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Египетъ покорился юному, но баснословно-быстро окрѣпшему могуществу арабовъ. Онъ дешево достался въ руки отлично дисциплинированной горсти мусульманскихъ воиновъ, и такимъ образомъ прекрасная провинція, составлявшая еще недавно красу византійской имперіи и твердый оплотъ христіанства, сдѣлалась достояніемъ халифа Омара. Наряду съ крестомъ теперь повсюду возвышался полумѣсяцъ.

Стояло нестерпимо знойное лѣто, вызвавшее засуху: благодатный Нилъ до сихъ поръ обманывалъ надежды египтянъ, напрасно готовившихся, по обычаю, торжественно отпраздновать „ночь орошенія“, которая приходилась на семнадцатое іюня. Назначенный срокъ давно миновалъ, а вода въ рѣкѣ не только не прибывала, а, напротивъ, замѣтно убавлялась. Въ это тревожное время, переживаемое несчастною страною, десятаго іюля 643 года, въ Мемфисъ прибылъ съ сѣвера купеческій караванъ.

Въ разоренномъ городѣ пирамидъ, простирающемся въ видѣ громаднаго тростниковаго листа только въ длину, въ узкомъ пространствѣ между Ниломъ и цѣпью Ливійскихъ горъ, даже эта небольшая партія чужестранцевъ возбудила любопытство населенія, тогда какъ прежде мемфиты едва удостоивали взглядомъ необозримыя вереницы возовъ, нагруженныхъ дорогими товарами, красивые поѣзды экипажей, запряженныхъ волами, блестящіе отряды всадниковъ имперскаго войска или безконечныя процессіи, оживлявшія главную улицу города, которая простиралась больше, чѣмъ на цѣлую милю.

Хозяинъ каравана сидѣлъ на отлично выѣзженномъ верблюдѣ. *Это былъ худощавый* мусульманинъ въ одеждѣ изъ мягкаго

шолка. Широкая чалма покрывала его голову, отбрасывая легкую тѣнь на тонко очерченное немолодое лицо. Египетскій проводникъ, ѣхавшій рядомъ на бойкомъ осликѣ, съ удовольствіемъ посматривалъ на купца. Наружность путешественника не отличалась особенной красотой: у него были впалыя щеки, жидкая борода и большой орлиный носъ, но зато въ глазахъ отражались умъ и сердечная доброта. Болѣзнь и горе провели морщины по его пріятному лицу, однако, не смотря на это, въ хозяинѣ каравана была замѣтна рѣшительность и твердая воля. Слѣдовавшіе за нимъ арабы, съ ногъ до головы обвѣшенные оружіемъ, съ бородатыми, суровыми лицами, очевидно, находились у него въ безпрекословномъ повиновеніи, внимательно ловя малѣйшій знакъ своего повелителя.

Старшина герменевтовъ, или проводниковъ для иностранцевъ, ворчливый, смуглый мемфитъ каждый разъ, когда ему случалось нечаянно приблизиться къ угрюмымъ всадникамъ на дромадерахъ, безпокойно поводилъ плечами, какъ будто опасаясь удара бича или толчка, между тѣмъ какъ владѣлецъ каравана, купецъ Гашимъ, не внушалъ египтянину ни малѣйшаго недовѣрія, и онъ разговаривалъ съ нимъ, проявляя при этомъ словоохотливость, свойственную его званію.

— Какъ хорошо знаешь ты Мемфисъ! сказалъ проводникъ, когда пріѣзжій удивился печальной перемѣнѣ и упадку города.

— Тридцать лѣтъ назадъ, я нерѣдко бывалъ здѣсь по дѣламъ, отвѣчалъ купецъ.—Какъ много домовъ стоятъ теперь пустыми и заброшенными, тогда какъ прежде въ нихъ можно было найти себѣ пріютъ только съ большимъ трудомъ и за дорогую плату! Вездѣ развалины! Кто могъ привести въ такой жалкій видъ эту хорошенькую церковь? Арабы, какъ мнѣ извѣстно отъ самого полководца Амру, не разорили и не тронули ни одного христіанскаго храма.

— Но вѣдь то была главная церковь мелхитовъ, имперскихъ слугъ! воскликнулъ египтянинъ такимъ тономъ, какъ будто его слова оправдывали происшедшее самоуправство.

— Но что же дурнаго въ ихъ вѣроученіи? спросилъ купецъ, не убѣжденный такимъ доводомъ.

— Что дурнаго? возразилъ проводникъ, и его глаза засвѣтились гнѣвомъ.—Но вѣдь мелхиты оспариваютъ единую божественную природу Спасителя міра! Мало того, пока твои соотечественники не положили конца беззаконію, греки, опираясь на императорскую власть, поступали съ настоящими господами Египта, какъ со своими *невольниками*. Они силой гнали насъ въ свои

церкви; каждый египтянинъ слылъ у нихъ за бунтовщика; имъ пренебрегали, точно прокаженнымъ. Надъ нами издѣвались за нашу вѣру.

— И потому, перебилъ его купецъ:—какъ только мы побѣдили грековъ, вы стали разорять ихъ дома и обращаться съ ними хуже насъ, которыхъ вы называете „невѣрными".

— Неужели намъ слѣдовало щадить своихъ притѣснителей? надменно возразилъ египтянинъ, гнѣвно оглядываясь на разрушенное зданіе.—Они пожинаютъ, что̀ посѣяли, и теперь въ Египтѣ—благодареніе Богу!—всѣ, кто не принадлежитъ къ мусульманству, исповѣдуютъ нашу вѣру. Мы обязаны уничтожить ихъ жалкіе храмы, такъ какъ на халкедонскомъ соборѣ—да будетъ онъ проклятъ!—эти еретики лишили Христа его божественнаго достоинства.

— Но все таки мелхиты ваши единовѣрцы и христіане, настаивалъ купецъ.

— Христіане! повторилъ проводникъ, презрительно пожимая плечами.—Пускай они считаютъ сами себя, чѣмъ угодно, но въ этой странѣ всѣ мы, отъ мала до велика, убѣждены въ томъ, что греческіе выходцы не имѣютъ права называться нашими единовѣрцами и причислять себя къ христову стаду. Да будутъ всѣ они прокляты со своими еретическими затѣями! Они унижаютъ религію дьявольскими выдумками. Посмотри на священное изображеніе мелхитовъ вонъ тамъ, у каменнаго столба: видишь голову коровы на человѣческомъ туловищѣ? Чѣмъ это лучше языческаго идола? Мы, якобиты, монофизиты, или какъ бы насъ ни называли, признаёмъ нераздѣльно божественную природу Господа Спасителя, и если наша вѣра должна быть уничтожена, то я охотнѣе сдѣлаюсь мусульманиномъ, признаю вашего великаго единаго Бога. Пусть меня разрѣжутъ на куски вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, но я ни за что не присоединюсь къ мелхитской ереси. Какъ знать, пожалуй, египтянамъ не будетъ хуже подъ игомъ арабовъ. Вы пріобрѣли большую власть и можете удержать ее. Если намъ пришлось подчиняться чужестранцамъ, то каждый изъ насъ охотнѣе заплатитъ маленькую подать мудрымъ мединскимъ калифамъ, чѣмъ большую—константинопольскому императору. Мукаукасъ Георгій *)—человѣкъ хорошій; если онъ такъ скоро сдался вамъ, значитъ, находилъ это разумнымъ. Я знаю отъ своего брата, что намѣстникъ считаетъ арабовъ честными, богобоязненными людьми, нашими сосѣдями и,

*) *Нѣчто въ родѣ царскаго намѣстника, по арабскимъ источникамъ.*

жалуй единоплеменниками, а византійскихъ еретиковъ, притѣснявшихъ египтянъ, ненавидитъ, какъ собакъ; между тѣмъ Георгій—примѣрный христіанинъ.

Арабскій купецъ, улыбаясь про себя, внимательно слушалъ кемфита; герменевтъ нѣсколько разъ прерывалъ свою рѣчь, разговаривая ходомъ каравана. Наконецъ египтянинъ направилъ верблюдовъ Гашима въ переулокъ, который выходилъ на другую людную улицу и былъ обстроенъ красивыми домами, утопавшими въ зелени садовъ.

Здѣсь мостовая была не такъ избита, что̀ дало возможность пріѣзжему купцу продолжать разговоръ съ проводникомъ.

— Я хорошо зналъ отца намѣстника Георгія, сказалъ арабъ:— онъ былъ богатый и благомыслящій человѣкъ. Теперь и про его сына говорятъ одно хорошее. Но развѣ за нимъ по прежнему осталось званіе „намѣстника“ или, какъ ты сказалъ?—мукаукаса?

— Конечно, господинъ! отвѣчалъ герменевтъ.—Ихъ родъ самый древній въ Египтѣ, и если старый Менасъ былъ богатъ, то его сынъ еще богаче, благодаря наслѣдству и отличному имѣнію, взятому за женой. Болѣе разумнаго и справедливаго намѣстника нельзя пожелать! Онъ и теперь строго наблюдаетъ за своими подчиненными, но все таки дѣла рѣшаются уже не такъ быстро, какъ прежде. Хотя намѣстникъ немногимъ старше меня, а мнѣ подъ пятьдесятъ лѣтъ, но его здоровье очень плохо, и онъ вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не выходитъ изъ дому; даже намѣстникъ вашего халифа является къ нему самъ для переговоровъ. Всѣ жалѣютъ почтеннаго Георгія, а кто виноватъ въ его болѣзни? Мелхитскія собаки! Спроси по всему побережью Нила о виновникѣ несчастія и, каждый отвѣтитъ тебѣ то же самое. Гдѣ прошелъ мелхитъ, гдѣ побывалъ грекъ, тамъ больше не выростетъ травы!

— Но послушай, какъ могъ мукаукасъ, высшій имперскій чиновникъ... началъ арабъ.

— А ты думаешь, что греки щадили Георгія? съ жаромъ прервалъ его герменевтъ.—Они, конечно, не смѣли явно задѣть намѣстника, но зато сдѣлали еще хуже. Во время возстанія мелхитовъ противъ египтянъ—это происходило въ Александріи и покойный греческій патріархъ Киръ дѣйствовалъ заодно съ нашими врагами—двое сыновей Георгія въ полномъ цвѣтѣ силъ были умерщвлены самымъ безчеловѣчнымъ образомъ; вотъ что̀ подкосило старика.

— Бѣдный Георгій! произнесъ со вздохомъ арабъ.—А другихъ дѣтей у него не осталось?

— Остался еще *одинъ* сынъ и вдова старшаго сына. Она, ко-

нечно, тотчасъ поступила въ монастырь послѣ смерти мужа, но ея дочь Марія, десятилѣтняя дѣвочка, осталась у дѣда и бабушки.

— Вотъ это хорошо! воскликнулъ купецъ:—по крайней мѣрѣ, въ домѣ намѣстника не такъ скучно.

— Конечно, господинъ, но у Георгія и безъ того не скучно, въ особенности теперь. Единственный оставшійся въ живыхъ сынъ мукаукаса, Оріонъ, вернулся третьяго дня изъ Константинополя послѣ долгаго отсутствія. Надо было видѣть, какъ ликовалъ нашъ городъ! Тысячная толпа встрѣтила юношу, точно царя; ему воздвигли тріумфальную арку, весь народъ высыпалъ на улицу, и мое семейство тоже не отстало отъ другихъ. Каждому хотѣлось поскорѣе увидать сына и наслѣдника великаго мукаукаса, а женщины, конечно, больше всѣхъ сгорали любопытствомъ!

— Ты говоришь такимъ тономъ, какъ будто не одобряешь этихъ почестей, замѣтилъ арабъ.

— Какъ тебѣ сказать? возразилъ арабъ, пожимая плечами.— Оріонъ, во всякомъ случаѣ, единственный сынъ самаго знаменитаго человѣка въ странѣ.

— Но развѣ онъ не обѣщаетъ сдѣлаться такимъ же, какъ его отецъ?

— Конечно, обѣщаетъ! воскликнулъ проводникъ.—Мой братъ священникъ, старшина здѣшняго высшаго училища, былъ наставникомъ Оріона и говоритъ, что ему никогда не случалось видѣть юноши такого необыкновеннаго ума. Ученье давалось мальчику легко, однако онъ былъ прилеженъ, какъ сынъ бѣдняка. По словамъ Марка, Оріонъ будетъ славой и честью своихъ престарѣлыхъ родителей, своихъ согражданъ и всего Мемфиса, но я не одобряю въ немъ одной черты характера и заранѣе говорю, что женщины вскружатъ ему голову и доведутъ юношу до гибели. У него прекрасная наружность; онъ еще болѣе статенъ, чѣмъ былъ Георгій въ молодые годы, и молодой человѣкъ пользуется этимъ. Стоитъ Оріону увидѣть хорошенькое женское личико, а они постоянно попадаются ему на дорогѣ....

— И повѣса тотчасъ готовъ увлечься красоткой? перебилъ со смѣхомъ мусульманинъ.—Ну, это еще бѣда не велика!

— Нѣтъ, господинъ! Даже мой братъ, который живетъ теперь въ Александріи и по прежнему слѣпо любитъ своего бывшаго воспитанника, говоритъ, что женщины не доведутъ до добра Оріона. Если онъ не исправится, то будетъ все дальше и дальше уклоняться отъ заповѣдей божіихъ и повредитъ своей душѣ. *Между тѣмъ* соблазны окружаютъ его на каждомъ шагу. Благо-

дный даръ красоты и привлекательности погубитъ сына Геор-я; я не желаю ему зла, однако мнѣ кажется....

— Ты видишь все въ мрачномъ цвѣтѣ и судишь слишкомъ рого, возразилъ старикъ.—Молодежь.....

— Даже и молодежь, возразилъ проводникъ:—по крайней мѣ-ѣ, христіанская, должна обуздывать свои страсти. Я самъ готовъ тдать душу за красавца Оріона; этого малаго нельзя не любить; огда встрѣтишь его и онъ тебѣ поклонится, такъ весь про-вѣтлѣешь отъ радости. То же самое чувствуютъ къ нему тысячи емфитовъ, а про женщинъ и говорить нечего. Но, не смотря на оброту юноши, изъ-за него пролито немало слезъ. Однако... лянусь всѣми святыми!... нашъ молодчикъ легокъ на поминѣ... Зотъ онъ, посмотри!... Остановись!... Эй, люди, остановитесь! Ты е будешь сожалѣть о минутной задержкѣ, господинъ: на Оріона тоитъ полюбоваться.

— Красивая четверка лошадей, тамъ, у высокихъ садовыхъ юротъ, принадлежитъ ему?

— Да, у него отличные паннонскіе рысаки, привезенные не-давно въ Египетъ, быстрые, какъ стрѣла, и притомъ... Ахъ, ка-ая досада, теперь они исчезли за оградой! Впрочемъ, ты дол-кенъ видѣть ихъ со своего высокаго дромадера. Молоденькая дѣвушка рядомъ съ Оріономъ,—дочь вдовы Сусанны, которой ринадлежитъ этотъ садъ и красивый дворецъ за деревьями.

— Великолѣпное имѣніе! воскликнулъ арабъ.

— Еще бы, отвѣчалъ мемфитъ:—садъ доходитъ до самаго Нила, и какъ онъ прекрасно обработанъ!

— Не жилъ ли здѣсь прежде торговецъ зерновымъ хлѣбомъ, Ямаммонъ? спросилъ купецъ, неожиданно вспомнивъ о чемъ-то.

— Конечно! Онъ былъ мужъ Сусанны и, говорятъ, женился на ней уже немолодымъ. У нихъ всего одна дочь, самая бога-тая наслѣдница въ нашемъ околодкѣ; не смотря на свои шест-надцать лѣтъ, она очень мала ростомъ, какъ видишь. Но это понятно: ея отецъ слишкомъ поздно вступилъ въ бракъ. Однако молодая дѣвушка миловидна и весела, какъ птичка, и при этомъ удивительно проворна.

— Дѣйствительно, она скорѣе похожа на ребенка, чѣмъ на женщину, но мнѣ нравится ея граціозная, подвижная фигурка. Сынъ намѣстника... какъ его зовутъ?

— Оріономъ.

— Чортъ возьми! усмѣхнулся старикъ.—Ты сказалъ про него истинную правду. Такихъ юношей, какъ этотъ Оріонъ, очень немного на свѣтѣ. Какой ростъ! Какъ идутъ къ нему темные

юношу при свиданіи съ величавымъ видомъ знатной женщины въ полномъ расцвѣтѣ красоты; и одиночество, и горькая зависимость были забыты ею въ ту минуту. Ласковое обращеніе Оріона согрѣло ей сердце: она мгновенно ожила, какъ цвѣтокъ, вынесенный на свѣжій воздухъ изъ темной и душной комнаты.

Живой умъ и веселость молодаго человѣка заставили ее встрепенуться. Въ ней вдругъ воскресла вѣра въ свои силы, наполняя душу дѣвушки горячей благодарностью. Она такъ давно не испытывала этого отраднаго чувства! Блаженный сегодняшній вечеръ довершилъ происшедшую въ ней перемѣну. Паула вспомнила, что она молода и имѣетъ право быть счастливой, наслаждаться жизнью, пожалуй, даже любить, внушая взаимную любовь. Поцѣлуй Оріона горѣлъ на ея правой рукѣ, когда она вошла въ прохладную комнату, гдѣ Нефорисъ сидѣла за прялкой около постели больнаго мужа. Георгій имѣлъ обыкновеніе поздно ложиться спать, и они вмѣстѣ поджидали молодежь. Растроганная Паула, нѣжно поцѣловавъ руку дяди, поцѣловала даже тетку, когда подошла къ ней съ маленькой Маріей пожелать доброй ночи. Однако Нефорисъ очень сухо приняла ея ласку, причемъ посмотрѣла на дѣвушку и на своего сына испытующимъ взглядомъ. Очевидно, она догадывалась объ ихъ увлеченіи, но находила неумѣстнымъ заговорить объ этомъ въ настоящую минуту.

Жена Георгія отпустила племянницу, послѣ чего слуги перенесли больнаго въ спальню, гдѣ она дала ему бѣлыхъ пилюль: намѣстникъ давно уже не могъ спать безъ успокоительнаго лѣкарства. Жена долго поправляла ему подушки, пока онъ не устроился вполнѣ удобно, и, только убѣдившись, что въ сосѣдней комнатѣ сидитъ дежурный слуга, она оставила мужа, чтобы пойти къ сыну.

Высокая ростомъ, плотная, нѣсколько тяжеловѣсная, Нефорисъ была въ молодости видной дѣвушкой съ благородной осанкой. Ея глаза смотрѣли особенно трезвымъ взглядомъ, но строгое лицо не отличалось красотою. Между тѣмъ годы не оставили на ней замѣтныхъ слѣдовъ, и теперь жена мукаукаса сдѣлалась благообразной, полной, нѣсколько надменной матроной и только была блѣдна отъ недостатка моціона на свѣжемъ воздухѣ. Многолѣтній уходъ за больнымъ мужемъ согналъ румянецъ съ ея щекъ. Благородное происхожденіе и высокое положеніе въ обществѣ сообщили ей извѣстную самоувѣренность и достоинство, но жена Георгія не умѣла располагать къ себѣ людей. Она не понимала чужихъ страданій и радостей, хотя охотно жертвовала всѣмъ для своихъ близкихъ. Нефорисъ была примѣрная жена, любящая мать, но ея

доброта не распространялась дальше ограниченнаго круга семейныхъ привязанностей. Оставивъ мужа, матрона постучалась въ комнату сына; юноша очень обрадовался неожиданному приходу матери. Она пришла переговорить съ нимъ откровенно, не откладывая щекотливыхъ объясненій. Ей было ясно, что между ея обожаемымъ сыномъ и ненавистной Паулой завязывается что-то серьезное, чему нужно немедленно положить предѣлъ.

По ея словамъ, она не могла заснуть, такъ какъ ей хотѣлось поскорѣе высказать Оріону свое завѣтное желаніе, раздѣляемое также и его отцомъ.

— Ты, конечно, понялъ, о чемъ идетъ рѣчь, продолжала Нефорисъ:—потому что я говорила объ этомъ еще вчера. Отецъ встрѣтилъ тебя какъ нельзя болѣе ласково и заплатилъ твои долги, не сказавъ ни слова порицанія. Теперь тебѣ пора положить конецъ прежней разсѣянной жизни и обзавестись семьей. Ты знаешь, что мы подъискали для тебя невѣсту. Давеча къ намъ приходила Сусанна и сказала, что сегодня утромъ ты окончательно вскружилъ голову ея Катеринѣ.

— Къ сожалѣнію, прервалъ съ досадой Оріонъ:—ухаживанье за женщинами обратилось у меня въ привычку, но съ этихъ поръ я буду держать себя совершенно иначе; такія глупости недостойны порядочнаго человѣка. Кромѣ того, я чувствую...

— Что теперь надо серьезно подумать о будущемъ, подсказала Нефорисъ.—Я именно объ этомъ и хотѣла потолковать съ тобою. Не знаю, почему ты избѣгаешь женитьбы; было бы гораздо лучше, еслибы я завтра же переговорила съ Сусанной. Вѣдь ты, конечно, замѣтилъ расположеніе ея дочери. Чего-же лучше? Катерина—самая богатая наслѣдница въ нашемъ околоткѣ, хорошо воспитана и, повторяю еще разъ, ты похитилъ ея сердечко.

— Я охотно возвращу его обратно, со смѣхомъ отвѣчалъ Оріонъ.

— Оставь неумѣстныя шутки, вскричала разсерженная мать:—я говорю съ тобой совершенно серьезно. Катерина отличная дѣвушка и будетъ, Богъ дастъ, хорошей женой... Но, пожалуй, ты полюбилъ уже какую нибудь женщину въ Константинополѣ? Можетъ быть, прекрасную родственницу сенатора Юстина?.. Но нѣтъ, это пустяки: ты не могъ предположить, что мы отнесемся благосклонно къ вѣтряной гречанкѣ!

Оріонъ обнялъ мать и произнесъ съ глубокой нѣжностью:

— Нѣтъ, матушка, въ Константинополѣ я не оставилъ ничего дорогаго моему сердцу, зато здѣсь, въ родительскомъ домѣ, нашелъ *несравненную жемчужину*, которая лучше всего видѣннаго

мною на Босфорѣ. Крошка Катерина не подходитъ къ нашей богатырской семьѣ; наши потомки во всѣхъ отношеніяхъ должны превосходить простой народъ, и я хочу взять въ жены не игрушку, а настоящую женщину, высокую ростомъ, красивую, съ благородной осанкой, какою ты была сама въ молодые годы. Мое сердце влечетъ къ себѣ не дѣвочка, а царственная красавица, достойная нашего рода. Я буду вполнѣ откровененъ: мой выборъ остановился на Паулѣ, дочери благороднаго Ѳомы. Сегодня меня какъ будто осѣнило откровеніе свыше, и теперь я прошу моихъ родителей благословить нашъ союзъ.

Нефорисъ дала сыну высказаться, сохраняя рѣдкое самообладаніе, потому что каждое слово юноши было для нея жестокой пыткой.—Замолчи, прошу тебя! воскликнула наконецъ матрона, когда у нея не стало терпѣнія сдерживать свой гнѣвъ.—Сохрани тебя Богъ серьезно думать о такомъ безумномъ бракѣ! Развѣ ты забылъ наше высокое званіе, ужасную смерть твоихъ братьевъ и страданія соотечественниковъ подъ греческимъ игомъ? Что мы значимъ между греками? А между своими единовѣрцами мы занимаемъ первенствующее мѣсто и сохранимъ его, отвративъ свои сердца отъ языческихъ вѣроученій. Внукъ Менаса, братъ двоихъ мучениковъ за наше высокое вѣроисповѣданіе, хочетъ жениться на мелхиткѣ! Такая мысль равносильна кощунству, богохульству; я не могу выразиться иначе. Лучше мы останемся безъ внуковъ, чѣмъ дадимъ согласіе на такой бракъ. Ради изгнанницы, у которой нѣтъ ничего, кромѣ гордости и жалкихъ крохъ прежняго богатства, которая никогда не была намъ равной, ради этой неблагодарной, бѣдные родители должны лишиться сына, единственнаго утѣшенія на старости лѣтъ, оставленнаго имъ Провидѣніемъ! Повѣришь ли ты, что заносчивая гречанка не хочетъ никогда пожелать мнѣ даже добраго утра, между тѣмъ какъ я сама имѣю привычку здороваться со своими невольниками? Знай, что ни я, ни отецъ никогда не согласимся благословить твоего выбора. Оріонъ, любимое дитя мое, ты всегда отличался своеволіемъ, однако я не допускаю мысли, чтобы ты рѣшился оскорбить насъ ради этой бездушной красавицы, едва знакомой тебѣ! Если ты поступишь такимъ образомъ, я умру съ горя, и послѣдніе дни твоего отца будутъ отравлены твоей неблагодарностью. Но нѣтъ, ты не рѣшишься сдѣлаться палачемъ своихъ родителей... Однако если... если въ несчастную минуту ты посягнешь на наши родительскія права, то, клянусь Богомъ, я вырву *материнскую любовь* изъ своего сердца, какъ вредную ядовитую траву, *хотя бы это стоило* мнѣ жизни!

— Все давно готово, отвѣчалъ предводитель каравана, красивый мужчина высокаго роста, статный, какъ дубъ, съ бѣлокурыми волосами, курчавыми и густыми, точно львиная грива. Длинные усы еще болѣе красили его.

— Тѣмъ лучше, замѣтилъ Гашимъ.—Выйдемъ со мною на свѣжій воздухъ.

Съ этими словами купецъ пошелъ впереди масдакита въ пальмовую рощу. Солнце закатилось уже за пирамидами, городомъ мертвыхъ и за ливійской цѣпью горъ. Вечерняя заря играла на обнаженныхъ утесахъ вавилонскаго хребта по ту сторону рѣки. Можно было подумать, что всѣ сорты розъ, разведенныхъ самымъ искуснымъ садовникомъ въ Арсиноѣ или въ Навкратисѣ, начиная съ золотисто-желтыхъ до ярко-красныхъ и темно-фіолетовыхъ, отдали свои краски, чтобы испестрить ими склоны, выступы и ущелья горъ.

Старикъ Гашимъ былъ восхищенъ такимъ волшебнымъ зрѣлищемъ. Тревожно дыша, онъ положилъ свою нѣжную руку на могучее плечо перса и сказалъ:

— Вашъ учитель Масдакъ говоритъ, будто бы, по волѣ Всевышняго, всѣ земныя блага должны быть равномѣрно распредѣлены между людьми, чтобы на землѣ не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; всякая собственность, по его ученію, должна быть общей. Но посмотри вокругъ себя и скажи, что̀ можетъ быть лучше подобной картины? А, между тѣмъ, чья она собственность? Эта несравненная красота равно принадлежитъ и тебѣ, и мнѣ, и нашему могущественному калифу, и бѣдняку Салеху, которому мы позволяемъ изъ милости бѣжать за нашими верблюдами, подъ жгучимъ солнцемъ, по горячему песку, безъ обуви и одежды. И сколько истинно прекраснаго разсѣяно такъ по бѣлу свѣту, Рустемъ! И все оно—общее достояніе. Съ вещественнымъ богатствомъ, конечно, нельзя такъ поступить... Мы всѣ стоимъ на одинаковой аренѣ; однако, еслибы самымъ быстрымъ бѣгунамъ привязывали къ ногамъ тяжелый свинецъ, чтобы помѣшать имъ опередить другихъ, тогда... Но оставимъ этотъ разговоръ: будемъ лучше любоваться огнями заката. Взгляни: тамъ, гдѣ выступъ мѣловаго утеса походилъ на ярко-красный колокольчикъ, теперь блещетъ рубинъ; что̀ напоминало собою фіалку—обратилось въ темный аметистъ. Золотая кайма облаковъ похожа на оправу дорогихъ камней, и все это равно принадлежитъ тебѣ, мнѣ, всѣмъ намъ до тѣхъ поръ, пока мы въ состояніи наслаждаться чуднымъ зрѣлищемъ.

Масдакитъ засмѣялся звучнымъ гармоническимъ смѣхомъ и вскричалъ:

— Да; господинъ, но для этого нужно имѣть твои глаза. Разумѣется, я также различаю пестрыя краски по склонамъ горъ и на небѣ, и сознаю, что такія красивыя картины рѣдкость у насъ на родинѣ. Но что̀ пользы въ игрѣ вечерней зари? Ты видишь рубины и аметисты тамъ, на высотѣ, а я предпочитаю драгоцѣнные камни въ твоихъ тюкахъ и готовъ отдать за нихъ всю красоту заката безъ малѣйшаго сожалѣнія, хоть навсегда.

При этомъ Рустемъ снова расхохотался и продолжалъ:

— Но, разумѣется, отецъ мой, ты не согласился бы на такой обмѣнъ: мы, бѣдные масдакиты, не можемъ равняться съ вами, зажиточными арабами.

— Ну, а еслибы я подарилъ тебѣ дорогой тюкъ?

— Тогда я продалъ бы его и спряталъ деньги, а потомъ купилъ бы себѣ на родинѣ землю да сосваталъ красивую жену и сталъ разводить верблюдовъ и коней.

— Но на слѣдующій день къ тебѣ пришли бы одинъ за другимъ бѣдные сосѣди требовать на свою долю отъ твоего имущества то клочокъ земли, то верблюда или жеребенка; тогда ты лишился бы всего, а твоя красивая жена пошла бы съ тобой по міру, дѣлиться съ другими остальнымъ добромъ, по вашимъ завѣтамъ. Поэтому пусть лучше все останется по старому, Рустемъ. Молись Богу, чтобы онъ сохранилъ прежде всего твое незлобивое сердце, неразумный упрямецъ.

Великанъ склонился къ плечу своего господина и съ чувствомъ поцѣловалъ его. Въ это время къ нимъ подошелъ герменевтъ съ вытянутымъ лицомъ: ему не удалось исполнить своего порученія. Мукаукасъ Георгій совершенно неожиданно поѣхалъ кататься въ лодкѣ со своимъ семействомъ. По словамъ домоправителя, возвращеніе Оріона совершенно преобразило его.

Такимъ образомъ, Гашиму приходилось подождать до утра. Проводникъ совѣтовалъ ему помѣститься въ самомъ городѣ, въ гостинницѣ Зострата, гдѣ можно пользоваться всѣми удобствами. Но купецъ предпочелъ не покидать своего каравана.

Отсрочка свиданія съ Георгіемъ не очень огорчила его, тѣмъ болѣе, что онъ хотѣлъ посовѣтоваться здѣсь съ врачемъ объ одной застарѣлой болѣзни. Проводникъ указалъ ему тогда на Филиппа, самаго ученаго и знаменитаго врача въ цѣломъ округѣ.

— Здѣсь, дѣйствительно, несравненно лучше, чѣмъ въ городѣ, прибавилъ египтянинъ.—Изъ бесѣдки на верху можно наблюдать комету, которая за нѣсколько дней передъ тѣмъ показалась на небѣ, какъ предвѣстница различныхъ бѣдствій. Весь городъ по *этому поводу* въ тревогѣ, и теперь никто изъ мемфитовъ не при-

ходитъ больше погулять въ пальмовую рощу возлѣ гостинницы Несита, между тѣмъ какъ въ другое время здѣсь почти каждый вечеръ собиралось большое общество; безпокойство жителей мѣшаетъ имъ думать объ удовольствіяхъ.

Съ этими словами египтянинъ опять сѣлъ на осла, чтобы ѣхать за докторомъ, а старый Гашимъ отправился, опираясь на руку перса, къ скамейкамъ подъ тѣнью пальмъ. Опустившись на разостланный коверъ, онъ поднялъ глаза къ звѣздному небу, пока его спутникъ мечталъ о своей родинѣ и о возможности обзавестись красивой женой, которая представлялась ему въ видѣ статной бѣлокурой женщины. Но вдругъ всѣ воздушные замки разлетѣлись прахомъ.

Къ берегу приближалась одинокая лодка, и персіянинъ указалъ на нее своему господину. Нилъ разстилался передъ ними, какъ широкая полоса черной парчи, заткапной серебромъ. Прибывающій мѣсяцъ освѣщалъ его поверхность, подернутую легкой зыбью. Въ недвижномъ воздухѣ носились летучія мыши, прилетая сюда изъ города мертвыхъ. Надъ темною рѣкою только изрѣдка мелькали бѣлые косые паруса, но теперь со стороны города приближалась большая лодка, украшенная цвѣтными фонарями.

— Навѣрно это ѣдетъ мукаукасъ Георгій, сказалъ купецъ.

Судно медленно плыло къ пальмовой рощѣ. Одновременно съ тѣмъ, по дорогѣ, позади гостинницы, раздался конскій топотъ. Гашимъ обернулся и увидалъ людей съ факелами, сопровождавшихъ экипажъ.

— Вѣроятно, сказалъ старикъ: — больной намѣстникъ выйдетъ изъ лодки въ здѣшней бухтѣ, чтобы вернуться домой на лошадяхъ, изъ опасенія ночной сырости на рѣкѣ. Какъ странно, что мнѣ приходится сегодня вторично встрѣтить его сына.

Гондола намѣстника подплывала. Это было большое красивое судно изъ кедроваго дерева съ ярко позолоченными украшеніями и статуей св. Іоанна, семейнаго патрона, поставленной на носу. Ореолъ вокругъ головы этой фигуры былъ увѣшанъ фонариками; большіе фонари освѣщали переднюю часть палубы и корму. Здѣсь подъ балдахиномъ лежалъ мукаукасъ Георгій, а рядомъ съ нимъ сидѣла его жена, Нефорисъ. Противъ нихъ помѣщался сынъ и молоденькая дѣвушка высокаго роста, а у ея ногъ свернулась дѣвочка лѣтъ десяти, положивъ хорошенькую головку къ ней на колѣни. Гречанка среднихъ лѣтъ сидѣла поодаль на коврѣ, возлѣ высокаго мужчины, врача Филиппа.

На палубѣ раздавались мелодичные звуки лютни, на которой игралъ недавно вернувшійся домой Оріонъ. Гондола съ ея кавка-

жирами представляла красивую картину мирнаго семейнаго счастія знатныхъ людей. „Но кто была молодая дѣвушка, сидѣвшая рядомъ съ Оріономъ?“ спрашивалъ себя Гашимъ. Сынъ Георгія былъ буквально поглощенъ ея присутствіемъ и, водя рукой по струнамъ, заглядывалъ ей въ лицо, какъ будто игралъ для нея одной.

Его спутница казалась смущенной и счастливой.

Когда судно причалило къ берегу, и пріѣзжій арабъ могъ разсмотрѣть черты незнакомки, онъ былъ поражонъ ея благородной, пластичной красотою, чисто греческаго типа.

Богато одѣтые рабы, подоспѣвшіе вмѣстѣ съ экипажемъ, вскочили въ гондолу, спѣша перенести намѣстника на берегъ. Онъ сѣлъ въ креслахъ въ родѣ носилокъ. Высокій негръ готовился поднять ихъ сзади, а другой невольникъ взялся за переднія ручки, но Оріонъ отстранилъ его и самъ понесъ отца на пристань.

Молодой человѣкъ исполнилъ это безо всякаго усилія. Опустивъ кресло на землю, онъ улыбнулся старику и весело крикнулъ женщинамъ, чтобы онѣ вышли изъ лодки и подождали его.

Нефорисъ, жена намѣстника, стояла возлѣ мужа, укутывая больнаго теплымъ платкомъ.

— Несчастный! замѣтилъ купецъ Рустему, взглянувъ на Георгія:—какъ онъ долженъ страдать! Но и самую тяжелую болѣзнь можно переносить терпѣливо, если имѣешь такого примѣрнаго сына.

Когда молодая дѣвушка, ведя за собой ребенка, вышла изъ лодки, Гашимъ не могъ налюбоваться ея красотой, и теперь ему стало понятно, почему сегодня поутру Оріонъ пренебрегъ цвѣтами Катерины. Малорослой дочери вдовы Сусанны было далеко до этой красавицы царственнаго вида; стройная фигура, плавныя движенія, гармоническій голосъ придавали ей необыкновенное очарованіе. Она указывала дѣвочкѣ на комету и на нѣкоторыя созвѣздія, называя ихъ по именамъ.

Гашимъ сидѣлъ въ тѣни и могъ наблюдать за нею, оставаясь незамѣченнымъ. На одной изъ скамеекъ былъ поставленъ фонарь, принесенный съ лодки, такъ что купцу было видно все, что здѣсь происходило. Старикъ былъ радъ неожиданному развлеченію, сильно интересуясь всѣмъ, касавшимся Оріона. Этотъ необыкновенный юноша подстрекалъ его любопытство, а видъ дѣвушки, сидѣвшей на скамьѣ, приводилъ впечатлительнаго араба въ восхищеніе. Маленькая дѣвочка съ ними была, вѣроятно, внучка намѣстника, Марія. Наконецъ экипажъ тронулся. Копыта лошадей застучали по дорогѣ, и нѣсколько времени спустя Оріонъ вернулся *къ своимъ* спутницамъ.

Онъ несомнѣнно отдавалъ молодой гречанкѣ предпочтеніе передъ бѣдняжкой Катериной. Его глаза, какъ очарованные, не отрывались отъ лица величественной красавицы, и, глядя на нее, Оріонъ нерѣдко прерывалъ на полусловѣ свою рѣчь. Ихъ бесѣда велась, повидимому, то въ шутливомъ, то въ серьезномъ тонѣ, потому что не только молодая дѣвушка, но и воспитательница Маріи увлекались ею. Когда дѣвушка смѣялась, ея смѣхъ звучалъ такъ гармонично. Въ ея манерахъ было столько достоинства, что эта непринужденная веселость вызывала невольное удивленіе, какъ ароматъ великолѣпнаго цвѣтка, которому и безъ него достаточно одной красоты, чтобы приковывать къ себѣ взоры.

Гречанка слушала юношу такъ внимательно, что Гашимъ тотчасъ понялъ, какъ сильно интересуется она и разсказами, и разскащикомъ.

— Если эта дѣвушка будетъ женой Оріона, изъ нихъ выйдетъ великолѣпная пара, замѣтилъ онъ персу.

Наконецъ, къ посѣтителямъ вышла хозяйка гостинницы, Таусъ, проворная египтянка среднихъ лѣтъ. Она несла блюдо печенья собственнаго издѣлія, молоко, виноградъ и фрукты. Ея глаза сіяли радостью при видѣ сына знатнаго мукаукаса. Всеобщій кумиръ, гордость Мемфиса, посѣтилъ ихъ такъ скоро по возвращеніи домой! До своего отъѣзда въ Константинополь, онъ часто катался по Нилу съ веселыми товарищами, бо̀льшею частью греческими офицерами, которые теперь почти всѣ убиты или высланы изъ страны. Молодежь любила угощаться въ трактирѣ Таусъ ея пирожками и никогда не проѣзжала мимо пристани подъ сѣнью пальмъ. Таусъ словоохотливо разсказывала о томъ, что и она тоже вмѣстѣ съ мужемъ ходила встрѣчать Оріона къ тріумфальной аркѣ у воротъ Менеса. Съ ними была ихъ дочь, Эмау, съ маленькимъ ребенкомъ.

Она недавно вышла замужъ и назвала старшаго сынишку Оріономъ.

Молодой человѣкъ спросилъ, сохранила ли Эмау свою прежнюю красоту и поразительное сходство съ матерью. Таусъ лукаво погрозила ему и замѣтила, подмигивая на дѣвушку, что самому Оріону пора жениться и обзавестись семьей.

Юноша поспѣшилъ прервать ея рѣчь, сказавъ, что онъ пока свободенъ, хотя подумываетъ иногда о бракѣ.

Гречанка сильно покраснѣла, но сынъ намѣстника скоро оправился и, желая перемѣнить разговоръ, весело замѣтилъ, что дочь трактирщицы была самой красивой дѣвушкой въ Мемфисѣ и славилась между молодежью не меньше сладкихъ пирожковъ,

приготовляемыхъ ея матерью. Онъ просилъ передать отъ него поклонъ молодой женщинѣ.

Растроганная и польщенная хозяйка удалилась; тогда Оріонъ опять взялся за лютню, и пока другіе лакомились плодами, началъ пѣть вполголоса, по желанію молодой дѣвушки, пѣсню Олкаіосса, сопровождая ее мастерской игрою на инструментѣ.

Красавица не спускала глазъ съ его очаровательнаго лица, а онъ, казалось, игралъ для нея одной.

Когда наступило время отъѣзда, и женщины сѣли въ гондолу, Оріонъ зашелъ въ гостинницу, расплатиться за угощеніе. Черезъ нѣсколько минутъ, юноша вернулся обратно, и Гашимъ замѣтилъ, какъ онъ поднялъ платокъ, забытый дѣвушкою на столѣ, поднесъ его къ губамъ и пошелъ садиться въ лодку.

Баловень судьбы поступилъ сегодня утромъ совершенно иначе съ подаренными ему цвѣтами. Его сердце, очевидно, принадлежало дѣвушкѣ, пріѣхавшей съ нимъ. Она не могла быть его сестрой, но въ такомъ случаѣ каковы были ихъ отношенія? Арабъ далъ себѣ слово освѣдомиться объ этомъ, и ему не пришлось долго ждать отвѣта. Египетскій проводникъ, вернувшись обратно, сообщилъ купцу подробныя свѣдѣнія о семействѣ Георгія.

Красавица была Паула, дочь Ѳомы, знаменитаго греческаго полководца, упорно защищавшаго городъ Дамаскъ противъ военныхъ силъ калифа. Она была племянница мукаукаса Георгія. Отецъ ея пропалъ безъ вѣсти. Всѣ старанія найти его живымъ или мертвымъ остались безъ успѣха, и осиротѣвшую дѣвушку взяли изъ сожалѣнія въ домъ намѣстника.

Герменевтъ презрительно называлъ ее мелхиткой. осуждая въ то же время за чрезмѣрную гордость. По его словамъ, никто изъ окружающихъ не любилъ Паулы, кромѣ малютки Маріи, которая была сильно привязана къ ней.

— Всѣмъ извѣстно, прибавилъ онъ:—что даже добрая Нефорисъ, жена ея дяди, терпѣть не можетъ надменной племянницы и держитъ ее у себя только въ угоду мужу. Ей, дѣйствительно, не мѣсто въ почтенномъ якобитскомъ домѣ, заключилъ египтянинъ.

Каждое слово проводника дышало непріязнью низкопоставленнаго и предубѣжденнаго человѣка. Однако прекрасная, величавая дѣвушка, дочь храбраго воина, необыкновенно понравилась Гашиму, не смотря на неблагопріятные отзывы о ней. Врачъ Филиппъ, приведенный герменевтомъ, напротивъ, превозносилъ ее до небесъ. Ежедневно посѣщая домъ намѣстника, онъ хорошо зналъ Паулу и называлъ ее однимъ изъ тѣхъ существъ, которыхъ Про*видѣніе создаетъ* въ часы особенной благодати, на отраду людямъ.

Однако бѣдная дѣвушка, не смотря на свои рѣдкія совершенства, была обречена на суровую долю. Жизнь въ домѣ родственниковъ давно обратилась для нея въ тяжелое бремя.

Осмотрѣвъ паціента, врачъ Филиппъ обѣщалъ облегчить его болѣзнь. Они оба такъ сильно понравились другъ другу, что разговаривали между собою до поздней ночи и разстались добрыми друзьями.

III.

Лодка мукаукаса Георгія медленно скользила противъ теченія рѣки, управляемая сильными гребцами; на ней слышался сдержанный шопотъ и раздавалось пѣніе. Маленькая Марія заснула на колѣняхъ Паулы. Воспитательница сидѣла молча; она то разсматривала комету, пугавшую ея суевѣрное воображеніе, то съ тайной завистью переводила глаза на Оріона и молодую дѣвушку. Была превосходная, тихая ночь, навѣвавшая сладкія грезы: лунный свѣтъ, производящій морскіе приливы, обладаетъ свойствомъ волновать также и человѣческую грудь.

Оріонъ пѣлъ по просьбѣ Паулы то одно, то другое, какъ будто ему были извѣстны наизусть всѣ пѣсни греческихъ поэтовъ, и чѣмъ дольше онъ пѣлъ, тѣмъ выразительнѣе звучалъ его голосъ и тѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ онъ на сердце дѣвушки. Паула невольно поддавалась сладкому очарованію. Когда пѣвецъ опускалъ лютню, то начиналъ разспрашивать двоюродную сестру: нравится ли ей Египетъ въ лунныя ночи, какую пѣсню больше всего любитъ она и догадывается ли о томъ, какъ ему было пріятно встрѣтить ее въ родительскомъ домѣ?

Молодая гречанка, очевидно, не могла устоять противъ его рѣчей, произносимыхъ страстнымъ шопотомъ, и отвѣчала ему, въ свою очередь, понизивъ голосъ. Когда же ихъ лодку осѣнили деревья дремлющаго сада, юноша поднесъ ея руку къ своимъ губамъ, и она не отняла ея прочь.

Паулѣ пришлось пережить немало горя. Врачъ Филиппъ говорилъ совершенную правду: гордая дочь знаменитаго воина ежедневно переносила жестокія обиды. Хотя она не была бѣдна, но зато совершенно беззащитна, и жизнь въ домѣ богатыхъ родственниковъ, куда дѣвушку приняли изъ сожалѣнія, давно сдѣлалась для нея тернистымъ путемъ. Однако, со вчерашняго дня все перемѣнилось. Оріонъ пріѣхалъ изъ Константинополя; весь домъ и даже цѣлый городъ торжественно праздновали его возвращеніе; *Паула также раздѣлила* всеобщую радость. Она привѣтствовала

юношу при свиданіи съ величавымъ видомъ знатной женщины въ полномъ расцвѣтѣ красоты; и одиночество, и горькая зависимость были забыты ею въ ту минуту. Ласковое обращеніе Оріона согрѣло ей сердце: она мгновенно ожила, какъ цвѣтокъ, вынесенный на свѣжій воздухъ изъ темной и душной комнаты.

Живой умъ и веселость молодаго человѣка заставили ее встрепенуться. Въ ней вдругъ воскресла вѣра въ свои силы, наполняя душу дѣвушки горячей благодарностью. Она такъ давно не испытывала этого отраднаго чувства! Блаженный сегодняшній вечеръ довершилъ происшедшую въ ней перемѣну. Паула вспомнила, что она молода и имѣетъ право быть счастливой, наслаждаться жизнью, пожалуй, даже любить, внушая взаимную любовь. Поцѣлуй Оріона горѣлъ на ея правой рукѣ, когда она вошла въ прохладную комнату, гдѣ Нефорисъ сидѣла за прялкой около постели больнаго мужа. Георгій имѣлъ обыкновеніе поздно ложиться спать, и они вмѣстѣ поджидали молодежь. Растроганная Паула, нѣжно поцѣловавъ руку дяди, поцѣловала даже тетку, когда подошла къ ней съ маленькой Маріей пожелать доброй ночи. Однако Нефорисъ очень сухо приняла ея ласку, причемъ посмотрѣла на дѣвушку и на своего сына испытующимъ взглядомъ. Очевидно, она догадывалась объ ихъ увлеченіи, но находила неумѣстнымъ заговорить объ этомъ въ настоящую минуту.

Жена Георгія отпустила племянницу, послѣ чего слуги перенесли больнаго въ спальню, гдѣ она дала ему бѣлыхъ пилюль: намѣстникъ давно уже не могъ спать безъ успокоительнаго лѣкарства. Жена долго поправляла ему подушки, пока онъ не устроился вполнѣ удобно, и, только убѣдившись, что въ сосѣдней комнатѣ сидитъ дежурный слуга, она оставила мужа, чтобы пойти къ сыну.

Высокая ростомъ, плотная, нѣсколько тяжеловѣсная, Нефорисъ была въ молодости видной дѣвушкой съ благородной осанкой. Ея глаза смотрѣли особенно трезвымъ взглядомъ, но строгое лицо не отличалось красотою. Между тѣмъ годы не оставили на ней замѣтныхъ слѣдовъ, и теперь жена мукаукаса сдѣлалась благообразной, полной, нѣсколько надменной матроной и только была блѣдна отъ недостатка моціона на свѣжемъ воздухѣ. Многолѣтній уходъ за больнымъ мужемъ согналъ румянецъ съ ея щекъ. Благородное происхожденіе и высокое положеніе въ обществѣ сообщили ей извѣстную самоувѣренность и достоинство, но жена Георгія не умѣла располагать къ себѣ людей. Она не понимала чужихъ страданій и радостей, хотя охотно жертвовала всѣмъ для своихъ близкихъ. Нефорисъ была примѣрная жена, любящая мать, но ея

доброта не распространялась дальше ограниченнаго круга семейныхъ привязанностей. Оставивъ мужа, матрона постучалась въ комнату сына; юноша очень обрадовался неожиданному приходу матери. Она пришла переговорить съ нимъ откровенно, не откладывая щекотливыхъ объясненій. Ей было ясно, что между ея обожаемымъ сыномъ и ненавистной Паулой завязывается что-то серьезное, чему нужно немедленно положить предѣлъ.

По ея словамъ, она не могла заснуть, такъ какъ ей хотѣлось поскорѣе высказать Оріону свое завѣтное желаніе, раздѣляемое также и его отцомъ.

— Ты, конечно, понялъ, о чемъ идетъ рѣчь, продолжала Нефорисъ:—потому что я говорила объ этомъ еще вчера. Отецъ встрѣтилъ тебя какъ нельзя болѣе ласково и заплатилъ твои долги, не сказавъ ни слова нориданія. Теперь тебѣ пора положить конецъ прежней разсѣянной жизни и обзавестись семьей. Ты знаешь, что мы подъискали для тебя невѣсту. Давеча къ намъ приходила Сусанна и сказала, что сегодня утромъ ты окончательно вскружилъ голову ея Катеринѣ.

— Къ сожалѣнію, прервалъ съ досадой Оріонъ:—ухаживанье за женщинами обратилось у меня въ привычку, но съ этихъ поръ я буду держать себя совершенно иначе; такія глупости недостойны порядочнаго человѣка. Кромѣ того, я чувствую...

— Что теперь надо серьезно подумать о будущемъ, подсказала Нефорисъ.—Я именно объ этомъ и хотѣла потолковать съ тобою. Не знаю, почему ты избѣгаешь женитьбы; было бы гораздо лучше, еслибы я завтра же переговорила съ Сусанной. Вѣдь ты, конечно, замѣтилъ расположеніе ея дочери. Чего-же лучше? Катерина—самая богатая наслѣдница въ нашемъ околоткѣ, хорошо воспитана и, повторяю еще разъ, ты похитилъ ея сердечко.

— Я охотно возвращу его обратно, со смѣхомъ отвѣчалъ Оріонъ.

— Оставь неумѣстныя шутки, вскричала разсерженная мать:—я говорю съ тобой совершенно серьезно. Катерина отличная дѣвушка и будетъ, Богъ дастъ, хорошей женой... Но, пожалуй, ты полюбилъ уже какую нибудь женщину въ Константинополѣ? Можетъ быть, прекрасную родственницу сенатора Юстина?.. Но нѣтъ, это пустяки: ты не могъ предположить, что мы отнесемся благосклонно къ вѣтряной гречанкѣ!

Оріонъ обнялъ мать и произнесъ съ глубокой нѣжностью:

— Нѣтъ, матушка, въ Константинополѣ я не оставилъ ничего дорогаго моему сердцу, зато здѣсь, въ родительскомъ домѣ, нашелъ *несравненную жемчужину*, которая лучше всего видѣннаго

мною на Босфорѣ. Крошка Катерина не подходитъ къ нашей богатырской семьѣ; наши потомки во всѣхъ отношеніяхъ должны превосходить простой народъ, и я хочу взять въ жены не игрушку, а настоящую женщину, высокую ростомъ, красивую, съ благородной осанкой, какою ты была сама въ молодые годы. Мое сердце влечетъ къ себѣ не дѣвочка, а царственная красавица, достойная нашего рода. Я буду вполнѣ откровененъ: мой выборъ остановился на Паулѣ, дочери благороднаго Ѳомы. Сегодня меня какъ будто осѣнило откровеніе свыше, и теперь я прошу моихъ родителей благословить нашъ союзъ.

Нефорисъ дала сыну высказаться, сохраняя рѣдкое самообладаніе, потому что каждое слово юноши было для нея жестокой пыткой.—Замолчи, прошу тебя! воскликнула наконецъ матрона, когда у нея не стало терпѣнія сдерживать свой гнѣвъ.—Сохрани тебя Богъ серьезно думать о такомъ безумномъ бракѣ! Развѣ ты забылъ наше высокое званіе, ужасную смерть твоихъ братьевъ и страданія соотечественниковъ подъ греческимъ игомъ? Что мы значимъ между греками? А между своими единовѣрцами мы занимаемъ первенствующее мѣсто и сохранимъ его, отвративъ свои сердца отъ языческихъ вѣроученій. Внукъ Менаса, братъ двоихъ мучениковъ за наше высокое вѣроисповѣданіе, хочетъ жениться на мелхиткѣ! Такая мысль равносильна кощунству, богохульству; я не могу выразиться иначе. Лучше мы останемся безъ внуковъ, чѣмъ дадимъ согласіе на такой бракъ. Ради изгнанницы, у которой нѣтъ ничего, кромѣ гордости и жалкихъ крохъ прежняго богатства, которая никогда не была намъ равной, ради этой неблагодарной, бѣдные родители должны лишиться сына, единственнаго утѣшенія на старости лѣтъ, оставленнаго имъ Провидѣніемъ! Повѣришь ли ты, что заносчивая гречанка не хочетъ никогда пожелать мнѣ даже добраго утра, между тѣмъ какъ я сама имѣю привычку здороваться со своими невольниками? Знай, что ни я, ни отецъ никогда не согласимся благословить твоего выбора. Оріонъ, любимое дитя мое, ты всегда отличался своеволіемъ, однако я не допускаю мысли, чтобы ты рѣшился оскорбить насъ ради этой бездушной красавицы, едва знакомой тебѣ! Если ты поступишь такимъ образомъ, я умру съ горя, и послѣдніе дни твоего отца будутъ отравлены твоей неблагодарностью. Но нѣтъ, ты не рѣшишься сдѣлаться палачемъ своихъ родителей... Однако если... если въ несчастную минуту ты посягнешь на наши родительскія права, то, клянусь Богомъ, я вырву *материнскую любовь* изъ своего сердца, какъ вредную ядовитую траву, *хотя бы это стоило* мнѣ жизни!

Нефорисъ давно освободилась изъ объятій сына, но Оріонъ снова порывисто привлекъ ее къ себѣ, шаловливо зажимая ей ротъ; потомъ онъ прошепталъ ей съ нѣжнымъ поцѣлуемъ:

— Конечно, у твоего сына не хватитъ мужества поступить такимъ образомъ.—Онъ взялъ обѣ ея руки, посмотрѣлъ ей въ лицо открытымъ взглядомъ и воскликнулъ: – Брррр!.. никогда мнѣ не было такъ страшно, какъ при твоихъ угрозахъ! И зачѣмъ только было говорить такія гадкія слова! Мало того: другія, еще худшія, были готовы сорваться съ твоего языка. Однако ты бѣдовая! Твое имя „Нефорисъ“ означаетъ доброту, между тѣмъ ты, милая матушка, оказываешься ужасно сердитой!

Тутъ онъ крѣпче прежняго сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, въ порывѣ юношеской рѣзвости осыпая поцѣлуями лицо, руки и волосы матроны. Послѣ того, Оріонъ уполномочилъ мать просить отъ его имени руки Катерины, но, въ свою очередь, взялъ съ нея слово отложить сватовство на два дня. Эта отсрочка была для него облегченіемъ, и, когда юноша остался одинъ, горькая дѣйствительность представилась ему въ самомъ безотрадномъ свѣтѣ. Къ счастію, молодой человѣкъ еще не зналъ, какъ глубоко полюбилъ онъ Паулу, и радовался, что не успѣлъ связать себя съ нею болѣе тѣсными узами. Хотя его глаза краснорѣчиво говорили ей о томъ, чѣмъ переполнено его сердце, но слово „люблю“ не было произнесено между ними. Поцѣловать руку хорошенькой родственницы, разумѣется, вполнѣ позволительно со стороны двоюроднаго брата. Оріонъ восхищался Паулой; но ради молодой дѣвушки, будь она самой Аѳродитой, нельзя ссориться съ родителями. Такъ поступать могутъ одни неблагодарные. Красивыхъ женщинъ на свѣтѣ много, а мать только одна. Сыну Георгія не разъ случалось увлекаться красавицами и также скоро забывать ихъ.

Въ настоящее время, Оріонъ дѣйствительно заинтересовался двоюродной сестрою больше, чѣмъ прежними предметами своей юношеской страсти. Даже прекрасная персидская рабыня, ради которой онъ надѣлалъ столько безумствъ, едва оставивъ школьную скамью, и сама прелестная Эліодора не нравились ему такъ сильно. Отказаться отъ Паулы было тяжело, но неизбѣжно. Завтра онъ долженъ постараться установить съ ней братскія, дружескія отношенія. Эта дѣвушка ни за что не согласится на незаконную связь, какъ кроткая Эліодора, которая, тѣмъ не менѣе, была равной ему по происхожденію. Бракъ съ Паулой былъ бы, конечно, ни съ чѣмъ несравнимымъ счастіемъ. Стоило имъ послѣ свадьбы поѣхать вмѣстѣ въ Византію, чтобы сдѣлаться тамъ предметомъ всеобщей зависти.

Зачѣмъ судьба поставила между ними неодолимую преграду, и какъ жаль, что Паула, въ продолженіе двухъ лѣтъ, не могла пріобрѣсти расположенія его матери, превосходной и любящей женщины! Конечно, въ виду всего этого, имъ было лучше разстаться. Сынъ Георгія соглашался мало по малу съ доводами разсудка, но чудный образъ дѣвушки неотступно стоялъ передъ нимъ, и желаніе обладать ею не давало ему покоя.

Между тѣмъ Нефорисъ пошла отъ сына не къ мужу, а въ комнату племянницы, спѣша покончить за разъ щекотливое дѣло. Еслибы ея побѣда надъ упрямствомъ сына могла доставить больному безусловную радость, преданная женщина поспѣшила бы къ нему съ пріятною вѣстью. Высшей цѣлью ея жизни было счастіе близкихъ. Между тѣмъ мукаукасъ былъ несовсѣмъ доволенъ выборомъ невѣсты для сына. Крошка Катерина. съ ея ребяческой наивностью, также казалась ему неподходящей женой для умнаго красавца Оріона. Изъ разговоровъ съ юношей, послѣ пріѣзда, намѣстникъ убѣдился въ широтѣ его взглядовъ и зрѣлости ума. Дочь Сусанны, дѣйствительно, была прелестнымъ мотылькомъ, но Георгій не желалъ видѣть ее своей невѣсткой. Бракъ сына съ Паулой онъ находилъ гораздо болѣе разумнымъ и втайнѣ лелѣялъ мечту соединить молодыхъ людей. Но, къ несчастію, дѣвушка была мелхиткой, а—главное—не нравилась Нефорисъ. Мукаукасъ такъ любилъ свою жену, что ради ея спокойствія готовъ былъ пожертвовать всѣмъ.

Проницательная матрона давно отгадала его мысли и потому предвидѣла заранѣе, что новость о сватовствѣ Оріона не доставитъ Георгію особеннаго удовольствія. Относительно Паулы слѣдовало поступить совершенно иначе. Чѣмъ раньше узнаетъ она, что ей нельзя разсчитывать на замужство съ Оріономъ, тѣмъ лучше. Сегодня поутру они поздоровались, какъ настоящіе влюбленные, а вечеромъ разстались, какъ женихъ и невѣста. Нефорисъ спѣшила положить конецъ этой опасной близости, сообщивъ дамаскинкѣ о предстоящей свадьбѣ сына съ Катериной. Рѣчь матроны дышала неподдѣльнымъ восторгомъ; она прикинулась растроганной, обошлась съ племянницей очень ласково и только просила ее сохранить втайнѣ радостное извѣстіе. При первомъ взглядѣ на сіяющее лицо тетки, Паула поняла, что та готовитъ ей какой нибудь тяжелый ударъ, и собралась съ силами твердо перенести его. Дѣвушкѣ удалось сохранить притворное равнодушіе при откровенныхъ изліяніяхъ Нефорисъ; она даже поздравила ее и пожелала счастія обрученнымъ. Однако, при этомъ, по лицу Паулы скользнула *усмѣшка, взбѣсившая* жену намѣстника.

Она не была злою отъ природы, но при столкновеніяхъ съ племянницей совершенно перерождалась, и теперь ей было пріятно унизить гордую гречанку. Нефорисъ сознавала это при выходѣ изъ комнаты дѣвушки, однако она раскаялась бы въ своей жестокости, еслибы могла заглянуть въ глубину души беззащитной сироты, ввѣренной ея попеченію.

По уходѣ тетки, Паула зарыдала; потомъ, быстро опомнившись, съ досадой вытерла слезы, мрачно потупилась и застыла въ неподвижной позѣ, изрѣдка покачивая прекрасной головкой, какъ будто съ ней случилось нѣчто невозможное, неслыханное. Наконецъ съ тяжелымъ вздохомъ дѣвушка упала на постель, напрасно стараясь молиться и успокоить свои мысли. Весь міръ казался ей теперь безконечной пустыней, гдѣ она обречена блуждать, какъ отверженная.

IV.

На другой день вечеромъ, купецъ Гашимъ отправился съ небольшою частью своего каравана въ домъ намѣстника. Это зданіе скорѣе походило на жилище богатаго помѣщика, чѣмъ на резиденцію высшаго сановника. Когда чужестранцы подъѣхали къ нему послѣ заката солнца,—въ обширные внутренніе дворы, обстроенные съ трехъ сторонъ службами, загоняли большія стада коровъ и овецъ; до полусотни породистыхъ лошадей возвращалось съ купанья, а на песчаной площадкѣ, обнесенной плетнемъ, коричневые и черные невольники кормили большой табунъ верблюдовъ. Однако самый домъ Георгія, по величинѣ и старинному великолѣпію, напоминалъ собою дворецъ, достойный царскаго намѣстника, и дѣйствительно владѣлецъ его, мукаукасъ, долго занималъ эту почетную должность. Она осталась за нимъ и послѣ завоеванія Египта, но теперь Георгій управлялъ соплеменниками уже не отъ имени константинопольскаго императора, а по назначенію калифа Медины и его полководца, Амру. Мусульманскіе завоеватели встрѣтили въ немъ благонамѣреннаго и умнаго посредника между ними и народонаселеніемъ завоеванной страны, тогда какъ единовѣрцы и соотечественники повиновались ему, какъ богатѣйшему человѣку въ странѣ и потомку знатнаго рода, предки котораго пользовались большимъ вліяніемъ еще при фараонахъ.

Только самый домъ мукаукаса былъ построенъ по греческому или, скорѣе, александрійскому образцу; примыкавшіе къ нему дворы и пристройки напоминали собою жилище могущественнаго предводителя какого *нибудь* многочисленнаго восточнаго племени: не-

даромъ предки мукаукаса во времена язычества назывались эрпагами, или царями округа, пользуясь въ этомъ званіи почетомъ при дворѣ и въ народѣ.

Проводникъ нисколько не преувеличилъ истины, разсказывая арабскому купцу о громадныхъ помѣстьяхъ Георгія. Онъ дѣйствительно владѣлъ обширными участками земли въ верхнемъ и нижнемъ Египтѣ, гдѣ подъ надзоромъ управляющихъ работало нѣсколько тысячъ невольниковъ. Въ Мемфисѣ находилось главное управленіе его частной собственностью, соединенное съ канцеляріями для государственныхъ дѣлъ.

Хорошо сохранившіяся плотины и широкая, простирающаяся до гавани, набережная отдѣляли обширныя городскія владѣнія мукаукаса отъ рѣки, а вдоль стѣны, которою они были загорожены съ сѣвера, тянулась улица. На нее выходили большія ворота, постоянно отворенныя во время дня для прислуги намѣстника и для людей, являвшихся къ нему по дѣламъ; главныя ворота, украшенныя мраморными коринѳскими колоннами и выходившія на берегъ Нила, отворялись только для членовъ семейства и высокихъ посѣтителей. У перваго входа была выстроена караульня, гдѣ всегда дежурилъ небольшой отрядъ египетскихъ воиновъ въ видѣ почетной стражи мукаукаса.

Какъ только наступилъ вечеръ и, послѣ дневнаго зноя, съ рѣки потянуло освѣжающей прохладой, обширный дворъ мало по малу оживился. Изъ помѣщеній для прислуги стали выходить мужчины, женщины и дѣвушки, желая подышать чистымъ воздухомъ. Служанки-невольницы черпали воду изъ громадныхъ глиняныхъ сосудовъ и уносили ее въ красивыхъ кувшинахъ домой, между тѣмъ какъ вольнонаемные люди разговаривали между собою, разбившись на группы, или занимались музыкой, отдыхая послѣ трудоваго дня. Корпусъ, гдѣ помѣщались рабы, былъ окруженъ вторымъ дворомъ, и въ эти свободные часы оттуда доносилось пѣніе духовныхъ гимновъ, къ которымъ примѣшивались рѣзкіе звуки двойной флейты и глухіе раскаты бубна, приглашавшіе къ пляскѣ; ихъ дополняли брань и смѣхъ, визгъ молодой дѣвушки, которую насильно тащили въ хороводъ, и крикъ невольника, подвернувшагося подъ ударъ бича своего надзирателя. Боковыя ворота, съ оставшимися на нихъ украшеніями изъ цвѣтовъ и зелени въ честь пріѣзда Оріона, были все еще отворены настежъ для пропуска счетчиковъ и писцовъ, а также городскихъ жителей, охотно посѣщавшихъ по вечерамъ своихъ знакомыхъ въ домѣ намѣстника. Здѣсь постоянно жило нѣсколько чиновниковъ, состоявшихъ *при* мукаукасѣ, и многіе мемфиты вели съ ними дружбу,

такъ какъ отъ нихъ всегда можно было узнать интересныя новости о государственныхъ и церковныхъ дѣлахъ.

Подъ деревяннымъ навѣсомъ дома, гдѣ помѣщался старшій управляющій, вскорѣ собралось множество мужчинъ, и между ними тотчасъ завязалась жаркая бесѣда; она была для нихъ занимательна даже и безъ пива, поданнаго хозяиномъ квартиры, который желалъ угостить посѣтителей по поводу возвращенія своего молодаго господина; египтяне вообще сильно увлекались разговорами и диспутами, причемъ были непрочь поднять на смѣхъ городскія власти, иновѣрцевъ или враговъ своей родины. Сегодня, повидимому, также дѣло не обошлось безъ меткихъ остротъ и веселыхъ шутокъ, потому что въ толпѣ гостей главнаго управителя ежеминутно раздавался громкій хохотъ и крики одобренія. Начальникъ караула бросалъ завистливые взгляды на собравшуюся компанію; онъ охотно присоединился бы къ ней, но ему было невозможно оставить свой постъ. У воротъ стояли осѣдланныя лошади вѣстовыхъ, дожидавшихся отвѣта на привезенныя ими письма; тутъ же толпились просители и торговцы, входившіе и выходившіе со двора. Обширныя сѣни во дворцѣ намѣстника были еще переполнены народомъ, желавшимъ переговорить съ мукаукасомъ. Во всемъ Мемфисѣ было извѣстно, что больной Георгій въ жаркое время года охотнѣе принималъ посѣтителей по вечерамъ.

Арабскія власти не довѣряли египтянамъ и потому о замѣщеніи мукаукаса не было и рѣчи; трудно было найти человѣка, равнаго старику по уму и неподкупной честности. Надо было удивляться, гдѣ онъ находилъ время и силы строго слѣдить за своими подчиненными; намѣстникъ самъ входилъ во всѣ мелочи управленія, и ни одно дѣло не рѣшалось безъ его вѣдома. Время аудіенціи прошло, а между тѣмъ тревога, вызванная обмеленіемъ Нила и появленіемъ кометы, привела сегодня въ пріемную мукаукаса еще бо́льшее число просителей, чѣмъ обыкновенно. Представители городовъ и деревенскіе старшины допускались группами, а челобитчики по собственнымъ дѣламъ—въ одиночку. Большинство изъ нихъ возвращались отъ намѣстника съ довольными лицами; если ихъ дѣло не рѣшалось немедленно, то, во всякомъ случаѣ, они получали отъ мукаукаса нужныя указанія. Только одинъ крестьянинъ, давно искавшій защиты отъ притѣсненія, опять не дождался очереди. Бѣднякъ далъ нѣсколько драхмъ дежурному чиновнику, надѣясь, что его еще допустятъ къ Георгію, однако помоправитель, получившій отъ германевта, своего двоюроднаго брата, нѣсколько червонцевъ, приказалъ крестьянину прійти завтра и почтительно отворилъ *передъ* Гашимомъ дверь. Но арабъ, замѣ-

тивъ жалкаго просителя, настоялъ, чтобы того впустили первымъ. Черезъ нѣсколько минутъ крестьянинъ вышелъ, сіяя отъ радости; онъ приблизился къ Гашиму и съ чувствомъ поцѣловалъ ему руку. Послѣ того, старикъ со своими людьми, которые несли тяжелый тюкъ, были введены въ роскошную прихожую, гдѣ купцу пришлось дожидаться очень долго, пока намѣстникъ позвалъ его къ себѣ, чтобы взглянуть на привезенные товары.

Между тѣмъ Георгій сдѣлалъ жестъ рукою, давая знать, что онъ хочетъ отложить на нѣкоторое время разговоръ съ Гашимомъ, послѣ чего спокойно принялся за свою любимую игру въ шашки. Больной лежалъ на диванѣ, обитомъ гладкою шкурою львицы, а его молодая партнерка сидѣла на низенькомъ стулѣ напротивъ. Дверь комнаты, гдѣ онъ обыкновенно, лежа, принималъ просителей, оставалась полуотворенной, чтобы въ нее могъ проникнуть нѣсколько освѣженный, но все таки теплый вечерній воздухъ. Зеленый веларіумъ, или парусинный тентъ въ центральномъ отверстіи крыши, защищающій днемъ отъ жгучихъ лучей солнца, былъ теперь открытъ; яркій мѣсяцъ и звѣзды смотрѣли въ комнату, которая была отлично приспособлена къ тому, чтобы служить прохладнымъ убѣжищемъ отъ нестерпимаго африканскаго зноя. Ея стѣны были выложены гладкими пестрыми изразцами; полъ украшала фигурная цвѣтная мозаика на позолоченномъ фонѣ; посрединѣ возвышался круглый бассейнъ, въ видѣ вазы, изъ коричневаго порфира съ бѣлыми крапинками: она имѣла не меньше двѣнадцати футовъ въ діаметрѣ, и изъ нея била вверхъ широкая струя фонтана, освѣжая воздухъ мельчайшими водяными брызгами. Нѣсколько металлическихъ креселъ, стульевъ и столиковъ составляли все остальное убранство этого высокаго покоя, освѣщеннаго яркими лампами. Легкій вѣтерокъ, проникая сквозь отверстіе крыши и отворенныя двери, выходившія на берегъ Нила, колебалъ пламя свѣтильниковъ, играя въ то же время черными локонами Паулы, которая, повидимому, совершенно погрузилась въ свое занятіе.

Стоявшій за ея стуломъ Оріонъ напрасно старался привлечь вниманіе дѣвушки. Наконецъ онъ услужливо предложилъ ей принести платокъ, такъ какъ воздухъ становился все холоднѣе. Однако Паула рѣшительно отклонила любезность двоюроднаго брата, хотя ее начинала пробирать легкая дрожь, и она не разъ плотнѣе запахивала пеплосъ на груди.

Оріонъ крѣпко стиснулъ зубы, оскорбленный ея равнодушіемъ. Онъ не зналъ, что Нефорисъ сообщила племянницѣ новость о его *предстоящей* женитьбѣ, и перемѣна обращенія дѣвушки поражала

его. Еще поутру она обошлась съ нимъ очень холодно, нѣхотя отвѣчая „да“ и „нѣтъ“ на всѣ вопросы. Это невниманіе было невыносимо Оріону, избалованному любовью женщинъ. Слѣдовательно, мать судила о Паулѣ совершенно правильно! Красавица на самомъ дѣлѣ оказывалась страшно своенравной: иначе она не заставила бы его почувствовать такимъ оскорбительнымъ образомъ свое высокомѣріе. Ея ледяная сдержанность граничила съ невѣжливостью. Но Оріонъ далъ себѣ слово переломить упорство дѣвушки. Сильно раздосадованный, онъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ ея руки и стройнаго стана, за игрой ея подвижнаго лица, и чѣмъ больше юноша вглядывался въ прелестный образъ, тѣмъ прекраснѣе, тѣмъ совершеннѣе находилъ онъ наружность Паулы, тѣмъ сильнѣе возрастало въ немъ желаніе, чтобы она опять привѣтливо улыбнулась ему, какъ вчера, съ женственной мягкостью и добротою. Теперь дѣвушка походила на чудное мраморное изваяніе, но Оріонъ зналъ, что у прекрасной статуи бьется человѣческое сердце. И ему захотѣлось исправить Паулу отъ ея ребяческихъ капризовъ, показавъ ей, хотя бы даже путемъ суровости, какъ слѣдуетъ держать себя женщинѣ, а въ особенности молодой дѣвушкѣ.

Углубившись въ свои мысли, онъ все пристальнѣе наблюдалъ за двоюродной сестрою. Его мать, сидѣвшая поодаль, рядомъ съ почтенной Сусанной, замѣчала это съ возрастающимъ неудовольствіемъ и старалась отвлечь Оріона отъ Паулы, обращаясь къ нему съ вопросами и маленькими порученіями.

Кто могъ предвидѣть, что ея любимецъ причинитъ ей съ первыхъ же дней столько досады и безпокойства!

Онъ вернулся домой опытнымъ человѣкомъ, видѣвшимъ свѣтъ, какъ того и желали его родители. Хотя юноша наслаждался въ столицѣ всѣмъ, что привлекаетъ къ себѣ богатую молодежь, тѣмъ не менѣе, къ великой радости отца, онъ не утратилъ живой воспріимчивости. Въ немъ не было и слѣдовъ пресыщенія, которымъ отличались въ Константинополѣ многіе изъ его сверстниковъ знатнаго рода. Оріонъ могъ по прежнему играть съ маленькой Маріей, восхищаться рѣдкимъ цвѣткомъ или новой, красивой лошадью также искренно, какъ и до своего отъѣзда, что не мѣшало ему, однако, серьезно интересоваться политикой, придворной жизнью, государственнымъ управленіемъ и церковными дѣлами. Мукаукасъ съ удовольствіемъ слушалъ его интересные разсказы и потомъ сообщилъ женѣ, что ему пришлось узнать отъ юноши много новаго. По его словамъ, Оріонъ обѣщалъ сдѣлаться отлич-

нымъ государственнымъ человѣкомъ и даже теперь могъ бы съ успѣхомъ замѣнить отца.

Когда Нефорисъ сообщила мужу о крупной суммѣ долговъ, сдѣланныхъ сыномъ въ Константинополѣ, старикъ не безъ гордости обѣщалъ немедленно ихъ уплатить. Ему было пріятно, что его единственный наслѣдникъ не стѣсняется пользоваться своимъ громаднымъ состояніемъ, какъ поступалъ онъ и самъ въ молодые годы, и умѣетъ окружать себя блескомъ, достойнымъ своего славнаго имени. „Оріонъ не бросаетъ денегъ на вѣтеръ", прибавилъ больной.—„Его лошади стоютъ дорого, зато онъ получаетъ призы на бѣгахъ; онъ тратитъ большія суммы на свою одежду и обстановку, зато повсюду встрѣчаетъ почетъ. Мальчикъ привезъ мнѣ письмо отъ сенатора Юстина; этотъ достойный человѣкъ пишетъ, что нашъ сынъ игралъ большую роль между спѣсивой „золотой молодежью" столицы. Подобныя вещи даромъ не даются и, въ сущности, мнѣ еще не особенно дорого обошлось представительство Оріона. Лишняя сотня талантовъ для насъ не значитъ ничего, и я радъ, что юноша не скупился на расходы".

Такъ говорилъ старикъ, разбитый болѣзнью; онъ былъ счастливъ, что его сынъ наслаждается жизненными благами, которыхъ уже давно лишился его одряхлѣвшій отецъ.

Мукаукасъ не безъ опасеній послалъ въ Константинополь пылкаго, даровитаго юношу, едва вышедшаго изъ отроческихъ лѣтъ; однако Оріонъ, повидимому, не злоупотреблялъ своей свободой и велъ гораздо болѣе скромную жизнь, чѣмъ отъ него можно было ожидать; за это ручался румянецъ на его слегка загорѣвшихъ щекахъ, развитіе мускуловъ и густота гладкихъ отъ природы, но искусственно завитыхъ волосъ. По модѣ того времени, они спускались у него подстриженной бахромкой на высокій лобъ, что̀ придавало сыну Георгія нѣкоторое сходство съ портретами Антиноя, красивѣйшаго юноши временъ римскаго императора Адріана.

Нефорисъ также находила, что Оріонъ цвѣтетъ здоровьемъ. По ея мнѣнію, ни у одного царскаго родственника не было болѣе роскошнаго и изъисканнаго гардероба, какъ у ея любимца. Но и въ простомъ кафтанѣ онъ смотрѣлъ красивымъ, великолѣпнымъ юношей, которымъ могла смѣло гордиться каждая мать.

Уѣзжая изъ Египта, онъ отчасти напоминалъ провинціала, но теперь пріобрѣлъ внѣшній лоскъ и непринужденность обращенія, что̀ позволяло ему вездѣ чувствовать себя совершенно свободно, *даже* въ придворной сферѣ, гдѣ онъ не оставался незамѣченнымъ *между высшими* вельможами.

И какъ много пришлось пережить молодому человѣку въ столицѣ! Въ два съ половиной года его пребыванія въ Константинополѣ, тамъ произошло столько важныхъ событій, что ихъ хватило бы на столѣтній историческій періодъ. „Чѣмъ больше волненія, тѣмъ сильнѣе удовольствіе“, таковъ былъ лозунгъ того времени, и хотя сынъ Георгія наслаждался жизнью на берегахъ Босфора наравнѣ съ другими, но роскошные пиры, любовь и бѣга на собственныхъ лошадяхъ, въ чемъ у юноши не было недостатка казались дѣтской забавой сравнительно съ ужаснымъ нервнымъ возбужденіемъ, которое онъ испытывалъ въ виду грозныхъ политическихъ переворотовъ, происходившихъ въ странѣ. Какими жалкими представлялись ему теперь состязанія на колесницахъ въ Александріи! Стоило ли тутъ волноваться вопросомъ, кто побѣдитъ: Тимонъ, Птоломей, или его собственные кони возьмутъ призъ? Въ византійскомъ циркѣ также было лестно получить побѣдный вѣнокъ, но тамъ Оріонъ испытывалъ другія, болѣе потрясающія впечатлѣнія. Здѣсь ставились на карту царскія короны, и роковая игра могла стоить крови и жизни цѣлымъ тысячамъ людей. Въ церквяхъ Нильской долины происходило только мирное богослуженіе, тогда какъ въ Византіи было не всегда безопасно переступать порогъ Софійскаго собора, потому что онъ нерѣдко служилъ ареной кровавыхъ схватокъ, кончавшихся убійствомъ.

Однимъ словомъ, жители Константинополя находились въ постоянномъ страхѣ, и любители сильныхъ ощущеній встрѣчали здѣсь обильную пищу. Сверхъ того, греческая столица льстила естественному тщеславію Оріона. Его приняли здѣсь съ исключительнымъ почетомъ. Обыкновенно контингентъ египтянъ, жившихъ въ Греціи, составляли полуобразованные философы, называвшіе себя мудрецами; они держались съ напыщенной торжественностью и говорили высокопарнымъ слогомъ. Это были астрологи, риторы, далеко не остроумные, но ядовитые насмѣшники; врачи, хвастливше наукой своихъ предковъ; фанатическіе теологи, всегда готовые при ожесточенныхъ религіозныхъ спорахъ прибѣгать къ чужому орудію, въ видѣ догматовъ и основъ; убогіе отшельники и монахи; торговцы зерновымъ хлѣбомъ и ростовщики, съ которыми было опасно входить въ сдѣлки безъ свидѣтелей. Оріонъ не имѣлъ ничего общаго съ этимъ народомъ. Въ Константинополѣ ему оказали пріемъ, достойный сына благороднаго мукаука. На знатнаго мемфита смотрѣли здѣсь почти какъ на посланника, и онъ могъ пользоваться всѣмъ, что позволяла себѣ прочая золотая *молодежь въ имперскомъ* городѣ. Его кошелекъ былъ

также туго набитъ, какъ и у другихъ константинопольскихъ
шей, а что касается здоровья и физической силы, то они да
уступали ему въ этомъ, и его кони, которыми правилъ онъ с
не довѣря наемнымъ агитаторамъ, три раза брали первый п
на публичномъ состязаніи. Ни одно торжество, ни одинъ пр
никъ не обходились безъ участія „богача-египтянина", „но
Антиноя", „красавца Оріона", какъ его называли жители стол
Самыя знатныя семейства въ городѣ водили съ нимъ знакомс
а во дворцѣ и на загородной виллѣ сенатора Юстина, ста
друга его отца, онъ былъ принятъ, какъ родной. Жена этог
новника, Мартина, искренно полюбила юношу, и у нихъ въ
онъ познакомился съ красавицей Эліодорой, вдовой племян
сенатора. Весь городъ толковалъ о близости Оріона съ прелес
молодой женщиной. До того времени Эліодора также слави
своей строгой добродѣтелью, какъ и замѣчательными бѣлокур
волосами и крупными драгоцѣнными камнями, которыми
любила украшать свои простыя, но дорого стоющія платья.
мало красивыхъ византіекъ добивались расположенія юнаго
жестранца, пока родственница Юстина не оттѣснила всѣх
задній планъ. Но ей не удалось прочно привязать къ себѣ Ор
Вчера вечеромъ, увѣряя мать, что его сердце не принадлеж
Эліодорѣ, онъ говорилъ совершенную правду.

Поведеніе юноши въ столицѣ, конечно, нельзя было наз
примѣрнымъ, однако сынъ Георгія ничѣмъ не уронилъ себя, п
зуясь уваженіемъ не только въ кругу веселыхъ кутилъ, но т
и между достойными людьми, съ которыми онъ встрѣчалс
домѣ Юстина. Умъ и любознательность мемфита изумляли вс
Прилежный въ дѣтствѣ, Оріонъ и теперь пользовался кажд
удобнымъ случаемъ, чтобы научиться чему нибудь новому. Я
въ Византіи, онъ, между прочимъ, старательно продолжалъ
занятія музыкой и достигъ рѣдкаго искусства въ игрѣ на л
и въ пѣніи.

Молодой человѣкъ охотно пожилъ бы въ столицѣ еще дол
но обстоятельства заставили его вернуться домой. Послѣ
какъ Египетъ былъ отнятъ у грековъ и перешелъ въ руки
бовъ, греческій патріархъ Киръ, вскорѣ умершій, принуж
былъ покинуть Александрію. Онъ лично явился въ Констант
поль, гдѣ въ высшихъ сферахъ тотчасъ распространилось у
деніе, что мукаукасъ Георгій явно содѣйствовалъ завоев
страны арабами. Оріону грозила тюрьма, но, къ счастію, *
торъ Юстинъ и другіе друзья своевременно предупредили юн
и онъ успѣлъ скрыться.

Не смотря на опасность, которой подвергался юноша, онъ не могъ не одобрить поведенія отца. Находясь долгое время въ Византіи, сынъ Георгія убѣдился въ глубокомъ презрѣніи грековъ къ египтянамъ, въ ненависти православныхъ къ монофизитскому вѣроисповѣданію своего народа.

Оріону было трудно сдерживать негодованіе, слыша насмѣшки и издѣвательства надъ его отечествомъ и единоплеменниками; это былъ обыкновенный предметъ разговора у знатныхъ господъ и мелкихъ людей, у свѣтскихъ и духовныхъ. Они даже не стѣснялись присутствіемъ Оріона, вѣроятно, считая его однимъ изъ своихъ, грекомъ по убѣжденіямъ, которому все „варварское" должно казаться противнымъ и достойнымъ презрѣнія, какъ имъ самимъ.

Однако въ жилахъ „новаго Антиноя", который безупречно исполнялъ греческія пѣсни, текла кровь его народа, и каждое унизительное слово, направленное противъ египтянъ, глубоко западало ему въ сердце, каждое поруганіе его вѣры напоминало молодому человѣку смерть обоихъ братьевъ, погибшихъ отъ руки мелхитовъ.

Эти кровавыя дѣла и безчисленныя насилія грековъ надъ египтянами были теперь достойно отомщены мукаукасомъ Георгіемъ. Образъ дѣйствій отца глубоко обрадовалъ юношу, который тотчасъ поспѣшилъ домой. Такое сочувствіе со стороны сына осчастливило и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удивило старика. Онъ опасался, что Оріонъ, оставаясь долгое время въ Константинополѣ, незамѣтно усвоитъ себѣ многія воззрѣнія грековъ и, пожалуй, даже осудитъ политику отца, который безъ особеннаго сопротивленія уступилъ ввѣренную ему провинцію завоевателямъ и заключилъ съ ними мирный договоръ.

Въ настоящую минуту мукаукасъ былъ совершенно спокоенъ, зная, что сынъ вполнѣ раздѣляетъ его мнѣнія. Увѣренный въ этомъ, онъ по временамъ бросалъ ему сочувственные взгляды, поднимая глаза отъ шашечной доски.

Нефорисъ между тѣмъ старалась занимать будущую свекровь своего сына, отвлекая вниманіе Сусанны отъ его странныхъ поступковъ. Гостья, повидимому, интересовалась бесѣдой съ хозяйкой; однако сосредоточенный видъ молодой дамаскинки не ускользнулъ отъ ея наблюдательности, потому что она неожиданно спросила:

— Неужели благородная племянница твоего супруга не удостоитъ насъ сегодня ни единымъ словомъ?

— Конечно, нѣтъ, съ горечью отвѣчала жена Георгія.—Но я

надѣюсь, что она скоро найдетъ другихъ людей, болѣе достойныхъ своего вниманія. Будь увѣрена, что я не буду удерживать ее у себя.

Послѣ того Нефорисъ заговорила о Катеринѣ, и Сусанна сообщила ей, что ея зять, Киризиппъ, пріѣхалъ въ Мемфисъ со своими маленькими дочерьми. Завтра они уѣзжаютъ обратно, и потому Катерина осталась дома съ дѣвочками, хотя ей вовсе не весело забавлять ихъ, тѣмъ болѣе, что она собиралась съ матерью въ гости.

Услышавъ это, Оріонъ освѣдомился о здоровьѣ молодой дѣвушки и весело сказалъ:

— Вчера утромъ она обѣщала вышить ошейникъ для моей бѣленькой собачки, подаренной мнѣ на память въ Константинополѣ. Перестань, Марія, не мучь бѣдное животное! прибавилъ онъ, обращаясь къ маленькой племянницѣ.

— Да отпусти ее, бѣдняжку, замѣтила Сусанна, видя, что внучка мукаукаса насильно принуждаетъ собаку цѣловать свою куклу.—Но знаешь, Оріонъ, продолжала она,—такой миньятюрный образчикъ собачьей породы совсѣмъ не подходитъ тебѣ. Ты сдѣлаешь гораздо лучше, если подаришь эту константинопольскую рѣдкость какому нибудь прелестному существу женскаго пола. Тогда собачка будетъ на своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, сообщу тебѣ по секрету, что моя дочь принялась уже вышивать ошейникъ золотыми звѣздами по голубому полю.

— Такъ какъ Оріонъ—звѣзда, воскликнула маленькая Марія: —то Катерина и выбрала такой подходящій узоръ.

— Къ счастію, только одна звѣзда называется моимъ именемъ, замѣтилъ юноша.—Пожалуйста, напомни объ этомъ твоей дочери, почтенная Суза.

Дѣвочка захлопала въ ладоши, восклицая со смѣхомъ:

— Значитъ, онъ не желаетъ имѣть около себя другой звѣзды!

— Ахъ ты, гордецъ! перебила Сусанна.—Дѣйствительно, есть люди, которые не могутъ допустить, чтобы въ нихъ находили сходство съ другими. Но тебѣ слѣдуетъ помириться съ этимъ, Оріонъ: ты поразительно похожъ на своего отца. Нефорисъ говорила правду: лобъ и линіи рта у васъ обоихъ положительно одинаковы.

Замѣчаніе гостьи было справедливо, но, тѣмъ не менѣе, цвѣтущій здоровьемъ юноша и разбитый параличемъ старикъ представляли мало общаго. Лежа на диванѣ, мукаукасъ съ трудомъ могъ владѣть своими членами, и даже игра въ шашки стоила ему немалыхъ усилій. Если онъ имѣлъ сходство съ сыномъ, то давно *утратилъ его*. Жидкіе посѣдѣвшіе волосы лишь на половину при-

крывали его голый черепъ, а глаза, которые блестѣли, какъ у Оріона, лѣтъ тридцать тому назадъ, теперь были едва видны, потому что отяжелѣвшія вѣки постоянно опускались на нихъ, придавая красивому мертвенно-блѣдному лицу больнаго довольно странный видъ. Однако въ чертахъ Георгія не было ничего непріятнаго; напротивъ, къ страдальческому и печальному выраженію примѣшивалась въ нихъ ласковая благосклонность. Губы и отвислыя щеки были неподвижны и какъ будто омертвѣли. Георгій казался смертельно измученнымъ человѣкомъ; онъ, повидимому, жилъ только потому, что былъ забытъ смертью. Окружающіе иногда принимали его за трупъ, послѣ того какъ паралитикъ слишкомъ часто прибѣгалъ къ бѣлымъ пилюлямъ съ примѣсью опіума, которыя были постоянно при немъ въ коробочкѣ изъ красной яшмы. Въ тотъ вечеръ, за игрою въ шахматы, Георгій также отъ времени до времени подносилъ успокоительное лѣкарство къ своимъ безцвѣтнымъ губамъ.

Медленно и точно въ дремотѣ подвигалъ онъ шашку за шашкой; однако Паулѣ не удалось ни разу побѣдить своего противника, хотя сама она, по словамъ мукаукаса, была очень искусна въ этой игрѣ. По ея высокому, открытому лбу и выразительнымъ синимъ глазамъ можно было судить о проницательности и душевной искренности дѣвушки. Но въ то же время, по крайней мѣрѣ, сегодня, въ ней замѣчались упрямство и наклонность къ противорѣчію. Когда Оріонъ указывалъ ей тотъ или другой ходъ, она рѣдко принимала его совѣтъ и, крѣпко стиснувъ губы, подвигала шашку по своимъ, не всегда болѣе дальновиднымъ, соображеніямъ. Было очевидно, что Паула не хотѣла имѣть руководителей, въ особенности когда за эту роль брался ея двоюродный братъ.

Всѣ присутствующіе замѣтили непріязненное отношеніе молодой гречанки къ Оріону и его старанія угодить ей. Это сильно раздражило Нефорисъ, такъ что она была очень довольна, когда дежурный докладчикъ напомнилъ своему господину о купцѣ, который нетерпѣливо дожидался, пока его позовутъ къ намѣстнику. Выигравъ третью партію, больной перемѣшалъ оставшіяся шашки, запахнулъ плотнѣе свой кафтанъ изъ мягкой шерстяной матеріи и показалъ рукой на двери и отверстіе крыши. Его близкимъ давно было непріятно оставаться на сквозномъ вѣтру, но, зная, что больной не выноситъ жара, онѣ терпѣливо переносили, въ угоду ему, ночную сырость, поднимавшуюся съ рѣки. Для Георгія ничего не было тягостнѣе лѣтняго зноя. Теперь, по знаку отца, Оріонъ позвалъ невольниковъ и, прежде чѣмъ арабы вошли въ

комнату, наружныя двери были заперты, а отверстіе на потолкѣ затянуто парусиной.

Паула встала съ мѣста; Георгій по прежнему лежалъ на диванѣ, закрывъ глаза. Однако онъ, вѣроятно, смотрѣлъ изъ-подъ рѣсницъ вокругъ себя, потому что обернулся сначала къ племянницѣ, потомъ къ прочимъ женщинамъ, и сказалъ:

— Не странно ли это: старики и дѣти обыкновенно любятъ солнечную теплоту; первые охотно спятъ, вторые играютъ на солнопекѣ. Но я... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, со мной случилось что-то необыкновенное—вы знаете... и тогда у меня застыла кровь. Теперь она не хочетъ больше согрѣться; переходъ отъ холода въ комнатѣ къ удушливому зною на дворѣ отражается на мнѣ чрезвычайно сильно, почти болѣзненно. Чѣмъ старше становишься, тѣмъ охотнѣе предоставляешь молодежи то, что было когда то пріятно самому; единственное, отъ чего намъ, пожилымъ людямъ, трудно отказаться, это ощущеніе тѣлеснаго довольства; благодарю васъ, что вы терпѣливо переносите ради меня холодъ, такъ какъ мнѣ онъ необходимъ. Какое у насъ стоитъ невыносимо жаркое лѣто! Ты, Паула, родившаяся въ Ливанскихъ горахъ, имѣешь понятіе о зимѣ. Иногда мнѣ хотѣлось бы лежать на слоѣ снѣга! Холодъ приноситъ такое отрадное ощущеніе, такъ оживляетъ силы! Между тѣмъ вы избѣгаете того, что мнѣ пріятно. Юношескій пылъ несовмѣстимъ ни съ чѣмъ охлаждающимъ.

Мукаукасъ разговорился, между тѣмъ какъ во время игры въ шашки онъ ограничивался только полусловами. Оріонъ почтительно выслушалъ его, но потомъ возразилъ, улыбаясь:

— Однако есть и молодые люди, которые любятъ выказывать ледяную холодность, богъ вѣсть, изъ-за какихъ причинъ!

При этомъ онъ взглянулъ на Паулу. Дѣвушка гордо отвернулась отъ него, не говоря ни слова, и по ея прекрасному лицу скользнула тѣнь досады.

V.

Когда арабскій купецъ былъ, допущенъ къ намѣстнику, его слуги внесли и разостлали передъ Георгіемъ кусокъ ковра. Великанъ масдакитъ хлопоталъ при этомъ больше всѣхъ. Однако видъ рослаго перса, съ курчавыми волосами въ родѣ львиной гривы, съ блестящими кинжалами и боевымъ топоромъ за поясомъ, до того напугалъ больнаго старика, что тотъ, не помня себя отъ страха, закричалъ:

— Вонъ!... Вонъ его, вонъ! Зачѣмъ здѣсь этотъ вооруженный

человѣкъ?.. Я не хочу смотрѣть ковра, пока онъ не уйдетъ изъ комнаты!

Руки мукаукаса дрожали, лицо помертвѣло, и купцу по неволѣ пришлось удалить вѣрнаго Рустема, самаго безобиднаго изъ людей. Тогда намѣстникъ мало по малу пришелъ въ себя. Нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ, высланный изъ Египта, грекъ покушался убить его, и съ тѣхъ поръ разбитый параличемъ Георгій былъ подверженъ припадкамъ безпричиннаго страха. Оправившись отъ перваго потрясенія, онъ сталъ съ восторгомъ разсматривать коверъ, вокругъ котораго столпилась вся семья. Каждый говорилъ, что ему не случалось видѣть ничего подобнаго, и бойкая Сусанна вздумала немедленно послать за дочерью и бывшими у ней гостями, чтобы они могли полюбоваться драгоцѣнной тканью. Однако было уже довольно поздно, а ея домъ находился далеко отъ дворца мукаукаса, такъ что ей пришлось отказаться отъ своего намѣренія.

Георгій и Оріонъ слышали раньше объ этомъ дивномъ художественномъ произведеніи; оно было добыто побѣдоноснымъ арабскимъ войскомъ при завоеваніи персидскаго государства, въ „Бѣломъ замкѣ“, или царскомъ дворцѣ въ столицѣ Сассанидовъ, Мадаинѣ. Первоначально замѣчательный коверъ имѣлъ триста локтей въ длину и шестьдесятъ въ ширину, но калифъ Омаръ, сохранившій привычки проводника каравановъ относительно жилища, одежды и пищи, не пожалѣлъ разрѣзать неоцѣненную художественную работу на куски, чтобы наградить ими приближенныхъ пророка. Самъ калифъ пренебрегалъ всякою роскошью.

По словамъ купца, привезенная имъ часть ковра досталась Али, зятю пророка. Гашимъ видѣлъ это дивное произведеніе искусства въ цѣлости въ Мадаинѣ, гдѣ коверъ висѣлъ на стѣнѣ великолѣпной тронной залы, а позднѣе—въ Мединѣ, передъ тѣмъ какъ его разрѣзали.

Присутствующіе убѣдительно просили араба описать, каковъ былъ видъ недостающей части ковра; между тѣмъ почтенный хозяинъ каравана сталъ обнаруживать безпокойство, поглядывая на свои босыя ноги, стоявшія на сыромъ мозаичномъ полу вблизи фонтана. Обувь, по обычаю мусульманъ, была оставлена имъ въ прихожей.

Намѣстникъ замѣтилъ это и, подозвавъ невольника, шепнулъ ему нѣсколько словъ, пока Нефорисъ, Оріонъ и Сусанна наперерывъ осаждали Гашима своими разспросами. Вернувшись обратно, слуга, по знаку своего господина, разостлалъ передъ арабомъ

длинную ковровую дорожку. Старикъ поспѣшилъ стать на нее своими загорѣлыми ногами изящной формы.

При этомъ, въ его обращеніи произошла неожиданная перемѣна. Онъ выпрямился съ достоинствомъ, которое удивило Георгія и его семью въ пріѣзжемъ купцѣ, смиренно переступившемъ порогъ комнаты, словоохотливо расхваливая свой товаръ. На его лицѣ, съ печатью кроткаго спокойствія въ чертахъ, выразилось удовольствіе, а добрые глаза сверкнули влажнымъ блескомъ, какъ у обрадованнаго ребенка. Гашимъ посмотрѣлъ на мукаукаса благодарнымъ взглядомъ и почтительно склонился передъ нимъ, прикладывая концы пальцевъ ко лбу, къ губамъ и груди, что̀ означало: „всѣ мои думы, слова и чувства посвящены тебѣ“. При этомъ купецъ сказалъ:—Благодарю тебя, сынъ Менаса, твой великодушный поступокъ достоинъ мусульманина!

— Скажи лучше: христіанина, съ жаромъ воскликнулъ Оріонъ.

Однако его отецъ медленно покачалъ головою и съ удареніемъ произнесъ:

— Нѣтъ, только человѣка!

— Только человѣка, повторилъ купецъ и потомъ задумчиво продолжалъ:—дѣйствительно, пока мы живемъ на землѣ, намъ слѣдуетъ поступать по человѣчески, такъ какъ люди созданы по образцу единаго Бога. Кто можетъ сравниться съ нимъ въ милосердіи? Но каждый смертный, проявляя милосердіе, подражаетъ Господу.

— Опять таки ты приводишь христіанское правило, странный мусульманинъ! прервалъ его сынъ Георгія.

— А между тѣмъ, возразилъ, сохраняя спокойное достоинство, Гашимъ:—это изреченіе слово въ слово соотвѣтствуетъ заповѣди лучшаго изъ людей, нашего пророка. Я принадлежу къ числу тѣхъ, кто зналъ его при жизни. Малѣйшее горе ближняго наполняло его мягкое сердце нѣжнымъ состраданіемъ. Онъ велѣлъ щадить всякое деревцо при дорогѣ, называя смертнымъ грѣхомъ причиненный ему вредъ; каждый мусульманинъ обязательно повинуется этому постановленію. Кто оказываетъ милосердіе, написано въ книгѣ пророка, тотъ...

Но купецъ не успѣлъ докончить своей рѣчи.

Паула, молча стоявшая до тѣхъ поръ у колонны, сдѣлала два торопливыхъ шага впередъ и остановила араба повелительнымъ жестомъ руки. Ея лицо пылало, глаза сверкали гнѣвомъ. Одни изъ присутствующихъ смотрѣли на дѣвушку съ недоумѣніемъ, *другіе—съ досадой;* собачка Оріона съ неистовымъ лаемъ кину-

лась на Гашима. Не обращая ни на кого вниманія, гречанка воскликнула взволнованнымъ голосомъ:

— Какъ вы, почитатели лжепророка, единомышленники кровожаднаго Халида, смѣете еще толковать о милосердіи! Мнѣ извѣстно, что̀ вы дѣлали въ Сиріи! Я видѣла своими глазами васъ и вашихъ остервенившихся женщинъ, которыя неистовствовали съ пѣной у рта. Въ моемъ лицѣ ты встрѣтилъ обличительницу мусульманскихъ злодѣйствъ: въ Дамаскѣ вы нарушили договоры, и жертвы вашего обмана—наряду съ мужчинами, беззащитныя женщины и дѣти—были изрублены или растерзаны вами въ куски. Развѣ ты, апостолъ милосердія, ничего не слыхалъ о томъ, что̀ происходило въ Авилѣ? Другъ Магомета! твоимъ соплеменникамъ заповѣдано щадить придорожное деревцо, а между тѣмъ какъ поступали вы съ невинными жителями Авилы? Вы свирѣпствовали тамъ, какъ волки въ овчарнѣ. Смѣшно послѣ этого толковать о милосердіи!

Тутъ пылкая дѣвушка разразилась громкимъ смѣхомъ, махая въ воздухѣ высоко поднятой рукой, какъ будто ей хотѣлось отогнать отъ себя тучу назойливыхъ оводовъ. Она со вчерашняго вечера сдерживалась, терзаясь нанесенной ей жестокой обидой. Давъ волю накипѣвшему гнѣву, Паула почувствовала облегченіе.

Присутствующіе разступились передъ нею, и она стояла посреди̇нѣ комнаты одна, дрожа съ головы до ногъ и кидая кругомъ угрожающіе взгляды.

Оріонъ смотрѣлъ на нее со страхомъ и восхищеніемъ. Да, его мать была права. Кроткая молодая дѣвушка не могла смѣяться такимъ горькимъ смѣхомъ, но даже въ своемъ ожесточеніи Паула была великолѣпна, какъ богиня мести, изваянная рукою Апеллеса, видѣнная имъ въ Константинополѣ. Нефорисъ переглядывалась съ Сусанной, неодобрительно пожимая плечами, и даже самъ Георгій былъ озадаченъ поступкомъ племянницы. Онъ зналъ причину этой неожиданной вспышки, но чувствовалъ, что ему необходимо сдержать отчаянный порывъ молодой дѣвушки и заставить Паулу опомниться. Больной назвалъ ее по имени, сначала тихо, потомъ громче и болѣе строгимъ тономъ. Его голосъ звучалъ упрёкомъ и сожалѣніемъ.

Она вздрогнула, точно внезапно пробужденный лунатикъ, провела рукой по глазамъ и сказала, почтительно склоняясь передъ наставникомъ:

— Прости меня, дядя! Я забылась въ твоемъ присутствіи, потому что трудно *превозмочь* себя. Ты знаешь мое прошлое. Когда

мнѣ напоминаютъ о немъ, когда я слышу слова похвалы злодѣямъ, которые лишили меня отца и брата....

Здѣсь громкія рыданія прервали ея рѣчь, и маленькая Марія со слезами бросилась на шею плачущей Паулѣ. Оріонъ былъ готовъ сдѣлать то же: ему такъ хотѣлось прижать несчастную къ своей взволнованной груди. Женская слабость придавала неодолимое очарованіе этой женщинѣ съ великою душою и еще сильнѣе влекла къ ней Оріона.

Но Паула скоро оправилась. Ласковыя увѣщанія дяди придали ей силы сдержать свой порывъ.

— Пожалуйста, позвольте мнѣ уйти въ свою комнату! сказала она наконецъ тихимъ голосомъ.

Дѣвушка перестала рыдать, хотя слезы по прежнему текли по ея лицу.

— Въ такомъ случаѣ, спокойной ночи, дитя, отвѣчалъ мукаукасъ задушевнымъ тономъ.

Гречанка молча поклонилась остальнымъ и пошла къ двери, но мусульманинъ удержалъ ее, говоря:

— Я знаю, кто ты, благородная дочь Ѳомы; мнѣ передавали, что твой братъ былъ женихомъ и пріѣхалъ въ Авилу праздновать свою свадьбу съ дочерью префекта Триполиса. Тогда я прибылъ по торговымъ дѣламъ на ярмарку и, къ несчастію, былъ свидѣтелемъ того, какъ необузданная шайка моихъ единовѣрцевъ напала на мирный городъ. Бѣдное дитя! Твой отецъ былъ самымъ знаменитымъ и храбрымъ между всѣми нашими противниками. Гдѣ бы онъ ни былъ: на землѣ или на томъ свѣтѣ, онъ навѣрно уважаетъ наше оружіе, также какъ и мы его. Но твой братъ, предательски убитый передъ самой свадьбой, проклялъ насъ, умирая, и завѣщалъ тебѣ свою ненависть. Поэтому, если ты обрушиваешь на меня, какъ на одного изъ мусульманъ, свой справедливый гнѣвъ, я могу только склониться передъ тобою съ покаяніемъ за вину своихъ единокровныхъ. Я ничѣмъ не могу оправдать, рѣшительно ничѣмъ, благородная дѣвушка, гнусныхъ злодѣйствъ, совершенныхъ въ Авилѣ, но повѣрь, что только тамъ мнѣ въ первый разъ пришлось на старости лѣтъ краснѣть за своихъ единоплеменниковъ. Война, воспоминаніе о комъ нибудь близкомъ, убитомъ врагами, или о разграбленномъ богатствѣ разнуздали народныя страсти, а тамъ, гдѣ это случится, и въ мирное, и въ военное время бываетъ одно и то же со дней Каина и Авеля.

Паула, неподвижно стоявшая до этой минуты противъ старика, покачала головой и сухо произнесла:—Все это не возвратитъ мнѣ *отца и брата.* Самъ ты кажешься человѣкомъ кроткимъ, но если

твоя справедливость равняется твоей добротѣ, то на будущее время узнай сначала, съ кѣмъ ты говоришь, прежде чѣмъ превозносить милосердіе послѣдователей пророка.

Паула еще разъ поклонилась присутствующимъ и вышла изъ комнаты. Оріонъ пошелъ за ней слѣдомъ, рѣшаясь, во что бы то ни стало, объясниться съ дѣвушкой. Однако онъ вернулся, нѣсколько минутъ спустя, тяжело дыша и стиснувъ зубы. Молодой человѣкъ, догнавъ Паулу, взялъ ее за руку, желая высказать все, что̀ накипѣло у него на сердцѣ, но она оттолкнула его съ ледяной холодностью и презрительно повернулась къ нему спиной. Онъ почти не слышалъ, какъ отецъ выражалъ Гашиму сожалѣніе, что съ нимъ обошлись такъ рѣзко въ его домѣ. Пріѣзжій купецъ замѣтилъ на это, что онъ вполнѣ понимаетъ ожесточеніе осиротѣвшей дѣвушки, такъ какъ въ Авилѣ совершались дѣйствительно возмутительныя дѣла.

— Но въ какой войнѣ, продолжалъ старикъ:—не случается этого? Даже христіанинъ не всегда можетъ обуздать себя; мнѣ говорили, что и ты лишился двоихъ цвѣтущихъ сыновей, а между тѣмъ кто убилъ ихъ? Христіане, твои собственные единовѣрцы...

— Нѣтъ, не единовѣрцы, а заклятые враги моей вѣры, медленно произнесъ старикъ, съ удареніемъ на каждомъ слогѣ. Его рѣчь звучала холоднымъ высокомѣріемъ, и при этомъ онъ широко раскрылъ глаза, напоминавшіе тѣ твердые камни мутнаго блеска, которые вставлялись его предками въ головы статуй. Потомъ вѣки больнаго опять опустились,и онъ продолжалъ равнодушнымъ тономъ:

— Однако, сколько же ты хочешь за свой коверъ? Я желаю купить его. Скажи крайнюю цѣну, чтобы не торговаться по пустому.

— Я былъ намѣренъ просить пятьсотъ тысячъ драхмъ, отвѣчалъ купецъ:—но могу уступить за четыреста тысячъ.

Жена Георгія всплеснула руками и знаками предостерегала мужа, чтобы онъ не вѣрилъ купцу. Она также неодобрительно покачала головой, когда Оріонъ замѣтилъ.

— Триста тысячъ можно дать за эту вещь.

Молодой человѣкъ старался овладѣть собою, притворно интересуясь торгомъ, гдѣ дѣло шло о такихъ громадныхъ суммахъ.

— Нѣтъ, меньше четырехсотъ тысячъ я взять не могу, спокойно возразилъ арабъ.—Твой отецъ хотѣлъ знать крайнюю цѣну, и я не запрашиваю лишняго. Рубины и гранаты, которыми унизана въ этомъ мѣстѣ кисть винограда, жемчужины посреди миртъ, бирюза въ незабудкахъ, брилліанты на верху въ видѣ капель росы на былинкахъ травы, смарагды, придающіе такой блескъ зеленымъ

листьямъ, а въ особенности этотъ громадный камень стоютъ сами по себѣ дороже.

— Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же ты не вырѣзалъ ихъ изъ ткани? спросила Нефорисъ.

— Потому что не хотѣлъ портить великолѣпной вещи. Я продамъ коверъ такъ, какъ онъ есть, или вовсе не продамъ.

При этихъ словахъ, намѣстникъ кивнулъ головой своему сыну, не обращая вниманія на неудовольствіе жены. Ему придвинули дощечку, лежавшую возлѣ шашечницы. Георгій написалъ на ней нѣсколько словъ и подалъ ее купцу, говоря:

— Я согласенъ. Завтра утромъ мой управитель выдастъ тебѣ деньги по этой запискѣ.

Оріонъ не выдержалъ.

— Великолѣпно, превосходно! воскликнулъ онъ, внѣ себя отъ восторга, порывисто кидаясь цѣловать руки отца. Потомъ юноша обратился къ матери, у которой глаза наполнились слезами досады, поднялъ ей подбородокъ, поцѣловалъ ее въ лобъ и съ гордостью сказалъ:

— Такъ торгуемся только мы да императоръ.

Затѣмъ онъ подошелъ къ мусульманину, говоря:

— Когда отецъ является самымъ великодушнымъ изъ людей, то сынъ по неволѣ будетъ казаться передъ нимъ ничтожествомъ. Однако все къ лучшему, почтенный господинъ. Что касается твоего ковра, то онъ можетъ стоить дороже всѣхъ сокровищъ Креза, однако я потребую отъ тебя кое-что въ придачу. Прежде чѣмъ ты навьючишь своихъ верблюдовъ нашимъ золотомъ, разскажи намъ, какой видъ имѣло это художественное произведеніе, прежде чѣмъ его разрѣзали?

Мусульманинъ, спокойно засунувъ драгоцѣнную дощечку себѣ за поясъ, немедленно исполнилъ требованіе Оріона.

— Вамъ извѣстно, что первоначально этотъ коверъ былъ необыкновенной длины и ширины, началъ купецъ. Зала, гдѣ онъ украшалъ собою одну изъ стѣнъ, вмѣщала нѣсколько тысячъ гостей и, кромѣ того, по обѣ стороны трона могло стать нѣсколько сотенъ тѣлохранителей. Говорятъ, будто бы этой работой занимались болѣе пятидесяти лѣтъ столько ткачей, вышивальщиковъ и ювелировъ, сколько дней въ году. Вытканная картина изображаетъ рай, гдѣ, по персидскимъ понятіямъ, должно быть множество зеленѣющихъ деревьевъ, покрытыхъ пышнымъ цвѣтомъ и плодами. Здѣсь вы можете еще различить часть каскада, который издали казался совершенно натуральнымъ, такъ какъ алмазы, сафиры и смарагды, украшавшіе его, отливали на солнцѣ,

какъ настоящая вода. Вотъ эти жемчужины представляютъ пѣну волны. Разрѣзанныя листья возлѣ него принадлежатъ къ розовому кусту, выросшему у райскаго источника раньше, чѣмъ первый дождь оросилъ землю. Первоначально на кустѣ росли только бѣлыя розы, но когда члены первозданныхъ женщинъ засіяли болѣе яркой бѣлизною, бѣлые цвѣты покраснѣли отъ стыда, и съ тѣхъ поръ явились пурпуровыя розы. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласятъ персидскія преданія.

— А куда принадлежала купленная нами часть ковра? спросилъ Оріонъ.

— Она вырѣзана изъ самой середины, отвѣчалъ купецъ, ласково посматривая на юношу.—На лѣвой сторонѣ былъ представленъ судъ у моста Чинватъ. Осужденныхъ грѣшниковъ не было видно, а были изображены одни фраваши, т. е. геніи, которые, по понятіямъ персовъ, служатъ ангелами-хранителями каждаго смертнаго въ теченіе всей его жизни и живутъ въ тѣлесной оболочкѣ человѣка, соединяясь съ нимъ или отдѣляясь отъ него по своему произволу. Крылатый сонмъ фравашей какъ будто налеталъ грозою на осужденныхъ грѣшниковъ, слугъ мрачнаго Ангрмайнія. Между тѣмъ блаженные, непорочные, нелицемѣрные послѣдователи свѣтлаго божества Агурамазды съ гимнами входили въ цвѣтущій эдемъ. Нѣсколько ниже были видны люди, которые не подверглись осужденію, но также не заслужили и полнаго блаженства; эти, понуривъ головы, смиренно и молча удалялись въ темную рощу. Между тѣмъ праведники въ блаженномъ спокойствіи наслаждались дарами эдема. Здѣсь вы видите исполинскую кисть винограда; ее хочетъ сорвать одинъ изъ жителей рая; его рука уцѣлѣла, но фигура отрѣзана. Отъ вѣнка изъ цвѣтовъ и фруктовъ, обрамлявшаго всю картину, остался тутъ на верху великолѣпный кусокъ. Какъ вы находите смарагдъ, изображающій цвѣточную почку? Во сколько вы его оцѣните?

— Превосходный камень! воскликнулъ Оріонъ.—Даже у Эліодоры нѣтъ ничего подобнаго. Какъ ты думаешь, отецъ, сколько онъ стоитъ?

— Много, очень много, отвѣчалъ тотъ:—но и весь замѣчательный коверъ въ неприкосновенной цѣлости былъ бы слишкомъ ничтожнымъ даромъ для того, кому я предназначилъ дивный смарагдъ.

— Полководцу Амру? спросилъ Оріонъ.

— Нѣтъ, дитя, рѣшительно отвѣчалъ намѣстникъ:—онъ будетъ пожертвованъ мною Господу нашему Іисусу Христу и его святой церкви.

Оріонъ опустилъ глаза. Ему была непріятна мысль, что великолѣпный камень вдѣлаютъ въ крышку какого нибудь ковчежца, и онъ навсегда скроется отъ глазъ людей въ темномъ шкафу церковной ризницы. Юношѣ хотѣлось бы дать ему иное назначеніе.

Однако ни отецъ, ни мать не замѣтили его неудовольствія. Нефорисъ бросилась къ мужу, стала на колѣни передъ его ложемъ и, покрывая поцѣлуями холодную исхудавшую руку страдальца, радостно шептала, какъ будто тяжелое бремя скатилось у нея съ души:

— Твой поступокъ спасетъ наши души, Георгій! За такой даръ—увидишь—тебѣ простится все, и ты найдешь утраченный душевный миръ.

Намѣстникъ молча пожалъ плечами и приказалъ свернуть коверъ, послѣ чего Оріонъ собственноручно заперъ его въ таблинумъ. Потомъ мукаукасъ велѣлъ дежурному докладчику устроить на ночлегъ араба съ его людьми.

VI.

Душевныя страданія и упреки совѣсти съ нѣкоторыхъ поръ не давали покоя больному Георгію. Бѣдный старикъ дѣйствительно надѣялся умилостивить Провидѣніе богатымъ вкладомъ въ церковь. Для этой цѣли онъ не пожалѣлъ четырехсотъ тысячъ драхмъ и, пожалуй, съ удовольствіемъ заплатилъ бы за чудный коверъ еще дороже. Чѣмъ богаче даръ, тѣмъ больше надежды на милость того, кому онъ предназначается.

У мукаукаса была серьезная причина сомнѣваться въ справедливости своихъ поступковъ. Христіанская религія запрещаетъ мстить врагамъ, но Георгій не могъ не наказать своихъ злодѣевъ, когда представился къ тому удобный случай. И какой отецъ поступилъ бы иначе съ людьми, лишившими его двоихъ цвѣтущихъ сыновей? Этотъ страшный ударъ подточилъ весь организмъ несчастнаго. Онъ чувствовалъ, какъ съ тѣхъ поръ медленно чахло его тѣло. Крайнее изнеможеніе, припадки малодушнаго страха, дурноты и боли, какъ естественныя послѣдствія паралича, отравляли ему каждую минуту. Угасающая жизнь поддерживалась въ немъ только прежней физической мощью и жгучей жаждой мщенія. И судьба доставила ему случай жестоко отомстить за гибель сыновей. Между тѣмъ Георгій по природѣ былъ слишкомъ незлобивый человѣкъ; насытившись местью, онъ началъ испытывать *упреки совѣсти*.

Хотя и не по его винѣ, но при его содѣйствіи, византійская имперія лишилась богатой провинціи, которая была ввѣрена императоромъ попеченію мукаукаса; греки и всѣ, кто носилъ имя мелхита, были съ позоромъ изгнаны изъ Египта; но хуже всего то, что возмущенный народъ, съ восторгомъ привѣтствуя мусульманъ, во многихъ мѣстахъ избивалъ своихъ притѣснителей, какъ бѣшеныхъ собакъ. Георгій желалъ бы помѣшать этой кровавой расправѣ своихъ соотечественниковъ съ ненавистными греками, но не могъ ничего сдѣлать.

Такимъ образомъ, всѣ бѣдствія, какія онъ призывалъ на убійцъ своихъ дѣтей, на палачей своего народа, дѣйствительно обрушились на нихъ, и за невинную кровь было отомщено сторицей. Но въ то время, когда несчастный отецъ торжествовалъ побѣду надъ врагами, въ немъ мало по малу просыпалась совѣсть. Ея, сначала робкій, голосъ становился все грознѣе, неумолимо обличая Георгія въ жестокости. Онъ началъ тосковать, терзаться безпричиннымъ страхомъ; ему недоставало душевной твердости для роли героя и реформатора. При его содѣйствіи совершились слишкомъ крупныя историческія событія, разъигралось слишкомъ много кровавыхъ драмъ, отразившихся на цѣлыхъ тысячахъ человѣческихъ жизней; наконецъ, онъ подвергъ опасности самую вѣру Христову, уступивъ свое отечество мусульманамъ. Мукаукасу было страшно подумать, что онъ сознательно допустилъ такіе перевороты; тяжелая отвѣтственность за все случившееся невыносимо удручала его. Напрасно Георгій повторялъ себѣ, что онъ не призывалъ арабовъ въ Египетъ и не могъ отразить ихъ нападенія по недостатку военныхъ силъ; тѣмъ не менѣе, на него указывали со всѣхъ сторонъ, какъ на сообщника завоевателей; намѣстникъ сталъ опасаться за свою жизнь и вѣрилъ тѣмъ, кто говорилъ ему о наемныхъ убійцахъ, подосланныхъ византійцами. Но еще сильнѣе былъ его страхъ передъ гнѣвомъ Божіимъ за то, что онъ отдалъ христіанскую страну въ руки невѣрныхъ. Даже воспоминаніе о своемъ незапятнанномъ и безупречномъ прошломъ не могло поддержать Георгія; противъ душевныхъ пытокъ у него оставалось единственное средство: бѣлыя пилюли, которыя уже давно сдѣлались ему необходимы, какъ воздухъ и вода.

Добрый мемфисскій епископъ, старецъ Плотинъ, и его подчиненные вполнѣ оправдывали мукаукаса, но патріархъ Веніаминъ дѣйствовалъ совершенно иначе. Находясь въ изгнаніи, онъ самъ указывалъ на арабовъ, какъ на избавителей отъ ига мелхитовъ; между тѣмъ, когда Георгію удалось съ большимъ трудомъ вернуть его изъ ссылки и водворить на прежнемъ мѣстѣ, то мукау-

касъ неожиданно встрѣтилъ въ немъ ожесточеннаго противника. Патріархъ отнесся къ нему, какъ къ отверженному, заслужившему вѣчное осужденіе. Догадываясь о томъ, что глава египетской церкви руководствуется, въ данномъ случаѣ, не справедливостью, а иными посторонними видами, Георгій, тѣмъ не менѣе, былъ увѣренъ, что Веніаминъ, по своему высокому пастырскому сану, можетъ лишить его вѣчнаго блаженства.

Чѣмъ сильнѣе утверждалось могущество арабовъ въ его отечествѣ, чѣмъ благоразумнѣе правили они страною, отвлекая многихъ египтянъ отъ христіанства къ исламу, тѣмъ ужаснѣе казалась мукаукасу его вина. Мало того: когда имъ было исполнено дѣло мщенія, которое греки называли „двойнымъ предательствомъ“, то, вмѣсто наказанія отъ Бога за грѣхи, на Георгія щедро посыпались земныя блага. Это окончательно смутило набожнаго старика; ему показалось, что сатана осыпаетъ его дарами судьбы въ награду за погибшія христіанскія души, которыя отпали отъ святой церкви, благодаря излишней благосклонности намѣстника къ мусульманамъ.

Въ короткое время Георгій неожиданно получилъ два большихъ наслѣдства, а его люди, раскапывая языческіе склепы въ городѣ мертвыхъ, нашли больше золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, чѣмъ всѣ прочіе вмѣстѣ. Мусульманскій калифъ и его намѣстникъ оставили мукаукаса въ прежней должности, оказывая ему дружбу и почетъ; булевты, или совѣтники города, вмѣстѣ съ городскимъ населеніемъ, торжественно провозгласили его „справедливымъ“; между тѣмъ какъ имѣнія Георгія никогда еще не приносили такихъ крупныхъ доходовъ. Отъ вдовы своего убитаго старшаго сына онъ получалъ самыя утѣшительныя письма, гдѣ она съ восторгомъ говорила о новой, высшей цѣли существованія, найденной ею въ монастырѣ; ея дочь, внучка старика, росла очаровательнымъ веселымъ ребенкомъ, которымъ восхищались даже посторонніе; наконецъ, изъ переписки съ Оріономъ, жившимъ въ Константинополѣ, онъ убѣждался, что его сынъ оказываетъ успѣхи во всемъ, не забывая при этомъ своихъ родителей, которымъ юноша, по собственному побужденію, подробно сообщалъ о своихъ удовольствіяхъ и занятіяхъ въ столицѣ.

Слѣдовательно, и на далекой чужбинѣ отецъ съ матерью были для него, по прежнему, дороже всего на свѣтѣ.

Присутствіе Паулы въ ихъ домѣ приносило Георгію также немало отрады; дѣвушка доставляла ему удовольствіе не за одной только шахматной доской, и онъ постоянно сожалѣлъ, что Нефорисъ не *благоволитъ* къ одинокой сиротѣ. Всѣ эти блага, пожалуй, пред-

ставляли собою даръ сатаны, однако благочестивый старикъ рѣшился показать лукавому, что онъ преданъ не ему, а Спасителю міра, и надѣется на благость Провидѣнія. Возвращеніе сына вполнѣ созрѣвшимъ человѣкомъ наполнило душу Георгія безграничной благодарностью. Это глубокое чувство, вмѣстѣ съ мучительными сомнѣніями, осаждавшими мукаукаса, заставило его пожертвовать громадную сумму, представлявшую собою цѣлое богатство, чтобы принести Христовой церкви даръ, которому не было подобнаго. Подавая Гашиму подписанный имъ счетъ, Георгій чувствовалъ себя безгранично счастливымъ, какъ военноплѣнный, получившій съ далекой родины деньги на выкупъ изъ неволи. Когда больнаго уложили на ночь въ постель, и жена не переставала благодарить его за предпринятый имъ подвигъ благочестія, у намѣстника вдругъ стало легко и весело на душѣ, чего онъ не испытывалъ уже долгіе годы.

Мукаукасъ обыкновенно слышалъ каждую ночь легкіе шаги Паулы надъ своей головой, такъ какъ она помѣщалась во второмъ этажѣ, надъ его комнатой, и поздно ложилась спать, предаваясь въ ночной тишинѣ сладкимъ и скорбнымъ воспоминаніямъ прошлаго. Суровая судьба похитила у нея такъ много: отца, брата, близкихъ родственниковъ и друзей; всѣ они погибли за разъ отъ руки мусульманъ, которымъ Георгій уступилъ, почти безъ сопротивленія, свое отечество.

— Сегодня не слышно Паулы, замѣтилъ онъ, взглядывая вверхъ, какъ будто ему чего-то недоставало.—Бѣдняжка, вѣроятно, легла пораньше въ постель, разстроившись встрѣчей съ арабскимъ купцомъ.

— Стоитъ ли объ ней говорить! замѣтила Нефорисъ, съ досадой пожимая плечами, недовольная тѣмъ, что мужъ прервалъ ея радостныя изліянія. Эта дѣвушка окончательно выводитъ меня изъ терпѣнія.—Какую глупую выходку позволила она себѣ опять при постороннихъ! И къ чему она съ такой насмѣшкой говорила о милосердіи? Я не хочу хвалиться своими добродѣтелями, но могу сказать, что никому не отказываю въ состраданіи и для нея самой дѣлаю все, къ чему обязываетъ меня долгъ христіанки и родственницы, но, видитъ Богъ, какъ это мнѣ тяжело! Невыносимое высокомѣріе Паулы отталкиваетъ отъ нея каждаго. Когда она входитъ въ комнату, одинъ видъ мелхитки отравляетъ мнѣ всякое удовольствіе; такъ и кажется, что вмѣстѣ съ нею черезъ порогъ переступило само несчастіе. Кромѣ того, Оріонъ черезчуръ заглядывается на эту дѣвушку. Ты, конечно, ничего не замѣчаешь,

но отъ меня не укроется никакая мелочь. Какъ бы я желала поскорѣе избавиться отъ такой обузы!

— Нефорисъ! прервалъ ее мужъ тономъ легкаго упрека.

Георгій хотѣлъ бы сдѣлать женѣ болѣе рѣзкое замѣчаніе, но, пристрастившись къ опіуму, онъ мало по малу утратилъ твердость воли и малодушно подчинялся во всемъ властолюбивой матронѣ.

Вскорѣ мукаукасъ впалъ въ тревожную дремоту, хотя при этомъ чаще обыкновеннаго открывалъ глаза. Ему недоставало легкихъ шаговъ племянницы надъ головою, къ которымъ онъ привыкъ прислушиваться по ночамъ въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Между тѣмъ старикъ ошибался, предполагая, что дѣвушка поспѣшила лечь въ постель. Послѣ сцены съ Гашимомъ она дѣйствительно ушла, но не могла долго оставаться въ комнатѣ. Въ этотъ день служанки не исполнили приказанія Паулы отворить окна сейчасъ послѣ заката солнца, чтобы прохладный воздухъ ночи освѣжилъ ея спальню. Прислуга въ домѣ дяди, замѣчая непріязнь хозяйки къ одинокой родственницѣ, не выказывала Паулѣ особенной предупредительности. Атмосфера комнаты была невыносима; деревянныя ставни нагрѣлись, каждый предметъ былъ горячъ наощупь, а приготовленная въ кувшинѣ вода оказывалась негодной для питья. Египтянка, привыкшая къ африканскому климату, не нашла бы въ этомъ ничего особенно непріятнаго, но дамаскинка, которая проводила каждое лѣто въ красивомъ загородномъ домѣ отца въ Ливанскихъ горахъ, не могла выносить подавляющаго зноя.

Недолго думая, Паула отодвинула ставни, а сама закуталась въ большой темный платокъ и, осторожно спустившись съ крутой лѣстницы, пробралась черезъ знакомую калитку во дворъ. Здѣсь она вздохнула свободно и, въ порывѣ тоски, протянула руки, какъ будто ей хотѣлось улетѣть на крыльяхъ изъ ненавистнаго дома; однако, черезъ минуту дѣвушка опомнилась и пугливо осмотрѣлась вокругъ. Паула вышла изъ комнаты не для того только, чтобы освѣжиться; ей, кромѣ того, хотѣлось высказать свое горе близкому человѣку; между многочисленнымъ штатомъ прислуги намѣстника было двое существъ, которыми дорожила одинокая дѣвушка; одно изъ нихъ понимало и сознательно любило ее; другое питало къ ней беззавѣтную преданность собаки и было всегда готово исполнить тайныя порученія молодой госпожи.

Первая изъ нихъ была кормилица Паулы, пріѣхавшая съ нею въ Египетъ; другой—вольноотпущенникъ, конюшій ея отца, который сопровождалъ обѣихъ изъ Сиріи вмѣстѣ съ мальчикомъ-сыномъ. *Во время* рѣзни въ Авилѣ, дочь Ѳомы скрывалась отъ зло-

дѣвъ въ недоступномъ убѣжищѣ; потомъ жила въ одной изъ долинъ Ливана, пока не рѣшилась, наконецъ, бѣжать оттуда въ Мемфисъ, подъ защиту могущественнаго мукаукаса Георгія. Отецъ Паулы былъ женатъ въ первый разъ на родной сестрѣ намѣстника, но дѣвушка родилась отъ втораго брака; ея мать, сиріянка, приходилась родственницей императору Ираклію и умерла въ молодыхъ годахъ, вскорѣ послѣ рожденія ребенка.

Вѣрнымъ слугамъ не позволили оставаться при своей госпожѣ. Нефорисъ открыла въ Перпетуѣ, кормилицѣ Паулы, необыкновенную способность къ ткацкимъ работамъ и назначила ее надзирательницей за рабынями, занимавшимися у нея этимъ ремесломъ. Старуха взялась за предложенную обязанность, хотя была свободной отъ рожденія: она соглашалась на все, только бы оставаться вблизи своей дорогой воспитанницы. Конюшій Гирамъ, съ малолѣтнимъ сыномъ, также былъ принятъ на службу мукаукаса, во-первыхъ, для того, стобы смотрѣть за пятью прекрасными конями своего господина, на которыхъ бѣглецы прибыли въ Египетъ, а, во-вторыхъ, въ качествѣ опытнаго ветеринара и знатока лошадей. Паула хотѣла переговорить съ обоими слугами; она знала, гдѣ ихъ найти, но не смѣла отправиться къ нимъ прямо, во избѣжаніе непріятностей. Наемные служащіе мукаукаса пировали еще со своими гостями; когда ворота были заперты, караульные также присоединились къ нимъ. Они весело разговаривали, раздѣлившись на группы, и, повидимому, не думали еще расходиться, потому что нѣсколько невольниковъ только что принесли ужинъ солдатамъ.

По двору ежеминутно сновали люди, потому что каждый, кому было позволено, спѣшилъ насладиться ночной прохладой. Одни рабы загонялись въ свои жилища немедленно послѣ закрытія воротъ, но изъ ихъ помѣщеній также доносились голоса. Паула всматривалась и вслушивалась во все, что̀ было доступно ея острому зрѣнію и чуткому уху. Сердце дѣвушки било тревогу. Прибывающій мѣсяцъ освѣщалъ половину двора, на другую падала тѣнь отъ строеній. Въ одномъ мѣстѣ свободные слуги разложили огонь и усѣлись передъ нимъ полукругомъ. Подвижное пламя костра бросало красноватый отблескъ на ихъ смуглыя лица, а когда въ него кидали свѣжихъ шишекъ пиній, оно вспыхивало ярче прежняго, поднимаясь къ верху и освѣщая даже темную часть двора. Это очень безпокоило Паулу, которой хотѣлось пройти черезъ дворъ незамѣченной. Хотя въ ея дѣйствіяхъ не было ничего нескромнаго и предосудительнаго, однако дѣвушка знала, что Нефорисъ готова *перетолковать* ихъ въ дурную сторону. Сначала

жена Георгія настаивала на томъ, чтобы онъ помогалъ Паулѣ въ ея поискахъ за пропавшимъ безъ вѣсти отцомъ; но мукаукасъ и безъ совѣта жены цѣлый годъ повсемѣстно наводилъ самыя тщательныя справки о своемъ зятѣ, добиваясь, по крайней мѣрѣ, узнать, живъ онъ или умеръ. Однако всѣ попытки разъискать его оставались до сихъ поръ безуспѣшными. Кромѣ того, Нефорисъ стала относиться къ этимъ стараніямъ все болѣе и болѣе неблагосклонно и, наконецъ, убѣдила своего слабохарактернаго мужа предоставить храбраго защитника Дамаска его судьбѣ. Такимъ образомъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, у несчастной Паулы была отнята послѣдняя надежда отъискать отца. Намѣстнику удалось, не безъ жертвъ со своей стороны, спасти для нея кое-что изъ имущества родителей. Онъ выгодно продалъ ихъ недвижимую собственность, собралъ, по возможности, остававшіеся доходы и хотѣлъ вручить всѣ деньги молодой дѣвушкѣ. Но она просила дядю хранить ихъ у себя, обрадованная тѣмъ, что у нея есть вѣрное обезпеченіе, хотя въ домѣ египетскаго креза бѣдная изгнанница считалась почти нищей. Не желая оставлять своихъ поисковъ, Паула просила мукаукаса выдать часть принадлежащихъ ей денегъ. Онъ два раза исполнилъ ея просьбу, но на третій разъ отказалъ, имѣя въ виду не дать ей разориться. Георгій назвалъ себя кіріосомъ *) и естественнымъ опекуномъ племянницы, говоря, что онъ не можетъ допустить ее истратить свое маленькое состояніе на безумныя затѣи, которыя не приведутъ ни къ чему, тогда какъ деньги могутъ быть со временемъ очень полезны. Всѣ расходы, сдѣланные до этихъ поръ, были пополнены изъ собственнаго кошелька намѣстника.

Паула оцѣнила великодушіе дяди, но, по прежнему, не отставала отъ него, умоляя исполнить ея просьбу. Однако старикъ непоколебимо стоялъ на своемъ; онъ оберегалъ имущество сироты и не соглашался выдать ей ни одного солида на осуществленіе ея дорогихъ надеждъ.

Она покорилась для вида, хотя была твердо намѣрена сдѣлать все возможное, чтобы найти слѣды пропавшаго безъ вѣсти героя.

У нея сохранилось дорогое жемчужное ожерелье. Паула продала его, и на эти деньги вѣрный Гирамъ предпринялъ далекое путешествіе, разославъ, сверхъ того, нѣсколькихъ гонцовъ по раз-

---

*) Такъ назывался довѣренный совѣтникъ женщины, который служилъ также *ея представителемъ* на судѣ. Подъ защитой кіріоса, по египетскому обычаю того *времени, женщина* передъ лицомъ закона имѣла равныя права съ мужчиной.

нымъ странамъ. Теперь кто нибудь изъ нихъ навѣрно успѣлъ возвратиться съ новыми извѣстіями, и Паулѣ хотѣлось распросить объ этомъ вольноотпущенника.

Но какъ пробраться къ нему незамѣченной? Она долго выжидала удобнаго момента перебѣжать черезъ дворъ.

Костеръ снова вспыхнулъ и освѣтилъ знакомое лицо. Это былъ Гирамъ.

Среди людей, сидѣвшихъ у огня, раздался взрывъ дружнаго хохота. Воспользовавшись минутой общаго оживленія, дѣвушка плотнѣе закуталась въ платокъ, быстро пересѣкла темную часть двора, а потомъ, согнувшись, какъ старуха, прошла по освѣщенной площадкѣ къ домамъ невольниковъ.

У входа туда, она остановилась, едва переводя духъ—такъ сильно стучало у нея сердце. Замѣтили ее или нѣтъ?... Конечно, все обошлось благополучно. Никто не окликнулъ Паулу; позади не слышно ничьихъ шаговъ; собаки хорошо знаютъ ее и потому молчатъ; стража оставила свой постъ и сидитъ у костра.

Продолговатое зданіе съ лѣвой стороны была ткацкая, гдѣ въ верхнемъ этажѣ помѣщалась кормилица Паулы, Перпетуя.

Здѣсь также приходилось соблюдать осторожность, потому что хозяйка нерѣдко заглядывала сюда по вечерамъ, задавая работницамъ уроки на слѣдующій день и провѣряя то, что̀ ими сдѣлано на сотнѣ ткацкихъ станковъ, безостановочно стучавшихъ съ утра до ночи. Еслибы невольницы замѣтили молодую дѣвушку, то моглибы разсказать своей госпожѣ о ея ночныхъ странствованіяхъ.

Онѣ еще не спали, потому что изъ большихъ сараевъ, или навѣсовъ на столбахъ, до Паулы опять донесся громкій хохотъ. Рабыни при ткацкой также наслаждались ночной прохладой и зажгли костеръ. Паулѣ приходилось пройти мимо нихъ по освѣщенному луною пространству. Выжидая удобнаго момента, она прижалась къ соломенному шалашику, гдѣ стояли глиняные сосуды съ водой для питья. Шалашикъ отбрасывалъ отъ себя темную треугольную тѣнь на пыльную землю, ярко освѣщенную мѣсяцемъ. Дѣвушка спряталась въ этомъ укромномъ мѣстечкѣ, откуда ей было видно и слышно все происходившее въ сараѣ.

Паула пережила тяжелый, мучительный день, который закончился непріятной сценой; вчера ей выпало на долю нѣсколько блаженныхъ часовъ, сулившихъ невѣдомое счастіе, а имъ предшествовало долгое время униженій, наступившее вслѣдъ за ужасной катастрофой.

Какъ весело и ясно было ея дѣтство, какъ хороша ранняя молодость! Въ продолженіе многихъ лѣтъ, она каждое утро просы-

палась для новой радости и каждый вечеръ ложилась въ постель съ благодарственными молитвами; онѣ изливались изъ ея души также свободно и естественно, какъ благоуханіе изъ вѣнчика розы. Въ тѣ дни Паула недовѣрчиво покачивала красивой головкой, когда земной міръ называли въ ея присутствіи юдолью плача, а человѣческій родъ—несчастнымъ и жалкимъ. Теперь она убѣдилась въ справедливости этихъ словъ. Въ часы одиночества, въ безсонныя ночи ей нерѣдко приходилось спрашивать себя, для чего милосердый Богъ создалъ ее на свѣтъ, далъ ей выросли, окружилъ ее безчисленными благами и потомъ отнялъ за разъ все дорогое и желанное, даже надежду?

Однако, не смотря на свои сомнѣнія, молодая дѣвушка, воспитанная въ правилахъ религіи, не переставала молиться и вѣровать. Недавно ей показалось, что Провидѣніе готово послать ей высшее благо: любовь достойнаго человѣка. Она сама полюбила его, и пылкое молодое сердце такъ жаждало отвѣта... Но чѣмъ же это кончилось?

Теперь бѣдная дѣвушка стояла въ своей засадѣ съ безотраднымъ сознаніемъ сердечной пустоты; если она была несчастна до пріѣзда Оріона, то въ настоящую минуту еще сильнѣе чувствовала суровость судьбы; прежде Паула была только одинока, а теперь она обманута и осмѣяна. Дочь благороднаго Ѳомы, родственница и гостья самаго богатаго и вліятельнаго человѣка въ странѣ, молча глотала слезы, между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея беззаботно веселились жалкія рабыни. Дѣвушки при ткацкой работали изъ-подъ неволи съ утра до ночи, получая удары бича за малѣйшую неисправность; однако это не мѣшало имъ заливаться радостнымъ, задорнымъ смѣхомъ отъ избытка молодыхъ силъ.

Подъ широкимъ навѣсомъ красильни, покрытымъ пальмовыми вѣтками, собралось множество невольницъ, красивыхъ и безобразныхъ, смуглыхъ и бѣлыхъ, различныхъ по росту и фигурѣ. Однѣ изъ нихъ были высоки и стройны, другія—съ искривленной спиной отъ работы за ткацкимъ станкомъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Всѣ онѣ отличались молодостью: между ними не было ни одной старше восемнадцати лѣтъ. Невольники представляютъ собой капиталъ; проценты съ него—ихъ трудъ и дѣти. Поэтому каждую рабыню выдавали замужъ въ молодые годы также за невольника. Въ ткацкой работали и дѣвушки, и замужнія женщины, но замужнія имѣли особыя помѣщенія, каждая со своей семьей, а дѣвушки ночевали въ общихъ спальняхъ, рядомъ съ мастерскими. *Сегодня ихъ* освободили раньше, и потому онѣ веселились по

своему, раздѣлившись на двѣ группы. Одна толпа окружила египтянку, чертившую что-то на дощечкѣ; другія занимались невинной игрой, которая состояла въ томъ, что каждая изъ играющихъ бросала черезъ голову свою обувь. Если сандалія попадала за черту, проведенную на полу мѣломъ, это было хорошимъ предзнаменованіемъ: дѣвушкѣ предстояло выйти за любимаго человѣка. Если же обувь падала ближе, эте былъ знакъ, что свадьбу отложатъ или выдадутъ за немилаго.

Работница, забавлявшая подругъ черченіемъ фигуръ, занималась при ткацкой рисованіемъ узоровъ и обладала способностью, свойственной еще языческимъ предкамъ египтянъ: она умѣла изобразить нѣсколькими штрихами профиль каждаго лица такъ вѣрно, что рисунокъ, не смотря на карикатурность, поражалъ своимъ сходствомъ. Шалунья продѣлывала этотъ фокусъ съ помощью восковой дощечки и мѣднаго карандаша; остальныя дѣвушки должны были отгадывать, чей портретъ выходилъ изъ ея рукъ. Только одна невольница одиноко сидѣла у дальняго столба сарая, опустивъ голову и не говоря ни слова. Паула, не замѣченная никѣмъ, видѣла и понимала все происходившее, хотя молодыя невольницы обмѣнивались только отрывочными словами, перебивали одна другую, и между ними раздавался несмолкаемый веселый хохотъ. Если одна изъ нихъ бросала сандалію дальше условной черты, юная компанія хохотала во все горло, и каждая изъ рабынь выкрикивала имя жениха, котораго онѣ прочили своей подругѣ; въ противномъ случаѣ, веселье было еще шумнѣе, и тогда дѣвушками упоминались самые старые и некрасивые рабы. Одной смуглой сиріянкѣ не удалось ея гаданье, но она бойко вскочила съ мѣста, схватила мѣлъ и провела другую черту впереди упавшей сандаліи; тутъ всеобщая веселость достигла крайняго предѣла; многія дѣвушки бросились стирать неправильно начертанную линію; рѣзвая нубіянка съ курчавой головой подхватила сандалію, подбросила ее на воздухъ и ловко поймала; другая, захлебываясь смѣхомъ, громко повторяла имя счастливца, ради котораго находчивая сиріянка старалась перехитрить судьбу.

Можно было подумать, что подъ навѣсомъ красильни поселился духъ веселыхъ проказъ, потому что и другая группа вокругъ рисовальщицы проявляла не меньше оживленія. Когда нарисованное лицо узнавали, поднимался хохотъ; если нѣтъ, подруги наперерывъ говорили то одно, то другое имя. Удачная карикатура на самого строгаго изъ надзирателей вызвала особенно шумные взрывы веселья. Взглянувъ на недоконченный портретъ, каждая изъ дѣвушекъ покатывалась со смѣху; но когда одна изъ

— А какъ поживаетъ твой сынокъ Оріонъ, скажи намъ, повелительница?

Безумная нисколько не измѣнилась въ лицѣ при этомъ вопросѣ и совершенно серьезно отвѣчала:

— Я женила его на дочери константинопольскаго императора.

— Вотъ какъ! воскликнула черная невольница:—какая прекрасная партія! Но знаешь ли ты, что молодой господинъ вернулся сюда? Онъ, вѣроятно, привезъ съ собою и царевну, такъ что намъ предстоитъ увидѣть коронованныхъ особъ въ пурпурныхъ мантіяхъ!

Больная вспыхнула, хватаясь въ испугѣ за платокъ, которымъ были повязаны ея изуродованныя уши, и спросила:

— Неужели это правда? Неужели онъ вернулся?

— Вернулся, но еще очень недавно, утѣшала Мандану другая добродушная невольница.

— Не вѣрь ей! перебила негритянка.—Вчера вечеромъ, если хочешь знать, онъ катался по Нилу съ высокой дамаскинкой. Мой братъ, лодочникъ, былъ однимъ изъ гребцовъ и говорилъ, что молодой господинъ не отходилъ отъ своей двоюродной сестры и они оба...

— Ты говоришь о моемъ супругѣ, великомъ мукаукасѣ? спросила Мандана, стараясь собраться съ мыслями.

— Нѣтъ, о твоемъ сынѣ Оріонѣ, женатомъ на дочери императора, со смѣхомъ отвѣчала безжалостная дѣвушка.

Безумная поднялась съ мѣста, обводя вокругъ блуждающимъ взглядомъ, и повторила въ смущеніи, какъ будто невполнѣ понимая смыслъ сказанныхъ словъ:

— Оріонъ? Красавецъ Оріонъ?

— Ну, да, твой любимыи сынокъ! крикнула мучительница такъ рѣзко, какъ будто говорила съ глухой.

Тутъ съ безобидной дѣвушкой произошла рѣзкая перемѣна. Одной рукой она схватилась за свое ухо, а другой звонко ударила негритянку по толстымъ губамъ, вскрикнувъ при этомъ пронзительнымъ голосомъ:

— Ты говоришь: мой сынъ, мой сынъ Оріонъ? Какѣ будто вы не знаете!.. Вѣдь онъ былъ моимъ возлюбленнымъ, и за это меня схватили, связали, изуродовали... Однако я его не люблю, и если,— бы могла... мнѣ хотѣлось бы...

Она сжала кулаки, заскрипѣла бѣлыми зубами и продолжала *хриплымъ* голосомъ:

— *Гдѣ онъ*? Почему вы не хотите сказать мнѣ?.. Но погоди-

те! Вѣдь я умна и съумѣю сама найти его! Онъ у васъ спрятанъ здѣсь... Гдѣ же именно?... Оріонъ, Оріонъ, гдѣ ты?

Мандана вскочила съ мѣста и принялась метаться по сараю, сдвигая крышки съ бочекъ, наполненныхъ краской, и, при общемъ хохотѣ, заглядывая въ каждую изъ нихъ, какъ будто въ надеждѣ найти тамъ молодаго человѣка. Большинство дѣвушекъ смѣялось, но другимъ стало совѣстно издѣваться надъ несчастной; ея болѣзненный вопль задѣлъ ихъ за живое; онѣ поспѣшили отойти въ сторону и опять раздѣлились на группы, готовясь начать новую игру, какъ вдругъ между ними показалась женщина маленькаго роста, опрятно одѣтая и съ добродушнымъ лицомъ.

— Будетъ вамъ хохотать! воскликнула она, хлопая въ ладоши.—Пора спать, мои пчелки! Не успѣете оглянуться, какъ наступитъ утро, и придетъ время приниматься за работу. Ну, что разбѣжались въ разныя стороны? Скоро ли вы соберетесь на покой, почныя птицы? Помните: едва взойдет[illegible] пышко, какъ мы застучимъ ткацкими станками. Ну, готовы ли вы?

Дѣвушки отличались послушаніемъ; а пока онѣ проходили мимо своей надзирательницы въ общія спальни, Перпетуя насторожила уши: отъ шалаша съ водоносами до нея долетѣлъ своеобразный, продолжительный, но не особенно громкій окликъ: „огюйо!“ Кормилица хорошо помнила этотъ условный сигналъ. Префектъ Ѳома имѣлъ привычку созывать такимъ образомъ своихъ домашнихъ, разсѣянныхъ по саду его великолѣпной виллы въ Ливанскихъ горахъ. Въ настоящее время, точно также окликала свою служанку Паула, когда не хотѣла быть замѣченной посторонними.

Перпетуя озабоченно покачала головой. Какая причина заставила ея милое дитя явиться къ ней такъ поздно? Вѣроятно, случилось что нибудь особенное. И находчивая кормилица воскликнула:

— Торопитесь, дѣвушки!... Пора спать! Огюйо! Не толкайтесь! Всѣ ли въ сборѣ, огюйо!

Паула поняла въ свою очередь, что ее услышали.

Кормилица прошла за рабынями въ ткацкую и, убѣдившись, что онѣ всѣ налицо, кромѣ больной Манданы, освѣдомилась о ней. Всѣ отвѣчали, что сію минуту видѣли ее въ сараѣ. Тогда надзирательница пожелала дѣвушкамъ спокойной ночи и уда[illegible] лась какъ будто на поиски за персіянкой.

VII.

Паула вошла въ квартиру кормилицы, которая также верну[illegible]

лась домой, поискавъ безумную Мандану и не безъ нѣкотораго колебанія оставивъ ее на произволъ судьбы.

Комната Перпетуи освѣщалась ярко вычищенной мѣдной лампой; здѣсь все было уютно и блестѣло чистотой, такъ какъ хозяйка любила строгій порядокъ и акуратность въ своихъ занятіяхъ, въ одеждѣ и обстановкѣ. Постель кормилицы была завѣшена бѣлой кисеей въ защиту отъ комаровъ. Надъ изголовьемъ кровати висѣло распятіе, стулья были обтянуты хорошей матеріей различныхъ цвѣтовъ изъ остатковъ домашняго тканья; красиво сплетенныя соломенныя цыновки устилали полъ; на подоконникахъ и въ переднемъ углу, гдѣ надъ аналоемъ возвышалась глиняная фигура Спасителя, стояли комнатныя растенія, наполнявшія мирный уголокъ нѣжнымъ ароматомъ.

— Ты страшно напугала меня, дитя мое, замѣтила Перпетуя, заботливо запирая за собою дверь.—Какъ можно приходить такъ поздно!

— Мнѣ было невыносимо оставаться одной! оправдывалась молодая дѣвушка.

— Ты, кажется, плачешь? спросила со вздохомъ кормилица; ея умные глаза также наполнились слезами.—Что съ тобой, моя бѣдняжка?

Съ этими словами она погладила дѣвушку по головѣ; Паула бросилась къ ней на грудь, обхватила руками шею преданной служанки и громко зарыдала. Маленькая матрона дала ей выплакаться, потомъ вытерла свои слезы и слезы дѣвушки, упавшія на ея гладкіе сѣдѣющіе волосы. Потомъ она взяла Паулу за подбородокъ, повернула къ себѣ ея лицо и замѣтила съ твердостью:

— Теперь ты поплакала—и довольно; я не мѣшала бы тебѣ предаваться своему горю, потому что слезы облегчаютъ человѣка, но у насъ съ тобой мало времени. Говори же мнѣ откровенно, о чемъ ты горюешь? Вѣрно, опять старая пѣсня: тоска о прошломъ, недовольство; или, пожалуй, случилось еще что нибудь новое?

— Къ несчастію, да, отвѣчала дѣвушка, нервно теребя свой платокъ.—Моему терпѣнію пришелъ конецъ, продолжала она съ возрастающей горячностью: — и мнѣ невозможно оставаться дольше въ домѣ дяди... Вѣдь я не каменная! Когда вечеромъ боишься приближенія ночи, а поутру — наступающаго дня, который принесетъ только одно горе....

— Тогда слѣдуетъ образумиться, душа моя, и сказать себѣ, что изъ двухъ золъ благоразумнѣе всего выбрать меньшее. Повторяю тебѣ въ сотый разъ: если мы покинемъ здѣсь вѣрное убѣ-

жище и отправимся на чужбину, то едва ли встрѣтимъ тамъ что нибудь лучшее.

— Для меня достаточно убогой хижины у источника подъ пальмами! Если ты будешь со мною, и я избавлюсь наконецъ отъ невыносимыхъ людей, то буду вполнѣ довольна.

— Что это значитъ? съ тревогой прошептала кормилица, озабоченно качая головой.—Не дальше, какъ третьяго дня, ты была совершенно спокойна; вѣроятно, съ тѣхъ поръ опять произошло....

— Ты отгадала, прервала ее Паула, внѣ себя отъ волненія.—Сынъ дяди.... Вѣдь ты встрѣчала его вмѣстѣ съ нами.... Этотъ юноша.... Мнѣ показалось, что онъ вполнѣ заслуживалъ такой торжественной встрѣчи, и я.... Ахъ, Бетта, пожалѣй меня!... Еслибы ты знала, какъ умѣетъ Оріонъ покорять себѣ людей.... Ну, однимъ словомъ, я повѣрила его взглядамъ, рѣчамъ, его чарующему пѣнію и наконецъ.... ты должна узнать всю правду.... его поцѣлую, когда онъ прижался горячими губами къ моей рукѣ! Однако-жъ все это оказалось обманомъ и ложью, лицемѣріемъ, недостойной шуткой надъ моимъ довѣрчивымъ сердцемъ, а, пожалуй, чѣмъ нибудь еще болѣе возмутительнымъ. Короче, пока Оріонъ употреблялъ все свое искусство, чтобы завлечь меня въ сѣти—даже невольники въ лодкѣ замѣтили его ухаживаніе—имъ было уже рѣшено просить руки этой куклы — Катерины, которую ты прекрасно знаешь. Такую интересную новость я узнала въ тотъ же вечеръ отъ Нефорисъ, поторопившейся унизить меня подъ видомъ родственнаго расположенія. И все таки, не смотря ни на что, Оріонъ осмѣливается по прежнему добиваться моей взаимности, онъ имѣетъ дерзость....

Громкое рыданіе снова прервало рѣчь Паулы.

Встревоженная кормилица не унимала ея больше и только твердила про себя:

— Плохо, очень плохо! еще этого недоставало, Боже праведный!

Потомъ она овладѣла собою и продолжала:—Конечно, это новое, совершенно неожиданное несчастіе, но мы, однако, мужественно перенесли съ тобою гораздо худшее! Подними голову и вырви изъ сердца остатки пылкаго чувства къ безчестному соблазнителю. Твоя гордость поддержитъ тебя въ тяжелую минуту. Узнавъ обманъ Оріона, ты должна благодарить Господа, что отношенія между вами не зашли слишкомъ далеко.

Тутъ кормилица передала Паулѣ исторію бѣдной Манданы.

Дѣвушка была глубоко возмущена такимъ варварствомъ.

— Да, дитя мое, прибавила Перпетуя:—сынъ Георгія безсовѣстно шутитъ женщинами и, не задумываясь, разбиваетъ чужое

счастіе. Мнѣ, пожалуй, слѣдовало предостеречь тебя, но я не хотѣла поселять въ тебѣ предубѣжденія противъ него, въ надеждѣ, что вы будете добрыми друзьями. Въ общемъ, Оріонъ человѣкъ недурной. Такъ, онъ съ опасностью собственной жизни вытащилъ изъ рѣки брата рисовальщицы Гаѳоръ, которую ты хорошо знаешь. Мнѣ казалось, что молодой человѣкъ, при его добротѣ, отнесется къ тебѣ съ участіемъ и будетъ защитникомъ бѣдной сироты. Кромѣ того, я разсчитывала на твою непреклонную гордость. Но и она не предохранила мое бѣдное дитя отъ малодушнаго увлеченія! Я никакъ не думала, что у тебя такое же слабое, довѣрчивое сердечко, какъ у другихъ, и что оно заговоритъ на двадцать первомъ году, въ первый разъ отвѣчая на любовь мужчины....

— Я не люблю больше обманщика, я ненавижу его, а также и остальную семью! съ жаромъ перебила Паула.—Всѣ они мнѣ противны!

— Очень жаль, произнесла со вздохомъ кормилица:—но я часто спрашиваю себя: не могло ли быть иначе? Еслибы ты не отталкивала отъ себя родныхъ, они полюбили бы тебя; сначала эти люди оказывали тебѣ участіе, однако ты сама сторонилась отъ нихъ, а теперь, когда между вами возникло отчужденіе, ты жалуешься на судьбу. Не возражай мнѣ: это совершенная правда! Будемъ безпристрастны: кто можетъ внушить къ себѣ привязанность, когда самъ никого не любитъ и отворачивается отъ другихъ? Хорошо было бы, еслибы мы могли передѣлывать по своему произволу окружающихъ насъ людей. Къ несчастію, выходитъ совсѣмъ наоборотъ, и житейская мудрость учитъ насъ мириться съ недостатками ближнихъ. Жаль, что ты никогда не хотѣла усвоить себѣ этого благоразумнаго правила!

— Я не могу перемѣниться и всегда останусь такою, какъ теперь.

— Конечно. Надо отдать тебѣ справедливость: ты одарена рѣдкими достоинствами, но кто догадывается о нихъ въ семьѣ намѣстника? Каждый человѣкъ представляетъ изъ себя что нибудь, а ты?.. Нѣтъ ничего удивительнаго, если домашніе видѣли въ тебѣ только „несчастную“ и ничего болѣе. Ты, дѣйствительно, достойна состраданія, а между тѣмъ, кому пріятно постоянно видѣть передъ собой мрачное лицо?

— Я никогда не жаловалась этимъ людямъ на свою судьбу! воскликнула Паула, гордо выпрямляясь.

— Вотъ это именно и худо. Родные приняли тебя въ свой *домъ и думали*, что имѣютъ право раздѣлить твою печаль. Они,

пожалуй, чувствовали потребность утѣшить ближняго въ горѣ, потому что—повѣрь мнѣ, дитя! въ этомъ заключается тайная отрада для утѣшителя. Оказывая состраданіе другому, люди съ удовольствіемъ сознаютъ, что они счастливѣе его. Я хорошо знаю свѣтъ! Неужели ты не видѣла, какъ твоя замкнутость оскорбляетъ родныхъ? Они уважали въ тебѣ твое горе, но ты показывала имъ его издали, тщательно скрывая свои сердечныя раны. Каждому доброму человѣку хочется помочь ближнему, ты же упорно сторонилась отъ всякаго утѣшенія. Прежде, по крайней мѣрѣ, вы ладили съ дядей.

— Я его люблю до сихъ поръ, и мнѣ сто разъ хотѣлось признаться ему во всемъ, однако...

— Ну, въ чемъ же дѣло?

— Стоитъ взглянуть на него, Бетта, какъ онъ лежитъ холодный, неподвижный и полуживой, чтобы всякое откровенное признаніе застыло на губахъ.

— А теперь?

— Теперь слишкомъ поздно; мнѣ кажется, что я потеряла всякое право жаловаться ему на свое горе.

— Хм! произнесла въ раздумьѣ Перпетуя, не зная, что отвѣтить.—Во всякомъ случаѣ, совѣтую тебѣ успокоиться, продолжала она послѣ минутной паузы: — ты, вѣроятно, дала понять Оріону, что не позволишь шутить съ собою. Тебѣ нечего стыдиться и приходить въ отчаяніе. Покорись неизбѣжному; если внутренній голосъ не обманываетъ меня, то скоро наши поиски...

— Я пришла къ тебѣ также, чтобы спросить объ этомъ. Не вернулся ли кто нибудь изъ нашихъ гонцовъ?

— Да, вернулся навуоеянинъ, нерѣшительно отвѣчала кормилица.—Но, ради Бога, дитя мое, не увлекайся обманчивыми надеждами. Видишь ли, въ чемъ суть: Гирамъ приходилъ ко мнѣ сейчасъ послѣ заката солнца...

— Бетта! воскликнула дѣвушка, хватая кормилицу за плечи:— скажи мнѣ скорѣй, что онъ разузналъ?

— Ничего вѣрнаго! Не волнуйся такъ понапрасну. Кромѣ того, я еще не успѣла хорошенько потолковать съ Гирамомъ. Завтра утромъ онъ обѣщалъ привести мнѣ самого гонца. Единственное, что я узнала...

— Говори скорѣе, заклинаю тебя ранами Господа Іисуса!

— Гонецъ нашъ слышалъ объ одномъ пустынникѣ, который нѣкогда былъ знаменитымъ воиномъ.

— Это отецъ, это отецъ! воскликнула Паула внѣ себя отъ радости. — Гирамъ *сидитъ* на дворѣ у огня съ другой прислугой.

нихъ вырвала дощечку изъ рукъ рисовальщицы, а другія напали на нее и затѣяли возню, веселый гамъ и хохотъ, поднятый ими, не зналъ предѣловъ.

Паула сначала смотрѣла на работницъ, съ недоумѣніемъ покачивая головой. Ей было странно, что онѣ могли такъ забавляться пустяками. Правда, когда она была ребенкомъ, то иногда смѣялась безъ причины, а эти взрослыя дѣвушки по своему невѣжеству и ограниченности были, пожалуй, не умнѣе дѣтей. Ихъ міръ заключался въ стѣнахъ хозяйскаго дома; онѣ жили исключительно настоящей минутой, совершенно какъ пятилѣтнія дѣвочки, такъ что имъ было вполнѣ естественно проявлять ребяческую наивность. „Бѣдняжки привыкли къ своей неволѣ и къ тяжелому труду", подумала Паула:—„вотъ почему онѣ такъ беззаботны къ концу своего трудоваго дня. Мнѣ, право, можно позавидовать несчастнымъ рабынямъ! Будь это позволительно, я вмѣшалась бы въ ихъ толпу, чтобы повеселиться, какъ дитя". Наконецъ, карикатура надзирателя была готова, и тутъ одна толстая дѣвушка маленькаго роста залилась такимъ хохотомъ, что Паула, не смотря на свое горе, не могла удержаться отъ смѣха—до того заразительно было общее веселье. Печаль и униженія были забыты. Нѣсколько минутъ она не помнила ничего, не переставая смѣяться отъ всей души, какъ свойственно всякому молодому и здоровому человѣческому существу. Ахъ, какъ было отрадно забыться такимъ образомъ хоть разъ въ жизни! Бѣдная сирота сознавала это и все еще смѣялась, какъ вдругъ къ толпѣ работницъ подошла рабыня, сидѣвшая до тѣхъ поръ въ сторонкѣ. Она крикнула что-то непонятное для Паулы, причемъ остальныя расхохотались еще громче.

Стройная фигура молчаливой дѣвушки освѣщалась теперь пламенемъ костра. Паула не видала ея никогда, а между тѣмъ эта невольница была несравненно красивѣе другихъ; но она казалась очень грустной. Племянница мукаукаса подумала, что у нея болятъ зубы, потому что голова ея была повязана платкомъ, концы котораго сходились на темени. Густые бѣлокурые волосы невольницы падали по плечамъ. При взглядѣ на нее, Паула опомнилась и перестала смѣяться; но прочія дѣвушки по прежнему предавались веселости, хотя ихъ смѣхъ звучалъ теперь не такъ беззаботно и задушевно, какъ въ началѣ. Хорошенькая рабыня съ подвязанной головой принадлежала также къ числу работницъ при ткацкой, но поступила сюда недавно; прежде она долгое время *занималась* рукодѣльемъ подъ надзоромъ двухъ пожилыхъ вдовъ. *Одинъ изъ* военныхъ отрядовъ императора Ираклія, послѣ побѣды

надъ Хозроемъ II, взялъ въ плѣнъ ея мать. Дѣвушка была въ то время грудным ребенкомъ, и обѣихъ плѣнницъ привезли изъ Персіи въ Александрію, гдѣ онѣ были куплены управителемъ мукаукаса Георгія.

Персіянка зачахла въ неволѣ и умерла, оставивъ тринадцатилѣтнюю дочь. Молоденькая дѣвушка пышно расцвѣла въ шестнадцать лѣтъ, отличаясь ослѣпительной бѣлизной и золотистыми кудрями, которыя даже въ настоящую минуту удивительно блестѣли при свѣтѣ костра. Оріонъ влюбился въ нее и вздумалъ овладѣть ею. Безчестные люди изъ числа рабовъ и чиновниковъ его отца поспѣшили подслужиться молодому человѣку. Невольницу перевезли на дачу мукаукаса по ту сторону Нила, гдѣ Оріонъ могъ свободно навѣщать ее. Неопытная, беззащитная дѣвушка не могла устоять противъ соблазна. Вскорѣ она, конечно, наскучила Оріону; онъ покинулъ ее и отправился въ Константинополь, не заботясь о дальнѣйшей участи бѣдной рабыни. Послѣ отъѣзда сына, Нефорисъ узнала о случившемся и приказала старшему надзирателю за невольниками примѣрно наказать несчастную, чтобы она не могла больше „губить мужчинъ своей красотой“; жестокій надсмотрщикъ буквально исполнилъ волю своей госпожи, распорядившись, по старинному обычаю, обрѣзать дѣвушкѣ оба уха. Послѣ такой безчеловѣчной расправы, на нее нашло тихое помѣшательство. Напрасно церковные экзорцисты и другіе заклинатели духовъ старались изгнать изъ больной демоновъ безумія; она осталась такой, какъ прежде: добрымъ, ласковымъ существомъ; была тиха и прилежна въ работѣ, какъ подъ надзоромъ двухъ старыхъ рабынь, такъ и въ общихъ мастерскихъ. Ея помѣшательство обнаруживалось только въ часы досуга, и тогда другія работницы любили потѣшаться надъ полоумной.

Теперь онѣ притащили Мандану къ огню, послѣ чего съ притворнымъ почтеніемъ стали просить ее сѣсть на пустую бочку изъ-подъ краски, которую называли тропомъ, такъ какъ безумная постоянно воображала себя супругой мукаукаса Георгія.

Каждая изъ дѣвушекъ подходила къ ней, съ почтеніемъ прося о какой нибудь милости или освѣдомляясь о здоровьѣ ея мужа и о положеніи дѣлъ въ имѣніяхъ. До сихъ поръ молодыя невольницы, при всей своей невѣжественности, щадили больную изуродованную подругу, никогда не произнося въ ея присутствіи имени Оріона. Но сегодня одна негритянка, отличавшаяся безсердечіемъ, сухая и некрасивая, подошла къ Манданѣ и спросила съ отвратительной гримасой:

— А какъ поживаетъ твой сынокъ Оріонъ, скажи намъ, повелительница?

Безумная нисколько не измѣнилась въ лицѣ при этомъ вопросѣ и совершенно серьезно отвѣчала:

— Я женила его на дочери константинопольскаго императора.

— Вотъ какъ! воскликнула черная невольница:—какая прекрасная партія! Но знаешь ли ты, что молодой господинъ вернулся сюда? Онъ, вѣроятно, привезъ съ собою и царевну, такъ что намъ предстоитъ увидѣть коронованныхъ особъ въ пурпурныхъ мантіяхъ!

Больная вспыхнула, хватаясь въ испугѣ за платокъ, которымъ были повязаны ея изуродованныя уши, и спросила:

— Неужели это правда? Неужели онъ вернулся?

— Вернулся, но еще очень недавно, утѣшала Мандану другая добродушная невольница.

— Не вѣрь ей! перебила негритянка.—Вчера вечеромъ, если хочешь знать, онъ катался по Нилу съ высокой дамаскинкой. Мой братъ, лодочникъ, былъ однимъ изъ гребцовъ и говорилъ, что молодой господинъ не отходилъ отъ своей двоюродной сестры и они оба...

— Ты говоришь о моемъ супругѣ, великомъ мукаукасѣ? спросила Мандана, стараясь собраться съ мыслями.

— Нѣтъ, о твоемъ сынѣ Оріонѣ, женатомъ на дочери императора, со смѣхомъ отвѣчала безжалостная дѣвушка.

Безумная поднялась съ мѣста, обводя вокругъ блуждающимъ взглядомъ, и повторила въ смущеніи, какъ будто невполнѣ понимая смыслъ сказанныхъ словъ:

— Оріонъ? Красавецъ Оріонъ?

— Ну, да, твой любимыи сынокъ! крикнула мучительница такъ рѣзко, какъ будто говорила съ глухой.

Тутъ съ безобидной дѣвушкой произошла рѣзкая перемѣна. Одной рукой она схватилась за свое ухо, а другой звонко ударила негритянку по толстымъ губамъ, вскрикнувъ при этомъ пронзительнымъ голосомъ:

— Ты говоришь: мой сынъ, мой сынъ Оріонъ? Какѣ будто вы не знаете!.. Вѣдь онъ былъ моимъ возлюбленнымъ, и за это меня схватили, связали, изуродовали... Однако я его не люблю, и если,— бы могла... мнѣ хотѣлось бы...

Она сжала кулаки, заскрипѣла бѣлыми зубами и продолжала *хриплымъ* голосомъ:

— *Гдѣ онъ*? Почему вы не хотите сказать мнѣ?.. Но погоди-

те! Вѣдь я умна и съумѣю сама найти его! Онъ у васъ спрятанъ здѣсь... Гдѣ же именно?... Оріонъ, Оріонъ, гдѣ ты?

Мандана вскочила съ мѣста и принялась метаться по сараю, сдвигая крышки съ бочекъ, наполненныхъ краской, и, при общемъ хохотѣ, заглядывая въ каждую изъ нихъ, какъ будто въ надеждѣ найти тамъ молодаго человѣка. Большинство дѣвушекъ смѣялось, но другимъ стало совѣстно издѣваться надъ несчастной; ея болѣзненный вопль задѣлъ ихъ за живое; онѣ поспѣшили отойти въ сторону и опять раздѣлились на группы, готовясь начать новую игру, какъ вдругъ между ними показалась женщина маленькаго роста, опрятно одѣтая и съ добродушнымъ лицомъ.

— Будетъ вамъ хохотать! воскликнула она, хлопая въ ладоши.—Пора спать, мои пчелки! Не успѣете оглянуться, какъ наступитъ утро, и придетъ время приниматься за работу. Ну, что разбѣжались въ разныя стороны? Скоро ли вы соберетесь на покой, ночныя птицы? Помните: едва взойдетъ солнышко, какъ мы застучимъ ткацкими станками. Ну, готовы ли вы?

Дѣвушки отличались послушаніемъ; а пока онѣ проходили мимо своей надзирательницы въ общія спальни, Перпетуя насторожила уши: отъ шалаша съ водоносами до нея долетѣлъ своеобразный, продолжительный, но не особенно громкій окликъ: „огюйо!“ Кормилица хорошо помнила этотъ условный сигналъ. Префектъ Ѳома имѣлъ привычку созывать такимъ образомъ своихъ домашнихъ, разсѣянныхъ по саду его великолѣпной виллы въ Ливанскихъ горахъ. Въ настоящее время, точно также окликала свою служанку Паула, когда не хотѣла быть замѣченной посторонними.

Перпетуя озабоченно покачала головой. Какая причина заставила ея милое дитя явиться къ ней такъ поздно? Вѣроятно, случилось что нибудь особенное. И находчивая кормилица воскликнула:

— Торопитесь, дѣвушки!... Пора спать! Огюйо! Не толкайтесь! Всѣ ли въ сборѣ, огюйо!

Паула поняла въ свою очередь, что ее услышали.

Кормилица прошла за рабынями въ ткацкую и, убѣдившись, что онѣ всѣ налицо, кромѣ больной Манданы, освѣдомилась о ней. Всѣ отвѣчали, что сію минуту видѣли ее въ сараѣ. Тогда надзирательница пожелала дѣвушкамъ спокойной ночи и удалилась какъ будто на поиски за персіянкой.

VII.

Паула вошла въ квартиру кормилицы, которая также верну[illegible]

слѣдъ былъ довольно надежный, и кормилица съ Гирамомъ рѣшили безъ вѣдома Паулы продолжать по нему свои поиски; бывшій воинъ могъ оказаться чужимъ человѣкомъ, а имъ не хотѣлось вводить свою любимую госпожу въ напрасное заблужденіе.

Однако Паула прервала кормилицу радостнымъ восклицаніемъ:

— Но почему же вы думаете, что мнѣ суждено испытывать однѣ неудачи? Какъ у васъ достаетъ мужества отнимать у меня надежду, которая поддерживаетъ во мнѣ бодрость духа? Я не хочу съ нею разстаться. Павелъ на Синайской горѣ никто иной, какъ пропавшій безъ вѣсти префектъ Ѳома, вашъ господинъ и мой отецъ. Мое сердце говоритъ мнѣ это. Еслибы я не продала послѣднихъ жемчужинъ изъ своего ожерелья, тогда навуѳеянинъ... Однако постойте... Скажи мнѣ, когда ты можешь отправиться въ дорогу, мой вѣрный Гирамъ?

— Раньше двухъ недѣль ни въ какомъ случаѣ, отвѣчалъ тотъ, заикаясь на каждомъ словѣ и неимовѣрно растягивая рѣчь.—Я все таки состою на службѣ у намѣстника, а послѣ завтра большая конная ярмарка. Молодой господинъ собирается купить новыхъ кобылицъ, а наши жеребята...

— Я завтра упрошу дядю освободить тебя! воскликнула Паула. —Я брошусь передъ нимъ на колѣна!

— Мукаукасъ не согласится, прервала кормилица.—Домоправитель Зебекъ передалъ ему обо всемъ отъ моего имени еще до пріема посѣтителей и просилъ отпустить Гирама.

— Что же сказали ему на это?

— Госпожа Нефорисъ назвала наше намѣреніе новымъ заблужденіемъ, и намѣстникъ согласился съ нею. Послѣ того мукаукасъ запретилъ Зебеку тревожить тебя сомнительными вѣстями, но велѣлъ однако мнѣ сказать, что по окончаніи ярмарки онъ, можетъ быть, пошлетъ Гирама на Синай. Потерпи немного, душа моя! Ну, что значатъ двѣ или, самое бо̀льшее, три недѣли? А потомъ...

— Но до тѣхъ поръ я умру съ тоски! воскликнула Паула.— Навуѳеянинъ, говоришь ты, здѣсь и готовъ отправиться въ дорогу?

— Да, госпожа!

— Тогда мы наймемъ его, рѣшительно сказала дѣвушка.

Однако ея кормилица, переговорившая обо всемъ заранѣе со своимъ землякомъ, грустно покачала головою и замѣтила:

— Онъ требуетъ слишкомъ большую плату.

Тутъ сиріянка объяснила, что этого бывалаго человѣка, говорящаго на нѣсколькихъ языкахъ, приглашаютъ провожать *караванъ къ предѣламъ* Ктезифона за такую плату, которая обезпе-

жище и отправимся на чужбину, то едва ли встрѣтимъ тамъ что нибудь лучшее.

— Для меня достаточно убогой хижины у источника подъ пальмами! Если ты будешь со мною, и я избавлюсь наконецъ отъ невыносимыхъ людей, то буду вполнѣ довольна.

— Что это значитъ? съ тревогой прошептала кормилица, озабоченно качая головой.—Не дальше, какъ третьяго дня, ты была совершенно спокойна; вѣроятно, съ тѣхъ поръ опять произошло....

— Ты отгадала, прервала ее Паула, внѣ себя отъ волненія.—Сынъ дяди.... Вѣдь ты встрѣчала его вмѣстѣ съ нами.... Этотъ юноша.... Мнѣ показалось, что онъ вполнѣ заслуживалъ такой торжественной встрѣчи, и я.... Ахъ, Бетта, пожалѣй меня!... Еслибы ты знала, какъ умѣетъ Оріонъ покорять себѣ людей.... Ну, однимъ словомъ, я повѣрила его взглядамъ, рѣчамъ, его чарующему пѣнію и наконецъ.... ты должна узнать всю правду.... его поцѣлую, когда онъ прижался горячими губами къ моей рукѣ! Однако-жъ все это оказалось обманомъ и ложью, лицемѣріемъ, недостойной шуткой надъ моимъ довѣрчивымъ сердцемъ, а, пожалуй, чѣмъ нибудь еще болѣе возмутительнымъ. Короче, пока Оріонъ употреблялъ все свое искусство, чтобы завлечь меня въ сѣти—даже невольники въ лодкѣ замѣтили его ухаживаніе—имъ было уже рѣшено просить руки этой куклы — Катерины, которую ты прекрасно знаешь. Такую интересную новость я узнала въ тотъ же вечеръ отъ Нефорисъ, поторопившейся унизить меня подъ видомъ родственнаго расположенія. И все таки, не смотря ни на что, Оріонъ осмѣливается по прежнему добиваться моей взаимности, онъ имѣетъ дерзость....

Громкое рыданіе снова прервало рѣчь Паулы.

Встревоженная кормилица не унимала ея больше и только твердила про себя:

— Плохо, очень плохо! еще этого недоставало, Боже праведный!

Потомъ она овладѣла собою и продолжала:—Конечно, это новое, совершенно неожиданное несчастіе, но мы, однако, мужественно перенесли съ тобою гораздо худшее! Подними голову и вырви изъ сердца остатки пылкаго чувства къ безчестному соблазнителю. Твоя гордость поддержитъ тебя въ тяжелую минуту. Узнавъ обманъ Оріона, ты должна благодарить Господа, что отношенія между вами не зашли слишкомъ далеко.

Тутъ кормилица передала Паулѣ исторію бѣдной Манданы.

Дѣвушка была глубоко возмущена такимъ варварствомъ.

— Да, дитя мое, прибавила Перпетуя:—сынъ Георгія безсовѣстно шутитъ женщинами и, не задумываясь, разбиваетъ чужое

— Неразумное дитя, воскликнула она тономъ упрека:—ты хочешь продать наслѣдственную драгоцѣнность, принадлежавшую еще святому императору Ѳеодосію!.. И тебя принуждаетъ къ этому не крайняя необходимость, а упрямство и нетерпѣніе.

— Ты слишкомъ сурова и несправедлива ко мнѣ, Бетта! перебила ее дѣвушка рѣшительнымъ тономъ.—Тутъ идетъ дѣло объ отсрочкѣ на цѣлый мѣсяцъ, а намъ всѣмъ понятно, какъ много зависитъ отъ самого гонца. Развѣ ты забыла, какъ Гирамъ одобрялъ находчивость именно этого человѣка? Мало того, неужели мнѣ, твоей воспитанницѣ, приходится напоминать тебѣ о непрочности человѣческаго существованія? Одна минута рѣшаетъ вопросъ о жизни и смерти. Между тѣмъ отецъ мой старъ и еще до страшной осады Дамаска былъ покрытъ рубцами отъ ранъ. Если мы будемъ откладывать наши поиски и колебаться, то, пожалуй, не застанемъ его въ живыхъ.

— Да, да, грустно прошептала старуха.—Можетъ быть, ты и права. Если я....

Но Паула зажала ей ротъ поцѣлуемъ, послѣ чего поредала свои распоряженія сирійцу. Онъ долженъ былъ завтра рано утромъ продать смарагдъ еврею Гамаліилу, богатому и добросовѣстному купцу, не уступая однако драгоцѣннаго камня дешевле двѣнадцати тысячъ драхмъ. Если же ювелиръ не могъ выдать всю сумму за разъ, то Гираму было приказано взять у него только двѣ тысячи драхмъ для гонца, отсрочивъ уплату остальныхъ денегъ до будущаго времени.

Сиріецъ пошелъ впередъ, и когда Паула, послѣ долгаго прощанья съ кормилицей, вышла во дворъ изъ веселенькой комнаты Перпетуи, вѣрный Гирамъ, по приказанію своей госпожи, стоялъ уже у калитки, поджидая ея прихода.

(*Продолженіе будетъ*).

Паспортная система въ Россіи.

VII.

Паспортъ, какъ *полицейское орудіе,* вызванный къ жизни случайными и временными обстоятельствами, долженъ былъ скоро потерять свой смыслъ, но, какъ *финансовое средство,* онъ предназначался для удовлетворенія постоянныхъ потребностей государства, и въ этой задачѣ заключался залогъ его долговѣчности. Финансовое начало стало поэтому преобладать надъ полицейскимъ, какъ въ исторіи, такъ и въ дѣйствующемъ паспортномъ законодательствѣ. Это преобладаніе выразилось, между прочимъ, въ подробномъ развитіи паспортныхъ правилъ касательно *податныхъ* классовъ и въ ихъ краткости относительно прочихъ разрядовъ.

Первая статья паспортнаго устава, прикрѣпляющая личность къ мѣсту, вызвана существованіемъ подушной системы сборовъ. Наше правительство, еще въ царствованіе Петра Великаго, усвоило себѣ взглядъ на передвиженіе, какъ на порядокъ, препятствующій правильному отбыванію податей и повинностей со стороны подданныхъ. Плательщикъ несетъ свои повинности не съ имущества, а съ личныхъ своихъ доходовъ, и гарантируетъ ихъ ничѣмъ инымъ, какъ своимъ *лицомъ*. Поэтому онъ долженъ находиться подъ бдительнымъ контролемъ касательно своихъ путешествій. Но это еще не все. Плательщикъ, по нашимъ законамъ, имѣетъ дѣло не съ финансовыми органами государства, а съ податнымъ обществомъ, котораго онъ состоитъ членомъ. Члены этого общества, связанные въ дѣлѣ отбыванія своихъ податей круговою порукою, являются предъ лицомъ правительства, какъ *persona una.* Отсюда вытекаетъ для общества право контролировать отлучки своихъ членовъ. На стражѣ этихъ интересовъ и стоитъ уставъ о паспортахъ. Отсюда, напр., даже *явка*—паспортное правило съ исключительно полицейскимъ, на первый взглядъ, характеромъ—имѣетъ также и финансовое значеніе. Полиція должна знать, у кого просроченъ паспортъ, заставить его взять новый, а такъ какъ срочные паспорты выдаются лицамъ податныхъ сословій, то явка паспортовъ является косвеннымъ средствомъ для понужденія означенныхъ лицъ къ уплатѣ лежащихъ на нихъ повинностей.

Затѣмъ законъ назначаетъ одно и то же наказаніе за *безпаспортность* и за *просрочку* паспортовъ безъ законныхъ причинъ. Первое составляетъ нарушеніе паспортныхъ постановленій, какъ полицейскаго учрежденія, второе — какъ финансоваго. Безпаспортность, собственно говоря, оставила бы при иномъ порядкѣ болѣе тяжелый видъ преступности, но здѣсь, въ виду преимущественной важности финансовой задачи паспорта, просрочка паспортовъ приравнена къ безпаспортности.

Паспортъ служитъ финансовымъ потребностямъ государства двоякимъ путемъ—посредственнымъ и непосредственнымъ. *Посредственное* служеніе выражается въ томъ, что онъ играетъ роль финансоваго контроля. Паспортъ удовлетворяетъ финансовымъ потребностямъ государства *непосредственно*, ибо полученіе паспорта обусловливается уплатой опредѣленнаго сбора (1 р. 45 коп. въ годъ). Въ общемъ, этотъ сборъ представляетъ, по заявленію министра финансовъ паспортной комисіи, „крупную статью государственнаго дохода“. Къ означенному сбору надо еще присоединить тотъ, который взимается съ лицъ низшихъ классовъ за адресные билеты въ столицахъ (1 р. 35 коп.). Государственный совѣтъ, въ свое время, призналъ послѣдній сборъ „самымъ *справедливымъ*, *удобнымъ* и *надежнымъ* источникомъ городскаго дохода“.

Городъ даетъ средства къ жизни лицу, а потому имѣетъ законное право на часть его прибыли. Означенный сборъ не нуждается въ какихъ нибудь чрезвычайныхъ мѣрахъ при взиманіи и—главное—не затрудняетъ въ учетѣ. *Надежность* его вытекаетъ изъ того соображенія, что онъ „не допускаетъ никакихъ недоимокъ и не только не можетъ уменьшаться, но постепенно долженъ возрастать“.

Сборъ за паспортные бланки составляетъ *налогъ на передвиженіе*. Не уплативъ этого налога, лицо, хотя бы оно и было свободно отъ платежа податей и повинностей, не можетъ отлучиться. Втораго рода сборъ (за адресные билеты) есть ничто иное, какъ налогъ на *личный трудъ*, и если еще можно согласиться съ мнѣніемъ государственнаго совѣта въ его оригинальныхъ достоинствахъ („удобства и надежности“), то признаніе его „справедливымъ“ звучитъ горькой ироніей.

Бѣдный человѣкъ пріѣзжаетъ въ городъ, ищетъ занятій, а съ него требуютъ сбора на томъ основаніи, что „городъ даетъ ему средства“. Очевидно, здѣсь въ ходѣ мыслей произошла маленькая поспѣшность: *надежда* принята за *осуществившійся фактъ*. Да и помимо этого, означенный сборъ, какъ налогъ на личный трудъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ справедливымъ съ современной научной точки зрѣнія.

Теперь остается разсмотрѣть паспортъ, какъ средство принужденія къ уплатѣ податей. Статья 188-ая общаго положенія о крестьянахъ *рекомендуетъ отдачу недоимщика* или кого либо изъ членовъ его семейства *въ работу*, съ тѣмъ чтобы заработную плату внести въ мірскую кас-

су. Очевидно, что законъ считаетъ отлучку необходимымъ, полезнымъ средствомъ въ дѣлѣ уплаты податей. Но этого еще недостаточно. Законъ можетъ имѣть свое мнѣніе, а непосредственно заинтересованныя податныя общества—*свое*. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительно вышеприведенное свидѣтельство управляющаго костромскою казенною палатою, что „отлучки на промыслы суть наилучшій источникъ уплаты денежныхъ сборовъ рабочимъ населеніемъ".

Такое же мнѣніе высказали управляющіе казенными палатами: витебскою, вятскою, полтавскою, таврическою, тверскою, ярославскою, и губернаторы—орловской, архангельской, новгородской, пензенской, таврической и тверской губерній. Въ томъ же духѣ высказались и эксперты по крестьянскимъ дѣламъ:—податныя общества *рѣдко* пользуются правомъ воспрещать своему сочлену отлучку, какъ средствомъ понужденія къ уплатѣ податей и повинностей. Оно и понятно: крестьянинъ на мѣстѣ лишенъ возможности, по неимѣнію заработковъ, платить эти подати. Что же иное остается дѣлать съ нимъ обществу, какъ не отпустить его на заработки въ другія мѣста? Наложенное на отлучку veto здѣсь принесетъ вредъ, прежде всего, самому обществу, обязанному, въ виду круговой поруки, платить и за несостоятельныхъ своихъ членовъ. Общества не могутъ, конечно, не понимать своихъ интересовъ, а потому охотно отпускаютъ недоимщика на работу. Размѣръ податныхъ платежей, по свидѣтельству экспертовъ и земствъ, достигъ такой цифры, которая превышаетъ доходы съ надѣловъ, такъ что для уплаты лежащихъ на крестьянахъ платежей нужны *добавочные заработки* на сторонѣ, предполагающіе отлучку. Здѣсь мы встрѣчаемся съ любопытнымъ противорѣчіемъ. Теоретически паспортный порядокъ есть законное дѣтище нашей податной системы, на практикѣ же онъ—ея врагъ. Паспортная система, считающаяся гарантіей правильнаго поступленія податей и повинностей, недружелюбно относится къ отлучкамъ; а, съ другой стороны, опытъ показываетъ, что отлучки—необходимое условіе своевременнаго поступленія означенныхъ податей.

Въ данную минуту, о финансовомъ значеніи паспорта уже болѣе не можетъ быть рѣчи, такъ какъ подать перенесена съ души на землю.

Остается еще разсмотрѣть значеніе паспортной системы для второстепенныхъ цѣлей государства: 1) для обезпеченія правильнаго отбыванія воинской повинности; 2) для крѣпости семейнаго союза и 3) для договора личнаго найма.

VIII.

Паспортъ считается средствомъ къ пресѣченію возможности уклониться отъ отбыванія воинской повинности. Призрачность этого средства, при легкости фабрикаціи *видовъ* („особый цвѣтъ", конечно, не есть отличію-

щее условіе для поддѣлки), не подлежитъ сомнѣнію. Но и помимо этого общаго соображенія, можно было бы указать на Германію, гдѣ также существуетъ всеобщая воинская повинность, но услуги паспорта въ этомъ случаѣ считаются излишними и не пріемлются государствомъ. Еслибы мы пожелали сравнить статистику уклоненія отъ помянутой повинности у насъ и въ Германіи, то получили бы еще одно доказательство несостоятельности паспортнаго порядка: и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, паспортъ только мѣшаетъ полиціи, сбивая ее съ толку и покровительствуя въ то же время уклоняющимся отъ воинской повинности, которые могутъ спокойно проживать въ укромномъ уголкѣ по *фальшивому виду*. У насъ газеты кричатъ и плачутъ о непониманіи многими значенія „воинскаго долга", изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы вразумить „непонимающихъ", а какъ только кончается время ординарнаго призыва къ отбыванію этого долга, столбцы газетъ испещрены цифрами „непонимающихъ". Въ Германіи вовсе и не слышно этихъ жалобъ, и газеты избавлены отъ тщетныхъ вразумленій...

Наши крестьянскія и другія общества, при существующей между ними связи, имѣютъ сами свѣдѣнія о лицахъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности, и зачастую,—какъ свидѣтельствуютъ офиціальныя лица, — извѣщаютъ полицейскія учрежденія о мѣстѣ нахожденія этихъ лицъ. „Такія заявленія почти всегда оказываются вѣрными", говорилъ управляющій канцеляріей с.-петербургскаго оберъ-полицмейстера въ паспортной комисіи. Такимъ образомъ, и въ этомъ дѣлѣ паспортъ можетъ явиться скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ; гораздо плодотворнѣе служилъ бы здѣсь дѣйствительный, а не бумажный полицейскій надзоръ, при содѣйствіи самого общества.

Лица *женскаго* пола не полагаются въ окладъ для платежа податей и другихъ сборовъ, и на этомъ основаніи должны были бы подлежать дѣйствію тѣхъ паспортныхъ правилъ, которымъ подлежатъ лица не-податныхъ классовъ. Но уставъ о паспортахъ стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, и это объясняется желаніемъ — *содѣйствовать крѣпости семейнаго союза*. Конечно, нѣсколько смѣло думать, что добрыя семейныя отношенія могутъ поддерживаться полицейскими формальностями. Но дѣло въ томъ, что наше гражданское законодательство проникнуто этимъ духомъ покровительства, а—слѣдовательно—и паспортный уставъ не могъ остаться равнодушнымъ къ этому вопросу. Когда въ паспортной комисіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Сольскаго (нынѣ государственнаго контролера) коснулись этого предмета, то возникли любопытныя пререканія между членами комисіи. Одни изъ нихъ утверждали, что отмѣна паспортовъ можетъ повести къ разрушенію общественнаго хозяйства, и въ подкрѣпленіе этой мысли указывали на роль женщины въ экономической жизни крестьянъ: „она *нерѣдко является* представительницею своей семьи на сходахъ и помогаетъ

своимъ трудомъ обработкѣ полей. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ преобладаютъ отхожіе промыслы, на ней почти исключительно лежатъ всѣ заботы о домѣ, попеченіе о малолѣтнихъ и отвѣтственность по отбыванію многихъ повинностей". Но все это были второстепенные аргументы. Главное сводилось вотъ къ чему: привилегія въ паспортномъ отношеніи для женщинъ повлечетъ за собой „ослабленіе въ народѣ привязанности къ домашнему очагу и неизбѣжную съ симъ распущенность въ нравахъ".

Къ счастію, эти опасенія не раздѣлялись большинствомъ комисіи. Оно стало на почву болѣе спеціальную и разсуждало такъ: лица женскаго пола не подлежатъ личнымъ податямъ, и распространять на нихъ тяжкія ограниченія нѣтъ правильнаго основанія.

Но и это не все. Въ интересахъ крѣпости семейнаго союза, несовершеннолѣтніе не имѣютъ возможности получать паспорты и узакопенные виды безъ согласія ихъ родителей и опекуновъ. Собственно говоря, такого закона нѣтъ, но на практикѣ установилось такое правило, ибо оно истекаетъ логическимъ путемъ изъ *духа* всѣхъ законовъ о несовершеннолѣтнихъ.

Не подчиняются дѣйствію этого правила состоящіе или состоявшіе въ бракѣ и находящіеся на государственной службѣ, ибо по отношенію къ означеннымъ лицамъ родительская или опекунская власть, на основаніи общихъ законовъ, ограничивается съ момента поступленія на должность или вступленія въ бракъ.

Женщинамъ, вступившимъ въ бракъ, *отдѣльный видъ* на жительство выдается только съ согласія ихъ мужей.

Всѣ означенныя правила, имѣющія цѣлью принужденіе жены къ совмѣстному жительству съ мужемъ, а дѣтей—къ повиновенію родителямъ, вызываютъ на практикѣ большія злоупотребленія. Но сначала скажемъ два слова о *формальной* сторонѣ дѣла. Законоположенія о семейственныхъ правахъ требуютъ упомянутаго подчиненія, требуютъ, напр., чтобы паспорты выдавались жонамъ лишь съ согласія ихъ мужей. Но эти законоположенія противорѣчатъ болѣе общимъ закономъ о юридической правоспособности женщинъ. Экономическіе или другіе интересы женщинъ, находящихся въ бракѣ, вызываютъ, положимъ, необходимость отлучки ихъ съ мѣста постояннаго жительства; но мужья не изъявляютъ своего согласія на выдачу имъ паспортовъ, и онѣ, обладая полной юридической правоспособностью, *фактически* парализованы въ моментъ осуществленія своихъ законныхъ правъ. Моментъ осуществленія есть необходимое условіе существованія права. Такимъ образомъ, наша паспортная система обращаетъ юридическую правоспособность женщинъ въ призракъ, ставя ее въ зависимость отъ каприза тѣхъ или другихъ лицъ.

Теперь о злоупотребленіяхъ со стороны мужей и отцовъ. Дѣйствительность показываетъ, что эта власть бываетъ причиной возмутительнаго

обращенія мужей съ жонами, отцовъ—съ несовершеннолѣтними дѣтьми. Въ этомъ отношеніи общественная хроника изобилуетъ ужасающими фактами изувѣрства, дикости и грубости. Тиранія иныхъ мужей превосходитъ всякую мѣру. Полагаясь на поддержку закона, чувствуя свою силу и сознавая безпомощность объектовъ своего насилія, они становятся убійцами своихъ жонъ,—не тѣми убійцами, которые разомъ, однимъ ударомъ топора или выстрѣломъ револьвера, кончаютъ со своими жертвами, но тѣми ужасными палачами, которые хладнокровно, медленно, акуратно, не боясь ни кары закона, ни отпора людей, дѣлаютъ свое дѣло.

Любопытно, что въ паспортной комисіи статсъ-секретаря Сольскаго нѣкоторые члены стояли за удержаніе этой „крѣпости семейнаго союза". „Нельзя не предвидѣть случаевъ", разсуждали они, „въ которыхъ женщины покидали бы свой домъ на весьма продолжительные сроки и возвращались бы къ семейному очагу лишь по достиженіи ими преклоннаго возраста, а въ такихъ случаяхъ несправедливо было бы требовать призрѣнія этихъ женщинъ семьею". Такія женщины, конечно, не имѣютъ права на призрѣніе. Но, по меньшей мѣрѣ, странно строить на этомъ *частномъ* случаѣ паспортную зависимость жонъ отъ мужей. Большинство комисіи, не оспаривая этой аргументаціи, находило, что принадлежащія мужьямъ и родителямъ права должны быть „охраняемы независимо отъ постановленій по паспортной части".

Остается еще сказать нѣсколько словъ о фактическомъ значеніи паспорта въ договорѣ личнаго найма. Паспортъ пріобрѣлъ въ практической жизни значеніе *залога*, гарантіи исполненія опредѣленныхъ обязанностей въ пользу лица, съ которымъ отдающій въ залогъ свой паспортъ вступаетъ въ договоръ. Большею частью, нахожденіе паспорта въ рукахъ лица, покупающаго трудъ, обезпечиваетъ послѣдняго въ томъ, что рабочій не прекратитъ работы раньше опредѣленнаго времени. Но такой порядокъ противорѣчитъ началамъ справедливости. Наниматель, пользуясь безпомощностью работника, можетъ закабалить его, не отпускать отъ себя, когда у того есть неотложная нужда въ отлучкѣ,—положимъ, въ случаѣ смерти одного или нѣсколькихъ членовъ семьи, обладающихъ общимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Очевидно, что означенное положеніе вещей можетъ послужить причиной разоренія многихъ крестьянъ. Единственную гарантію для работодателя слѣдовало бы видѣть во взаимной выгодѣ отъ продолженія работы. Подневольный и вынужденный трудъ нежелателенъ и невыгоденъ для интересовъ самихъ предпринимателей.

Одновременно съ паспортной комисіей, работала комисія, занимавшаяся вопросомъ о *личномъ наймѣ рабочихъ и прислуги*. Эта комисія постановила: сохранить за паспортами значеніе обезпечивающаго средства и *такимъ* образомъ придать ему юридическую санкцію. Это нѣсколько непонятно. *Какое*, спрашивается, отношеніе имѣетъ вообще паспортный по-

рядокъ къ договорамъ личнаго найма?... Паспортный порядокъ регулируетъ передвиженія въ государствѣ; договоры личнаго найма—отношенія рабочихъ къ хозяевамъ и обратно. Видно, почтенная комисія забыла, что одновременно съ ней работаетъ комисія по паспортной части, съ цѣлью по возможности *облегчить передвиженіе*. Иначе, чѣмъ же объяснить характеръ работъ комисіи по пересмотру законовъ о личномъ наймѣ, не потрудившейся справиться въ паспортной комисіи о *сущности* предположенныхъ облегченій,—не противорѣчатъ ли ихъ взгляды касательно значенія паспорта?

Въ Западной Европѣ, гдѣ не существуетъ „паспорта-залога", взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ довольно подробно регулированы, и вообще странно было бы требовать, чтобы, въ интересѣ какого нибудь разряда лицъ, весь народъ былъ поставленъ въ кабальное положеніе.

Этимъ мы заканчиваемъ обзоръ паспортной системы, насколько она касается *массы* русскаго населенія, и—чтобы не усложнять нашей задачи—не будемъ вовсе разсматривать ограниченій, существующихъ для евреевъ. Затѣмъ перейдемъ къ обзору правилъ о заграничныхъ паспортахъ.

IX.

Общія и единообразныя постановленія о заграничныхъ паспортахъ были изданы впервые въ 1817 году. Конечно, и до того времени выходили распоряженія по урегулированію въѣзда и выѣзда изъ Россіи, но они носили характеръ *частный* и относились большею частью только къ *данному* случаю. Поэтому и систематизація ихъ нредставляется почти невозможной, по отсутствію общей руководящей идеи. Чрезвычайно трудно разобраться въ этой массѣ отдѣльныхъ распоряженій, безсвязныхъ, противорѣчивыхъ, лишенныхъ опредѣленной цѣли и ничѣмъ не мотивированныхъ.

Еще до времени изданія „Уложенія", заграничная поѣздка, а равно и въѣздъ въ предѣлы Россіи, условливались полученіемъ установленнаго паспорта. Это правило вошло въ „Уложеніе" и дѣйствовало во все поименованное время. Пріѣзжіе иностранцы, а за ними—и русскіе подданные стали пользоваться заграничнымъ паспортомъ, какъ средствомъ для *уклоненія отъ платежа* по долговымъ обязательствамъ. Жалобъ на этого рода злоупотребленія, судя по указамъ, было очень много; особенно часто прибѣгали къ этой мѣрѣ „пріѣзжіе и отъѣзжіе иностранцы, кои забираютъ у обывателей въ долгъ деньги, и не заплатя того, и не объявляя заимодавцамъ, взявъ пассы, уѣзжаютъ" [1]). Въ виду такого рода фактовъ, были

[1]) № 3812. П. С. З. Для краткости, мы дальше будемъ дѣлать ссылки *на одни нумера* указовъ *Полнаго Собр.* Законовъ.

приняты надлежащія мѣры къ устраненію ихъ. Отъ всякаго, желавшаго получить заграничный паспортъ, стали требовать предварительной публикаціи объ отъѣздѣ; если въ теченіе *трехъ* дней никто не предъявлялъ никакихъ претензій къ означенному лицу, то ему выдавали паспортъ „безъ задержанія“. Но этотъ порядокъ причинялъ отъѣзжавшимъ большія неудобства: пассажирамъ—оскорбленіе, а шкиперамъ—остановку. Это послужило поводомъ къ замѣнѣ публикаціи порядкомъ представленія „надежныхъ порукъ“, отвѣчавшихъ за долги и обязательства отлучившихся [2]). Русскіе купцы, кромѣ того, обязаны были выдавать *расписки*, что не будутъ ѣздить „неуказанными“ дорогами, во избѣжаніе платежа слѣдуемыхъ съ нихъ за провозъ товара пошлинъ [3]). Отъ нихъ также требовали представленія аттестатовъ отъ магистрата о томъ, что они „состоянія добраго“ [4]). Въ періодъ сильнаго развитія эпидемическихъ болѣзней, въ заграничныхъ паспортахъ обязательно прописывалось, что предъявители ихъ обрѣтаются „въ здравомъ состояніи“ [5]).

Въѣзжающіе въ предѣлы Россіи изъ мѣстностей, гдѣ свирѣпствуютъ заразительныя болѣзни, должны, подъ страхомъ жестокаго наказанія, проѣзжать черезъ учрежденныя карантинныя заставы и запасаться свидѣтельствами отъ нихъ въ выдержаніи карантина [6]). Затѣмъ лицо, по истеченіи 7 дней съ полученія паспорта, должно было оставить территорію; въ противномъ случаѣ, паспортъ терялъ свою силу. Это постановленіе вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что владѣльцы заграничныхъ паспортовъ проживали долгое время по нимъ въ предѣлахъ Россіи, вступали въ новыя обязательства, дѣлали долги и потомъ, на законномъ основаніи, удалялись за границу [7]). Иногда правительство дѣлало изъятіе изъ общаго порядка и разрѣшало нѣкоторымъ разрядамъ русскихъ подданныхъ выѣзжать изъ Россіи безъ всякихъ паспортовъ, но за поручительствомъ. Такое исключеніе устанавливалось неоднократно въ пользу нашихъ инородцевъ, отправлявшихся въ Мекку съ религіозною цѣлью [8]). Въ моменты сильнаго политическаго броженія въ Европѣ, тревожная бдительность доходила до того, что паспортовъ не выдавали безъ донесенія о томъ государю [9]). Отлучка безъ паспорта влекла за собою немедленный арестъ, а затѣмъ и наказаніе, размѣры котораго опредѣлялись *званіемъ* лица и *цѣлями* его

---

[2]) № 4354.
[3]) № 7257.
[4]) № 10474.
[5]) № 7802.
[6]) № 13799.
[7]) № 3684.
[8]) № 20681.
[9]) *№ 18545.*

отлучки. Особенно суровая кара ожидала отлучавшагося съ цѣлью измѣны, заговора и тому подобныхъ политическихъ преступленій [10]).

Въ 1817 году, какъ мы выше сказали, были изданы общія единообразныя паспортныя правила, которымъ предпослано нѣсколько словъ о пользѣ и необходимости сношеній съ западной Европой, въ интересахъ процвѣтанія у насъ торговли и промышленности. Взглядъ вовый и, по тому времени, довольно смѣлый! Выдача заграничныхъ паспортовъ чинится, какъ и прежде, по надлежащей публикаціи и по представленіи законнаго обезпеченія [11]) и возлагается на военныхъ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они существуютъ. Въ ихъ отсутствіе или же тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, эту функцію отправляютъ гражданскіе губернаторы, причемъ каждый разъ доносятъ о выдачѣ паспорта министерству полиціи.

Пограничные жители пропускаются черезъ границу, если представятъ опредѣленныя свидѣтельства отъ земскихъ начальствъ. Смѣшанные владѣльцы (prorriétares mixtes), имѣнія которыхъ пересѣкаются границами, а равно и ихъ служители, пропускаются черезъ границу своихъ владѣній безъ всякихъ паспортовъ. Иностранные подданные впускаются въ предѣлы Россіи только въ томъ случаѣ, если имѣютъ установленные виды отъ представителей русскаго правительства за границей. Русскіе подданные, отлучившіеся съ законными паспортами за границу, пропускаются съ ними и обратно. Общіе подданные (sujets mixtes) и ихъ повѣренные снабжаются заграничными паспортами отъ нашего губернскаго начальства, въ вѣдѣніи котораго находится ихъ имѣніе [12]).

Въ томъ же году означенныя правила значительно дополнены въ отношеніи порядка выдачи паспортовъ. Желающіе отлучиться за границу должны лично явиться къ губернатору и представить ему (а жители уѣздныхъ городовъ—чрезъ посредство мѣстнаго начальства) законныя доказательства, что къ выѣзду изъ Россіи препятствій не существуетъ, и что правило о троекратной публикаціи въ вѣдомостяхъ и о представленіи надежнаго поручительства соблюдено ими въ точности. Губернаторы рѣшаютъ безапелляціонно, по собственному усмотрѣнію, вопросъ о выдачѣ заграничнаго паспорта. Въ случаѣ рѣшенія въ положительномъ смыслѣ, означенный видъ немедленно выдается. Получателю назначается семидневный срокъ для выѣзда изъ предѣловъ Россіи, по мииованіи котораго отъѣзжающій долженъ пріобрѣсти себѣ новый паспортъ. Служители, записанные въ паспортахъ своихъ господъ, пропускаются черезъ границу

---

[10]) № 23806.

[11]) Исключеніе сдѣлано для шкиперовъ, штурмановъ и матросовъ.

[12]) № 26674.

безъ всякихъ препятствій, но отвѣтственность за ихъ возвращеніе въ отечество возлагается всецѣло на господъ. Иностранцы, находящіеся подъ надзоромъ полиціи, получаютъ паспорты съ разрѣшенія министра полиціи.

Паспортные „бланкеты“ изготовляются при министерствѣ полиціи и затѣмъ разсылаются по губерніямъ. Они бываютъ двоякаго рода: *срочные*, выдаваемые русскимъ подданнымъ, и *безсрочные*, выдаваемые иностранцамъ [13]).

Эти паспортныя правила положили начало болѣе частымъ сношеніямъ русскихъ людей съ Европой,—сношеніямъ, которыя имѣли несомнѣнно благодѣтельное вліяніе не въ одномъ только торговомъ отношеніи. Россія стала учиться всему у болѣе цивилизованной и культурной Европы; молодые люди массами устремились къ разнообразнымъ источникамъ европейскаго знанія; люди состоятельные и располагавшіе досугомъ пользовались случаемъ осмотрѣть чужіе края, о которыхъ такъ много хорошаго и заманчиваго разсказывали въ Россіи, ознакомиться съ болѣе высокой культурой, которою гордились пріѣзжавшіе въ Россію иноземцы.

X.

Вскорѣ произошла реакція во взглядахъ правительства на заграничные порядки,—реакція, вызванная внутренними событіями при вступленіи на престолъ Николая I. Въ сношеніяхъ, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ признавались „полезными“, стали усматривать большое зло. „Молодые люди возвращаются иногда въ Россію съ самыми ложными о ней понятіями. Не зная ея истинныхъ потребностей, законовъ, нравовъ, порядка, а нерѣдко—и языка, они являются чужими посреди всего отечественнаго“ [14]). Это говорится о молодежи, всегда склонной увлекаться въ крайности, забыть родное и полюбить чужое, если оно лучше и выше. А вотъ люди пожившіе, прошедшіе черезъ горнило многоопытной жизни, упитанные національными соками, безъ сомнѣнія, знающіе русскіе нравы, порядки и законы, владѣющіе русскимъ языкомъ—именно русское дворянство.... Но и имъ недовольно правительство. Во-первыхъ, оно недовольно тѣмъ, что бываютъ случаи, когда иные обращаютъ отлучку чуть ли не въ переселеніе; во-вторыхъ, оно не желаетъ допустить, чтобы русскіе подданные расточали свои имущества за границей, обременяли ихъ долгами, отчуждались „отъ родственныхъ и отечественныхъ союзовъ“ [15]). И теперь, какъ всегда въ эпохи трогательныхъ заботъ о благѣ своихъ под-

---

[13]) № 26740.
[14]) *№ 4366.*
[15]) *№ 6994.*

данныхъ, стали благодѣтельствовать указами. Воспретили выдачу паспортовъ лицамъ, не достигшимъ 25-лѣтняго возраста [16]), ограничили срокъ пребыванія за границей для дворянъ 6 мѣсяцами (для прочихъ состояній 3 годами) [17]) и обложили заграничные паспорты высокой пошлиной, которая постепенно, съ лихорадочной поспѣшностью, все повышалась да попалась.

Въ 1840 году взимали по 10 рублей особой пошлины, помимо бланкетной, съ каждаго лица, значившагося въ паспортѣ, за каждые 6 мѣсяцевъ [18]). Но эта пошлина просуществовала очень недолго; въ слѣдующемъ году размѣръ ея достигъ сразу 25 рублей, въ 1844 году [19])—100 рублей, а въ 1851—250 рублей [20]). Пошлина въ 250 рублей просуществовала вплоть до 1856 года. Нѣкоторые разряды лицъ, въ видѣ исключенія, платили пониженную пошлину или вовсе отъ нея освобождались. Сюда относятся: раненые офицеры, ѣдущіе для излѣченія ранъ или болѣзни; чиновники по дѣламъ службы, смѣшанные владѣльцы, купцы—по торговымъ дѣламъ, прикащики, извощики, шкипера, вольные матросы и т. д. Такое возвышеніе пошлины съ заграничныхъ паспортовъ, подвигавшееся съ тревожной быстротой и чувствительно отзывавшееся на карманахъ россіянъ, имѣло цѣлью отдѣлить Россію отъ Европы китайской стѣной и до-нельзя затруднить русскимъ людямъ заграничныя поѣздки. Любопытно было бы прослѣдить, путемъ статистическихъ данныхъ, то вліяніе, какое имѣло постепенное повышеніе размѣра пошлинъ на количество отлучекъ въ Европу. Но, за неимѣніемъ этихъ несомнѣнно поучительныхъ данныхъ, обратимся къ обзору фактовъ, могущихъ уяснить намъ косвеннымъ путемъ *характеръ* означеннаго вліянія. По официальнымъ свѣдѣніямъ въ 1856 г., который былъ послѣднимъ годомъ существованія пошлины въ 250 рублей, отправилось въ Европу около $15^1/_2$ тысячъ человѣкъ,—цифра крайне незначительная, сама по себѣ краснорѣчиво свидѣтельствующая о томъ, какъ отзывался высокій сборъ съ паспортовъ на отлучкахъ. Но этотъ вопросъ еще лучше и нагляднѣе выяснится, если мы сопоставимъ цифру $15^1/_2$ тысячъ отлучившихся въ 1856 году, съ цифрой—$26^1/_2$ тысячъ отъѣзжавшихъ въ слѣдующемъ 1857 году, когда пошлина была замѣнена сравнительно ничтожнымъ сборомъ въ 5 рублей за каждый 6-мѣсячный паспортъ, независимо отъ количества значащихся въ немъ лицъ. Это явленіе, вполнѣ понятное и a priori, еще болѣе подтверждается слѣдую-

---

[16]) Это правило имѣло нѣсколько исключеній въ пользу смѣшанныхъ землевладѣльцевъ, купцовъ, прикащиковъ и пр. № 18730.

[17]) № 6994.

[18]) № 13652.

[19]) № 17731.

[20]) № 25307.

щими интересными статистическими данными, расположенными по пятилѣтіямъ:

Выбыло по европейской границѣ:

въ 1857 г. . . .	26,666 челов.		
„ 1862 „ . . .	59,552 „	увелич. . .	51,337
„ 1867 „ . . .	110,889 „		
„ 1872 „ . . .	194,309 „	„ . .	83,420
„ 1876 „ . . .	330,229 „	„ . .	135,920

Потребность въ сношеніяхъ съ западною Европой, а вмѣстѣ съ тѣмъ число отлучающихся,—какъ видно изъ сдѣланной статистической выкладки,—растутъ съ каждымъ годомъ. Если мы теперь спросимъ себя, какое же вліяніе должно было имѣть въ прошедшемъ постепенное увеличеніе паспортнаго сбора на сношенія русскихъ подданныхъ съ Европой, то на это возможно будетъ дать одинъ отвѣтъ: оно преграждало большинству возможность отправляться за границу, искусственно сдерживало удовлетвореніе насущныхъ и съ каждымъ годомъ возраставшихъ потребностей населенія Россіи.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Николая I смотрѣли на отлучку въ Европу, какъ на *зло*. За границей возможно было „заразиться“ политическимъ и религіознымъ свободомысліемъ и затѣмъ привезти его въ родные края. Знаменитыя декабрьскія событія какъ бы указывали, что такого рода предположенія совершенно основательны и зиждутся на опытѣ. Стремленіе устранить по возможности сношенія съ „революціонной и атеистической“ Европой выразились въ преобразованіи паспортныхъ правилъ, регулирующихъ выѣздъ и въѣздъ въ Россію. Съ условіями выѣзда мы ознакомились. Посмотримъ теперь, какъ законъ обставилъ порядокъ въѣзда въ Россію иностранцевъ. Правительство дѣйствовало тутъ совершенно послѣдовательно. Иностранецъ на русской территоріи разсматривался, какъ гость весьма непріятный, подозрительный, враждебный существующему въ Россіи государственному и общественно-религіозному порядку. Иноземецъ можетъ развратить „невинныхъ“ россіянъ, превратить ихъ въ революціонеровъ и атеистовъ на западно-европейскій манеръ.

Отсюда установленъ чрезвычайно стѣснительный порядокъ, поставившій себѣ задачей отбить охоту къ посѣщенію Россіи у тѣхъ изъ иностранцевъ, которые будутъ въ данномъ случаѣ руководствоваться интересами „любопытства и удовольствія“. Каждый иностранецъ, пріѣзжающій въ Россію, обязанъ былъ въ первомъ, лежащемъ на пути его, губернскомъ городѣ явиться къ губернатору и, представивъ ему визированный нашими миссіями или консульствами видъ, взять у него взамѣнъ новый видъ для полученія права продолжать свое путешествіе внутри имперіи. Этотъ видъ онъ *долженъ былъ возобновлять* въ каждомъ губернскомъ городѣ, чрезъ кото-

рый будетъ проѣзжать. Прибывъ на мѣсто назначенія, онъ обязанъ былъ вновь явиться къ губернатору и взять, взамѣнъ паспорта, билетъ на жительство. Нужно замѣтить вдобавокъ, что всѣ эти многочисленные виды писались на гербовой бумагѣ двухрублеваго достоинства [21]). Кромѣ того, правительство сильно озабочивалось пресѣченіемъ возможности въѣзжать въ Россію—„іезуитамъ и неблагонадежнымъ евангелическимъ проповѣдникамъ". Русскіе правительственные агенты за границей, предъ выдачей паспортовъ, должны были требовать отъ духовныхъ лицъ вѣскихъ доказательствъ, что они не принадлежатъ и не принадлежали къ іезуитскому ордену [22]). Такого же рода инструкціи получили означенные агенты и относительно выдачи паспортовъ евангелическимъ проповѣдникамъ. Имъ строго приказано было смотрѣть, „чтобы не были выпущены къ намъ подъ симъ предлогомъ вольнодумцы и люди, наполненные пагубными правилами, которыми Европа порабощается" [23]). Все это свидѣтельствуетъ, что Россія временъ Николая I неуклонно слѣдила, чтобы ни ея сыны не посѣщали безъ особенной нужды Европы, ни иностранцы—Россіи. Почему? На это есть одинъ отвѣтъ: Россія боялась вольнодумства и „пагубныхъ правилъ".

Означенный паспортный порядокъ рушился со вступленіемъ на престолъ императора Александра II. Указомъ 26 августа 1856 года отмѣнена пошлина съ заграничныхъ паспортовъ. Временныя правила о выдачѣ паспортовъ иностранцамъ, изданныя въ 1860 году, замѣнили прежде дѣйствовавшія стѣснительныя паспортныя правила для въѣзда и пребыванія въ Россіи иностранцевъ [24]). Мудрый государственный принципъ „сидите дома", а вмѣстѣ съ нимъ и боязнь, что русскіе, побывавши за границей, „узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бы свою вѣру отмѣнять", —переходятъ въ область исторіи. Право гражданства завоевываетъ себѣ *иного рода сознаніе*,—сознаніе своей отсталости, необразованности и некультурности. Отсюда уже логически слѣдовалъ выводъ: надо *поучиться* у другихъ народовъ, болѣе насъ образованныхъ и культурныхъ.

XI.

Пошлина съ заграничныхъ паспортовъ стоитъ теперь *невысокая*

---

[21]) Впослѣдствіи иностраннымъ купцамъ, ремесленникамъ и художникамъ выдавались путевые билеты прямо къ мѣсту назначенія, а установленный порядокъ остался только для „путешественниковъ, имѣющихъ предметомъ одно лишь любопытство и удовольствіе". №№ 17734, 21491, 14617.

[22]) № 19283.

[23]) № 1097.

[24]) Означенныя правила, впредь до кореннаго преобразованія паспортной системы, *были приводимы* въ дѣйствіе административнымъ порядкомъ.

(5 рублей съ паспорта за каждое полугодіе), и то допускаетъ многочисленныя изъятія для различныхъ категорій лицъ, въ смыслѣ облегченія возможности предпринимать заграничныя поѣздки. Кромѣ того, она падаетъ исключительно на лицъ богатыхъ и зажиточныхъ, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и состоитъ контингентъ отправляющихся за границу. Понятно, что при такихъ условіяхъ эта пошлина не создаетъ особыхъ затрудненій для заграничныхъ путешествій и не можетъ вызывать ропота со стороны русскаго общества. Но этими практическими соображеніями вопросъ далеко не исчерпывается. Во-первыхъ, мы находимся подъ вѣчнымъ опасеніемъ, что не сегодня-завтра ничтожный сборъ превратится въ высокій и чувствительный. Во-вторыхъ, съ точки зрѣнія теоріи, и въ существующемъ размѣрѣ этотъ сборъ несправедливъ.

Остановимся на каждомъ изъ приведенныхъ соображеній отдѣльно.

Съ самаго момента отмѣны высокой пошлины съ заграничныхъ паспортовъ и замѣны ея нынѣ существующей, дѣлаются попытки вернуть старый порядокъ. Еще въ 1860 году министръ финансовъ Княжевичъ составилъ въ этомъ смыслѣ проэктъ, не получившій законодательной санкціи, только благодаря покойному государю. Теперь вновь заговорили о повышеніи означеннаго сбора съ заграничныхъ паспортовъ, и притомъ о повышеніи весьма значительномъ. Это побуждаетъ насъ ближе разсмотрѣть аргументы защитниковъ высокой пошлины. Въ мотивахъ новаго проэкта выставлены слѣдующіе *четыре* аргумента въ его пользу:

1) Пошлина будетъ падать на лицъ состоятельныхъ и, потому, нисколько ихъ не обременитъ; 2) русскіе подданные, проживая за границей, пользуются тамъ покровительствомъ своего правительства и его агентовъ, на содержаніе которыхъ отпускаются изъ государственнаго казначейства значительныя суммы; 3) русскіе подданные, проживая за границей, не участвуютъ въ платежѣ нѣкоторыхъ пошлинъ и налоговъ, взимаемыхъ въ Россіи, и, наконецъ, 4) проживаніе русскихъ подданныхъ за границей вызываетъ вывозъ звонкой монеты, понижаетъ вексельный курсъ и тѣмъ увеличиваетъ расходъ правительства по заграничнымъ платежамъ.

Всѣ приведенныя соображенія, при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, оказываются несостоятельными. „Пошлина, падая на состоятельныхъ людей, не обременяетъ ихъ“. Несомнѣнно, что большинство лицъ, ѣдущихъ за границу, люди либо богатые, либо зажиточные. Они имѣютъ средства оплачивать заграничные паспорты небольшою суммою денегъ, какъ нынѣ установленный сборъ. Но картина мѣняется, когда дѣло идетъ о взиманіи высокой пошлины. Человѣкъ зажиточный, обладавшій достаточными сбереженіями отъ своего труда при прежнихъ условіяхъ, превращается, волею законодателя, въ лицо, лишенное возможности предпринять заграничную поѣздку. И такихъ людей наберется у насъ довольно много. *За границу* ѣдутъ не только люди состоятельные, и не съ цѣлью лишь

пожуировать, поиграть въ рулетку и пр., но и люди труда, съ цѣлями учеными, санитарными, медицинскими и т. п. Кромѣ того, наши воды, климатическія станціи, нашъ роскошный и цвѣтущій Крымъ до сихъ поръ еще не устроены, не приспособлены для лѣченія и ни въ какомъ случаѣ не могутъ замѣнить гигіеническихъ и санитарныхъ станцій западной Европы. Между тѣмъ трудовая жизнь въ нашихъ столицахъ и другихъ большихъ городахъ, при антигигіеническихъ условіяхъ ихъ устройства, до такой степени разстраиваетъ, разслабляетъ людей труда, что потребность въ освѣженіи своихъ силъ, въ поправленіи здоровья является одною изъ первыхъ и самыхъ насущныхъ потребностей. А что высокая пошлина всегда преграждала путь въ Европу очень многочисленному разряду лицъ,—мы воочію доказали цифрами при обозрѣніи исторіи заграничныхъ паспортовъ. Такимъ образомъ, съ указанной стороны, вопросъ о высокой пошлинѣ съ заграничныхъ паспортовъ сводится, съ одной стороны, къ развитію науки, а съ другой—къ вопросу о здоровьѣ и жизни людей.

Второй мотивъ, касательно расходовъ правительства на содержаніе агентовъ за границей, также не выдерживаетъ никакой критики. Содержаніе миссій вызывается вовсе не посѣщеніемъ русскими подданными иноземныхъ странъ, а причинами дипломатическаго и политическаго свойства. Миссіи существовали бы тамъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы ни одинъ русскій не ѣздилъ за границу. Поэтому выставленный мотивъ не находитъ себѣ оправданія въ *фактическомъ* положеніи дѣла. Но и помимо этого всякій подданный благоустроеннаго государства пріобрѣтаетъ право на защиту не въ силу того, что онъ оплачиваетъ эту защиту въ каждомъ *данномъ* случаѣ, а потому, что онъ *вообще* несетъ повинности въ пользу своей страны.

Третій мотивъ,—будто русскіе подданные, пребывающіе за границею, не несутъ нѣкоторыхъ податей и повинностей въ пользу своего отечества,—страдаетъ не менѣе первыхъ двухъ слабостью аргументаціи. Если они не участвуютъ въ платежѣ повинностей въ Россіи, то участвуютъ въ томъ государствѣ, гдѣ живутъ. Въ этомъ отношеніи, между государствами происходитъ простой обмѣнъ, отъ котораго мы, русскіе, остаемся въ значительномъ выигрышѣ, такъ какъ иностранцевъ, посѣщающихъ Россію, гораздо больше, чѣмъ русскихъ за границей. Количество поѣздокъ иностранцевъ къ намъ зависитъ несомнѣнно отъ той связи, которая порождается посѣщеніемъ русскими иностранныхъ земель. Солидарность интересовъ различныхъ государствъ въ этой области взаимныхъ сношеній не подлежитъ сомнѣнію. Сознаніемъ общности этихъ интересовъ вызвано множество международныхъ конвенцій, каковы: почтовая, телеграфная и другія, къ которымъ присоединилась и Россія. Если здѣсь можетъ существовать *безплатный обмѣнъ услугъ* между государствами, то нѣтъ основанія проводить иную точку зрѣнія въ дѣлѣ *личныхъ* сношеній между жителями.

То же должно сказать и о *четвертомъ* мотивѣ. Звонкая монета уходитъ за границу независимо отъ того, ѣздятъ или не ѣздятъ туда русскіе подданные. Мы все равно должны будемъ оплачивать заграничные товары золотомъ. Да и само правительство погашаетъ свои долги и платитъ проценты звонкою монетою. Вообще, мы не понимаемъ здѣсь значенія той платонической любви къ золоту, изъ-за которой понадобилось бы повысить пошлины съ паспортовъ. Звонкая монета пріобрѣтается по курсу, и всегда существуетъ возможность обмѣнять кредитные рубли на золото. Уѣзжающимъ въ иноземныя страны государственное казначейство *не* обмѣниваетъ бумажныхъ денегъ на ихъ полную номинальную стоимость звонкою монетою. Понятно, что при такихъ условіяхъ безразлично: тѣмъ ли, или инымъ путемъ уходитъ отъ насъ звонкая монета, разъ уходить она *должна*. Наконецъ, очень часто ѣдущіе вовсе не берутъ съ собою звонкой монеты, а оплачиваютъ свои расходы *переводами*, которые даются въ уплату *нашихъ* товаровъ (эти переводы, наоборотъ, служатъ къ увеличенію нашего вывоза). Вообще, надо замѣтить, что причины низкаго состоянія нашего курса вовсе сюда не относятся, хотя онѣ и обусловливаютъ разницу въ цѣнахъ золотой монеты и бумаги. Такимъ образомъ, и послѣдняго рода сѣтованія лишены всякаго основанія.

Этимъ исчерпываются наши возраженія на аргументы министра финансовъ въ пользу повышенія пошлины съ заграничныхъ паспортовъ.

Въ литературѣ приводятъ еще одинъ мотивъ: многіе изъ русскихъ ѣдутъ-де за границу съ цѣлью легкаго разврата. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь довольно любопытный аргументъ. „Русскіе тратятъ за границей огромныя суммы—мужчины на игру, дамы—на наряды и содержаніе своихъ заграничныхъ любовниковъ“. И далѣе: „даже минеральныя воды русскія барыни ухищряются обращать въ мѣста бездѣльничанья, разврата и тщеславнаго мотовства“. Неизвѣстный публицистъ кончаетъ свою статью слѣдующимъ патетическимъ заключеніемъ: „Высокая пошлина на заграничные паспорты будетъ пошлиной на умственное и нравственное *тряпье*, которое мы ежегодно вывозимъ на собственный позоръ, на посмѣшище европейской публики и къ ущербу народнаго кармана“.

Мы привели здѣсь мнѣніе увлекающагося моралиста для того, чтобы указать на *характеръ* тѣхъ мотивовъ, которые выставляются въ литературѣ въ пользу повышенія пошлины съ заграничныхъ паспортовъ, а вовсе не для того, чтобы оспаривать его правильность. Мнѣніе, которое видитъ въ высокомъ налогѣ гарантію нравственнаго воздѣйствія на общество, падаетъ само по себѣ, безъ всякой критики.

XII.

Послѣ сказаннаго нами, очевидно, что защитники высокой пошлины *съ заграничныхъ* паспортовъ не могутъ выставить въ пользу своего мнѣ-

нія ни одного, хоть сколько нибудь убѣдительнаго аргумента, не смотря на то, что они перенесли вопросъ на чисто *практическую* почву. Затѣмъ мы должны добавить, что теорія категорически рѣшаетъ вопросъ о пошлинахъ съ заграничныхъ паспортовъ—и рѣшаетъ *отрицательно*. Личныя сношенія гражданъ различныхъ государствъ составляютъ такую же насущную потребность, какъ и сношенія самихъ правительствъ. Люди, живущіе въ различныхъ государствахъ, связаны между собою множествомъ общественныхъ, культурныхъ и экономическихъ нитей. Только при возможности свободно и безпрепятственно сноситься и можетъ быть примѣненъ принципъ раздѣленія труда въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова,—принципъ, служащій основой и залогомъ надлежащаго развитія современныхъ общественныхъ союзовъ. Поэтому-то и налогъ на передвиженіе долженъ считаться тормозомъ, помѣхой къ установленію правильной и свободной связи народовъ. Именно въ этомъ и кроется причина крайней непопулярности означеннаго налога среди всѣхъ слоевъ нашего общества.

Въ основаніе задачъ современнаго культурнаго государства должна лечь идея *покровительства* международныхъ сношеній. Государство, заботящееся объ умственномъ и матеріальномъ благосостояніи своихъ подданныхъ, должно приложить всѣ свои усилія къ обезпеченію наивозможно болѣе благопріятныхъ условій для взаимныхъ сношеній членовъ международнаго союза. „Размѣръ участія каждаго народа въ международномъ общеніи всегда соотвѣтствуетъ степени его просвѣщенія и гражданственности. Если соціальная и государственная жизнь народа достигла высокой степени процвѣтанія, если она не встрѣчаетъ препятствій ни въ гнетѣ политическаго произвола, ни во всепоглощающемъ вліяніи религіозныхъ воззрѣній, ни въ обскурантизмѣ общества,—то такой народъ всегда проникается сознаніемъ необходимости не только обмѣна произведеній природы и своего труда съ другими народами, но и взаимной помощи народовъ во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни и дѣятельности“ — справедливо говоритъ проф. Мартенсъ.

Наше отечество, замѣтно отставшее въ своемъ культурномъ развитіи отъ прочихъ европейскихъ странъ, тѣмъ сильнѣе нуждается въ общеніи съ другими народами, особенно съ народами, опередившими насъ въ развитіи культуры. И отстали-то мы, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что многіе вѣка оберегали отъ европейской „заразы“ свою самобытность цѣлой китайской стѣной. Пора же, наконецъ, сознать все это и устранить всѣ преграды на пути общенія съ другими народами и странами. Одною изъ самыхъ важныхъ и справедливыхъ мѣръ будетъ установленіе порядка, при которомъ взаимныя личныя сношенія нашихъ подданныхъ съ подданными другихъ государствъ будутъ происходить безпрепятственно, свободно, безпошлинно, безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей. Ев-

ропа, въ этомъ отношеніи, стоитъ на высотѣ требованій вѣка. Остановка—за нами.

За границей уже перестали требовать паспорты отъ иностранцевъ вообще и русскихъ подданныхъ—въ частности. Нужда въ нихъ является только тогда, когда приходится удостовѣрить свою личность предъ властями и учрежденіями для цѣлей гражданскихъ, уголовныхъ и другихъ. Но и въ этомъ случаѣ заграничныя учрежденія принимаютъ всякіе документы и доказательства удостовѣренія личности наравнѣ съ паспортами. Въ гостинницахъ, въ послѣднее время, вовсе перестали требовать паспорты, а довольствуются тѣмъ, что предлагаютъ пріѣзжему вписать свое имя, званіе и цѣль пріѣзда въ особую книгу „Fremdenbuch". Въ Швейцаріи и Англіи и того не требуютъ, а ограничиваются данною путешественникомъ визитной карточкой. При этомъ безразлично, какъ вы себя ни назовете—настоящимъ или вымышленнымъ именемъ. Васъ будутъ имъ называть, васъ не станутъ безпокоить, пока вы не совершите какого либо преступленія или проступка. Вниманіе органовъ полиціи здѣсь сосредоточивается не на кличкѣ, а на поведеніи лица, на его дѣйствіяхъ. И справедливо, и цѣлесообразно!

Одинъ изъ русскихъ публицистовъ, побывавшій за границей, краснорѣчиво рисуетъ слѣдующую любопытную картину своего возвращенія черезъ нашу границу,—картину, которая сразу указываетъ, гдѣ кончается Европа и начинается наше отечество.

„Утомленный продолжительной ѣздою, убаюканный однообразной качкой вагона, я впалъ въ какое-то полудремотное забытье, когда человѣкъ по неволѣ предается мечтаніямъ, когда нѣтъ отбою отъ нахлынувшихъ грезъ, когда окончательно подпадаешь подъ власть всесильной фантазіи, набрасывающей розовый флеръ, златотканное покрывало на безмысленную сутолоку суровой, прозаической житейской дѣйствительности. Чудные образы возрожденія проходятъ вереницами предъ очарованнымъ взоромъ; долго лелѣянные идеалы принимаютъ такую рельефную форму, что, кажется, вотъ-вотъ...

„—Пожалуйте паспортъ! Паспортъ пожалуйте, паспортъ! раздается надъ моимъ ухомъ.

„Я въ недоумѣніи открываю глаза. Предо мною стоитъ дюжій жандармъ, съ пачкой паспортныхъ книжекъ въ рукѣ.

„—Какъ? Ужь пріѣхали?

„—Пріѣхали. Пожалуйте паспортъ!

„Я отыскалъ *дорогой символъ принадлежности къ русскому народу...*"

Дѣйствительно, символъ принадлежности къ *русскому* народу! Безъ него русскій человѣкъ какъ бы перестаетъ даже быть русскимъ, въ томъ *смыслѣ, что лишается* добраго имени, свободы и довѣрія правительства,

превращаясь, волею законодателя, въ человѣка „недобраго", „лютаго" и „подозрительнаго",—въ человѣка опаснаго и вреднаго для *русскаго* государственнаго порядка. Словомъ, безпаспортный, независимо отъ своихъ *дѣйствительныхъ* качествъ, перестаетъ быть *законнымъ* сыномъ родной страны.

И въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно вышеприведенное описаніе переѣзда черезъ нашу границу. Дюжій жандармъ съ пачкой паспортныхъ книжекъ въ рукѣ, пристающей къ спящему человѣку съ требованіемъ паспорта и напоминающій ему однимъ своимъ видомъ, что настала пора разстаться съ розовыми мечтаніями, „чудными образами возрожденія", и пр.—да, съ него начинается классическая „страна паспортовъ"! Вдумайтесь только въ этотъ коротенькій, но полный глубокаго смысла вопросъ путешественника: „Какъ? уже пріѣхали?" Сколько горькихъ упрековъ родинѣ таится въ немъ! Какъ непріятно звучитъ онъ для всякаго дѣйствительно патріотическаго уха! Это вырвавшееся прямо изъ глубины сердца „уже" показываетъ, что какъ-то непріятно русскому человѣку вновь подпасть подъ старые порядки, послѣ того какъ онъ испыталъ благотворное дѣйствіе новыхъ....

И что̀ прежде всего поражаетъ его—это глубокая разница въ *паспортномъ* порядкѣ.

Въ настоящее время, съ утратою паспортомъ его финансоваго значенія, мысль, возникшая вслѣдъ за отмѣной подушной подати, о коренномъ преобразованіи паспортнаго порядка—имѣетъ всѣ шансы на реальный успѣхъ. За паспортомъ остается, главнымъ образомъ, сила полицейскаго надзора. Насколько это средство полезно и пригодно—мы видѣли выше. Но если его и оставить съ указаннымъ значеніемъ, устраняется во всякомъ случаѣ надобность въ *краткосрочности* паспорта, а — слѣдовательно — и въ частомъ его возобновленіи. Мы знаемъ, какихъ усилій, мукъ и страданій стоитъ крестьянину процедура обмѣна паспорта. Поэтому, чѣмъ срокъ будетъ продожительнѣе, тѣмъ лучше для той массы, которая обречена жить вдали отъ родины. Да и самый переходъ изъ одной общины въ другую станетъ значительно легче.

Во всякомъ случаѣ, на нашихъ глазахъ падаетъ самая несимпатичная система правилъ и законовъ, затрогивая, въ той или другой мѣрѣ, *каждаго* изъ насъ при переѣздахъ съ мѣста на мѣсто. Да, умираетъ остатокъ крѣпостничества, и—что̀ удивительнѣе всего—не слышно ни единаго голоса въ его защиту. Впрочемъ, это показываетъ, что въ жизни онъ умеръ давно, а теперь совершаются лишь его офиціальныя похороны.

Л. Ляховецкій.

ПИСЬМА ИЗЪ ФЛОРИДЫ.

XI.

Давно собирались мы посмотрѣть старыя апельсинныя рощи. До сихъ поръ намъ приходилось видѣть только очень молодые гровы, едва начинающіе приносить плоды, такъ какъ наша окрестность начала заселяться не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ; а потому мы съ удовольствіемъ воспользовались предложеніемъ одного изъ нашихъ сосѣдей—опытнаго фруктовода, пріѣхавшаго во Флориду лѣтъ 15 тому назадъ—служить намъ вѣрнымъ чичероне. Онъ повезъ насъ, миль за 12 отъ нашего поселенія, въ Фортъ-Ридъ.

Фортъ-Ридъ—самое старое поселеніе въ этой окрестности. Апельсинныя рощи тянутся сплошь по обѣ стороны дороги. Нѣкоторымъ изъ этихъ рощъ болѣе 20 лѣтъ. Деревья въ нихъ громадной величины, верхушки переплелись между собою въ море зелени и тѣни. Въ аллеяхъ почти темно. Подобныя рощи приносятъ большой доходъ и на счету у всей публики. Во время сбора, газеты печатаютъ о результатахъ урожая и о количествѣ отправокъ. Среднимъ числомъ, каждое дерево даетъ 3000 плодовъ. Но такихъ рощъ пока еще немного.

Нашъ спутникъ—старожилъ этихъ мѣстъ, знавшій почти каждую рощу со дня ея основанія—сообщалъ множество подробностей объ условіяхъ ухода и развитія каждой изъ нихъ. Мы ѣхали по берегу небольшаго красиваго озера, вокругъ котораго почти вся земля была уже обработана и застроена. Попадались роскошныя виллы и небольшіе домики, порой даже заброшенныя хаты.

— Это мѣсто не имѣетъ будущности, говорилъ нашъ спутникъ:—оно выбрано крайне неудачно людьми, незнакомыми съ апельсиннымъ дѣломъ, но, конечно, ихъ главная цѣль—торговая—вполнѣ достигнута. Много капиталовъ составилось здѣсь на моихъ глазахъ. Съ одной стороны рѣка Сентъ-Джонсъ соединяетъ весь этотъ районъ съ сѣверомъ, а *съ другой* стороны городокъ Санфордъ,—въ двухъ миляхъ отсюда,—

центръ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ въ глубь страны. Мѣсто для торговыхъ сношеній очень выгодное, въ особенности въ былое время, лѣтъ десять тому назадъ, когда мало было конкуренціи. Владѣльцы всѣхъ этихъ виллъ и рощъ, которыя вы видите направо, загребали хорошія денежки лѣтъ 8—10 тому назадъ. Для апельсиновъ же это мѣсто слишкомъ низко. Рощи на небольшихъ возвышенностяхъ, конечно, устоятъ всегда, но такихъ здѣсь немного. Всѣ же рощи на низкихъ мѣстахъ со временемъ пропадутъ, лишь только корни дойдутъ до линіи подземной воды. Не вѣрю я въ это мѣсто, какъ бы ни поражались вы его красотой. Нашъ pine-land некрасивъ и однообразенъ—это правда, но рощи тамъ имѣютъ блестящую будущность.

Въ это время мы подъѣхали къ самому озеру, и передъ нами открылась цѣлая панорама.

— Апельсинная роща на самомъ берегу озера—продолжалъ разсказывать американецъ—засажена на моихъ глазахъ 8 лѣтъ тому назадъ. На нее не потрачено ни одного фунта искусственнаго удобренія. Вся эта темнозеленая листва получена изъ естественнаго удобренія растительнымъ перегноемъ (muck), который лежитъ тутъ громадными залежами. Хозяинъ рощи построилъ къ нимъ конно-желѣзную дорогу, возитъ этотъ перегной въ громадномъ количествѣ и ежегодно нѣсколько разъ посыпаетъ его густымъ слоемъ по всему грову, конечно, обработавъ его сначала известью. А вотъ эта роща постоянно удобрялась зеленымъ удобреніемъ. Хозяинъ былъ бѣднякъ и не имѣлъ никогда денегъ на искусственное удобреніе, но держалъ постоянно мула. Онъ засѣвалъ свою плантацію простыми бобами, что мы называемъ здѣсь cow-peas. Они даютъ обильную листву, затѣняютъ корни и не даютъ расти сорной травѣ. Нѣсколько разъ въ годъ онъ запахивалъ эти бобы и вновь сѣялъ то же самое. Иногда онъ привозилъ изъ гаммока возами траву, которую называютъ дикимъ кофе, и запахивалъ ее вмѣсто удобренія. Какъ видите по его рощѣ, онъ добился довольно сносныхъ результатовъ. — А взгляните на эту рощу съ хорошенькимъ новенькимъ домикомъ! Она была когда-то подъ моимъ управленіемъ и стоила мнѣ немало заботъ и хлопотъ. Владѣлецъ ея жилъ на сѣверѣ и,—какъ это обыкновенно водится,—деньги, посылаемыя на ея содержаніе, часто уходили въ карманъ его уполномоченныхъ. Роща эта доведена была до самаго печальнаго состоянія, вся заросла сорной травой и сплошь была покрыта паразитами. Сколько труда потребовалось на то, чтобы отмыть всѣ стволы и сучья; сколько я возмущался неправильной обрѣзкой—трудно и передать словами. Но главную пользу принесло все таки искусственное удобреніе костью, гуано и проч. Я сдалъ ее въ полномъ порядкѣ, хотя деревья запоздали на много лѣтъ, и далъ себѣ слово никогда болѣе не брать на себя такой заботы.

Мы всѣ *съ интересомъ* слушали любопытныя сообщенія опытнаго

фруктовода и внимательно всматривались въ каждую рощу. Наконецъ мы поравнялись съ прекрасной виллой. Но окружающая ее роща или, лучше сказать, чахлыя деревья, разсаженныя правильными рядами, показались намъ несоотвѣтственно бѣдными и жалкими.

— Да, это любопытная роща, замѣтилъ нашъ спутникъ:—она принадлежитъ нашему банкиру. Въ нее вложены тысячи и тысячи долларовъ, а полюбуйтесь на результаты!

Передъ нами была роскошная вилла, расположенная на самомъ живописномъ мѣстѣ озера. Веранды были полны цвѣтовъ. Около дома прелестный садикъ съ фонтаномъ, статуями, бесѣдками и другими затѣями, а вокругъ далеко раскинулась роща. Увы! Она имѣла самый печальный видъ. Деревца маленькія, тощія, со свѣтлой желтовато-зеленой листвой и съ маленькими, несчастными апельсинчиками. Земля подо всѣми деревьями прекрасно обработана. Ни травинки, ни соринки! Мы съ удивленіемъ смотрѣли на это запустѣніе и не знали, чему приписать такое явленіе.

— Никогда не повѣрю, чтобы на эту рощу когда либо тратились тысячи долларовъ или, вообще, чтобы на нее употребляли искусственное удобреніе, проговорилъ одинъ изъ нашихъ земляковъ.

— А между тѣмъ это было на моихъ глазахъ, сказалъ американецъ.— Мистеръ Ф. не жалѣлъ денегъ на искусственное удобреніе, смѣю васъ увѣрить. И не существуетъ ни одного сорта удобренія, котораго бы онъ не испробовалъ. Все зло заключается въ этомъ сыпучемъ пескѣ. Здѣсь такой сортъ песку, который мы называемъ quick-sand. Подпочва такова, что какое бы удобреніе ни положили, все проходитъ насквозь безъ пользы для корней. Никакой уходъ, никакія усилія не въ состояніи бороться съ такой почвой, чему блестящимъ доказательствомъ служитъ этотъ несчастный гровъ. Да вотъ взгляните на первобытную растительность этого мѣста.

И мы завернули за уголъ изгороди, гдѣ, повидимому, начиналась земля другаго владѣльца. На ней изрѣдка росли тонкія сосны и чахлый кустарникъ. Травы совсѣмъ не было. Кое-гдѣ попадался кактусъ и черника, да что-то въ родѣ моха.

— Это самый дурной сортъ scrub-land, какой только мнѣ приходилось встрѣчать во Флоридѣ, но я часто здѣсь охотился на кроликовъ, куропатокъ, лисицъ и проч., что̀ миритъ меня съ этой печальной мѣстностью. Впрочемъ, это только небольшое безплодное пятно среди весьма плодородной мѣстности.

И дѣйствительно, не прошло 10 минутъ, какъ мы встрѣтили совершенно иную растительньсть, и потянулись опять гровы.

— Да! Разведеніе апельсиновъ—это цѣлая наука, продолжалъ нашъ американецъ.—Я очень доволенъ вашимъ вниманіемъ и знаю, кромѣ того, *что вы* не лѣнитесь читать и книжки по этому вопросу; но пройдетъ еще *нѣсколько лѣтъ*, пока вы получите настоящее, правильное понятіе объ

этомъ дѣлѣ. Недостаточно понять жизнь и развитіе самаго дерева, необходимо еще основательно изучить всѣ сорты почвы, всѣ климатическія явленія и знать всѣхъ враговъ апельсиннаго дерева. Да, это цѣлая наука!

Наконецъ мы миновали обработанныя земли и рощи, и дорога снова потянулась по сосновому бору. На первый взглядъ неопытнаго человѣка, всѣ сосновые лѣса однообразны. Но, поживъ 2—3 года во Флоридѣ, человѣкъ научается тонко различать мѣстность. Боръ, по которому мы ѣхали, не похожъ на мѣстность вокругъ нашего поселенія, хотя растительность, повидимому, та же самая: сосна, дубъ разныхъ сортовъ, персимонъ и проч. Здѣсь попадались чрезвычайно тощія мѣста, покрытыя рѣдкими соснами и кустами по голому песку. Казалось очевиднымъ, что мѣстности этой не предстоитъ войти въ районъ апельсинныхъ земель, не смотря на высокое мѣстоположеніе.

— Вы вполнѣ справедливы въ своемъ заключеніи, согласился американецъ:—эта земля, по моему мнѣнію, никуда не годна, но судьба распорядилась по своему, и мѣстность эта имѣетъ будущее, созданное искусственно энергіей и богатствомъ ея владѣльца. Вся эта громадная окружность въ нѣсколько тысячъ акровъ, а также вся земля города Санфорда принадлежитъ генералу С. Онъ неустанно заботится о процвѣтаніи своихъ владѣній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ выписалъ около сотни семействъ шведовъ, заплатилъ ихъ дорожные расходы, надѣлилъ землей и за все это обязалъ обработать его собственный гровъ, засаженный на ста акрахъ. Это самый большой гровъ во всемъ сосѣдствѣ, хотя онъ еще молодъ и только небольшая его часть плодоносна. Шведы—прекрасные работники, и въ настоящее время ихъ поселеніе представляетъ богатую колонію со своей собственной церковью, школой, докторомъ и другими удобствами. Каждая семья владѣетъ собственной рощей. Къ нимъ присоединилось много земляковъ, и всѣ они живутъ припѣваючи.

Вскорѣ мы поравнялись съ рощей генерала С. Она представляла уже сплошную массу зелени, изъ-за которой не видать было построекъ.

— Эта роща замѣчательна еще и тѣмъ, продолжалъ американецъ,— что въ ней постоянно производятся разные опыты. Изъ Европы, Вестъ-Индіи и разныхъ другихъ мѣстъ привозятся различныя деревья и растенія и разводятся здѣсь подъ руководствомъ опытнаго садовника. Здѣсь вы найдете всѣ многочисленные сорты апельсиновъ и лимоновъ, миндальныя, оливковыя, чайныя и кофейныя деревья и всевозможные виды ананасовъ. Здѣсь же устроенъ опытный огородъ, гдѣ вырабатываются наилучшіе способы разведенія разныхъ овощей и ягодъ. Да! Сэтлеры могутъ сказать спасибо владѣльцу и многому научиться, не платясь собственными неудачами.

Мы готовы были превозносить до небесъ энергію, предпріимчивость

и безкорыстіе почтеннаго генерала. Слыша наши искреннія похвалы, американецъ улыбнулся.

— Что касается безкорыстія, сказалъ онъ:—повѣрьте, оно только кажущееся. Онъ несомнѣнно принесъ громадную пользу, но и себя не забылъ. Достаточно вамъ сказать, что этотъ гровъ и колонія такъ значительно повысили цѣнность тощей земли, что каждый акръ ея нельзя купить дешевле 100 долларовъ. Не будь грова и колоніи, никто не купилъ бы здѣсь ни одного акра, а ѣхалъ бы дальше, въ глубь страны, разводилъ бы рощи на болѣе благодарной почвѣ.

Разставаясь, мы отъ души благодарили нашего любезнаго чичероне за эту пріятную и полезную поѣздку, въ которой увидали и узнали столько новаго.

Боюсь, что всѣ мои описанія указываютъ лишь на одну удачную сторону дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, рядомъ съ прекрасными апельсинными рощами, есть множество плохихъ и заброшенныхъ; рядомъ съ выгодными плантаціями земляники и ранниховъ овощей есть и такія, которыя ничего не приносятъ своимъ владѣльцамъ; короче сказать, можно встрѣтить и здѣсь, какъ вездѣ, множество неудачныхъ начинаній и безуспѣшныхъ попытокъ. Скажу больше, можно встрѣтить цѣлые города, быстро возникшіе среди дикой природы, подъ вліяніемъ предпріимчиваго, богатаго янки, и также быстро потерявшіе всякое значеніе и полуоставленные жителями. Причины такихъ явленій весьма сложны, и разъясненіе ихъ требуетъ полнаго знакомства съ особенностями каждаго даннаго уголка.

Выборъ мѣстности въ такой новой странѣ, какъ Флорида, едва ли не самое важное условіе успѣха въ какомъ бы то ни было предпріятіи. Иногда города быстро растутъ, если оказываются удобными пунктами сообщенія или даже центромъ, гдѣ сходятся водяные и желѣзнодорожные пути; иногда они процвѣтаютъ, только благодаря поддержкѣ около лежащей, хорошо заселенной мѣстности. Присутствіе капиталиста часто поднимаетъ и обогащаетъ цѣлую общину, и обратно.

Кромѣ того, мелкія предпріятія и плантаціи всевозможныхъ сортовъ зависятъ еще отъ умѣлости и выносливости владѣльцевъ. Трудно перечислить, какіе разнообразные элементы представляетъ ежедневно увеличивающійся контингентъ поселенцевъ. Дѣльцы, прогорѣвшіе въ какомъ нибудь бойкомъ торговомъ центрѣ сѣверныхъ штатовъ—слабогрудые негоціанты съ деньжонками на черный день—люди, скопившіе себѣ маленькое состояніе, ничтожные на сѣверѣ, среди крупныхъ капиталистовъ, а здѣсь занимающіе почетное мѣсто—неудачники всякаго рода и настоящіе работники и фермеры—все это селится здѣсь, въ надеждѣ „сдѣлать деньги“ вдали отъ конкуренціи большихъ капиталовъ и крупныхъ предпри*нимателей*. Очевидно, всѣ эти разнообразныя силы достигаютъ и разно*родныхъ результатовъ*.

Поселенцы, являющіеся сюда цѣлыми семьями безъ всякихъ средствъ, съ тѣмъ чтобы выростить апельсинную рощу—составляютъ большинство. Ихъ путь полонъ трудностей и лишеній. Если семья состоитъ изъ взрослыхъ, трудолюбивыхъ членовъ, дѣла ихъ устраиваются скорѣе и удачнѣе. Одинъ изъ нихъ можетъ всегда работать дома „на себя", т. е. на всю семью, и растить деревья; остальныя же рабочія руки семьи приносятъ въ нее заработокъ, возможность сводить концы съ концами до той вожделѣнной минуты, когда роща начнетъ приносить доходъ. На это уходитъ отъ 14 до 18 лѣтъ такой жизни. Но подобная, удачно обставленная семья, въ концѣ концовъ, все таки матеріально обезпечена.

Семьи, гдѣ одинъ только работникъ и много малолѣтнихъ, рѣдко добиваются удачныхъ результатовъ. Онѣ являются во Флориду, берутъ участокъ земли отъ правительства (homestead) и кое-какъ обзаводятся хатой и необходимыми инструментами для работы. Если даже найдутся средства прожить сколько нибудь времени дома, чтобы расчистить нѣсколько акровъ подъ рощу и засадить саженцы, это еще далеко не обезпечиваетъ успѣха. Новая необработанная земля—сплошной песокъ—безъ довольно дорогаго искусственнаго удобренія не дастъ ничего, кромѣ сладкаго картофеля въ концѣ перваго года. Все остальное надо купить на наличныя деньги. Остается одинъ исходъ—сторонній заработокъ.

Въ этотъ-то самый моментъ, поселенецъ испытываетъ на себѣ всю тяжесть и лишенія, если мѣсто его выбрано неудачно, вдали отъ какихъ либо центровъ, гдѣ нужны рабочія руки. Въ большинствѣ случаевъ, даровые участки земли находятся вдали отъ городовъ и поселеній, и тогда работу достать трудно. Никакой человѣкъ съ деньгами не поселится въ такомъ мало населенномъ дикомъ мѣстѣ, и потому тамъ нѣтъ ни заводовъ, ни большихъ плантацій, нуждающихся въ рабочихъ силахъ. Но допустимъ даже, что сторонній заработокъ найденъ; является другое важное условіе—неудачи. Если единственный работникъ семьи на чужой работѣ—его собственный участокъ остается необработаннымъ. Апельсинное дерево—одно изъ самыхъ прихотливыхъ въ дѣлѣ ухода. Разъ дерево заростаетъ сорной травой, не получаетъ во-время искусственнаго удобренія и не окапывается ежегодно 4—5 разъ, оно чахнетъ, покрывается паразитами, и вся плантація идетъ быстрыми шагами къ полному уничтоженію.

Предоставляю вамъ судить, насколько неудачи эти возможны, если поселенцы являются изъ Россіи, изъ интеллигентной среды—люди, непривыкшіе къ работѣ изо дня въ день, не умѣющіе взять ни топора, ни заступа въ руки, не смотря на теоретическое поклоненіе „народному труду", частенько съ разбитыми нервами и надломленнымъ здоровьемъ, безъ всякихъ средствъ...

XII.

Всего 3 года, какъ мы живемъ здѣсь, а какія перемѣны вокругъ!

ропа, въ этомъ отношеніи, стоитъ на высотѣ требованій вѣка. Остановка—за нами.

За границей уже перестали требовать паспорты отъ иностранцевъ вообще и русскихъ подданныхъ—въ частности. Нужда въ нихъ является только тогда, когда приходится удостовѣрить свою личность предъ властями и учрежденіями для цѣлей гражданскихъ, уголовныхъ и другихъ. Но и въ этомъ случаѣ заграничныя учрежденія принимаютъ всякіе документы и доказательства удостовѣренія личности наравнѣ съ паспортами. Въ гостинницахъ, въ послѣднее время, вовсе перестали требовать паспорты, а довольствуются тѣмъ, что предлагаютъ пріѣзжему вписать свое имя, званіе и цѣль пріѣзда въ особую книгу „FremdenBuch". Въ Швейцаріи и Англіи и того не требуютъ, а ограничиваются данною путешественникомъ визитной карточкой. При этомъ безразлично, какъ вы себя ни назовете—настоящимъ или вымышленнымъ именемъ. Васъ будутъ имъ называть, васъ не станутъ безпокоить, пока вы не совершите какого либо преступленія или проступка. Вниманіе органовъ полиціи здѣсь сосредоточивается не на кличкѣ, а на поведеніи лица, на его дѣйствіяхъ. И справедливо, и цѣлесообразно!

Одинъ изъ русскихъ публицистовъ, побывавшій за границей, краснорѣчиво рисуетъ слѣдующую любопытную картину своего возвращенія черезъ нашу границу,—картину, которая сразу указываетъ, гдѣ кончается Европа и начинается наше отечество.

„Утомленный продолжительной ѣздою, убаюканный однообразной качкой вагона, я впалъ въ какое-то полудремотное забытье, когда человѣкъ по неволѣ предается мечтаніямъ, когда нѣтъ отбою отъ нахлынувшихъ грезъ, когда окончательно подпадаешь подъ власть всесильной фантазіи, набрасывающей розовый флеръ, златотканное покрывало на безмысленную сутолоку суровой, прозаической житейской дѣйствительности. Чудные образы возрожденія проходятъ вереницами предъ очарованнымъ взоромъ; долго лелѣянные идеалы принимаютъ такую рельефную форму, что, кажется, вотъ-вотъ...

„—Пожалуйте паспортъ! Паспортъ пожалуйте, паспортъ! раздается надъ моимъ ухомъ.

„Я въ недоумѣніи открываю глаза. Предо мною стоитъ дюжій жандармъ, съ пачкой паспортныхъ книжекъ въ рукѣ.

„—Какъ? Ужь пріѣхали?

„—Пріѣхали. Пожалуйте паспортъ!

„Я отыскалъ *дорогой символъ принадлежности къ русскому народу...*"

Дѣйствительно, символъ принадлежности къ *русскому* народу! Безъ него русскій человѣкъ какъ бы перестаетъ даже быть русскимъ, въ томъ *смыслѣ, что лишается* добраго имени, свободы и довѣрія правительства,

превращаясь, волею законодателя, въ человѣка „недобраго", „лютаго" и „подозрительнаго",—въ человѣка опаснаго и вреднаго для *русскаго* государственнаго порядка. Словомъ, безпаспортный, независимо отъ своихъ *дѣйствительныхъ* качествъ, перестаетъ быть *законнымъ* сыномъ родной страны.

И въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно вышеприведенное описаніе переѣзда черезъ нашу границу. Дюжій жандармъ съ пачкой паспортныхъ книжекъ въ рукѣ, пристающей къ спящему человѣку съ требованіемъ паспорта и напоминающій ему однимъ своимъ видомъ, что настала пора разстаться съ розовыми мечтаніями, „чудными образами возрожденія", и пр.—да, съ него начинается классическая „страна паспортовъ"! Вдумайтесь только въ этотъ коротенькій, но полный глубокаго смысла вопросъ путешественника: „Какъ? уже пріѣхали?" Сколько горькихъ упрековъ родинѣ таится въ немъ! Какъ непріятно звучитъ онъ для всякаго дѣйствительно патріотическаго уха! Это вырвавшееся прямо изъ глубины сердца „уже" показываетъ, что какъ-то непріятно русскому человѣку вновь подпасть подъ старые порядки, послѣ того какъ онъ испыталъ благотворное дѣйствіе новыхъ....

И что̀ прежде всего поражаетъ его—это глубокая разница въ *паспортномъ* порядкѣ.

Въ настоящее время, съ утратою паспортомъ его финансоваго значенія, мысль, возникшая вслѣдъ за отмѣной подушной подати, о коренномъ преобразованіи паспортнаго порядка—имѣетъ всѣ шансы на реальный успѣхъ. За паспортомъ остается, главнымъ образомъ, сила полицейскаго надзора. Насколько это средство полезно и пригодно—мы видѣли выше. Но если его и оставить съ указаннымъ значеніемъ, устраняется во всякомъ случаѣ надобность въ *краткосрочности* паспорта, а — слѣдовательно — и въ частомъ его возобновленіи. Мы знаемъ, какихъ усилій, мукъ и страданій стоитъ крестьянину процедура обмѣна паспорта. Поэтому, чѣмъ срокъ будетъ продожительнѣе, тѣмъ лучше для той массы, которая обречена жить вдали отъ родины. Да и самый переходъ изъ одной общины въ другую станетъ значительно легче.

Во всякомъ случаѣ, на нашихъ глазахъ падаетъ самая несимпатичная система правилъ и законовъ, затрогивая, въ той или другой мѣрѣ, *каждаго* изъ насъ при переѣздахъ съ мѣста на мѣсто. Да, умираетъ остатокъ крѣпостничества, и—что̀ удивительнѣе всего—не слышно ни единаго голоса въ его защиту. Впрочемъ, это показываетъ, что въ жизни онъ умеръ давно, а теперь совершаются лишь его офиціальныя похороны.

Л. Ляховецкій.

ПИСЬМА ИЗЪ ФЛОРИДЫ.

XI.

Давно собирались мы посмотрѣть старыя апельсинныя рощи. До сихъ поръ намъ приходилось видѣть только очень молодые гровы, едва начинающіе приносить плоды, такъ какъ наша окрестность начала заселяться не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ; а потому мы съ удовольствіемъ воспользовались предложеніемъ одного изъ нашихъ сосѣдей—опытнаго фруктовода, пріѣхавшаго во Флориду лѣтъ 15 тому назадъ—служить намъ вѣрнымъ чичероне. Онъ повезъ насъ, миль за 12 отъ нашего поселенія, въ Фортъ-Ридъ.

Фортъ-Ридъ—самое старое поселеніе въ этой окрестности. Апельсинныя рощи тянутся сплошь по обѣ стороны дороги. Нѣкоторымъ изъ этихъ рощъ болѣе 20 лѣтъ. Деревья въ нихъ громадной величины, верхушки переплелись между собою въ море зелени и тѣни. Въ аллеяхъ почти темно. Подобныя рощи приносятъ большой доходъ и на счету у всей публики. Во время сбора, газеты печатаютъ о результатахъ урожая и о количествѣ отправокъ. Среднимъ числомъ, каждое дерево даетъ 3000 плодовъ. Но такихъ рощъ пока еще немного.

Нашъ спутникъ—старожилъ этихъ мѣстъ, знавшій почти каждую рощу со дня ея основанія—сообщалъ множество подробностей объ условіяхъ ухода и развитія каждой изъ нихъ. Мы ѣхали по берегу небольшаго красиваго озера, вокругъ котораго почти вся земля была уже обработана и застроена. Попадались роскошныя виллы и небольшіе домики, порой даже заброшенныя хаты.

— Это мѣсто не имѣетъ будущности, говорилъ нашъ спутникъ:—оно выбрано крайне неудачно людьми, незнакомыми съ апельсиннымъ дѣломъ, но, конечно, ихъ главная цѣль—торговая—вполнѣ достигнута. Много капиталовъ составилось здѣсь на моихъ глазахъ. Съ одной стороны рѣка Сентъ-Джонсъ соединяетъ весь этотъ районъ съ сѣверомъ, а *другой стороны* городокъ Санфордъ,—въ двухъ миляхъ отсюда,—

центръ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ въ глубь страны. Мѣсто для торговыхъ сношеній очень выгодное, въ особенности въ былое время, лѣтъ десять тому назадъ, когда мало было конкуренціи. Владѣльцы всѣхъ этихъ виллъ и рощъ, которыя вы видите направо, загребали хорошія денежки лѣтъ 8—10 тому назадъ. Для апельсиновъ же это мѣсто слишкомъ низко. Рощи на небольшихъ возвышенностяхъ, конечно, устоятъ всегда, но такихъ здѣсь немного. Всѣ же рощи на низкихъ мѣстахъ со временемъ пропадутъ, лишь только корни дойдутъ до линіи подземной воды. Не вѣрю я въ это мѣсто, какъ бы ни поражались вы его красотой. Нашъ pine-land некрасивъ и однообразенъ—это правда, но рощи тамъ имѣютъ блестящую будущность.

Въ это время мы подъѣхали къ самому озеру, и передъ нами открылась цѣлая панорама.

— Апельсинная роща на самомъ берегу озера—продолжалъ разсказывать американецъ—засажена на моихъ глазахъ 8 лѣтъ тому назадъ. На нее не потрачено ни одного фунта искусственнаго удобренія. Вся эта темнозеленая листва получена изъ естественнаго удобренія растительнымъ перегноемъ (muck), который лежитъ тутъ громадными залежами. Хозяинъ рощи построилъ къ нимъ конно-желѣзную дорогу, возитъ этотъ перегной въ громадномъ количествѣ и ежегодно нѣсколько разъ посыпаетъ его густымъ слоемъ по всему грову, конечно, обработавъ его сначала известью. А вотъ эта роща постоянно удобрялась зеленымъ удобреніемъ. Хозяинъ былъ бѣднякъ и не имѣлъ никогда денегъ на искусственное удобреніе, но держалъ постоянно мула. Онъ засѣвалъ свою плантацію простыми бобами, что мы называемъ здѣсь cow-peas. Они даютъ обильную листву, затѣняютъ корни и не даютъ расти сорной травѣ. Нѣсколько разъ въ годъ онъ запахивалъ эти бобы и вновь сѣялъ то же самое. Иногда онъ привозилъ изъ гаммока возами траву, которую называютъ дикимъ кофе, и запахивалъ ее вмѣсто удобренія. Какъ видите по его рощѣ, онъ добился довольно сносныхъ результатовъ. — А взгляните на эту рощу съ хорошенькимъ новенькимъ домикомъ! Она была когда-то подъ моимъ управленіемъ и стоила мнѣ немало заботъ и хлопотъ. Владѣлецъ ея жилъ на сѣверѣ и,—какъ это обыкновенно водится,—деньги, посылаемыя на ея содержаніе, часто уходили въ карманъ его уполномоченныхъ. Роща эта доведена была до самаго печальнаго состоянія, вся заросла сорной травой и сплошь была покрыта паразитами. Сколько труда потребовалось на то, чтобы отмыть всѣ стволы и сучья; сколько я возмущался неправильной обрѣзкой—трудно и передать словами. Но главную пользу принесло все таки искусственное удобреніе костью, гуано и проч. Я сдалъ ее въ полномъ порядкѣ, хотя деревья запоздали на много лѣтъ, и далъ себѣ слово никогда болѣе не брать на себя такой заботы.

Мы всѣ съ интересомъ слушали любопытныя сообщенія опытнаго

фруктовода и внимательно всматривались въ каждую рощу. Наконецъ мы поравнялись съ прекрасной виллой. Но окружающая ее роща или, лучше сказать, чахлыя деревья, разсаженныя правильными рядами, показались намъ несоотвѣтственно бѣдными и жалкими.

— Да, это любопытная роща, замѣтилъ нашъ спутникъ:—она принадлежитъ нашему банкиру. Въ нее вложены тысячи и тысячи долларовъ, а полюбуйтесь на результаты!

Передъ нами была роскошная вилла, расположенная на самомъ живописномъ мѣстѣ озера. Веранды были полны цвѣтовъ. Около дома прелестный садикъ съ фонтаномъ, статуями, бесѣдками и другими затѣями, а вокругъ далеко раскинулась роща. Увы! Она имѣла самый печальный видъ. Деревца маленькія, тощія, со свѣтлой желтовато-зеленой листвой и съ маленькими, несчастными апельсинчиками. Земля подо всѣми деревьями прекрасно обработана. Ни травинки, ни соринки! Мы съ удивленіемъ смотрѣли на это запустѣніе и не знали, чему приписать такое явленіе.

— Никогда не повѣрю, чтобы на эту рощу когда либо тратились тысячи долларовъ или, вообще, чтобы на нее употребляли искусственное удобреніе, проговорилъ одинъ изъ нашихъ земляковъ.

— А между тѣмъ это было на моихъ глазахъ, сказалъ американецъ.— Мистеръ Ф. не жалѣлъ денегъ на искусственное удобреніе, смѣю васъ увѣрить. И не существуетъ ни одного сорта удобренія, котораго бы онъ не испробовалъ. Все зло заключается въ этомъ сыпучемъ пескѣ. Здѣсь такой сортъ песку, который мы называемъ quick-sand. Подпочва такова, что какое бы удобреніе ни положили, все проходитъ насквозь безъ пользы для корней. Никакой уходъ, никакія усилія не въ состояніи бороться съ такой почвой, чему блестящимъ доказательствомъ служитъ этотъ несчастный гровъ. Да вотъ взгляните на первобытную растительность этого мѣста.

И мы завернули за уголъ изгороди, гдѣ, повидимому, начиналась земля другаго владѣльца. На ней изрѣдка росли тонкія сосны и чахлый кустарникъ. Травы совсѣмъ не было. Кое-гдѣ попадался кактусъ и черника, да что-то въ родѣ моха.

— Это самый дурной сортъ scrub-land, какой только мнѣ приходилось встрѣчать во Флоридѣ, но я часто здѣсь охотился на кроликовъ, куропатокъ, лисицъ и проч., что̀ миритъ меня съ этой печальной мѣстностью. Впрочемъ, это только небольшое безплодное пятно среди весьма плодородной мѣстности.

И дѣйствительно, не прошло 10 минутъ, какъ мы встрѣтили совершенно иную растительньсть, и потянулись опять гровы.

— Да! Разведеніе апельсиновъ—это цѣлая наука, продолжалъ нашъ американецъ.—Я очень доволенъ вашимъ вниманіемъ и знаю, кромѣ того, что вы не лѣнитесь читать и книжки по этому вопросу; но пройдетъ еще *нѣсколько лѣтъ*, пока вы получите настоящее, правильное понятіе объ

этомъ дѣлѣ. Недостаточно понять жизнь и развитіе самаго дерева, необходимо еще основательно изучить всѣ сорты почвы, всѣ климатическія явленія и знать всѣхъ враговъ апельсиннаго дерева. Да, это цѣлая наука!

Наконецъ мы миновали обработанныя земли и рощи, и дорога снова потянулась по сосновому бору. На первый взглядъ неопытнаго человѣка, всѣ сосновые лѣса однообразны. Но, поживъ 2—3 года во Флоридѣ, человѣкъ научается тонко различать мѣстность. Боръ, по которому мы ѣхали, не похожъ на мѣстность вокругъ нашего поселенія, хотя растительность, повидимому, та же самая: сосна, дубъ разныхъ сортовъ, персимонъ и проч. Здѣсь попадались чрезвычайно тощія мѣста, покрытыя рѣдкими соснами и кустами по голому песку. Казалось очевиднымъ, что мѣстности этой не предстоитъ войти въ районъ апельсинныхъ земель, не смотря на высокое мѣстоположеніе.

— Вы вполнѣ справедливы въ своемъ заключеніи, согласился американецъ:—эта земля, по моему мнѣнію, никуда не годна, но судьба распорядилась по своему, и мѣстность эта имѣетъ будущее, созданное искусственно энергіей и богатствомъ ея владѣльца. Вся эта громадная окружность въ нѣсколько тысячъ акровъ, а также вся земля города Санфорда принадлежитъ генералу С. Онъ неустанно заботится о процвѣтаніи своихъ владѣній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ выписалъ около сотни семействъ шведовъ, заплатилъ ихъ дорожные расходы, надѣлилъ землей и за все это обязалъ обработать его собственный гровъ, засаженный на ста акрахъ. Это самый большой гровъ во всемъ сосѣдствѣ, хотя онъ еще молодъ и только небольшая его часть плодоносна. Шведы—прекрасные работники, и въ настоящее время ихъ поселеніе представляетъ богатую колонію со своей собственной церковью, школой, докторомъ и другими удобствами. Каждая семья владѣетъ собственной рощей. Къ нимъ присоединилось много земляковъ, и всѣ они живутъ припѣваючи.

Вскорѣ мы поравнялись съ рощей генерала С. Она представляла уже сплошную массу зелени, изъ-за которой не видать было построекъ.

— Эта роща замѣчательна еще и тѣмъ, продолжалъ американецъ,— что въ ней постоянно производятся разные опыты. Изъ Европы, Вестъ-Индіи и разныхъ другихъ мѣстъ привозятся различныя деревья и растенія и разводятся здѣсь подъ руководствомъ опытнаго садовника. Здѣсь вы найдете всѣ многочисленные сорты апельсиновъ и лимоновъ, миндальныя, оливковыя, чайныя и кофейныя деревья и всевозможные виды ананасовъ. Здѣсь же устроенъ опытный огородъ, гдѣ вырабатываются наилучшіе способы разведенія разныхъ овощей и ягодъ. Да! Сэтлеры могутъ сказать спасибо владѣльцу и многому научиться, не платясь собственными неудачами.

Мы готовы были превозносить до небесъ энергію, предпріимчивость

и безкорыстіе почтеннаго генерала. Слыша наши искреннія похвалы, американецъ улыбнулся.

— Что касается безкорыстія, сказалъ онъ:—повѣрьте, оно только кажущееся. Онъ несомнѣнно принесъ громадную пользу, но и себя не забылъ. Достаточно вамъ сказать, что этотъ гровъ и колонія такъ значительно повысили цѣнность тощей земли, что каждый акръ ея нельзя купить дешевле 100 долларовъ. Не будь грова и колоніи, никто не купилъ бы здѣсь ни одного акра, а ѣхалъ бы дальше, въ глубь страны, разводилъ бы рощи на болѣе благодарной почвѣ.

Разставаясь, мы отъ души благодарили нашего любезнаго чичероне за эту пріятную и полезную поѣздку, въ которой увидали и узнали столько новаго.

Боюсь, что всѣ мои описанія указываютъ лишь на одну удачную сторону дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, рядомъ съ прекрасными апельсинными рощами, есть множество плохихъ и заброшенныхъ; рядомъ съ выгодными плантаціями земляники и раннихъ овощей есть и такія, которыя ничего не приносятъ своимъ владѣльцамъ; короче сказать, можно встрѣтить и здѣсь, какъ вездѣ, множество неудачныхъ начинаній и безуспѣшныхъ попытокъ. Скажу больше, можно встрѣтить цѣлые города, быстро возникшіе среди дикой природы, подъ вліяніемъ предпріимчиваго, богатаго янки, и также быстро потерявшіе всякое значеніе и полуоставленные жителями. Причины такихъ явленій весьма сложны, и разъясненіе ихъ требуетъ полнаго знакомства съ особенностями каждаго даннаго уголка.

Выборъ мѣстности въ такой новой странѣ, какъ Флорида, едва ли не самое важное условіе успѣха въ какомъ бы то ни было предпріятіи. Иногда города быстро растутъ, если оказываются удобными пунктами сообщенія или даже центромъ, гдѣ сходятся водяные и желѣзнодорожные пути; иногда они процвѣтаютъ, только благодаря поддержкѣ около лежащей, хорошо заселенной мѣстности. Присутствіе капиталиста часто поднимаетъ и обогащаетъ цѣлую общину, и обратно.

Кромѣ того, мелкія предпріятія и плантаціи всевозможныхъ сортовъ зависятъ еще отъ умѣлости и выносливости владѣльцевъ. Трудно перечислить, какіе разнообразные элементы представляетъ ежедневно увеличивающійся контингентъ поселенцевъ. Дѣльцы, прогорѣвшіе въ какомъ нибудь бойкомъ торговомъ центрѣ сѣверныхъ штатовъ—слабогрудые негоціанты съ деньжонками на черный день—люди, скопившіе себѣ маленькое состояніе, ничтожные на сѣверѣ, среди крупныхъ капиталистовъ, а здѣсь занимающіе почетное мѣсто—неудачники всякаго рода и настоящіе работники и фермеры—все это селится здѣсь, въ надеждѣ „сдѣлать деньги“ вдали отъ конкуренціи большихъ капиталовъ и крупныхъ предпринимателей. Очевидно, всѣ эти разнообразныя силы достигаютъ и разно*родныхъ результатовъ*.

Поселенцы, являющіеся сюда цѣлыми семьями безъ всякихъ средствъ, съ тѣмъ чтобы выростить апельсинную рощу—составляютъ большинство. Ихъ путь полонъ трудностей и лишеній. Если семья состоитъ изъ взрослыхъ, трудолюбивыхъ членовъ, дѣла ихъ устраиваются скорѣе и удачнѣе. Одинъ изъ нихъ можетъ всегда работать дома „на себя", т. е. на всю семью, и растить деревья; остальныя же рабочія руки семьи приносятъ въ нее заработокъ, возможность сводить концы съ концами до той вожделѣнной минуты, когда роща начнетъ приносить доходъ. На это уходитъ отъ 14 до 18 лѣтъ такой жизни. Но подобная, удачно обставленная семья, въ концѣ концовъ, все таки матеріально обезпечена.

Семьи, гдѣ одинъ только работникъ и много малолѣтнихъ, рѣдко добиваются удачныхъ результатовъ. Онѣ являются во Флориду, берутъ участокъ земли отъ правительства (homestead) и кое-какъ обзаводятся хатой и необходимыми инструментами для работы. Если даже найдутся средства прожить сколько нибудь времени дома, чтобы расчистить нѣсколько акровъ подъ рощу и засадить саженцы, это еще далеко не обезпечиваетъ успѣха. Новая необработанная земля—сплошной песокъ—безъ довольно дорогаго искусственнаго удобренія не дастъ ничего, кромѣ сладкаго картофеля въ концѣ перваго года. Все остальное надо купить на наличныя деньги. Остается одинъ исходъ—сторонній заработокъ.

Въ этотъ-то самый моментъ, поселенецъ испытываетъ на себѣ всю тяжесть и лишенія, если мѣсто его выбрано неудачно, вдали отъ какихъ либо центровъ, гдѣ нужны рабочія руки. Въ большинствѣ случаевъ, даровые участки земли находятся вдали отъ городовъ и поселеній, и тогда работу достать трудно. Никакой человѣкъ съ деньгами не поселится въ такомъ мало населенномъ дикомъ мѣстѣ, и потому тамъ нѣтъ ни заводовъ, ни большихъ плантацій, нуждающихся въ рабочихъ силахъ. Но допустимъ даже, что сторонній заработокъ найденъ; является другое важное условіе—неудачи. Если единственный работникъ семьи на чужой работѣ—его собственный участокъ остается необработаннымъ. Апельсинное дерево—одно изъ самыхъ прихотливыхъ въ дѣлѣ ухода. Разъ дерево заростаетъ сорной травой, не получаетъ во-время искусственнаго удобренія и не окапывается ежегодно 4—5 разъ, оно чахнетъ, покрывается паразитами, и вся плантація идетъ быстрыми шагами къ полному уничтоженію.

Предоставляю вамъ судить, насколько неудачи эти возможны, если поселенцы являются изъ Россіи, изъ интеллигентной среды—люди, непривыкшіе къ работѣ изо дня въ день, не умѣющіе взять ни топора, ни заступа въ руки, не смотря на теоретическое поклоненіе „народному труду", частенько съ разбитыми нервами и надломленнымъ здоровьемъ, безъ всякихъ средствъ...

XII.

Всего 3 года, какъ мы живемъ здѣсь, а какія перемѣны вокругъ!

Наше маленькое поселеніе, въ которомъ мы по пріѣздѣ нашли всего 3—4 дома и одну лавку, гдѣ, бывало, хозяинъ съ трудомъ набиралъ 10 ф. сахару—теперь уже форменный городъ (incorporated town) съ мэромъ, альдерменами, маршаломъ, тротуарами, клубами и отелями. У насъ нѣсколько церквей, двѣ школы, аптека, нѣсколько докторовъ и дантистовъ, много магазиновъ, гдѣ вы найдете всевозможные товары со всѣхъ концовъ Америки, и нѣсколько фабрикъ и мастерскихъ; у насъ даже издается газета, и устроенъ skating-ring. Все это сдѣлано въ 3 года.

Недавно окончилась здѣсь постройка желѣзной дороги, которая соединила насъ съ Мексиканскимъ заливомъ. Желѣзно-дорожное общество было настолько любезно, что разослало пригласительные билеты на экскурсіонныя поѣздки отъ Санфорда до Тампы, и недѣли двѣ подъ рядъ экстренные поѣзды возили публику къ заливу и обратно, пока почти все мѣстное общество не ознакомилось съ новымъ краемъ, о которомъ имѣлось до сихъ поръ лишь смутное представленіе. Мнѣ удалось также совершить это маленькое путешествіе, по приглашенію одного изъ здѣшнихъ старожиловъ. Мы выѣхали въ полдень и только къ 7 ч. вечера должны были прибыть въ Тампу. До сихъ поръ мы не бывали южнѣе города Орландо, всего 15 миль отъ нашего поселенія, и потому весьма интересовались взглянуть, какова эта страна южнѣе.

Въ 20 миляхъ мы остановились на берегу большой рѣки Кассими съ только что застраивающимся городомъ того же имени, посреди дикой полутропической природы. Городъ вдавался въ низкій гаммокъ, полный пальмъ и разнообразныхъ лиственныхъ деревьевъ, обвѣшенныхъ южнымъ мохомъ. Порой, казалось, гаммокъ врывался въ городъ, спустивъ надъ улицей гигантскія вѣтви корявыхъ дубовъ, съ которыхъ свѣшивался виноградъ и дикій жасминъ. Подъ ногами еще росли индиго, дикіе томаты и нѣжныя мимозы. На рѣкѣ качался большой пароходъ, отправлявшійся на югъ.

Три года тому назадъ, здѣсь не только не было пароходства, какъ сообщалъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, пріѣзжавшій сюда охотиться на оленей и аллигаторовъ, но и простой лодки достать было нельзя, такъ какъ страна была почти не заселена. Лишь изрѣдка попадался какой нибудь домикъ кэтльмена, поселившагося здѣсь со своими стадами. Рѣка была совершенно не изслѣдована, дѣлилась на множество рукавовъ, и плавать по ней было не безопасно: можно было легко заблудиться въ безконечныхъ кипарисныхъ болотахъ.

А теперь въ отелѣ къ обѣду собралось нѣсколько сотъ людей, по большей части сѣверянъ, съ женами и дочерьми. Нѣкоторые изъ нихъ отправлялись, какъ и мы, въ Тампу, на берегъ Мексиканскаго залива, а другіе по рѣкѣ Киссими на канализаціонныя работы, на югъ Флориды. Тамъ *работаютъ надъ* соединеніемъ рѣкъ и озеръ помощью каналовъ. Въ корот-

кое время это составитъ стройную водяную систему. Тѣ же самые каналы, правильнымъ отводомъ воды, осушатъ громадныя равнины богатой почвы, которую уже съ прошлаго года стали обработывать подъ сахарный тростникъ. Сейчасъ же за Киссими пошли громадныя кипарисныя болота, лишенныя листвы, такъ какъ дѣло было зимой. Поѣздъ нашъ шелъ все время по невысокой дамбѣ; кругомъ широко разстилалась серебристая, сѣрая чаща кипарисовъ. По всему лѣсу, на сѣрыхъ стволахъ росли орхидеи, которыя теперь цвѣли ярко-красными, крупными цвѣтами. Вскорѣ мы миновали кипарисныя болота, и ландшафтъ измѣнился совершенно. Пошли необозримыя преріи. Тамъ и сямъ мелькали многочисленныя стада коровъ, изрѣдка—овецъ. Здѣсь скотоводство еще процвѣтаетъ. Ежегодно выкармливаютъ десятки тысячъ головъ и гонятъ къ Тампѣ—главному центру отправки скота въ Кубу. Долгое время тянулись эти безконечныя преріи, перемежающіяся небольшими островками лиственнаго лѣса—любимымъ пріютомъ оленей.

Наконецъ мѣстность стала опять замѣтно подыматься, и мы снова очутились въ pine-land. Только сосны здѣсь росли гораздо гуще. Стали появляться красивыя озера. Вотъ и новыя поселенія; рука сѣверянъ ясно видна и здѣсь. Прелестное, громадное озеро,—дикій, сосновый боръ вокругъ. Поѣздъ останавливается у крошечной станціи, отъ которой идутъ правильно распланированныя улицы съ только что выстроенными домами. Этому поселенію не болѣе 2 мѣсяцевъ, но открыта уже лавка; надъ ней meeting-hall (зала для собраній). Повсюду, не только на домахъ и столбахъ, но даже и на соснахъ пестрѣютъ печатныя объявленія.

Чѣмъ ближе къ Тампѣ, тѣмъ чаще попадались намъ заселенныя мѣста, хотя видно по всему, что сѣверяне проникли въ эти мѣста лишь недавно. Въ Тампу мы пріѣхали уже послѣ заката солнца, въ темную ночь. Мы не хотѣли ѣхать въ омнибусѣ и предпочли отправиться въ отель пѣшкомъ. Но песокъ оказался до того глубокъ и сыпучъ, что мы насилу передвигали ноги. При блескѣ газовыхъ фонарей, мы могли различить множество садовъ и бульваровъ. Ярко освѣщенныя окна магазиновъ пестрѣли флоридскими диковинками. Тутъ были: украшенія изъ рыбьей шелухи, серьги и брошки изъ зубовъ аллигатора, браслеты изъ морскихъ бобовъ (sea-beans), кораллы, тысячи разнообразныхъ раковинъ, прелестныя перья птицъ (нѣкоторыя—бѣлѣе снѣга, иныя—ярко-зеленыя), чучела птицъ, змѣй и аллигаторовъ, издѣлія изъ пальмовыхъ листьевъ и кожи аллигатора и проч. Веранды домовъ почти вездѣ полны народомъ. Тампа какъ будто вновь народилась, говорили намъ въ отелѣ. Такая масса народа двинулась сюда, и такъ восторженно привѣтствовали старожилы эти новыя силы, эти новыя богатства, хлынувшія къ нимъ съ открытіемъ дороги!

Мы съ великимъ трудомъ нашли себѣ помѣщеніе въ отелѣ. Внизу, за табльдотомъ, очевидно, ужинало втрое больше гостей, чѣмъ дозволяло ме-

мѣщеніе, и кого-кого тутъ не было! Ужинъ носилъ на себѣ отпечатокъ южнаго края. Рыба всевозможныхъ сортовъ подавалась въ изобиліи, а также и устрицы. Устрицы въ супѣ, устрицы свѣжія, жареныя и запеченныя. Апельсины, мандарины, манго и ананасы изобильно украшали столы. Маленькій негръ все время махалъ надъ нашими головами опахаломъ. Эта южная затѣя сначала дѣйствовала на нервы, а потомъ, въ особенности среди дня, мы очень оцѣнили старанія негритёнка.

На другой день, послѣ ранняго завтрака, мы отправились осматривать городъ и окрестности. Мы не полюбопытствовали заглянуть въ католическую церковь, музей и военный лагерь, а ограничились только внѣшнимъ расположеніемъ города; любовались на могучія, тѣнистыя деревья, старыя апельсинныя рощи, посаженныя здѣсь офицерами, которые когда-то посланы были сюда для усмиренія индѣйцевъ; любовались на красоту залива Тампа или св. Духа, какъ назвали его сначала испанцы. Вообще, намъ пріятно было снова очутиться въ городѣ, у котораго уже есть своя исторія,—по крайней мѣрѣ, какая нибудь сотня лѣтъ за собой. На берегу—горы устричныхъ раковинъ. Приглядѣвшись поближе, мы замѣтили, что подъ водой всѣ сваи, всѣ старыя бревна и проч. покрыты толстымъ слоемъ устрицъ. Множество бочекъ, наполненныхъ ими, отправляется теперь ежедневно по желѣзной дорогѣ во всѣ концы Америки въ особо устроенныхъ ледяныхъ вагонахъ. До сихъ поръ главной отраслью промышленности была отправка скота въ Кубу, но въ послѣднее время апельсинное дѣло и здѣсь начало сильно развиваться. А теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги и новымъ наплывомъ поселенцевъ, край этотъ, по всей вѣроятности, разовьется весьма быстро. Изобиліе рыбы привлекаетъ немало охотниковъ и промышленниковъ. Озера и рѣки полны превосходной рыбой, изъ которой выдѣляется форель. Морскихъ же рыбъ такое множество, что даже спеціалисты-рыболовы затрудняются переименовать ихъ сорты.

По берегамъ Атлантическаго океана и Мексиканскаго залива существуетъ множество организованныхъ рыболовныхъ промысловъ. Жители сосѣднихъ штатовъ пользуются близостью залива и пріѣзжаютъ на своихъ мулахъ цѣлыми семьями въ октябрѣ, когда ловля въ самомъ разгарѣ, и проводятъ недѣльку-другую, заготовляя запасъ соленой рыбы на цѣлую зиму, что̀ вмѣстѣ служитъ имъ настоящимъ пикникомъ послѣ однообразной фермерской обстановки этихъ отсталыхъ штатовъ. Трудно дать какія нибудь цифры вывоза рыбы, но по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя попадаются въ мѣстныхъ органахъ, можно заключить, что количество вывоза громадно. Въ одномъ только Cedar-Key въ 1880 г. было нагружено 1.701,000 фунт. соленой рыбы на сумму въ 68,000 долларовъ. Въ 1882 году Кэй-Вестъ отправилъ въ Гавану 750 тоннъ. При рыболовныхъ промыслахъ устроены заводы для приготовленія искусственнаго

удобренія, спросъ котораго усиливается съ каждымъ днемъ. Зеленыя черепахи ловятся во множествѣ и посылаются живыми на сѣверные рынки. Въ апрѣлѣ и маѣ онѣ выходятъ на берегъ для кладки яицъ. Въ это время ихъ ловятъ безъ труда. Стоитъ только перевернуть ее на спину, и черепаха дѣлается вполнѣ безпомощной. Губка добывается по берегу залива въ большомъ количествѣ. Въ 1881 году, Кэй-Вестъ велъ торгъ ею на 250,000 долларовъ, а такъ какъ губка ловится по всему берегу залива и отправляется изъ многихъ другихъ гаваней, то можно предполагать, что ловля ея даетъ также значительныя суммы.

Слѣдующій день мы посвятили прогулкѣ въ парусной лодкѣ по заливу. Издали Тампа казалась еще красивѣе. Мы ловили рыбу, краббовъ и наломали множество устрицъ, которыя тутъ же и уничтожались нашими спутниками. Намъ такъ понравились эти привольныя мѣста, что многіе не на шутку подумывали переселиться сюда и разводить апельсинныя рощи на островахъ, какъ разъ противъ Тампы. Мечтали занять островъ въ нѣсколько сотъ акровъ и поселиться колоніей, но солнце спускалось все ниже и ниже. Надо было торопиться.

И до сихъ поръ вспоминается намъ этотъ мирный южный ландшафтъ, этотъ городъ, потонувшій въ цвѣтахъ и садахъ на берегу ярко-голубаго залива, освѣщеннаго закатомъ. Мы повернули паруса и быстро помчались съ попутнымъ вѣтеркомъ къ берегу.

Въ отелѣ было еще тѣснѣе. Поѣзды везли все новыя и новыя толпы, а разъѣзжался народъ какъ-то лѣниво, нехотя.

Изъ Тампы мы отправились въ графство Гернандо. Оно тянется по берегу Мексиканскаго залива на 60 миль, а съ остальныхъ сторонъ отдѣляется рѣками. Это — благодатный уголокъ Флориды, хотя еще очень мало заселенный. Живописныя озера, множество рѣкъ, прозрачные ключи, холмы, покрытые дубомъ, орѣхомъ, магноліями, пальмой, краснымъ кедромъ, массой винограда и другихъ ползучихъ и вьющихся растеній,—перемежаются съ сосновымъ боромъ и преріями.

Еще два года тому назадъ, это графство, вслѣдствіе недостатка путей сообщенія, было terra incognita для путешественниковъ и туристовъ. Но съ проведеніемъ желѣзной дороги этотъ уголокъ охотно посѣщается ради своихъ природныхъ диковинокъ. Здѣсь существуютъ натуральные колодцы, правильно пробуравленные, какъ бы рукою искуснаго механика, до 50 и 75 футовъ въ глубину, пещеры съ подземными озерами; нѣкоторыя изъ этихъ пещеръ совершенно сухи и носятъ на себѣ слѣды жилищъ или мѣстъ погребенія людей; здѣсь же находится знаменитый холмъ, на которомъ, по преданію, стоялъ испанскій лагерь Гернандо де-Сото. Правдиво ли преданіе, или нѣтъ, но мѣсто это и теперь еще носитъ на себѣ ясные слѣды военнаго становища.

Одною изъ характерныхъ особенностей флоридской природы являются

ея многочисленные ключи. Помимо обыкновенныхъ ключей, ручьевъ и рѣкъ, встрѣчаются еще красивые ключи совершенно оригинальнаго свойства. Подъ поверхностью земли протекаетъ множество рѣкъ, направляющихся къ морю, о существованіи которыхъ во многихъ мѣстностяхъ и не подозрѣваютъ. Онѣ прорываются наружу черезъ громадныя разсѣлины. Иногда рѣки исчезаютъ съ поверхности земли, какъ напримѣръ, въ знаменитомъ провалѣ въ графствѣ Алахуа, который своей своеобразной красотой привлекаетъ массу туристовъ, или знаменитый „Чортовъ котелъ". Рѣка Санта-Фэ въ томъ же графствѣ, вливаясь въ громадную пещеру и выступая снова наружу, образуетъ живописный естественный мостъ. Въ другомъ графствѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было такое явленіе: дорога, по которой ѣздили со дня основанія поселенія, вдругъ провалилась вмѣстѣ съ высочайшими деревьями, и обвалъ этотъ наполнился водой.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ источниковъ находится въ графствѣ Маріонъ и, по цвѣту воды, называется Сильверъ-Спрингъ (серебряный ключъ). Тысячи сѣверянъ-путешественниковъ пріѣзжаютъ любоваться имъ съ палубы пароходовъ и лодокъ. Очевидцы разсказываютъ, что маленькая серебряная монета, брошенная на дно, ясно видна на глубинѣ 180 футовъ. Ничто не можетъ сравниться съ красотой этого источника въ ясный безвѣтряный день. Онъ окруженъ богатой тропической растительностью. Берега представляютъ сплошную стѣну зелени и цвѣтовъ съ причудливыми гирляндами дикаго винограда и желтаго жасмина, свѣшивающимися съ деревьевъ до самой воды и переплетающимися по пути съ серебристыми воздушными нитями южнаго моха. Такіе же ключи находятся и въ нѣкоторыхъ другихъ графствахъ. Такъ называемый Блю-Спрингъ (голубой ключъ) въ графствѣ Волюзія хотя и не такъ великъ, но замѣчательно красивъ. Бассейнъ не болѣе 70 ф. въ діаметрѣ и около 40 ф. въ глубину. Въ центрѣ его бьетъ ярко-голубая вода съ такой силой, что образуетъ выпуклость, по крайней мѣрѣ, въ 10 дюймовъ вышины; въ этомъ мѣстѣ невозможно удержать лодку. Потокъ, вытекающій изъ этого ключа, имѣетъ около 50 ф. ширины и течетъ съ быстротой 5 миль въ часъ. Окрестности замѣчательно живописны. Всѣ эти ключи содержатъ много извести и потому чрезвычайно прозрачны. Множество рыбъ и черепахъ водятся тамъ и представляютъ занимательное зрѣлище для туриста. Блестящее солнце, отражаясь на зыби водъ, придаетъ волшебный колоритъ всей этой роскошной обстановкѣ.

Кромѣ того, во Флоридѣ много минеральныхъ ключей, изъ которыхъ ни одинъ еще не возведенъ на степень фешэнебельныхъ „водъ", но многіе мѣстные жители испытали цѣлительныя свойства своихъ источниковъ.

По дорогѣ домой, мы посѣтили апельсинную плантацію одного знакомаго американца, который обѣщалъ намъ показать свой пчельникъ. Мы *очень интересовались* этой отраслью промышленности, которая какъ нельзя

болѣе идетъ рука объ руку съ разведеніемъ апельсиновъ. Судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы могли почерпнуть изъ журналовъ и газетъ, дѣло это обѣщаетъ хорошій барышъ и не требуетъ тяжелаго труда, какъ огородничество и проч. Пчельникъ нашего знакомца расположенъ былъ около самой рощи. Въ сосѣдствѣ виднѣлся прелестный гаммокъ, въ которомъ пчелы берутъ медъ круглый годъ. Въ пчельникѣ *до 200 ульевъ*, а заложенъ онъ былъ, 4 года тому назадъ, *съ восемью*. Въ настоящее время, всѣ ульи рамочной системы, причемъ пчелъ избавляютъ даже отъ труда дѣлать соты. Для этого существуетъ сотовая машинка, которою управляетъ мальчикъ лѣтъ 15 и работаетъ соты не только на свой пчельникъ, но и на все сосѣдство. Доходъ съ пчельника по разсчету хозяина: медомъ около 150 фунтовъ и отъ 2 до 3 роевъ съ каждаго улья. Кромѣ того, хозяинъ имѣетъ еще доходъ съ продажи матокъ, которыхъ онъ можетъ получать въ какомъ угодно количествѣ. Пчелы исключительно итальянскія. Болѣзней никакихъ не существуетъ. Хозяинъ объясняетъ это тѣмъ, что пчелы и зимой находятся въ полной силѣ и дѣятельности. Это же обстоятельство даетъ имъ возможность легко бороться съ непріятелями, каковы: жабы, муравьи, моль и разнаго рода птицы.

Пчелы берутъ медъ съ тополя, лавра, апельсина, мирта, орѣха, пальмы и манговаго дерева. Послѣднія два дерева—самыя медоносныя въ свѣтѣ. Медъ отсылается въ герметически закупоренныхъ сосудахъ или бочкахъ на сѣверъ, гдѣ сбытъ его не представляетъ затрудненій. Число пчелинцевъ ежегодно прибываетъ, но хозяинъ не боится конкуренціи; напротивъ, радуется возможности въ непродолжительномъ времени обходиться при продажѣ безъ комисіонеровъ, а вести все дѣло своими людьми. Вообще обманы среди комисіонерской торговли нерѣдки, и южане начали подумывать объ устройствѣ организованной артели съ этою цѣлью. Тогда уполномоченный изъ своихъ будетъ слѣдить за продажей фруктовъ и другихъ произведеній Флориды, и плантаторы не будутъ болѣе рисковать своими доходами.

XIII.

Вотъ уже четвертый разъ встрѣчаемъ мы здѣсь новый годъ. Пора бы освоиться съ американской жизнью и нравами. Къ сожалѣнію, надо признаться, мы не чувствуемъ себя менѣе чуждыми, менѣе одинокими, чѣмъ въ первый годъ. Напротивъ, чѣмъ болѣе досуговъ, тѣмъ болѣе неудовлетворенности и грустнаго сознанія, что въ нашей жизни, и даже въ жизни окружающихъ, не хватаетъ именно того, для чего стоитъ жить и работать. Пока человѣкъ заваленъ по горло работой, ему некогда разсуждать и взвѣшивать свое личное отношеніе къ дѣлу. Но, разъ явились досуги, неизбѣжно являются вопросы: „А дальше что? для кого и для чего мы живемъ?—Дѣлать деньги?“ Но это такъ чуждо русскому интеллигентному

человѣку и такъ несвойственно всѣмъ его вкусамъ и способностямъ, что—онъ и не рискуетъ увлечься въ эту сторону, тѣмъ менѣе—найти въ ней удовлетвореніе. Хорошо еще, если кое-какъ дотянетъ и выростить семью, быть можетъ, болѣе практичныхъ людей, которые со временемъ поведутъ свои дѣла иначе и не станутъ томиться разными непосильными вопросами.

Каждый молодой американецъ прямо со школьной скамьи стремится прежде всего обезпечить себѣ независимый заработокъ, устраиваетъ свой домъ и семью, и затѣмъ дѣлитъ свою жизнь между этимъ семейнымъ очагомъ, полнымъ комфорта и довольства, и кое-какими общественными дѣлами, причемъ также не задается невозможными требованіями, а идетъ за большинствомъ. Онъ гордится своей страной, своимъ домомъ, семьей и друзьями и, если ему въ продолженіе жизни удастся составить богатство, онъ — вполнѣ счастливый человѣкъ. Онъ гордится и собой, видя, какъ его трудами и заботами семья обставлена роскошно и комфортабельно, и подъ старость нерѣдко играетъ роль мецената. Вотъ почему, встрѣчаясь съ американцами, мы находимъ ихъ всегда радушными, увѣренными въ себѣ гордыми собой и всѣмъ окружающимъ. Чѣмъ больше пріѣзжаетъ поселенцевъ, тѣмъ богаче дѣлается страна. Чѣмъ больше удается американцу убѣдить людей въ безпримѣрной выгодѣ его плантацій, тѣмъ выше поднимаются цѣны на окружающія земли и его собственную. Чѣмъ гостепріимнѣе онъ относится къ сосѣдямъ и новымъ пришельцамъ, тѣмъ выше растетъ его доброе имя. Ему выгодно быть такимъ, какъ онъ есть. Это — простая, здоровая почва, на которой растетъ колоссальное богатство Америки; но мы, „интеллигентные“ русскіе, повидимому, не можемъ сжиться съ ней, быть можетъ, потому, что сами-то мы—продуктъ болѣзненный.

Къ тому же, люди, обыкновенно эмигрирующіе изъ Россіи, почти никогда не принадлежатъ къ рабочему сословію и особенно не подготовлены къ подобной перемѣнѣ. Тамъ, гдѣ американецъ идетъ естественнымъ путемъ, отъ низшаго къ высшему, русскому человѣку приходится прямо начать—паденіемъ съ нѣкоторой, впрочемъ, метафизической высоты. Человѣкъ уже пожившій, разочарованный, развившій въ себѣ непомѣрную и безплодную рефлексію, почти всегда „blasé“, — онъ вдругъ попадаетъ въ среду рабочихъ, простыхъ людей, не избалованныхъ ни тонкимъ обществомъ, ни изящнымъ покроемъ платья, ни изумительными обѣдами, ни первоклассными пѣвицами, людей, не знающихъ, что такое изо дня въ день быть физически праздными. Эта рѣзкая перемѣна настолько убиваетъ человѣка, что онъ долгое время не можетъ прійти въ себя, какъ дерево, пересаженное въ чуждыя условія, и надолго теряетъ возможность трезво отнестись къ окружающему. Нельзя отрицать и того, что привычка къ физическому труду вырабатывается поколѣніями и не можетъ свалиться, *какъ снѣгъ на голову*, безъ тяжкой ломки.

Эмигранты любой національности, кромѣ нашей, не испытываютъ такого рѣзкаго перехода. Они эмигрируютъ или юношами, въ страхѣ отбытія воинской повинности, или цѣлыми семьями фермеровъ и ремесленниковъ, для которыхъ переходъ изъ перенаселенной страны, съ низкой заработной платой, въ Америку влечетъ за собою лишь сравнительно небывалую роскошь обстановки. Притомъ каждая нація имѣетъ въ Америкѣ свое общество и пользуется помощью, — словомъ и дѣломъ. Я не говорю объ эмигрантахъ, бѣгущихъ изъ стараго свѣта отъ долговъ и другихъ неудачъ того же рода. Они большею частью остаются въ большихъ городахъ, промышляютъ всевозможными правдами и неправдами, и либо дѣлаются аферистами, не имѣющими ni foi, ni loi, либо попадаютъ въ концѣ концовъ въ толпу трамповъ *).

Русскіе эмигранты, являющіеся въ Америку безъ средствъ, откровенно и съ полной готовностью или идутъ въ рабочіе, или селятся сами на землѣ. Большинство не знаетъ языка и, попадая преимущественно къ нѣмцамъ, часто дѣлаются жертвой разныхъ обмановъ, откуда и пошли многочисленныя сказанія о подлости и продажности американцевъ. Если таковые со временемъ и берутъ землю, то должны начинать съ азбуки во всемъ. За неимѣніемъ средствъ пріобрѣсть нужный инвентарь и обстановку, они долгое время перебиваются изъ кулька въ рогожку, и немудрено понять, почему лишь самый незначительный процентъ выбивается и достигаетъ обезпеченности. О русскихъ эмигрантахъ, пріѣзжающихъ съ деньгами, не могу ничего сказать, ибо таковыхъ мы почти не встрѣчали. Они, повидимому, составляютъ рѣдкое исключеніе изъ общаго правила.

Мужчинъ, довольныхъ своей жизнью, можно встрѣтить весьма рѣдко; женщинъ — никогда. Я, по крайней мѣрѣ, не встрѣтила ни одной. На родинѣ мы столько слышали о самостоятельности американокъ, объ американкахъ-докторахъ, юристахъ, ораторахъ и проч., что невольно привыкли считать эту страну истинной колыбелью женскихъ правъ и привилегій. То, что̀ намъ пришлось встрѣтить во Флоридѣ, діаметрально расходится съ нашими бывшими фикціями. Американка исключительно посвящаетъ свою жизнь домашнему очагу и даже не пытается играть какую бы то ни было роль въ общественной дѣятельности. Жена фермера или ремесленника, который непремѣнно принадлежитъ къ той или другой партіи и вотируетъ ежегодно за ту или другую сторону, живетъ исключительно домашней жизнью, даже рѣдко дѣлаетъ сама свои хозяйственныя закупки, а если и дѣлаетъ, то никогда

*) Tramp—бродяга, человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, живущій на чужой счетъ. Трампы скитаются иногда цѣлыми партіями и, запугивая хозяевъ и фермеровъ, въ особенности женщинъ, заставляютъ себя кормить, а иногда помогать и деньгами. Большинство изъ нихъ —европейскаго происхожденія.

не ведетъ счетовъ съ купцами. Мнѣ разсказывали купцы, что подать счетъ на имя хозяйки показалось бы ей даже оскорбительнымъ. Ея заботы ограничиваются исключительно стряпней и содержаніемъ въ чистотѣ дома. Она никогда не учитъ своихъ дѣтей сама, а посылаетъ ихъ въ школу съ 6—7-лѣтняго возраста. Досуги свои проводитъ или въ обществѣ сосѣдокъ, или дома на верандѣ, за романомъ. Общественныя удовольствія, въ родѣ баловъ и пикниковъ, въ этомъ небогатомъ классѣ общества отличаются чопорностью, томительной скукой и крайней наивностью.

Болѣе интеллигентныя женщины—жены купцовъ, чиновниковъ и докторовъ—устраиваютъ свою жизнь изящнѣе. Пріятно взглянуть на эту милую картину истинно семейной жизни. Американка—прежде всего хозяйка, съ любовью занимающаяся своей кухней и всѣмъ остальнымъ въ домѣ. Пріятно войти въ ея кухню. Все блеститъ чистотой; все остроумно приспособлено для работы съ наименьшей тратой времени; всякая мелочь на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ: пройдите по дому, загляните въ столовую, гостинную, спальни — вы нигдѣ не найдете ни малѣйшаго безпорядка, какъ будто тутъ цѣлый строй хорошо вымуштрованной прислуги. На повѣрку оказывается, что прислуги нѣтъ ни одной. Чего стоитъ, изо дня въ день, трудиться надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, не покладывая рукъ! Наша русская женщина, конечно, можетъ все это сдѣлать не хуже американки, но такая работа изо дня въ день, безъ болтовни „о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ“, дѣлаетъ ее вялой и несчастной. Россійская интеллигентка, „взыскующая невѣдомаго града“ и убѣдившаяся, что, кромѣ этой трудолюбивой жизни, другой здѣсь и не полагается, теряетъ даже охоту жить на бѣломъ свѣтѣ.

Быть можетъ, въ такихъ городахъ, какъ Бостонъ, Вашингтонъ и другихъ, жизнь женщины складывается иначе, но я говорю не объ исключеніяхъ, а объ общемъ типѣ. Мы, русскіе, привыкли соединять съ понятіемъ о женщинѣ—юристѣ, врачѣ, профессорѣ—совершенно иное представленіе. Тамъ же, гдѣ все это дается просто, безъ борьбы и усилій, безъ подбадриванія себя—контингентъ подобныхъ спеціалистокъ набирается изъ обыкновенныхъ добросовѣстныхъ труженицъ, не одержимыхъ никакими особыми претензіями. Чтобы и у насъ, на Руси, отнять у „женскаго труда“ его специфическій характеръ, давнымъ-давно слѣдовало бы открыть ему настежъ двери во всѣхъ доступныхъ сферахъ дѣятельности. Трудись—и дѣлай дѣло, а не фразируй!

Въ мірѣ искусствъ американцы, если судить по той страстной энергіи, съ которой они принимаются за изученіе ихъ, и тому обилію вкуса, который проявляется ими во всѣхъ прикладныхъ искусствахъ, въ недалекомъ будущемъ несомнѣнно дадутъ новую, оригинальную школу, на которую *и европейцы* взглянутъ съ уваженіемъ. Но пока и музыка, и живо-

пись, и драма еще въ младенчествѣ. Въ большихъ центрахъ не жалѣютъ денегъ на приглашеніе „звѣздъ первой величины", но дальше этого идти не могутъ. А въ небольшихъ городахъ концерты, спектакли и выставки художественныхъ произведеній носятъ совершенно случайный характеръ. Любой шарлатанъ можетъ увлечь публику. Пресса рѣдко вдается въ критику и полна хвалебныхъ гимновъ. Европейцу приходится или совсѣмъ отказаться отъ этой стороны жизни, или смотрѣть на нее до крайности снисходительно.

Есть еще одна сторона интеллектуальной жизни, сильно прельщающая всѣхъ, кто читалъ пристрастныя описанія политическихъ митинговъ и политическаго участія каждаго гражданина въ общественныхъ дѣлахъ страны. Но, проживъ четыре года въ Америкѣ и присутствовавъ при всѣхъ стадіяхъ выборной лихорадки, мы имѣли возможность взглянуть на это движеніе гораздо трезвѣе. Какъ отражается политическое движеніе партій на провинціи? Толпа почти всегда относится безсознательно. Газеты наполнены или чудовищной, односторонней, неслыханной даже у насъ руганью, или хвалебными гимнами въ пользу или во вредъ той или другой партіи, что̀ лишаетъ обыкновеннаго смертнаго возможности отнестись къ чему бы то ни было разумно. Все освѣщеніе даннаго политическаго момента исходитъ отъ временно наѣзжающихъ для пропаганды профессіональныхъ политикановъ (politicians) или наемныхъ ораторовъ, опытныхъ въ элоквенціи. Вотъ представители политическихъ партій въ провинціи. Многочисленныя внѣшнія выраженія симпатіи или вражды къ той или другой партіи, въ видѣ колоссальныхъ знаменъ, чудовищнаго роста портретовъ, карикатуръ и фотографій, расклеенныхъ повсюду—въ каждой купленной вами шляпѣ, фунтѣ макаронъ, бутылкѣ лѣкарства—ничто иное, какъ дѣтская забава, въ которой не всякій человѣкъ найдетъ достаточный поводъ къ увлеченію и участію. Тѣмъ болѣе, не найдетъ его тотъ, кто имѣетъ о политикѣ фантастическія представленія и является совершеннымъ чужакомъ посреди реальныхъ интересовъ окружающаго.

А. П.

ЖИЗНЬ ДЛЯ ДРУГИХЪ.

Романъ П. Гейзе.

Въ іюнѣ 1864-го года мнѣ привелось быть въ самомъ центрѣ Бранденбурга, гдѣ жилъ одинъ изъ моихъ старыхъ друзей, который взялъ съ меня слово навѣстить его. До маленькаго городка №*** меня доставила желѣзная дорога, а отсюда надо было проѣхать двѣ-три мили въ наемномъ экипажѣ:—помѣстье, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ хозяйничалъ мой пріятель, не могло похвастаться частымъ почтовымъ сообщеніемъ съ городомъ.

Въ виду этого, пріѣхавъ въ N***, я обратился къ хозяину гостинницы „Кронпринцъ" съ просьбою дать мнѣ экипажъ (онъ держалъ, между прочимъ, почтовыхъ лошадей); а какъ было всего лишь три часа пополудни, и ѣзда подъ жгучими лучами лѣтняго солнца не могла доставить особаго удовольствія, то я просилъ не спѣшить сборами, намѣреваясь до отъѣзда осмотрѣть городъ и его окрестности.—Мѣстечко это не имѣло никакихъ достопримѣчательностей, замѣтилъ мой хозяинъ, который попалъ въ провинцію уже въ лѣтахъ, выросши въ большомъ городѣ, и относился къ настоящему своему мѣсту жительства съ нескрываемымъ презрѣніемъ.—Правда, мѣстоположеніе города недурно, а озеро считается однимъ изъ самыхъ большихъ во всемъ Бранденбургѣ и очень богато рыбою. Если я пойду вотъ въ этомъ направленіи (онъ указалъ рукой на квадратный рынокъ, около котораго лежала гостинница), не сворачивая ни направо, ни налѣво, то мнѣ надо будетъ только оставить за собою валъ, чтобы увидѣть его воды.

Для странника, не обладающаго такимъ глубокимъ знаніемъ мѣстной исторіи, какъ напр., другъ мой Теодоръ Фонтане, и перенесеннаго вдругъ изъ столицы въ глухую провинцію, всѣ эти маленькіе городки кажутся крайне похожими одинъ на другой. Смотря на чистенькіе, большею частью одноэтажные домики, на *бугристую* мостовую, содержимую однако въ такой чистотѣ,

какъ полъ въ комнатѣ старой дѣвы; проходя по тихимъ площадямъ, обсаженнымъ акаціями или старыми липами, на которыхъ кружатся и чирикаютъ только шумныя стаи воробьевъ,—чувствуешь, какъ въ груди поднимается невольное сомнѣніе, дѣйствительно ли здѣсь живутъ настоящіе люди, принимающіе участіе въ современной общественной жизни, и не заблудился ли ты въ искусно сдѣланной гигантской игрушкѣ, лишь ненадолго разставленной здѣсь, которую скоро разберутъ и уложатъ въ ящикъ....

Въ данномъ случаѣ, такое впечатлѣніе сказочнаго очарованія еще усиливалось полнымъ отсутствіемъ вѣтра, державшимъ взаперти, дома, всѣхъ жителей мѣстечка. Изрѣдка, правда, я могъ разсмотрѣть черезъ окно, между горшками гераней и кактусовъ, голову старухи или бѣлокурой молодой дѣвушки; но онѣ не слѣдили за пріѣзжими любопытнымъ взоромъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ провинціальныхъ городкахъ; какая-то тихая грусть читалась въ ихъ лицахъ. Нѣсколько человѣкъ, встрѣтившихся мнѣ на улицахъ, тоже казались печальными:—можно было подумать, что здѣсь разразилось какое нибудь большое общественное бѣдствіе, такъ что даже самые индиферентные люди не въ силахъ были сохранить свое старое веселое расположеніе духа.

Понятно, что и я шелъ впередъ не особенно весело, подъ вліяніемъ этой духоты и тишины; но тяжелое чувство разсѣялось, какъ только я взошелъ на невысокій валъ, начинавшійся отъ городскихъ воротъ. Четыре ряда густыхъ деревьевъ, очевидно, чрезвычайно старыхъ, окружали маленькій городокъ широкимъ кольцомъ тѣни; между ними было нѣсколько великановъ—кленовъ и дикихъ каштановъ, высоко къ небу простиравшихъ свои гигантскія вершины. Въ листвѣ раздавался цѣлый концертъ птичьихъ голосовъ, а внизу, со смѣхомъ и шумомъ, возились маленькія дѣти, впервыя увидавшія свѣтъ въ безмолвныхъ домикахъ по ту сторону вала. На скамейкахъ сидѣли съ вязаньемъ въ рукахъ ихъ матери, болтая другъ съ другомъ; на ихъ лицахъ, казалось мнѣ, я подмѣтилъ ту же черточку грусти, которая поразила меня при видѣ другихъ городскихъ жителей.

Я съ удовольствіемъ провелъ бы здѣсь время, въ тѣни, среди рѣзвыхъ дѣтей. Но надо было прежде всего исполнить долгъ туриста—разъискать озеро, которому самъ хозяинъ гостинницы отдавалъ должную честь. Въ концѣ длинной тополевой аллеи, шедшей отъ городскихъ воротъ по плоской равнинѣ, блеснули на солнцѣ тихія воды, и я ускорилъ шаги, чтобы какъ можно скорѣе вернуться обратно, подъ прохладную зеленую кровлю.

Однако разстилавшаяся впереди картина была полна неопи-

санной прелести. Среди роскошныхъ зеленѣющихъ луговъ и нѣсколькихъ полей, покрытыхъ молодыми хлѣбными всходами болѣе свѣтлаго оттѣнка, лежалъ чистый, прозрачный бассейнъ полулунной формы, окружностью въ добрый часъ ходьбы. Берега густо заросли камышемъ, и его бурые султаны тихо покачивались изъ стороны въ сторону при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, какъ будто движимые своею собственною тяжестью. А на противоположномъ берегу, который слегка поднимался вверхъ, темнѣлъ сосновый лѣсокъ; красноватые стволы деревъ отражались въ прозрачной водѣ; надъ вершинами кружились стаи воронъ и галокъ, отъ времени до времени нарушая своимъ рѣзкимъ крикомъ окружающую тишину.

Тополевая аллея вела прямо къ маленькой гавани, гдѣ стояло съ полдюжины пестро размалеванныхъ лодокъ; всѣ эти лодки были на половину вытащены на песокъ, привязать же ихъ не считали нужнымъ; очевидно, никому и въ голову не приходило, чтобы онѣ могли какъ нибудь сами отплыть отъ берега. Невдалекѣ отсюда меня поразилъ видъ парохода, по наружности и размѣрамъ похожаго на тѣ береговыя суда, которыя такъ часто можно встрѣтить въ гаваняхъ Нѣмецкаго моря. Удивительный контрастъ представляли его косая труба, поломанный брустверъ палубы—и зеленыя гирлянды изъ сосновыхъ вѣтвей, во множествѣ украшавшія все судно. Но напрасно искалъ я вокругъ человѣка, который разсказалъ бы мнѣ, какъ могъ попасть этотъ пароходъ, видѣвшій лучшіе дни, внутрь страны, въ тихое маленькое озерко, и зачѣмъ такъ разукрашенъ онъ, точно сконфуженный старецъ въ день своего юбилея?

Не спуская взоровъ съ лѣса, медленно шелъ я по тропинкѣ, вдоль берега озера, уже не обращая вниманія на раскаленное солнце: отъ воды вѣяло нѣжной прохладой. Не прошелъ я и сотни шаговъ, какъ вдругъ изъ-за высокихъ липъ показалось нѣсколько уединенныхъ строеній; одно изъ нихъ—длинное и узкое, съ остроконечною крышею, безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній—походило скорѣе на какой нибудь амбаръ, чѣмъ на жилой домъ; однако маленькія бѣлыя занавѣски на окнахъ и цвѣточныя клумбы, разбитыя за рѣшеткой, показывали, что здѣсь живутъ люди. Съ задняго фасада къ нему примыкала пара низенькихъ хижинъ, а длинный боковой фронтъ былъ обращенъ къ озеру. Съ этой стороны его отчасти закрывала маленькая церковка или часовенка, такой же невидной архитектуры и такая *низенькая*, что всадникъ, сидя въ сѣдлѣ, могъ бы спокойно загля*нуть въ миньятюрныя* окошечки ея, прилѣпившіяся подъ совсѣмъ

истлѣвшею крышею. Тѣмъ не менѣе, бѣдная часовня, съ ея четырьмя готическими окнами и крошечной колокольней, имѣла веселый, живописный видъ: старый плющъ вскарабкался на верхъ по узкой задней стѣнѣ; онъ обвилъ своими роскошными вѣтвями карнизы, раскинувшись по всей крышѣ, и набросилъ на плечи убогаго зданія плотный плащъ, чтобы скрыть его наготу.

И здѣсь все было пусто и тихо. Но вотъ отъ озера побѣжалъ домой маленькій крестьянскій мальчикъ, и мнѣ удалось узнать черезъ него, что длинный домъ—это богадѣльня, къ которой принадлежитъ и часовня, гдѣ уже не отправляется служба; что небольшое кладбище, покосившіеся кресты котораго едва виднѣлись въ тѣни липъ, служитъ также только для похоронъ призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ старухъ. Когда я спросилъ, нельзя ли мнѣ пройти въ часовню, дитя вытаращило на меня удивленные глазки, покачало своей бѣлобрысой головкой и такъ быстро бросилось бѣжать босыми ножками, какъ будто подъ нимъ горѣла земля. Медленно обошелъ я вокругъ часовни и приблизился къ дому. Тутъ, въ саду, передъ открытымъ окномъ, на маленькой скамейкѣ стоялъ высокій человѣкъ въ черномъ костюмѣ и, не двигаясь, смотрѣлъ во внутренность комнаты. Какъ мнѣ показалось, это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, съ гладко причесанными каштановыми волосами, слегка закрывавшими высокій лобъ. Характерный, благородный профиль лица рѣзко выдѣлялся на бѣлой штукатуркѣ стѣны; солнце жгло ему прямо въ затылокъ, но онъ не обращалъ на это вниманія и продолжалъ по прежнему стоять, держа передъ собою шляпу обѣими руками, и даже не обернулся, когда я проходилъ мимо, точно звукъ моихъ шаговъ не достигалъ его ушей. Фракъ на немъ былъ уже устарѣвшаго фасона; тѣмъ не менѣе, въ общемъ, незнакомецъ не производилъ впечатлѣнія провинціальнаго жителя. Я съ удовольствіемъ заговорилъ бы съ нимъ, еслибы не предполагалъ, что онъ прислушивается къ какимъ-то словамъ, которыя раздаются извнутри дома, хоть я ихъ и не слышалъ. Поэтому я осторожно прошелъ мимо и очутился передъ переднимъ фасадомъ дома. Здѣсь, у открытой двери, сидѣла на лѣстницѣ древняя старушка, сгорбившись такъ, что ея большой, черный креповый чепчикъ бросалъ тѣнь на старую книжку, которую она держала на колѣняхъ. На развернутой страницѣ лежали большія роговыя очки, а острый носъ старушки странно покачивался, точно она хотѣла клюнуть что-то. Однако она не спала, и по временамъ вздыхала такъ тяжко, что бантъ отъ чепчика дрожалъ подъ ея увядшимъ подбородкомъ; иногда она хваталась желтой,

ропа, въ этомъ отношеніи, стоитъ на высотѣ требованій вѣка. Остановка—за нами.

За границей уже перестали требовать паспорты отъ иностранцевъ вообще и русскихъ подданныхъ—въ частности. Нужда въ нихъ является только тогда, когда приходится удостовѣрить свою личность предъ властями и учрежденіями для цѣлей гражданскихъ, уголовныхъ и другихъ. Но и въ этомъ случаѣ заграничныя учрежденія принимаютъ всякіе документы и доказательства удостовѣренія личности наравнѣ съ паспортами. Въ гостинницахъ, въ послѣднее время, вовсе перестали требовать паспорты, а довольствуются тѣмъ, что предлагаютъ пріѣзжему вписать свое имя, званіе и цѣль пріѣзда въ особую книгу „Fremdenbuch". Въ Швейцаріи и Англіи и того не требуютъ, а ограничиваются данною путешественникомъ визитной карточкой. При этомъ безразлично, какъ вы себя ни назовете—настоящимъ или вымышленнымъ именемъ. Васъ будутъ не называть, васъ не станутъ безпокоить, пока вы не совершите какого либо преступленія или проступка. Вниманіе органовъ полиціи здѣсь сосредоточивается не на кличкѣ, а на поведеніи лица, на его дѣйствіяхъ. И справедливо, и цѣлесообразно!

Одинъ изъ русскихъ публицистовъ, побывавшій за границей, краснорѣчиво рисуетъ слѣдующую любопытную картину своего возвращенія черезъ нашу границу,—картину, которая сразу указываетъ, гдѣ кончается Европа и начинается наше отечество.

„Утомленный продолжительной ѣздою, убаюканный однообразной качкой вагона, я впалъ въ какое-то полудремотное забытье, когда человѣкъ по неволѣ предается мечтаніямъ, когда нѣтъ отбою отъ нахлынувшихъ грезъ, когда окончательно подпадаешь подъ власть всесильной фантазіи, набрасывающей розовый флеръ, златотканное покрывало на безмысленную сутолоку суровой, прозаической житейской дѣйствительности. Чудные образы возрожденія проходятъ вереницами предъ очарованнымъ взоромъ; долго лелѣянные идеалы принимаютъ такую рельефную форму, что, кажется, вотъ-вотъ...

„—Пожалуйте паспортъ! Паспортъ пожалуйте, паспортъ! раздается надъ моимъ ухомъ.

„Я въ недоумѣніи открываю глаза. Предо мною стоитъ дюжій жандармъ, съ пачкой паспортныхъ книжекъ въ рукѣ.

„—Какъ? Ужь пріѣхали?

„—Пріѣхали. Пожалуйте паспортъ!

„Я отыскалъ *дорогой символъ принадлежности къ русскому народу...*"

Дѣйствительно, символъ принадлежности къ *русскому* народу! Безъ него русскій человѣкъ какъ бы перестаетъ даже быть русскимъ, въ томъ *смыслѣ, что* лишается добраго имени, свободы и довѣрія правительства,

болѣе идетъ рука объ руку съ разведеніемъ апельсиновъ. Судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы могли почерпнуть изъ журналовъ и газетъ, дѣло это обѣщаетъ хорошій барышъ и не требуетъ тяжелаго труда, какъ огородничество и проч. Пчельникъ нашего знакомца расположенъ былъ около самой рощи. Въ сосѣдствѣ виднѣлся прелестный гаммокъ, въ которомъ пчелы берутъ медъ круглый годъ. Въ пчельникѣ *до 200 ульевъ*, а заложенъ онъ былъ, 4 года тому назадъ, *съ восемью*. Въ настоящее время, всѣ ульи рамочной системы, причемъ пчелъ избавляютъ даже отъ труда дѣлать соты. Для этого существуетъ сотовая машинка, которою управляетъ мальчикъ лѣтъ 15 и работаетъ соты не только на свой пчельникъ, но и на все сосѣдство. Доходъ съ пчельника по разсчету хозяина: медомъ около 150 фунтовъ и отъ 2 до 3 роевъ съ каждаго улья. Кромѣ того, хозяинъ имѣетъ еще доходъ съ продажи матокъ, которыхъ онъ можетъ получать въ какомъ угодно количествѣ. Пчелы исключительно итальянскія. Болѣзней никакихъ не существуетъ. Хозяинъ объясняетъ это тѣмъ, что пчелы и зимой находятся въ полной силѣ и дѣятельности. Это же обстоятельство даетъ имъ возможность легко бороться съ непріятелями, каковы: жабы, муравьи, моль и разнаго рода птицы.

Пчелы берутъ медъ съ тополя, лавра, апельсина, мирта, орѣха, пальмы и манговаго дерева. Послѣднія два дерева—самыя медоносныя въ свѣтѣ. Медъ отсылается въ герметически закупоренныхъ сосудахъ или бочкахъ на сѣверъ, гдѣ сбытъ его не представляетъ затрудненій. Число пчелинцевъ ежегодно прибываетъ, но хозяинъ не боится конкуренціи; напротивъ, радуется возможности въ непродолжительномъ времени обходиться при продажѣ безъ комисіонеровъ, а вести все дѣло своими людьми. Вообще обманы среди комисіонерской торговли нерѣдки, и южане начали подумывать объ устройствѣ организованной артели съ этою цѣлью. Тогда уполномоченный изъ своихъ будетъ слѣдить за продажей фруктовъ и другихъ произведеній Флориды, и плантаторы не будутъ болѣе рисковать своими доходами.

XIII.

Вотъ уже четвертый разъ встрѣчаемъ мы здѣсь новый годъ. Пора бы освоиться съ американской жизнью и нравами. Къ сожалѣнію, надо признаться, мы не чувствуемъ себя менѣе чуждыми, менѣе одинокими, чѣмъ въ первый годъ. Напротивъ, чѣмъ болѣе досуговъ, тѣмъ болѣе неудовлетворенности и грустнаго сознанія, что въ нашей жизни, и даже въ жизни окружающихъ, не хватаетъ именно того, для чего стоитъ жить и работать. Пока человѣкъ заваленъ по горло работой, ему некогда разсуждать и взвѣшивать свое личное отношеніе къ дѣлу. Но, разъ явились досуги, неизбѣжно являются вопросы: „А дальше что? для кого и для чего мы живемъ?—Дѣлать деньги?“ Но это такъ чуждо русскому интеллигентному

человѣку и такъ несвойственно всѣмъ его вкусамъ и способностямъ, что онъ и не рискуетъ увлечься въ эту сторону, тѣмъ менѣе—найти въ ней удовлетвореніе. Хорошо еще, если кое-какъ дотянетъ и выростить семью, быть можетъ, болѣе практичныхъ людей, которые со временемъ поведутъ свои дѣла иначе и не станутъ томиться разными непосильными вопросами.

Каждый молодой американецъ прямо со школьной скамьи стремится прежде всего обезпечить себѣ независимый заработокъ, устраиваетъ свой домъ и семью, и затѣмъ дѣлитъ свою жизнь между этимъ семейнымъ очагомъ, полнымъ комфорта и довольства, и кое-какими общественными дѣлами, причемъ также не задается невозможными требованіями, а идетъ за большинствомъ. Онъ гордится своей страной, своимъ домомъ, семьей и друзьями и, если ему въ продолженіе жизни удастся составить богатство, онъ — вполнѣ счастливый человѣкъ. Онъ гордится и собой, видя, какъ его трудами и заботами семья обставлена роскошно и комфортабельно, и подъ старость нерѣдко играетъ роль мецената. Вотъ почему, встрѣчаясь съ американцами, мы находимъ ихъ всегда радушными, увѣренными въ себѣ гордыми собой и всѣмъ окружающимъ. Чѣмъ больше пріѣзжаетъ поселенцевъ, тѣмъ богаче дѣлается страна. Чѣмъ больше удается американцу убѣдить людей въ безпримѣрной выгодѣ его плантацій, тѣмъ выше поднимаются цѣны на окружающія земли и его собственную. Чѣмъ гостепріимнѣе онъ относится къ сосѣдямъ и новымъ пришельцамъ, тѣмъ выше растетъ его доброе имя. Ему выгодно быть такимъ, какъ онъ есть. Это — простая, здоровая почва, на которой растетъ колоссальное богатство Америки; но мы, „интеллигентные“ русскіе, повидимому, не можемъ сжиться съ ней, быть можетъ, потому, что сами-то мы—продуктъ болѣзненный.

Къ тому же, люди, обыкновенно эмигрирующіе изъ Россіи, почти никогда не принадлежатъ къ рабочему сословію и особенно не подготовлены къ подобной перемѣнѣ. Тамъ, гдѣ американецъ идетъ естественнымъ путемъ, отъ низшаго къ высшему, русскому человѣку приходится прямо начать—паденіемъ съ нѣкоторой, впрочемъ, метафизической высоты. Человѣкъ уже пожившій, разочарованный, развившій въ себѣ непомѣрную и безплодную рефлексію, почти всегда „blasé“, — онъ вдругъ попадаетъ въ среду рабочихъ, простыхъ людей, не избалованныхъ ни тонкимъ обществомъ, ни изящнымъ покроемъ платья, ни изумительными обѣдами, ни первоклассными пѣвицами, людей, не знающихъ, что такое изо дня въ день быть физически праздными. Эта рѣзкая перемѣна настолько убиваетъ человѣка, что онъ долгое время не можетъ прійти въ себя, какъ дерево, пересаженное въ чуждыя условія, и надолго теряетъ возможность трезво отнестись къ окружающему. Нельзя отрицать и того, что привычка къ физическому труду вырабатывается поколѣніями и не можетъ свалиться, *какъ снѣгъ на голову*, безъ тяжкой ломки.

Эмигранты любой національности, кромѣ нашей, не испытываютъ такого рѣзкаго перехода. Они эмигрируютъ или юношами, въ стрaхѣ отбытія воинской повинности, или цѣлыми семьями фермеровъ и ремесленниковъ, для которыхъ переходъ изъ перенаселенной страны, съ низкой заработной платой, въ Америку влечетъ за собою лишь сравнительно небывалую роскошь обстановки. Притомъ каждая нація имѣетъ въ Америкѣ свое общество и пользуется помощью, — словомъ и дѣломъ. Я не говорю объ эмигрантахъ, бѣгущихъ изъ стараго свѣта отъ долговъ и другихъ неудачъ того же рода. Они большею частью остаются въ большихъ городахъ, промышляютъ всевозможными правдами и неправдами, и либо дѣлаются аферистами, не имѣющими ni foi, ni loi, либо попадаютъ въ концѣ концовъ въ толпу трамповъ *).

Русскіе эмигранты, являющіеся въ Америку безъ средствъ, откровенно и съ полной готовностью или идутъ въ рабочіе, или селятся сами на землѣ. Большинство не знаетъ языка и, попадая преимущественно къ нѣмцамъ, часто дѣлаются жертвой разныхъ обмановъ, откуда и пошли многочисленныя сказанія о подлости и продажности американцевъ. Если таковые со временемъ и берутъ землю, то должны начинать съ азбуки во всемъ. За неимѣніемъ средствъ пріобрѣсть нужный инвентарь и обстановку, они долгое время перебиваются изъ кулька въ рогожку, и немудрено понять, почему лишь самый незначительный процентъ выбивается и достигаетъ обезпеченности. О русскихъ эмигрантахъ, пріѣзжающихъ съ деньгами, не могу ничего сказать, ибо таковыхъ мы почти не встрѣчали. Они, повидимому, составляютъ рѣдкое исключеніе изъ общаго правила.

Мужчинъ, довольныхъ своей жизнью, можно встрѣтить весьма рѣдко; женщинъ — никогда. Я, по крайней мѣрѣ, не встрѣтила ни одной. На родинѣ мы столько слышали о самостоятельности американокъ, объ американкахъ-докторахъ, юристахъ, ораторахъ и проч., что невольно привыкли считать эту страну истинной колыбелью женскихъ правъ и привилегій. То, что̀ намъ пришлось встрѣтить во Флоридѣ, діаметрально расходится съ нашими бывшими фикціями. Американка исключительно посвящаетъ свою жизнь домашнему очагу и даже не пытается играть какую бы то ни было роль въ общественной дѣятельности. Жена фермера или ремесленника, который непремѣнно принадлежитъ къ той или другой партіи и вотируетъ ежегодно за ту или другую сторону, живетъ исключительно домашней жизнью, даже рѣдко дѣлаетъ сама свои хозяйственныя закупки, а если и дѣлаетъ, то никогда

*) Tramp—бродяга, человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, живущій на чужой счетъ. Трампы скитаются иногда цѣлыми партіями и, запугивая хозяевъ и фермеровъ, въ особенности женщинъ, заставляютъ себя кормить, а иногда помогать и деньгами. Большинство изъ нихъ—европейскаго происхожденія.

не ведетъ счетовъ съ купцами. Мнѣ разсказывали купцы, что подать счетъ на имя хозяйки показалось бы ей даже оскорбительнымъ. Ея заботы ограничиваются исключительно стряпней и содержаніемъ въ чистотѣ дома. Она никогда не учитъ своихъ дѣтей сама, а посылаетъ ихъ въ школу съ 6—7-лѣтняго возраста. Досуги свои проводитъ или въ обществѣ сосѣдокъ, или дома на верандѣ, за романомъ. Общественныя удовольствія, въ родѣ баловъ и пикниковъ, въ этомъ небогатомъ классѣ общества отличаются чопорностью, томительной скукой и крайней наивностью.

Болѣе интеллигентныя женщины—жены купцовъ, чиновниковъ и докторовъ—устраиваютъ свою жизнь изящнѣе. Пріятно взглянуть на эту милую картину истинно семейной жизни. Американка—прежде всего хозяйка, съ любовью занимающаяся своей кухней и всѣмъ остальнымъ въ домѣ. Пріятно войти въ ея кухню. Все блеститъ чистотой; все остроумно приспособлено для работы съ наименьшей тратой времени; всякая мелочь на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ: пройдите по дому, загляните въ столовую, гостинную, спальни — вы нигдѣ не найдете ни малѣйшаго безпорядка, какъ будто тутъ цѣлый строй хорошо вымуштрованной прислуги. На повѣрку оказывается, что прислуги нѣтъ ни одной. Чего стоитъ, изо дня въ день, трудиться надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, не покладывая рукъ! Наша русская женщина, конечно, можетъ все это сдѣлать не хуже американки, но такая работа изо дня въ день, безъ болтовни „о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ“, дѣлаетъ ее вялой и несчастной. Россійская интеллигентка, „взыскующая невѣдомаго града“ и убѣдившаяся, что, кромѣ этой трудолюбивой жизни, другой здѣсь и не полагается, теряетъ даже охоту жить на бѣломъ свѣтѣ.

Быть можетъ, въ такихъ городахъ, какъ Бостонъ, Вашингтонъ и другихъ, жизнь женщины складывается иначе, но я говорю не объ исключеніяхъ, а объ общемъ типѣ. Мы, русскіе, привыкли соединять съ понятіемъ о женщинѣ—юристѣ, врачѣ, профессорѣ—совершенно иное представленіе. Тамъ же, гдѣ все это дается просто, безъ борьбы и усилій, безъ подбадриванія себя—контингентъ подобныхъ спеціалистокъ набирается изъ обыкновенныхъ добросовѣстныхъ труженицъ, не одержимыхъ никакими особыми претензіями. Чтобы и у насъ, на Руси, отнять у „женскаго труда“ его специфическій характеръ, давнымъ-давно слѣдовало бы открыть ему настежъ двери во всѣхъ доступныхъ сферахъ дѣятельности. Трудись—и дѣлай дѣло, а не фразируй!

Въ мірѣ искусствъ американцы, если судить по той страстной энергіи, съ которой они принимаются за изученіе ихъ, и тому обилію вкуса, который проявляется ими во всѣхъ прикладныхъ искусствахъ, въ недалекомъ будущемъ несомнѣнно дадутъ новую, оригинальную школу, на которую *и европейцы* взглянутъ съ уваженіемъ. Но пока и музыка, и живо-

этомъ дѣлѣ. Недостаточно понять жизнь и развитіе самаго дерева, необходимо еще основательно изучить всѣ сорты почвы, всѣ климатическія явленія и знать всѣхъ враговъ апельсиннаго дерева. Да, это цѣлая наука!

Наконецъ мы миновали обработанныя земли и рощи, и дорога снова потянулась по сосновому бору. На первый взглядъ неопытнаго человѣка, всѣ сосновые лѣса однообразны. Но, поживъ 2—3 года во Флоридѣ, человѣкъ научается тонко различать мѣстность. Боръ, по которому мы ѣхали, не похожъ на мѣстность вокругъ нашего поселенія, хотя растительность, повидимому, та же самая: сосна, дубъ разныхъ сортовъ, персимонъ и проч. Здѣсь попадались чрезвычайно тощія мѣста, покрытыя рѣдкими соснами и кустами по голому песку. Казалось очевиднымъ, что мѣстности этой не предстоитъ войти въ районъ апельсинныхъ земель, не смотря на высокое мѣстоположеніе.

— Вы вполнѣ справедливы въ своемъ заключеніи, согласился американецъ:—эта земля, по моему мнѣнію, никуда не годна, но судьба распорядилась по своему, и мѣстность эта имѣетъ будущее, созданное искусственно энергіей и богатствомъ ея владѣльца. Вся эта громадная окружность въ нѣсколько тысячъ акровъ, а также вся земля города Сапфорда принадлежитъ генералу С. Онъ неустанно заботится о процвѣтаніи своихъ владѣній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ выписалъ около сотни семействъ шведовъ, заплатилъ ихъ дорожные расходы, надѣлилъ землей и за все это обязалъ обработать его собственный гровъ, засаженный на ста акрахъ. Это самый большой гровъ во всемъ сосѣдствѣ, хотя онъ еще молодъ и только небольшая его часть плодоносна. Шведы—прекрасные работники, и въ настоящее время ихъ поселеніе представляетъ богатую колонію со своей собственной церковью, школой, докторомъ и другими удобствами. Каждая семья владѣетъ собственной рощей. Къ нимъ присоединилось много земляковъ, и всѣ они живутъ припѣваючи.

Вскорѣ мы поравнялись съ рощей генерала С. Она представляла уже сплошную массу зелени, изъ-за которой не видать было построекъ.

— Эта роща замѣчательна еще и тѣмъ, продолжалъ американецъ,— что въ ней постоянно производятся разные опыты. Изъ Европы, Вестъ-Индіи и разныхъ другихъ мѣстъ привозятся различныя деревья и растенія и разводятся здѣсь подъ руководствомъ опытнаго садовника. Здѣсь вы найдете всѣ многочисленные сорты апельсиновъ и лимоновъ, миндальныя, оливковыя, чайныя и кофейныя деревья и всевозможные виды ананасовъ. Здѣсь же устроенъ опытный огородъ, гдѣ вырабатываются наилучшіе способы разведенія разныхъ овощей и ягодъ. Да! Сэтлеры могутъ сказать спасибо владѣльцу и многому научиться, не платясь собственными неудачами.

Мы готовы были превозносить до небесъ энергію, предпріимчивость

ЖИЗНЬ ДЛЯ ДРУГИХЪ.

Романъ П. Гейзе.

Въ іюнѣ 1864-го года мнѣ привелось быть въ самомъ центрѣ Бранденбурга, гдѣ жилъ одинъ изъ моихъ старыхъ друзей, который взялъ съ меня слово навѣстить его. До маленькаго городка №*** меня доставила желѣзная дорога, а отсюда надо было проѣхать двѣ-три мили въ наемномъ экипажѣ:—помѣстье, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ хозяйничалъ мой пріятель, не могло похвастаться частымъ почтовымъ сообщеніемъ съ городомъ.

Въ виду этого, пріѣхавъ въ N***, я обратился къ хозяину гостинницы „Кронпринцъ" съ просьбою дать мнѣ экипажъ (онъ держалъ, между прочимъ, почтовыхъ лошадей); а какъ было всего лишь три часа пополудни, и ѣзда подъ жгучими лучами лѣтняго солнца не могла доставить особаго удовольствія, то я просилъ не спѣшить сборами, намѣреваясь до отъѣзда осмотрѣть городъ и его окрестности.—Мѣстечко это не имѣло никакихъ достопримѣчательностей, замѣтилъ мой хозяинъ, который попалъ въ провинцію уже въ лѣтахъ, выросши въ большомъ городѣ, и относился къ настоящему своему мѣсту жительства съ нескрываемымъ презрѣніемъ.—Правда, мѣстоположеніе города недурно, а озеро считается однимъ изъ самыхъ большихъ во всемъ Бранденбургѣ и очень богато рыбою. Если я пойду вотъ въ этомъ направленіи (онъ указалъ рукой на квадратный рынокъ, около котораго лежала гостинница), не сворачивая ни направо, ни налѣво, то мнѣ надо будетъ только оставить за собою валъ, чтобы увидѣть его воды.

Для странника, не обладающаго такимъ глубокимъ знаніемъ мѣстной исторіи, какъ напр., другъ мой Теодоръ Фонтане, и перенесеннаго вдругъ изъ столицы въ глухую провинцію, всѣ эти маленькіе городки кажутся крайне похожими одинъ на другой. *Смотря* на чистенькіе, большею частью одноэтажные домики, на *бугристую* мостовую, содержимую однако въ такой чистотѣ,

какъ полъ въ комнатѣ старой дѣвы; проходя по тихимъ площадямъ, обсаженнымъ акаціями или старыми липами, на которыхъ кружатся и чирикаютъ только шумныя стаи воробьевъ,—чувствуешь, какъ въ груди поднимается невольное сомнѣніе, дѣйствительно ли здѣсь живутъ настоящіе люди, принимающіе участіе въ современной общественной жизни, и не заблудился ли ты въ искусно сдѣланной гигантской игрушкѣ, лишь ненадолго разставленной здѣсь, которую скоро разберутъ и уложатъ въ ящикъ...

Въ данномъ случаѣ, такое впечатлѣніе сказочнаго очарованія еще усиливалось полнымъ отсутствіемъ вѣтра, державшимъ взаперти, дома, всѣхъ жителей мѣстечка. Изрѣдка, правда, я могъ разсмотрѣть черезъ окно, между горшками гераней и кактусовъ, голову старухи или бѣлокурой молодой дѣвушки; но онѣ не слѣдили за пріѣзжими любопытнымъ взоромъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ провинціальныхъ городкахъ; какая-то тихая грусть читалась въ ихъ лицахъ. Нѣсколько человѣкъ, встрѣтившихся мнѣ на улицахъ, тоже казались печальными:—можно было подумать, что здѣсь разразилось какое нибудь большое общественное бѣдствіе, такъ что даже самые индиферентные люди не въ силахъ были сохранить свое старое веселое расположеніе духа.

Понятно, что и я шелъ впередъ не особенно весело, подъ вліяніемъ этой духоты и тишины; но тяжелое чувство разсѣялось, какъ только я взошелъ на невысокій валъ, начинавшійся отъ городскихъ воротъ. Четыре ряда густыхъ деревьевъ, очевидно, чрезвычайно старыхъ, окружали маленькій городокъ широкимъ кольцомъ тѣни; между ними было нѣсколько великановъ—кленовъ и дикихъ каштановъ, высоко къ небу простиравшихъ свои гигантскія вершины. Въ листвѣ раздавался цѣлый концертъ птичьихъ голосовъ, а внизу, со смѣхомъ и шумомъ, возились маленькія дѣти, впервыя увидавшія свѣтъ въ безмолвныхъ домикахъ по ту сторону вала. На скамейкахъ сидѣли съ вязаньемъ въ рукахъ ихъ матери, болтая другъ съ другомъ; на ихъ лицахъ, казалось мнѣ, я подмѣтилъ ту же черточку грусти, которая поразила меня при видѣ другихъ городскихъ жителей.

Я съ удовольствіемъ провелъ бы здѣсь время, въ тѣни, среди рѣзвыхъ дѣтей. Но надо было прежде всего исполнить долгъ туриста—разъискать озеро, которому самъ хозяинъ гостинницы отдавалъ должную честь. Въ концѣ длинной тополевой аллеи, шедшей отъ городскихъ воротъ по плоской равнинѣ, блеснули на солнцѣ тихія воды, и я ускорилъ шаги, чтобы какъ можно скорѣе вернуться обратно, подъ прохладную зеленую кровлю.

Однако разстилавшаяся впереди картина была полна неопи-

санной прелести. Среди роскошныхъ зеленѣющихъ луговъ и нѣсколькихъ полей, покрытыхъ молодыми хлѣбными всходами болѣе свѣтлаго оттѣнка, лежалъ чистый, прозрачный бассейнъ полулунной формы, окружностью въ добрый часъ ходьбы. Берега густо заросли камышемъ, и его бурые султаны тихо покачивались изъ стороны въ сторону при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, какъ будто движимые своею собственною тяжестью. А на противоположномъ берегу, который слегка поднимался вверхъ, темнѣлъ сосновый лѣсокъ; красноватые стволы деревъ отражались въ прозрачной водѣ; надъ вершинами кружились стаи воронъ и галокъ, отъ времени до времени нарушая своимъ рѣзкимъ крикомъ окружающую тишину.

Тополевая аллея вела прямо къ маленькой гавани, гдѣ стояло съ полдюжины пестро размалеванныхъ лодокъ; всѣ эти лодки были на половину вытащены на песокъ, привязать же ихъ не считали нужнымъ; очевидно, никому и въ голову не приходило, чтобы онѣ могли какъ нибудь сами отплыть отъ берега. Невдалекѣ отсюда меня поразилъ видъ парохода, по наружности и размѣрамъ похожаго на тѣ береговыя суда, которыя такъ часто можно встрѣтить въ гаваняхъ Нѣмецкаго моря. Удивительный контрастъ представляли его косая труба, поломанный брустверъ палубы—и зеленыя гирлянды изъ сосновыхъ вѣтвей, во множествѣ украшавшія все судно. Но напрасно искалъ я вокругъ человѣка, который разсказалъ бы мнѣ, какъ могъ попасть этотъ пароходъ, видѣвшій лучшіе дни, внутрь страны, въ тихое маленькое озерко, и зачѣмъ такъ разукрашенъ онъ, точно сконфуженный старецъ въ день своего юбилея?

Не спуская взоровъ съ лѣса, медленно шелъ я по тропинкѣ, вдоль берега озера, уже не обращая вниманія на раскаленное солнце: отъ воды вѣяло нѣжной прохладой. Не прошелъ я и сотни шаговъ, какъ вдругъ изъ-за высокихъ липъ показалось нѣсколько уединенныхъ строеній; одно изъ нихъ—длинное и узкое, съ остроконечною крышею, безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній—походило скорѣе на какой нибудь амбаръ, чѣмъ на жилой домъ; однако маленькія бѣлыя занавѣски на окнахъ и цвѣточныя клумбы, разбитыя за рѣшеткой, показывали, что здѣсь живутъ люди. Съ задняго фасада къ нему примыкала пара низенькихъ хижинъ, а длинный боковой фронтъ былъ обращенъ къ озеру. Съ этой стороны его отчасти закрывала маленькая церковка или часовенка, такой же невидной архитектуры и такая *низенькая*, что всадникъ, сидя въ сѣдлѣ, могъ бы спокойно загля*нуть въ миньятюрныя* окошечки ея, прилѣпившіяся подъ совсѣмъ

истлѣвшею крышею. Тѣмъ не менѣе, бѣдная часовня, съ ея четырьмя готическими окнами и крошечной колокольней, имѣла веселый, живописный видъ: старый плющъ вскарабкался на верхъ по узкой задней стѣнѣ; онъ обвилъ своими роскошными вѣтвями карнизы, раскинувшись по всей крышѣ, и набросилъ на плечи убогаго зданія плотный плащъ, чтобы скрыть его наготу.

И здѣсь все было пусто и тихо. Но вотъ отъ озера побѣжалъ домой маленькій крестьянскій мальчикъ, и мнѣ удалось узнать черезъ него, что длинный домъ—это богадѣльня, къ которой принадлежитъ и часовня, гдѣ уже не отправляется служба; что небольшое кладбище, покосившіеся кресты котораго едва виднѣлись въ тѣни липъ, служитъ также только для похоронъ призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ старухъ. Когда я спросилъ, нельзя ли мнѣ пройти въ часовню, дитя вытаращило на меня удивленные глазки, покачало своей бѣлобрысой головкой и такъ быстро бросилось бѣжать босыми ножками, какъ будто подъ нимъ горѣла земля. Медленно обошелъ я вокругъ часовни и приблизился къ дому. Тутъ, въ саду, передъ открытымъ окномъ, на маленькой скамейкѣ стоялъ высокій человѣкъ въ черномъ костюмѣ и, не двигаясь, смотрѣлъ во внутренность комнаты. Какъ мнѣ показалось, это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, съ гладко причесанными каштановыми волосами, слегка закрывавшими высокій лобъ. Характерный, благородный профиль лица рѣзко выдѣлялся на бѣлой штукатуркѣ стѣны; солнце жгло ему прямо въ затылокъ, но онъ не обращалъ на это вниманія и продолжалъ по прежнему стоять, держа передъ собою шляпу обѣими руками, и даже не обернулся, когда я проходилъ мимо, точно звукъ моихъ шаговъ не достигалъ его ушей. Фракъ на немъ былъ уже устарѣвшаго фасона; тѣмъ не менѣе, въ общемъ, незнакомецъ не производилъ впечатлѣнія провинціальнаго жителя. Я съ удовольствіемъ заговорилъ бы съ нимъ, еслибы не предполагалъ, что онъ прислушивается къ какимъ-то словамъ, которыя раздаются извнутри дома, хоть я ихъ и не слышалъ. Поэтому я осторожно прошелъ мимо и очутился передъ переднимъ фасадомъ дома. Здѣсь, у открытой двери, сидѣла на лѣстницѣ древняя старушка, сгорбившись такъ, что ея большой, черный креповый чепчикъ бросалъ тѣнь на старую книжку, которую она держала на колѣняхъ. На развернутой страницѣ лежали большія роговыя очки, а острый носъ старушки странно покачивался, точно она хотѣла клюнуть что-то. Однако она не спала, и по временамъ вздыхала такъ тяжко, что бантъ отъ чепчика дрожалъ подъ ея увядшимъ подбородкомъ; иногда она хваталась желтой, съ

всѣмъ сморщенной рукой за маленькую металлическую табакерку, лежавшую около нея на каменныхъ ступеняхъ, и нюхала табакъ.

— Ну, что, матушка, какъ идетъ чтеніе? спросилъ я, остановившись передъ нею.

Старушка посмотрѣла на меня, не выказывая ни тѣни удивленія. Я увидѣлъ старое, грубое, печальное лицо, на которомъ отпечатлѣлось выраженіе тугой на ухо старости.

Я повторилъ вопросъ.

— Не совсѣмъ-то ладно, баринъ, отвѣчала она на мѣстномъ жаргонѣ.—Когда имѣешь за горбомъ всѣ семьдесятъ лѣтъ, то старые глаза отказываются ужь работать. Впрочемъ, съ книгой гимновъ дѣло идетъ еще кое-какъ. Мнѣ стоитъ только посмотрѣть на нумеръ и на большую заглавную букву—и я ужь знаю цѣлый гимнъ; а если когда не удастся вспомнить какого нибудь стиха, то я придумываю какой нибудь другой. Да, дорогой баринъ, кто много испыталъ на своемъ вѣку, да боится и любитъ Господа Бога, тотъ къ любому изъ гимновъ въ этой книгѣ самъ можетъ придѣлать свой стихъ.

— Какой у васъ, на старость лѣтъ, хорошенькій уголокъ земли, матушка, и содержать васъ, какъ мнѣ кажется, тоже хорошо.

На старухѣ была надѣта темная, почти новая ситцевая юбка и большой черный платокъ на тощихъ плечахъ, въ который она плотно завернулась, не смотря на жару.

— Хорошо, милый баринъ, очень хорошо, отвѣчала она, беря своей дрожащей рукой табакерку. — Благодѣтельница наша тоже говорила это, и потому не хотѣла уѣзжать отсюда, даже и тогда, когда за нею пріѣхали изъ замка. Но цвѣты засадила здѣсь только она, и наше картофельное поле только съ тѣхъ поръ содержится въ такомъ порядкѣ, когда она пріѣхала сюда. Да, а теперь все опять пойдетъ шиворотъ-навыворотъ. Видите ли, баринъ,—прошло ужь цѣлыхъ тринадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ пришла сюда; тогда умеръ мой мужъ, вслѣдъ за нимъ — дочка; я осталась одна, какъ перстъ, и никому въ мірѣ не было дѣла до того, что подѣлываетъ старуха Шульценъ. Тогда мнѣ пришло въ голову, что вѣдь и въ богадѣльнѣ тоже жизнь не сладка; зильберграшъ на день, готовая квартира, торфъ и освѣщеніе, разъ въ три мѣсяца—шесть грошей на пиво, да клочокъ земли, гдѣ можно развести для себя картофель—на это не разгуляешься. Боже мой! На нѣтъ—и суда нѣтъ; надо довольствоваться тѣмъ, что имѣешь, да еще отложить кое-что и на черный день. И только *когда пріѣхала* наша благодѣтельница, которая, хоть сама была

небогата, все таки ухитрялась помогать другимъ.... вотъ видите, эту шерстяную юбку (поднявъ подолъ платья, старуха показала мнѣ ее) она подарила мнѣ въ день своего рожденія, а платокъ — къ новому году; потому-то я и вырядилась такъ сегодня, не смотря на жару: я хочу быть прилично одѣтой, идя за гробомъ; вѣдь другой такой ужь не найдешь, и, какъ говорится въ гимнѣ:

„Ach, mein Jesu, musst du sterben,
Damit wir das Leben erben?
Lass dein' Marter, Qual und Pein
An uns nicht verloren sein“ *).

Она проворчала что-то себѣ подъ носъ, наклонила голову и, казалось, совсѣмъ забыла о моемъ присутствіи.

— Послушайте, матушка, снова началъ я, минуту спустя: — вотъ вы все говорите о какой-то благодѣтельницѣ. Что это значитъ?

Старуха тихо подняла голову и окинула меня не то подозрительнымъ, не то сострадательнымъ взглядомъ.

— Ну, сказала она наконецъ:—что за вопросъ! Хоть вы и не здѣшній, милый баринъ, но, должно быть, пріѣхали очень издалека, потому что весь нашъ округъ знаетъ, кто такая была благодѣтельница, и что она умерла три дня тому назадъ, а на сегодня назначены похороны. Развѣ вы ничего не слышали о госпожѣ Шпигельбергенъ, какъ она звалась по мужу, который тоже стоитъ теперь передъ престоломъ Всевышняго? Вѣдь она по рожденію то была благородной дѣвицей, и ея двоюродный братъ, господинъ баронъ, посѣтивъ ее здѣсь, поручилъ мнѣ особенно ухаживать за нею и сказалъ: „Надѣюсь, матушка Шульценъ, вы постараетесь, чтобы съ кузиной моей не случилось ничего худаго“. Но—Боже мой!—какъ могли мы, простыя старухи, облегчить ей жизнь — и въ особенности я! Меня она любила больше всѣхъ другихъ старухъ, и я съ господиномъ учителемъ были около нея въ послѣднюю минуту — да! Кто могъ бы подумать, что я, жалкій, безполезный червякъ, закрою ей навѣки глаза, и затѣмъ останусь еще жить здѣсь, между тѣмъ какъ она въ цвѣтѣ лѣтъ.... Но, можетъ быть, вы хотите взглянуть на нее? Пока еще есть время. Въ четыре часа начнутся похороны, соберется весь городъ, и у каждаго будутъ на глазахъ слезы, потому что госпожа Шпигельбергенъ всякому сдѣлала что нибудь хорошее.... теперь видно будетъ, что потеряли мы въ ней... другой такой женщины никогда не будетъ, никогда!...

*) Господи Іисусе, Ты долженъ былъ умереть, чтобы мы могли наслѣдовать жизнь? Такъ не допусти же, чтобы Твои страданія пропали даромъ.

ея многочисленные ключи. Помимо обыкновенныхъ ключей, ручьевъ и рѣкъ, встрѣчаются еще красивые ключи совершенно оригинальнаго свойства. Подъ поверхностью земли протекаетъ множество рѣкъ, направляющихся къ морю, о существованіи которыхъ во многихъ мѣстностяхъ и не подозрѣваютъ. Онѣ прорываются наружу черезъ громадныя разсѣлины. Иногда рѣки исчезаютъ съ поверхности земли, какъ напримѣръ, въ знаменитомъ провалѣ въ графствѣ Алахуа, который своей своеобразной красотой привлекаетъ массу туристовъ, или знаменитый „Чортовъ котелъ". Рѣка Санта-Фэ въ томъ же графствѣ, вливаясь въ громадную пещеру и выступая снова наружу, образуетъ живописный естественный мостъ. Въ другомъ графствѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было такое явленіе: дорога, по которой ѣздили со дня основанія поселенія, вдругъ провалилась вмѣстѣ съ высочайшими деревьями, и обвалъ этотъ наполнился водой.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ источниковъ находится въ графствѣ Маріонъ и, по цвѣту воды, называется Сильверъ-Спрингъ (серебряный ключъ). Тысячи сѣверянъ-путешественниковъ пріѣзжаютъ любоваться имъ съ палубы пароходовъ и лодокъ. Очевидцы разсказываютъ, что маленькая серебряная монета, брошенная на дно, ясно видна на глубинѣ 180 футовъ. Ничто не можетъ сравниться съ красотой этого источника въ ясный безвѣтряный день. Онъ окруженъ богатой тропической растительностью. Берега представляютъ сплошную стѣну зелени и цвѣтовъ съ причудливыми гирляндами дикаго винограда и желтаго жасмина, свѣшивающимися съ деревьевъ до самой воды и переплетающимися по пути съ серебристыми воздушными нитями южнаго моха. Такіе же ключи находятся и въ нѣкоторыхъ другихъ графствахъ. Такъ называемый Блю-Спрингъ (голубой ключъ) въ графствѣ Волюзія хотя и не такъ великъ, но замѣчательно красивъ. Бассейнъ не болѣе 70 ф. въ діаметрѣ и около 40 ф. въ глубину. Въ центрѣ его бьетъ ярко-голубая вода съ такой силой, что образуетъ выпуклость, по крайней мѣрѣ, въ 10 дюймовъ вышины; въ этомъ мѣстѣ невозможно удержать лодку. Потокъ, вытекающій изъ этого ключа, имѣетъ около 50 ф. ширины и течетъ съ быстротой 5 миль въ часъ. Окрестности замѣчательно живописны. Всѣ эти ключи содержатъ много извести и потому чрезвычайно прозрачны. Множество рыбъ и черепахъ водятся тамъ и представляютъ занимательное зрѣлище для туриста. Блестящее солнце, отражаясь на зыби водъ, придаетъ волшебный колоритъ всей этой роскошной обстановкѣ.

Кромѣ того, во Флоридѣ много минеральныхъ ключей, изъ которыхъ ни одинъ еще не возведенъ на степень фешэнебельныхъ „водъ", но многіе мѣстные жители испытали цѣлительныя свойства своихъ источниковъ.

По дорогѣ домой, мы посѣтили апельсинную плантацію одного знакомаго американца, который обѣщалъ намъ показать свой пчельникъ. Мы *очень интересовались* этой отраслью промышленности, которая какъ мнѣ

ласной лентѣ; большія, но, тѣмъ не менѣе, изящныя руки спокойно лежали на высокой груди, а голова слегка склонилась на правый бокъ, такъ что съ порога комнаты можно было хорошо разсмотрѣть лицо усопшей. Въ этихъ чертахъ не видно было страданія,—спокойствіе и таинственная прелесть выражались въ нихъ; просто зачесанные волосы отливали серебромъ, но каждая черточка все таки дышала молодостью:—это было лицо зрѣлой красавицы, въ цвѣтѣ лѣтъ разставшейся съ жизнью.— „Какое счастіе было бы встрѣтиться съ такою женщиной", сказалъ я себѣ: —„и какъ долженъ былъ бы гордиться тотъ, кого она почтила бы своею дружбою!" Мнѣ вдругъ стало горько, зачѣмъ никогда не пришлось мнѣ пожать эту твердую руку, не пришлось услышать хоть одно слово этихъ сильныхъ, спокойно сложенныхъ губъ, не пришлось увидѣть улыбки, освѣщавшей это мужественное лицо...

Кто была она? Какимъ образомъ попала эта благородная женщина въ общество бѣдныхъ, призрѣваемыхъ городомъ, старухъ, и кто положилъ къ ногамъ ея лавровый вѣнокъ?...

Взглядъ мой оторвался на минуту отъ блѣднаго лица покойницы и обратился къ залитому солнцемъ окну. Тамъ все еще стоялъ, молча, высокій мужчина въ черномъ фракѣ, не сводя глазъ съ одной точки. Казалось, онъ совсѣмъ не замѣчалъ меня. Не шевелясь, глядѣлъ онъ на покойницу, хотя могъ видѣть только ея темя. Но теперь мнѣ хорошо было видно, что изъ неподвижныхъ, широко открытыхъ глазъ капали крупныя слезы, струясь по блѣднымъ щекамъ.

— Скажите, матушка, тихо спросилъ я:—кто этотъ господинъ у окна?

Я совсѣмъ забылъ, что ея старыя уши не могутъ разслышать шопота. Въ эту минуту, изъ часовеньки раздались, къ тому же, громкіе удары колокола. Старуха подняла глаза къ верху.

— Уже четыре часа, промолвила она.—Сейчасъ начнется. Вамъ нельзя больше оставаться здѣсь, дорогой баринъ: сію минуту придетъ сюда пасторъ и всѣ остальные. Но если станете вонъ тамъ, у рѣшетки, то вамъ все будетъ прекрасно видно. Ахъ, Боже мой! Еслибы и мнѣ поскорѣе закрыть глаза! Но да будетъ воля Божія, я молчу... Идите же, милый баринъ, вонъ ужь и носильщики пришли!

Черезъ порогъ переступило шестеро человѣкъ въ длинномъ черномъ платьѣ, и я долженъ былъ выйти изъ комнаты; въ коридорѣ мнѣ попались на встрѣчу пасторъ и, рядомъ съ нимъ, какой-то высокій, широкоплечій мужчина съ выраженіемъ непри-

творнаго горя на лицѣ—бургомистръ, какъ шепнула мнѣ на ухо старуха. А передъ домомъ собралась огромная толпа народа, окидывавшая меня любопытными, недоумѣвающими взглядами. По большей части, это были женщины въ траурныхъ платьяхъ, а среди нихъ стояла кучка молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлой одеждѣ съ черными лентами и съ черными вуалями на головѣ; у каждой былъ въ рукахъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ; у всѣхъ глаза были заплаканы. Я понялъ, что, какъ никому не знакомый здѣсь человѣкъ, долженъ по возможности меньше бросаться въ глаза, и торопливо обошелъ кругомъ дома, пока наконецъ не нашелъ удобнаго мѣстечка, откуда прекрасно было видно и часовню, и богадѣленное кладбище.

Высокій господинъ въ черномъ фракѣ куда-то скрылся.

Похоронный колоколъ продолжалъ звонить, птицы щебетали въ липовой листвѣ; громадная толпа, постоянно увеличивавшаяся, стояла такъ тихо, что легкій звукъ винтовъ, прикрѣплявшихъ крышку ко гробу, долеталъ до меня совершенно отчетливо. Спустя нѣсколько минутъ, траурный кортежъ пришелъ въ движеніе: впереди выступалъ пасторъ, за нимъ—носильщики съ гробомъ, покрытымъ пестрымъ ковромъ и совсѣмъ не виднымъ подъ массою вѣнковъ; вслѣдъ за гробомъ шли старухи, призрѣваемыя въ богадѣльнѣ, числомъ шесть; потомъ молодыя дѣвушки съ вѣнками попарно, бургомистръ и много особъ почтеннаго вида,—очевидно, мѣстная знать. Шествіе заключалось толпою народа, гдѣ преобладали женщины, запрудившею все свободное пространство между домомъ и часовнею.

Лишь только пасторъ перешагнулъ порогъ этой часовни, изъза бузиновой шпалеры, окаймлявшей границу кладбища, раздалось двухголосное пѣніе—простая, красивая мелодія, совершенно незнакомая мнѣ и не похожая на мотивы священныхъ гимновъ. Слышны были свѣжіе дѣтскіе голоса, прекрасно обработанные и, притомъ, такъ храбро и непринужденно исполнявшіе свою задачу, какъ могутъ пѣть одни только дѣти, еще не понимающія всей торжественности смерти и даже въ похоронную пѣснь вкладывающія свою любовь къ жизни.

Пѣли недолго—всего три строфы; затѣмъ пасторъ началъ говорить проповѣдь, изъ которой до меня долетали лишь отдѣльныя слова. Но проповѣдь эта, вѣроятно, была очень прочувствованна, потому что всѣ слушатели были тронуты; отовсюду слышались подавленныя рыданія. Мнѣ было жаль, что я не рѣшился подойти поближе:—очень хотѣлось бы узнать, кто такая

была эта благородная покойница, и почему ее окружали такое общее уваженіе и любовь?

Съ моего мѣста видно было, хоть и не особенно отчетливо, какъ пасторъ поднялъ руку, благословилъ сперва гробъ и затѣмъ печальную толпу провожавшихъ; какъ дѣвушки положили вѣнки свои на крышку опущеннаго въ могилу гроба, какъ каждый старался протѣсниться къ нему, бросить горсть земли на цвѣты. Это заняло довольно много времени, а изъ-за кустовъ снова послышалось пѣніе дѣтей, и я на этотъ разъ ясно разслышалъ пѣсню:

We sie so sanft ruhn,
Alle die Seligen" *)....

и могъ различить, при блескѣ солнечныхъ лучей, обнаженную голову печальнаго господина, стоявшаго раньше у окна, который, находясь среди кучки молодыхъ пѣвцовъ, торжественно отбивалъ рукою тактъ.

Колоколъ замолкъ, народъ безшумно разошелся по сторонамъ безъ того холоднаго говора и шопота, какой всегда можно услышать, если люди провожаютъ къ послѣднему жилищу одного изъ своихъ согражданъ только лишь по обязанности. Я спокойно стоялъ на старомъ мѣстѣ и видѣлъ, какъ толпа двигалась по направленію къ городу, а старухи, кряхтя и покашливая, возвращались въ свою богадѣльню. Я мысленно рѣшилъ подойти къ одинокому господину, который долженъ былъ, по моему мнѣнію, послѣднимъ оставить гробъ, и скромно изложить ему свое желаніе узнать поближе прошлую жизнь покойницы. Когда я, однако же, переступивъ границу кладбища, направилъ взоры къ кустамъ бузины, то уже не нашелъ тамъ никого.

Мнѣ также пора было пуститься въ обратный путь къ городу, гдѣ меня, должно быть, давно ожидалъ готовый экипажъ. Я успокоивалъ себя мыслью, что хозяинъ гостинницы, безъ сомнѣнія, хорошо знаетъ покойницу; ея блѣдное, спокойное лицо все еще стояло передо мною среди таинственнаго полусумрака, съ серебристымъ сіяніемъ вокругъ головы, и я ускорилъ шаги, чтобы прійти, наконецъ, къ рѣшенію загадки.

Я шелъ чрезъ поля, покрытыя молодыми всходами, обсаженныя по краямъ низкими вишневыми деревьями; однако эта дорога привела меня не къ городскимъ воротамъ, а совсѣмъ къ другой части вала. Тутъ не было ни души, не видно было ни дѣтскихъ колясочекъ, ни одного гуляющаго, который присѣлъ бы

*) Какъ сладко почиваютъ всѣ усопшіе...

для отдыха на скамейку. А какъ пріятно было прохаживаться здѣсь въ тѣни; я впалъ въ полумечтательное состояніе, охваченный прохладой—вѣдь это-то и составляетъ лучшее наслажденіе въ путешествіяхъ: отбросить прочь обыденныя мысли и заботы и почувствовать себя совершенно чужимъ существомъ на этой землѣ, какъ будто бы мы упали сюда съ облаковъ, такъ что все самое обыкновенное, самое незначительное кажется намъ новымъ и достойнымъ вниманія.

Вдругъ я остановился. На сосѣдней скамейкѣ я увидѣлъ господина въ черномъ фракѣ, котораго напрасно искалъ послѣ похоронъ. Очевидно, онъ, углубившись въ свои мысли, не слышалъ шороха шаговъ моихъ; онъ устремилъ свой взоръ, между стволами деревьевъ, на поля и озеро или, что̀ еще вѣрнѣе, на маленькую часовеньку и клочокъ кладбища при богадѣльнѣ, который можно было разсмотрѣть отсюда. Теперь мнѣ представилась возможность вглядѣться на недалекомъ разстояніи въ его правильное лицо; особенно рѣзко выдавались прекрасно очерченный лобъ и не маленькій, но очень характерный носъ. Шляпа его лежала рядомъ на скамейкѣ; руки, сложенныя одна на другую, покоились на колѣняхъ.

Но вотъ онъ замѣтилъ меня и притаился, какъ будто хотѣлъ этимъ способомъ сдѣлаться невидимкою и побудить меня идти своей дорогой.

Однако я вовсе не былъ склоненъ упустить такой благопріятный случай.

— Позвольте, милостивый государь, присѣсть къ вамъ на минутку, началъ я.—Я попалъ сюда проѣздомъ и чувствую себя нѣсколько усталымъ отъ своихъ странствованій. Черезъ четверть часа я долженъ тронуться далѣе, какъ мнѣ ни досадно на то, что я не ознакомился ближе съ этимъ милымъ городкомъ. Такое мѣсто для прогулки, какъ здѣсь, не такъ-то легко найти.

Мой незнакомецъ молчалъ, только склонилъ слегка голову и взялъ въ руки шляпу, освободивъ такимъ образомъ для меня остальную половину скамейки. Я присѣлъ; нѣкоторое время длилось молчаніе.

— Простите, сказалъ я наконецъ:—если я покажусь вамъ навязчивымъ и, можетъ быть, помѣшаю тому настроенію духа, когда больше всего пріятно полное уединеніе. Я былъ свидѣтелемъ только что происходившихъ похоронъ, и такъ какъ меня не покидаетъ до сихъ поръ образъ покойницы, которую я незадолго до того видѣлъ въ гробу, и такъ какъ на ея благородномъ лбу я *прочелъ*, какъ мнѣ казалось, замѣчательную судьбу этой женщины,

го вы, вѣроятно, поймете, почему я не рѣшаюсь уѣхать отсюда, не узнавъ предварительно бо̀льшихъ подробностей объ ея жизни. Одна изъ старухъ, нашедшихъ пріютъ въ той богадѣльнѣ, сдѣлала мнѣ нѣсколько замѣчаній, которыя еще болѣе увеличили мое участіе, хотя были крайне темны и необстоятельны. Какъ кажется, вы стояли очень близко къ этой дамѣ, уважаемой всѣмъ вашимъ городомъ. Если вы соблаговолите увидѣть въ моемъ вопросѣ нѣчто бо̀льшее, чѣмъ простое любопытство, то я былъ бы крайне благодаренъ вамъ за все то, что̀ вы найдете возможнымъ сообщить мнѣ о покойницѣ.

Я разглядѣлъ, какъ лицо незнакомца слегка покраснѣло. Съ минуту онъ неподвижно смотрѣлъ въ землю передъ собою, какъ будто не зная, что̀ отвѣчать. Вдругъ онъ схватился за шляпу и вскочилъ съ мѣста, обращаясь ко мнѣ съ поклономъ:

— Извините меня, милостивый государь... у меня... время не позволяетъ мнѣ этого... позвольте пожелать вамъ счастливаго пути .....

Съ этими словами онъ повернулся и удалился большими, хотя и не торопливыми шагами; я, между тѣмъ, оставался на скамейкѣ, охваченный тяжелымъ чувствомъ. Въ первый моментъ, во мнѣ зародилось сомнѣніе, не самъ ли я виноватъ въ такой неудачѣ, или же мой собесѣдникъ поступилъ со мною нехорошо. Но я скоро убѣдился въ томъ, что вся вина лежала на моей сторонѣ. Этотъ провинціалъ, котораго я ошарашилъ своимъ смѣлымъ вопросомъ,—какъ будто бы онъ долженъ былъ считать за честь дать всѣ свѣдѣнія прибывшему издалека путешественнику обо всемъ достойномъ вниманія, хотя бы оно затрогивало самыя священныя для него личныя чувства,—этотъ провинціалъ далъ мнѣ вполнѣ заслуженный урокъ. Какъ это было грубо—ворваться къ нему безъ всякаго предисловія, точно полицейскій чиновникъ, свидѣтельствующій паспорты, и требовать отъ него некролога покойницы, когда еще не успѣли обсохнуть слезы на его глазахъ... Было бы иначе, еслибы я, отнесшись съ уваженіемъ къ его чувству, заручился предварительно его довѣріемъ, не выказывая своихъ намѣреній!.. Теперь же я не имѣлъ права жаловаться на такую неудачную развязку; при этомъ, выраженія, въ которыхъ незнакомецъ отвязался отъ меня, показывали, что я имѣлъ дѣло съ образованнымъ человѣкомъ.

Наконецъ я поднялся со скамьи и самымъ короткимъ путемъ направился къ гостинницѣ. Я потерялъ даже охоту разспрашивать хозяина—такъ подѣйствовала на меня предъидущая сцена. Я страстно желалъ бы совсѣмъ выбить изъ головы мысль объ

ЖИЗНЬ ДЛЯ ДРУГИХЪ.

Романъ П. Гейзе.

Въ іюнѣ 1864-го года мнѣ привелось быть въ самомъ центрѣ Бранденбурга, гдѣ жилъ одинъ изъ моихъ старыхъ друзей, который взялъ съ меня слово навѣстить его. До маленькаго городка №*** меня доставила желѣзная дорога, а отсюда надо было проѣхать двѣ-три мили въ наемномъ экипажѣ:—помѣстье, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ хозяйничалъ мой пріятель, не могло похвастаться частымъ почтовымъ сообщеніемъ съ городомъ.

Въ виду этого, пріѣхавъ въ N***, я обратился къ хозяину гостинницы „Кронпринцъ" съ просьбою дать мнѣ экипажъ (онъ держалъ, между прочимъ, почтовыхъ лошадей); а какъ было всего лишь три часа пополудни, и ѣзда подъ жгучими лучами лѣтняго солнца не могла доставить особаго удовольствія, то я просилъ не спѣшить сборами, намѣреваясь до отъѣзда осмотрѣть городъ и его окрестности.—Мѣстечко это не имѣло никакихъ достопримѣчательностей, замѣтилъ мой хозяинъ, который попалъ въ провинцію уже въ лѣтахъ, выросши въ большомъ городѣ, и относился къ настоящему своему мѣсту жительства съ нескрываемымъ презрѣніемъ.—Правда, мѣстоположеніе города недурно, а озеро считается однимъ изъ самыхъ большихъ во всемъ Бранденбургѣ и очень богато рыбою. Если я пойду вотъ въ этомъ направленіи (онъ указалъ рукой на квадратный рынокъ, около котораго лежала гостинница), не сворачивая ни направо, ни налѣво, то мнѣ надо будетъ только оставить за собою валъ, чтобы увидѣть его воды.

Для странника, не обладающаго такимъ глубокимъ знаніемъ мѣстной исторіи, какъ напр., другъ мой Теодоръ Фонтане, и перенесеннаго вдругъ изъ столицы въ глухую провинцію, всѣ эти маленькіе городки кажутся крайне похожими одинъ на другой. *Смотря на* чистенькіе, большею частью одноэтажные домики, на *бугристую* мостовую, содержимую однако въ такой чистотѣ,

минаніе о томъ невѣжливомъ человѣкѣ, который не могъ найти ничего лучшаго въ отвѣтъ на вашъ вопросъ, какъ убѣжать?— Вы живете въ самомъ водоворотѣ свѣта,—а онъ быстро стираетъ въ памяти всѣ эти мелочи и заглушаетъ старыя впечатлѣнія тысячью новыхъ. Провинціалу моего пошиба ничто не мѣшаетъ все глубже и глубже загонять шипы, которые вонзило ему въ тѣло мимолетное мгновеніе.

„Въ ту минуту, когда я покинулъ васъ, во мнѣ говорило только одно чувство:—неудовольствіе на то, что совершенно незнакомый мнѣ человѣкъ осквернилъ любопытнымъ вопросомъ святость свѣжаго горя. Но уже часъ спустя, когда я припомнилъ ваши слова, тонъ голоса и сопровождавшіе ихъ жесты,—меня охватилъ мучительный стыдъ за мое нелѣпое поведеніе. Вы присутствовали на похоронахъ, вы смотрѣли даже съ глубокимъ участіемъ на черты лица усопшей; что же могло быть естественнѣе, что вамъ показался стоющимъ вниманія вопросъ: какимъ образомъ эта королевская голова очутилась на убогой подушкѣ нищенскаго гроба, хотя весь городъ съ искренней грустью провожалъ ее къ послѣднему жилищу. И какъ могли вы предполагать, что человѣкъ, къ которому вы обратились за разъясненіями, тяжелѣе всѣхъ чувствовалъ общую утрату и въ ту минуту находился въ такомъ тяжеломъ настроеніи, что не былъ бы въ силахъ промолвить ни одного слова, даже еслибы съ нимъ заговорилъ его родной братъ?..

„Все это ясно представилось моему уму, и, оправившись нѣсколько, я поспѣшилъ къ гостинницѣ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ извиниться передъ вами за свою невѣжливость и разсказать про жизнь этой женщины, хотя бы настолько, чтобы вы поняли мою мучительную скорбь. Но вы уже уѣхали. Только въ книгахъ нашелъ я вашу фамилію, и мнѣ стало вдвойнѣ тяжело и грустно за свой поступокъ. Я зналъ кое-что изъ вашихъ произведеній, и чувствовалъ, что вы говорили со мною не изъ пустаго любопытства, а вслѣдствіе искренняго участія ко всему человѣческому; я понялъ, что если кто нибудь могъ считать смерть подобнаго существа потерею для міра,—то это были именно вы.

„Но что сдѣлано, того нельзя уже перемѣнить. Однако, чтобы смягчить непріятное сознаніе своей неправоты, я на слѣдующій же день взялся за перо и рѣшилъ написать все то, чего не хотѣлъ вамъ сказать; записки свои я намѣренъ былъ предложить вамъ, надѣясь заслужить этимъ отпущеніе моего грѣха относительно васъ.

„Я намѣревался изложить свой разсказъ въ краткихъ словахъ. Но невольно увлекся, и, вмѣсто короткаго очерка этой за-

мѣчательной жизни, получилась громадная, безформенная біографія: ежедневно пугаясь передъ ея размѣрами, я, тѣмъ не менѣе, былъ не въ состояніи отвести выступившій изъ береговъ потокъ воспоминаній въ болѣе спокойное русло.

„Ровно годъ понадобился мнѣ для этого: лишь въ рѣдкіе вечера могъ я найти необходимый досугъ, а иногда по цѣлымъ недѣлямъ не принимался за перо, не имѣя смѣлости тревожить тѣни усопшихъ. Достанетъ ли у васъ терпѣнія дочитать до конца мою рукопись? Передъ вашими глазами прошла жизнь многихъ, гораздо болѣе замѣчательныхъ людей; вы не разъ улыбнетесь, замѣчая, какую важность приписываетъ человѣкъ съ ограниченнымъ горизонтомъ, въ родѣ моей незначительной особы, повидимому, совсѣмъ обыденнымъ происшествіямъ. Кромѣ того—я вѣдь писатель неопытный и не обладаю искусствомъ творческаго генія, который можетъ ошлифовать простой кремень, такъ что тотъ будетъ казаться въ блескѣ солнечныхъ лучей драгоцѣннымъ камнемъ.

„Удостойте же эти записки хоть бѣглаго взгляда: могу васъ увѣрить, что героиня моего разсказа, точно передающаго ея жизнь, прикуетъ къ себѣ ваше вниманіе, и вы наконецъ сознаетесь, что прослѣдить за всей ея необыкновенною судьбою со старательностью безпристрастнаго хроникёра—стоитъ труда.

„Съ полнымъ довѣріемъ передаю я въ ваши руки мой манускриптъ, съ просьбою—сжечь его по прочтеніи. Онъ написанъ былъ съ единственною цѣлью—искупить передъ вами вину мою. Засимъ, свидѣтельствуя вамъ свое полное уваженіе, честь имѣю пребыть

„Вашъ покорнѣйшій слуга
„Іоганнъ-Теодоръ Вейсбродъ,
„бывшій кандидатъ богословія“.

Сознаюсь чистосердечно: не смотря на откровенный, симпатичный тонъ этого письма, воскресившаго въ моей памяти всѣ черты лица писавшаго, полныя выраженіемъ ума,—я съ нѣкоторымъ ужасомъ взялъ въ руки объемистый манускриптъ. Триста слишкомъ страницъ убористаго письма—почемъ знать, сколько богословскихъ разсужденій приплетено здѣсь къ описанію жизни той дамы! Однако преубѣжденіе мое разсѣялось съ первыхъ же страницъ, и чѣмъ дальше я углублялся въ чтеніе, тѣмъ больше содержаніе рукописи приковывало мое вниманіе. Окончивъ послѣднюю страницу, я вслухъ проговорилъ:—„Да, конечно, это *стоило труда!*“

Я сію же минуту написалъ въ этомъ смыслѣ автору, прося его не дѣлать своего описанія только нашею собственностью, а издать его въ свѣтъ для поученія всѣхъ тѣхъ, у кого сохранилось, въ наше смутное время, уваженіе къ скромному величію души и истинно-человѣческому благородству.

Онъ недолго заставилъ меня дожидаться отвѣта.

„Многоуважаемый другъ мой,—писалъ онъ:—вѣдь другъ моего друга—есть и мой другъ, а теплота, съ которою вы говорите о моей покойной пріятельницѣ, даетъ мнѣ поводъ предполагать, что вы имѣете и обо мнѣ доброе мнѣніе.... Нѣтъ, я не могу заставить себя видѣть въ разсказѣ изъ личныхъ моихъ воспоминаній—литературное произведеніе и выступить съ нимъ на судъ незнакомой, холодной публики. Уже одна небрежная, никогда не употребляемая для этой цѣли форма кажется мнѣ непреодолимымъ препятствіемъ, не говоря обо всемъ остальномъ. Да, еслибы вы согласились подвергнуть мою рукопись основательной переработкѣ, облечь благородное зерно—не составляющее, притомъ же, моей заслуги—въ новую, болѣе достойную его одежду!... Но и тогда, впрочемъ, я не былъ бы въ силахъ окончательно сломить внутреннее противодѣйствіе. Я живу совсѣмъ одиноко; всѣ окружающіе, кромѣ одного товарища дѣтства, видятъ во мнѣ только незначительнаго поденщика-педагога. Изданіемъ въ свѣтъ этихъ записокъ я вдругъ обратилъ бы на себя вниманіе публики, а провинціальная жизнь ничего не прощаетъ съ бо́льшимъ трудомъ, какъ выходъ изъ обыденныхъ рамокъ.

„Но знаете ли что́, почтеннѣйшій? Если мои ничтожныя воспоминанія представляются въ вашихъ глазахъ, дѣйствительно, настолько цѣннымъ матеріаломъ, что вы желали бы спасти ихъ отъ смерти въ пламени,—то оставьте всѣ тетради у себя до той поры, пока я, наконецъ, разстанусь съ міромъ. Тогда, во славу Божію, печатайте ихъ, если угодно—nota bene: разумѣется, съ очень большими сокращеніями всюду, гдѣ личныя отношенія сдѣлали меня черезчуръ болтливымъ и завели за общепринятыя границы, и замаскировавъ все то, что́ могло бы указать на особъ еще живущихъ или на семейства извѣстныхъ родовъ. Названія городовъ и мѣстностей также должны быть вычеркнуты. По моему, нѣтъ ничего хуже, какъ овладѣвшая теперь всѣми страсть домогаться успѣха разоблаченіемъ дѣйствительно происходившихъ событій,—успѣха, на который не могла бы разсчитывать одна творческая фантазія.

„Въ общемъ, я вполнѣ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, что жизнь, въ родѣ описанной мною, должна служить образцомъ для

человѣчества, и можно считать чуть ли не долгомъ своимъ передать нашимъ потомкамъ воспоминаніе о такой рѣдкой, высоконравственной женщинѣ".

Письмо это было послѣднимъ, которое я получилъ непосредственно отъ автора записокъ. Я не осмѣливался больше пробовать, нельзя ли будетъ поколебать его рѣшеніе, и манускриптъ двадцать лѣтъ пролежалъ у меня въ ящикѣ письменнаго стола.

Въ началѣ текущаго года, я получилъ письмо, надписанное незнакомою рукою, съ почтовымъ штемпелемъ того самаго бранденбургскаго городка. Смотритель мѣстнаго городскаго училища сообщалъ мнѣ, что другъ его, пользовавшійся до послѣдней минуты прекраснымъ здоровьемъ, однажды утромъ найденъ былъ мертвымъ въ постели. Согласно послѣдней волѣ усопшаго, его похоронили на кладбищѣ при богадѣльнѣ, рядомъ съ дорогой ему могилой, и весь городъ съ искреннимъ сожалѣніемъ проводилъ гробъ до послѣдняго жилища. Между бумагами покойника нашлись нѣкоторыя указанія, изъ которыхъ явствовало, что я долженъ быть извѣщенъ объ его смерти.

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, я былъ вправѣ считать себя его душеприкащикомъ и извлечь, наконецъ, изъ забвенія нижеслѣдующія страницы. Перечитывая ихъ еще разъ, я лишь весьма мало воспользовался даннымъ мнѣ полномочіемъ измѣнять и сокращать ихъ по своему благоусмотрѣнію; и только изрѣдка можно догадаться по неровности тона, что тутъ вмѣшивалась другая рука—именно, когда надо было освѣтить темное мѣсто или прійти на помощь къ перу, не находящему годнаго выраженія. Въ общемъ же, я все оставилъ такъ, какъ получилъ, потому что, мнѣ кажется, безукоризненно очерченные образы этого біографическаго романа—такъ, конечно, должно назвать его—едва ли бы выиграли въ своей прелести и жизненности отъ болѣе тщательной группировки и болѣе искуснаго исполненія; зато отпечатокъ правдивости навѣрное пострадалъ бы отъ этого.

ВОСПОМИНАНІЯ

ВЫВШАГО

кандидата богословія Іоганна-Теодора Вейсброда.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Я долженъ предпослать нижеслѣдующимъ замѣткамъ просьбу: *пусть читатель* не припишетъ моему мелкому тщеславію то обстоя-

тельство, что я начинаю разсказъ со своей незначительной особы и дальше буду говорить о ней гораздо чаще, чѣмъ она того заслуживаетъ. Этого требуетъ отъ меня порядокъ вещей. Моя ничтожная личность также тѣсно связана съ жизнью героини, какъ невидная нитка въ жемчужномъ ожерельѣ, на которую нанизаны драгоцѣнныя жемчужины. Къ сожалѣнію, мѣстами ихъ нѣтъ, и въ этихъ промежуткахъ выходитъ на свѣтъ сѣрая нитка. Я постараюсь, по возможности, коротко говорить о такихъ мѣстахъ. Вѣдь я самъ очень хорошо знаю,—жизнь моя только потому имѣетъ нѣкоторую цѣнность, что Провидѣніе поставило меня вблизи этой рѣдкой женщины и дозволило мнѣ вращаться около нея, какъ луна вокругъ солнца, и получать отъ нея свѣтъ и теплоту.

Конечно, я не вступилъ въ жизнь съ такимъ скромнымъ самосознаніемъ. Напротивъ, я считалъ себя когда-то рожденнымъ скорѣе къ тому, чтобы, находясь въ центрѣ собственной маленькой планетной системы, освѣщать ее своимъ свѣтомъ. Съ очень раннихъ лѣтъ мои родные говорили обо мнѣ, какъ объ образцовомъ мальчикѣ, а школьные товарищи—считали никуда негоднымъ; но удары, которыми они обильно награждали меня и которые я вполнѣ заслуживалъ смѣшною гордостью, вели лишь къ тому, что я со дня на день становился все надменнѣе. Всѣ великіе люди, говорилъ я себѣ, должны были терпѣть гоненія отъ окружающихъ за свое нравственное превосходство. Да, я осмѣливался даже сравнивать себя съ образомъ Сына человѣческаго, и ничуть не изумился бы въ то время, еслибы какой нибудь Иродъ вздумалъ покуситься на жизнь ребенка, который считалъ себя призваннымъ искупить когда нибудь бѣдный грѣшный міръ, а пока усиленно старался выдѣлиться передъ учителями городскаго училища низкой угодливостью и безукоризненнымъ знаніемъ уроковъ.

Отецъ мой, истинный христіанинъ и скромный служитель слова божія, былъ переведенъ изъ городскаго прихода въ Берлинъ, на мѣсто суперъ-интенданта; мнѣ было тогда всего четырнадцать лѣтъ. Мать давно уже умерла; отецъ, весь отдавшись служебнымъ обязанностямъ, предоставилъ меня своимъ собственнымъ силамъ, ослѣпленный родительскимъ довѣріемъ, а старая и нѣсколько слабоумная тетка, которая вела у насъ въ домѣ хозяйство и вмѣстѣ съ нами переѣхала въ Берлинъ, смотрѣла на меня, какъ на маленькое чудо, и, конечно, не имѣла настолько ни ума, ни вліянія, чтобы вырвать изъ моего сердца сорныя травы духовнаго высокомѣрія. А оно все разросталось и разросталось. Когда наконецъ, восемнадцати лѣтъ, я поступилъ въ университетъ, то сіе же

нуту образовалъ вокругъ себя піэтистическій кружокъ, разъигрывавшій маленькую студенческую консисторію. Мы читали длинныя проповѣди, сколько было душѣ угодно, диспутировали по поводу самыхъ запутанныхъ богословныхъ спорныхъ пунктовъ, сочиняли духовныя пѣсни, которыя я перелагалъ на музыку и затѣмъ акоманпировалъ на гармоніумѣ; однимъ словомъ, мы были кучкою невыносимыхъ молодыхъ святошъ съ длинными волосами и скромно выложенными воротничками рубашки, и постучись любой изъ насъ въ двери рая, апостолъ Петръ навѣрное никого не пропустилъ бы туда.

Не стоитъ и говорить, что я сторонился отъ всевозможныхъ мірскихъ удовольствій, театръ считалъ преддверіемъ ада, а во всѣхъ остальныхъ изящныхъ искусствахъ видѣлъ языческое наважденіе. Но смѣшнѣе всего кажется мнѣ теперь тогдашнее мое отношеніе къ женскому полу. При всемъ желаніи, я не могъ бы представить себѣ въ то время красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ иначе, какъ въ видѣ набожной паствы, разряженной по праздничному, которая въ тихомъ восхищеніи смотритъ на своего наставника и съ искренней благодарностью слушаетъ слова откровенія, срывающіяся съ его губъ. Въ болѣе отдаленномъ времени я видѣлъ еще, какъ одно изъ этихъ скромныхъ созданій прижимается къ моей груди, охваченное невыразимымъ счастіемъ, изнемогающее отъ благодарности, сознавая, что она одна изъ всѣхъ сестеръ своихъ избрана свыше недостойною подругою жизни святаго мужа,—котораго она давно уже чтила въ глубинѣ сердца,—чтобы мыть ему бѣлоснѣжные галстухи, вышивать туфли, а по воскресеньямъ записывать проповѣди.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, особенно хорошо сдавъ экзамены и переступивъ порогъ кандидатства, я, при своемъ самообожаніи, нашелъ весьма естественнымъ, когда со всѣхъ сторонъ на меня посыпались самыя привлекательныя предложенія. Отецъ мой имѣлъ слишкомъ мягкое сердце; онъ понималъ заповѣдь христіанскаго милосердія въ такомъ широкомъ смыслѣ, что ни въ провинціальномъ городкѣ, ни въ столицѣ Пруссіи жалованья ему не хватало,—и потому, когда его постигла внезапная смерть, не оставилъ мнѣ ничего, кромѣ своего благословенія и отборной богословской библіотеки—единственная роскошь, какую онъ позволялъ себѣ.

И вотъ мнѣ надо было, съ божьей помощью, самому стать на ноги; и какъ я, при всей своей голубиной невинности, обладалъ въ достаточной мѣрѣ и змѣиною мудростью, то не отнесся *поверхностно* къ тремъ предложеннымъ мнѣ мѣстамъ; я навелъ

точныя справки о томъ, гдѣ мнѣ слаще будетъ жить. Всѣ три предложенія были—мѣста воспитателя въ помѣщичьихъ домахъ, съ надеждою на пасторатъ, который долженъ былъ оказаться вакантнымъ въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени. Я выбралъ самую знатную изъ трехъ дворянскихъ семей, которой принадлежали двѣ деревни, расположенныя въ мѣстности, извѣстной своимъ плодородіемъ и не лишенной художественныхъ прелестей. Тамошнему пастору было лѣтъ подъ восемьдесятъ; у помѣщика было всего двое дѣтей, съ которыми мнѣ приходилось заниматься,—мальчикъ двѣнадцати лѣтъ и дочь—четырнадцати; самъ помѣщикъ пользовался славою строго-вѣрующаго человѣка, и—что̀ послужило немалымъ поводомъ къ окончательному выбору— въ своемъ письмѣ онъ распространялся въ сильныхъ выраженіяхъ о моей замѣчательной особѣ, таланты и добродѣтели которой пріятная молва разнесла по всему округу. Отецъ, уже лежавшій на смертномъ одрѣ, съ радостными слезами распечаталъ письмо и прочелъ мнѣ его дрожащимъ голосомъ.

Итакъ, восхваливъ въ сердцѣ Господа Бога, отечески заботящагося о томъ, чтобы избранныя дѣти Его уже въ этомъ тлѣнномъ мірѣ могли сдѣлать себѣ карьеру, я обнялъ бѣдную старую тетю, которая осталась жить въ убогой комнаткѣ на чердакѣ большаго дома, и тронулся въ путь къ своему кандидатскому раю, съ гордою надеждою, лишь слегка омраченною недавней утратой.

Это возвышенное настроеніе упало на нѣсколько градусовъ ниже, когда я, пріѣхавъ на послѣднюю желѣзно-дорожную станцію, напрасно искалъ глазами вокругъ себя карету, въ которой я надѣялся совершить дорогу къ мѣсту назначенія. Баронъ писалъ мнѣ, что онъ пришлетъ за мною на станцію экипажъ. Я ожидалъ увидѣть, по крайней мѣрѣ, великолѣпную оляску, если и не запряженную четверней, то, во всякомъ случаѣ, увѣшанную вѣнками, какъ прилично сдѣлать для молодаго духовнаго тріумфатора. Вмѣсто того, я здѣсь нашелъ совсѣмъ не изящный экипажъ, служившій, какъ я подозрѣвалъ, главнымъ образомъ для перевозки телятъ или барановъ; передъ нимъ стояли двѣ деревенскія клячи, уныло помахивая своими длинными хвостами. Старый слуга—не вынувшій даже изо рта своей коротенькой трубки, когда подошелъ ко мнѣ,—спросилъ на ворчливомъ жаргонѣ, не я ли—кандидатъ, котораго онъ долженъ отвезти къ господину барону; затѣмъ, пробормотавъ сквозь зубы проклятіе, стащилъ на телѣгу мой чемоданъ и три тяжелыхъ ящика съ книгами, и указалъ мнѣ

кнутомъ на сидѣнье съ боку, гдѣ лежала, для бо́льшаго удобства, только жиденькая кожаная подушка.

Самъ онъ, набивъ свѣжую трубку и лѣниво прикрикнувъ на лошадей, отчего тѣ медленно двинулись впередъ, зашагалъ рядомъ съ телѣгой.

Стараясь побѣдить христіанскимъ смиреніемъ свое разочарованіе, я спросилъ самымъ мягкимъ голосомъ, далеко ли еще осталось до мѣста, и неужели же мы всю дорогу проѣдемъ такъ, шагомъ.

— Лошади вчера цѣлый день таскали плугъ, проворчалъ старикъ:—а для рыси дорога слишкомъ плоха. Намъ надо добрыхъ два часа или маленечко побольше; за сосѣдней деревней начнутся пески,—тамъ ужь, съ этими тяжелыми ящиками, придется подвигаться еще медленнѣе.

„Что̀ городъ—то норовъ, что̀ деревня—то обычай", подумалъ я въ утѣшеніе, трясясь на твердомъ сидѣньѣ, и когда началась песчаная дорога, извивавшаяся то между полями и лугами, то среди мелкаго сосноваго лѣса, проворно выскочилъ изъ телѣги, чтобы облегчить измученныхъ животныхъ. Былъ конецъ апрѣля; дулъ теплый весенній вѣтеръ; въ полѣ на свѣжихъ бороздахъ, оставленныхъ плугомъ, большими стаями сидѣли ворòны; въ голыхъ вершинахъ березъ слышались птичьи голоса. Богословская кора не такъ еще затвердѣла вокругъ моего двадцатитрехлѣтняго сердца, чтобы картины пробуждающейся природы не могли произвести на меня впечатлѣнія. Немного времени спустя, шагая на нѣсколько футовъ впереди телѣги, я сдѣлался такъ счастливъ, что воображалъ себя царемъ Давидомъ, а большой деревянный ящикъ съ пожитками казался мнѣ ковчегомъ завѣта, и я долженъ былъ сдерживаться, чтобы не пуститься въ пляску, а съ губъ готовы были сорваться псалмы, громко звучавшіе въ моемъ сердцѣ.

Тѣмъ не менѣе, я очень обрадовался, когда, спустя два часа и „маленечко побольше", мы добрались наконецъ до нашей цѣли, и старый Кришанъ пробормоталъ сквозь зубы, показывая кнутомъ на крышу, виднѣвшуюся изъ-за высокой ильмовой аллеи:—Вотъ мы и дома!

Дорòгою я не разъ тщетно пытался разспросить у него о владѣльцѣ зàмка и его семействѣ. Я узналъ только то, что господинъ баронъ „маленечко строги", а старая баронесса „завсегда очень добры и милостивы". Относительно мальчика Кришанъ промолчалъ, испустивъ только многозначительное „гмъ!" а о пасторѣ *сказалъ, что* „старикъ очень ужь плохъ". Любопытство и нетер-

пѣніе увеличивались у меня съ минуты на минуту,—а лошади все мѣсили несокъ; живописныхъ ландшафтовъ, которые грезились мнѣ въ Берлинѣ, нигдѣ не было видно; деревня, встрѣтившаяся намъ по дорогѣ, ничуть не отличалась отъ всѣхъ другихъ поселеній этой провинціи, лишенныхъ всякой прелести, а нѣсколько женщинъ и дѣтей глазѣли на меня, стоя на порогѣ своихъ хатъ и относясь совершенно равнодушно къ моему пріѣзду,—въ моихъ глазахъ, очень важному событію. Съ тихимъ вздохомъ усѣлся я снова въ телѣгу, какъ только мы въѣхали въ ильмовую аллею, и лошади мелкой рысцой поплелись къ замку.

Чрезъ голыя вѣтви деревьевъ, замокъ глядѣлъ очень величественно, но дорога шла къ нему съ легкимъ уклономъ, и клячи снова потащили насъ тихимъ шагомъ. Но все таки мы обогнали одинъ странный маленькій экипажъ, для котораго этотъ крутой, по мѣстнымъ понятіямъ, подъемъ пути представлялъ еще больше затрудненій, чѣмъ намъ.

Рядомъ съ рѣзвой, въ пятнахъ, собакой, тащившей маленькую телѣжку, впряглась старуха, на видъ очень древняя; на телѣжку былъ положенъ большой мѣшокъ, до верху полный, затѣмъ нѣсколько связокъ хворосту, разная посуда, всякій хламъ,—все это было перевязано веревками, но такъ слабо, что едва могло сохранить равновѣсіе и чуть-чуть не разсыпалось. Собака шла, высунувъ языкъ, а старуха сопѣла, кашляла и совсѣмъ пригибалась къ землѣ подъ давленіемъ повода, рѣзавшаго ей плечи. Она и ея четвероногій товарищъ едва ли могли бы втащить на верхъ свою тяжелую ношу, еслибы у нихъ не было сзади помощницы:—высокая, стройная дѣвушка, одѣтая по городскому, спокойно шла за телѣжкой, подталкивая ее впередъ и принимая на себя половину работы.

Она только на мгновеніе обернула къ намъ лицо свое, когда мы проѣхали мимо телѣжки. Мнѣ не удалось хорошо разсмотрѣть ея черты: вѣтви деревъ бросали свою тѣнь на нее, но все таки я увидалъ молодое серьезное лицо, и когда на меня упалъ быстрый взглядъ ея глазъ, сейчасъ же снова опустившихся къ землѣ, я почувствовалъ какое-то особенное впечатлѣніе. Я замѣтилъ также чудный цвѣтъ бѣлокурыхъ волосъ дѣвушки, покрытыхъ чернымъ платкомъ—удачнѣе всего можно сравнить ихъ съ янтаремъ. Далѣе, мнѣ бросилась въ глаза надѣтая на ней синяя кофточка не моднаго покроя, обшитая простымъ сѣрымъ мѣхомъ. Но скоро странный экипажъ остался позади насъ, а я не осмѣливался обернуться.

— Это наша барышня, сказалъ Кришанъ; онъ вынулъ при

встрѣчѣ трубку изо рта и почтительно снялъ шапку.—А старуха—это матушка Лишенъ.

— Вотъ какъ? съ удивленіемъ спросилъ я.—Развѣ у господина барона такая взрослая дочь?

— Нѣтъ, господинъ кандидатъ. Дочери господина барона пошелъ только четырнадцатый годикъ, и зовутъ ее фрейлейнъ Леопольдина. А эта барышня... н-но!

Тутъ онъ наградилъ лошадей здоровымъ ударомъ; мы заворачивали изъ ильмовой аллеи во дворъ замка. Любопытство мое все увеличивалось, не находя себѣ удовлетворенія.

Замокъ вполнѣ отвѣчалъ своему имени. Это было очень видное зданіе начала прошлаго столѣтія; къ нему велъ съ обѣихъ сторонъ широкій подъѣздъ; на высокомъ каменномъ фундаментѣ мощно покоился одноэтажный фасадъ дома, богато украшенный лѣпными орнаментами,—къ ихъ стилю, правда, не очень-то подходила остроконечная крыша съ неправильными окошечками чердаковъ. Отъ главнаго строенія подъ прямымъ угломъ отдѣлялся лѣвый флигель, который тянулся вплоть до ильмовой аллеи, а правое крыло—разрушившееся, какъ я узналъ впослѣдствіи, во время какого-то большаго пожара—замѣнялось неуклюжей четырехгранной башней въ три этажа. Впрочемъ, различные зубцы и выступы, со всѣхъ четырехъ сторонъ окаймлявшіе ея огромную крышу, придавали ей рыцарскій видъ.

У подъѣзда меня встрѣтилъ лакей въ свѣтло-зеленой ливреѣ; онъ сказалъ, что господа уже ожидаютъ меня, и повелъ въ домъ съ нѣкоторою фамильярностью, показывавшею, что онъ считаетъ меня своимъ же братомъ-прислугой. Темная, холодная передняя, вымощенная плитнякомъ; широкія каменныя лѣстницы, оленьи рога, украшавшіе собою всѣ стѣны; множество прислуги обоего пола, съ любопытствомъ посматривавшей на насъ изъ-за каждой двери—произвели на меня сильное впечатлѣніе, хоть я и ожидалъ въ глубинѣ души болѣе торжественнаго пріема со стороны моихъ будущихъ хозяевъ. Но я утѣшался тѣмъ, что въ этомъ-то и видна настоящая знать, и рѣшилъ также стоять на высотѣ своего достоинства и завоевать себѣ уваженіе, въ которомъ не могли отказать моему духовному званію даже эти высокородные міряне.

Между тѣмъ я взбирался на самый верхній этажъ башни по такой крутой лѣстницѣ, что у меня захватило дыханіе. Однако, войдя въ свою комнату, которую указалъ мнѣ лакей, я тотчасъ *же примирился* съ тяжелой дорогой. Комната эта была угловая;

изъ четырехъ широкихъ оконъ, почти квадратной формы, открывался великолѣпнѣйшій видъ, надъ вершинами аллеи, на поля, лѣса и деревенскія избушки, тѣснившіяся вокругъ хорошенькой круглой церкви, точно цыплята около насѣдки. Вся окрестность утопала въ золотыхъ лучахъ полуденнаго солнца; изъ домовыхъ трубъ поднимались легкія синеватыя облачки дыма и тихо плыли по воздуху, уносимыя свѣжимъ апрѣльскимъ вѣтеркомъ.

— Черезъ четверть часа господа пойдутъ къ столу, обратился ко мнѣ лакей.—Не прикажете ли еще чего нибудь, господинъ кандидатъ?

Я попросилъ принести сюда всѣ мои пожитки, и только что успѣлъ очистить платье отъ дорожной пыли, какъ внизу раздался громкій звонъ большаго колокола, доставивъ пріятное предвкушеніе обѣда моему пустому желудку.

Осмотрѣвъ себя еще разъ въ небольшое зеркало,—оно, кстати замѣтить, какъ и вся остальная обстановка, не было похоже на барское,—поправивъ проборъ и заложивъ за уши длинные волосы, я сошелъ внизъ по крутой лѣстницѣ, съ бьющимся сердцемъ, не смотря на сознаніе своего достоинства.

Столовая лежала въ самомъ низу дома, рядомъ съ переднею. Это была большая сводчатая комната; четыре высокихъ, округленныхъ сверху, окна выходили въ садъ. Широкая стеклянная дверь посрединѣ вела на маленькую террасу, съ которой нѣсколько ступеней спускались къ цвѣточнымъ клумбамъ. Но ничего этого я теперь еще не замѣтилъ, такъ какъ весь мой интересъ поглотили лица, собравшіяся къ обѣденному столу.

Высокій мужчина очень представительнаго вида, съ красивымъ, правильнымъ лицомъ и военными усами и бородой, подошелъ ко мнѣ, протянувъ выхоленную руку, и произнесъ мягкимъ голосомъ, звукомъ котораго онъ самъ, казалось, наслаждался:—„Да благословитъ Господь вашъ пріѣздъ, господинъ кандидатъ!“—Я молча поклонился, и баронъ подвелъ меня къ маленькой дамѣ, сидѣвшей въ высокомъ креслѣ, въ черномъ шолковомъ платьѣ и большомъ бѣломъ тюлевомъ чепчикѣ.

— Вотъ, милая Лиза, позволь представить тебѣ господина кандитата, Іоганна Вейсброда, сказалъ онъ:—съ божьею помощью, онъ поможетъ намъ дать хорошее воспитаніе нашему сыну. Ахацъ!—позвалъ онъ затѣмъ, обертываясь къ блѣдному мальчику, очевидно, остановившемуся въ развитіи, который передпоптывался на другомъ концѣ залы съ высокой молодой дѣвушкой. Мальчикъ медленно подошелъ къ отцу, робко смотря на меня исподлобья, и лишь послѣ вторичнаго приказанія протянулъ мнѣ худую желтую руку.

умершей, съ которою теперь связывалось для меня тягостное воспоминаніе. И дѣйствительно, мнѣ не пришлось узнать ничего новаго объ ней: приготовленная для меня повозка стояла уже передъ крыльцомъ гостинницы, а хозяинъ былъ куда-то отозванъ по нетерпящему отлагательства дѣлу; такимъ образомъ, мнѣ не оставалось ничего другаго, какъ выпить немного вина съ зельтерской водой (у меня совсѣмъ пересохло въ горлѣ, и языкъ прилипалъ къ нёбу), а затѣмъ я погналъ скорѣе своего ямщика, желая еще до наступленія ночи достичь цѣли путешествія.

Въ имѣніи моего пріятеля я также ни слова не говорилъ о своемъ приключеніи въ N***: онъ жилъ въ этой мѣстности только съ очень недавняго времени, былъ совершенно поглощенъ ближайшими обязанностями и личными заботами, и потому едва ли имѣлъ возможность близко ознакомиться съ мѣстной хроникой. Только изъ одного случайнаго разговора я узналъ, что разсыщенный пароходъ на озерѣ принадлежалъ прежде одной обанкротившейся фирмѣ, а затѣмъ его взялъ себѣ кто-то изъ кредиторовъ, который надѣялся спустить его по стоимости матеріала. Но покупщиковъ не находилось, и новый владѣлецъ приказалъ перетащить заслуженнаго инвалида въ это маленькое озеро, гдѣ пароходъ и стоитъ до сихъ поръ безъ всякаго употребленія.

Въ домѣ пріятеля—лежавшемъ, къ сожалѣнію, въ самой прозаической мѣстности—я провелъ нѣсколько очень пріятныхъ дней, а когда затѣмъ возвратился въ Берлинъ, то воспоминаніе о времени, проведенномъ мною на маленькомъ кладбищѣ при богадѣльнѣ, уже въ значительной степени потускнѣло.

Но оно не изгладилось совершенно, какъ все, что̀ напоминаетъ намъ о нашихъ слабостяхъ или глупыхъ поступкахъ. Поэтому, никому не покажется удивительнымъ, что я былъ въ высшей степени пораженъ, когда, годъ спустя, получилъ черезъ почту тяжелый пакетъ, къ которому было приложено письмо слѣдующаго содержанія:

„Милостивый государь!

„Къ сожалѣнію, я не могу представиться вамъ, какъ совершенно незнакомый для васъ человѣкъ. Я долженъ начать мое письмо просьбою извинить меня въ томъ, въ чемъ я провинился передъ вами годъ тому назадъ, когда имѣлъ честь познакомиться съ вами,—если только можно примѣнить это слово къ встрѣчѣ, послѣ которой обѣ стороны остались вполнѣ незнакомыми *другъ другу*.

„*Не знаю*, сохранилось ли у васъ хоть какое нибудь воспо-

и—въ сущности—что могло быть естественнѣе любезности хозяина дома, которою онъ хотѣлъ облегчить посторонней особѣ ея служебное положеніе. Въ поведеніи француженки также нельзя было найти ничего нехорошаго, достойнаго порицанія. Она была со всѣми изысканно-вѣжлива, не исключая даже меня, своего незначительнаго сослуживца, и ее надо было бы признать очень привлекательной, еслибы не рѣзкій блескъ ея черныхъ глазъ. Вслѣдствіе этого, я могъ объяснить себѣ мое странное нерасположеніе къ мадмуазель Дюшанель только тѣмъ, что я сознавалъ свои плохія познанія во французскомъ языкѣ и потому постоянно чувствовалъ себя смущеннымъ передъ нею, хотя она говорила со мною только по нѣмецки.

Собирались уже садиться за столъ, накрытый на восемь приборовъ, который стоялъ посреди комнаты; баронъ повелъ уже свою маленькую супругу къ ея креслу, напротивъ стеклянной двери, а мальчикъ схватилъ сестру за косы и погонялъ ее, точно лошадь, къ столу; вдругъ дверь изъ передней отворилась, и въ комнату вошло новое лицо—высокій, худощавый мужчина въ сѣромъ поношенномъ фракѣ съ роговыми пуговицами, какіе носятъ у насъ охотники, въ высокихъ сапогахъ, держа въ рукѣ старенькую войлочную шляпу. Съ перваго же взгляда видно было, что онъ приходился братомъ хозяину дома, хоть и не отличался блестящимъ видомъ, характеризовавшимъ послѣдняго.

Онъ вошелъ безшумно, съ легкой улыбкой, не то печальной, не то юмористической, придававшей крайне пріятное выраженіе его красивымъ губамъ; медленно подойдя къ баронессѣ, поцѣловалъ ей руку, не говоря ни слова; кивнулъ племянницѣ и сталъ затѣмъ около стула на нижнемъ концѣ стола, рядомъ со мной, удостоивъ меня только равнодушнымъ взглядомъ.

— Куда же опять дѣвалась Луиза? спросилъ баронъ.

Маленькая старая дама съ робкою мольбою взглянула на мужа. Я замѣтилъ, что онъ готовился сказать что-то рѣзкое, но тутъ подоспѣлъ сынокъ:

— Она запряглась въ собачью телѣжку старухи Лишенъ, громко сказалъ онъ съ насмѣшливой улыбкой, которая очень не понравилась мнѣ; а потомъ шепнулъ на ухо сестрѣ, но такъ, что всѣ могли ясно разслышать его слова:—Я прекрасно посмѣялся надъ нею, а она хотѣла прибить меня; однако я оказался проворнѣе и убѣжалъ.

И маленькій уродъ снова злобно разсмѣялся.

Баронъ замѣтилъ что-то по французски, чего я не понялъ. Затѣмъ оперся руками о спинку стула и проговорилъ:

— Возблагодаримъ Господа!

Онъ прочелъ предъобѣденную молитву, весьма недурную, хотя она показалась мнѣ нѣсколько длинной; молодой баронъ Ахацъ все это время безустанно толкалъ сестру локтемъ въ бокъ. Мадмуазель Сюзонъ Дюшанель въ началѣ и въ концѣ молитвы перекрестилась, что̀ привело меня въ изумленіе, какимъ образомъ въ этотъ строго протестантскій домъ могла быть принята гувернантка-католичка? Однако никто, кромѣ меня, не находилъ въ этомъ, казалось, ничего неудобнаго.

Наконецъ всѣ усѣлись: на верхнемъ концѣ сама хозяйка, по обѣимъ ея сторонамъ—дѣти; рядомъ съ мальчикомъ помѣстился баронъ, затѣмъ—француженка; по правую руку ея предложили сѣсть мнѣ. Напротивъ меня, около фрейлейнъ Леопольдины, оставался одинъ незанятый стулъ; потомъ было мѣсто брата барона, которому хозяинъ представилъ меня во время усаживанья:—„Кандидатъ Іоганнъ Вейсбродъ... мой братъ Іоахимъ“...

Только что поданъ былъ супъ, какъ дверь снова отворилась, и на порогѣ показалась неизвѣстно куда запропастившаяся Луиза, —разумѣется, это была никто иная, какъ та барышня, съ которою я встрѣтился, проѣзжая по ильмовой аллеѣ. Кофточка и черный головной платокъ ея были сняты, и на ней надѣто было теперь простое сѣрое платье съ бѣлоснѣжнымъ воротничкомъ, придававшее дѣвушкѣ еще болѣе стройности: — такою изображается на древнихъ статуяхъ богиня охоты. Лицо ея слегка покраснѣло—я не могъ рѣшить, отъ смущенія или же отъ поспѣшной ходьбы. Впрочемъ, она не опустила головы, какъ кающаяся грѣшница; нѣтъ, она направилась къ старушкѣ-хозяйкѣ, нагнулась, поцѣловала ее въ щеку; затѣмъ, не моргнувъ глазомъ, спокойно выдержала карательный взглядъ барона и молча усѣлась на пустое мѣсто между дѣвочкой и „братомъ Іоахимомъ“.

Мальчикъ обратился къ ней съ насмѣшкою, но сразу же замолчалъ, какъ только она бросила на него черезъ столъ спокойный, пристальный взглядъ. Теперь я увидѣлъ и ея блестящіе темно-каріе глаза, надъ которыми поднимались золотистыя рѣсницы. Но, въ общемъ, она показалась уже не такой красавицей, какъ внизу, въ тѣни деревьевъ.

Ея лицо носило отпечатокъ рѣзкости и упорства, а это совсѣмъ не соотвѣтствовало моему идеалу женской красоты и незлобивости. То обстоятельство, что она не обращала ни малѣйшаго вниманія на мою драгоцѣнную особу, также не могло внушить мнѣ благопріятнаго представленія объ ея характерѣ. Она обмѣнялась *подъ столомъ* легкимъ рукопожатіемъ со своимъ сосѣдомъ,

не сказавъ ни слова, и затѣмъ принялась ѣсть такъ равнодушно, точно за столомъ, кромѣ нея, не было ни души.

Меня отчасти раздосадовало, зачѣмъ я не былъ ей представленъ. Но скоро мысли мои отвлеклись отъ этого страннаго молодаго созданія: баронъ завязалъ разговоръ на богословскую тему, выказывая себя ревностнымъ лютераниномъ самыхъ строгихъ правилъ. Вначалѣ я принялъ въ разговорѣ этомъ горячее участіе, такъ какъ слышалъ раньше, что хозяинъ дома—человѣкъ очень ученый. Но, спустя нѣсколько минутъ, я замѣтилъ, что его свѣдѣнія очень и очень поверхностны: онъ только сыпалъ вокругъ себя именами авторовъ и книжными титулами, да еще повторялъ постоянно двѣ-три ходячія фразы, на которыя очевидно, сильно разсчитывалъ. Особенно рѣзко нападалъ онъ на ученіе Шлейермахера, нѣсколько разъ повторилъ игру словъ насчетъ имени этого философа, хотя, казалось мнѣ, никогда не читалъ ни одной страницы какъ догматики его, такъ и рѣчей о религіи.

Очевидно, разговоромъ этимъ баронъ желалъ только дать мнѣ высокое понятіе о своихъ познаніяхъ и нравственныхъ принципахъ,—а сущность дѣла ничуть его не интересовала. Я вывелъ это изъ того, что онъ не слушалъ моихъ скромныхъ возраженій; тогда я призналъ лучшимъ спрятать въ ножны оружіе, хоть и считалъ себя сильнымъ бойцомъ истинной вѣры, — и нашъ первый богословскій турниръ окончился къ обоюдному удовольствію. Я жалѣлъ только объ одномъ:—мое положеніе въ домѣ не позволяло мнѣ сбросить противника на-земь и получить изъ прекрасныхъ ручекъ побѣдную награду.

(Продолженіе будетъ).

человѣчества, и можно считать чуть ли не долгомъ своимъ передать нашимъ потомкамъ воспоминаніе о такой рѣдкой, высоконравственной женщинѣ".

Письмо это было послѣднимъ, которое я получилъ непосредственно отъ автора записокъ. Я не осмѣливался больше пробовать, нельзя ли будетъ поколебать его рѣшеніе, и манускриптъ двадцать лѣтъ пролежалъ у меня въ ящикѣ письменнаго стола.

Въ началѣ текущаго года, я получилъ письмо, надписанное незнакомою рукою, съ почтовымъ штемпелемъ того самаго бранденбургскаго городка. Смотритель мѣстнаго городскаго училища сообщалъ мнѣ, что другъ его, пользовавшійся до послѣдней минуты прекраснымъ здоровьемъ, однажды утромъ найденъ былъ мертвымъ въ постели. Согласно послѣдней волѣ усопшаго, его похоронили на кладбищѣ при богадѣльнѣ, рядомъ съ дорогой ему могилой, и весь городъ съ искреннимъ сожалѣніемъ проводилъ гробъ до послѣдняго жилища. Между бумагами покойника нашлись нѣкоторыя указанія, изъ которыхъ явствовало, что я долженъ быть извѣщенъ объ его смерти.

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, я былъ вправѣ считать себя его душеприкащикомъ и извлечь, наконецъ, изъ забвенія нижеслѣдующія страницы. Перечитывая ихъ еще разъ, я лишь весьма мало воспользовался даннымъ мнѣ полномочіемъ измѣнять и сокращать ихъ по своему благоусмотрѣнію; и только изрѣдка можно догадаться по неровности тона, что тутъ вмѣшивалась другая рука—именно, когда надо было освѣтить темное мѣсто или прійти на помощь къ перу, не находящему годнаго выраженія. Въ общемъ же, я все оставилъ такъ, какъ получилъ, потому что, мнѣ кажется, безукоризненно очерченные образы этого біографическаго романа—такъ, конечно, должно назвать его—едва ли бы выиграли въ своей прелести и жизненности отъ болѣе тщательной группировки и болѣе искуснаго исполненія; зато отпечатокъ правдивости навѣрное пострадалъ бы отъ этого.

ВОСПОМИНАНІЯ

ВЫВШАГО

кандидата богословія Іоганна-Теодора Вейсброда.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Я долженъ предпослать нижеслѣдующимъ замѣткамъ просьбу: *пусть читатель* не припишетъ моему мелкому тщеславію то обстоя-

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКАЯ ДРАМА НА НОВОМЪ ПУТИ.

(Графъ Л. Н. Толстой. „*Власть тьмы*“, или „*Коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть*“.)

Когда В. Г. Бѣлинскій писалъ свою страстную рецензію на лубочную книжку: „Сердце человѣческое есть или храмъ Божій, или жилище Сатаны“, то у него были на это причины, лежавшія внѣ его самого и внѣ той общественной задачи, исполненіе которой лежитъ на критикѣ. Когда теперь намъ приходится серьезно говорить о только что появившейся книжкѣ „Власть тьмы“, то мы это дѣлаемъ лишь потому, что на этой книжкѣ стоитъ имя даровитаго графа Л. Н. Толстаго. Наша печать воздала уже свою дань ѳиміама этому своеобразному произведенію, которое нашло себѣ горячихъ поклонниковъ во всѣхъ слояхъ общества, съ верха до самаго низа. Казалось бы, и намъ не слѣдъ оригинальничать и идти наперекоръ мнѣнію большинства; но все таки, рискуя быть уличенными въ непониманіи самоновѣйшихъ красотъ послѣдняго слова русскаго творчества, мы предпочитаемъ откровенно сказать, что въ новомъ произведеніи графа Толстаго нѣтъ ровно ничего, приводящаго въ эстетическій восторгъ. Нужно подчиниться вполнѣ вліянію того особаго сумбурнаго направленія, которое отожествляется съ именемъ графа Толстаго, чтобы принимать съ умиленіемъ сердца каждое слово, исходящее изъ его устъ. Такого рода беззавѣтнымъ поклонникамъ нашего крупнаго писателя мало дѣла даже и до того, что ихъ великій мастеръ заговорилъ совсѣмъ не на-руку своему направленію, что онъ съ отвратительнѣйшей стороны показалъ намъ тотъ самый таинственный міръ, гдѣ намъ, русскимъ людямъ злополучнаго верхняго слоя, надлежало, по сказанію народолюбцевъ, отъискивать самую заправскую народную подоплеку. Прочитавъ драму графа Толстаго, врядъ ли кто окрѣпнетъ въ стремленіяхъ „слиться съ народомъ“ и искать въ средѣ его завѣтныхъ идеаловъ человѣчества. Передъ нами великій художникъ раскрываетъ картину страшнаго нравственнаго нигилизма нѣсколькихъ, совершенно здоровыхъ по виду, [illegible]

Во что они вѣрятъ, какимъ богамъ молятся, *чѣмъ живы* эти люди, что въ нихъ есть, кромѣ самыхъ скверныхъ похотей и вожделѣній? И таковы, по преимуществу, женщины въ произведеніи графа Толстаго. Какъ извѣстно, нашъ „великій писатель, мыслитель и учитель"—вообще не высокаго мнѣнія о женщинѣ, и на этотъ разъ, устами одного, видимо, ему симпатичнаго персонажа онъ говоритъ о русской бабѣ, что она—„скотина безпастушная", что баба—„самое глупое и пустое сословіе", что онѣ—„слякоть одна". Мы не ясно представляемъ себѣ, какую *тьму* подразумѣвалъ графъ Толстой, давая своей пьесѣ названіе „Власть тьмы", но врядъ ли въ глазахъ автора воспроизводимыя имъ ужасныя преступленія народной среды составляютъ плодъ умственнаго невѣжества, какъ это поторопился объяснить одинъ благодушествующій критикъ. Вѣдь по теоріи, проведенной графомъ Толстымъ въ сказкѣ объ Иванѣ-дуракѣ, какое бы то ни было умствованіе не должно имѣть мѣста въ идеальной жизни человѣческаго общества. Гораздо было бы вѣрнѣе озаглавить драму графа Толстаго: „Власть бабъ". Въ ней рѣзко разграничивается мужское, болѣе прочное и нравственное начало отъ начала бабьяго,—безтолковаго, чувственнаго, коварнаго и алчнаго до наслажденій. Но что же подѣлаешь противъ этого бабьяго начала? На какой степени развитія обуздываются порывы чувственности? Гр. Толстой,—этотъ упорный проповѣдникъ нравственнаго индивидуализма,—указываетъ всѣмъ на путь личнаго нравственнаго самоусовершенствованія. Строй общественной жизни и взаимныя человѣческія отношенія для него какъ бы не существуютъ. Онъ приводитъ насъ въ нѣдра народной жизни, гдѣ и говорятъ-то не по людски, прибавляютъ къ каждому слову совершенно безсмысленное словечко „таё" и ругаются самымъ площаднымъ образомъ. Передъ нами обнаружена до мельчайшихъ подробностей жизнь состоятельной крестьянской семьи, но безъ всякаго ея отношенія къ крестьянскому міру. Сцѣпленіе самыхъ жестокихъ преступленій нагло совершается на глазахъ у всѣхъ, и среди крестьянскаго общества не находится ни единой горячей души, которая выступила бы на обузданіе расходившагося порока. Напротивъ, другая зажиточная семья спѣшитъ породниться съ этимъ домомъ порока и преступленій, и сваты приходятъ именно въ тотъ моментъ, когда дѣвушка, обольщенная мужемъ своей мачихи, разрѣшается отъ бремени чуть-чуть не на сценѣ.

Намъ возразятъ однако, что въ драмѣ графа Толстаго есть положительный типъ въ лицѣ старика Акима, отца героя пьесы, Петра. Но обратите вниманіе на то, какъ поставлена въ пьесѣ эта фигура. Акимъ постоянно увѣщеваетъ сына и окружающихъ не грѣшить, жить по божески; но всѣ, начиная съ матери и сына, относятся къ нему свысока и на его рѣчи никакого вниманія не обращаютъ. Душа преступника наполняется *непосредственнымъ* ужасомъ лишь съ того момента, когда онъ, подъ *давленіемъ всѣхъ* трехъ „опутляющихъ" его бабъ, рѣшается задушить своего,

точныя справки о томъ, гдѣ мнѣ слаще будетъ жить. Всѣ три предложенія были—мѣста воспитателя въ помѣщичьихъ домахъ, съ надеждою на пасторатъ, который долженъ былъ оказаться вакантнымъ въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени. Я выбралъ самую знатную изъ трехъ дворянскихъ семей, которой принадлежали двѣ деревни, расположенныя въ мѣстности, извѣстной своимъ плодородіемъ и не лишенной художественныхъ прелестей. Тамошнему пастору было лѣтъ подъ восемьдесятъ; у помѣщика было всего двое дѣтей, съ которыми мнѣ приходилось заниматься,—мальчикъ двѣнадцати лѣтъ и дочь—четырнадцати; самъ помѣщикъ пользовался славою строго-вѣрующаго человѣка, и—что̀ послужило немалымъ поводомъ къ окончательному выбору— въ своемъ письмѣ онъ распространялся въ сильныхъ выраженіяхъ о моей замѣчательной особѣ, таланты и добродѣтели которой пріятная молва разнесла по всему округу. Отецъ, уже лежавшій на смертномъ одрѣ, съ радостными слезами распечаталъ письмо и прочелъ мнѣ его дрожащимъ голосомъ.

Итакъ, восхваливъ въ сердцѣ Господа Бога, отечески заботящагося о томъ, чтобы избранныя дѣти Его уже въ этомъ тлѣнномъ мірѣ могли сдѣлать себѣ карьеру, я обнялъ бѣдную старую тетю, которая осталась жить въ убогой комнаткѣ на чердакѣ большаго дома, и тронулся въ путь къ своему кандидатскому раю, съ гордою надеждою, лишь слегка омраченною недавней утратой.

Это возвышенное настроеніе упало на нѣсколько градусовъ ниже, когда я, пріѣхавъ на послѣднюю желѣзно-дорожную станцію, напрасно искалъ глазами вокругъ себя карету, въ которой я надѣялся совершить дорогу къ мѣсту назначенія. Баронъ писалъ мнѣ, что онъ пришлетъ за мною на станцію экипажъ. Я ожидалъ увидѣть, по крайней мѣрѣ, великолѣпнуюк оляску, если и не запряженную четверней, то, во всякомъ случаѣ, увѣшанную вѣнками, какъ прилично сдѣлать для молодаго духовнаго тріумфатора. Вмѣсто того, я здѣсь нашелъ совсѣмъ не изящный экипажъ, служившій, какъ я подозрѣвалъ, главнымъ образомъ для перевозки телятъ или барановъ; передъ нимъ стояли двѣ деревенскія клячи, уныло помахивая своими длинными хвостами. Старый слуга—не вынувшій даже изо рта своей коротенькой трубки, когда подошелъ ко мнѣ,—спросилъ на ворчливомъ жаргонѣ, не я ли—кандидатъ, котораго онъ долженъ отвезти къ господину барону; затѣмъ, пробормотавъ сквозь зубы проклятіе, стащилъ на телѣгу *мой чемоданъ и три* тяжелыхъ ящика съ книгами, и указалъ мнѣ

подлежитъ сомнѣнію, но исключительно въ области художественной эпопеи. А между тѣмъ, по истинѣ, суетная гордыня этого человѣка не знаетъ предѣловъ. Недовольный всѣмъ, онъ съ рѣшительностью, достойною лучшей участи, берется все передѣлывать по своему. Имъ была предпринята реформа русской педагогіи, но графъ Толстой не довелъ до конца взятой на себя задачи, а его доводами противъ всесильныхъ еще недавно педагогическихъ идей воспользовались люди, съ которыми врядъ ли графъ Толстой имѣетъ много общаго. Онъ недоволенъ православіемъ и объявляетъ во всеуслышаніе, въ чемъ заключается его, графа Толстаго, *собственная вѣра,* сводящаяся въ концѣ концовъ къ абсолютному *религіозному нигилизму*, съ которымъ уживается чрезвычайно гибкая этическая система, пришедшаяся вполнѣ по плечу весьма многимъ „лукавымъ, малодушнымъ дѣтямъ“ (стихъ Пушкина) и сгубившая немногихъ, искренно увѣровавшихъ въ ученіе графа Толстаго всѣмъ сердцемъ своимъ и всей душою своею. Наконецъ, графъ Толстой смѣшалъ съ грязью и всю русскую литературу, заявляя, что на почвѣ верхняго общественнаго слоя нѣтъ элементовъ для здороваго творчества, и далъ намъ цѣлый рядъ опытовъ *новой* литературы, послѣднимъ словомъ который является теперь драма „Власть тьмы“. Детальный разборъ этого произведенія ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ непривычнымъ обиліемъ непристойной ругани, переполняющей здѣсь каждую страницу. „Кобель бѣшеный“, „кобель потрясучій“, „гнилой чортъ носастый“, „песъ“ (4 раза на одной страницѣ), „подлюга“, „потаскуха“, — вотъ тѣ перлы, которыми персонажи графа Толстаго уснащаютъ свою рѣчь и безъ которыхъ,—нужно думать, — авторъ находитъ немыслимымъ живописать народную жизнь. Для той же цѣли, вѣроятно, понадобились автору разговоры объ очисткѣ выгребныхъ ямъ и о томъ, какъ устраивается въ городѣ отправленіе физіологическихъ потребностей, весьма естественныхъ, но до сихъ поръ не подлежавшихъ обсужденію въ публичной бесѣдѣ. Затѣмъ, мы рекомендовали бы графу Толстому снабдить свое произведеніе теперь же, не дожидаясь будущихъ коментаторовъ, толковымъ словаремъ такихъ реченій, какъ „праликъ“, „острабучиться“, „таё“ и т. п.

Зачѣмъ, далѣе, понадобилось графу Толстому входить въ такія реальныя подробности совершенія дѣтоубійства? Чтобы прекратить существованіе только что родившагося ребенка, нужно гораздо меньше жестокостей, чѣмъ сколько ихъ ввелъ въ свое произведеніе графъ Толстой. Въ этомъ онъ превзошелъ даже Костомарова, котораго „Кудеяръ“, съ детальными описаніями мукъ, какимъ подвергалъ своихъ жертвъ Иванъ Грозный,—наводитъ на читателя ужасъ и оставляетъ въ сердцѣ какую-то ноющую безплодную боль. Ту же безплодную боль причиняетъ себѣ все русское *общество, зачитываясь* „Властью тьмы“. Зачѣмъ, напримѣръ,—если не для *окончательнаго истязанія нервовъ* зрителей,—понадобилась автору заклю-

чительная сцена покаянія убійцы, который подробно исчисляетъ здѣсь все содѣянное имъ, содѣянное въ теченіе четырехъ предъидущихъ актовъ, на глазахъ у публики? Казалось бы, достаточно тутъ двухъ-трехъ словъ раскаянія и заявленія готовности понести заслуженную кару, какъ это мы видимъ у Островскаго и Писемскаго, чтобы прикрыть занавѣсью этотъ анатомическій театръ человѣческихъ страстей и похотей. Но авторъ видимо *смакуетъ* эту сцену, выпуская въ ней еще разъ резонёра Акима. Этотъ благомысленный „золотарь", познакомившійся съ цивилизаціей по выгребнымъ ямамъ и не съумѣвшій въ теченіе четырехъ актовъ воздѣйствовать на своего сына, теперь озабоченъ возможностью для этого несчастнаго снять со своей души грѣхъ однимъ только словоизверженіемъ и исчисленіемъ совершонныхъ имъ мерзостей. Акимъ энергично осаживаетъ урядника, который благоразумно торопится арестовать преступника, и говоритъ ему: „Погоди, говорю; объ ахтѣ таё не толкуй, значитъ. Тутъ таё Божье дѣло идетъ.... кается человѣкъ, значитъ, а ты таё—ахту"!.. Знаменитая въ свое время (и даже не такъ давно) драма Писемскаго „Горькая судьбина" была разсмотрѣна и аттестована нашимъ высшимъ эстетическимъ ареопагомъ,—вторымъ отдѣленіемъ (русскаго языка и словесности) императорской академіи наукъ, которое удостоило драму Писемскаго уваровской преміи. Конечно, такой крупный писатель, какъ графъ Л. Н. Толстой, не нуждается ни въ какихъ преміяхъ и ни въ какихъ сужденіяхъ, но въ интересахъ читающей публики важно было бы, чтобы наша академія сама занялась разсмотрѣніемъ драмы графа Толстаго и дала ей безпристрастную коллегіальную оцѣнку. Мы же, профаны—пишущіе подъ непосредственнымъ давленіемъ момента и переживаемыхъ впечатлѣній — должны въ данномъ случаѣ умыть руки и покаяться, что, вооруженные бывшимъ до сихъ поръ въ употребленіи критическимъ мѣриломъ, мы совершенно не понимаемъ эстетической силы произведенія, такъ увлекшаго всѣхъ, даже до появленія своего въ печати.... Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ на сторонѣ увлекающихся публицистовъ, которые торопятся формулировать общественныя желанія, обрѣтаются вкусы и симпатіи *сего дня*, но нужно также заглянуть и въ будущее, которое готовитъ, можетъ быть, совсѣмъ иную оцѣнку чудовищному произведенію сбитаго съ толку дарованія. Скажемъ только, что, еслибы съ „Властью тьмы" выступилъ неизвѣстный, начинающій авторъ, то это литературное твореніе не нашло бы для себя ни издателей, ни читателей....

Евгеній Гаршинъ.

ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Бѣдность новыхъ произведеній въ новомъ году.—Развивается ли творческая фантазія въ смутную эпоху?—Снисходительность французской критики.—Успѣхъ изъ уваженія къ автору.—Новая драма Ренана.—Теорія предсмертной любви.—Альфонсъ Додэ и его „Нума Руместанъ".—Виноватъ ли югъ въ томъ, что мужья обманываютъ своихъ женъ?—Женскій вопросъ въ комедіяхъ Дюма.—Паденіе Жоржа Оне и его драмы.—Послѣдній романъ Гюи-де-Мопассана.—„Андре Корнелисъ" и роль Поля Бурже въ современной литературѣ.—Романы Баньера, Сима, Тудуза.—Кто такой Герве и почему его избрали членомъ академіи?—Максимъ Дюканъ и герцогъ Ноайль.—Воспитаніе женщинъ посредствомъ женщинъ.—Роль англійской женщины въ женскомъ вопросѣ.—Исторія Мери Годвинъ.—Книга американскаго писателя объ умственномъ развитіи человѣчества.—Свобода мысли въ трехъ стадіяхъ ея развитія.—Гуманизмъ, энциклопедизмъ и журнализмъ.

Начало года всегда бываетъ обильно выдающимися литературными явленіями, но нынѣшній годъ представляетъ исключеніе изъ этого правила. Тревожное ли политическое положеніе Европы причиною этому? оскудѣніе ли талантовъ, идущее параллельно со всеобщимъ оскудѣніемъ матеріальнаго благосостоянія?—отвѣчать на это трудно, но отрицать бѣдность современной общеевропейской литературы невозможно. Не богатъ былъ и прошлый годъ. но, судя по первымъ мѣсяцамъ нынѣшняго—замѣчательныхъ произведеній ждать отъ него не приходится, особенно если оправдаются зловѣщіе признаки, и война обрушится на государства, которыя вовсе ея не желаютъ, но принуждены будутъ вести, потому что такъ угодно Бисмарку, думающему, что только война можетъ возвратить ему утраченную популярность и сохранить его колеблющуюся власть. Существовалъ въ былое время парадоксъ, что въ годы тревогъ и волненій творческая фантазія развивается шире и могущественнѣе. Но это могло быть въ эпоху, когда война обращалась въ заурядное явленіе, и націи схватывались между собой не только въ теченіе тридцати, а даже ста лѣтъ—съ небольшою передышкою. Теперь же, когда войны длятся нѣсколько мѣсяцевъ, истребляя зато разомъ громадное количество молодыхъ жизней и народнаго богатства, подъемъ литературныхъ силъ немыслимъ въ виду страшныхъ бѣдствій, какія влечетъ за собою современная система усовершенствованнаго истребленія человѣчества. Что замѣчательнаго явилось въ Европѣ въ войну 1870 года и послѣдующіе затѣмъ годы? Катастрофа, выбросившая изъ исторіи позорную вторую имперію, надолго парализовала и умственныя силы Франціи, лишивъ ее силъ матеріальныхъ; да и сами побѣдители, въ упоеніи отъ своихъ тріумфовъ, долгое время не производили ничего, кромѣ торжественныхъ *гимновъ*, имѣющихъ такое же отношеніе къ литературѣ, какъ военные *сигналы трубачей*—къ музыкѣ. Даже самыя событія этой эпохи, историче-

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКАЯ ДРАМА НА НОВОМЪ ПУТИ.

(**Графъ Л. Н. Толстой.** „*Власть тьмы*“, или „*Коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть*“.)

Когда В. Г. Бѣлинскій писалъ свою страстную рецензію на лубочную книжку: „Сердце человѣческое есть или храмъ Божій, или жилище Сатаны“, то у него были на это причины, лежавшія внѣ его самого и внѣ той общественной задачи, исполненіе которой лежитъ на критикѣ. Когда теперь намъ приходится серьезно говорить о только что появившейся книжкѣ „Власть тьмы“, то мы это дѣлаемъ лишь потому, что на этой книжкѣ стоитъ имя даровитаго графа Л. Н. Толстаго. Наша печать воздала уже свою дань ѳиміама этому своеобразному произведенію, которое нашло себѣ горячихъ поклонниковъ во всѣхъ слояхъ общества, съ верха до самаго низа. Казалось бы, и намъ не слѣдъ оригинальничать и идти наперекоръ мнѣнію большинства; но все таки, рискуя быть уличенными въ непониманіи самоновѣйшихъ красотъ послѣдняго слова русскаго творчества, мы предпочитаемъ откровенно сказать, что въ новомъ произведеніи графа Толстаго нѣтъ ровно ничего, приводящаго въ эстетическій восторгъ. Нужно подчиниться вполнѣ вліянію того особаго сумбурнаго направленія, которое отожествляется съ именемъ графа Толстаго, чтобы принимать съ умиленіемъ сердца каждое слово, исходящее изъ его устъ. Такого рода беззавѣтнымъ поклонникамъ нашего крупнаго писателя мало дѣла даже и до того, что ихъ великій мастеръ заговорилъ совсѣмъ не на-руку своему направленію, что онъ съ отвратительнѣйшей стороны показалъ намъ тотъ самый таинственный міръ, гдѣ намъ, русскимъ людямъ злополучнаго верхняго слоя, надлежало, по сказанію народолюбцевъ, отъискивать самую заправскую народную подоплеку. Прочитавъ драму графа Толстаго, врядъ ли кто окрѣпнетъ въ стремленіяхъ „слиться съ народомъ“ и искать въ средѣ его завѣтныхъ идеаловъ человѣчества. Передъ нами великій художникъ раскрываетъ картину страшнаго нравственнаго нигилизма нѣсколькихъ, совершенно здоровыхъ по виду, людей.

Во что они вѣрятъ, какимъ богамъ молятся, *чѣмъ живы* эти люди, что въ нихъ есть, кромѣ самыхъ скверныхъ похотей и вожделѣній? И таковы, по преимуществу, женщины въ произведеніи графа Толстаго. Какъ извѣстно, нашъ „великій писатель, мыслитель и учитель"—вообще не высокаго мнѣнія о женщинѣ, и на этотъ разъ, устами одного, видимо, ему симпатичнаго персонажа онъ говоритъ о русской бабѣ, что она—„скотина безпастушная", что баба—„самое глупое и пустое сословіе", что онѣ—„слякоть одна". Мы не ясно представляемъ себѣ, какую *тьму* подразумѣвалъ графъ Толстой, давая своей пьесѣ названіе „Власть тьмы", но врядъ ли въ глазахъ автора воспроизводимыя имъ ужасныя преступленія народной среды составляютъ плодъ умственнаго невѣжества, какъ это поторопился объяснить одинъ благодушествующій критикъ. Вѣдь по теоріи, проведенной графомъ Толстымъ въ сказкѣ объ Иванѣ-дуракѣ, какое бы то ни было умствованіе не должно имѣть мѣста въ идеальной жизни человѣческаго общества. Гораздо было бы вѣрнѣе озаглавить драму графа Толстаго: „Власть бабъ". Въ ней рѣзко разграничивается мужское, болѣе прочное и нравственное начало отъ начала бабьяго,—безтолковаго, чувственнаго, коварнаго и алчнаго до наслажденій. Но что же подѣлаешь противъ этого бабьяго начала? На какой степени развитія обуздываются порывы чувственности? Гр. Толстой,—этотъ упорный проповѣдникъ нравственнаго индивидуализма,—указываетъ всѣмъ на путь личнаго нравственнаго самоусовершенствованія. Строй общественной жизни и взаимныя человѣческія отношенія для него какъ бы не существуютъ. Онъ приводитъ насъ въ нѣдра народной жизни, гдѣ и говорятъ-то не по людски, прибавляютъ къ каждому слову совершенно безсмысленное словечко „таё" и ругаются самымъ площаднымъ образомъ. Передъ нами обнаружена до мельчайшихъ подробностей жизнь состоятельной крестьянской семьи, но безъ всякаго ея отношенія къ крестьянскому міру. Сцѣпленіе самыхъ жестокихъ преступленій нагло совершается на глазахъ у всѣхъ, и среди крестьянскаго общества не находится ни единой горячей души, которая выступила бы на обузданіе расходившагося порока. Напротивъ, другая зажиточная семья спѣшитъ породниться съ этимъ домомъ порока и преступленій, и сваты приходятъ именно въ тотъ моментъ, когда дѣвушка, обольщенная мужемъ своей мачихи, разрѣшается отъ бремени чуть-чуть не на сценѣ.

Намъ возразятъ однако, что въ драмѣ графа Толстаго есть положительный типъ въ лицѣ старика Акима, отца героя пьесы, Петра. Но обратите вниманіе на то, какъ поставлена въ пьесѣ эта фигура. Акимъ постоянно увѣщеваетъ сына и окружающихъ не грѣшить, жить по божески; но всѣ, начиная съ матери и сына, относятся къ нему свысока и на его рѣчи никакого вниманія не обращаютъ. Душа преступника наполняется *непосредственнымъ* ужасомъ лишь съ того момента, когда онъ, подъ давленіемъ *всѣхъ* трехъ „опутляющихъ" его бабъ, рѣшается задушить своего,

только что родившагося, ребенка. Въ то же время, все тѣ же бабы заботятся, чтобы дитя не осталось некрещеннымъ и передъ тѣмъ, чтобы задушить его, торопятся надѣть на него крестъ. Не смѣемъ не вѣрить такому знатоку народной жизни, какъ графъ Л. Н. Толстой, и съ ужасомъ признаёмъ, что въ средѣ народной возможенъ фактъ подобнаго надругательства надъ религіей, хотя и не можемъ помириться съ тѣмъ, что все это десятки и сотни разъ будетъ повторяться съ болѣе или менѣе высокихъ подмостковъ. Вѣря во всемъ на-слово графу Толстому и предполагая, что онъ обработалъ въ своей драмѣ не единичный, поразившій его, случай но обобщилъ цѣлый рядъ фактовъ составляющихъ сумму нравственныхъ явленій народной жизни, мы проникаемся представленіемъ о чрезвычайной скверне, накопившейся на самомъ днѣ крестьянской жизни, откуда графъ Толстой поднялъ эту скверну на поверхность, напоказъ всѣмъ и каждому, неизвѣстно—съ какими цѣлями. Эти цѣли могли быть или дидактическими, или эстетическими. Что̀ можно найти *поучительнаго* въ этой драмѣ—мы рѣшительно отказываемся понимать; что̀ же касается до ея *художественности*, то послѣднее произведеніе графа Толстаго представляется намъ фактомъ безпощаднаго и черезчуръ высокомѣрнаго попранія всѣхъ нашихъ эстетическихъ воззрѣній и традицій въ области творчества вообще и драматическаго искусства по преимуществу. Намъ приходилось уже слышать и читать, что передъ драматическими картинами графа Толстаго блѣднѣютъ такіе шедѣвры русской литературы, какъ „Горькая судьбина“ Писемскаго, „На бойкомъ мѣстѣ“, „Грѣхъ да бѣда“, „Не такъ живи, какъ хочется“ и нѣкоторыя другія драмы Островскаго. Мы имѣли уже случай высказать свой взглядъ на русскую драму вообще—и вышеозначенныя произведенія покойнаго Островскаго поставили при этомъ чрезвычайно высоко, а именно—какъ богатѣйшій матеріалъ для русскаго народнаго театра,—*народнаго* въ самомъ глубокомъ смыслѣ этого слова (см. нашу статью: „Драмы Островскаго, какъ основа народнаго репертуара“, „*Наблюдатель*“, № 11 за прошлый годъ). Позволяемъ себѣ и еще разъ повторить, что мы считаемъ извѣстный разрядъ драмъ Островскаго въ высокой степени цѣннымъ достояніемъ русскаго слова и русскаго театра, какъ общественно-воспитательнаго учрежденія; но намъ кажется по меньшей мѣрѣ страннымъ то малодушіе, съ какимъ люди, поспѣшные въ своихъ увлеченіяхъ и выводахъ, топчутъ въ грязь и выбрасываютъ за бортъ высокохудожественныя произведенія, болѣе чѣмъ удовлетворяющія всѣмъ требованіямъ, необходимымъ для разрѣшенія той задачи, исполненіе которой беретъ на себя теперь графъ Толстой. Несомнѣнно, графъ Толстой руководится тутъ глубокимъ убѣжденіемъ, что у насъ нѣтъ и зачатковъ истинно народнаго репертуара, почему онъ и считаетъ необходимымъ на созданіе этого репертуара употребить свои собственныя большія силы. Его талантъ не

никогда не сдѣлаются популярными для большинства читателей, и всѣ его попытки привлечь ихъ вниманіе такими драмами, какъ „Жуарская игуменья“, въ которыхъ онъ стремится соединить отвлеченныя идеи съ жизненными вопросами—никогда не будутъ имѣть успѣха въ массѣ публики.

И все таки драма Ренана едва ли не лучшее произведеніе французской литературы въ послѣднее время. Мы говорили въ нашихъ прошлогднихъ „очеркахъ“ о посмертныхъ поэмахъ Виктора Гюго и перерожденіи поэзіи въ стихоплетство,—по счастію,—небольшой группы полупомѣшанной молодежи, сочиняющей невозможныя вирши и называющей себя les décadents; о странномъ направленіи модныхъ романистовъ. Всѣ послѣднія произведенія ихъ значительно слабѣе прежнихъ. „L'oeuvre“ Золя гораздо слабѣе Жерминаля, „Тартаренъ изъ Тараскона въ Альпахъ“—едва ли не самое слабое, что̀ написалъ Альфонсъ Додэ, и похожденія его карикатурнаго героя впадаютъ въ фарсъ. Его „Нума Руместанъ“, передѣланный самимъ авторомъ въ пятиактную комедію изъ романа того же имени и игранный въ Одеонѣ 15-го февраля, имѣлъ только „succès d'éstime“. Авторъ много разъ повторяетъ, что онъ хотѣлъ въ романѣ и комедіи представить противоположность національныхъ характеровъ сѣверныхъ и южныхъ французовъ (комедія первоначально носила названіе „Сѣверъ и Югъ“). Дѣйствующія лица пьесы поминутно восклицаютъ: „вотъ каковы мы, южане!“ а сѣверяне вторятъ имъ: „вотъ какъ живутъ, думаютъ, чувствуютъ, поступаютъ на югѣ!“ Эти частыя повторенія основной мысли автора, что во всѣхъ преувеличеніяхъ гасконцевъ и провансальцевъ виновато горячее солнце юга — надоѣдаютъ зрителю. Семейная драма, служащая предметомъ романа и комедіи, повторялась сотни разъ, во всѣхъ департаментахъ Франціи, и измѣна мужа не имѣетъ никакой нужды искать оправданія или объясненія въ южныхъ страстяхъ министра Руместана. Его фраза: „я не могу думать безъ того, чтобы не высказывать того, что̀ думаю“—еще выдаетъ его провансальское происхожденіе, но способы, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, чтобы обманывать жену — одни и тѣ же какъ по ту, такъ и по эту сторону Луары, и ихъ незачѣмъ оправдывать тѣмъ, что южане, какъ жители Востока, смотрятъ на женщину, какъ на низшее существо. Любой сѣверянинъ точно также спокойно надуваетъ свою законную половину, не прибѣгая ни къ какимъ извиненіямъ и разъясненіямъ, считая это своимъ прирожденнымъ, неотъемлемымъ правомъ. Руместанъ измѣняетъ своей женѣ, не переставая любить ее—и для этого не надобно быть ни южаниномъ, ни даже министромъ, хотя на этомъ посту, конечно, больше искушеній. Но и послѣдній министерскій чиновникъ, если ему представится случай пожелать жены ближняго своего, не упуститъ этого случая—таковъ законъ современнаго общества, какъ говорятъ моралисты, или законъ природы, какъ увѣряютъ философы. Критики, поклоняющіеся *таланту Додэ*, утверждаютъ, что поэтъ не имѣлъ успѣха потому, что зри-

телямъ было непріятно видѣть, какъ авторъ обнаруживаетъ ихъ слабости, весьма обыкновенныя и, по ихъ мнѣнію, совершенно извинительныя. Въ одной сценѣ комедіи мужъ отправляется къ любовницѣ; жена проситъ его остаться этотъ вечеръ дома — и онъ готовъ остаться, потому что, обманывая жену, ему не хочется огорчать ее. Сцена эта не произвела впечатлѣнія, потому что ужь очень обыкновенна, и почти каждый изъ мужей-зрителей находился, вѣроятно, не разъ въ такомъ же положеніи. Имъ даже не было стыдно, какъ на представленіи „Сафо", гдѣ Додэ вывелъ грязную куртизанку, подчиняющую себѣ безхарактернаго юношу, который не имѣетъ силы бросить ее. Но мужъ, обманывающій свою жену, которая не броситъ же его изъ-за этого—да вѣдь это такая обыденная, естественная исторія, которую незачѣмъ было и переносить на сцену.

Заговоривъ о театрѣ, нельзя не упомянуть и о двухъ другихъ пьесахъ, данныхъ нѣсколько раньше Руместана и написанныхъ на тотъ же „брачный вопросъ", дающій неистощимую и едва ли не единственную тему произведеніямъ французскихъ драматурговъ. Нашъ парижскій корреспондентъ говорилъ уже о „Франсильонѣ", какъ зритель; но мы считаемъ не лишнимъ взглянуть на нее съ критической точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что въ печати пьеса производитъ впечатлѣніе еще сильнѣе. Во „Франсильонѣ" Александръ Дюма проповѣдуетъ тезисъ всѣхъ послѣднихъ своихъ пьесъ: абсолютное равенство правъ и обязанностей мужа и жены—вѣрность за вѣрность, обманъ за обманъ. Въ концѣ перваго акта, героиня пьесы, истощивъ всѣ средства, чтобы удержать мужа отъ невѣрности, въ которой подозрѣваетъ его, говоритъ: „послушай же меня: я страстно люблю тебя, я обожаю своего ребенка—плодъ этой любви; я честная женщина и хочу остаться честною; но такъ какъ я считаю бракъ союзомъ, обязательнымъ для обѣихъ сторонъ, такъ какъ мы добровольно поклялись другъ другу въ вѣрности и уваженіи, и я сдержала свое обѣщаніе, то даю тебѣ слово: какъ только я узнаю, что у тебя есть любовница—черезъ часъ у меня будетъ любовникъ. Око за око, зубъ за зубъ". И Франсильона исполняетъ это ветхозавѣтное правило. Убѣдясь, что мужъ отправился изъ маскарада ужинать въ великосвѣтскій ресторанъ со знакомой маской, жена беретъ незнакомаго юношу и—отдѣльный кабинетъ въ томъ же ресторанѣ. До конца пьесы она утверждаетъ, что измѣнила мужу, и зритель убѣжденъ въ этомъ, пока не узнаетъ, что въ кабинетѣ ресторана не произошло ничего... рѣшительнаго. Тогда мужъ, готовившійся къ разводу, раскаивается, проситъ прощенія у жены и, получая его, возвращается къ тихимъ радостямъ семейной жизни. Такой конецъ удивилъ критику. Франциск Сарсэ говоритъ, что пьеса не кончена, и что черезъ нѣсколько времени мужъ Франсильоны опять начнетъ ѣздить по маскарадамъ, а ей придется опять ловить его и брать другихъ юношей, которые не всегда будутъ такъ... нерѣшительны въ отдѣльныхъ кабинетахъ. Другіе критики утверждаютъ, что непорочная

репутація ресторанныхъ кабинетовъ придумана авторомъ потому, что иной развязки не допустили бы строгія условія французской сцены и чопорность публики. Это весьма возможно. Французское общество—да, пожалуй, и всякое другое—не прощаетъ женщинѣ ея „паденія", утверждая въ то же время, что измѣна мужа не влечетъ за собою такихъ тяжелыхъ послѣдствій въ жизни семьи, какъ измѣна жены, и забывая, какими тяжелыми нравственными и физическими страданіями материнства женщина искупаетъ свое увлеченіе. Франсильона—мастерской типъ простой любящей женщины, нисколько не резонерки, и почерпающей свои аргументы не въ холодномъ арсеналѣ „женскихъ правъ", а въ чувствахъ своего сердца. На упреки мужа, что она не принимала его ласкъ, когда кормила грудью своего ребенка (какая вѣрная черта мужскаго эгоизма!) она отвѣчаетъ: „еслибы ты отправился защищать свое отечество на цѣлые мѣсяцы, даже на цѣлые годы—неужели ты думаешь, что я стала бы искать съ другими развлеченій и—удовольствій? я просто ждала бы тебя у колыбели моего ребенка. Материнское чувство—это патріотизмъ женщины. Кровь, которую вы проливаете за свою родину—то же молоко, какое мы даемъ вашимъ дѣтямъ". И между тѣмъ въ этой женщинѣ грязный обманъ мужа убиваетъ всякую способность любить—tout courage d'aimer, какъ говоритъ она. Она даже соглашается оставить мужу своего маленькаго сына и, уѣзжая къ роднымъ, отвѣчаетъ на вопросъ свекра: возьметъ ли она съ собою ребенка? —„Нѣтъ, путешествіе утомитъ его!" Фраза эта удивила парижскую публику, ждавшую въ отвѣтъ какого нибудь патетическаго возгласа, въ родѣ: и вы можете спрашивать, возьму ли я своего ребенка!!... Но Дюма избѣгаетъ всякихъ банальностей и общихъ мѣстъ. У него Франсильона говоритъ мужу: „не обманывай меня! не дѣлай меня смѣшною!" Вообще характеръ этотъ—одно изъ лучшихъ созданій даровитаго писателя.

Драма Жоржа Оне „Графиня Сара" взята изъ его романа, написаннаго въ 1883 году. Передѣлавъ для сцены всѣ свои романы: Maître des forges, Лизу Флеронъ—лучшее его произведеніе, Оне, положительно исписавшись,—такъ какъ послѣднія его произведенія, начиная съ „Сержа Панина", особенно плохи,—вздумалъ возбудить интересъ публики напоминаніемъ о своемъ первомъ романѣ. Но ожиданія его не оправдались, и пьеса, выкроенная изъ порядочнаго романа, не имѣла никакого успѣха. Это опять исторія женщины съ пылкими страстями, демонической натуры, которая, выйдя за стараго генерала, влюбляется въ усыновленнаго имъ юношу. Юноша сначала, конечно, борется противъ искушенія сдѣлать рогоносцемъ своего втораго отца и благодѣтеля и, конечно, не можетъ устоять противъ обольстительной графини, хотя въ то же время любитъ непорочную *Бланшъ*. Мужъ застаетъ жену и пріемыша на свиданіи въ теплицѣ, но *Бланшъ спасаетъ* преступниковъ, увѣряя, что юноша просилъ ея руки у

графини. Она однако не хочетъ допустить этого брака, мучится, страдаетъ, сбирается все открыть мужу, но кончаетъ тѣмъ, что топится въ пруду замка. Все это старо, неестественно, неинтересно. Пьеса единогласно осуждена критикою.

Переходя къ романамъ и останавливаясь на безспорно даровитомъ Гюи-де-Мопассанѣ, мы должны замѣтить, къ сожалѣнію, что и его послѣднія произведенія значительно слабѣе прежнихъ. Романъ его „Монт-Оріоль" разъигрывается въ Овернскихъ горахъ. Блестящее общество собирается лѣтомъ на воды близъ Бурбуля. Въ двухъ километрахъ отъ этого мѣстечка—небольшая гора, вулканическаго происхожденія, принадлежащая старому крестьянину Оріолю. Онъ взрываетъ порохомъ эту гору, чтобы распространить свои виноградники. Изъ взорванной горы бьютъ теплые желѣзистые, щелочные источники. Поэтому сбираются устроить здѣсь водолѣчебное заведеніе. Являются инженеры, доктора, акціонеры. Хитрый мужикъ, желая подороже сбыть свою гору, устраиваетъ чудо съ фальшивымъ паралитикомъ, исцѣляемымъ минеральною водою. Между прожектёрами идутъ интриги, сплетни; не обходится и безъ маленькаго адюльтера, кончающагося, впрочемъ, разрывомъ. Вотъ и все содержаніе романа: ничего драматическаго, выдающагося; все очень обыкновенно, и хотя портреты всѣхъ этихъ маленькихъ героевъ взяты прямо изъ жизни, но мало интересны.

Гораздо болѣе интересенъ новый романъ Поля Бурже: „Андре Корнелисъ", хотя герой его—буржуазный Гамлетъ нашего времени. Отецъ Корнелиса убитъ неизвѣстно кѣмъ. Полиція, послѣ долгихъ розъисковъ, прекращаетъ ихъ за невозможностью отъискать виновнаго. Тогда сынъ берется открыть его и отомстить за убитаго. Подобная тема не разъ являлась въ романахъ Габоріо и Ксавье Монтепена. На помощь правосудію являлись геніальные сыщики, Лекоки, которые, по отпечатку кроваваго пальца назанавѣси, грязнаго каблука на коврѣ, находили преступника. Но въ этомъ случаѣ не являлось никакихъ матеріальныхъ уликъ и данныхъ. На чемъ же сынъ можетъ остановиться, чтобы начать свои изъисканія? На моральныхъ признакахъ, на своихъ собственныхъ чувствахъ? Никакое предчувствіе, никакое указаніе провидѣнія, въ которое и не вѣритъ Корнелисъ, не руководитъ его въ этихъ розыскахъ. Тѣнь отца не является ему, какъ датскому принцу, чтобы побудить къ отмщенію, да онъ и не нуждается ни въ какомъ побужденіи. Онъ вовсе не слабъ и не безхарактеренъ, какъ шекспировскій герой, и не задумался бы убить преступника, еслибы даже засталъ его молящимся, хотя бы убитый на молитвѣ отправился прямо въ рай, какъ думали когда-то. Но первыя подозрѣнія Корнелиса падаютъ невольно на его вотчима, за котораго мать убитаго вышла послѣ смерти мужа, хоть и не такъ скоро, какъ королева Гертруда, не успѣвшая износить башмаковъ, въ которыхъ шла за гробомъ мужа. Вот-

чимъ очень внимателенъ къ своему пасынку, но въ его обращеніи нѣтъ искренности, да и самъ пасынокъ не чувствуетъ къ нему ни малѣйшаго расположенія. Между ними какая-то ледяная стѣна, и молодой человѣкъ не чувствуетъ ни малѣйшаго довѣрія къ мужу своей матери. Недовѣрчивость легко превращается въ подозрительность. Болѣе всего Корнелиса огорчаетъ холодность къ нему его матери. Онъ радъ бы кому нибудь передать свои мысли, подѣлиться своими ощущеніями, посовѣтоваться. Но у него нѣтъ друзей, а исповѣдываться постороннему лицу, самовольно принимающему на себя роль посредника между совѣстью и указаніями свыше,— Корнелисъ не хочетъ. Поэтому онъ исповѣдуется самому себѣ и пишетъ дневникъ, въ которомъ подробно разбираетъ свои ощущенія. По смерти отца, онъ надѣялся, что въ этой потерѣ утѣшитъ его хоть отчасти любовь матери; но любовь эта обратилась на лицо постороннее, которое сдѣлалось однако главою въ домѣ Корнелиса. И этому лицу угождаютъ всѣ, даже слуги, пренебрежительно относящіеся къ молодому человѣку. Съ трудомъ перенося жизнь въ отцовскомъ домѣ, Корнелисъ проводитъ по цѣлымъ недѣлямъ у старой тетки, сестры его отца, горячо любившей племянника. Но старуху разбиваетъ параличъ, и, умирая, она проситъ Корнелиса сжечь, не читая, старыя письма къ ней его отца, скопившіяся въ теченіе многихъ лѣтъ. Корнелисъ однако читаетъ эти письма и изъ нихъ узнаётъ, что отецъ его жаловался сестрѣ на холодность своей жены и на то, что она внимательна больше, чѣмъ слѣдуетъ, къ человѣку, который теперь сдѣлался ея мужемъ. Покойникъ не ревновалъ, но высказывалъ любимой сестрѣ свое неудовольствіе на недостаточную строгость своей жены въ выборѣ свѣтскихъ знакомыхъ. Вотъ, стало быть, причина инстиктивнаго нерасположенія Корнелиса къ вотчиму. Но въ какой степени виновата мать? Легкомысленна она только—или преступна? Что, если она была его сообщницей? или даже если ничего не знала о преступленіи, совершонномъ изъ любви къ ней, то скрыла его отъ свѣта, отъ кары правосудія? Эта мысль останавливаетъ Корнелиса въ его поискахъ. Онъ боится узнать страшную истину, потерять любовь къ матери. Но любовь къ отцу беретъ верхъ надъ его колебаніями, и онъ находитъ наконецъ виновника убійства. Это простой, низкій злодѣй, очевидно, служившій только слѣпымъ орудіемъ преступленія. Но онъ не открываетъ имени того, кто его подвинулъ на кровавое дѣло. Тогда Корнелисъ или, лучше сказать, авторъ романа прибѣгаетъ къ жалкому мелодраматическому фокусу: пользуясь своимъ сходствомъ съ отцомъ и глупымъ суевѣріемъ убійцы, онъ является къ нему привидѣніемъ, духомъ своего отца, и заставляетъ его признаться во всемъ. Тогда онъ убиваетъ своего вотчима, но тотъ, въ минуту смерти, проявляетъ великодушіе— и пишетъ, что самъ *убилъ себя*. Онъ не хочетъ лишить любимую имъ женщину послѣдней ея

опоры—сына, какъ лишилъ ее мужа. И Корнелисъ по неволѣ проникается уваженіемъ къ убитому имъ вотчиму.

Таково содержаніе послѣдняго романа Бурже, имѣвшаго большой успѣхъ. Основанный на тонкомъ психическомъ анализѣ, романъ грѣшитъ однако, не говоря уже о грубомъ фокусѣ съ привидѣніемъ, исключительностью, даже изысканностью положеній. Самого героя заѣдаетъ рефлексія; резонируетъ онъ до того пространно и туманно, что съ трудомъ слѣдишь за діалектическими тонкостями его выводовъ. Убійца—какая то двойственная натура, неясно очерченная, нелогично поступающая. Въ „Корнелисѣ" больше, чѣмъ въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ, Поль Бурже является писателемъ серьезнымъ, даже нравственнымъ, смотрящимъ на жизнь не съ диллетантской точки зрѣнія, а съ философской, даже съ трагической. У этого писателя несомнѣнно есть будущее, и потому мы поговоримъ объ немъ подробнѣе. Недостатковъ у него много, особенно въ языкѣ, мѣстами до того вычурномъ и аффектированномъ, что кудреватыя фразы его становятся просто смѣшны. Созданные имъ характеры также по временамъ страдаютъ утировкой, неестественностью; но въ романахъ его всегда есть мысль—часто парадоксальная и преувеличенная, но все таки мысль. Бурже не только романистъ и поэтъ—онъ критикъ и психологъ, хоть и совсѣмъ особаго рода, непохожій на спиритуалиста Низара, разбирающаго произведенія писателей по отношенію къ духу французской литературы, но не къ духу ихъ времени. Онъ не критикуетъ, какъ Тэнъ, анализирующій не книги, а причины, которыя ихъ произвели. Онъ, наконецъ, не эклектикъ, какъ Сент-Бёвъ, смѣшивающій эти двѣ критическія системы, рисующій портеты писателей, разбирающій не книги, а впечатлѣнія, какія онѣ производятъ на читателей. Бурже, въ своихъ „Опытахъ современной психологіи" (Essais de psychologie contemporaine), анализируетъ только существенныя стороны таланта десяти писателей: у Тэна и Гонкуровъ — зародыши меланхоліи, облеченной въ диллетантизмъ; у Стендаля, Тургенева и Аміеля—печальныя послѣдствія космополитическихъ воззрѣній; у Боделэра и Дюма — теорію современной любви, оказывающуюся извращенной и безсильной при ближайшемъ анализѣ; Густавъ Флоберъ, Леконтъ-де-Лиль и Тэнъ дали ему поводъ изучить вліяніе науки на воображеніе. Кромѣ того, Флоберъ, братья Гонкуры и Тэнъ являются у Бурже выразителями столкновенія между демократіей и высшей культурой. Онъ заявляетъ претензію на ясное пониманіе духа нашего времени. Ни одно болѣзненное умственное явленіе нашего вѣка не осталось для него неразгаданнымъ. Онъ считаетъ себя космополитомъ, и жилъ также долго въ Лондонѣ и Флоренціи, какъ и въ Парижѣ, былъ въ Испаніи и Марокко. Диллегантъ и поклонникъ роскоши, онъ—плохой описатель картинъ природы, но отлично изображаетъ мельчайшія подробности современнаго комфорта. Сенсуализмъ смѣшивается у него по временамъ съ мистицизмомъ, нервная раздражительность—съ духомъ

анализа, пессимизмъ—съ глубокимъ изученіемъ человѣческой натуры. Не смотря на всю парадоксальность его романа „Жестокая загадка", о которомъ мы говорили въ прошломъ году, и „Преступленія любви" (Crime d'amour), въ которомъ героиня отдается нелюбимому ей человѣку, для того чтобы доказать тому, кто отвергнулъ ея любовь, что она умѣетъ любить и приносить себя въ жертву; не смотря на преувеличеніе психическаго анализа въ этихъ двухъ произведеніяхъ — это все таки настоящія „поэмы любви", возбуждающія интересъ и сочувствіе, если даже не соглашаешься ни съ ихъ основной темой, ни съ выводами автора. И въ другихъ романахъ Бурже—прежде всего, все таки моралистъ, не довольствующійся показною стороною свѣтской жизни и не относящійся равнодушно къ ея недостаткамъ. Кромѣ „Андрэ Корнелиса", этюда, который самъ авторъ называетъ „атласомъ нравственной анатоміи", остальные романы его — драмы нашей совѣсти въ борьбѣ съ раскаяніемъ, искупленіемъ, упреками и искушеніями. „L'Irréparable"—исторія дѣвушки, умирающей послѣ своего паденія отъ угрызеній совѣсти. „Вторая любовь"—исторія женщины, обманувшейся однажды и не считающей себя вправѣ сдѣлать вторичный опытъ. Бурже только что началъ свое поприще. Его и Ваперо не внесъ еще въ свой „Словарь современниковъ". Мы вправѣ ждать отъ него болѣе зрѣлыхъ и обдуманныхъ произведеній.

Но если и въ романахъ Бурже много изъисканнаго и дѣланнаго, что же сказать о произведеніяхъ его сверстниковъ? Вотъ романъ Роберта Баньера, также пользующагося успѣхомъ—„Жанна Апрѣльская (Jeanne Avril). Шестнадцатилѣтняя Жанна въ апрѣлѣ бѣгаетъ въ садъ на свиданіе съ кузеномъ-лицеистомъ. Они слушаютъ вмѣстѣ соловья, дарятъ другъ другу фіалки, вырѣзываютъ на деревьяхъ свои имена, соединенныя союзомъ *и*; даже даютъ другъ другу робкіе поцѣлуи, когда Альфреду приходится возвращаться въ школу. Потомъ, въ маѣ, Жанна забываетъ Альфреда, протанцовавъ на сельскомъ балу съ Артуромъ, у котораго такіе тонкіе усы и гарденія въ петлицѣ жакетки. Артуръ пожимаетъ ей руку въ вальсѣ, и она отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Но и Артуръ забывается, потому что проходятъ Пасха и Троица, а никто и не думаетъ обратиться къ Жаннѣ съ серьезнымъ чувствомъ. Проходитъ и лѣто, и осень, наконецъ въ ноябрѣ является истинная любовь молодаго человѣка къ дѣвушкѣ, забывшей объ апрѣлѣ съ его вензелями на деревьяхъ, съ его Альфредами и Артурами. Вдругъ любовь эта чуть не разстраивается оттого, что маменька Жанны забываетъ о своемъ ноябрѣ и думаетъ, что и ея апрѣль можетъ вернуться. Подъ конецъ все, разумѣется, устраивается къ общему благополучію, но что за странная мысль привести въ столкновеніе естественныя апрѣльскія побужденія дочери съ неестественными ноябрьскими вожделѣніями матери! Какая цѣль въ этомъ сопоставленіи? Вотъ въ романѣ Альберта Сима „*Институтъ для дѣвицъ*" (Institution des demoiselles) цѣль ясна: не от-

давайте вашихъ дочерей въ столичные женскіе институты, пошлите скорѣе въ какой нибудь маленькій провинціальный пансіонъ, потому что въ большихъ центрахъ, гдѣ скопляется многочисленное населеніе, закрытые институты являются нерѣдко разсадникомъ страшной испорченности нравовъ. И авторъ разсказываетъ такія подробности о своихъ институтахъ, какія могутъ явиться только на французскомъ языкѣ, не стѣсняющемся ни въ выраженіяхъ, ни въ изображеніи картинъ, оскорбляющихъ чувство приличія. Намъ не разъ приходилось замѣчать въ нашихъ „очеркахъ", что современная французская литература какъ будто нарочно выискиваетъ скабрезныя положенія и щеголяетъ цинизмомъ картинъ и образовъ. Наряду съ Симомъ стоитъ Густавъ Тудузъ, новый романъ котораго „Fleur d'oranger„ весь основанъ на томъ положеніи, что богатый и знатный человѣкъ, думая, что онъ увлекъ неопытную дѣвушку, спѣшитъ загладить свой поступокъ бракомъ и узнаётъ, что онъ сдѣлался жертвою хитро веденной интриги. Тутъ есть такія подробности относительно того, какъ его обманываютъ дѣвственностью супруги, какихъ не встрѣтишь и въ прямо порнографическомъ произведеніи.

Такая болѣзненная, чувственная литература несомнѣнно преобладаетъ во Франціи, но что же дѣлаетъ литература серьезная, академическая? Какія мѣры принимаетъ она, чтобы остановить распущенность языка и мысли? Борется ли она противъ современнаго увлеченія цинизмомъ образовъ и выраженій? Даровитые писатели, которые могли бы, сплотившись, поставить преграду мутному потоку эротоманіи, дѣйствуютъ въ разсыпную. Академія выбираетъ въ свои члены не талантливыхъ авторовъ, а журналистовъ, находящихся въ оппозиціи къ правительству республики. 10 февраля происходилъ пріемъ новаго „безсмертнаго" — Эдуарда Герве. Кто такой этотъ Герве—многіе положительно недоумѣвали и смѣшивали его съ Флоримономъ Герве, поэтомъ, композиторомъ и актеромъ, авторомъ оперетокъ „Маленькій Фаустъ", „Хильперикъ", „Oeil crevé". Отчего же и ему не быть академикомъ, если въ безсмертные попалъ и авторъ „Прекрасной Елены"? А Галеви писалъ только либретто оперетокъ, и еще вмѣстѣ съ Мельякомъ, тогда какъ Герве самъ сочинялъ стихи и музыку своихъ офенбахіадъ и самъ пѣлъ ихъ на сценѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ соименный ему академикъ, написавшій только брошюру о выборахъ въ англійскій парламентъ, но зато 13 лѣтъ издающій орлеанистскую газету „Le Soleil", ѣздившій на поклонъ во Фрошдорфъ и воспѣвавшій примиреніе царственной династіи Франціи. Максимъ Дюканъ, принимавшій въ торжественномъ собраніи новаго академика и обязанный выставить его литературныя заслуги, доставившія ему почетное кресло въ ряду безсмертныхъ, былъ въ большомъ затрудненіи: о чемъ ему говорить? И, оставивъ въ сторонѣ своего собрата, старый академикъ сыпалъ только академическими фразами, громкими, но въ сущности совершенно пустыми, составлен-

ными изъ невозможныхъ метафоръ; такъ, онъ хвалилъ „прямоту сужденія, проводящую для честнаго писателя прямую линію, по которой движется безъ усилій твердость мысли, правильность жизни“. Что же это за прямота правильности или правильность прямоты? Не простыя ли это погремушки фразъ, скрывающихъ бѣдность мысли? Дюканъ хвалилъ Герве за то, что журналистъ принадлежалъ къ умѣренной партіи, „удаленной отъ крайностей, превращающихся въ излишества“ (отчего же не отъ излишествъ, превращающихся въ крайности?) говорилъ о томъ, что онъ „засѣдалъ въ совѣтахъ націи“, то есть былъ депутатомъ, что онъ „принялъ академическое крещеніе въ торжественномъ засѣданіи, какъ избранникъ академіи“. Всѣ эти торжественныя фразы, въ которыхъ блистали и „арена литературныхъ турнировъ“, и „дни, отмѣченные бѣлымъ камнемъ“, и „саванъ незаслуженнаго забвенія“, и „заря высшаго свѣта“,—не болѣе, какъ пустая шумиха словъ, нисколько не скрывающая еще болѣе пустыхъ мыслей. Что за старческая болтовня, что за непослѣдовательность въ подобныхъ фразахъ: „вы учились въ нормальной школѣ, но тамъ дается не свѣтское воспитаніе, и вы предпочли ей школу свѣта. Вы оставили потомъ и университетъ; онъ былъ, правда, плохъ въ то время, но имъ управлялъ хорошій министръ Фортуль, сынъ котораго такъ отличился въ Тонкинѣ. Вы помѣстили въ двадцать лѣтъ въ „Обозрѣніи народнаго просвѣщенія“ статью о Саллюстіи. Я въ двадцать лѣтъ читалъ только дурные романы (и Дюканъ приводитъ названія этихъ романовъ!). Въ статьѣ вашей вы не говорите ни слова о Брутѣ—это было благоразумно въ ваши годы и при тогдашнемъ подозрительномъ правительствѣ“. Да вѣдь и Саллюстій ничего не говоритъ о Брутѣ! Во всей этой академической болтовнѣ только и хорошъ анекдотъ о Тьерѣ, добившемся, что его планъ укрѣпленія Парижа былъ принятъ палатой депутатовъ. „Тьеръ сіялъ и торжествовалъ. Онъ вездѣ повторялъ и писалъ: теперь Парижъ неприступенъ! И онъ твердо вѣрилъ въ это. Но посмотрите на иронію судьбы: этотъ неприступный Парижъ Тьеръ самъ долженъ былъ взять и взялъ приступомъ“.

Немногимъ интереснѣе была и рѣчь самого Герве, обязаннаго хвалить своего предшественника на академическомъ креслѣ. Предшественникомъ этимъ—былъ герцогъ де-Ноайль, написавшій немногимъ больше Герве и выбранный въ академики только потому, что онъ былъ близокъ къ Шатобріану, въ послѣдніе годы его жизни. Когда, въ 1847 году, этотъ „Людовикъ XIV литературы“, устарѣвшій, фрондирующій, скучающій, но сохранившій свое дѣланное олимпійское величіе, удалился въ уединеніе, Ноайль не переставалъ посѣщать старика, погруженнаго въ созерцаніе своего собственнаго величія. Въ холодную, плохо меблированную комнату улицы Дюбакъ, гдѣ у желѣзной кровати съ полотняными занавѣсами стоялъ старый деревянный ларецъ безъ замка, гдѣ хранились „Мемуары“, *предназначенные* доставить безсмертіе писателю, по вечерамъ сходились,

кромѣ герцога Ноайля, двѣ поклонницы и три поклонника Шатобріана— Софія Рекамье, ослабленная годами, ослѣпшая, но улыбавшаяся тѣмъ, кого не могла видѣть; графиня Кафарелли, добрая старушка-благотворительница, Балланшъ, сантиментальный теозофъ, добродушный ребенокъ, съ посѣдѣвшей курчавой головою; Жанъ-Жакъ Амперъ, ученый ораторъ и писатель, наивный и благородный; Ломени, еще молодой, но уже профессоръ французской литературы и авторъ десятитомной „Галлереи знаменитыхъ современниковъ", одинъ оставшійся въ живыхъ изъ всѣхъ этихъ лицъ, собиравшихся слушать въ нѣмомъ благоговѣніи чтеніе знаменитыхъ „Мемуаровъ", очень скоро позабытыхъ при ихъ появленіи въ свѣтъ. Ноайль, аристократъ и ревностный католикъ, едва не болѣе всѣхъ благоговѣлъ передъ авторомъ „Духа христіанства", и зато, когда умеръ Шатобріанъ, академія отдала его кресло автору „Исторіи Сен-Сира и госпожи Ментенонъ".

Въ области серьезной литературы, нельзя не остановиться на книгѣ извѣстнаго педагога Греара: „Воспитаніе женщинъ посредствомъ женщинъ" (*L'éducation des femmes par les femmes*). Свои изысканія Грearъ начинаетъ съ XVIII столѣтія, а именно съ Фенелона, написавшаго книгу о воспитаніи дѣвочекъ. Камбрейскій епископъ первый составилъ родъ кодекса, основаннаго на психологическихъ наблюденіяхъ и представляющаго правила, какъ должно воспитывать дѣвочку съ младенческихъ лѣтъ до вступленія ея въ зрѣлый возрастъ. Еще болѣе сдѣлала для разработки вопроса о женскомъ воспитаніи маркиза Ментенонъ, не въ теоріи, а на практикѣ, устроивъ Сен-сирскій дѣвичій институтъ, гдѣ она тридцать лѣтъ была наставницей и руководительницей. Въ своихъ письмахъ и поученіяхъ она является такой опытной наставницей, какихъ немного въ исторіи педагогики, высоко ставящей заслуги этой не коронованной супруги Людовика XIV. Въ Сен-Сирѣ она соединила школьное воспитаніе съ семейной жизнью и первая ввела въ число занятій общія и обязательныя ручныя женскія работы, то есть положила начало профессіональному образованію. Послѣ нея, г-жа Ламбертъ явилась уже не съ педагогическими цѣлями, а пламеннымъ адвокатомъ, проповѣдующимъ право для всѣхъ женщинъ — употреблять въ дѣло свой умъ и развивать его. Авторъ разбираетъ затѣмъ подробно теоріи Руссо, потому что имъ тотчасъ же дали практическое примѣненіе г-жи Эпине, Сталь, Роландъ. Вліяніе женевскаго философа на женское воспитаніе было громадно. Грearъ останавливается на эпохѣ революціи, и, не смотря на свою незаконченность, книга его имѣетъ большое историческое, литературное и практическое значеніе.

Но какъ ни много сдѣлали французскія женщины для всесторонней разработки „женскаго вопроса", нельзя забывать, что для него немало потрудились и англичанки. Исторіи пріобрѣтенія англійскими женщинами серьезныхъ правъ будетъ посвящена въ „Наблюдателѣ" отдѣльная статья. Но

сотрудникъ нашъ, разсказывая о томъ, съ какимъ трудомъ завоевали въ послѣднее время свои права дочери туманнаго Альбіона, не говоритъ о неудачныхъ попыткахъ рѣшенія этого вопроса въ прежнія времена. Въ Лондонѣ уже нѣсколько лѣтъ издаются характеристики замѣчательныхъ женщинъ отдѣльными біографіями, и недавно вышла біографія далеко незаурядной личности—Мери Вульстонкрафтъ-Годвинъ—жертвы женскаго вопроса. (Eminent Women series.—Mary Woolstonecraft Godwin, by Elisabeth Robins Pennel). Не смотря на то, что со смерти Годвинъ прошло уже почти столѣтіе, лицемѣрные англичане не любятъ упоминать о женщинѣ, которая первая заговорила о своихъ правахъ. Правда, въ ея судьбѣ трагическій элементъ мѣшается съ комическимъ, но жизнь ея, полная неудачъ и волненій, все таки любопытна и поучительна, и мы напомнимъ объ ней нашей публикѣ, такъ скоро все забывающей. Мери Вульстонкрафтъ родилась въ 1759 году. Отецъ ея былъ ирландскій авантюристъ, разъѣзжавшій по графствамъ Англіи, являвшійся то купцомъ, то арендаторомъ, то землевладѣльцемъ, недолго жившій въ городахъ, но часто засиживавшійся въ тавернахъ. Грубый по натурѣ, онъ дѣлался варваромъ, когда напивался—и тогда безпощадный гнѣвъ его обрушивался на жену и дѣтей. Мери въ дѣтствѣ перенесла много тяжелыхъ сценъ. Ея мать была пустая женщина, также деспотически обращавшаяся съ дочерью, которая, выросши, проводила часть ночи безъ сна, готовая защитить свою мать отъ свирѣпаго отца. У дѣвушки было три брата и двѣ сестры, похожіе на отца и мать, пустые, но раздражительные. Немудрено, что такая семья имѣла дурное вліяніе на дѣвушку, но научила ее возставать противъ несправедливостей и защищать незаслуженно оскорбляемыхъ. Она много училась и любила заниматься и трудиться. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что семья скоро разорилась, и Мери должна была пойти въ компаньонки къ невыносимой леди. Одна изъ сестеръ Мери, Элиза, вышла замужъ, но тотчасъ же начала ссориться съ мужемъ и помѣшалась. Мужъ выписалъ Мери—ходить за своей сестрой, и Мери, встрѣчавшая въ жизни только невозможныя семейства, гдѣ всѣ члены бранились между собою, пришла къ заключенію, что бракъ—устарѣвшее учрежденіе, пригодное только когда женщина находится на низшей ступени развитія, а не пользуется, какъ должно быть въ природѣ вещей, правами, равными съ мужчиною. На основаніи этой теоріи, когда Элиза выздоровѣла, Мери увезла ее тихонько отъ мужа, который хотя и жаловался на это, но не требовалъ жены обратно. Общественное мнѣніе приняло его сторону, тѣмъ болѣе, что жена бросила съ мужемъ ребенка. Мери, чтобы существовать, открыла школу, повела ее дурно и вошла въ долги. Она твердила, что образованныя, но бѣдныя дѣвушки не имѣютъ возможности жить въ Англіи, гдѣ женщинѣ закрыты всѣ роды занятій. Написавъ, впрочемъ, довольно *плохую брошюру о* женскомъ образованіи, она поступила конторщицей въ

книжный магазинъ. Въ это время (1788 г.) начали появляться многія произведенія женщинъ-писательницъ. Софія Ли пользовалась уже извѣстностью, Шарлота Смитъ написала романъ „Эмелина". Вскорѣ потомъ явились: миссъ Борней, Аустинъ, Эджевортъ, Анна Радклифъ. Мери близко сошлась съ мистрисъ Инчбальдъ, актрисой-романисткой, но потомъ поссорилась изъ-за принциповъ. Вступивъ на литературное поприще, поставляя своему книгопродавцу переводы и компиляціи, Мери въ то же время набрасывала на бумагу, въ формѣ мемуаровъ, эксцентрическія мысли о роли и назначеніи женщинъ въ обществѣ. Желая, чтобы ее не упрекали въ изнѣженности, она выражалась грубо, держала себя съ напыщенной аффектаціей, не обращала вниманія на свой туалетъ, перестала чесаться, хоть была недурна собою и очень моложава для своихъ тридцати лѣтъ. Но вела она себя безупречно. Черезъ два года, явился выдающійся трудъ: „Требованіе правъ человѣка", въ отвѣтъ на книгу знаменитаго Борке противъ французской революціи. Мери Вульстонкрафтъ явилась пламенной, но не весьма логичной защитницей революціи. Борке назвалъ Мери пуасардкой. Она отвѣчала сочиненіемъ: „Требованіе правъ женщины". Общество пришло въ ужасъ: никогда ничего подобнаго не требовалось отъ него. Авторъ на всѣ тоны взывалъ о необходимости и законности равныхъ правъ для мужчины и женщины. Онъ сознавалъ, что женщина слаба, необразованна, ограниченна, но утверждалъ, что все это можетъ поправить раціональное воспитаніе. Прежде всего, она требовала общихъ школъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ наукѣ—женщина должна быть докторомъ и профессоромъ; въ политической жизни—членомъ парламента. Въ концѣ XVIII вѣка, такія мысли были невозможною ересью. Но распространительница ихъ сдѣлалась знаменитостью. Книги ея читались и покупались, хотя всѣ бранили ихъ. Она начала жить съ комфортомъ, но влюбилась въ мужа своей подруги. Съ ея идеями о свободѣ чувствъ и брака, это нисколько не безпокоило ея, тѣмъ болѣе, что любовь ея должна быть платоническою. Тѣмъ не менѣе, она должна была оставить Лондонъ и отправилась въ Парижъ, въ самый разгаръ революціи. Она видѣла судъ надъ Людовикомъ XVI, гильотину, работавшую на площади. Ненавидя пролитіе крови, она стала однажды держать рѣчь къ народу, упрекая его въ жестокосердіи. Ее, конечно, заставили замолчать. Дѣло могло принять для нея дурной оборотъ, но она не вмѣшивалась больше въ политику, потому что ею овладѣла новая любовь. Она сошлась съ американскимъ капитаномъ Имлеемъ, съ условіемъ, что „союзъ не долженъ связывать ихъ навсегда, если любовь погаснетъ въ сердцѣ". Авантюристъ былъ, конечно, радъ такому условію, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бросилъ беременную Мери и уѣхалъ въ Америку. Напрасны были страстныя письма и горькіе упреки. Вернувшись въ Лондонъ, Мери издала свое лучшее сочиненіе: „О француз-

ской революціи", но два раза покушалась на самоубійство, пока не утѣшилась, сойдясь съ Вильямомъ Годвиномъ, талантливымъ радикальнымъ писателемъ, романъ котораго „Калебъ Вильямсъ" читается до сихъ поръ. Не смотря на свои 37 лѣтъ, Мери была хороша собою, пользовалась извѣстностью, и Годвинъ предложилъ ей—новый союзъ на старыхъ условіяхъ: жить порознь, но видѣться и сходиться другъ съ другомъ, когда захочется. Они жили съ годъ такимъ образомъ, но Мери забеременѣла, и Годвинъ женился на ней въ мартѣ 1797 года, а черезъ пять мѣсяцевъ Мери умерла въ родахъ, оставивъ дочь, которая вышла потомъ за поэта Шелли. Мужъ не пошелъ на похороны жены, но издалъ вскорѣ „Мемуары о Мери Вульстонкрафтъ-Годвинъ", гдѣ самымъ неделикатнымъ образомъ выставилъ всѣ ея недостатки. А между тѣмъ, это была взбалмошная голова, но доброе, пылкое сердце. Она дѣлала много дурнаго съ самыми лучшими намѣреніями, дѣйствовала всегда прямо и открыто. Съ ея біографіей нельзя знакомить институтокъ, но она все таки любопытна и поучительна, и многія изъ ея идей, считавшихся несбыточными въ ея время, теперь осуществляются.

Нельзя пройти также молчаніемъ книгу, въ короткое время достигнувшую втораго изданія: „Развитіе умственной свободы" („The rise of intellectual liberty) Голланда. Авторъ ея—американецъ, какъ Дреперъ; книга его пополняетъ извѣстное сочиненіе Лекки, несовсѣмъ удачно назвавшаго раціонализмомъ то, что Голландъ называетъ—также неточно—„умственной свободой". Это просто исторія умственнаго развитія человѣчества по литературнымъ произведеніямъ, въ которыхъ выразилось міровоззрѣніе различныхъ эпохъ. Авторъ—реалистъ, приверженецъ свободы мысли, въ которой онъ видитъ основу прогресса, связаннаго прямо съ политической свободою и приведеннаго въ движеніе людьми науки. Исторія эта доведена до XV столѣтія и представляетъ характеристику лицъ, боровшихся за право свободомыслія. Во многомъ она напоминаетъ извѣстную: „Histoire des martyrs de la liberté", книгу, конечно, менѣе серьезную и научную, но написанную болѣе блестящимъ языкомъ. Голландъ не дѣлаетъ выводовъ изъ біографій, но они представляются сами собою. Онъ приводитъ только много цитатъ изъ писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ. Особенно важную роль въ умственномъ развитіи общества онъ отводитъ женщинамъ, напоминая, что еще Платонъ требовалъ для нихъ одинаковаго воспитанія съ мужчинами. Извѣстна роль гетеръ въ греческой цивилизаціи: онѣ явились первыми послѣдователями философовъ въ садахъ Академіи, и вліяніе Аспазіи на культурныя стороны ея времени было едва ли не сильнѣе вліянія Перикла. А въ эпоху гоненія на философію, такая личность, какъ Гипатія, одна могла поддержать древнюю славу науки противъ александрійскихъ наукоборцевъ. Да и римскія женщины, удивлявшія стоиковъ своимъ мужествомъ и читавшія по гре-

чески „Республику“ Платона, оставили много славныхъ именъ въ исторіи культуры. За права ихъ открыто высказывались: Плиній, Сенека, Плутархъ, императоры Адріанъ и Антонинъ, даже Климентъ александрійскій. Женщины играли главную роль во всѣхъ протестахъ противъ папства, во всѣхъ сектахъ и реформахъ. Остановившись на эпохѣ реформаціи, авторъ разсматриваетъ причины недовѣрія массы и отдѣльныхъ личностей къ умственному развитію и, опровергая предположенное смѣшеніе свободы мысли съ отрицаніемъ нравственныхъ законовъ, оканчиваетъ свой замѣчательный трудъ слѣдующими словами: „теперь мы уже не боимся вернуться къ мрачной эпохѣ преслѣдованія умственнаго развитія. Она невозможна, какъ возрожденіе эпохи мастодонтовъ и ихтіозавровъ. Можетъ быть, полное освобожденіе мысли еще не близко, но оно наступитъ несомнѣнно“. Это утѣшеніе поддерживаетъ всѣхъ передовыхъ людей нашего времени. Моменты остановки на пути прогресса и даже отступленія являлись неоднократно въ исторіи культуры, но Галилеевское: e pur si muove! всегда руководило выдающимися личностями всѣхъ народовъ въ самыя мрачныя эпохи регресса и обскурантизма. Возвращеніе къ „доброму старому времени“ сдѣлалось въ особенности немыслимо въ послѣдніе три вѣка, когда въ XVII-мъ вѣкѣ развился гуманизмъ, въ XVIII—возникнулъ энциклопедизмъ, а въ XIX его замѣнилъ журнализмъ. Органическая связь между этими тремя стадіями умственнаго развитія человѣчества слишкомъ очевидна, чтобы необходимо было доказывать ее. Энциклопедизмъ, въ лицѣ своего представителя, великаго Дидро, привелъ въ прошломъ вѣкѣ въ стройную научную систему тѣ гуманныя мысли и основы, которыя окончательно взяли верхъ надъ заблужденіями и предразсудками два вѣка тому назадъ. Журнализму нашего времени (мы говоримъ, конечно, о странахъ, гдѣ цивилизація достигла извѣстнаго уровня) не нужно уже доказывать значенія науки, на которой должны основываться понятія, учрежденія, вѣрованія обществъ и отдѣльныхъ лицъ, — все это уже сдѣлано энциклопедизмомъ;—но солидарный съ нимъ журнализмъ долженъ популяризовать, пропагандировать эти основныя научныя начала, особенно тамъ, гдѣ оскопители мысли стремятся къ тому, чтобы лишить ее плодотворной силы, забывая слова поэта, сказавшаго:—„надъ вольной мыслью Богу не угодны насилія и гнетъ; она, въ вѣкахъ рожденная свободной—въ оковахъ не умретъ“.

В. З.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Революція въ Болгаріи.—Возстаніе въ Силистріи и Рущукѣ.—Междоусобная война и казнь инсургентовъ.—Европейская печать, прославляющая энергію регентовъ.—Долготерпѣніе Россіи.—Смерть майоровъ Узунова и Панова.—Русская печать о болгарскихъ убійствахъ.—Терроръ въ Болгаріи.—Что же будетъ дальше?—Избирательная кампанія Бисмарка.—Запугиванія войною.—Протестъ Эльзаса-Лотарингіи.—Сѣятель смутъ въ Европѣ.—Принятіе рейхстагомъ закона о септенатѣ.—Прочна ли бисмарковская политика?—Двуличная роль Турціи.—Новый патріархъ.—Порта между двухъ огней.—Воинственная Австрія и вѣковая исторія ея предательствъ по отношенію къ Россіи.—Возможенъ ли союзъ между этими державами?—Полемика объ этомъ союзѣ.—Англійскія продѣлки.—Отчего падаетъ нашъ курсъ?—Лига мира, направленная противъ Россіи.—Антирусская, но не національная политика Италіи.—Федерація романскихъ племенъ.—Женскій вопросъ въ Америкѣ.

15 (3) марта.

Кровь, наконецъ, полилась въ Болгаріи, полилась въ братоубійственной междоусобной войнѣ, при громѣ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, въ уличныхъ схваткахъ, въ казармахъ, подъ стѣнами крѣпостей. Часть гарнизоновъ въ Силистріи и Рущукѣ не захотѣла переносить больше гнета самозваннаго правительства и возстала противъ регентовъ и ихъ единомышленниковъ. Анархія, почти полтора года продолжающаяся въ Болгаріи, пришла къ роковой развязкѣ. Давно ли заговорщики, захватившіе власть въ свои руки, хвастались своей „сухою революціей", увѣряли Европу, что народъ процвѣтаетъ и благоденствуетъ подъ ихъ палочно-отеческимъ правленіемъ, благословляя мудрость и кротость регентовъ, и жаждетъ только возвращенія на престолъ своего возлюбленнаго нѣмца?... Одиссея политическихъ коми-вояжёровъ ко дворамъ европейскихъ державъ кончилась такимъ печальнымъ фіаско въ Константинополѣ, что всякое терпѣніе лопнуло, и одна часть болгарской арміи рѣшилась избавить своихъ согражданъ отъ невыносимаго деспотизма регентовъ, тяготѣющихъ надъ несчастною страною. Не смотря на то, что они продолжали увѣрять, будто во всей Болгаріи господствуетъ полнѣйшее спокойствіе, заговоры тамъ не прекращались во все время поѣздки правительственныхъ прикащиковъ по европейскимъ дворамъ. Болгары—заговорщики по самой натурѣ. Долголѣтнее рабство подъ турецкимъ игомъ развило въ нихъ страсть къ составленію тайныхъ обществъ, всегда возникающихъ подъ деспотическимъ правленіемъ. Заговоры вспыхивали во всѣ время владычества турокъ. Регенты управляютъ страною, какъ настоящіе деспоты, гораздо хуже всякихъ пашей. Ненавидимые народомъ, они опираются только на солдатчину. Изгнавъ изъ арміи всѣхъ лучшихъ офицеровъ, низвергнувшихъ Батенберга, регенты произвели въ офицеры грубыхъ, необразованныхъ солдатъ, своихъ клевретовъ, и съ помощью ихъ терроризуютъ всю

страну и разсылаютъ во всѣ стороны послушные имъ отряды, безпощадно подавляющіе малѣйшее движеніе, не подчиняющееся правительству. Въ послѣднее время регенты до того явно начали подготовлять возвращеніе Батенберга въ Болгарію, что Бендеревъ, отправившій его въ увеселительную прогулку по Дунаю и въ русскія владѣнія, обнародовалъ открытое письмо къ Стамбулову. Объявляя причины низверженія Батенберга, Бендеревъ, старый пріятель Стамбулова, уличаетъ регента въ томъ, что онъ былъ согласенъ на низверженіе и, въ числѣ другихъ сорока заговорщиковъ, сбирался даже убить князя. А теперь, захвативъ въ свои руки власть, Стамбуловъ, чтобы удержаться на мѣстѣ, дѣлаетъ такія вещи, „за которыя мало повѣсить". Понятно, что Бендеревъ не могъ допустить такого „стараго друга" покойно грабить и угнетать несчастный народъ, и заговоръ противъ нынѣшнихъ правителей Болгаріи давно созрѣвалъ въ Румыніи, гдѣ поселилась бо́льшая часть изгнанныхъ болгарскихъ офицеровъ. Ждали только, чѣмъ кончится одиссея странствующихъ прикащиковъ, переговаривавшихся въ Константинополѣ съ Блистательной Портою, самымъ блистательнымъ образомъ доказавшею свое двоедушіе при рѣшеніи болгарскаго вопроса. Не надѣясь на благопріятное рѣшеніе, регенты приняли свои мѣры, чтобы разомъ покончить всѣ переговоры съ Цанковымъ. Въ Константинополь отправился капитанъ Енакіевъ, распоряжавшійся избіеніемъ русскаго каваса въ Филиппополѣ. Этотъ достойный офицеръ нанятъ былъ попросту убить Цанкова, котораго Порта предлагала въ регенты. Но Енакіевъ вздумалъ раздѣлить славу своего подвига съ какимъ-то македонцемъ; тотъ, получивъ въ задатокъ десять турецкихъ лиръ изъ двухсотъ, врученныхъ Енакіеву англійскимъ консуломъ въ Филиппополѣ, Джонсомъ, нашелъ, что этого мало, требовалъ больше, не получилъ—и донесъ о цѣли пріѣзда капитана. Того арестовали и нашли у него переписку, компрометирующую регентовъ и ихъ делегатовъ. Но англійскій посолъ Уайтъ поспѣшилъ замять это дѣло, и делегаты были отправлены изъ Константинополя въ Софію, куда за ними поѣхалъ новый комисаръ порты, Риза-бей, уговаривать регентовъ—примириться съ Россіею. Но заговорщики потеряли уже всякую надежду на освобожденіе страны отъ самозваннаго правительства и рѣшились возстать противъ него, призывая народъ къ низверженію тяготѣющаго на немъ гнета.

Возстаніе должно было вспыхнуть повсемѣстно 19-го февраля, въ день заключенія санстефанскаго договора, но оно началось преждевременно въ Силистріи, гдѣ батальонный командиръ Христовъ арестовалъ со своими солдатами всѣхъ чиновниковъ и офицеровъ, преданныхъ регентамъ, объявивъ, что народъ и армія не признаютъ регентства. Инсургентовъ не было въ крѣпости и 500 человѣкъ. Противъ нихъ двинули полкъ изъ Рущука, и когда онъ вошелъ въ Силистрію, батальонъ Христова положилъ оружіе, а командиръ его, не положившій оружія, былъ застрѣленъ. Организа-

торы движенія не хотѣли кровопролитія и думали выждать, когда народное негодованіе созрѣло бы до того, чтобы простою манифестаціею положить конецъ незаконной власти регентства. Но шпіоны Стамбулова перехватили письма о возстаніи въ силистрійскомъ гарнизонѣ, и Христовъ съ другими офицерами былъ тотчасъ же уволенъ. Тогда онъ рѣшился произвести возстаніе, которое тотчасъ же было подавлено. Гарнизоны Шумлы и Варны также готовы были отложиться, но тамъ успѣли смѣстить всѣхъ офицеровъ и замѣнить ихъ солдатами, тотчасъ же произведенными въ офицеры. Гораздо серьезнѣе было возмущеніе въ Рущукѣ. Тамъ майоръ Узуновъ арестовалъ ночью префекта и приверженцевъ регентства и съ пятью ротами саперъ пытался привлечь на свою сторону два батальона гарнизона крѣпости. Попытка не удалась, и батальоны не вышли изъ своихъ казармъ, а укрѣпились въ нихъ. Инсургенты окружили ихъ и начали перестрѣлку съ ними. Въ помощь осажденнымъ, городскія власти выпустили изъ тюрьмы до 500 каторжниковъ, дали имъ оружіе, и они напали съ тылу на саперъ въ то время, какъ гарнизонъ сдѣлалъ вылазку изъ казармъ. Поставленные между двухъ огней, инсургенты не выдержали натиска и, потерявъ болѣе 50-ти человѣкъ убитыми, отступили. Солдаты ушли изъ города, а предводители бросились въ лодки, чтобы черезъ Дунай спастись въ Румынію. Но одна лодка потонула близъ небольшаго песчанаго островка въ виду Рущука, и инсургенты вышли на берегъ, до котораго долетали пули изъ города. Войска, оставшіяся вѣрными регентству, открыли страшную пальбу противъ бѣглецовъ, старавшихся укрыться въ ямахъ и песчаныхъ выемкахъ островка. Полковникъ Филовъ былъ раненъ въ грудь, майоръ Узуновъ—двумя пулями въ животъ; два офицера, бросившіеся съ островка вплавь къ румынскому берегу, утонули. Пароходъ „Голубчикъ“ захватилъ другую лодку, съ которой офицеры бросились въ воду, но ихъ вытаскивали баграми, раненыхъ добивали и топили въ Дунаѣ. Тотъ же пароходъ снялъ всѣхъ инсургентовъ съ островка и привезъ въ Рущукъ. Захваченныхъ судили въ Рущукѣ и приговорили къ разстрѣлянію четырнадцать человѣкъ. Судъ ходатайствовалъ именемъ регентства передъ майоромъ Петровымъ, командующимъ въ Рущукѣ, о смягченіи наказанія четыремъ осужденнымъ болгарамъ, только что прибывшимъ изъ Румыніи, но Петровъ не хотѣлъ оказать инсургентамъ никакого снисхожденія, и 23 февраля тринадцать офицеровъ были разстрѣляны. Четырнадцатаго, поручика Больмана, хотя и приговореннаго къ казни, не смѣли разстрѣлять, потому что онъ русскій подданный, и выдали германскому консулу по его требованію. Затѣмъ, во всѣхъ городахъ Болгаріи начались аресты, истязанія, пытки, убійства. Обвиненныхъ и даже только подозрѣваемыхъ *въ измѣнѣ* регентству сажали въ тюрьмы, мучили, даже просто убивали. *При первомъ извѣстіи* объ этихъ казняхъ, нѣмецкія газеты нѣсколько

понизили тонъ, и нѣкоторыя изъ нихъ даже спрашивали съ безпокойствомъ: что будетъ дѣлать Россія, какъ взглянетъ она на терроръ и неистовства болгарскихъ регентовъ; когда же убѣдились, что наша дипломатія будетъ держаться прежняго, то есть выжидательнаго образа дѣйствій (что было заявлено и въ „Правительственномъ Вѣстникѣ"), всѣ успокоились, и начались обычныя инсинуаціи и даже прямыя обвиненія, что возстаніе произвели русскіе рубли и русскіе агенты, что въ немъ принималъ участіе даже нашъ посланникъ въ Бухарестѣ г. Хитрово, что выгнанная изъ Рущука какая-то г-жа Сухомлинова подкупала всѣхъ желающихъ подняться противъ регентовъ. Органъ графа Кальноки, вѣнскій „Fremdenblatt" заявляетъ, что „энергія Стамбулова будетъ оцѣнена по достоинству вездѣ, гдѣ только не причисляютъ заговоры къ позволеннымъ средствамъ борьбы". Газета прибавляетъ, что только регенты могутъ избавить Болгарію отъ ужасовъ междоусобной войны, такъ какъ они „вырвали факелъ раздора изъ рукъ заговорщиковъ". Берлинская печать, расточая похвалы регентамъ, совѣтовала „какъ можно скорѣе повѣсить или разстрѣлять флибустьеровъ и бандитовъ" и требовала „обузданія Россіи". „Börsen-Courrier" говоритъ: „болгарское регентство не будетъ спокойно до тѣхъ поръ, пока Европа будетъ позволять этой азіатской державѣ ставить свою волю на мѣсто международнаго права". Если такъ отзывалась печать „дружественной" намъ націи, то можно себѣ представить, что писали газеты мадьярскія и англійскія. Органъ Тиссы назвалъ прямо рущукское возстаніе — русскимъ бунтомъ и восторгается тѣмъ, что регентство не только съумѣло избавиться отъ русскаго ига, но и справилось „съ этой сволочью". Выругавъ мертвыхъ, „Pesther Lloyd" увѣщеваетъ регентство не щадить живыхъ мятежниковъ и возстаетъ противъ всякаго вмѣшательства державъ, не имѣющихъ права „защищать организованное разбойничество". „Times" говоритъ, что при казни взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ „регентство проявило достойную подражанія твердость и поспѣшность. Состраданіе къ инсургентамъ было бы не только ошибкою, но и преступленіемъ".

На нашу печать казнь доблестныхъ и самоотверженныхъ патріотовъ произвела удручающее впечатлѣніе. „Они пали истинными героями", говорятъ „Московскія Вѣдомости".—„Не личный интересъ заставилъ ихъ протестовать противъ позорнаго положенія ихъ родины, противъ хищниковъ, ее терзающихъ, измѣнниковъ, ее продающихъ. Мерзавцы, въ своемъ остервененіи, разстрѣляли даже приговоренныхъ къ тюремному заключенію. Совершилось звѣрское избіеніе людей честныхъ и несомнѣнно достойныхъ — шайкою злоумышленниковъ, присвоившихъ себѣ верховную власть—и это не только терпятъ, это одобряютъ. Новые болгарскіе ужасы творятся по наущенію цивилизованныхъ правительствъ".—„Въ Россіи смерть убіенныхъ", говоритъ „Свѣтъ",—„произведетъ самое тяжелое, невыносимое впечатлѣніе,

сотрудникъ нашъ, разсказывая о томъ, съ какимъ трудомъ завоевали въ послѣднее время свои права дочери туманнаго Альбіона, не говоритъ о неудачныхъ попыткахъ рѣшенія этого вопроса въ прежнія времена. Въ Лондонѣ уже нѣсколько лѣтъ издаются характеристики замѣчательныхъ женщинъ отдѣльными біографіями, и недавно вышла біографія далеко не заурядной личности—Мери Вульстонкрафтъ-Годвинъ—жертвы женскаго вопроса. (Eminent Women series.—Mary Woolstonecraft Godwin, by Elisabeth Robins Pennel). Не смотря на то, что со смерти Годвинъ прошло уже почти столѣтіе, лицемѣрные англичане не любятъ упоминать о женщинѣ, которая первая заговорила о своихъ правахъ. Правда, въ ея судьбѣ трагическій элементъ мѣшается съ комическимъ, но жизнь ея, полная неудачъ и волненій, все таки любопытна и поучительна, и мы напомнимъ объ ней нашей публикѣ, такъ скоро все забывающей. Мери Вульстонкрафтъ родилась въ 1759 году. Отецъ ея былъ ирландскій авантюристъ, разъѣзжавшій по графствамъ Англіи, являвшійся то купцомъ, то арендаторомъ, то землевладѣльцемъ, недолго жившій въ городахъ, но часто засиживавшійся въ тавернахъ. Грубый по натурѣ, онъ дѣлался варваромъ, когда напивался—и тогда безпощадный гнѣвъ его обрушивался на жену и дѣтей. Мери въ дѣтствѣ перенесла много тяжелыхъ сценъ. Ея мать была пустая женщина, также деспотически обращавшаяся съ дочерью, которая, выросши, проводила часть ночи безъ сна, готовая защитить свою мать отъ свирѣпаго отца. У дѣвушки было три брата и двѣ сестры, похожіе на отца и мать, пустые, но раздражительные. Немудрено, что такая семья имѣла дурное вліяніе на дѣвушку, но научила ее возставать противъ несправедливостей и защищать незаслуженно оскорбляемыхъ. Она много училась и любила заниматься и трудиться. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что семья скоро разорилась, и Мери должна была пойти въ компаньонки къ невыносимой леди. Одна изъ сестеръ Мери, Элиза, вышла замужъ, но тотчасъ же начала ссориться съ мужемъ и помѣшалась. Мужъ выписалъ Мери—ходить за своей сестрой, и Мери, встрѣчавшая въ жизни только невозможныя семейства, гдѣ всѣ члены бранились между собою, пришла къ заключенію, что бракъ—устарѣвшее учрежденіе, пригодное только когда женщина находится на низшей ступени развитія, а не пользуется, какъ должно быть въ природѣ вещей, правами, равными съ мужчиною. На основаніи этой теоріи, когда Элиза выздоровѣла, Мери увезла ее тихонько отъ мужа, который хотя и жаловался на это, но не требовалъ жены обратно. Общественное мнѣніе приняло его сторону, тѣмъ болѣе, что жена бросила съ мужемъ ребенка. Мери, чтобы существовать, открыла школу, повела ее дурно и вошла въ долги. Она твердила, что образованныя, но бѣдныя дѣвушки не имѣютъ возможности жить въ Англіи, гдѣ женщинѣ закрыты всѣ роды занятій. Написавъ, впрочемъ, довольно *плохую брошюру о* женскомъ образованіи, она поступила конторщицей въ

книжный магазинъ. Въ это время (1788 г.) начали появляться многія произведенія женщинъ-писательницъ. Софія Ли пользовалась уже извѣстностью, Шарлота Смитъ написала романъ „Эммелина“. Вскорѣ потомъ явились: миссъ Борней, Аустинъ, Эджевортъ, Анна Радклифъ. Мери близко сошлась съ мистрисъ Инчбальдъ, актрисой-романисткой, но потомъ поссорилась изъ-за принциповъ. Вступивъ на литературное поприще, поставляя своему книгопродавцу переводы и компиляціи, Мери въ то же время набрасывала на бумагу, въ формѣ мемуаровъ, эксцентрическія мысли о роли и назначеніи женщинъ въ обществѣ. Желая, чтобы ее не упрекали въ изнѣженности, она выражалась грубо, держала себя съ напыщенной аффектаціей, не обращала вниманія на свой туалетъ, перестала чесаться, хоть была недурна собою и очень моложава для своихъ тридцати лѣтъ. Но вела она себя безупречно. Черезъ два года, явился выдающійся трудъ: „Требованіе правъ человѣка“, въ отвѣтъ на книгу знаменитаго Борке противъ французской революціи. Мери Вульстонкрафтъ явилась пламенной, но не весьма логичной защитницей революціи. Борке назвалъ Мери пуасардкой. Она отвѣчала сочиненіемъ: „Требованіе правъ женщины“. Общество пришло въ ужасъ: никогда ничего подобнаго не требовалось отъ него. Авторъ на всѣ тоны взывалъ о необходимости и законности равныхъ правъ для мужчины и женщины. Онъ сознавалъ, что женщина слаба, необразованна, ограниченна, но утверждалъ, что все это можетъ поправить раціональное воспитаніе. Прежде всего, она требовала общихъ школъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ наукѣ—женщина должна быть докторомъ и профессоромъ; въ политической жизни—членомъ парламента. Въ концѣ XVIII вѣка, такія мысли были невозможною ересью. Но распространительница ихъ сдѣлалась знаменитостью. Книги ея читались и покупались, хотя всѣ бранили ихъ. Она начала жить съ комфортомъ, но влюбилась въ мужа своей подруги. Съ ея идеями о свободѣ чувствъ и брака, это нисколько не безпокоило ея, тѣмъ болѣе, что любовь ея должна быть платоническою. Тѣмъ не менѣе, она должна была оставить Лондонъ и отправилась въ Парижъ, въ самый разгаръ революціи. Она видѣла судъ надъ Людовикомъ XVI, гильотину, работавшую на площади. Ненавидя пролитіе крови, она стала однажды держать рѣчь къ народу, упрекая его въ жестокосердіи. Ее, конечно, заставили замолчать. Дѣло могло принять для нея дурной оборотъ, но она не вмѣшивалась больше въ политику, потому что ею овладѣла новая любовь. Она сошлась съ американскимъ капитаномъ Имлеемъ, съ условіемъ, что „союзъ не долженъ связывать ихъ навсегда, если любовь погаснетъ въ сердцѣ“. Авантюристъ былъ, конечно, радъ такому условію, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бросилъ беременную Мери и уѣхалъ въ Америку. Напрасны были страстныя письма и горькіе упреки. Вернувшись въ Лондонъ, Мери издала свое лучшее сочиненіе: „О француз-

ской революціи", но два раза покушалась на самоубійство, пока не утѣшилась, сойдясь съ Вильямомъ Годвиномъ, талантливымъ радикальнымъ писателемъ, романъ котораго „Калебъ Вильямсъ" читается до сихъ поръ. Не смотря на свои 37 лѣтъ, Мери была хороша собою, пользовалась извѣстностью, и Годвинъ предложилъ ей—новый союзъ на старыхъ условіяхъ: жить порознь, но видѣться и сходиться другъ съ другомъ, когда захочется. Они жили съ годъ такимъ образомъ, но Мери забеременѣла, и Годвинъ женился на ней въ мартѣ 1797 года, а черезъ пять мѣсяцевъ Мери умерла въ родахъ, оставивъ дочь, которая вышла потомъ за поэта Шелли. Мужъ не пошелъ на похороны жены, но издалъ вскорѣ „Мемуары о Мери Вульстонкрафтъ-Годвинъ", гдѣ самымъ неделикатнымъ образомъ выставилъ всѣ ея недостатки. А между тѣмъ, это была взбалмошная голова, но доброе, пылкое сердце. Она дѣлала много дурнаго съ самыми лучшими намѣреніями, дѣйствовала всегда прямо и открыто. Съ ея біографіей нельзя знакомить институтокъ, но она все таки любопытна и поучительна, и многія изъ ея идей, считавшихся несбыточными въ ея время, теперь осуществляются.

Нельзя пройти также молчаніемъ книгу, въ короткое время достигнувшую втораго изданія: „Развитіе умственной свободы" („The rise of intellectual liberty) Голланда. Авторъ ея—американецъ, какъ Дреперъ; книга его пополняетъ извѣстное сочиненіе Лекки, несовсѣмъ удачно назвавшаго раціонализмомъ то, что Голландъ называетъ—также неточно—„умственной свободой". Это просто исторія умственнаго развитія человѣчества по литературнымъ произведеніямъ, въ которыхъ выразилось міровоззрѣніе различныхъ эпохъ. Авторъ—реалистъ, приверженецъ свободы мысли, въ которой онъ видитъ основу прогресса, связаннаго прямо съ политической свободою и приведеннаго въ движеніе людьми науки. Исторія эта доведена до XV столѣтія и представляетъ характеристику лицъ, боровшихся за право свободомыслія. Во многомъ она напоминаетъ извѣстную: „Histoire des martyrs de la liberté", книгу, конечно, менѣе серьезную и научную, но написанную болѣе блестящимъ языкомъ. Голландъ не дѣлаетъ выводовъ изъ біографій, но они представляются сами собою. Онъ приводитъ только много цитатъ изъ писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ. Особенно важную роль въ умственномъ развитіи общества онъ отводитъ женщинамъ, напоминая, что еще Платонъ требовалъ для нихъ одинаковаго воспитанія съ мужчинами. Извѣстна роль гетеръ въ греческой цивилизаціи: онѣ явились первыми послѣдователями философовъ въ садахъ Академіи, и вліяніе Аспазіи на культурныя стороны ея времени было едва ли не сильнѣе вліянія Перикла. А въ эпоху гоненія на философію, такая личность, какъ Гипатія, одна могла поддержать древнюю славу науки противъ александрійскихъ наукоборцевъ. Да и римскія женщины, *удивлявшія* стоиковъ своимъ мужествомъ и читавшія по гре-

чески „Республику“ Платона, оставили много славныхъ именъ въ исторіи культуры. За права ихъ открыто высказывались: Плиній, Сенека, Плутархъ, императоры Адріанъ и Антонинъ, даже Климентъ александрійскій. Женщины играли главную роль во всѣхъ протестахъ противъ папства, во всѣхъ сектахъ и реформахъ. Остановившись на эпохѣ реформаціи, авторъ разсматриваетъ причины недовѣрія массы и отдѣльныхъ личностей къ умственному развитію и, опровергая предположенное смѣшеніе свободы мысли съ отрицаніемъ нравственныхъ законовъ, оканчиваетъ свой замѣчательный трудъ слѣдующими словами: „теперь мы уже не боимся вернуться къ мрачной эпохѣ преслѣдованія умственнаго развитія. Она невозможна, какъ возрожденіе эпохи мастодонтовъ и ихтіозавровъ. Можетъ быть, полное освобожденіе мысли еще не близко, но оно наступитъ несомнѣнно“. Это утѣшеніе поддерживаетъ всѣхъ передовыхъ людей нашего времени. Моменты остановки на пути прогресса и даже отступленія являлись неоднократно въ исторіи культуры, но Галилеевское: e pur si muove! всегда руководило выдающимися личностями всѣхъ народовъ въ самыя мрачныя эпохи регресса и обскурантизма. Возвращеніе къ „доброму старому времени“ сдѣлалось въ особенности немыслимо въ послѣдніе три вѣка, когда въ XVII-мъ вѣкѣ развился гуманизмъ, въ XVIII — возникнулъ энциклопедизмъ, а въ XIX его замѣнилъ журнализмъ. Органическая связь между этими тремя стадіями умственнаго развитія человѣчества слишкомъ очевидна, чтобы необходимо было доказывать ее. Энциклопедизмъ, въ лицѣ своего представителя, великаго Дидро, привелъ въ прошломъ вѣкѣ въ стройную научную систему тѣ гуманныя мысли и основы, которыя окончательно взяли верхъ надъ заблужденіями и предразсудками два вѣка тому назадъ. Журнализму нашего времени (мы говоримъ, конечно, о странахъ, гдѣ цивилизація достигла извѣстнаго уровня) не нужно уже доказывать значенія науки, на которой должны основываться понятія, учрежденія, вѣрованія обществъ и отдѣльныхъ лицъ, — все это уже сдѣлано энциклопедизмомъ;—но солидарный съ нимъ журнализмъ долженъ популяризовать, пропагандировать эти основныя научныя начала, особенно тамъ, гдѣ ископители мысли стремятся къ тому, чтобы лишить ее плодотворной силы, забывая слова поэта, сказавшаго:—„надъ вольной мыслью Богу не угодны насилія и гнетъ; она, въ вѣкахъ рожденная свободной—въ оковахъ не умретъ“.

В. З.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Революція въ Болгаріи.—Возстаніе въ Силистріи и Рущукѣ.—Междоусобная война и казнь инсургентовъ.—Европейская печать, прославляющая энергію регентовъ.—Долготерпѣніе Россіи.—Смерть майоровъ Узунова и Панова.—Русская печать о болгарскихъ убійствахъ.—Терроръ въ Болгаріи.—Что же будетъ дальше?—Избирательная кампанія Бисмарка.—Запугиванія войною.—Протестъ Эльзаса-Лотарингіи.—Сѣятель смутъ въ Европѣ.—Принятіе рейхстагомъ закона о септенатѣ.—Прочна ли бисмарковская политика?—Двуличная роль Турціи.—Новый патріархъ.—Порта между двухъ огней.—Воинственная Австрія и вѣковая исторія ея предательствъ по отношенію къ Россіи.—Возможенъ ли союзъ между этими державами?—Полемика объ этомъ союзѣ.—Англійскія продѣлки.—Отчего падаетъ нашъ курсъ?—Лига мира, направленная противъ Россіи.—Антирусская, но не національная политика Италіи.—Федерація романскихъ племенъ.—Женскій вопросъ въ Америкѣ.

15 (3) марта.

Кровь, наконецъ, полилась въ Болгаріи, полилась въ братоубійственной междоусобной войнѣ, при громѣ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, въ уличныхъ схваткахъ, въ казармахъ, подъ стѣнами крѣпостей. Часть гарнизоновъ въ Силистріи и Рущукѣ не захотѣла переносить больше гнета самозваннаго правительства и возстала противъ регентовъ и ихъ единомышленниковъ. Анархія, почти полтора года продолжающаяся въ Болгаріи, пришла къ роковой развязкѣ. Давно ли заговорщики, захватившіе власть въ свои руки, хвастались своей „сухою революціей", увѣряли Европу, что народъ процвѣтаетъ и благоденствуетъ подъ ихъ палочно-отеческимъ правленіемъ, благословляя мудрость и кротость регентовъ, и жаждетъ только возвращенія на престолъ своего возлюбленнаго нѣмца?... Одиссея политическихъ коми-вояжёровъ ко дворамъ европейскихъ державъ кончилась такимъ печальнымъ фіаско въ Константинополѣ, что всякое терпѣніе лопнуло, и одна часть болгарской арміи рѣшилась избавить своихъ согражданъ отъ невыносимаго деспотизма регентовъ, тяготѣющихъ надъ несчастною страною. Не смотря на то, что они продолжали увѣрять, будто во всей Болгаріи господствуетъ полнѣйшее спокойствіе, заговоры тамъ не прекращались во все время поѣздки правительственныхъ прикащиковъ по европейскимъ дворамъ. Болгары—заговорщики по самой натурѣ. Долголѣтнее рабство подъ турецкимъ игомъ развило въ нихъ страсть къ составленію тайныхъ обществъ, всегда возникающихъ подъ деспотическимъ правленіемъ. Заговоры вспыхивали во все время владычества турокъ. Регенты управляютъ страною, какъ настоящіе деспоты, гораздо хуже всякихъ пашей. Ненавидимые народомъ, они опираются только на солдатчину. Изгнавъ изъ арміи всѣхъ лучшихъ офицеровъ, низвергнувшихъ Батенберга, регенты произвели въ офицеры грубыхъ, необразованныхъ солдатъ, своихъ клевретовъ, и съ помощью ихъ терроризуютъ всю

страну и разсылаютъ во всѣ стороны послушные имъ отряды, безпощадно подавляющіе малѣйшее движеніе, не подчиняющееся правительству. Въ послѣднее время регенты до того явно начали подготовлять возвращеніе Батенберга въ Болгарію, что Бендеревъ, отправившій его въ увеселительную прогулку по Дунаю и въ русскія владѣнія, обнародовалъ открытое письмо къ Стамбулову. Объявляя причины низверженія Батенберга, Бендеревъ, старый пріятель Стамбулова, уличаетъ регента въ томъ, что онъ былъ согласенъ на низверженіе и, въ числѣ другихъ сорока заговорщиковъ, сбирался даже убить князя. А теперь, захвативъ въ свои руки власть, Стамбуловъ, чтобы удержаться на мѣстѣ, дѣлаетъ такія вещи, „за которыя мало повѣсить". Понятно, что Бендеревъ не могъ допустить такого „стараго друга" покойно грабить и угнетать несчастный народъ, и заговоръ противъ нынѣшнихъ правителей Болгаріи давно созрѣвалъ въ Румыніи, гдѣ поселилась бо́льшая часть изгнанныхъ болгарскихъ офицеровъ. Ждали только, чѣмъ кончится одиссея странствующихъ прикащиковъ, переговаривавшихся въ Константинополѣ съ Блистательной Портою, самымъ блистательнымъ образомъ доказавшею свое двоедушіе при рѣшеніи болгарскаго вопро́са. Не надѣясь на благопріятное рѣшеніе, регенты приняли свои мѣры, чтобы разомъ покончить всѣ переговоры съ Цанковымъ. Въ Константинополь отправился капитанъ Енакіевъ, распоряжавшійся избіеніемъ русскаго каваса въ Филиппополѣ. Этотъ достойный офицеръ нанятъ былъ попросту убить Цанкова, котораго Порта предлагала въ регенты. Но Енакіевъ вздумалъ раздѣлить славу своего подвига съ какимъ-то македонцемъ; тотъ, получивъ въ задатокъ десять турецкихъ лиръ изъ двухсотъ, врученныхъ Енакіеву англійскимъ консуломъ въ Филиппополѣ, Джонсомъ, нашелъ, что этого мало, требовалъ больше, не получилъ—и донесъ о цѣли пріѣзда капитана. Того арестовали и нашли у него переписку, компрометирующую регентовъ и ихъ делегатовъ. Но англійскій посолъ Уайтъ поспѣшилъ замять это дѣло, и делегаты были отправлены изъ Константинополя въ Софію, куда за ними поѣхалъ новый комисаръ порты, Риза-бей, уговаривать регентовъ—примириться съ Россіею. Но заговорщики потеряли уже всякую надежду на освобожденіе страны отъ самозваннаго правительства и рѣшились возстать противъ него, призывая народъ къ низверженію тяготѣющаго на немъ гнета.

Возстаніе должно было вспыхнуть повсемѣстно 19-го февраля, въ день заключенія санстефанскаго договора, но оно началось преждевременно въ Силистріи, гдѣ батальонный командиръ Христовъ арестовалъ со своими солдатами всѣхъ чиновниковъ и офицеровъ, преданныхъ регентамъ, объявивъ, что народъ и армія не признаютъ регентства. Инсургентовъ не было въ крѣпости и 500 человѣкъ. Противъ нихъ двинули полкъ изъ Рущука, и когда онъ вошелъ въ Силистрію, батальонъ Христова положилъ оружіе, а командиръ его, не положившій оружія, былъ застрѣленъ. Организа-

ибо погибли наши друзья, и мы не были настолько сильны или настолько великодушны, чтобы остановить ихъ погибель, не дать имъ умереть безславно по приказанію проходимцевъ". Газета нѣсколько увлекается въ своихъ жалобахъ: въ такой смерти нѣтъ ничего безславнаго, и какъ же мы могли предупредить ее, если, по словамъ того же „Свѣта", въ Болгаріи нѣтъ русскихъ агентовъ, и наши интересы охраняетъ германскій консулъ. Но разстрѣляны несомнѣнно передовые люди Болгаріи: майоръ Аѳанасій Мариновичъ Узуновъ служилъ въ Замосцьскомъ пѣхотномъ полку, участвовалъ въ оборонѣ Шипки, за что получилъ Георгія, слушалъ потомъ курсъ въ нашей инженерной академіи, изъ которой вернулся въ Болгарію при началѣ войны съ сербами и прославился блестящею обороною Виддина, гдѣ, начальствуя надъ слабымъ, на-скоро сформированнымъ ополченіемъ, защищаясь противъ превосходныхъ сербскихъ силъ, онъ въ теченіе всей кампаніи отбивалъ аттаки Лѣшанина и отстоялъ городъ съ полуразрушенными укрѣпленіями. Майоръ Олимпій Спиридоновичъ Пановъ былъ прапорщикомъ Модлинскаго пѣхотнаго полка, сражался за освобожденіе своей родины подъ Эски-Загрой, на Шипкѣ получилъ Георгія, потомъ слушалъ курсъ академіи нашего генеральнаго штаба. Вернувшись въ Болгарію передъ сербской войною, былъ начальникомъ болгарской артиллеріи, которая помогла одержать побѣду подъ Сливницею, откуда такъ блистательно бѣжалъ князь Батенбергскій, особенно ненавидѣвшій и гнавшій Панова. Ненависть эта перешла по наслѣдству къ Стамбулову, и этотъ регентъ, прогнанный за грязные поступки изъ одесской семинаріи, завѣдомый грабитель въ Болгаріи, уволилъ сначала Панова въ отставку и потомъ разстрѣлялъ его. Стамбуловцы явно хвалятся тѣмъ, что эти казни приверженцевъ Россіи—отмстка ей за низверженіе Батенберга. Странно только, что они медлятъ провозглашеніемъ своего собрата—королемъ Болгаріи, объединенной смертью ея лучшихъ дѣтей. Теперь, по трупамъ разстрѣлянныхъ и погибшихъ за освобожденіе родины жертвъ, самая пора была бы взойти на тронъ, при восторженныхъ крикахъ австрійской, нѣмецкой, мадьярской, англійской печати, при благосклонномъ содѣйствіи ихъ правительствъ, и даже не смотря на платоническое предостереженіе нашего „Journal de St.-Pétersbourg", что „границы долготерпѣнія перейдены"—чьи только границы?—вѣроятно, французско-русскаго органа.

Правда, „Journal de St.-Pétersbourg" возмущается звѣрствами, совершонными болгарскими диктаторами, и удостовѣряетъ, что регенты разстрѣливали безъ суда и по однимъ подозрѣніямъ, а заключенныхъ въ тюрьмахъ подвергали страшнымъ пыткамъ. Но газета больше всего довольна тѣмъ, что Порта „предложила своему комисару Риза-бею дать регентству совѣтъ пріостановить казни—впредь до избранія князя". А съ избраніемъ его можно и возобновить ихъ, что ли? Довольна она также и тѣмъ, что *Риза-бей* въ сопровожденіи консуловъ посѣтилъ въ тюрьмахъ заключен-

ныхъ—и они показали, что съ ними обращаются человѣколюбиво. Еще бы не показать, когда по уходѣ посѣтителей можно тотчасъ же возобновить операціи съ избіеніемъ мѣшками, наполненными пескомъ—надъ тѣми изъ заключенныхъ, которые осмѣлились бы пожаловаться на своихъ тюремщиковъ и палачей.

Парижскія газеты, не издающіяся жидами и бисмарковскими рептиліями, сообщаютъ, напротивъ, возмутительныя подробности о звѣрствахъ регентовъ. „Temps“ говоритъ, что въ Софіи господствуетъ полный терроръ: милиція обезоружена; арестовано множество уважаемыхъ лицъ, и ихъ бьютъ кнутомъ въ тюрьмахъ. Каравеловъ подвергся такимъ жестокимъ пыткамъ и истязаніямъ, что находится при смерти. И этотъ несчастный пособникъ Батенберга, поздно одумавшійся, не избѣгнулъ участи всѣхъ зачинщиковъ революцій и сдѣлался жертвою своихъ соперниковъ по исканію власти, гораздо болѣе кровожадныхъ и мстительныхъ, чѣмъ этотъ бывшій студентъ московскаго университета. Семь офицеровъ умерли въ тюрьмахъ подъ палочными ударами, продолжаетъ „Temps“. Всѣ эти мѣры носятъ явный характеръ вызова относительно Россіи. „Liberté“ сообщаетъ, что въ Варнѣ, Шумлѣ, Силистріи, Рущукѣ людей захватываютъ массами. Офицеровъ и унтеръ-офицеровъ убиваютъ безъ суда. Иностранные консулы принуждены доносить своимъ правительствамъ о жестокостяхъ, совершаемыхъ регентствомъ. Жена Каравелова напрасно умоляла всѣхъ дипломатическихъ агентовъ спасти отъ пытокъ ея мужа. За нее ходатайствовалъ только одинъ французскій агентъ Флешъ и за это получилъ выговоръ отъ „Kölnische Zeitung“: какъ онъ смѣетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Болгаріи. Регенты разсчитываютъ основательно, что, перебивъ и разстрѣлявъ сотни приверженцевъ Россіи, они если не навсегда, то надолго положатъ терроромъ конецъ всякимъ возстаніямъ. Вѣдь даже Турція прислала поздравить Стамбулова съ выказанной имъ энергіею. У насъ—по убитымъ служатъ панихиды и собираютъ подписку въ пользу осиротѣвшихъ ихъ семей. „Новое Время“ уже опубликовало о первомъ взносѣ въ 618 рублей.

Но что же будетъ дальше? спрашиваетъ иностранная печать. Всѣ сознаютъ, что все зависитъ отъ Россіи, но всѣ убѣждены, что и казнь ея болгарскихъ друзей не выведетъ ея изъ выжидательнаго положенія. Сильнѣе другихъ безпокоятся мадьярскія газеты и почти требуютъ, чтобы наша дипломатія сказала наконецъ: что она будетъ дѣлать?—Да ровно ничего! отвѣчаютъ иронически вѣнскіе листки:—будетъ ждать.—Чего же наконецъ? допытывается „Pesther Lloyd“.—Да хоть того, что кто нибудь положитъ конецъ самоуправству регентовъ, и отправитъ ихъ на тотъ свѣтъ, куда они препроводили уже столькихъ друзей Болгаріи. Какой-то болгарскій комитетъ прислалъ даже увѣдомленіе Стамбулову и компаніи, что они приговорены къ смерти и будутъ казнены. Но вѣдь отъ угрозъ до исполненія ихъ—далеко. Страна до того терроризована, что новое возстаніе

въ ней немыслимо,—развѣ ужь регенты очень сильно начнутъ душить за горло. На ихъ сторонѣ армія, которая, какъ ни дезорганизована, но все таки сила, тогда какъ народъ, обезоруженный въ силу введеннаго вездѣ осаднаго положенія, совершенно подавленъ. Да онъ и пальцемъ не пошевельнулъ, когда за него поднялась часть арміи въ Рущукѣ и Силистріи, а, напротивъ, вездѣ былъ на сторонѣ своего правительства и осыпалъ инсургентовъ если не каменьями, то оскорбленіями. Чего же надѣяться отъ апатической и забитой массы, потерявшей почти всѣхъ своихъ вождей? Груевъ и Бендеревъ спаслись отъ истребленія, но что же могутъ сдѣлать они съ небольшимъ числомъ ихъ приверженцевъ, оставшихся въ живыхъ, при совершенномъ равнодушіи массы? Регенты теперь могущественнѣе, чѣмъ когда либо, и могутъ безнаказанно позволить себѣ все, что захотятъ, увѣренные въ поддержкѣ Европы и бездѣйствіи Россіи.

Избирательная кампанія Бисмарка велась чрезвычайно искусно и энергично. Пущены были въ ходъ всѣ средства для того, чтобы пріобрѣсти въ новомъ рейхстагѣ большинство въ пользу септената. Въ то время, когда канцлеръ заявлялъ о миролюбіи Германіи, сподвижникъ его, фельдмаршалъ Мольтке, пугалъ фразами о крайне серьезномъ положеніи страны. Запугиванія такого высокоофиціальнаго лица заставили даже французскаго посла Гербетта въ Берлинѣ просить у канцлера объясненія словъ фельдмаршала, но Бисмаркъ отвѣчалъ, что они относятся не къ международному положенію, а къ разногласію въ Германіи по внутреннимъ вопросамъ. Съ какой стати было военному человѣку тревожить общественное мнѣніе разногласіями по внутренней политикѣ—канцлеръ не объяснилъ. Затѣмъ органы его, понявъ, что требованіе отставки Буланже было бы прямымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Франціи, чего не могло допустить никакое, сколько нибудь уважающее себя, правительство, начали обвинять его въ систематическомъ поддерживаніи „лиги патріотовъ“, составленной съ открытою цѣлью возмездія и возвращенія отторгнутыхъ провинцій. „Kölnische Zeitung“ отказывается понять, какимъ образомъ французское правительство допускаетъ агитацію лиги, давно уже угрожающей европейскому миру. Заодно ужь, къ патріотамъ газета пристегиваетъ анархистовъ, соціалистовъ и коммунистовъ, безнаказанно проповѣдующихъ въ Парижѣ свои гнусныя теоріи, а правительство ничего не предпринимаетъ для ихъ обузданія и потому тоже представляетъ опасность для общественнаго строя Европы. Газета „Temps“ скромно замѣтила, что врядъ ли берлинскій кабинетъ обнаружилъ бы такое долготерпѣніе, какъ правительство республики, еслибы французскія газеты ежедневно оскорбляли нѣмецкихъ государственныхъ людей. „Norddeutsche Zeitung“ отвѣчала на это, что вся литература Франціи питаетъ ненависть къ Германіи, извѣрившейся окончательно въ *миролюбіи Франціи*. Въ Берлинѣ парадировало 73,000 резервистовъ, *созванныхъ для* обученія стрѣльбѣ; самъ канцлеръ опровергалъ въ газетахъ

слова, будто бы сказанныя императоромъ, что „никакой войны не будетъ". Въ Эльзасѣ и Лотарингіи произведено было множество арестовъ, закрыты разныя музыкальныя и гимнастическія общества, подозрѣваемыя въ сношеніяхъ съ лигой патріотовъ. Въ Страсбургѣ, Мецѣ, Мюльгаузенѣ свирѣпствовали домовые обыски. Но все это не послужило ни къ чему: эльзасъ-лотаринскіе избиратели всѣхъ округовъ послали въ парламентъ своими представителями явныхъ сторонниковъ возвращенія Франціи отторгнутыхъ отъ нея областей. Органы Бисмарка уже черезчуръ наивно объяснили это единодушіе выборовъ—боязнью эльзасцевъ, чтобы французы не вторглись въ свои прежнія владѣнія. Но вѣдь въ нихъ скорѣе вторгнутся нѣмцы, если начнется война, театромъ которой будетъ, конечно, Эльзасъ, не смотря на это, все таки смѣло выразившій свои симпатіи Франціи. Семнадцать лѣтъ Германія всячески старалась пріобрѣсти расположеніе эльзасцевъ, давала имъ возможныя льготы, задабривала ихъ всѣми средствами—и все таки ничего не добилась отъ своихъ согражданъ, разорвавшихъ еще при Людовикѣ XIV всѣ узы со своимъ отечествомъ и не желающихъ возвратиться теперь въ лоно объединенной Германіи. Это всего болѣе удивляетъ нѣмцевъ, убѣжденныхъ въ томъ, что стоитъ имъ пригласить своихъ соотечественниковъ, находящихся подъ властью иноплеменной державы, присоединиться къ фатерланду, — и они тотчасъ же придутъ въ восторгъ. На другихъ окраинахъ нѣмецкіе разсчеты, можетъ быть, и оказались бы совершенно вѣрными, но въ Эльзасѣ они потерпѣли полное фіаско. Не слишкомъ можетъ разсчитывать канцлеръ и на господство объединительныхъ элементовъ въ германскомъ рейхстагѣ. За септенатъ у него составилось большинство, но по всѣмъ другимъ вопросамъ оно далеко не обезпечено за правительствомъ, олицетворяющимся въ особѣ всевластнаго канцлера. Политическіе противники его, Рихтеръ и Виндгорстъ, откровенно объяснили, почему такъ важно, чтобы Бисмаркъ не имѣлъ въ рейхстагѣ большинства. Пока живъ Вильгельмъ I — а есть симптомы, заставляющіе опасаться, что онъ недолго переживетъ празднованіе своего 90 лѣтія,—положеніе канцлера незыблемо въ парламентѣ ему враждебномъ, но который онъ можетъ распустить, когда ему угодно. Но при новомъ императорѣ канцлеръ можетъ править страною, только имѣя за собою парламентское большинство. Между тѣмъ его внутренняя политика и, въ особенности, экономическіе планы возбуждаютъ сильную оппозицію, а во внѣшнихъ международныхъ сношеніяхъ онъ держится только тѣмъ, что улаживаетъ антагонизмъ между державами и недоразумѣнія, которыя самъ же нерѣдко возбуждаетъ, чтобы быть властелиномъ положенія дѣлъ и управлять всѣмъ ходомъ общеевропейской политики. Для того, чтобы не утратить этой преобладающей роли рѣшителя судебъ Европы, Бисмаркъ готовъ всякую минуту еще болѣе опутать интригами всякаго рода всѣхъ своихъ враговъ и союзниковъ, и зажечь войну въ любой странѣ, чтобы

потомъ явиться примирителемъ или, по крайней мѣрѣ, честнымъ маклеромъ. Чѣмъ запутаннѣе политическое положеніе, тѣмъ оно выгоднѣе для него—потому что онъ тогда дѣлается необходимъ. При всеобщемъ мирѣ и спокойствіи, роль Бисмарка сдѣлается совершенно незначительною, и поэтому онъ охотно поддерживаетъ и поднимаетъ смуты и опасенія всякаго рода, пользуясь ненормальнымъ порядкомъ вещей для усиленія своей власти. Отъ него можно всякую минуту ожидать какого нибудь сюрприза—политическаго или экономическаго, и вотъ почему многіе не безъ основанія считаютъ германскаго канцлера причиною тревожнаго состоянія современной Европы. Не Россія, не Франція,—какъ хочетъ увѣрить онъ,—угрожаютъ всеобщему спокойствію, а Германія, объединеніе которой, скрѣпленное войною, слабѣетъ въ дни мира, а Бисмаркъ думаетъ удержать его если не новою войною, то угрозами ея и приготовленіями къ ней. Вся эта система запугиванія и манія раздоровъ, интригъ и двуличныхъ поступковъ возможна только при властителѣ, вполнѣ ввѣрившемся канцлеру, но врядъ ли его глазами взглянетъ на положеніе дѣлъ новый императоръ—и вотъ почему Бисмаркъ такъ спѣшитъ заручиться большинствомъ своихъ сторонниковъ въ парламентѣ. Въ какой степени оправдаются его разсчеты—покажетъ близкое будущее, но и теперь уже можно сказать, что во многомъ онъ совершенно ошибается. Сыгравъ на струнѣ патріотизма, запугавъ страну опасностями, грозящими ей „съ двухъ фронтовъ“, поддерживая подъ рукою болгарскую неурядицу, сѣя вездѣ смуты и опасенія, канцлеръ еще можетъ играть преобладающую роль въ странѣ, обязанной ему своимъ величіемъ—въ прошедшемъ и невыносимымъ положеніемъ—въ настоящемъ. Но роль эта, во всякомъ случаѣ, исключительная и теперь уже всѣми разгаданная, не можетъ быть продолжительной, какъ все ненормальное и непрямодушное.

Законъ о септенатѣ принятъ въ рейхстагѣ значительнымъ большинствомъ. Противъ него высказались только 31 членъ, но зато вся партія центра въ 84 человѣка воздержалась отъ голосованія. Католики не вотировали потому, чтобы не идти открыто противъ папы, высказавшагося за септенатъ, и, въ то же время, чтобы не отказаться вполнѣ отъ протеста противъ этого закона. Мѣра эта достаточно іезуитская, какъ и всѣ дѣйствія этой партіи. Такъ, глава ея Виндгорстъ скрылъ отъ своей партіи, что папа благословилъ Бисмарка въ его приготовленіяхъ—разгромить старшую дочь католической церкви, Францію; въ то же время, Виндгорстъ произносилъ рѣчи передъ избирателями о томъ, что они обязаны безусловнымъ повиновеніемъ святому отцу только въ дѣлахъ религіи, а не въ военныхъ мѣропріятіяхъ. Онъ напомнилъ, что самъ канцлеръ во время культурной борьбы энергически отрицалъ вмѣшательство во внутреннія дѣла протестантской Германіи „какого-то итальянскаго архіепископа“,—хотя дѣло *это касалось* церковныхъ отношеній католическихъ подданныхъ Германіи.

А теперь этотъ же итальянскій архіепископъ вмѣшивается въ военныя дѣла Бисмарка, который за это, въ день обнародованія результата выборовъ, внесъ въ верхнюю прусскую палату предложеніе объ отмѣнѣ существенной части знаменитыхъ майскихъ анти-церковныхъ законовъ. Торгъ, заранѣе заключенный, исполненъ былъ добросовѣстно. Послужитъ ли только къ чему нибудь это паломничество въ Каноссу, отъ котораго такъ энергично отрекался когда-то германскій канцлеръ? Парламентское большинство составилось по военному вопросу. Теперь Бисмаркъ торопится внести въ рейхстагъ свой проэктъ о водочной монополіи, уже не разъ отвергаемый. Удержится ли большинство въ вопросахъ экономическихъ и внутреннихъ—узнаемъ очень скоро.

Турція въ отношеніи къ намъ играетъ такую же двуличную роль, какъ Австрія. Увѣряя насъ въ своей дружбѣ, она въ то же время, чтобы угодить и подслужиться Англіи, тайно мѣшаетъ осуществленію всѣхъ нашихъ политическихъ намѣреній. Между тѣмъ, въ сношеніяхъ съ Портою долготерпѣніе Россіи также велико, какъ и по отношенію къ Болгаріи. Теперь мы почти вовсе ничего не получаемъ въ счетъ должныхъ намъ Турціею суммъ, и дипломатія наша, повидимому, боится огорчить Порту даже напоминаніемъ объ этомъ долгѣ чести. Извѣстно, что по санстефанскому договору уплата за военныя издержки Россіи была опредѣлена въ 300 милліоновъ рублей, и берлинскій трактатъ не возражалъ противъ этой суммы, постановивъ только, что уплата контрибуціи не можетъ произойти путемъ территоріальныхъ уступокъ, и что Россія обязана уважать долговыя обязательства Порты, заключенныя ею съ западными державами до послѣдней войны. При подписаніи мирнаго договора въ Константинополѣ, русскія требованія были еще уменьшены и обратились, при переводѣ ихъ на кредитную валюту, въ $802^1/_2$ милліона франковъ, а десять милліоновъ рублей, выговоренные въ пользу русскихъ подданныхъ, потерпѣвшихъ во время войны, выразились въ суммѣ 26 милліоновъ франковъ, да содержаніе военноплѣнныхъ турокъ въ Россіи опредѣлено было, по соглашенію съ Турціей, въ семь милліоновъ, и сумму эту слѣдовало уплатить въ 21 взносъ. Уплата этой послѣдней категоріи даже еще не начиналась; главная же сумма въ 800 милліоновъ разсрочена были въ 1882 году на десять лѣтъ безъ процентовъ, да и уплата этихъ разсроченныхъ милліоновъ составила уже теперь дефицитъ въ шесть милліоновъ рублей. Не смотря на наши права, Порта спокойно распоряжается отведенными намъ ресурсами и дѣлаетъ новые займы. Въ 1884 году, когда султанъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго, Порта гарантировала намъ полтора милліона рублей ежегодной уплаты, но въ два года внесла только до ста тысячъ турецкихъ лиръ—а въ 1886 году и вовсе ничего, тогда какъ западные кредиторы Порты получаютъ исправно до двухъ милліоновъ лиръ въ годъ. Какіе же высшіе дипломатическіе интересы заставляютъ насъ такъ сму-

ходительно относиться къ Турціи, нарушающей свои прямыя обязанности? Въ болгарскомъ вопросѣ она, когда не виляетъ и не лукавитъ, то явно держитъ сторону Англіи и Австріи. Въ турецкой арміи высшія должности заняты нѣмецкими офицерами. Сильно укрѣпляются и вооружаются форты Босфора, а не Дарданеллъ. Недавно Порта утвердила вселенскимъ патріархомъ Діонисія, который, бывши адріанопольскимъ митрополитомъ, преслѣдовалъ болгаръ не меньше, чѣмъ турки, а когда русскія войска стояли въ Адріанополѣ, собиралъ подписи о скорѣйшемъ удаленіи ихъ. Тогда озлобленные жители вытащили его изъ дому и потащили по улицамъ, осыпая ударами; только заступничество русскаго генерала за митрополита спасло его отъ смерти. Вотъ какой патріархъ управляетъ теперь греческою церковью! И какъ могли греки выбрать его на патріаршій престолъ, когда Діонисій еще въ 1866 году, на островѣ Критѣ, во время возстанія, предалъ туркамъ инсургентовъ и былъ причиною того, что до 15-ти тысячъ грековъ были истреблены безъ пощады? Но выбору Діонисія покровительствовала Англія, и ни Греція, ни Турція не смѣли ослушаться англійскаго посла Уайта. Русское вліяніе въ Константинополѣ совершенно ничтожно, и нашихъ дипломатовъ тамъ если не надуваютъ, то игнорируютъ. Строго винить Турцію нельзя: она между двухъ огней. Англія, конечно, отняла у нея Кипръ, отнимаетъ Египетъ; но вѣдь и Россія, въ послѣднее время, окончательно отторгла отъ нея Сербію, Румынію, Болгарію, не говоря уже о Карсѣ и Батумѣ и о прежнихъ потеряхъ, которыми она большею частью обязана русскимъ. Какъ ей не держаться Европы, которая составляетъ теперь коалиціи противъ Россіи, хотя, въ свою очередь, сбирается оттягать у Турціи Македонію, чтобы раздѣлить ее между Болгаріей, Сербіей и Грепіею, да прихватить кусочекъ и для Австріи, которой мало проглоченныхъ ею Босніи и Герцеговины. Все это Турція знаетъ и видитъ, но все таки должна держаться коалиціи, а не Россіи, стоящей одиноко и въ антагонизмѣ съ прочими державами.

По примѣру своей сосѣдки, запугивающей Францію военными приготовленіями, Австрія, кажется, также думаетъ испугать Россію, явно готовясь идти на брань. Парламенты двуличной имперіи, съ небывалою готовностью и безъ всякихъ преній и возраженій, единогласно вотируютъ значительные военные кредиты, испрашиваемые правительствомъ. Мадьяры объявляютъ, что они изъ патріотизма готовы на всякія жертвы. Эти демонстраціи имѣютъ, очевидно, цѣлью подѣйствовать и на Германію. Она не разъ отзывалась не очень лестно о боевой готовности австрійской арміи—пусть же убѣдится теперь, что въ разоренной имперіи Габсбурговъ найдутся еще деньги на ландверы, ландштурмы и другія воинственныя затѣи. Германія изъявляла сомнѣніе, чтобы разношерстная держава могла быть надежной союзницей — докажемъ же, что мы хоть сейчасъ *готовы двинуться* на Петербургъ, куда, кстати, уже и отправлены были

впередъ на послѣдніе маневры шпіоны изъ австрійскихъ офицеровъ съ маршрутными картами и діалогами на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Можетъ быть, за эту готовность честный маклеръ разрѣшитъ Габсбургамъ проглотить и Болгарію, какъ они проглотили уже Боснію и Герцеговину. Вѣдь только по отношенію къ своимъ славянскимъ подданнымъ Австрія является нѣмецкою державою, выставляющею на видъ преимущества нѣмецкой культуры; а передъ Германіей она выдаетъ себя за восточную славянскую имперію, назначенную самимъ небомъ и Бисмаркомъ поставить оплотъ алчнымъ стремленіямъ Россіи—поглотить всѣ славянскія племена съ придачею Константинополя. Теперь почему-то вѣнская печать толкуетъ даже о возможности предоставить Россіи—свободу дѣйствій въ Болгаріи, тогда какъ еще въ засѣданіи делегацій, 5-го марта, Кальноки категорически объявилъ, что „оккупація какой либо изъ частей Болгаріи должна быть признана событіемъ, вызывающимъ Австрію къ столь же рѣшительной отвѣтной мѣрѣ"—то есть, вѣроятно, къ оккупаціи части Россіи. И подумаешь, что это рѣшается говорить представитель державы, которую, какъ говорится, только лѣнивый не билъ. которая въ теченіе полутора вѣковъ только обманывала насъ, вредила тайно, но никогда не осмѣливалась явно противодѣйствовать намъ. Не говоримъ уже о томъ, что въ царствованіе Анны Іоанновны она открыто измѣнила Россіи, начавъ вмѣстѣ съ нею войну противъ Турціи и потомъ заключивъ втихомолку съ султаномъ сепаратный миръ, уничтожившій всѣ плоды побѣдъ русскаго оружія и поставившій насъ въ затруднительное положеніе. При Елизаветѣ Австрія втянула насъ въ войну съ Пруссіей. Въ 1771 году помѣшала успѣху нашихъ переговоровъ съ Турціей, заключивъ съ нею тайную конвенцію. Въ итальянскую кампанію Суворова предала великаго полководца на жертву французамъ. Во время войны съ Наполеономъ обманывала насъ на каждомъ шагу; при реставраціи Людовика XVIII заключила съ нимъ противъ Россіи тайный договоръ, который Наполеонъ прислалъ Александру I, вернувшись съ Эльбы. Съ 1815 года втянула насъ меттерниховскою системою во всѣ реакціонныя движенія и конгрессы, затормозившіе развитіе Европы, вызвавшіе во всѣхъ странахъ рядъ возстаній и заговоровъ; въ двадцатыхъ годахъ, въ силу той же системы, всѣми силами противилась освобожденію Греціи; въ 1830 году тайно поощряла поляковъ къ сопротивленію Россіи; въ 1854-мъ—заставила насъ снять осаду Силистріи и была главною причиною неудачи всей кампаніи, не смѣя только явно присоединиться къ коалиціи противъ насъ. Въ 1863 году опять поддерживала польское возстаніе; въ 1875 и 1876 годахъ захватывала и выдавала Турціи предводителей возставшихъ южныхъ славянъ, выслала генерала Черняева изъ Чехіи, арестовала профессора Иловайскаго и другихъ русскихъ, путешествовавшихъ съ ученою цѣлью, позволила турецкимъ войскамъ пройти черезъ австрійскую территорію, чтобы напасть на

полковника Деспотовича, командовавшаго боснійскими инсургентами; не допустила черногорцевъ воспользоваться плодами ихъ побѣдъ, конфисковала газеты за статьи, сочувственныя Россіи. Въ 1877 году потребовала, чтобы наша армія не проходила черезъ Сербію, хоть это былъ самый удобный путь для перехода черезъ Дунай и для обхода Балканъ; мобилизировала часть своей арміи, поддерживая враждебныя демонстраціи мадьяръ, вслѣдствіе чего мы должны были держать значительныя силы на западной границѣ и въ Румыніи. О дѣйствіяхъ Австріи на берлинскомъ конгрессѣ—и говорить нечего. А что сдѣлала она изъ Босніи и Герцеговины, получивъ эти области въ подарокъ отъ честнаго маклера; что дѣлаетъ теперь изъ Сербіи, Болгаріи, Румыніи, возбуждая вездѣ, гдѣ можетъ, вражду и непріязнь къ Россіи?... И за все это она называется „дружественною“ намъ державою. Дѣйствительно, границы нашего долготерпѣнія велики...

Съ полнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ опровергаютъ французскіе органы печати всѣ нападки нѣмецкихъ газетъ на воинственное настроеніе республики. „Франція идетъ на буксирѣ лиги патріотовъ“, говорятъ органы Бисмарка.—„Не намъ, говоритъ органъ радикаловъ „Justice“, объяснять канцлеру, что лига не имѣетъ сотой доли того вліянія, какое ей приписываютъ. Вѣдь канцлеръ и субсидируемыя имъ газеты очень хорошо знаютъ, что число французовъ, смѣшивающихъ патріотизмъ съ хвастовствомъ и мужество съ шовинизмомъ, у насъ совершенно ничтожно“. Огромное большинство французовъ такъ мало расположено слѣдовать за лигой патріотовъ, что ея президентъ три раза выступалъ кандидатомъ въ палату депутатовъ—и всякій разъ безуспѣшно. Вѣдь придирка къ лигѣ патріотовъ —чистая querelle d'allemand. Даже консервативныя газеты говорятъ: „странно, что Германія хочетъ заставить французовъ обожать ее. Франкфуртскій миръ лишилъ насъ двухъ провинцій, и Германія не имѣетъ права негодовать на насъ за то, что мы холодно относимся къ ней. Чувство не навязывается силою. Не скроемъ—мы не любимъ нѣмцевъ, и ни угрозы войны, ни самая война не заставятъ насъ полюбить ихъ. Но Германія представляла бы первый примѣръ державы, которая объявила бы намъ войну за то только, что мы не хотимъ любить нѣмцевъ“. До какой степени доходятъ придирки нѣмецкихъ газетъ, доказывается тѣмъ, что онѣ стали упрекать Францію за то, что военный министръ Буланже хотѣлъ послать въ русскій генеральный штабъ письмо съ сочиненіемъ, составленнымъ французскимъ военнымъ штабомъ. Когда генералу Буланже представили, что, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, лучше воздержаться отъ посылки книги и письма, онъ согласился съ этимъ и отложилъ свое намѣреніе, но нѣмцы пронюхали объ этомъ обстоятельствѣ и не упреминули *прекнуть* за это французовъ. Все это естественно заставляетъ Францію *еще болѣе искать сближенія* съ Россіей. Парижская пресса высказывается,

что между Россіей и Франціей не можетъ существовать союза въ обыкновенномъ значеніи этого слова, такъ какъ у Россіи свои собственные политическіе принципы, которыхъ Франція не раздѣляетъ. „Тѣмъ не менѣе, обѣ страны связаны взаимнымъ интересомъ, который несравненно важнѣе всякаго формальнаго договора, такъ какъ, безъ всякихъ обязательствъ, онъ обезпечиваетъ между ними взаимное соглашеніе.“ Франція и Россія одинаково убѣждены, что нарушеніе Германіей политическаго равновѣсія въ Европѣ является для нея серьезною опасностью. Съ этой точки зрѣнія русскіе интересы требуютъ сохраненія могущества Франціи. Существованіе солидарности интересовъ между державами дѣлаетъ безполезнымъ письменный договоръ между ними, но соглашеніе между ними непремѣнно проявится, когда придетъ время. Нельзя не соглашаться съ точностью этихъ выводовъ. Подтвержденіе ихъ въ газетѣ „Nord“ возбудило сильное впечатлѣніе въ Германіи, такъ какъ эту газету считаютъ офиціознымъ органомъ русскаго правительства. А „Nord“ говоритъ прямо, что отнынѣ Россія будетъ исключительно обращать свое вниманіе на Рейнъ, а восточный вопросъ отодвинетъ пока на задній планъ. Интересы Россіи не допускаютъ, чтобы она относилась ко второй франко-германской войнѣ съ такимъ же доброжелательнымъ нейтралитетомъ къ Германіи, какъ въ 1870 году. Петербургскій кабинетъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ допустить вторичнаго ослабленія Франціи. Поэтому, желая обезпечить за собою полную свободу дѣйствій, Россія будетъ избѣгать всякаго столкновенія съ Австріей и Англіей, и предоставитъ пока болгарскія дѣла ихъ естественному теченію. Эти здравые политическіе взгляды, выраженные почти одновременно, хотя и не такъ категорически, въ петербургскомъ письмѣ вѣнской „Politische Correspondenz“ и въ телеграммѣ, присланной изъ Петербурга въ „агентство Рейтера“, произвели переполохъ въ берлинскихъ и вѣнскихъ газетахъ, тѣмъ болѣе, что телеграмма Рейтера приписывала прямо эти взгляды русскимъ правительственнымъ сферамъ, и объявляла, что Россія рѣшила, не выступая въ качествѣ союзника Франціи, не дать однако возможности Германіи двинуть всѣ свои вооруженныя силы на Рейнъ и не допуститъ разгрома Франціи. Англія тотчасъ объяснила эти извѣстія тѣмъ, что Германія отказалась помогать Россіи захватить Болгарію. Зато французская печать восхваляетъ мудрость русской дипломатіи. „Figaro“ и „Rappel“ говорятъ, что Россія своимъ предупредительнымъ образомъ дѣйствій оказываетъ дѣлу мира громадную услугу, а „Liberté“ высказываетъ мысль, что Россія становится хозяиномъ положенія и заставляетъ опомниться всѣхъ, кто питаетъ воинственные замыслы. Особенно сочувственно относится къ намъ „Gaulois“. Напомнивъ, что Франція обязана Александру I тѣмъ, что не была отдана на разграбленіе Блюхеру и его пруссакамъ, газета говоритъ, что подобную же роль принимаетъ на себя и современ-

ная Россія. „Не подлежитъ сомнѣнію, что русское правительство укротило Германію".

Къ какимъ недостойнымъ выходкамъ прибѣгаетъ англійское правительство для того, чтобы поддерживать смуту въ европейской политикѣ, видно изъ исторіи съ газетой „Standard". Этотъ офиціальный органъ консервативнаго кабинета Салисбюри напечаталъ полученное имъ изъ Берна сенсаціонное извѣстіе, что германское правительство потребовало отъ швейцарскаго союзнаго совѣта ручательства въ томъ, что онъ сохранитъ нейтралитетъ при могущемъ возникнуть столкновеніи между великими державами. Встревожились не только въ Швейцаріи, но и въ Бельгіи. Леопольдъ II созвалъ военный совѣтъ, на которомъ объявилъ, что независимости страны угрожаетъ опасность, и потребовалъ, поэтому, у министерства внесенія въ палату проэкта о вотированіи кредита на усиленныя вооруженія. Палата дала нѣсколько милліоновъ франковъ, но разнеслись слухи, что, кромѣ явнаго увеличенія работъ по оборонѣ крѣпостей, король заключилъ тайный союзъ съ Германіей, по которому войска ея, конечно, за извѣстное вознагражденіе, пройдутъ черезъ Бельгію во Францію, для того чтобы обойти сильныя укрѣпленія, воздвигнутыя французами на германской границѣ. Швейцарія, не заключая подобныхъ условій, обезпокоилась однако телеграммою, отправленною изъ Берна въ „Standard". Навели справки, и оказалось, что не только такой телеграммы не посылалось въ англійскую газету изъ этого города, но и союзный совѣтъ не получалъ никакого запроса относительно сохраненія нейтралитета Швейцаріею. „Standard", уличенный въ фабрикаціи ложныхъ телеграммъ и извѣстій, не отвѣчалъ ни слова, но на другой же день сообщилъ новое тревожное извѣстіе о запросѣ Германіи французскому правительству по поводу закупки имъ въ Германіи лѣснаго матеріала для постройки военныхъ бараковъ на восточной границѣ. Оказалось, что и этого запроса Германія не дѣлала, а лѣсъ вывозится изъ нея по контракту, заключенному еще въ 1875 году. Да и главный поставщикъ лѣса — членъ рейхстага и другъ Бисмарка. Такою же ложью оказались увѣренія англійской газеты, что Франція закупила множество нѣмецкихъ лошадей. Генералъ Буланже заявилъ офиціально, что французская кавалерія довольствуется мѣстными лошадьми. А между тѣмъ всѣ подобныя извѣстія только поддерживаютъ волненіе въ обществѣ, и на биржахъ понижаютъ еще болѣе нашъ несчастный рубль, теперь уже окончательно сведенный до полтинника. Берлинскія газеты, не стѣсняясь, объявляютъ, что Германія ведетъ съ нами финансовую войну, чтобы наказать насъ за политику, мѣшающую разгромить Францію, и за наше бездѣйствіе въ болгарскомъ вопросѣ, вслѣдствіе котораго денежный кризисъ, тяготѣющій надъ биржами, становится хроническимъ. „*Börsen Zeitung*" попробовала объяснить систематическое паденіе нашихъ *кредитныхъ* рублей тѣмъ, что они наполняютъ европейскіе рынки, такъ

какъ Россія покрываетъ ими свой дефицитъ въ торговомъ балансѣ. Но, не говоря уже о томъ, что въ послѣднее время вывозъ нашихъ товаровъ значительно превосходитъ ввозъ, за привозимые къ намъ иностранные товары никогда не посылаются за границу кредитные рубли въ уплату срочныхъ обязательствъ,—что было бы сопряжено съ чувствительною потерею на курсѣ. Напротивъ, за привозимые товары уплачивается всегда купленными на биржѣ траттами. Кредитныхъ рублей немного за границей. Ихъ скупаютъ только въ Берлинѣ жиды-спекуляторы, для которыхъ каждое пониженіе рубля—чистый барышъ. Но „кредитокъ“ слишкомъ много въ Россіи, говоритъ „Börsen-Zeitung“, и количество ихъ постоянно возрастаетъ, такъ какъ никакіе синдикаты или палаты не контролируютъ ихъ выпуска. Нѣтъ ни малѣйшей надежды, чтобы курсъ поднялся при явно враждебномъ настроеніи берлинской биржи.

Свою руссофобію Англія прикрываетъ любовью къ миру и уваженіемъ къ трактатамъ. Она объявляетъ прямо, что Европа нуждается больше всего „въ союзѣ для защиты международныхъ договоровъ“, такъ какъ всѣ столкновенія происходятъ отъ нарушенія этихъ договоровъ, въ чемъ болѣе всего повинна, конечно, Россія. Франція готовится также нарушить франкфуртскій трактатъ. Поэтому остальныя державы должны составить между собою „лигу мира“ и не позволять этимъ державамъ нарушать спокойствіе въ Европѣ. Лига эта, составленная изъ Англіи, Австріи, Германіи и Италіи, привлекаетъ теперь на свою сторону второстепенныя державы: Испанію, Бельгію, Голландію, Швейцарію, не говоря уже о балканскихъ государствахъ, уже давно составляющихъ федерацію. Эта коалиція всей Европы противъ двухъ державъ можетъ произвести переворотъ въ международныхъ отношеніяхъ, если только эти лигёры не передерутся между собою.

Въ преніяхъ англійскаго парламента объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь королевы, либералъ Лабушеръ предложилъ поправку, въ которой назвалъ образъ дѣйствій консервативнаго министерства по болгарскому вопросу „противнымъ конституціи и опаснымъ для европейскаго мира“. Палата общинъ отвергла эту поправку безъ преній, доказавъ этимъ, что страна вполнѣ раздѣляетъ воззрѣнія Салисбюри, а между тѣмъ товарищъ его Фергюссонъ, объясняя политику кабинета, прямо заявилъ, что онъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы удержать Батенберга на престолѣ, что „русскіе интересы въ Болгаріи не заслуживаютъ преимущественнаго вниманія, такъ какъ Россія пренебрегаетъ желаніями Болгаріи и регентства, которое, будучи поставлено въ затруднительное положеніе, оказалось изумительно пригоднымъ“. Можно ли, послѣ такого похвальнаго аттестата палачамъ и разбойникамъ, совершенно пригоднымъ и для Англіи, надѣяться когда нибудь и въ чемъ нибудь прійти къ соглашенію съ такимъ министерствомъ? Мыслимо ли вести съ нимъ какіе либо переговоры?

и не напрасны ли всѣ усилія нашей дипломатіи добиться рѣшенія вопроса, сколько нибудь сообразнаго со справедливостью, отъ державы, такъ откровенно восхваляющей регентство за его сопротивленіе законнымъ требованіямъ Россіи? Не пора ли намъ возвратить себѣ полную свободу дѣйствій, такъ какъ на почвѣ берлинскаго трактата для насъ невозможно никакое соглашеніе съ двумя державами, явно сопротивляющимися всѣмъ ея требованіямъ, и третьею, тайно поощряющею эти сопротивленія? Или мы будемъ дожидаться, пока „лига мира“ не объявитъ намъ войны за нарушеніе такъ свято хранимыхъ ею договоровъ?

Послѣ почти мѣсячныхъ неудачныхъ попытокъ сформировать новое министерство, Депретисъ объявилъ палатѣ депутатовъ, что король отклонилъ прошеніе кабинета объ отставкѣ. Тогда членъ оппозиціи Криспи предложилъ заявить, что палата не имѣетъ довѣрія къ министерству. Это рѣзкое порицаніе правительства было отвергнуто большинствомъ только двадцати голосовъ. Изъ 408-ми депутатовъ только немного больше половины находитъ, что кабинетъ заслуживаетъ довѣрія. Это не доказываетъ прочности политики Депретиса, заключающаго союзы съ Германіей и Австріей противъ Россіи и Франціи. Нація, очевидно, не раздѣляетъ взглядовъ своего правительства, хотя оно и не сознаётся, что заключило оборонительный и наступательный союзъ съ Германіею и Австріею. Политика подчиненія Италіи нѣмецкимъ державамъ раздражаетъ страну, тѣмъ болѣе, что папа открыто поддерживаетъ Германію, конечно, не безъ надежды, а—можетъ быть—даже и не безъ формальнаго обѣщанія, что ему за это возвратится извѣстная доля утерянной имъ свѣтской власти. Министръ иностранныхъ дѣлъ Робиланъ явно держитъ сторону Австріи, которая все еще владѣетъ Тріентомъ и другими чисто итальянскими землями. Можетъ ли, поэтому, такая политика быть настоящей національной политикой? Не говоримъ уже о республиканскихъ тенденціяхъ, прорывающихся по временамъ во многихъ провинціяхъ королевства и внѣ его. Такъ, въ Марсели состоялась многочисленная сходка итальянцевъ, на которой министерство Депретиса-Робилана подверглось рѣзкому осужденію. Послѣ сходки, къ дому итальянскаго посольства явилась толпа съ криками: долой австро-германскій союзъ! да здравствуетъ союзъ съ Франціей! да здравствуетъ республика! Идея о федераціи трехъ отраслей романской расы: французской, итальянской и испанской, въ формѣ трехъ единоплеменныхъ республикъ, зрѣетъ быстро и пріобрѣтаетъ многочисленныхъ приверженцевъ, вѣрящихъ въ близкое осуществленіе своихъ надеждъ.

Въ то время, когда въ Болгаріи люди по доброй волѣ рѣзали и разстрѣливали другъ друга—на западномъ берегу Италіи и на итальянской границѣ Франціи землетрясеніе поглотило до тысячи жертвъ. Изъ значительныхъ городовъ повреждены Ментонъ, Ницца, Каннъ. Въ Сициліи стала *вновь свирѣпствовать* холера.

Въ то время, когда въ другихъ странахъ противники женской равноправности мѣшаютъ даже развитію женскаго образованія, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ правительство даетъ женщинамъ даже политическія права. Не разъ защитники женской эмансипаціи заявляли на конгрессѣ, что женщины не должны платить налоговъ, на основаніи юридически признаннаго въ республикѣ постановленія: „никакіе налоги не вводятся безъ права представительства“ (no taxation without representation). На муниципальныхъ выборахъ американки имѣютъ уже давно право голоса во многихъ штатахъ, но право это не было утверждено закономъ. Теперь, 18-го февраля, въ Канзасѣ билль о признаніи за женщинами права голосованія на выборахъ въ городскія общественныя должности прошелъ въ обѣихъ палатахъ законодательнаго собранія, подписанъ губернаторомъ штата и сдѣлался такимъ образомъ закономъ. Почти въ то же время, такой же билль принятъ и въ сенатѣ законодательнаго собранія Нью-Іорка большинствомъ 20-ти голосовъ противъ 9-ти. Остается утвердить билль нижней палатѣ, чтобы онъ вошелъ въ законъ. Въ Нью-Іоркѣ, въ числѣ четырехъ комисаровъ, управляющихъ дѣломъ школьнаго образованія—двѣ женщины; точно то же и въ Массачузетсѣ. Женская дѣятельность въ элементарномъ образованіи и народныхъ школахъ признана гораздо полезнѣе мужской. Въ нью-іоркскомъ сенатѣ поднятъ также вопросъ о томъ, чтобы обложить холостяковъ налогомъ, въ размѣрѣ четверти ихъ годоваго дохода—въ пользу вдовъ и сиротъ штата.

НОВЫЯ КНИГИ.

Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія. *Александра Барсукова.* Спб. 1887 г.

Имена гг. Николая и Александра Барсуковыхъ принадлежатъ къ числу уважаемыхъ въ русской исторической литературѣ. Оба брата издали много серьезныхъ трудовъ, заслужившихъ почетную извѣстность, обратившихъ на себя вниманіе ученыхъ и образованной публики. Вышедшая нынѣ брошюра написана по поводу книги П. Н. Петрова „Исторія родовъ русскаго дворянства“, была прочитана въ засѣданіи историко-филологическаго отдѣленія академіи наукъ, въ декабрѣ прошлаго года, и напечатана по ея распоряженію въ LIV томѣ „Записокъ академіи“. Важность содержанія этой образцовой ученой рецензіи послужила поводомъ къ появленію ея отдѣльною книгою. Почтенный рецензентъ справедливо замѣчаетъ, что книга г. Петрова заслуживаетъ особаго вниманія уже и потому, что, по словамъ Аксакова, „наши дворяне большею частью о пред-

какъ своихъ ничего не знаютъ, преданій рода не уважаютъ, русской исторіи не вѣдаютъ, семейныхъ преданій не цѣнятъ". Чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ „Исторію русскаго дворянства", г. Барсуковъ дѣлаетъ оцѣнку главнѣйшихъ источниковъ русскаго родословія и работъ предшественниковъ г. Петрова по этой части. Это тѣмъ болѣе необходимо, что г. Петровъ имѣетъ привычку не указывать, откуда онъ почерпаетъ сообщаемыя имъ генеалогическія свѣдѣнія. Въ этомъ отношеніи онъ походитъ на покойнаго Карновича, также не указывавшаго на источники своихъ изслѣдованій. Но и по глубинѣ своихъ изслѣдованій, и по мастерской обработкѣ ихъ Карновичъ былъ настоящимъ ученымъ и литераторомъ, тогда какъ г. Петровъ не болѣе, какъ усердный компиляторъ, плохо владѣющій русскимъ языкомъ и слишкомъ скорый на парадоксальные выводы и осужденіе лицъ, которыя гораздо выше его и знаніями, и талантами. Г. Барсуковъ, какъ критикъ академическій, даже слишкомъ мягко относится къ г. Петрову и, указывая на его важные промахи и ни на чемъ не основанные выводы, продолжаетъ и въ концѣ своей рецензіи отзываться объ авторѣ съ особенною снисходительностью, составляющею свойство всѣхъ настоящихъ ученыхъ. Примѣру этому не слѣдуетъ г. Петровъ, съ первыхъ же строкъ своей книги называющій всѣхъ московскихъ приказныхъ конца XVII вѣка, включая сюда и думныхъ людей, обновлявшихъ Родословную книгу, „людьми ничего не знавшими и ничего не подозрѣвавшими въ своемъ невѣдѣніи". И это говорится о такихъ людяхъ, какъ Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій, оставившій послѣ себя такія любопытныя „Записки", или окольничій Ив. Ив. Чаадаевъ, котораго даже иноземцы называли „почтеннѣйшимъ". А между тѣмъ самъ г. Петровъ дѣлаетъ на каждомъ шагу промахи, непростительные для генеалога: говоритъ объ уничтоженіи Разрядныхъ книгъ, которыхъ никогда не уничтожали, берется объяснить значеніе „Степенной книги" и вовсе не объясняетъ его, называетъ голословно игумена Ювеналія Воейкова сочинителемъ баснословій; говоритъ, что въ концѣ XVII вѣка подавали въ Разрядъ фальшивыя родословныя разные авторы, и не называетъ ни одного изъ нихъ, не подтверждаетъ своего обвиненія ни однимъ фактомъ; смѣшиваетъ Ратшу, тіуна кіевскаго, съ Ратшею, который при Александрѣ Невскомъ „прійде изъ Нѣмецъ", хотя разница между ними больше чѣмъ во сто лѣтъ; утверждаетъ, что Ѳедоръ Никитичъ Романовъ былъ женатъ на княжнѣ Шестуновой, тогда какъ жена его была дочь костромскаго дворянина Шестова, и пр. и. пр. Г. Барсуковъ приводитъ еще много промаховъ г. Петрова въ родословной Черкасскихъ, Бестужевыхъ, Нарышкиныхъ, въ гербахъ многихъ родовъ. Собственныя оцѣнки, сдѣланныя критикомъ трудамъ Строева, Князева, В. В. Долгорукова, Лобанова, Всеволожскаго и другихъ составителей родословныхъ въ *высшей* степени важны и могутъ служить значительнымъ пособіемъ при

изученіи русской генеалогіи. Вообще книга г. Барсукова представляетъ образецъ серьезнаго труда и ученой критики.

Стихотворенія Константина Фофанова (1880—1887). Спб. 1887.

Въ прошломъ году, какъ будто нарочно для того, чтобы снять съ нашего времени упреки въ прозаичности и практичности, какими такъ любятъ осыпать толпу пѣвцы всѣхъ племенъ, нарѣчій, состояній,—въ особенности племени еврейскаго, болѣе другихъ падкаго на жалобы — явилось множество сборниковъ стихотвореній. Явились они—кромѣ столицъ—съ сѣвера, юга, востока Россіи. Гг. Апухтинъ, Андреевскій, Надсонъ, Медвѣдевъ, Гуслякъ, Николаевъ, Бѣлозерскій издали больше объемистые, чѣмъ тощіе „плоды своихъ вдохновеній". Мы говорили въ прошломъ году только о сборникѣ нашего маститаго поэта Я. П. Полонскаго, полувѣковой юбилей поэтической дѣятельности котораго наступаетъ въ этомъ году, да сказали также нѣсколько словъ о кіевскомъ поэтѣ г. Николаевѣ. Послѣднимъ между этими „питомцами музъ" явился талантливый г. Фофановъ, со стихотвореніями котораго знакомы читатели нашего журнала. Имя его появляется и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ и, конечно, было замѣчено русскою публикою. Теперь книгоиздательство Гоппе выпустило въ свѣтъ красивый томикъ стиховъ, въ 180 страницъ слишкомъ, безукоризненный въ типографскомъ отношеніи. Безукоризненъ онъ также и по отношенію къ версификаціи и гладкости стиха, которымъ г. Фофановъ владѣетъ въ совершенствѣ. Что же касается до содержанія—оно не слишкомъ разнообразно: въ 209 пьесахъ поэтъ воспѣваетъ мечты, цвѣты, природу и любовь. Тонъ ихъ преимущественно элегическій, грустный, въ какомъ пишутъ всѣ современные стихотворцы. Въ семь лѣтъ г. Фофановъ не отозвался ни на одну изъ „злобъ дня", какими волновалось наше тревожное время. Мы не упрекаемъ за это поэта, а только констатируемъ родъ его дарованія, его полнѣйшее равнодушіе къ интересамъ минуты, которое перестали уже называть „олимпійскимъ". Даже музѣ своей онъ поручаетъ только позаботиться отдать ему послѣдній долгъ, „смиренно потоптать его дернъ надмогильный", хотя и съ „царственной (?) грустью на юномъ лицѣ, пошептать мертвецу чудныя сказки о жизни, одуть перья (?), раскрыть тетради въ его уголкѣ" и поплакать о поэтѣ. Картины смерти, воспоминанія объ умершихъ—любимый мотивъ его стихотвореній, хотя въ нихъ нѣтъ при этомъ утомительнаго нытья о самомъ себѣ, о своихъ страданіяхъ или о „Сіонѣ";—библейскихъ мотивовъ у него, по счастію, немного. Грусть поэта—тихая, скорѣе покорная судьбѣ, чѣмъ ропщущая или жалующаяся на несправедливость людей и рока. Пьесы его, небольшія, почти всегда прочувствованныя, рѣдко согрѣты оригинальною мыслью. И, къ тому же—пять тысячъ стиховъ все о мечтахъ и цвѣтахъ, о любви и природѣ—не слишкомъ ли это много для читателя, изнемогающаго подъ бременемъ однообразныхъ, хотя и граціозныхъ мотивовъ! Не лучше ли

сдѣлалъ поэтъ, еслибы, вмѣсто двухъ сотенъ стихотвореній, оставилъ въ своемъ сборникѣ всего сотню? Думаемъ, что впечатлѣніе тогда получилось бы болѣе сильное и цѣлостное. Къ чему, напримѣръ, тутъ отдѣлъ сказокъ и поэмъ, отрывки, библейскіе мотивы, „восточныя брызги“, очень многія изъ думъ и фантазій? Все это очень бѣдно мыслью, мало интересно—развѣ только кромѣ японской сказки о каменотесѣ, да „африканской драмы“, напрасно не оконченной. Нельзя не отмѣтить также страннаго пристрастія поэта къ звѣздамъ: онѣ у него являются чуть не въ сотнѣ пьесъ, начиная съ первой, служащей эпиграфомъ ко всему сборнику. Въ этомъ эпиграфѣ звѣзды шепчутъ чудныя сказки цвѣтамъ, цвѣты пересказываютъ ихъ вѣтрамъ; тѣ, распѣвая сказки надъ землею, переполняютъ ими „душу поэта безумно-влюбленную“ въ кого, или во что?—неизвѣстно. „И теперь, въ эти дни многотрудные“ (едва ли не единственный во всемъ сборникѣ эпитетъ, относящійся къ злобѣ дня) поэтъ передаетъ звѣздамъ ихъ „задумчиво-чудныя сказки“. Въ сказкахъ этихъ, говоря откровенно, нѣтъ ничего особенно чуднаго, но зато звѣзды блестятъ чуть не на каждой страницѣ. Конечно, звѣзды—не цвѣты, но и слишкомъ много звѣздъ также трудно вынести, какъ и слишкомъ много цвѣтовъ... или стиховъ.

Мысли и чувству. Сборникъ стихотвореній современныхъ русскихъ поэтовъ. Москва. 1887.

Какъ будто съ цѣлью доказать процвѣтаніе у насъ поэзіи и изобиліе поэтовъ, г-жа Попырникова издала сборникъ поэтическихъ произведеній, появлявшихся въ нашей печати въ послѣднія семь лѣтъ. Въ изящно отпечатанной книжкѣ съ несовсѣмъ удачной виньеткой помѣщено 147 стихотвореній, принадлежащихъ семидесяти поэтамъ. „Каковъ россійскій Геликонъ!“ Если изъ этихъ семидесяти толковниковъ мысли и чувства исключить поэтовъ, которыхъ наше время имѣетъ право называть маститыми, какъ гг. Майкова, Полонскаго, Фета, Плещеева, Яхонтова, Розенгейма, то окажется, что каждый годъ, начиная съ 1880-го, у насъ объявлялось болѣе десяти новыхъ поэтовъ. Это ли еще не богатство отечественнаго Парнаса! Недаромъ редакторы нашихъ журналовъ жалуются на то, что ихъ заваливаютъ стихами. И какихъ только именъ не встрѣчаетъ читатель въ этомъ спискѣ поэтовъ, расположенныхъ на заглавномъ листѣ въ алфавитномъ порядкѣ! Въ этомъ внушительномъ алфавитѣ мы не нашли только полугласныхъ буквъ да еще—по какому-то странному случаю—буквы *З*, *Х*, *Ш* и *Ѳ* не вошли въ поэтическую россійскую азбуку. Но въ тридцати двухъ буквахъ это пробѣлъ небольшой. Не понимаемъ также, почему многіе поэты выставили только заглавныя буквы подъ своими произведеніями. Отчего, произведя на свѣтъ плоды своей музы, многіе какъ будто стыдятся признать себя ихъ отцомъ? Для чего также,—если невозможно *было* *въ книгѣ* разсортировать поэтовъ по ихъ дарованіямъ,—не принята *хоть какая нибудь* система въ размѣщеніи ихъ произведеній? Сборникъ назы-

вается—и, стало быть, посвященъ—„мысли и чувству“ (дательный падежъ въ заглавіи несовсѣмъ ловокъ). Отчего же было не распредѣлить пьесы хоть по этимъ двумъ главнымъ рубрикамъ? Сборникъ, правда, открывается хорошимъ стихотвореніемъ безъ имени автора: „Мысль“, но тотчасъ же затѣмъ начинается такой лирическій безпорядокъ, который явно обнаруживаетъ отсутствіе всякой системы въ составленіи книги: дѣйствительно прекрасныя пьесы помѣщаются вслѣдъ за весьма слабыми, извѣстныя имена стоятъ наряду съ никому невѣдомыми. Видно, что составитель книги внимательно слѣдилъ за періодическими изданіями послѣднихъ годовъ (изъ одного „Наблюдателя“ взято около 20-ти стихотвореній), но болѣе строгій выборъ и болѣе раціональная система необходимы для того, чтобы дать читателю вѣрное понятіе о современномъ положеніи и направленіи русской поэзіи. Нужна опытная рука, чтобы отдѣлять пшеницу отъ плевелъ...

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Идилліи и ничегонедѣланіе.—Мировые судьи и указъ сената.—Вызванныя имъ откровенія. Изобиліе надзоровъ и возможность ихъ утилизированія.—Черниговскій циркуляръ.—Въ чемъ „сила власти“?—Финансовые рецепты.—Винная монополія и „мадерные исторіографы“.—Что такое наше пьянство и откуда оно взялось?—Идеалисты, „мошенники печати“ и попуган.—Инсинуаціи мадеры на „отвратительную сивуху“ и ихъ подкладка.—1863 годъ и крутой поворотъ въ питейной политикѣ.—Искусственная дороговизна вина.—Стачки монополистовъ и нашъ кабакъ.—Борьба его съ государствомъ.—Какимъ путемъ кабачикъ сдѣлался „честнымъ маклеромъ“ и кулакомъ?—Дельбрюкъ и „питье по телеграфу“.—Превращеніе кабачика-кулака въ крупнаго воротилу.

Намъ часто доводится слышать, что весьма сложныя причины сельской неурядицы приписываются „недостатку надзора за селомъ“, въ доказательство чего ссылаются на то, что до упраздненія мировыхъ посредниковъ ея не замѣчалось. Но тутъ кроется громадное недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что въ первые годы послѣ освобожденія крестьянъ, когда главнѣйшая задача мировыхъ посредниковъ сводилась къ отводу земельныхъ надѣловъ и составленію уставныхъ грамотъ, надзоръ ихъ за крестьянскимъ самоуправленіемъ по необходимости ограничивался тѣсными рамками преимущественно *поземельныхъ* отношеній между помѣщиками и крестьянами; притомъ самоуправленіе это далеко еще не было обремепено тою массой разнородныхъ и вовсе не „крестьянскихъ“ дѣлъ, какая съ теченіемъ времени наростала больше и больше; да и самое сѣмя неурядицы, брошенное въ почву положеніемъ 19 февраля, только еще начинало пускать ростки, но не дало всѣхъ тѣхъ плодовъ, которые созрѣли гораздо позже. Покончивъ затѣмъ съ земельнымъ устройствомъ крестьянъ, мировые

ная Россія. „Не подлежитъ сомнѣнію, что русское правительство укротило Германію".

Къ какимъ недостойнымъ выходкамъ прибѣгаетъ англійское правительство для того, чтобы поддерживать смуту въ европейской политикѣ, видно изъ исторіи съ газетой „Standard". Этотъ офиціальный органъ консервативнаго кабинета Салисбюри напечаталъ полученное имъ изъ Берна сенсаціонное извѣстіе, что германское правительство потребовало отъ швейцарскаго союзнаго совѣта ручательства въ томъ, что онъ сохранитъ нейтралитетъ при могущемъ возникнуть столкновеніи между великими державами. Встревожились не только въ Швейцаріи, но и въ Бельгіи. Леопольдъ II созвалъ военный совѣтъ, на которомъ объявилъ, что независимости страны угрожаетъ опасность, и потребовалъ, поэтому, у министерства внесенія въ палату проэкта о вотированіи кредита на усиленныя вооруженія. Палата дала нѣсколько милліоновъ франковъ, но разнеслись слухи, что, кромѣ явнаго увеличенія работъ по оборонѣ крѣпостей, король заключилъ тайный союзъ съ Германіей, по которому войска ея, конечно, за извѣстное вознагражденіе, пройдутъ черезъ Бельгію во Францію, для того чтобы обойти сильныя укрѣпленія, воздвигнутыя французами на германской границѣ. Швейцарія, не заключая подобныхъ условій, обезпокоилась однако телеграммою, отправленною изъ Берна въ „Standard". Навели справки, и оказалось, что не только такой телеграммы не посылалось въ англійскую газету изъ этого города, но и союзный совѣтъ не получалъ никакого запроса относительно сохраненія нейтралитета Швейцаріею. „Standard", уличенный въ фабрикаціи ложныхъ телеграммъ и извѣстій, не отвѣчалъ ни слова, но на другой же день сообщилъ новое тревожное извѣстіе о запросѣ Германіи французскому правительству по поводу закупки имъ въ Германіи лѣснаго матеріала для постройки военныхъ бараковъ на восточной границѣ. Оказалось, что и этого запроса Германія не дѣлала, а лѣсъ вывозится изъ нея по контракту, заключенному еще въ 1875 году. Да и главный поставщикъ лѣса — членъ рейхстага и другъ Бисмарка. Такою же ложью оказались увѣренія англійской газеты, что Франція закупила множество нѣмецкихъ лошадей. Генералъ Буланже заявилъ офиціально, что французская кавалерія довольствуется мѣстными лошадьми. А между тѣмъ всѣ подобныя извѣстія только поддерживаютъ волненіе въ обществѣ, и на биржахъ понижаютъ еще болѣе нашъ несчастный рубль, теперь уже окончательно сведенный до полтинника. Берлинскія газеты, не стѣсняясь, объявляютъ, что Германія ведетъ съ нами финансовую войну, чтобы наказать насъ за политику, мѣшающую разгромить Францію, и за наше бездѣйствіе въ болгарскомъ вопросѣ, вслѣдствіе котораго денежный кризисъ, тяготѣющій надъ биржами, становится хроническимъ. „Börsen Zeitung" попробовала объяснить систематическое паденіе нашихъ *кредитныхъ* рублей тѣмъ, что они наполняютъ европейскіе рынки, такъ

какъ Россія покрываетъ ими свой дефицитъ въ торговомъ балансѣ. Но, не говоря уже о томъ, что въ послѣднее время вывозъ нашихъ товаровъ значительно превосходитъ ввозъ, за привозимые къ намъ иностранные товары никогда не посылаются за границу кредитные рубли въ уплату срочныхъ обязательствъ,—что было бы сопряжено съ чувствительною потерею на курсѣ. Напротивъ, за привозимые товары уплачивается всегда купленными на биржѣ траттами. Кредитныхъ рублей немного за границей. Ихъ скупаютъ только въ Берлинѣ жиды-спекуляторы, для которыхъ каждое пониженіе рубля—чистый барышъ. Но „кредитокъ“ слишкомъ много въ Россіи, говоритъ „Börsen-Zeitung“, и количество ихъ постоянно возрастаетъ, такъ какъ никакіе синдикаты или палаты не контролируютъ ихъ выпуска. Нѣтъ ни малѣйшей надежды, чтобы курсъ поднялся при явно враждебномъ настроеніи берлинской биржи.

Свою руссофобію Англія прикрываетъ любовью къ миру и уваженіемъ къ трактатамъ. Она объявляетъ прямо, что Европа нуждается больше всего „въ союзѣ для защиты международныхъ договоровъ“, такъ какъ всѣ столкновенія происходятъ отъ нарушенія этихъ договоровъ, въ чемъ болѣе всего повинна, конечно, Россія. Франція готовится также нарушить франкфуртскій трактатъ. Поэтому остальныя державы должны составить между собою „лигу мира“ и не позволять этимъ державамъ нарушать спокойствіе въ Европѣ. Лига эта, составленная изъ Англіи, Австріи, Германіи и Италіи, привлекаетъ теперь на свою сторону второстепенныя державы: Испанію, Бельгію, Голландію, Швейцарію, не говоря уже о балканскихъ государствахъ, уже давно составляющихъ федерацію. Эта коалиція всей Европы противъ двухъ державъ можетъ произвести переворотъ въ международныхъ отношеніяхъ, если только эти лигёры не передерутся между собою.

Въ преніяхъ англійскаго парламента объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь королевы, либералъ Лабушеръ предложилъ поправку, въ которой назвалъ образъ дѣйствій консервативнаго министерства по болгарскому вопросу „противнымъ конституціи и опаснымъ для европейскаго мира“. Палата общинъ отвергла эту поправку безъ преній, доказавъ этимъ, что страна вполнѣ раздѣляетъ воззрѣнія Салисбюри, а между тѣмъ товарищъ его Фергюссонъ, объясняя политику кабинета, прямо заявилъ, что онъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы удержать Батенберга на престолѣ, что „русскіе интересы въ Болгаріи не заслуживаютъ преимущественнаго вниманія, такъ какъ Россія пренебрегаетъ желаніями Болгаріи и регентства, которое, будучи поставлено въ затруднительное положеніе, оказалось изумительно пригоднымъ“. Можно ли, послѣ такого похвальнаго аттестата палачамъ и разбойникамъ, совершенно пригоднымъ и для Англіи, надѣяться когда нибудь и въ чемъ нибудь прійти къ соглашенію съ такимъ министерствомъ? Мыслимо ли вести съ нимъ какіе либо переговоры?

кахъ своихъ ничего не знаютъ, преданій рода не уважаютъ, русской исторіи не вѣдаютъ, семейныхъ преданій не цѣнятъ". Чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ „Исторію русскаго дворянства", г. Барсуковъ дѣлаетъ оцѣнку главнѣйшихъ источниковъ русскаго родословія и работъ предшественниковъ г. Петрова по этой части. Это тѣмъ болѣе необходимо, что г. Петровъ имѣетъ привычку не указывать, откуда онъ почерпаетъ сообщаемыя имъ генеалогическія свѣдѣнія. Въ этомъ отношеніи онъ походитъ на покойнаго Карновича, также не указывавшаго на источники своихъ изслѣдованій. Но и по глубинѣ своихъ изслѣдованій, и по мастерской обработкѣ ихъ Карновичъ былъ настоящимъ ученымъ и литераторомъ, тогда какъ г. Петровъ не болѣе, какъ усердный компиляторъ, плохо владѣющій русскимъ языкомъ и слишкомъ скорый на парадоксальные выводы и осужденіе лицъ, которыя гораздо выше его и знаніями, и талантами. Г. Барсуковъ, какъ критикъ академическій, даже слишкомъ мягко относится къ г. Петрову и, указывая на его важные промахи и ни на чемъ не основанные выводы, продолжаетъ и въ концѣ своей рецензіи отзываться объ авторѣ съ особенною снисходительностью, составляющею свойство всѣхъ настоящихъ ученыхъ. Примѣру этому не слѣдуетъ г. Петровъ, съ первыхъ же строкъ своей книги называющій всѣхъ московскихъ приказныхъ конца XVII вѣка, включая сюда и думныхъ людей, обновлявшихъ Родословную книгу, „людьми ничего не знавшими и ничего не подозрѣвавшими въ своемъ невѣдѣніи". И это говорится о такихъ людяхъ, какъ Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій, оставившій послѣ себя такія любопытныя „Записки", или окольничій Ив. Ив. Чаадаевъ, котораго даже иноземцы называли „почтеннѣйшимъ". А между тѣмъ самъ г. Петровъ дѣлаетъ на каждомъ шагу промахи, непростительные для генеалога: говоритъ объ уничтоженіи Разрядныхъ книгъ, которыхъ никогда не уничтожали, берется объяснить значеніе „Степенной книги" и вовсе не объясняетъ его, называетъ голословно игумена Ювеналія Воейкова сочинителемъ баснословій; говоритъ, что въ концѣ XVII вѣка подавали въ Разрядъ фальшивыя родословныя разные авторы, и не называетъ ни одного изъ нихъ, не подтверждаетъ своего обвиненія ни однимъ фактомъ; смѣшиваетъ Ратшу, тіуна кіевскаго, съ Ратшею, который при Александрѣ Невскомъ „пріиде изъ Нѣмецъ", хотя разница между ними больше чѣмъ во сто лѣтъ; утверждаетъ, что Ѳедоръ Никитичъ Романовъ былъ женатъ на княжнѣ Шестуновой, тогда какъ жена его была дочь костромскаго дворянина Шестова, и пр. и. пр. Г. Барсуковъ приводитъ еще много промаховъ г. Петрова въ родословной Черкасскихъ, Бестужевыхъ, Нарышкиныхъ, въ гербахъ многихъ родовъ. Собственныя оцѣнки, сдѣланныя критикомъ трудамъ Строева, Князева, В. В. Долгорукова, Лобанова, Всеволожскаго и другихъ составителей родословныхъ въ *высшей степени* важны и могутъ служить значительнымъ пособіемъ при

Въ то время, когда въ другихъ странахъ противники женской равноправности мѣшаютъ даже развитію женскаго образованія, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ правительство даетъ женщинамъ даже политическія права. Не разъ защитники женской эмансипаціи заявляли на конгрессѣ, что женщины не должны платить налоговъ, на основаніи юридически признаннаго въ республикѣ постановленія: „никакіе налоги не вводятся безъ права представительства“ (no taxation without representation). На муниципальныхъ выборахъ американки имѣютъ уже давно право голоса во многихъ штатахъ, но право это не было утверждено закономъ. Теперь, 18-го февраля, въ Канзасѣ билль о признаніи за женщинами права голосованія на выборахъ въ городскія общественныя должности прошелъ въ обѣихъ палатахъ законодательнаго собранія, подписанъ губернаторомъ штата и сдѣлался такимъ образомъ закономъ. Почти въ то же время, такой же билль принятъ и въ сенатѣ законодательнаго собранія Нью-Іорка большинствомъ 20-ти голосовъ противъ 9-ти. Остается утвердить билль нижней палатѣ, чтобы онъ вошелъ въ законъ. Въ Нью-Іоркѣ, въ числѣ четырехъ комисаровъ, управляющихъ дѣломъ школьнаго образованія—двѣ женщины; точно то же и въ Массачузетсѣ. Женская дѣятельность въ элементарномъ образованіи и народныхъ школахъ признана гораздо полезнѣе мужской. Въ нью-іоркскомъ сенатѣ поднятъ также вопросъ о томъ, чтобы обложить холостяковъ налогомъ, въ размѣрѣ четверти ихъ годоваго дохода—въ пользу вдовъ и сиротъ штата.

НОВЫЯ КНИГИ.

Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія. *Александра Барсукова.* Спб. 1887 г.

Имена гг. Николая и Александра Барсуковыхъ принадлежатъ къ числу уважаемыхъ въ русской исторической литературѣ. Оба брата издали много серьезныхъ трудовъ, заслужившихъ почетную извѣстность, обратившихъ на себя вниманіе ученыхъ и образованной публики. Вышедшая нынѣ брошюра написана по поводу книги П. Н. Петрова „Исторія родовъ русскаго дворянства“, была прочитана въ засѣданіи историко-филологическаго отдѣленія академіи наукъ, въ декабрѣ прошлаго года, и напечатана по ея распоряженію въ LIV томѣ „Записокъ академіи“. Важность содержанія этой образцовой ученой рецензіи послужила поводомъ къ появленію ея отдѣльною книгою. Почтенный рецензентъ справедливо замѣчаетъ, что книга г. Петрова заслуживаетъ особаго вниманія уже и потому, что, по словамъ Аксакова, „наши дворяне большею частью о прев-

кахъ своихъ ничего не знаютъ, преданій рода не уважаютъ, русской исторіи не вѣдаютъ, семейныхъ преданій не цѣнятъ". Чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ „Исторію русскаго дворянства", г. Барсуковъ дѣлаетъ оцѣнку главнѣйшихъ источниковъ русскаго родословія и работъ предшественниковъ г. Петрова по этой части. Это тѣмъ болѣе необходимо, что г. Петровъ имѣетъ привычку не указывать, откуда онъ почерпаетъ сообщаемыя имъ генеалогическія свѣдѣнія. Въ этомъ отношеніи онъ походитъ на покойнаго Карновича, также не указывавшаго на источники своихъ изслѣдованій. Но и по глубинѣ своихъ изслѣдованій, и по мастерской обработкѣ ихъ Карновичъ былъ настоящимъ ученымъ и литераторомъ, тогда какъ г. Петровъ не болѣе, какъ усердный компиляторъ, плохо владѣющій русскимъ языкомъ и слишкомъ скорый на парадоксальные выводы и осужденіе лицъ, которыя гораздо выше его и знаніями, и талантами. Г. Барсуковъ, какъ критикъ академическій, даже слишкомъ мягко относится къ г. Петрову и, указывая на его важные промахи и ни на чемъ не основанные выводы, продолжаетъ и въ концѣ своей рецензіи отзываться объ авторѣ съ особенною снисходительностью, составляющею свойство всѣхъ настоящихъ ученыхъ. Примѣру этому не слѣдуетъ г. Петровъ, съ первыхъ же строкъ своей книги называющій всѣхъ московскихъ приказныхъ конца XVII вѣка, включая сюда и думныхъ людей, обновлявшихъ Родословную книгу, „людьми ничего не знавшими и ничего не подозрѣвавшими въ своемъ невѣдѣніи". И это говорится о такихъ людяхъ, какъ Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій, оставившій послѣ себя такія любопытныя „Записки", или окольничій Ив. Ив. Чаадаевъ, котораго даже иноземцы называли „почтеннѣйшимъ". А между тѣмъ самъ г. Петровъ дѣлаетъ на каждомъ шагу промахи, непростительные для генеалога: говоритъ объ уничтоженіи Разрядныхъ книгъ, которыхъ никогда не уничтожали, берется объяснить значеніе „Степенной книги" и вовсе не объясняетъ его, называетъ голословно игумена Ювеналія Воейкова сочинителемъ баснословій; говоритъ, что въ концѣ XVII вѣка подавали въ Разрядъ фальшивыя родословныя разные авторы, и не называетъ ни одного изъ нихъ, не подтверждаетъ своего обвиненія ни однимъ фактомъ; смѣшиваетъ Ратшу, тіуна кіевскаго, съ Ратшею, который при Александрѣ Невскомъ „прiиде изъ Нѣмецъ", хотя разница между ними больше чѣмъ во сто лѣтъ; утверждаетъ, что Ѳедоръ Никитичъ Романовъ былъ женатъ на княжнѣ Шестуновой, тогда какъ жена его была дочь костромскаго дворянина Шестова, и пр. и. пр. Г. Барсуковъ приводитъ еще много промаховъ г. Петрова въ родословной Черкасскихъ, Бестужевыхъ, Нарышкиныхъ, въ гербахъ многихъ родовъ. Собственныя оцѣнки, сдѣланныя критикомъ трудамъ Строева, Князева, В. В. Долгорукова, Лобанова, Всеволожскаго и другихъ составителей родословныхъ въ высшей степени важны и могутъ служить значительнымъ пособіемъ при

изученіи русской генеалогіи. Вообще книга г. Барсукова представляетъ образецъ серьезнаго труда и ученой критики.

Стихотворенія Константина Фофанова (1880—1887). Спб. 1887.

Въ прошломъ году, какъ будто нарочно для того, чтобы снять съ нашего времени упреки въ прозаичности и практичности, какими такъ любятъ осыпать толпу пѣвцы всѣхъ племенъ, нарѣчій, состояній;—въ особенности племени еврейскаго, болѣе другихъ падкаго на жалобы — явилось множество сборниковъ стихотвореній. Явились они—кромѣ столицъ—съ сѣвера, юга, востока Россіи. Гг. Апухтинъ, Андреевскій, Надсонъ, Медвѣдевъ, Гуслякъ, Николаевъ, Бѣлозерскій издали больше объемистые, чѣмъ тощіе „плоды своихъ вдохновеній". Мы говорили въ прошломъ году только о сборникѣ нашего маститаго поэта Я. П. Полонскаго, полувѣковой юбилей поэтической дѣятельности котораго наступаетъ въ этомъ году, да сказали также нѣсколько словъ о кіевскомъ поэтѣ г. Николаевѣ. Послѣднимъ между этими „питомцами музъ" явился талантливый г. Фофановъ, со стихотвореніями котораго знакомы читатели нашего журнала. Имя его появляется и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ и, конечно, было замѣчено русскою публикою. Теперь книгоиздательство Гоппе выпустило въ свѣтъ красивый томикъ стиховъ, въ 180 страницъ слишкомъ, безукоризненный въ типографскомъ отношеніи. Безукоризненъ онъ также и по отношенію къ версификаціи и гладкости стиха, которымъ г. Фофановъ владѣетъ въ совершенствѣ. Что же касается до содержанія—оно не слишкомъ разнообразно: въ 209 пьесахъ поэтъ воспѣваетъ мечты, цвѣты, природу и любовь. Тонъ ихъ преимущественно элегическій, грустный, въ какомъ пишутъ всѣ современные стихотворцы. Въ семь лѣтъ г. Фофановъ не отозвался ни на одну изъ „злобъ дня", какими волновалось наше тревожное время. Мы не упрекаемъ за это поэта, а только констатируемъ родъ его дарованія, его полнѣйшее равнодушіе къ интересамъ минуты, которое перестали уже называть „олимпійскимъ". Даже музѣ своей онъ поручаетъ только позаботиться отдать ему послѣдній долгъ, „смиренно потоптать его дернъ надмогильный", хотя и съ „царственной (?) грустью на юномъ лицѣ, пошептать мертвецу чудныя сказки о жизни, одуть перья (?), раскрыть тетради въ его уголкѣ" и поплакать о поэтѣ. Картины смерти, воспоминанія объ умершихъ—любимый мотивъ его стихотвореній, хотя въ нихъ нѣтъ при этомъ утомительнаго нытья о самомъ себѣ, о своихъ страданіяхъ или о „Сіонѣ";—библейскихъ мотивовъ у него, по счастію, немного. Грусть поэта—тихая, скорѣе покорная судьбѣ, чѣмъ ропщущая или жалующаяся на несправедливость людей и рока. Пьесы его, небольшія, почти всегда прочувствованныя, рѣдко согрѣты оригинальною мыслью. И, къ тому же—пять тысячъ стиховъ все о мечтахъ и цвѣтахъ, о любви и природѣ—не слишкомъ ли это много для читателя, изнемогающаго подъ бременемъ однообразныхъ, хотя и граціозныхъ мотивовъ! Не лучше ли бы

сдѣлалъ поэтъ, еслибы, вмѣсто двухъ сотенъ стихотвореній, оставилъ въ своемъ сборникѣ всего сотню? Думаемъ, что впечатлѣніе тогда получилось бы болѣе сильное и цѣлостное. Къ чему, напримѣръ, тутъ отдѣлъ сказокъ и поэмъ, отрывки, библейскіе мотивы, „восточныя брызги", очень многія изъ думъ и фантазій? Все это очень бѣдно мыслью, мало интересно—развѣ только кромѣ японской сказки о каменотесѣ, да „африканской драмы", напрасно не оконченной. Нельзя не отмѣтить также страннаго пристрастія поэта къ звѣздамъ: онѣ у него являются чуть не въ сотнѣ пьесъ, начиная съ первой, служащей эпиграфомъ ко всему сборнику. Въ этомъ эпиграфѣ звѣзды шепчутъ чудныя сказки цвѣтамъ, цвѣты пересказываютъ ихъ вѣтрамъ; тѣ, распѣвая сказки надъ землею, переполняютъ ими „душу поэта безумно-влюбленную" въ кого, или во что?—неизвѣстно. „И теперь, въ эти дни многотрудные" (едва ли не единственный во всемъ сборникѣ эпитетъ, относящійся къ злобѣ дня) поэтъ передаетъ звѣздамъ ихъ „задумчиво-чудныя сказки". Въ сказкахъ этихъ, говоря откровенно, нѣтъ ничего особенно чуднаго, но зато звѣзды блестятъ чуть не на каждой страницѣ. Конечно, звѣзды—не цвѣты, но и слишкомъ много звѣздъ также трудно вынести, какъ и слишкомъ много цвѣтовъ... или стиховъ.

Мысли и чувству. Сборникъ стихотвореній современныхъ русскихъ поэтовъ. Москва. 1887.

Какъ будто съ цѣлью доказать процвѣтаніе у насъ поэзіи и изобиліе поэтовъ, г-жа Попырникова издала сборникъ поэтическихъ произведеній, появлявшихся въ нашей печати въ послѣднія семь лѣтъ. Въ изящно отпечатанной книжкѣ съ несовсѣмъ удачной виньеткой помѣщено 147 стихотвореній, принадлежащихъ семидесяти поэтамъ. „Каковъ россійскій Геликонъ!" Если изъ этихъ семидесяти толковниковъ мысли и чувства исключить поэтовъ, которыхъ наше время имѣетъ право называть маститыми, какъ гг. Майкова, Полонскаго, Фета, Плещеева, Яхонтова, Розенгейма, то окажется, что каждый годъ, начиная съ 1880-го, у насъ объявлялось болѣе десяти новыхъ поэтовъ. Это ли еще не богатство отечественнаго Парнаса! Недаромъ редакторы нашихъ журналовъ жалуются на то, что ихъ заваливаютъ стихами. И какихъ только именъ не встрѣчаетъ читатель въ этомъ спискѣ поэтовъ, расположенныхъ на заглавномъ листѣ въ алфавитномъ порядкѣ! Въ этомъ внушительномъ алфавитѣ мы не нашли только полугласныхъ буквъ да еще—по какому-то странному случаю—буквы *З*, *Х*, *Ш* и *Ѳ* не вошли въ поэтическую россійскую азбуку. Но въ тридцати двухъ буквахъ это пробѣлъ небольшой. Не понимаемъ также, почему многіе поэты выставили только заглавныя буквы подъ своими произведеніями. Отчего, произведя на свѣтъ плоды своей музы, многіе какъ будто стыдятся признать себя ихъ отцомъ? Для чего также,—если невозможно было въ книгѣ разсортировать поэтовъ по ихъ дарованіямъ,—не принята *хоть какая нибудь* система въ размѣщеніи ихъ произведеній? Сборникъ назы-

вается—и, стало быть, посвященъ—„мысли и чувству“ (дательный падежъ въ заглавіи несовсѣмъ ловокъ). Отчего же было не распредѣлить пьесы хоть по этимъ двумъ главнымъ рубрикамъ? Сборникъ, правда, открывается хорошимъ стихотвореніемъ безъ имени автора: „Мысль“, но тотчасъ же затѣмъ начинается такой лирическій безпорядокъ, который явно обнаруживаетъ отсутствіе всякой системы въ составленіи книги: дѣйствительно прекрасныя пьесы помѣщаются вслѣдъ за весьма слабыми, извѣстныя имена стоятъ наряду съ никому невѣдомыми. Видно, что составитель книги внимательно слѣдилъ за періодическими изданіями послѣднихъ годовъ (изъ одного „Наблюдателя“ взято около 20-ти стихотвореній), но болѣе строгій выборъ и болѣе раціональная система необходимы для того, чтобы дать читателю вѣрное понятіе о современномъ положеніи и направленіи русской поэзіи. Нужна опытная рука, чтобы отдѣлять пшеницу отъ плевелъ...

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Идиллія и ничегонедѣланіе.—Мировые судьи и указъ сената.—Вызванныя имъ откровенія. Изобиліе надзоровъ и возможность ихъ утилизированія.—Черниговскій циркуляръ.—Въ чемъ „сила власти“?—Финансовые рецепты.—Винная монополія и „мадерные историографы“.—Что такое наше пьянство и откуда оно взялось?—Идеалисты, „мошенники печати“ и попуган.—Инсинуаціи мадеры на „отвратительную сивуху“ и ихъ подкладка.—1863 годъ и крутой поворотъ въ питейной политикѣ.—Искусственная дороговизна вина.—Стачки монополистовъ и нашъ кабакъ.—Борьба его съ государствомъ.—Какимъ путемъ кабачикъ сдѣлался „честнымъ маклеромъ“ и кулакомъ?—Дельбрюкъ и „питье по телеграфу“.—Превращеніе кабачика-кулака въ крупнаго воротилу.

Намъ часто доводится слышать, что весьма сложныя причины сельской неурядицы приписываются „недостатку надзора за селомъ“, въ доказательство чего ссылаются на то, что до упраздненія мировыхъ посредниковъ ея не замѣчалось. Но тутъ кроется громадное недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что въ первые годы послѣ освобожденія крестьянъ, когда главнѣйшая задача мировыхъ посредниковъ сводилась къ отводу земельныхъ надѣловъ и составленію уставныхъ грамотъ, надзоръ ихъ за крестьянскимъ самоуправленіемъ по необходимости ограничивался тѣсными рамками преимущественно *поземельныхъ* отношеній между помѣщиками и крестьянами; притомъ самоуправленіе это далеко еще не было обременено тою массой разнородныхъ и вовсе не „крестьянскихъ“ дѣлъ, какая съ теченіемъ времени наростала больше и больше; да и самое сѣмя неурядицы, брошенное въ почву положеніемъ 19 февраля, только еще начинало пускать ростки, но не дало всѣхъ тѣхъ плодовъ, которые созрѣли гораздо позже. По*кончивъ затѣмъ съ* земельнымъ устройствомъ крестьянъ, мировые

посредники даже перваго призыва, уже къ концу срока своего служенія, опустили, по обыкновенію, руки; а послѣдующіе до такой степени ничего не дѣлали, что возбудили противъ себя массу жалобъ со всѣхъ сторонъ, и *именно по этой причинѣ* были замѣнены коллегіальными присутствіями по крестьянскимъ дѣламъ, съ единственною въ нихъ рабочей силой—непремѣнными членами, которые въ свою очередь чаще и чаще попрекаются, даже офиціально, въ томъ же ничегонедѣланіи. Видимая вещь, что *этомъ однородныя явленія могли быть плодомъ одной только причины*, а причина эта и заключалась въ законодательномъ предписаніи избирать непремѣнныхъ членовъ, какъ прежде мировыхъ посредниковъ —исключительно изъ мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Читатель замѣтилъ, вѣроятно, что мы вообще очень далеки отъ мысли разсыпать гуртовую хулу или хвалу на то или другое сословіе въ цѣломъ составѣ; мы хотимъ только, не скрывая правды, разъяснить, что и въ данномъ случаѣ, какъ всегда, не могло остаться безнаказаннымъ забвеніе той истины, что среда, которая, въ общей своей массѣ, вѣковымъ строемъ нашей жизни пріучалась пожинать, не сѣявши, физически не могла выдѣлить изъ себя достаточное число рукъ *для черной работы*, почему, самымъ естественнымъ образомъ, и оказалась несостоятельною. Мы даже не ставимъ этого забвенія въ особенную вину нашему законодательству, такъ какъ очень хорошо знаемъ, что неумѣренная идеализація помѣстнаго дворянства сложилась у насъ традиціонно, и что человѣчество такъ уже сотворено, что даже отъ нелѣпыхъ традицій отказывается нелегко. Не говоря уже о поставлявшихся нѣкогда дворянскимъ сословіемъ исправникахъ и судьяхъ, о которыхъ уже въ манифестѣ 6 декабря 1831 года заявлялось, что далеко не вездѣ они оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды; не распространяясь о мировыхъ посредникахъ, въ средѣ которыхъ, наряду съ безусловно-почтенными дѣятелями, немало было такихъ, о которыхъ „Русская Старина“ когда нибудь разскажетъ, гдѣ и какіе надѣлы отводили они крестьянамъ и какъ вообще относились къ крестьянскимъ нуждамъ —достаточно припомнить, что совершенно такая же идеализація, но распространенная на всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, играла очень видную роль и позже, при учрежденіи мировыхъ судей. Живому воображенію многоуважаемыхъ составителей судебныхъ уставовъ люди эти рисовались, какъ „главные охранители и блюстители общаго порядка и спокойствія, которые, не оставляя домашнихъ своихъ занятій и обязанностей, будутъ содѣйствовать развитію мѣстнаго благосостоянія, на коемъ зиждется благоденствіе государства“; они и „мысли не допускали, чтобы наше общество могло отнестись несочувственно къ столь важному установленію: примѣръ неудовлетворительности выборовъ на судебныя должности по своду 1857 года нисколько не доказываетъ, что то же будетъ и при избраніи мировыхъ судей, ибо едва ли можно сравнивать сословные выборы съ выборами отъ всѣхъ сословій въ совокупности, *гдѣ всѣ жители* извѣстной мѣстности одинаково заинтересованы *въ хорошемъ* избраніи; при неизбѣжной же отвѣтственности са-

михъ избирателей предъ общественнымъ мнѣніемъ за нехорошій выборъ мировыхъ судей, нѣтъ достаточнаго повода опасаться интригъ партій для устраненія хорошаго судьи и замѣны его дурнымъ". Предусматривая затѣмъ, что, „при множествѣ самыхъ разнородныхъ занятій, при множествѣ лицъ, съ которыми мировой судья долженъ будетъ входить въ непрестанныя сношенія, ему *чрезвычайно трудно* будетъ устоять противъ разнаго рода вліяній или даже искушеній, если онъ, по матеріальному своему положенію, будетъ находиться въ состояніи, близкомъ къ нуждѣ" *), составители уставовъ рѣшили, что къ избранію въ мировые судьи должны быть допущены только лица всѣхъ сословій, получающія отъ своего имущества не менѣе 500 р. дохода. Такими лицами признали владѣющихъ землею, въ количествѣ отъ 400 до 1,600 десятинъ (смотря по различію уѣздовъ), или городской недвижимой собственностью, оцѣненною для взиманія налога въ 3,000, а въ столицахъ—въ 6,000 рублей; не имѣющіе же подобной собственности могутъ получить званіе мироваго судьи не иначе, какъ по весьма рѣдко достижимому единогласному избранію всѣхъ гласныхъ, составляющихъ законный составъ земскаго собранія. Не будемъ входить въ разбирательство вопроса—*можетъ ли* оставаться у добраго хозяина столько свободнаго отъ занятій времени для удовлетворительнаго исполненія многосложной и отвѣтственной судейской должности, со срочными во многихъ случаяхъ функціями; не станемъ распространяться и о томъ, въ какой мѣрѣ 500-рублевый доходъ, даже при жалованьѣ въ 1500 — 2200 рублей и при бывшемъ въ 1864 году курсѣ рубля въ 84,19 коп., *могъ* ограждать судью отъ искушеній и вліяній, и насколько онъ *соотвѣтствовалъ* земельному имуществу въ 400 - 1600 десятинъ, или городскому въ 3—6 тысячъ рублей **). Посмотримъ только, оправдались ли хоть сколько нибудь тѣ розовыя надежды, которыя предшествовали установленію должности мироваго судьи? На первыхъ порахъ, какъ это не рѣдкость у насъ, нашлось немало образованныхъ собственниковъ, которые не безъ увлеченія устремились на новую должность и честно несли принятыя на себя обязанности. Жизнь, однако, очень скоро взяла свое. По мѣрѣ того, какъ все съ большею очевидностью обнаруживалось, что неприглядной работы у мироваго судьи очень много, а полученій очень мало; по мѣрѣ того, какъ искусственно удорожались всѣ продукты потребленія и обезцѣнивались всѣ произведенія частныхъ хозяйствъ; по мѣрѣ того, какъ быстрѣе и быстрѣе стала дробиться крупная земельная собственность; наконецъ, по мѣрѣ того, какъ практика поучала, что и съ фиктивными цензами безцеремоннымъ воротиламъ нетрудно проводить въ мировые судьи разныхъ проходимцовъ, не исключая и кабачиковъ, — качественный уровень судебно-мироваго института не могъ не пойти къ пониженію. И въ обществѣ, и въ печати чаще и чаще стали хо-

*) Суд. уст. по изд. Госуд. Канцеляріи, т. III, стр. 25, 34, 35, 38 и 46.

**) Извѣстно, что уже въ 1868 году самъ министръ внутреннихъ дѣлъ признавалъ всѣ такія счисленія чистѣйшей фантазіей нашихъ статистиковъ.

дить толки, очень для него нелестные: указывалось, что есть хорошо обезпеченные отъ „вліяній и искушеній“ почетные мировые судьи, которые однако нимало не брезгаютъ заниматься, въ видѣ промысла, содержаніемъ въ своихъ округахъ множества кабаковъ, отличающихся притомъ особенно грязнымъ характеромъ; говорилось, что есть мировые судьи, участки которыхъ находятся гдѣ нибудь очень далеко, въ какой нибудь Нижегородской губерніи, но которые преспокойно живутъ въ Петербургѣ; намекалось и на многое, еще менѣе благовидное. Само собою разумѣется, что толкамъ этимъ, покуда они не имѣли офиціальнаго подтвержденія, можно было вѣрить и не вѣрить, смотря по личнымъ вкусамъ. Но съ 1870 года начали представляться вполнѣ авторитетныя ходатайства земскихъ собраній, которыя фактами удостовѣряли, что, при высокомъ имущественномъ цензѣ и при условіи единогласныхъ избраній, утрачивается всякая возможность имѣть хорошихъ судей и по необходимости приходится довольствоваться худшими. Въ 1877 году ходатайства эти завершились признаніемъ самого министерства юстиціи, что „для улучшенія состава мировыхъ судей необходимо коренное измѣненіе условій избирательнаго ценза и установленіе болѣе современныхъ и справедливыхъ избирательныхъ началъ“. *Такимъ* заявленіямъ и признаніямъ, очевидно, нельзя уже было не вѣрить. Но когда протекло затѣмъ еще цѣлое десятилѣтіе, и, 6 іюня прошлаго года, правительствующій сенатъ возъимѣлъ мужество напомнить наконецъ мировымъ судьямъ, что есть законы и для нихъ обязательные; когда онъ грянулъ на весь міръ, что нашлись въ составѣ судей и такіе, у которыхъ хватило безсовѣстности *не разрѣшить ни одного дѣла за все время нахожденія въ должности*, исправно *получая присвоенное этой должности жалованье*, то мы не могли не изумиться, какъ же это въ „юридическомъ обществѣ“ не былъ поставленъ простѣйшій вопросъ: если мировой судья, имѣя въ годъ около тысячи дѣлъ, оказался бездѣятельнымъ въ единичномъ званіи судьи, то гдѣ же видны хоть малѣйшіе шансы, что онъ будетъ гораздо дѣятельнѣе, когда возложатъ на него и всю административную обузу, съ другою, а нерѣдко и съ третьей тысячью дѣлъ? Вѣдь если воображаютъ, что придаткомъ ничтожной распорядительной власти, да права сажать сельскаго старосту въ кутузку, ему откроется болѣе широкая возможность дѣйствительно „ограждать порядокъ и спокойствіе, и содѣйствовать развитію мѣстнаго благосостоянія, на коемъ зиждется благосостояніе государства“, то зачѣмъ же забывать, что и безъ такого придатка, при мало-мальски доброжелательномъ отношеніи къ разнымъ „благоденствіямъ“, онъ могъ продѣлывать всѣ эти прелести и по званію судьи, такъ какъ уставъ уголовнаго судопроизводства (ст. 42) предоставилъ ему весьма широкую прерогативу возбуждать преслѣдованія по собственному усмотрѣнію, независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ и протоколовъ полиціи; причѣмъ государственный совѣтъ разъяснилъ эту статью закона именно тѣмъ вѣрнымъ соображеніемъ, что „было бы не естественно поставить мироваго *судью въ положеніе* быть очевидцемъ преступныхъ дѣяній и не

имѣть права подвернуть виновнаго заслуженному взысканію". Отчего же „мировой" ни порядка въ своемъ участкѣ не оградилъ, ни благосостоянія не развилъ? Очевидно, отъ него ждали того, чего, по самой природѣ своей, онъ дать не могъ. Въ средѣ авторовъ судебныхъ уставовъ въ высшей степени симпатично говорилось: „трудно допустить, чтобы люди гдѣ либо и когда либо были приготовлены къ дурному и не были зрѣлы для хорошаго", откуда и выводилось, что „законодательныя предположенія всегда благовременны, если они правильны"; но затѣмъ, въ нарушеніе этой именно „правильности", къ черной работѣ были приставлены лѣнивыя руки,—и въ результатѣ не могло не оказаться полнѣйшаго fiasco.

Но какъ работа предположеннаго участковаго начальника въ уѣздѣ, по самому существу своему, будетъ еще чернѣе, то приставлять къ ней помѣстнаго дворянина съ судебною властью, или мироваго судью съ властью административною—значило бы добровольно идти на встрѣчу еще горшему фіаско. Начать съ того, что теперь, какъ въ средѣ мировыхъ судей, такъ и вообще въ средѣ земскихъ дѣятелей, добрая половина принадлежитъ именно къ дворянскому сословію, потому что сословіе это у насъ и больше образовано, и больше подготовлено къ службѣ; однако въ приведенномъ указѣ своемъ правительствующій сенатъ не сдѣлалъ въ пользу мировыхъ судей изъ дворянъ ни малѣйшей оговорки,—надо думать, что и поводовъ къ этому не имѣлось. Затѣмъ, самое появленіе этого указа на свѣтъ вызвало два такихъ откровенія, которыхъ, по замѣчательной ихъ характерности, нельзя игнорировать, если только хотятъ, чтобы „законодательныя предположенія были правильны". Съ одной стороны, мировые судьи Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи, убѣжденные, что они и суть тѣ самые джентльмены, которые рисовались воображенію составителей уставовъ, не замедлили оскорбиться и цѣлымъ соборомъ подали въ отставку; нашлись газетчики, которые жестоко осмѣяли ихъ за это; но мы думаемъ, что поступили они въ высшей степени логично и по джентльментски, такъ какъ въ сущности отставкой своей они вѣдь только и сказали гг. сенаторамъ, что „если настало время, когда вмѣсто идеальныхъ хозяевъ-судей понадобились труженики, которымъ и пообѣдать-то безъ *дѣлъ* невозможно, *то мы къ числу таковыхъ не принадлежимъ—ищите себѣ другихъ*". Кромѣ того, нашелся и давно уже служащій „мировой судья", который печатно разъяснилъ, что хотя большинство предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ принадлежитъ къ числу обезпеченныхъ отъ вліяній и искушеній почетныхъ мировыхъ судей, однако, „за весьма рѣдкими исключеніями, они несутъ свое званіе *только номинально* (курсивъ въ подлинникѣ), въ дѣйствительности же дѣлами съѣздовъ заправляютъ въ лучшемъ разѣ непремѣнные члены, а въ худшемъ—просто секретари съѣздовъ". На предвидимый вопросъ, зачѣмъ же эти *номиналисты* принимаютъ на себя столь важныя права и обязанности, откровенный авторъ не замедлилъ отвѣтить слѣдующимъ разъясненіемъ: „должности предсѣдателя добиваются во

отдача ихъ подъ судъ, такъ какъ всѣ ихъ дѣйствія и бездѣйствіе въ данномъ случаѣ наказуемы, даже и по нашему уложенію. Спрашивается, почему же въ Черниговской губерніи все свелось къ циркуляру губернатора, и какимъ образомъ не вступились за крестьянъ не только предводители дворянства и прокуратура, но даже контрольная и казенная палаты, существенно заинтересованныя въ томъ, чтобы силы громаднаго большинства плательщиковъ не были противозаконно истощаемы? Очень просто: именно потому, что высшая губернская администрація широко снабжена у насъ и судебною властью по отношенію къ подвѣдомымъ ей чинамъ *), такъ что губернаторъ имѣлъ полное право и отдать подъ судъ, и ограничиться въ данномъ случаѣ лишь „строгимъ замѣчаніемъ“ въ циркулярѣ. Губернскому предводителю дворянства могло казаться вдвойнѣ „неудобнымъ“ идти и противъ усмотрѣній губернатора, и противъ того изъ уѣздныхъ своихъ товарищей, которому, какъ предсѣдателю провинившагося присутствія, было объявлено замѣчаніе. Прокуратура, послѣ того какъ въ 1862 году надзоръ ея за административными учрежденіями упраздненъ, а съ 1866 года—сосредоточенъ въ лицѣ одного губернатора, ничего въ данномъ случаѣ и сдѣлать не могла, тѣмъ болѣе, что сколько бы служебныхъ преступленій на ея глазахъ ни совершалось (припомните хотя бы систематическое расхищеніе разныхъ общественныхъ кассъ и банковъ), она возбуждать преслѣдованія не имѣетъ права, доколѣ не получитъ спеціальнаго на то разрѣшенія, относительно коронныхъ чиновниковъ—отъ ихъ начальствъ, а относительно выборныхъ—отъ городскихъ думъ или земскихъ собраній; подобныя же разрѣшенія даются, какъ извѣстно, далеко не всегда. Контрольная палата, будучи представительницей „государственнаго“ контроля, не считаетъ себя обязанною заглядывать въ счетоводство учрежденій, признанныхъ „частно-общественными“; что же касается до казенной палаты, то она вправѣ была развѣ только пожалѣть, что крестьяне несутъ расходы, которыхъ при „сильной“ власти не были бы вынуждены нести. Затѣмъ, больше чѣмъ вѣроятно, что тѣ, кому объявлено замѣчаніе въ циркулярѣ, или заперли „подлежащаго“ волостнаго старшину подъ арестъ на семь дней, или оштрафовали его пятью рублями (на болѣе крупное взысканіе они и закономъ не уполномочены), а сами утѣшились обычнымъ соображеніемъ, что „брань на вороту не виснетъ“,—и все осталось по старому... до новыхъ циркуляровъ.

Мы выбрали описанный случай не потому только, что онъ наглядно убѣждаетъ, до какой степени сила губернатора не есть еще сила той власти, которой онъ служитъ и которая естественно должна желать, чтобы всюду царила правда, чтобы всѣмъ жилось хорошо; но и потому, что, будучи самымъ обыкновеннымъ

*) *Извѣстно, что ихъ она можетъ, по собственному усмотрѣнію и безъ суда, подвергать:* замѣчаніямъ и выговорамъ, болѣе и менѣе строгимъ, вычетамъ изъ *жалованія* и денежнымъ взысканіямъ, арестамъ, перемѣщеніямъ съ высшей должности *на* низшую и даже удаленію отъ должности безъ объясненія причинъ.

Но мы идемъ еще далѣе. Мы думаемъ, что самая необходимость установлять новый спеціальный надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ представляется въ высшей степени спорною. Не говоря уже о томъ, что имѣется полная возможность значительно улучшить это самоуправленіе простымъ устраненіемъ причинъ, искусственно превратившихъ его въ дикое самоуправство худшаго меньшинства надъ лучшимъ большинствомъ, едва ли дозволительно, при нашихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, терять изъ виду, что и сейчасъ уже губернія наша преизобилуетъ столько же многочисленными, сколько и разнородными „надзорами", утилизировать которые больше чѣмъ возможно. Припомнимъ только очень широкій надзоръ губернатора, губернскаго правленія вообще и наслоившихся вокругъ него разныхъ присутствій въ частности (не исключая и спеціально-крестьянскаго), весьма солидный надзоръ прокуратуры, явной и тайной полиціи, предводителей дворянства и мировыхъ судей, наконецъ, вполнѣ самобытный надзоръ государственнаго контроля. Одинъ этотъ перечень достаточно уже свидѣтельствуетъ, что ощущается скорѣе избытокъ, нежели недостатокъ всевозможныхъ „надзоровъ", и если всѣ они вкупѣ и порознь оказались не въ силахъ предотвратить нашу сельскую безурядицу, то это надлежитъ приписать отчасти обособленной постановкѣ, а главнымъ образомъ—узаконенному ихъ безсилію, разумѣя подъ *„силою"* отнюдь не то, что̀ понимаютъ въ разныхъ Охотскахъ дерзновенно приравнивающіе себя къ богамъ Кохи, но именно то, что̀ разумѣлъ Н. И. Пироговъ, когда высказывалъ, что „главное средство для усиленія власти—*знать хорошо и вѣрно, чего хочешь*". Поясникъ нашу мысль однимъ только примѣромъ. Не далѣе, какъ въ минувшемъ году, въ „Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ" былъ напечатанъ циркуляръ *) мѣстнаго губернатора, въ которомъ сообщалось, что, при ревизіи нѣсколькихъ волостей, онъ нашелъ счетоводство ихъ въ *совершенномъ запущеніи*, расходы по ихъ содержанію (падающіе, какъ извѣстно, на однихъ приписныхъ крестьянъ) *слишкомъ крупными* (по 2,155 р. въ годъ) и *не всегда законными*, такъ какъ волостной старшина (въ явное нарушеніе примѣч. къ 2228 ст. II т. св. губ. учр.), лично поставляя шесть лошадей для волостныхъ разъѣздовъ, получаетъ за нихъ 2,260 р. (*по 376 р. 67 к. за каждую!*). Все это губернаторъ относитъ прямо „къ *бездѣйствію уѣздныхъ* по крестьянскимъ дѣламъ *присутствій*, которыя остаются какъ бы въ полной неизвѣстности относительно образа дѣйствій подвѣдомыхъ имъ властей", почему и предписываетъ имъ внимательнѣе относиться къ дѣлу. Не подлежитъ сомнѣнію, что во всякой странѣ съ „сильной" властью подобный результатъ ревизіи имѣлъ бы непремѣннымъ послѣдствіемъ: пересмотръ и приведеніе въ должный порядокъ счетоводства, возвратъ крестьянамъ излишне израсходованныхъ за ихъ счетъ денегъ, взысканіе этихъ денегъ съ виновныхъ и

*) Каждый живавшій въ провинціи очень хорошо знаетъ, что едва ли найдется губернія, въ которой подобные циркуляры не писались бы изъ году въ годъ.

отдача ихъ подъ судъ, такъ какъ всѣ ихъ дѣйствія и бездѣйствіе въ данномъ случаѣ наказуемы, даже и по нашему уложенію. Спрашивается, почему же въ Черниговской губерніи все свелось къ циркуляру губернатора, и какимъ образомъ не вступились за крестьянъ не только предводители дворянства и прокуратура, но даже контрольная и казенная палаты, существенно заинтересованныя въ томъ, чтобы силы громаднаго большинства плательщиковъ не были противозаконно истощаемы? Очень просто: именно потому, что высшая губернская администрація широко снабжена у насъ и судебною властью по отношенію къ подвѣдомымъ ей чинамъ *), такъ что губернаторъ имѣлъ полное право и отдать подъ судъ, и ограничиться въ данномъ случаѣ лишь „строгимъ, замѣчаніемъ“ въ циркулярѣ. Губернскому предводителю дворянства могло казаться вдвойнѣ „неудобнымъ“ идти и противъ усмотрѣній губернатора, и противъ того изъ уѣздныхъ своихъ товарищей, которому, какъ предсѣдателю провинившагося присутствія, было объявлено замѣчаніе. Прокуратура, послѣ того какъ въ 1862 году надзоръ ея за административными учрежденіями упраздненъ, а съ 1866 года—сосредоточенъ въ лицѣ одного губернатора, ничего въ данномъ случаѣ и сдѣлать не могла, тѣмъ болѣе, что сколько бы служебныхъ преступленій на ея глазахъ ни совершалось (припомните хотя бы систематическое расхищеніе разныхъ общественныхъ кассъ и банковъ), она возбуждать преслѣдованія не имѣетъ права, доколѣ не получитъ спеціальнаго на то разрѣшенія, относительно коронныхъ чиновниковъ—отъ ихъ начальствъ, а относительно выборныхъ—отъ городскихъ думъ или земскихъ собраній; подобныя же разрѣшенія даются, какъ извѣстно, далеко не всегда. Контрольная палата, будучи представительницей „государственнаго“ контроля, не считаетъ себя обязанною заглядывать въ счетоводство учрежденій, признанныхъ „частно-общественными“; что же касается до казенной палаты, то она вправѣ была развѣ только пожалѣть, что крестьяне несутъ расходы, которыхъ при „сильной“ власти не были бы вынуждены нести. Затѣмъ, больше чѣмъ вѣроятно, что тѣ, кому объявлено замѣчаніе въ циркулярѣ, или заперли „подлежащаго“ волостнаго старшину подъ арестъ на семь дней, или оштрафовали его пятью рублями (на болѣе крупное взысканіе они и закономъ не уполномочены), а сами утѣшились обычнымъ соображеніемъ, что „брань на вороту не виснетъ“,—и все осталось по старому... до новыхъ циркуляровъ.

Мы выбрали описанный случай не потому только, что онъ наглядно убѣждаетъ, до какой степени сила губернатора не есть еще сила той власти, которой онъ служитъ и которая естественно должна желать, чтобы всюду царила правда, чтобы всѣмъ жилось хорошо; но и потому, что, будучи самымъ обыкновеннымъ

*) Извѣстно, что ихъ она можетъ, по собственному усмотрѣнію и безъ суда, *подвергать:* замѣчаніямъ и выговорамъ, болѣе и менѣе строгимъ, вычетамъ изъ *жалованія* и денежнымъ взысканіямъ, арестамъ, перемѣщеніямъ съ высшей *должности на низшую* и даже удаленію отъ должности безъ объясненія причинъ.

въ губерніи, случай этотъ не менѣе наглядно разъясняетъ, какимъ образомъ *именно отъ смѣшенія административной власти съ судебною* на высшихъ ступеняхъ губернскаго управленія теряютъ лучшіе только люди и классы населенія, а выигрываютъ худшіе: нельзя вѣдь считать за потерю, что вороватый старшина, прикарманивъ лишнюю тысячу изъ крестьянской мошны, заплатилъ пять рублей штрафа или просидѣлъ недѣлю въ кутузкѣ; но несомнѣнно потеряли ни въ чемъ неповинные крестьяне волости, и потеряли въ *двѣсти разъ болѣе*, нежели этотъ старшина! Понятно, что ничего подобнаго не могло бы и быть, еслибы каждая спеціальная отрасль власти дѣлала свое только дѣло, а всѣ вмѣстѣ творили бы добрую волю пославшаго ихъ, не ослабляя ея своимъ приказнымъ мѣстничествомъ и не парализируя другъ друга личными „усмотрѣніями". Нагляднѣйшимъ доказательствомъ, что послѣднія не могутъ приводить къ добру, служитъ ревизія сенатора Окулова, удостовѣрившаго, что даже въ столицѣ „агенты сыскной полиціи своими дѣйствіями лишь затрудняли судебныхъ слѣдователей, а нерѣдко даже старались скрывать преступниковъ". Очевидно, что дальше этого органическое безсиліе власти идти не можетъ, и чѣмъ скорѣе оно прекратится, тѣмъ лучше: вѣдь *еще въ 1826 году* была признана „необходимость подчинить дѣйствія всѣхъ губернскихъ учрежденій ближайшему мѣстному надзору, и притомъ *не личному и самовластному,* каковъ есть надзоръ генералъ-губернатора, *не слабому и ничтожному*, каковъ есть надзоръ прокурора; *а коллегіальному, постоянному, имѣющему средства не только заявлять безпорядки и злоупотребленія, но и прекращать ихъ, останавливать зло не черезъ мѣсяцы и годы, но въ самомъ началѣ его, держать чиновниковъ въ строгой дисциплинѣ и виновныхъ преслѣдовать судомъ*". Едва ли нужно доказывать, что *такимъ* надзоромъ проэктируемый участковый начальникъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ, а потому и учреждать эту должность нѣтъ ни малѣйшей необходимости *).—

Никогда еще въ нашей періодической печати не отводилось такого широкаго мѣста разнымъ финансовымъ измышленіямъ, какъ въ истекшіе зимніе мѣсяцы. Оно и естественно. Сначала ожидавшаяся, а затѣмъ и осуществившаяся перемѣна въ личномъ составѣ высшаго финансоваго управленія не могла не вызвать оглядки на наши финансы; болѣзненное ихъ состояніе не могло не возбудить въ пишущей братіи желанія рецептировать посильныя средства къ ихъ исцѣленію—и въ результатѣ получилась длинная вереница лѣкарствъ, несомнѣнно удостовѣрившая, что если еще имѣется у насъ немного Боткиныхъ, то рядомъ съ ними очень немало барономъ Вревскихъ, а еще болѣе—блаженной памяти Ивановъ-Яковлевичей, которые, повидимому, никогда у насъ не переводились.

---

*) Въ январьскомъ внутреннемъ обозрѣніи вкрались опечатки: на стр. 44 (6 строка снизу) вм. „виновники" должно быть: *чиновники*; а на стр. 48 (15 строка сверху) вм. 300 слѣд. быть: 3000.

отпаиваютъ виномъ на убой цѣлыя стада безсмысленнѣйшихъ звѣрей?"

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ „по божески", какъ любитъ нашъ совѣстливый народъ, необходимо отыскать математически-точное мѣрило народнаго пьянства, этимъ найденнымъ аршиномъ опредѣлить размѣры пьянства у насъ и въ разныхъ другихъ странахъ, и затѣмъ полученный выводъ провѣрить наиболѣе авторитетными наблюденіями надъ самой жизнью народа, надъ окружающей его обстановкой. Благодаря массѣ имѣющагося по этой части матеріала, а въ особенности благодаря многоцѣннымъ, но, къ сожалѣнію, мало извѣстнымъ въ публикѣ трудамъ пятидесяти губернскихъ комисій, которыя спеціально занимались питейнымъ дѣломъ въ 1882 году, сдѣлать это очень нетрудно. Мы и попробуемъ.

Единственно возможнымъ и безошибочнымъ мѣриломъ народнаго пьянства признаётся во всемъ мірѣ то частное число, какое получается отъ раздѣленія выпиваемаго народомъ вина на общее число душъ выпивающаго населенія: представляя собою среднее на душу потребленіе вина, такое частное потому и незамѣнимо никакимъ другимъ, что въ немъ всѣ крайности вверхъ и внизъ взаимно поглощаютъ себя, откуда и выходитъ, что ни вовсе непьющіе люди, ни записные пропойцы (и у насъ, какъ вездѣ, составляющіе лишь каплю въ морѣ) *) не умаляютъ собою вѣрности общаго вывода. Вотъ этотъ-то аршинъ и показываетъ, что въ ту пору, какъ во Франціи выпивается на душу населенія по 18, а въ Англіи по 16 ведеръ разныхъ спиртныхъ напитковъ, въ Сѣв. Америкѣ по 5 ведеръ, въ Баваріи по ведру водки и по $22^1/_2$ ведра пива, въ Швеціи и въ Голландіи по 3 ведра водки и т. д.,—у насъ ежегодное потребленіе оплаченнаго акцизомъ сорока-градуснаго вина простиралось среднимъ числомъ на душу:

Въ	1863	году,	при	4-рублевомъ	акцизѣ,	до	123	чарокъ **)
„	1864—69	„	5	„	„	„	87	„
„	1870—73	„	6	„	„	„	90	„
„	1874—80	„	7	„	„	„	82	„
и въ	1881—82	„	8	„	„	„	79	„

*) Самые ярые изъ современныхъ адвокатовъ казенной монополіи, произвольно засчитывая въ debet всероссійскому пьянству „безспорныя цифры всѣхъ насильственныхъ и внезапныхъ смертей, половину всѣхъ самоубійствъ и таковую же всѣхъ замерзшихъ", все таки не могутъ насчитать болѣе 7,000 человѣческихъ жизней въ годъ („Продажа казеннаго вина" Д. В. стр. 32), что и составляетъ въ общемъ итогѣ нашего населенія только *семь тысячныхъ долей одного процента*, т. е. гораздо меньше, чѣмъ сколько насчитывается въ каждомъ народѣ слѣпыхъ, калѣкъ и разныхъ иныхъ уродовъ. Характерно при этомъ, что по поводу столь ничтожной величины, представляющей собою лучшій аттестатъ народной трезвости, адвокаты эти не только шумятъ и плачутся безъ конца, но даже инсинуируютъ въ сторону государственнаго совѣта (стр. 24, 38 и др.), тогда какъ считаютъ дозволительнымъ „вовсе не принимать въ разсчетъ хозяйства, остающіяся *совершенно внѣ* питейнаго дѣла", число которыхъ сами же опредѣляютъ въ *десять процентовъ* общаго итога (стр. 23)! Выходитъ, по ихъ ариѳметикѣ, что <1> = 10.

**) Въ нашемъ ведрѣ считается сто чарокъ.

губ. учр.). Такимъ врачевателямъ только и можно было сказать: „médecin, ton remède est plus pire que le mal".

Не отрицая, что въ длинномъ перечнѣ исчисленныхъ мѣръ найдутся и дѣйствительно способныя помочь нашей финансовой немочи, а потому заслуживающія разработки, мы остановимся пока на винной только монополіи, такъ какъ въ ея пользу все чаще и беззастѣнчивѣе раздаются голоса тѣхъ же „мадерныхъ исторіографовъ", къ которымъ напрасно, повидимому, нашъ знаменитый сатирикъ взывалъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ:— „опомнитесь, милостивые государи, дойдите хоть сами-то до сознанія того, о чемъ вы хлопочете и на что жалуетесь" *).

Новѣйшіе провозвѣстники стариннаго „царскаго кабака" исходятъ, какъ извѣстно, изъ того соображенія, что покуда вся торговля виномъ находится въ рукахъ частныхъ людей, лично заинтересованныхъ въ возможно широкомъ сбытѣ его, нельзя добиться ни того, чтобы положить конецъ „колоссальному и въ геометрической пропорціи возрастающему пьянству", ни того, чтобы собираемыя кабачиками сотни милліоновъ сосредоточить исключительно въ карманахъ казны; ergo—надо всю винную торговлю передать въ руки казны, которая ни въ барышахъ не нуждается, ни въ распространеніи пьянства не заинтересована.

Сколь ни логичными кажутся эти соображенія съ перваго взгляда, но они *въ дребезги разлетаются* отъ добросовѣстнаго сопоставленія ихъ съ фактами изъ живой, не прикрашенной и не затуманенной дѣйствительности—и мы заранѣе просимъ читателя не посѣтовать, если мы бо́льшую часть нашего обзора внутреннихъ дѣлъ посвятимъ именно такому сопоставленію: больше, чѣмъ когда нибудь, оно представляется теперь настоятельно необходимымъ, не для того, конечно, чтобы заставить „опомниться" мадерныхъ исторіографовъ (недаромъ вѣдь самъ Щедринъ призналъ ихъ „невмѣняемыми"), но именно въ тѣхъ видахъ, чтобы опять „молчаніе противной стороны" не было сочтено за безмолвное согласіе и не повело къ тѣмъ же гибельнымъ ошибкамъ, къ какимъ не разъ уже приводило раньше. Вѣдь, что́ бы ни злословилось о нашихъ „мошенникахъ пера" и сколько бы ихъ ни было на самомъ дѣлѣ, все таки уважающая себя и дорожащая истиной печать безспорно оказывала и можетъ оказывать добрыя услуги государству, поэтому не должна и не имѣетъ права отъ нихъ уклоняться.

Итакъ, прежде всего: вѣрно ли, будто насъ заѣдаетъ какое-то колоссальное пьянство, будто оно растетъ у насъ въ геометрической пропорціи, будто и теперь, какъ во времена мадерныхъ исторіографовъ, дошло до того, что уже „не исправники и становые—по выраженію сатирика—администрируютъ нашими палестинами, но цѣловальники, являющіеся какими-то благонадежными скотобоями, которые безъ всякой помѣхи, систематически

*) „Письма изъ провинціи", письмо VI, стр. 377.

опытомъ привилегированныхъ, въ откупныя времена, западныхъ и южныхъ нашихъ губерній: хорошее, высокопробное вино продавалось тамъ по четвертаку за ведро; его пили всѣ, но пьянства не замѣчалось, просто потому, что, разъ имѣлась возможность *пить*, не было и соблазна *упиваться*. Наоборотъ, въ великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ гораздо худшее вино оплачивалось въ 12—14 разъ дороже, оно никогда не могло сдѣлаться доступнымъ большинству населенія для повседневнаго обихода, а отсюда вынужденная голодовка въ будни естественно приводила къ невоздержности въ праздники, настоящіе или сочиненные ad hoc. Далѣе, привычка до такой степени обратилась въ тѣхъ же привилегированныхъ губерніяхъ во вторую природу, что даже и теперь, не взирая на громадное въ послѣднія 20 лѣтъ обложеніе и вина, и мѣстъ его продажи, разница между западной и восточной половинами имперіи продолжаетъ оставаться чрезвычайно рѣзкою, какъ въ этомъ удостовѣрили и губернскія комисіи. Изъ нихъ донская, херсонская и полтавская прямо заявили, что пьянства въ мѣстномъ населеніи совсѣмъ не замѣчается, и что упадка экономическаго благосостоянія, какъ послѣдствія пьянства, вовсе не существуетъ; виленская засвидѣтельствовала, что въ ея районѣ нѣтъ пьянства, не только въ тѣсномъ смыслѣ слова, но даже въ смыслѣ того неравномѣрнаго потребленія вина простымъ народомъ, какое замѣчается въ губерніяхъ великорусскихъ; гродненская не затруднилась признать свою губернію „образцомъ трезвости"; даже многія изъ великорусскихъ комисій нашли нужнымъ постоянно оговариваться въ своихъ заключеніяхъ, что подъ „пьянствомъ" онѣ только и разумѣютъ неравномѣрное употребленіе вина. Съ своей стороны, владимірскій губернаторъ и почти всѣ представители акцизнаго надзора въ губерніяхъ пошли еще далѣе, откровенно разъяснивъ, что „пьянство вовсе не имѣетъ характера народнаго бѣдствія, вызывающаго необходимость какихъ либо особыхъ радикальныхъ мѣръ", и что оно „можетъ быть ослабляемо только поднятіемъ нравственнаго и умственнаго уровня въ народѣ, путемъ школы, а отнюдь не регламентаціей питейнаго дѣла, которая всегда останется пальятивомъ". Наконецъ, съ замѣчательнымъ единодушіемъ всѣ губернскія комисіи подтвердили и приведенное выше разъясненіе государственнаго совѣта (вышедшее, какъ извѣстно, изъ-подъ пера почтеннаго А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго), что такъ называемое наше пьянство *происходитъ единственно отъ несоразмѣренной со средствами населенія дороговизны вина*, при которой оно *искусственно сдѣлано предметомъ соблазна* и физически не можетъ сдѣлаться продуктомъ обиходнаго потребленія;—

---

365 чарокъ сорока-градуснаго вина, при 4-хъ-рублевомъ акцизѣ, заплатилъ бы казнѣ 5 р 84 к., тогда какъ, выпивая при 8-рублевомъ только 50 чарокъ, онъ давалъ ей всего 1 р. 60 к, или на 365 процентовъ меньше, да, вдобавокъ, еще получилъ репутацію пьяницы. Не слѣдуетъ при этомъ забывать и того факта, *удостовѣреннаго* опытомъ могилевскаго общества сельскаго хозяйства, что чарка *вина за ужиномъ удвоивала* производительность труда наемнаго рабочаго, *не причиняя* его здоровью ни малѣйшаго вреда.

причемъ изъ этой мизерной цифры, по расчисленію „Правит. Вѣстника“ (1882 г. № 175), на долю городскихъ обывателей приходилось по 250, тогда какъ на долю сельскихъ — *только по 50 чарокъ въ годъ*, или *меньше, чѣмъ по одной чаркѣ въ недѣлю!* Безспорно, что, въ интересахъ справедливости, слѣдуетъ къ этому количеству выпиваемой русскимъ народомъ водки прибавить еще водку безпатентную и контрабандную, виноградныя вина, пиво и всю ту, никакими налогами не оплачиваемую мерзость, которою отравляется русское человѣчество, подъ мѣстными названіями „пьяныхъ квасовъ“, вотяцкой „**кумышки**“, „народнаго одеколона“, настоя **махорки**, **пропитаннаго** сѣрнымъ эфиромъ „анодина“ и **даже** просто керосина. Безспорно и то, что какъ бы далеко ни простиралась наша щедрость въ исчисленіи всѣхъ этихъ „напитковъ“, ни въ какомъ случаѣ общее количество ихъ не доходитъ до итога той выпиваемой ежегодно водки, которая оплачивается акцизомъ. Но мы сдѣлаемъ крупную уступку: мы допустимъ, что всѣ они вмѣстѣ равняются этому итогу, — и все таки окажется, что, во 1-хъ, такъ называемое колоссальное пьянство русскаго народа въ послѣднее двадцатилѣтіе не только не развивалось, даже и въ ариѳметической пропорціи, но, напротивъ, значительно сократилось; а во 2-хъ, что, въ сравненіи съ другими народами, оно вдвое меньше, нежели даже въ хваленой Швеціи, и вдесятеро слабѣе, нежели во Франціи, которой однако никто и никогда „пьяницей“ не ославлялъ.

Впрочемъ, человѣку, не съ улицы подбирающему свои воззрѣнія и не по слухамъ знакомому съ экономическимъ бытомъ нашего населенія, другихъ цифровыхъ выводовъ нельзя было и ожидать, даже теоретически, просто въ силу непроходимой и изъ года въ годъ возрастающей бѣдноты русскаго народа.

Такимъ образомъ, въ Россіи, гдѣ, сравнительно съ другими государствами, выпивается самое ничтожное количество спиртныхъ напитковъ, позволительно говорить не о *пьянствѣ*, въ смыслѣ чрезмѣрнаго ихъ истребленія, а исключительно только о *неправильномъ потребленіи вина*, въ смыслѣ очень рѣдкаго по времени, но неумѣреннаго за разъ выпиванія. Къ чести нашего государственнаго совѣта, слѣдуетъ оговорить, что разницу эту онъ подмѣтилъ еще въ 1860 году, при разработкѣ акцизно-питейнаго устава, и разъяснилъ ее въ высшей степени отчетливо,— тѣмъ, что „распространенію правильнаго употребленія вина препятствуютъ *только искусственныя мѣры*—высокія цѣны и дурное качество вина: коль скоро (разсуждалъ совѣтъ) хорошее вино будетъ продаваться по *доступнымъ народу цѣнамъ*, то, безъ сомнѣнія, число потребителей немедленно увеличится, и вино будетъ потребляться бо̀льшимъ числомъ жителей, но въ умѣренномъ количествѣ“. Безусловная правильность такого разъясненія подтверждается не только простѣйшимъ соображеніемъ, что человѣкъ, выпивающій ежедневно по чаркѣ вина, отнюдь не будетъ пьяницей, хотя и выпьетъ 365 чарокъ въ годъ *); но и многолѣтнимъ

*) Отсюда столь же просто и разсчетъ финансовый: мужикъ, выпивающій

царскій кабакъ вовсе не новость въ нашей исторіи и далеко не такая вещь, которую доброжелательный русскій публицистъ могъ бы помянуть добромъ. Уже въ указѣ 1764 года императрица Екатерина говорила, что „довольно доказываютъ о семъ безчисленныя отъ многихъ приставленныхъ къ сему начальныхъ и подчиненныхъ людей похищенія, обманы въ мѣрѣ и добротѣ вина, грабительства, привязки и многія другія злодѣйства, коварное и безстрашное ихъ поползновеніе, крайняя за корчемство слѣдствіями и истязаніями строгость, частое законовъ злоупотребленіе, ежегодное, нерѣдко изъ лихоимства бываемое опредѣленіе многихъ купцовъ въ сборщики, смотрители и въ разныя другія службы и прочія разорительныя народу притѣсненія“. Не забыли мы, что и ближайшіе къ нашему времени питейные откупа подверглись упраздненію именно потому, что были такою же зловредной язвой на всемъ государственномъ организмѣ, отъ которой туго набивались только карманы тѣхъ же „приставленныхъ къ сему людей“; да и сами защитники казенной монополіи, къ великой чести ихъ, не скрываютъ „коварныхъ и безстрашныхъ поползновеній“: изъ нихъ спрятавшійся подъ буквами Д. В. прямо говоритъ, что „за хорошее жалованье“ казна всегда можетъ имѣть надежныхъ продавцевъ своего вина, а нѣсколькими страницами далѣе самъ и опредѣляетъ это „хорошее жалованье“ годовымъ окладомъ „*не менѣе двухъ тысячъ*“ (стр. 24 и 35). Понятно, что въ виду такихъ жирныхъ окладовъ пошумѣть о колоссальномъ пьянствѣ очень небезвыгодно: вѣдь это и двухъ копѣекъ не стоитъ, а чортъ чѣмъ не шутитъ—„авось кривая и вывезетъ!“

Но наиболѣе многочисленный разрядъ кручинниковъ о всенародномъ пьянствѣ народился у насъ вслѣдъ за освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, въ средѣ тѣхъ мадерныхъ россіянъ, которые самымъ фактомъ этого освобожденія считали себя „униженными и оскорбленными“.

Вотъ эти-то французско-нижегородскія инсинуаціи крѣпостнической мадеры на мужицкую сивуху (какъ это ни страннымъ можетъ показаться теперь) и были главною причиною того поворота въ нашей питейной политикѣ, который упразднилъ для народа самую возможность *пить*, заставивъ его *упиваться*, который значительно понизилъ его нравственный уровень, привелъ къ упадку наше винокуреніе; по меньшей мѣрѣ, на полстолѣтіе затормозилъ сельско-хозяйственные успѣхи и причинилъ громаднѣйшія потери казнѣ, сосредоточивъ всѣ выгоды питейной торговли въ немногихъ капиталистическихъ рукахъ.

Мы видѣли уже, какія соображенія привели государственный совѣтъ къ убѣжденію, что *только дешевое вино можетъ установить правильность его потребленія и быть столь же прочнымъ источникомъ казеннаго дохода, сколько надежнымъ проводникомъ народной трезвости.* Въ строгое соотвѣтствіе съ этимъ убѣжденіемъ, размѣръ акциза былъ назначенъ всего въ 4 рубля съ *ведра* безводнаго спирта; предложеніе двухъ членовъ совѣта повысить его для великорусскихъ губерній до 6 рублей предсто-

такъ уже устроено человѣчество, что запретный плодъ, хотя бы и скверный, предпочитается общедоступному, хотя бы и лучшему, и идти въ упоръ такому настроенію—не то же ли, что̀ стѣну разбивать лбомъ?

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, столько же научныхъ, сколько и бытовыхъ, становится яснымъ, что наше quasi-колоссальное пьянство есть просто наглая выдумка, которая лишь въ самой микроскопической долѣ вытекла изъ доброжелательныхъ къ народу отношеній; главнымъ же образомъ, явилась естественнымъ плодомъ либо нашего ребяческаго неумѣнья анализировать наблюдаемые факты и присущаго русскому человѣку свойства охаивать все свое, либо еще горшимъ плодомъ фарисейскихъ поползновеній собирать, не сѣявши, и нагрѣвать за счетъ народа охочія руки.

Дѣйствительно: когда вредоносность пьянства объективно громятъ и окрашиваютъ нарочито-густыми красками такіе общеуважаемые люди, какъ добрые пастыри церкви, врачи или моралисты, никакой благомыслящій человѣкъ не подумаетъ даже обращаться къ нимъ со словомъ упрека, хотя бы въ глубинѣ совѣсти и сознавалъ, что проповѣдуютъ они въ пустынѣ, что поглощать извѣстное количество возбуждающихъ веществъ составляетъ физически-неотразимую потребность человѣчества; что, поэтому, нѣтъ и не бывало народовъ, которые бы вовсе не знали такихъ веществъ, или умѣли отъ нихъ отказаться. Никакія преувеличенія въ этой сферѣ не ставятся въ строку, именно въ виду глубокой норядочности тѣхъ цѣлей и неизмѣримой высоты тѣхъ идеаловъ, къ которымъ стремятся подобные люди, — и давай Богъ, чтобы число ихъ множилось хоть въ ариѳметической только пропорціи. Ихъ сокрушенія о пьянствѣ нигдѣ и никогда, по счастію, не прекращались; они слышатся и въ наши скорбные дни, они будутъ раздаваться и всегда, поскольку неестественно думать, чтобы могло когда нибудь наступить время ликвидаціи даже для стремленій къ высоко-нравственнымъ идеаламъ.

Но были и есть у насъ раздуватели народнаго пьянства совсѣмъ инаго типа. О *нѣкоторыхъ* изъ нихъ не разъ уже раскрывалось въ нашей печати, что и въ жалобахъ министерству финансовъ, и въ посылаемыхъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ статьяхъ они „вопятъ о всенародномъ пьянствѣ“ только потому, что мѣстныя присутствія не допустили ихъ самихъ спаивать народъ („Нов. Время“ № 3580). Понятно, что воплямъ такихъ „мошенниковъ печати“ могли придавать значеніе лишь крайне легковѣрные люди, на которыхъ, конечно, они и разсчитывали. *Другими* явились вторящіе Бисмарку пропагандисты „царскаго кабака“, забывшіе однако, что бисмарковскій проэктъ потому и провалился съ *небывалымъ еще позоромъ*, что былъ одною изъ тѣхъ „colossale Dummheit“, на какія способны только геніальные люди: если вѣрить біографу желѣзнаго канцлера, то самъ онъ, впрочемъ, и предсказалъ, что кончитъ свою карьеру именно „колоссальной глупостью“. Почему наши попугаи забыли столь существенную оговорку—это ихъ дѣло. Но мы еще помнимъ, что

царскій кабакъ вовсе не новость въ нашей исторіи и далеко не такая вещь, которую доброжелательный русскій публицистъ могъ бы помянуть добромъ. Уже въ указѣ 1764 года императрица Екатерина говорила, что „довольно доказываютъ о семъ безчисленныя отъ многихъ приставленныхъ къ сему начальныхъ и подчиненныхъ людей похищенія, обманы въ мѣрѣ и добротѣ вина, грабительства, привязки и многія другія злодѣйства, коварное и безстрашное ихъ поползновеніе, крайняя за корчемство слѣдствіями и истязаніями строгость, частое законовъ злоупотребленіе, ежегодное, нерѣдко изъ лихоимства бываемое опредѣленіе многихъ купцовъ въ сборщики, смотрители и въ разныя другія службы и прочія разорительныя народу притѣсненія". Не забыли мы, что и ближайшіе къ нашему времени питейные откупа подверглись упраздненію именно потому, что были такою же зловредной язвой на всемъ государственномъ организмѣ, отъ которой туго набивались только карманы тѣхъ же „приставленныхъ къ сему людей"; да и сами защитники казенной монополіи, къ великой чести ихъ, не скрываютъ „коварныхъ и безстрашныхъ поползновеній": изъ нихъ спрятавшійся подъ буквами Д. В. прямо говоритъ, что „за хорошее жалованье" казна всегда можетъ имѣть надежныхъ продавцевъ своего вина, а нѣсколькими страницами далѣе самъ и опредѣляетъ это „хорошее жалованье" годовымъ окладомъ „*не менѣе двухъ тысячъ*" (стр. 24 и 35). Понятно, что въ виду такихъ жирныхъ окладовъ пошумѣть о колоссальномъ пьянствѣ очень небезвыгодно: вѣдь это и двухъ копѣекъ не стоитъ, а чортъ чѣмъ не шутитъ—„авось кривая и вывезетъ!"

Но наиболѣе многочисленный разрядъ кручинниковъ о всенародномъ пьянствѣ народился у насъ вслѣдъ за освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, въ средѣ тѣхъ мадерныхъ россіянъ, которые самымъ фактомъ этого освобожденія считали себя „униженными и оскорбленными".

Вотъ эти-то французско-нижегородскія инсинуаціи крѣпостнической мадеры на мужицкую сивуху (какъ это ни страннымъ можетъ показаться теперь) и были главною причиною того поворота въ нашей питейной политикѣ, который упразднилъ для народа самую возможность *пить*, заставивъ его *упиваться*, который значительно понизилъ его нравственный уровень, привелъ къ упадку наше винокуреніе; по меньшей мѣрѣ, на полстолѣтіе затормозилъ сельско-хозяйственные успѣхи и причинилъ громаднѣйшія потери казнѣ, сосредоточивъ всѣ выгоды питейной торговли въ немногихъ капиталистическихъ рукахъ.

Мы видѣли уже, какія соображенія привели государственный совѣтъ къ убѣжденію, что *только дешевое вино можетъ установить правильность его потребленія и быть столь же прочнымъ источникомъ казеннаго дохода, сколько надежнымъ проводникомъ народной трезвости*. Въ строгое соотвѣтствіе съ этимъ убѣжденіемъ, размѣръ акциза былъ назначенъ всего въ 4 рубля съ *ведра* безводнаго спирта; предложеніе двухъ членовъ совѣта повысить его для великорусскихъ губерній до 6 рублей предусмо-

трительно отвергнуто *всѣми голосами*, потому что, „если и при 4-рублевомъ акцизѣ побужденіе къ выпуску съ заводовъ неоплаченнаго вина будетъ значительно, то *установить 6-рублевый— значитъ сдѣлать выгоды корчемства столь крупными, что бороться съ нимъ не будетъ возможности, и оно неминуемо увеличится*"; наконецъ, самое ограниченіе числа заведеній для продажи питей, въ видахъ противодѣйствія пьянству, признано не только не полезнымъ, но положительно вреднымъ, потому что „оно поведетъ только къ монополизаціи питейной торговли, къ злоупотребленіямъ въ цѣнахъ и въ качествѣ вина, къ скопленію въ немногихъ шинкахъ бо̀льшей массы посѣтителей и къ совершенной невозможности достигнуть того, чтобы вино сдѣлалось предметомъ обыденнаго, но умѣреннаго и для нравственности не вреднаго употребленія". Соображенія эти, которыхъ именно въ настоящее время нельзя не признать пророческими, удостоились 26 октября 1860 года высочайшаго одобренія и были положены въ основу вновь выработаннаго питейнаго устава. Впервые, законодательнымъ актомъ этимъ, былъ утвержденъ для всей Россіи разумный принципъ продажи вина, какъ всякаго другаго продукта потребленія. Никакихъ стѣсненій и ограниченій не устанавливалось; признано несомнѣннымъ, что простое совмѣстничество предложенія съ запросомъ лучше всякихъ предписаній укажетъ—гдѣ, сколько и какого типа питейныхъ заведеній должно быть; что, при этомъ, излишества и увлеченія, если и возможны, то нисколько не опасны, такъ какъ въ самомъ достаткѣ потребителя они имѣютъ свою естественную границу. Не забывалась та истина, что пьяницъ нѣтъ только тамъ, гдѣ и людей нѣтъ, и что, во всякомъ случаѣ, не дѣло кабака быть проводникомъ нравственныхъ началъ. Усматривалась полнѣйшая возможность и въ этомъ случаѣ,—какъ въ манифестѣ 19 февраля,—„положиться на здравый смыслъ русскаго народа" и не простирать опекунскихъ на него поползновеній до того, чтобы въ самомъ законѣ указывать—гдѣ, когда, сколько и при какихъ условіяхъ онъ можетъ пить. Имѣлось наконецъ въ виду, что только при такой системѣ торговли самый питейный доходъ можетъ расти въ уровень съ ростомъ самого населенія и его благосостоянія, и будетъ поэтому отличаться тою устойчивостью, которая такъ неизмѣримо важна въ финансовомъ отношеніи. Въ видахъ дальнѣйшаго развитія того же принципа, выносная торговля виномъ допускалась изъ всякихъ лавокъ, со взятіемъ только особаго патента; самая цѣна патентовъ была назначена крайне умѣренная, да и ту дозволялось вносить не за цѣлый годъ впередъ, а пополугодно. Введенныя въ дѣйствіе съ 1863 года, правила эти имѣли ближайшимъ послѣдствіемъ, какъ и предусматривалъ государственный совѣтъ, что потребленіе спиртныхъ напитковъ, а съ нимъ—и число питейныхъ заведеній, дѣйствительно увеличились противъ прежняго, хотя, впрочемъ, далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ оно достигло въ другихъ государствахъ и какъ прокричали наши крѣпостники: средній размѣръ потребленія вина достигъ у насъ въ этомъ году только до 123 чарокъ на душу, что̀ составляло *едва по чарк*

Забывши классическую истину, что „хорошіе финансы дѣлаетъ только хорошая политика"; упустивши изъ виду, что наше законодательство не уполномочило министра финансовъ не только дѣлать какую бы то ни было политику, но даже вмѣшиваться въ спеціальный кругъ вѣдѣнія другихъ министерствъ; наконецъ, запамятовавши, что, помимо комитета министровъ и государственнаго совѣта, никакой министръ у насъ ничего и сдѣлать въ этомъ смыслѣ не можетъ, еслибы даже хотѣлъ,—наши врачеватели навязали новому министру столько различныхъ „программъ", что и десятки Гладстоновъ не смогли бы въ нихъ разобраться. Если одни находили нужнымъ выдѣлить изъ состава министерства финансовъ, въ особое и самостоятельное вѣдомство все то, что̀ относится къ сферѣ промышленности и торговли, то другіе, наоборотъ, рекомендовали возвысить, зачѣмъ-то, самое „значеніе министра финансовъ". Одни высказывались за образованіе изъ кредитной канцеляріи отдѣльнаго управленія, другіе—за обращеніе государственнаго банка въ центральную кассу министерства финансовъ. Одни держались того мнѣнія, что починить наши финансы можно только строжайшей экономіей въ расходахъ и откровеннымъ признаніемъ государственнаго банкротства; другіе—что для этого за-глаза достаточно учредить при государственномъ совѣтѣ какое-то „народное представительство для разсмотрѣнія бюджетовъ". Одни, въ тѣхъ же цѣляхъ, рекомендовали прекратить дальнѣйшую постройку желѣзныхъ дорогъ, а всѣ построенныя взять въ казну и понизить до минимума провозные тарифы; другіе находили, что эти цѣли достигнутся гораздо проще „устраненіемъ чужеземнаго вліянія на наши финансы", прекращеніемъ иностранныхъ займовъ въ металлической валютѣ, неограниченнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ и расширеніемъ нашей золотопромышленности. Одни полагали, что прочное финансовое положеніе недостижимо безъ „улучшенія промышленности и торговли", что въ этихъ видахъ надо ограничить дутый вексельный и развить вещный производительный кредитъ, усилить надзоръ за акціонерными обществами и торговлей, и кореннымъ образомъ передѣлать таможенный тарифъ, усиливъ еще болѣе протекцію отечественному производству и уменьшивъ до минимума массу ненужныхъ формальностей; другіе находили, что всѣ невзгоды, и финансовыя, и промышленныя, прекратятся сами собою, когда существующіе косвенные налоги замѣнятся прямымъ подоходнымъ. Нашлись наконецъ и такіе врачеватели, которые не задумались рекомендовать не только введеніе, взамѣнъ подушной подати, „личнаго налога" и возстановленіе соляной регаліи, но даже учрежденіе новыхъ монополій—винной и табачной, забывая, а, можетъ быть, и не зная, что наше законодательство давно и весьма основательно смотритъ на монополію, какъ на *вредный во всѣхъ отношеніяхъ для государства грабежъ*, преслѣдованіе котораго *со всею строгостью законовъ* и ставитъ начальникамъ губерній въ одну изъ главныхъ обязанностей ихъ по надзору за общественнымъ хозяйствомъ (*Полн.* собр. зак. 1853 года № 27293 и 435 ст. II т. св.

туб. учр.). Такимъ врачевателямъ только и можно было сказать: „médecin, ton remède est plus pire que le mal".

Не отрицая, что въ длинномъ перечнѣ исчисленныхъ мѣръ найдутся и дѣйствительно способныя помочь нашей финансовой немочи, а потому заслуживающія разработки, мы остановимся пока на винной только монополіи, такъ какъ въ ея пользу все чаще и беззастѣнчивѣе раздаются голоса тѣхъ же „мадерныхъ исторіографовъ", къ которымъ напрасно, повидимому, нашъ знаменитый сатирикъ взывалъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ:— „опомнитесь, милостивые государи, дойдите хоть сами-то до сознанія того, о чемъ вы хлопочете и на что жалуетесь" *).

Новѣйшіе провозвѣстники стариннаго „царскаго кабака" исходятъ, какъ извѣстно, изъ того соображенія, что покуда вся торговля виномъ находится въ рукахъ частныхъ людей, лично заинтересованныхъ въ возможно широкомъ сбытѣ его, нельзя добиться ни того, чтобы положить конецъ „колоссальному и въ геометрической пропорціи возрастающему пьянству", ни того, чтобы собираемыя кабачиками сотни милліоновъ сосредоточить исключительно въ карманахъ казны; ergo—надо всю винную торговлю передать въ руки казны, которая ни въ барышахъ не нуждается, ни въ распространеніи пьянства не заинтересована.

Сколь ни логичными кажутся эти соображенія съ перваго взгляда, но они *въ дребезги разлетаются* отъ добросовѣстнаго сопоставленія ихъ съ фактами изъ живой, не прикрашенной и не затуманенной дѣйствительности—и мы заранѣе просимъ читателя не посѣтовать, если мы бо́льшую часть нашего обзора внутреннихъ дѣлъ посвятимъ именно такому сопоставленію: больше, чѣмъ когда нибудь, оно представляется теперь настоятельно необходимымъ, не для того, конечно, чтобы заставить „опомниться" мадерныхъ исторіографовъ (недаромъ вѣдь самъ Щедринъ призналъ ихъ „невмѣняемыми"), но именно въ тѣхъ видахъ, чтобы опять „молчаніе противной стороны" не было сочтено за безмолвное согласіе и не повело къ тѣмъ же гибельнымъ ошибкамъ, къ какимъ не разъ уже приводило раньше. Вѣдь, что́ бы ни злословилось о нашихъ „мошенникахъ пера" и сколько бы ихъ ни было на самомъ дѣлѣ, все таки уважающая себя и дорожащая истиной печать безспорно оказывала и можетъ оказывать добрыя услуги государству, поэтому не должна и не имѣетъ права отъ нихъ уклоняться.

Итакъ, прежде всего: вѣрно ли, будто насъ заѣдаетъ какое-то колоссальное пьянство, будто оно растетъ у насъ въ геометрической пропорціи, будто и теперь, какъ во времена мадерныхъ исторіографовъ, дошло до того, что уже „не исправники и становые—по выраженію сатирика—администрируютъ нашими палестинами, но цѣловальники, являющіеся какими-то благонадежными скотобоями, которые безъ всякой помѣхи, систематически

*) „Письма изъ провинціи", письмо VI, стр. 377.

отпаиваютъ виномъ на убой цѣлыя стада безсмысленнѣйшихъ звѣрей?"

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ „по божески", какъ любитъ нашъ совѣстливый народъ, необходимо отыскать математически-точное мѣрило народнаго пьянства, этимъ найденнымъ аршиномъ опредѣлить размѣры пьянства у насъ и въ разныхъ другихъ странахъ, и затѣмъ полученный выводъ провѣрить наиболѣе авторитетными наблюденіями надъ самой жизнью народа, надъ окружающей его обстановкой. Благодаря массѣ имѣющагося по этой части матеріала, а въ особенности благодаря многоцѣннымъ, но, къ сожалѣнію, мало извѣстнымъ въ публикѣ трудамъ пятидесяти губернскихъ комисій, которыя спеціально занимались питейнымъ дѣломъ въ 1882 году, сдѣлать это очень нетрудно. Мы и попробуемъ.

Единственно возможнымъ и безошибочнымъ мѣриломъ народнаго пьянства признаётся во всемъ мірѣ то частное число, какое получается отъ раздѣленія выпиваемаго народомъ вина на общее число душъ выпивающаго населенія: представляя собою среднее на душу потребленіе вина, такое частное потому и незамѣнимо никакимъ другимъ, что въ немъ всѣ крайности вверхъ и внизъ взаимно поглощаютъ себя, откуда и выходитъ, что ни вовсе непьющіе люди, ни записные пропойцы (и у насъ, какъ вездѣ, составляющіе лишь каплю въ морѣ) *) не умаляютъ собою вѣрности общаго вывода. Вотъ этотъ-то аршинъ и показываетъ, что въ ту пору, какъ во Франціи выпивается на душу населенія по 18, а въ Англіи по 16 ведеръ разныхъ спиртныхъ напитковъ, въ Сѣв. Америкѣ по 5 ведеръ, въ Баваріи по ведру водки и по $22^1/_2$ ведра пива, въ Швеціи и въ Голландіи по 3 ведра водки и т. д.,—у насъ ежегодное потребленіе оплаченнаго акцизомъ сорока-градуснаго вина простиралось среднимъ числомъ на душу:

Въ	1863	году,	при	4-рублевомъ	акцизѣ,	до	123	чарокъ **)
„	1864—69	„	5	„	„	„	87	„
„	1870—73	„	6	„	„	„	90	„
„	1874—80	„	7	„	„	„	82	„
и въ	1881—82	„	8	„	„	„	79	„

*) Самые ярые изъ современныхъ адвокатовъ казенной монополіи, произвольно засчитывая въ debet всероссійскому пьянству „безспорныя цифры всѣхъ насильственныхъ и внезапныхъ смертей, половину всѣхъ самоубійствъ и таковую же всѣхъ замерзшихъ", все таки не могутъ насчитать болѣе 7,000 человѣческихъ жизней въ годъ („Продажа казеннаго вина" Д. В. стр. 32), что и составляетъ въ общемъ итогѣ нашего населенія только *семь тысячныхъ долей одного процента*, т. е. гораздо меньше, чѣмъ сколько насчитывается въ каждомъ народѣ слѣпыхъ, калѣкъ и разныхъ иныхъ уродовъ. Характерно при этомъ, что по поводу столь ничтожной величины, представляющей собою лучшій аттестатъ народной трезвости, адвокаты эти не только шумятъ и плачутся безъ конца, но даже инсинуируютъ въ сторону государственнаго совѣта (стр. 24, 38 и др.), тогда какъ считаютъ дозволительнымъ „вовсе не принимать въ разсчетъ хозяйства, остающіяся совершенно внѣ питейнаго дѣла", число которыхъ сами же опредѣляютъ въ *десять процентовъ* общаго итога (стр. 23)! Выходитъ, по ихъ ариѳметикѣ, что <1> 10!

**) *Въ нашемъ ведрѣ* считается сто чарокъ.

причемъ изъ этой мизерной цифры, по расчисленію „Правит. Вѣстника“ (1882 г. № 175), на долю городскихъ обывателей приходилось по 250, тогда какъ на долю сельскихъ — *только по 50 чарокъ въ годъ*, или *меньше, чѣмъ по одной чаркѣ въ недѣлю!* Безспорно, что, въ интересахъ справедливости, слѣдуетъ къ этому количеству выпиваемой русскимъ народомъ водки прибавить еще водку безпатентную и контрабандную, виноградныя вина, пиво и всю ту, никакими налогами не оплачиваемую мерзость, которою отравляется русское человѣчество, подъ мѣстными названіями „пьяныхъ квасовъ“, вотяцкой „кумышки“, „народнаго одеколона“, настоя махорки, пропитаннаго сѣрнымъ эфиромъ „анодина“ и даже просто керосина. Безспорно и то, что какъ бы далеко ни простиралась наша щедрость въ исчисленіи всѣхъ этихъ „напитковъ“, ни въ какомъ случаѣ общее количество ихъ не доходитъ до итога той выпиваемой ежегодно водки, которая оплачивается акцизомъ. Но мы сдѣлаемъ крупную уступку: мы допустимъ, что всѣ они вмѣстѣ равняются этому итогу, — и все таки окажется, что, во 1-хъ, такъ называемое колоссальное пьянство русскаго народа въ послѣднее двадцатилѣтіе не только не развивалось, даже и въ ариѳметической пропорціи, но, напротивъ, значительно сократилось; а во 2-хъ, что, въ сравненіи съ другими народами, оно вдвое меньше, нежели даже въ хваленой Швеціи, и вдесятеро слабѣе, нежели во Франціи, которой однако никто и никогда „пьяницей“ не ославлялъ.

Впрочемъ, человѣку, не съ улицы подбирающему свои воззрѣнія и не по слухамъ знакомому съ экономическимъ бытомъ нашего населенія, другихъ цифровыхъ выводовъ нельзя было и ожидать, даже теоретически, просто въ силу непроходимой и изъ года въ годъ возрастающей бѣдноты русскаго народа.

Такимъ образомъ, въ Россіи, гдѣ, сравнительно съ другими государствами, выпивается самое ничтожное количество спиртныхъ напитковъ, позволительно говорить не о *пьянствѣ*, въ смыслѣ чрезмѣрнаго ихъ истребленія, а исключительно только о *неправильномъ потребленіи вина*, въ смыслѣ очень рѣдкаго по времени, но неумѣреннаго за разъ выпиванія. Къ чести нашего государственнаго совѣта, слѣдуетъ оговорить, что разницу эту онъ подмѣтилъ еще въ 1860 году, при разработкѣ акцизно-питейнаго устава, и разъяснилъ ее въ высшей степени отчетливо,— тѣмъ, что „распространенію правильнаго употребленія вина препятствуютъ *только искусственныя мѣры*—высокія цѣны и дурное качество вина: коль скоро (разсуждалъ совѣтъ) хорошее вино будетъ продаваться по *доступнымъ народу цѣнамъ*, то, безъ сомнѣнія, число потребителей немедленно увеличится, и вино будетъ потребляться бо̀льшимъ числомъ жителей, но въ умѣренномъ количествѣ“. Безусловная правильность такого разъясненія подтверждается не только простѣйшимъ соображеніемъ, что человѣкъ, выпивающій ежедневно по чаркѣ вина, отнюдь не будетъ пьяницей, хотя и выпьетъ 365 чарокъ въ годъ *); но и многолѣтнимъ

*) Отсюда столь же просто и разсчетъ финансовый: мужикъ, выпивающій

опытомъ привилегированныхъ, въ откупныя времена, западныхъ и южныхъ нашихъ губерній: хорошее, высокопробное вино продавалось тамъ по четвертаку за ведро; его пили всѣ, но пьянства не замѣчалось, просто потому, что, разъ имѣлась возможность *пить*, не было и соблазна *упиваться*. Наоборотъ, въ великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ гораздо худшее вино оплачивалось въ 12—14 разъ дороже, оно никогда не могло сдѣлаться доступнымъ большинству населенія для повседневнаго обихода, а отсюда вынужденная голодовка въ будни естественно приводила къ невоздержности въ праздники, настоящіе или сочиненные ad hoc. Далѣе, привычка до такой степени обратилась въ тѣхъ же привилегированныхъ губерніяхъ во вторую природу, что даже и теперь, не взирая на громадное въ послѣднія 20 лѣтъ обложеніе и вина, и мѣстъ его продажи, разница между западной и восточной половинами имперіи продолжаетъ оставаться чрезвычайно рѣзкою, какъ въ этомъ удостовѣрили и губернскія комисіи. Изъ нихъ донская, херсонская и полтавская прямо заявили, что пьянства въ мѣстномъ населеніи совсѣмъ не замѣчается, и что упадка экономическаго благосостоянія, какъ послѣдствія пьянства, вовсе не существуетъ; виленская засвидѣтельствовала, что въ ея районѣ нѣтъ пьянства, не только въ тѣсномъ смыслѣ слова, но даже въ смыслѣ того неравномѣрнаго потребленія вина простымъ народомъ, какое замѣчается въ губерніяхъ великорусскихъ; гродненская не затруднилась признать свою губернію „образцомъ трезвости“; даже многія изъ великорусскихъ комисій нашли нужнымъ постоянно оговариваться въ своихъ заключеніяхъ, что подъ „пьянствомъ“ онѣ только и разумѣютъ неравномѣрное употребленіе вина. Съ своей стороны, владимірскій губернаторъ и почти всѣ представители акцизнаго надзора въ губерніяхъ пошли еще далѣе, откровенно разъяснивъ, что „пьянство вовсе не имѣетъ характера народнаго бѣдствія, вызывающаго необходимость какихъ либо особыхъ радикальныхъ мѣръ“, и что оно „можетъ быть ослабляемо только поднятіемъ нравственнаго и умственнаго уровня въ народѣ, путемъ школы, а отнюдь не регламентаціей питейнаго дѣла, которая всегда останется пальятивомъ“. Наконецъ, съ замѣчательнымъ единодушіемъ всѣ губернскія комисіи подтвердили и приведенное выше разъясненіе государственнаго совѣта (вышедшее, какъ извѣстно, изъ-подъ пера почтеннаго А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго), что такъ называемое наше пьянство *происходитъ единственно отъ несоразмѣренной со средствами населенія дороговизны вина*, при которой оно *искусственно сдѣлано предметомъ соблазна* и физически не можетъ сдѣлаться продуктомъ обиходнаго потребленія;—

---

365 чарокъ сорока-градуснаго вина, при 4-хъ-рублевомъ акцизѣ, заплатилъ бы казнѣ 5 р 84 к., тогда какъ, выпивая при 8-рублевомъ только 50 чарокъ, онъ давалъ ей всего 1 р. 60 к, или на 365 процентовъ меньше, да, вдобавокъ, еще получилъ репутацію пьяницы. Не слѣдуетъ при этомъ забывать и того факта, удостовѣреннаго опытомъ могилевскаго общества сельскаго хозяйства, что чарка *вина за ужиномъ удвоивала производительность труда* наемнаго рабочаго, не *причиняя* его здоровью ни малѣйшаго вреда.

такъ уже устроено человѣчество, что запретный плодъ, хотя бы и скверный, предпочитается общедоступному, хотя бы и лучшему, и идти въ упоръ такому настроенію—не то же ли, что̀ стѣну разбивать лбомъ?

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, столько же научныхъ, сколько и бытовыхъ, становится яснымъ, что наше quasi-колоссальное пьянство есть просто наглая выдумка, которая лишь въ самой микроскопической долѣ вытекла изъ доброжелательныхъ къ народу отношеній; главнымъ же образомъ, явилась естественнымъ плодомъ либо нашего ребяческаго неумѣнья анализировать наблюдаемые факты и присущаго русскому человѣку свойства охаивать все свое, либо еще горшимъ плодомъ фарисейскихъ поползновеній собирать, не сѣявши, и нагрѣвать за счетъ народа охочія руки.

Дѣйствительно: когда вредоносность пьянства объективно громятъ и окрашиваютъ нарочито-густыми красками такіе общеуважаемые люди, какъ добрые пастыри церкви, врачи или моралисты, никакой благомыслящій человѣкъ не подумаетъ даже обращаться къ нимъ со словомъ упрека, хотя бы въ глубинѣ совѣсти и сознавалъ, что проповѣдуютъ они въ пустынѣ, что поглощать извѣстное количество возбуждающихъ веществъ составляетъ физически-неотразимую потребность человѣчества; что, поэтому, нѣтъ и не бывало народовъ, которые бы вовсе не знали такихъ веществъ, или умѣли отъ нихъ отказаться. Никакія преувеличенія въ этой сферѣ не ставятся въ строку, именно въ виду глубокой порядочности тѣхъ цѣлей и неизмѣримой высоты тѣхъ идеаловъ, къ которымъ стремятся подобные люди, — и давай Богъ, чтобы число ихъ множилось хоть въ ариѳметической только пропорціи. Ихъ сокрушенія о пьянствѣ нигдѣ и никогда, по счастію, не прекращались; они слышатся и въ наши скорбные дни, они будутъ раздаваться и всегда, поскольку неестественно думать, чтобы могло когда нибудь наступить время ликвидаціи даже для стремленій къ высоко-нравственнымъ идеаламъ.

Но были и есть у насъ раздуватели народнаго пьянства совсѣмъ инаго типа. О *нѣкоторыхъ* изъ нихъ не разъ уже раскрывалось въ нашей печати, что и въ жалобахъ министерству финансовъ, и въ посылаемыхъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ статьяхъ они „вопятъ о всенародномъ пьянствѣ“ только потому, что мѣстныя присутствія не допустили ихъ самихъ спаивать народъ („Нов. Время“ № 3580). Понятно, что воплямъ такихъ „мошенниковъ печати“ могли придавать значеніе лишь крайне легковѣрные люди, на которыхъ, конечно, они и разсчитывали. *Другими* явились вторящіе Бисмарку пропагандисты „царскаго кабака“, забывшіе однако, что бисмарковскій проэктъ потому и провалился съ *небывалымъ еще позоромъ*, что былъ одною изъ тѣхъ „colossale Dummheit“, на какія способны только геніальные люди: если вѣрить біографу желѣзнаго канцлера, то самъ онъ, впрочемъ, и предсказалъ, что кончитъ свою карьеру именно „колоссальной глупостью“. Почему наши попугаи забыли столь существенную оговорку—это ихъ дѣло. Но мы еще помнимъ, что

царскій кабакъ вовсе не новость въ нашей исторіи и далеко не такая вещь, которую доброжелательный русскій публицистъ могъ бы помянуть добромъ. Уже въ указѣ 1764 года императрица Екатерина говорила, что „довольно доказываютъ о семъ безчисленныя отъ многихъ приставленныхъ къ сему начальныхъ и подчиненныхъ людей похищенія, обманы въ мѣрѣ и добротѣ вина, грабительства, привязки и многія другія злодѣйства, коварное и безстрашное ихъ поползновеніе, крайняя за корчемство слѣдствіями и истязаніями строгость, частое законовъ злоупотребленіе, ежегодное, нерѣдко изъ лихоимства бываемое опредѣленіе многихъ купцовъ въ сборщики, смотрители и въ разныя другія службы и прочія разорительныя народу притѣсненія". Не забыли мы, что и ближайшіе къ нашему времени питейные откупа подверглись упраздненію именно потому, что были такою же зловредной язвой на всемъ государственномъ организмѣ, отъ которой туго набивались только карманы тѣхъ же „приставленныхъ къ сему людей"; да и сами защитники казенной монополіи, къ великой чести ихъ, не скрываютъ „коварныхъ и безстрашныхъ поползновеній": изъ нихъ спрятавшійся подъ буквами Д. В. прямо говоритъ, что „за хорошее жалованье" казна всегда можетъ имѣть надежныхъ продавцевъ своего вина, а нѣсколькими страницами далѣе самъ и опредѣляетъ это „хорошее жалованье" годовымъ окладомъ „*не менѣе двухъ тысячъ*" (стр. 24 и 35). Понятно, что въ виду такихъ жирныхъ окладовъ пошумѣть о колоссальномъ пьянствѣ очень небезвыгодно: вѣдь это и двухъ копѣекъ не стоитъ, а чортъ чѣмъ не шутитъ—„авось кривая и вывезетъ!"

Но наиболѣе многочисленный разрядъ кручинниковъ о всенародномъ пьянствѣ народился у насъ вслѣдъ за освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, въ средѣ тѣхъ мадерныхъ россіянъ, которые самымъ фактомъ этого освобожденія считали себя „униженными и оскорбленными".

Вотъ эти-то французско-нижегородскія инсинуаціи крѣпостнической мадеры на мужицкую сивуху (какъ это ни страннымъ можетъ показаться теперь) и были главною причиною того поворота въ нашей питейной политикѣ, который упразднилъ для народа самую возможность *пить*, заставивъ его *упиваться*, который значительно понизилъ его нравственный уровень, привелъ къ упадку наше винокуреніе; по меньшей мѣрѣ, на полстолѣтіе затормозилъ сельско-хозяйственные успѣхи и причинилъ громаднѣйшія потери казнѣ, сосредоточивъ всѣ выгоды питейной торговли въ немногихъ капиталистическихъ рукахъ.

Мы видѣли уже, какія соображенія привели государственный совѣтъ къ убѣжденію, что *только дешевое вино можетъ установить правильность его потребленія и быть столь же прочнымъ источникомъ казеннаго дохода, сколько надежнымъ проводникомъ народной трезвости.* Въ строгое соотвѣтствіе съ этимъ убѣжденіемъ, размѣръ акциза былъ назначенъ всего въ 4 рубля съ *ведра* безводнаго спирта; предложеніе двухъ членовъ совѣта повысить его для великорусскихъ губерній до 6 рублей предусмо-

трительно отвергнуто *всѣми голосами*, потому что, „если и при 4-рублевомъ акцизѣ побужденіе къ выпуску съ заводовъ неоплаченнаго вина будетъ значительно, то *установить 6-рублевый — значитъ сдѣлать выгоды корчемства столь крупными, что бороться съ нимъ не будетъ возможности, и оно неминуемо увеличится*“; наконецъ, самое ограниченіе числа заведеній для продажи питей, въ видахъ противодѣйствія пьянству, признано не только не полезнымъ, но положительно вреднымъ, потому что „оно поведетъ только къ монополизаціи питейной торговли, къ злоупотребленіямъ въ цѣнахъ и въ качествѣ вина, къ скопленію въ немногихъ шинкахъ бо̀льшей массы посѣтителей и къ совершенной невозможности достигнуть того, чтобы вино сдѣлалось предметомъ обыденнаго, но умѣреннаго и для нравственности не вреднаго употребленія“. Соображенія эти, которыхъ именно въ настоящее время нельзя не признать пророческими, удостоились 26 октября 1860 года высочайшаго одобренія и были положены въ основу вновь выработаннаго питейнаго устава. Впервые, законодательнымъ актомъ этимъ, былъ утвержденъ для всей Россіи разумный принципъ продажи вина, какъ всякаго другаго продукта потребленія. Никакихъ стѣсненій и ограниченій не устанавливалось; признано несомнѣннымъ, что простое совмѣстничество предложенія съ запросомъ лучше всякихъ предписаній укажетъ—гдѣ, сколько и какого типа питейныхъ заведеній должно быть; что, при этомъ, излишества и увлеченія, если и возможны, то нисколько не опасны, такъ какъ въ самомъ достаткѣ потребителя они имѣютъ свою естественную границу. Не забывалась та истина, что пьяницъ нѣтъ только тамъ, гдѣ и людей нѣтъ, и что, во всякомъ случаѣ, не дѣло кабака быть проводникомъ нравственныхъ началъ. Усматривалась полнѣйшая возможность и въ этомъ случаѣ,—какъ въ манифестѣ 19 февраля,—„положиться на здравый смыслъ русскаго народа“ и не простирать опекунскихъ на него поползновеній до того, чтобы въ самомъ законѣ указывать—гдѣ, когда, сколько и при какихъ условіяхъ онъ можетъ пить. Имѣлось наконецъ въ виду, что только при такой системѣ торговли самый питейный доходъ можетъ расти въ уровень съ ростомъ самого населенія и его благосостоянія, и будетъ поэтому отличаться тою устойчивостью, которая такъ неизмѣримо важна въ финансовомъ отношеніи. Въ видахъ дальнѣйшаго развитія того же принципа, выносная торговля виномъ допускалась изъ всякихъ лавокъ, со взятіемъ только особаго патента; самая цѣна патентовъ была назначена крайне умѣренная, да и ту дозволялось вносить не за цѣлый годъ впередъ, а пополугодно. Введенныя въ дѣйствіе съ 1863 года, правила эти имѣли ближайшимъ послѣдствіемъ, какъ и предусматривалъ государственный совѣтъ, что потребленіе спиртныхъ напитковъ, а съ нимъ—и число питейныхъ заведеній, дѣйствительно увеличились противъ прежняго, хотя, впрочемъ, далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ оно достигло въ другихъ государствахъ и какъ прокричали наши крѣпостники: средній размѣръ потребленія вина достигъ у насъ въ этомъ году только до 123 чарокъ на душу, что̀ составляло *едва по чарк̀ в*

три дня, и среднимъ числомъ одинъ кабакъ открылся въ районѣ 259 душъ, тогда какъ во Франціи и Германіи и сейчасъ одинъ кабакъ питается 20 только потребителями, а въ Бельгіи есть мѣстности, гдѣ онъ приходится всего на 7 взрослыхъ мужчинъ, которые однако ни сами себя пьяницами не считаютъ, ни другими въ пьянствѣ не попрекаются. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, еслибы этой системѣ питейной торговли суждено было сказать свое послѣднее слово, результаты были бы до сихъ поръ тѣ же самые, которые заранѣе предуказывались государственнымъ совѣтомъ и до которыхъ фактически дожили привилегированныя при откупахъ губерніи, потому что всегда и вездѣ одинаковыя причины производятъ одинаковыя послѣдствія. Къ несчастію, случилось иначе. Совпаденіе увеличеннаго спроса на вино съ ликвидаціей крѣпостныхъ отношеній послужило сигналомъ, по которому изъ лагеря „мадерныхъ исторіографовъ“ раздались новые злорадные вопли на очень старую тему, будто „народъ спился“. Теоретическое соображеніе, что „чѣмъ дороже продуктъ, тѣмъ ограниченнѣе кругъ его потребителей“, заставило забыть всѣ благодѣтельныя стороны только что введеннаго въ дѣйствіе устава; канцеляріи не замедлили признать цѣлебнѣйшимъ лѣкарствомъ противъ сочиненнаго пьянства—искусственную дороговизну вина и ограниченіе мѣстъ его продажи. Уже въ 1864 году акцизъ былъ возвышенъ съ 4 до 5 рублей, а патентный сборъ увеличенъ на сто процентовъ; въ 1868 году онъ увеличенъ еще на 60 процентовъ; въ 1870 году акцизъ возвышенъ съ 5 до 6 рублей, патентный сборъ вновь увеличенъ на 33 процента, а для петербургской губерніи установлены, въ видѣ опыта, крайне стѣснительныя новыя правила, съ доведеннымъ до указаннаго минимума числомъ питейныхъ заведеній; въ 1874 году акцизъ возвышенъ опять съ 6 до 7 рублей, а патентный сборъ увеличенъ вновь на сто процентовъ; въ исходѣ 1878 года изданы правила, наповалъ убившія обширное и приноровленное ко вкусамъ потребителей производство дешевыхъ водокъ ниже установленной 40-градусной крѣпости *); въ 1881 году акцизъ опять возвышенъ съ 7 до 8 рублей, а съ прошлаго года—до 9 рублей. Сверхъ того, послѣдовательно вводились разныя формальности и ограниченія, всею тяжестью ложившіяся то на вино, то на мѣста его продажи и удорожавшія содержаніе питейныхъ заведеній до того, что были кабаки, за право торговли въ которыхъ уплачивалось по 13, по 17 и даже по 40 *тысячъ* рублей, и нисколько не удивительно, что близорукіе исторіографы договорились подъ конецъ и до „цар-

*) Въ 1878 году, такихъ заводовъ было 1,475 съ производствомъ въ 15.930,000 ведеръ, а къ 1882 году осталось всего 459 заводовъ съ производствомъ въ 1.263,000 ведеръ. Параллельно съ этимъ, въ разныхъ губерніяхъ средней и сѣверной полосы множество ягодныхъ садовъ или совсѣмъ прекратили свое существованіе, или значительно пострадали; садовладѣльцы Нижегородской, Тульской, Калужской, Смоленской губерній вынуждены были нанимать рабочихъ для выкапыванія плодовыхъ кустарниковъ; знаменитая нѣкогда владимірская вишня на половину упала въ цѣнѣ.

скаго кабака": по такой наклонной плоскости ни къ чему лучшему они и дойти не могли. Правда, въ подкрѣпленіе себя они увѣряютъ, будто за казенную продажу вина *„высказались и многія губернскія комисіи"* („Нов. Время" № 3527); но это чистѣйшая ложь: изъ 50 губернскихъ комисій *только одна* орловская и додумалась посадить за стойки винныхъ лавокъ выслужившихъ пенсію стариковъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, и ручалась, что при казенной монополіи Орловская губернія выплатитъ государству, вмѣсто пяти, шесть милліоновъ въ годъ; въ средѣ черниговской комисіи *однимъ* членомъ ея хотя и былъ поднятъ вопросъ о казенной продажѣ вина, но сдѣланными противъ него возраженіями такъ *„ясно была доказана нежелательность подобной продажи"*, что комисія не нашла даже нужнымъ входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе этого вопроса *); затѣмъ во всѣхъ остальныхъ комисіяхъ даже единичные голоса въ пользу казенной монополіи не раздавались.

Такое явленіе въ высшей степени знаменательно и совершенно понятно, прежде всего, потому, что даже теоретически нельзя утверждать, какъ утверждаютъ защитники монополіи, будто, взявши продажу вина въ собственныя руки, казна, въ отличіе отъ частныхъ лицъ, „не будетъ заинтересована въ возможно широкомъ сбытѣ" этого продукта:—разъ только налоги на питья даютъ ей почти цѣлую треть всего годоваго бюджета, она, именно принятіемъ на себя питейной торговли, и будетъ поставлена въ необходимость всемѣрно заботиться о возрастающемъ сбытѣ всякаго рода питій, ибо въ противномъ случаѣ никогда не выйдетъ изъ дефицитовъ. Надо думать, сверхъ того, что и чиновные сидѣльцы въ царскихъ кабакахъ приложили бы всяческія старанія доказать свое отмѣнное усердіе; а въ данномъ случаѣ единственнымъ доказательствомъ его только и могла бы быть сравнительно-бойкая продажа ввѣренныхъ имъ напитковъ.

Точно также теоретически - несбыточно и увѣреніе новѣйшихъ „исторіографовъ", будто въ этой своей торговлѣ казна можетъ „не нуждаться въ барышахъ": неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всякой безбарышной торговли является банкротство, въ виду котораго за подобную торговлю и браться не для чего; а въ данномъ случаѣ барыши должны быть тѣмъ крупнѣе, что иначе откуда же и покрыть двухтысячные оклады чиновныхъ кабачиковъ? Нельзя попутно не замѣтить, что логика этихъ господъ по истинѣ изумительна. Самый нехитрый здравый смыслъ допустилъ бы одно изъ двухъ: или казенная монополія нужна именно въ тѣхъ видахъ, чтобы перехватить въ казну всѣ барыши частныхъ торговцевъ, и тогда на тему о безбарышности нечего и іезуитничать; или, установляя монополію ради увеличенія казенныхъ доходовъ, не для чего церемониться и ограничиваться одними питьями,—торговля хлѣбомъ, мясомъ, шерстью, саломъ, чаемъ и

*) *Заключ. пит. ком.*, стр. 118, 125 и 309—312.

пр. и пр. можетъ приносить отнюдь не меньшіе доходы; отчего же не прибрать и ее въ казну? A la guerre comme à la guerre!

Наконецъ и къ „собираемымъ кабачиками сотнямъ милліоновъ“ нельзя не отнестись, какъ къ нарочито раскрашенной иллюзіи, присущей всякому пересчитыванію денегъ въ чужомъ карманѣ. Всякое счисленіе кабацкихъ „барышей“, построенное на сравненіи покупной цѣны вина съ продажною, будетъ въ высшей степени ненадежно, уже потому, что вѣдь купленное у производителя вино надо и оплатить, и доставить къ потребителю, а безъ расходовъ, очевидно, нельзя этого сдѣлать ни въ питейной, ни во всякой иной торговлѣ. При нашихъ разстояніяхъ, бездорожьѣ, дороговизнѣ капиталовъ и всяческой безурядицѣ, расходы эти физически не могутъ быть мелкими, и въ концѣ концовъ разоблаченная истина сведется лишь къ тому, что и въ питейной, какъ во всякой торговлѣ, „милліонные“ барыши срываются очень немногими изъ крупныхъ складчиковъ и винокуровъ-кабачиковъ, у которыхъ и вклады въ питейное дѣло также милліонные. Спора нѣтъ, что, въ видахъ обереганія народнаго кармана, сократить барыши этихъ монополистовъ было бы и очень желательно, и не невозможно, помимо даже возстановленія „царскаго кабака“, еслибы только законы у насъ не расходились съ жизнью. Законъ, напр., очень недвусмысленно предписываетъ полиціи „всѣхъ шатающихся по улицамъ и переулкамъ въ пьяномъ видѣ забирать и отсылать подъ стражу“ (186 ст. уст. пред. и прес. прест.); а кто же не знаетъ, что въ любой праздничный день даже столичныя улицы переполнены толпами пьяныхъ сквернослововъ, съ которыми трезвому человѣку и встрѣчаться-то не всегда безопасно? Другой законъ не менѣе категорически предписываетъ губернаторамъ и полиціи „бдительно надзирать, чтобы въ торговлѣ жизненными припасами отнюдь не допускались ни непомѣрное возвышеніе цѣнъ, ни вообще какіе бы то ни было обманы въ качествѣ, количествѣ, вѣсѣ, мѣрѣ и въ цѣнѣ“, (308 ст. того же уст. и 550 ст. II т. св. губ. учр.); а между тѣмъ изъ заявленій управляющихъ акцизными сборами министерству финансовъ видно, что въ губерніяхъ Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской давно и открыто практикуются въ средѣ мѣстныхъ заводчиковъ, торгующихъ питьями, стачки на повышеніе цѣнъ, что эти монополисты заранѣе и формально условливаются — гдѣ, кому и по какимъ цѣнамъ продавать вино, и что заключаемые въ этихъ видахъ договоры гарантируются даже крупными неустойками *). Баловство въ этомъ направленіи достигло такихъ безцеремонныхъ размѣровъ, что не далѣе, какъ въ истекшемъ январѣ, появились даже печатные отчеты о двухъ подобныхъ съѣздахъ, изъ которыхъ одинъ (и по счету уже третій) засѣдалъ въ Варшавѣ, а другой въ Омскѣ. Изъ нихъ первый установилъ высокія цѣны на гвозди и проволочныя издѣлія, обез-

*) *См. изд. мин. фин. книгу „О мѣрахъ къ разв. сел.-хоз. винокур.“ Спб. 1884, стр. 59 и 61.*

печивъ назначенную стачниками цѣну особыми залогами, а второй составился изъ съѣхавшихся за сотни верстъ крупныхъ кабачиковъ, и, засѣдая цѣлую недѣлю на глазахъ всей мѣстной администраціи, рѣшилъ отнюдь не сбавлять въ размежеванныхъ между собою мѣстностяхъ цѣнъ на вино, не взирая на небывалую дешевизну хлѣба, причемъ обезпечилъ условленныя цѣны особою клятвою и, въ довершеніе столь откровеннаго надругательства надъ закономъ, закончилъ свою пакостную дѣятельность благодарственнымъ молебномъ! При такой ли обстановкѣ мечтать о казенныхъ монополіяхъ?—пусть рѣшитъ самъ читатель.

Съ своей стороны, мы замѣтимъ только, что относительно нашихъ кабацкихъ барышей нѣтъ даже надобности особенно налегать на теоретическія соображенія, такъ какъ имѣются слишкомъ краснорѣчивыя офиціальныя данныя самого акцизнаго надзора. Если выпитую въ двадцатилѣтіе съ 1863 года водку распредѣлить между кабаками разныхъ наименованій, въ соотвѣтствіи съ упадавшимъ на каждый изъ нихъ питейнымъ въ казну сборомъ *), то получится слѣдующая табличка, въ первомъ столбцѣ которой будетъ видно, сколько ежегодно уплачивалъ онъ этого сбора, а во второмъ—сколько распродавалъ оплаченнаго акцизомъ вина:

въ 1863 году	29 р. 52 к.	319 ведеръ.
„ 1864—67 „	32 „ 41½ „	236 „
„ 1868—69 „	44 „ 74 „	288 „
„ 1870—73 „	60 „ 29 „	318 „
„ 1874—82 „	126 „ 7 „	482 „

Глядя на эти цифры, изъ которыхъ первая выросла за 19 лѣтъ на 326 процентовъ, тогда какъ вторая, послѣ безконечныхъ потугъ, едва могла подняться на 51 процентъ, невольно приходится заключить, что еслибы крутому, съ 1864 года, повороту въ питейной политикѣ предшествовало хоть такое же мѣстное изслѣдованіе, какое было сдѣлано, по почину Н. Х. Бунге, въ 1882 г., то еще вопросъ—рѣшилось ли бы тогдашнее правительство повѣрить на-слово „исторіографамъ“ и отягчить тщедушные наши кабаки такими налогами, очевидная непосильность которыхъ только и вела къ систематическому ихъ развращенію. Дѣйствительно: нѣкоторыя изъ губернскихъ комисій представили въ этомъ отношеніи такія цифровыя данныя, изъ которыхъ прямо вытекаетъ, что *вести свое дѣло честно нашъ кабачикъ не можетъ, еслибы даже и хотѣлъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ долженъ подвергнуться или дефициту, или голодовкѣ*. Такъ, полтавская комисія, принявъ за норму оборотовъ сельскаго кабака 400 ведеръ вина, сосчитала, что въ приходѣ у кабачика будетъ

*) Не слѣдуетъ забывать, что въ губерніяхъ съ земскими учрежденіями патенты оплачиваютъ еще дополнительный сборъ въ 25 процентовъ въ пользу земства; а въ городахъ, управляющихся по положенію 1870 года,—новый дополнительный сборъ въ 20 процентовъ въ пользу городской кассы, откуда и вытекаетъ, что уѣздному кабаку приходилось платить средняго патентнаго сбора 157 р. 59 коп., а городскому—182 р. 80 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

въ 1887 году. (Годъ шестой).

Журналъ издается въ 1887 г. подъ прежней редакціей, при уч прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензур**

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгам 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличен размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій. Подписная ц остается прежнею: **12** р. за годъ безъ доставки; **13** р. съ достав въ С.-Петербургѣ; **14** р. съ перес.; **16** р. съ пересылкою за гран

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ дакціи (Поварской переулокъ, д. № 5); **въ Москвѣ:** въ книжномъ газинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ кни Печковской, Петровскія линіи; **въ Варшавѣ**—въ книжномъ магазинѣ Карбасникова; а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только ли лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополу кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи по чет гамъ, отъ часу до двухъ.

БИБЛІОТЕКА СОБРАНІЯ

нымъ заведеніямъ трактирнаго типа, для которыхъ создало даже особое самоуправленіе. А кабачикъ смекнулъ, что никакія силы не могутъ заставить человѣка ѣсть, когда ему хочется пить, и тратить четвертакъ, когда въ карманѣ пятачокъ,—и въ самое короткое время всѣ питейныя заведенія, не исключая привилегированныхъ дононовскихъ, милютинскихъ и tutti quanti, до такой степени окабачились, что, по общимъ отзывамъ и акцизнаго надзора, и многихъ губернскихъ комисій, „*трактиры сдѣлались хуже кабаковъ*“. Управляющій акцизными сборами Рязанской губерніи высказался даже и противъ чайныхъ лавокъ, потому что и въ нихъ „*подъ видомъ чая подается въ чайникахъ вино*“ (стр. 140), да вдобавокъ еще трактирныя депутаціи до того насѣли на города, что тѣ не знаютъ уже, какъ съ ними и быть. Дальнѣйшія попытки государства обуздать кабакъ и пьянство искусственной дороговизной расплодили такую массу питающихся корчемной дешевкой безпатентныхъ шинковъ, что число извѣстныхъ только акцизному надзору *въ два съ половиною раза превысило цифру патентованныхъ*. Много разъ послѣ 1863 года государство усиливало штаты всяческаго за ними надзора, но успѣха, какъ и предсказывалъ государственный совѣтъ, не послѣдовало, именно потому, что, когда народъ предъявляетъ спросъ только на дешевку, то въ какую бы щель она ни просачивалась, онъ укроетъ эту щель отъ всякаго нескромнаго глаза: случаи открытія тайныхъ кабаковъ въ самомъ волостномъ правленіи или въ квартирѣ урядника, случаи поджога тѣхъ офиціальныхъ блюстителей, которые осмѣливались иногда выдавать тайныхъ шинкарей, наконецъ даже случаи затравливанія собаками и прямаго избіенія слишкомъ усердствовавшихъ надзирателей, по несчастію, не рѣдки въ исторіи нашей питейной торговли за послѣднее двадцатилѣтіе, и никто, конечно, не рѣшится утверждать, чтобы подобные случаи возможно было признавать болѣе терпимыми, нежели самый грязный кабакъ, хотя бы потому, что послѣдній въ дѣлѣ „всенароднаго пьянства“ оказался и у насъ, какъ вездѣ, не причемъ. Херсонская комисія со счетами въ рукахъ доказала, что „*гдѣ больше питейныхъ заведеній, тамъ меньше пьянства*, и наоборотъ—гдѣ меньше кабаковъ, тамъ больше процентъ разстроившихся хозяйствъ, если даже и допустить, что разстроились они отъ пьянства, а не отъ другихъ причинъ“ (стр. 418—419). То же самое подтверждено было въ совѣщаніи при министерствѣ финансовъ относительно земли Войска Донскаго (журн. стр. 15). Напротивъ, ставропольская комисія удостовѣрила, что запрещеніе питейной торговли въ калмыцкихъ улусахъ только и повело къ тому, что „калмыки гораздо болѣе русскаго населенія предаются необузданному пьянству“; а оренбургская—что, при существующей системѣ торговли, „наклонность къ крѣпкимъ напиткамъ замѣчается даже въ средѣ магометанъ“ (стр. 348), которые очень недавно еще были вовсе непричастны этому грѣху, въ силу своей религіи.

Къ сожалѣнію, и это fiasco не помогло. Какъ ни было очевидно, что человѣку, нуждающемуся въ ситцѣ, нельзя навязать батиста, государство рѣшилось пойти еще дальше по избранному

пути, установивъ въ самомъ законѣ видимо несогласныя съ достоинствомъ человѣка денежныя поощренія доносительству. Оказалось, что именно главный потребитель „отвратительной сивухи“ на эту ловушку и не пошелъ: ковенская комисія удостовѣрила, что, не взирая на объявленную премію въ 50—100 руб. за одно только заявленіе о существованіи тайнаго винокуренія, никто изъ сосѣднихъ поселянъ не явился сказать надзору о тридцати девяти открытыхъ имъ тайныхъ заводовъ, о существованіи которыхъ они, конечно, не могли не знать, такъ какъ получали отъ нихъ и плату за помѣщеніе, и даровую барду, и излюбленную дешевку. Со своей стороны, управляющій акцизными сборами въ Тульской губерніи заявилъ, что „крестьяне никогда не выдаютъ лицъ, тайно торгующихъ виномъ, а, напротивъ, всегда ихъ скрываютъ“, какъ своихъ благодѣтелей. „Практика показываетъ (говоритъ тамбовская комисія), что, не смотря на приманку закона, по которому половина денежныхъ взысканій отдается открывателямъ, доносителей изъ числа крестьянъ бываетъ вообще очень мало, какъ по неохотѣ простаго русскаго человѣка къ кляузамъ, такъ и по ловкости самихъ нарушителей питейнаго устава“.—„Можно съ увѣренностью сказать (объясняетъ могилевская комисія), что въ каждой деревнѣ, на всѣхъ перекресткахъ, на постоялыхъ дворахъ, въ лѣсныхъ мѣстностяхъ,—вездѣ, гдѣ это сколько нибудь выгодно, производится безпатентная продажа питей; дошло до того, что можно видѣть еврея, который имѣетъ при себѣ бутылку водки и при встрѣчѣ съ крестьяниномъ, везущимъ на рынокъ свои продукты, поитъ его и обдѣлываетъ выгодныя для себя сдѣлки“ (стр. 252).

Достойно замѣчанія, что, въ виду такихъ фактовъ, не только наши сельско-хозяйственныя общества, но и многія губернскія комисіи прямо диктовали, что *только пониженіемъ налоговъ на вино и на мѣста его продажи можно ослабить столь распространившееся зло и увеличить доходы казны*. Мало того,—когда въ берлинскомъ рейхсратѣ происходили жаркія пренія о реваншѣ нашему таможенному тарифу, то министръ Дельбрюкъ умолялъ депутатовъ не слишкомъ распространяться на эту тему, опасаясь, что „*если русское министерство финансовъ вздумаетъ понизить питейный акцизъ и отнять у насъ столь громадную премію нашему винокуренію, то и наши хозяйства придутъ въ такое же запустѣніе, какъ и русскія*“. Однако и эти могучіе голоса не были услышаны. Государство не только увеличило акцизъ на девятую копѣйку, но, подобно опыту 1765 года, рѣшило замѣнить всѣ распивочныя заведенія не-трактирнаго типа ведерными и винными лавками, съ выносною продажей вина въ закупоренной посудѣ, разсчитывая, что, когда не станетъ кабака, то по необходимости россійское человѣчество должно будетъ распивать водку въ своей семьѣ, подъ ея благотворнымъ контролемъ. А кабачикъ сообразилъ, что между винной лавкой и семьей найдется немало промежуточныхъ этаповъ, если не прямо на улицѣ, то *подъ пріятельской* крышей сосѣда или сосѣдки, — и началось *„питье по телеграфу“*, благодаря которому никогда еще не выдѣ-

лывалось на нашихъ заводахъ столько ссужаемыхъ съ закупоренной посудой телеграфныхъ стаканчиковъ, какъ въ настоящее время. Мѣстами завелись и бичевочные телефоны, по которымъ изъ винной лавки подаются сосѣду или сосѣдкѣ условленные сигналы и которые доставляютъ становымъ тѣмъ большее „удовольствіе“, что никакихъ на этотъ счетъ запрещеній еще не послѣдовало.

Во всей этой исторіи борьбы государства съ кабакомъ едва ли не самымъ поучительнымъ явленіемъ было то, что ни на одну секунду не прекращались ни сѣтованія на якобы сокрушающее насъ пьянство, ни всевозможныя жалобы на кабачика, какъ на „вампира“ и „благонадежнаго скотобоя“, который тѣмъ только и провинился, что вынужденно расширилъ свои „комерческіе обороты“ и велъ ихъ отнюдь не хуже первѣйшихъ нашихъ „стеценствъ“. Забывалось то практическое соображеніе, что въ такихъ низменныхъ сферахъ прямымъ послѣдствіемъ всякаго навязаннаго позора является стремленіе „заслужить“ его и нравственный свой дефицитъ пополнить хоть матеріальнымъ достаткомъ, благо послѣдній создаетъ много удобствъ вездѣ, но еще больше тамъ, гдѣ даже цензы „лучшаго человѣка“ сведены къ обладанію имуществомъ. Результаты не замедлили сказаться: кабачикъ-кулакъ не только уцѣлѣлъ, но смѣло пошелъ на проломъ, опустошилъ множество общественныхъ кассъ, сдѣлался крупнымъ воротилой въ городскомъ самоуправленіи, а въ послюднее время все чаще сталъ присосѣживаться и къ земскому пирогу. Дошло до того, что въ истекшей сессіи нѣкоторыя земскія собранія остановились даже на мысли ходатайствовать передъ правительствомъ объ обузданіи вездѣсущаго и всезаѣдающаго кулачества! Такъ, достаточно самой ничтожной микробы, чтобы отравить самый крѣпкій организмъ,—и нужно ли повторять, что этой микробой была искусственная дороговизна вина и мѣстъ его продажи? Добро бы еще она оказалась выгодною хоть для казны. Ничуть не бывало!

ПЕРМСКАГО ОБЛАГОРОДНАГО БИБЛІОТЕКА СОБРАНІЯ

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ „Наблюдателя“).

ЕВРЕЙСКІЯ МЕЛОДІИ

(не-Байрона).

I.

Либералъ изъ „насихъ“.

Я вслѣдъ иду за нашимъ вѣкомъ,
Я далеко не ретроградъ
И съ постороннимъ человѣкомъ
Я подѣлиться.... чувствомъ радъ.
Бѣдамъ его соболѣзную,
Помочь.... совѣтами готовъ,
Не предваривъ—не протестую
Я векселёкъ его, и вновь
Переписать всегда согласенъ.
Не утверждаю, что прекрасенъ
У насъ строй общества—и самъ
Хулю порой его порядки,
И слышать не могу про взятки.
Меня—не уступить мольбамъ
Иль воплямъ бѣдныхъ и слезамъ
Принудитъ лишь необходимость.
Но равноправность и терпимость,
Какъ либеральный человѣкъ,
Я проповѣдую весь вѣкъ.
Врагъ предразсудковъ и рутины,
Въ кругу пріятелей своихъ
Люблю обѣдъ кошерный ихъ,
И если самъ не ѣмъ свинины,

То потому—что въ ней трихины.
Я свыкся съ „гоями“ давно
И въ день субботній я равно
Охотно деньги получаю,
Подряды, сдѣлки заключаю.
Христіанина иль жида
На этихъ сдѣлкахъ иногда
Я равномѣрно проучаю,
Чтобъ онъ впередъ умнѣе сталъ....
Такъ чѣмъ же я не либералъ?...

II.

Современный псаломъ.

Въ странѣ изгнанья, въ Вавилонѣ
Чухонскомъ, на чужой рѣкѣ,
Мы о родномъ своемъ Сіонѣ
Не сокрушаемся въ тоскѣ,
Хоть на вѣтвяхъ плакучей ивы
Виситъ безмолвенъ нашъ псалтырь:
Вѣдь пѣсни было бы плаксивы
Въ странѣ холодной, какъ Сибирь.
—Воспойте пѣсни Іеговы!
Что̀ вамъ до мелочныхъ потерь!
Намъ говорятъ.—Какъ можно! Что̀ вы!
До Іеговы ли намъ теперь!
Отсохнетъ пусть моя десница,
Когда тебя забуду я,
Моя пріневская столица,
Вторая родина моя.
Хоть ненавидимъ мы, какъ прежде,
Твоихъ сыновъ и весь твой родъ,
Но жили все же здѣсь—въ надеждѣ
Разжиться вновь на ихъ же счетъ,
И вскорѣ здѣсь изъ поселенцевъ
Мы господами стали вновь,
Всѣхъ обирая—отъ младенцевъ
До одряхлѣвшихъ стариковъ.
И вдругъ теперь, хоть плачь, хоть трескни,
Уйти должны отсюда мы...

Какія-жъ пѣть мы можемъ пѣсни?—
Лишь вавилонскіе псалмы!....

III.

Паразитамъ Россіи.

О чемъ шумите вы, противники Мессіи?
Зачѣмъ *херимомъ* вы грозите всей Россіи?
Что̀ взволновало васъ? Изгнанье изъ столицъ?
Ужели оттого и жалобы, и стоны,
И столько вытянутыхъ лицъ?...
Иль въ первый разъ вамъ обходить законы
И въ нихъ лазейки находить?
Ужели „ублаготворить"
Нельзя уже ничѣмъ блюстителей порядка?
Ужели на Руси уже безсильна взятка?
Иль рыцарей неробкаго десятка
Вы не успѣли въ ней настолько расплодить,
Чтобъ здѣсь хозяйничать кагаломъ на просторѣ?..
Для васъ вѣдь это не вопросъ:
Еврейскіе ручьи сольются-ль въ русскомъ морѣ,
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Вертлявый жидъ иль добродушный россъ?!!...
Вы не напрасно изучали
Гешефта древнія скрижали,
Вамъ племенная не чужда
Къ Россіи вѣчная вражда.
Знакомы вамъ и Кремль, и Прага,
Не выживетъ отсюда васъ
Борьбы отчаянной отвага...
Но ненавидите вы насъ.
За что-жъ? отвѣтствуйте! за то ли,
Что не могли, какъ гнѣзда моли,
Изъ Петербурга и Москвы
Васъ вытравить? что въ нихъ на волѣ
Обильно расплодились вы,
Что истощили, развратили
Вы всюду бѣдный нашъ народъ,
Что язвой вы Россіи были
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ?

Васъ гнали *на словахъ*, но холили *на дѣлѣ*.
Напрасно противъ васъ законами гремѣли—
Смѣшенъ вамъ былъ негодованья крикъ.
Закона русскаго для васъ безсильно слово,
Съ Россіей спорить вамъ не ново—
И русскій ужъ давно вамъ уступать привыкъ.
Въ Россіи-ль мало васъ?.. Отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До неподвижнаго Китая—
Кишитъ изъ края и до края
Жидами русская земля.
Такъ высылайте-жъ намъ, противники Мессіи,
Свои кагалы вновь и вновь—
Найдется мѣсто имъ средь родственной стихіи
Грабителей и выродковъ Россіи,
Средь банковскихъ и биржевыхъ дѣльцовъ...

Не-Пушкинъ.

ПЕРМСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО
БИБЛІОТЕКА
СОБРАНІЯ

СОДЕРЖАНІЕ № 3-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

	стр.
I. Загородная прогулка. Эскизъ І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго).	5
II. Разскажи... Стихотвореніе Л. И. Пальмина.	15
III. Вольные и невольные слуги московскихъ государей. В. И. Сергѣевича. (*Окончаніе*).	17
IV. Безвозвратно. Разсказъ Остоя.	39
V. Безсиліе сильнаго. Стихотвореніе П. В. Быкова	67
VI. Дѣдкина жена. (Этюдъ съ натуры). Б. Махрова.	69
VII. Семья богатырей. Романъ Вас. Ив. Немировича-Данченко. (*Продолженіе*)	93
VIII. Герои легкой наживы. (Les reins cassés). Романъ Эрнеста Додэ. (*Продолженіе*).	126
IX. Волкъ въ овечьей шкурѣ. К. В. Назарьевой. (*Окончаніе*).	176
X. Невѣста Нила. Романъ Георга Эберса.	200
XI. Паспортная система въ Россіи. Л. Ляховецкаго. (*Окончаніе*).	263
XII. Письма изъ Флориды. А. П. (*Окончаніе*).	282
XIII. Жизнь для другихъ. Романъ П. Гейзе.	298
XIV. Свѣтильникъ. Стихотвореніе К. Фофанова.	326

Современное обозрѣніе.

XV. Русская драма на новомъ пути. Евгенія Гаршина.	1
XVI. Очерки иностранной литературы. В. З.	6
XVII. Политическая хроника	24
XVIII. Новыя книги	41
XIX. Наши внутреннія дѣла	45
XX. Фонографъ (фельетонъ „Наблюдателя“). Еврейскія мелодіи Не-Пушкина.	70

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ:

«НАРОДНАЯ ШКОЛА»

ВЪ 1887 ГОДУ.

(Девятнадцатый годъ).

Центр... ДЛЯ КН... им. ГОРЬКО...

...налъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по ...жденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства ...роднаго Просвѣщенія; удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоя... при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ, и почетнаго отзыва — отъ комисіи экспертовъ на Славянской педагогической выставкѣ въ Карлинѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» издается въ 1887-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, ...участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодатель... по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія ...роднаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** ...ъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журна...хъ. Онъ заключаетъ въ себѣ — кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій — ...матическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе ...ресныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ ...мъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго ...зованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, ...ъ рубрикою «**Разныхъ извѣстій**», любопытные для народнаго учителя факты ...общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству ...другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда вхо...ъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго раз...за о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предм...амъ знанія и пр.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» выходитъ въ 1887 году, по прежнему, ежемѣ...ными книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго ...рифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пять...сятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка ...нимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», ...варской переулокъ, д. № 5; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, ...ховая, противъ Университета, и въ конторѣ г-жи Печковской, Петровскія ...ліи. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, ...писавшимися въ главной конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ ...шего журнала за 1878—79—82 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недо...тку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предла...етъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто ...½ руб. за три года, **по 9 руб. съ пересылкою.** При подпискѣ же на 1887 ...ъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 13 руб.

За 1880, 1881, 1883, 1884, 1885 и 1886 гг. журналъ выписывается по ...*инальной стоимости.*

Редакторъ-Издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

въ 1887 году. (Годъ шестой).

Журналъ издается въ 1887 г. подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличены до размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій. Подписная же цѣна остается прежнею: **12** р. за годъ безъ доставки; **13** р. съ доставкой въ С.-Петербургѣ; **14** р. съ перес.; **16** р. съ пересылкою за границу.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5); **въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи; **въ Варшавѣ**—въ книжномъ магазинѣ Карбасникова; а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

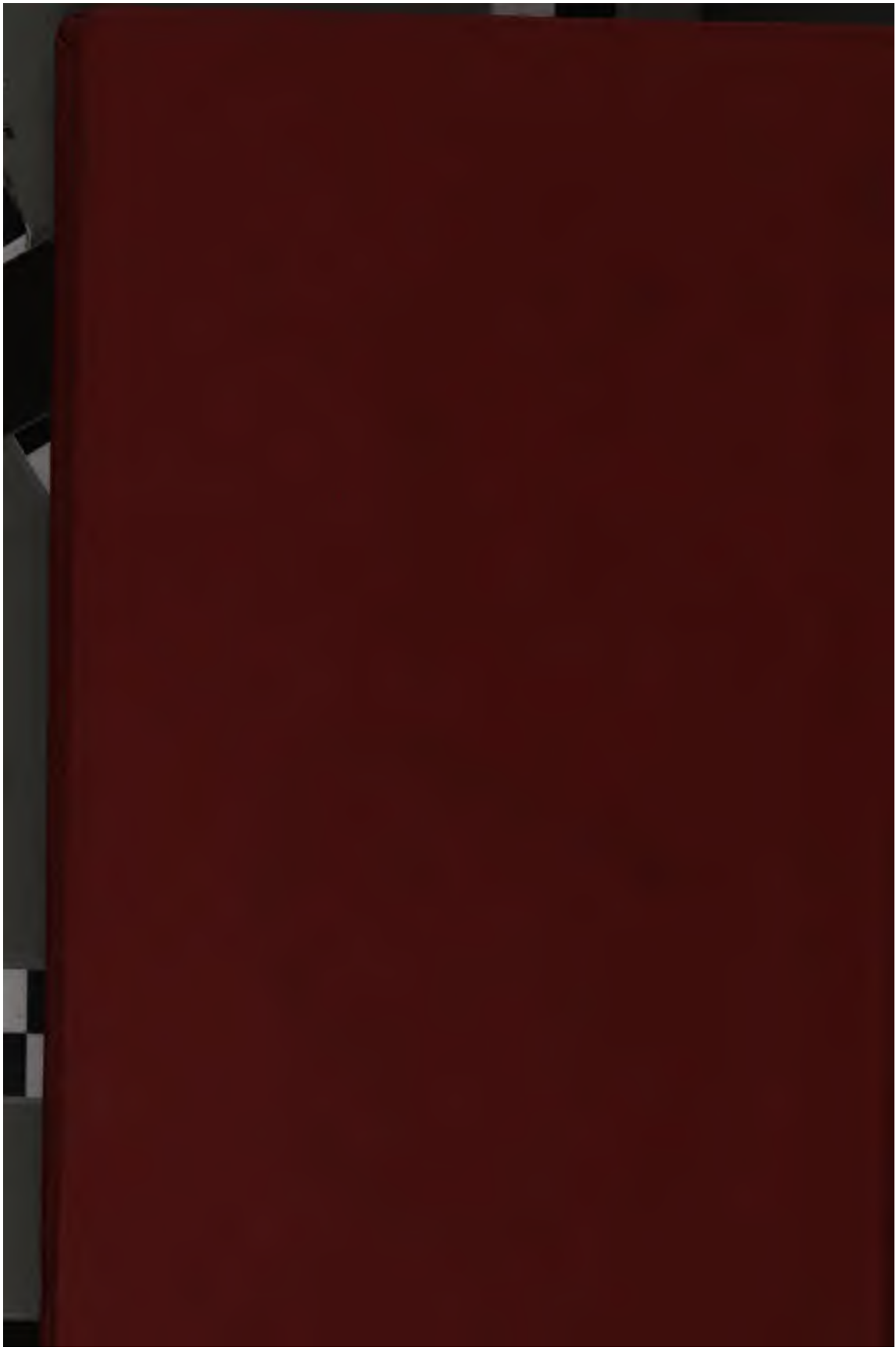
Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополудни, **кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи по четвергамъ, отъ часу до двухъ.**

БИБЛІОТЕКА СОБРАНІЯ

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

Stanford University Libraries
3 6105 004 943 804

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-600
(415) 723-9201
All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D APR 28 1994
JUN 24 1994